

87.7
С 48

СЛОВАРЬ ПО ЭТИКЕ

ПОЛИТИЗДАТ

СЛОВАРЬ ПО ЭТИКЕ

Под редакцией
И. С. КОНА

Издание четвертое

Москва
Издательство
политической литературы
1981

О Т Р Е Д А К Ц И И

В словаре применяется единая система отсылок и обычные для справочных изданий сокращения (их список приводится ниже). Название статьи в тексте заменяется первой буквой, а отсылочные слова, о которых в словаре имеется специальная статья, выделены курсивом.

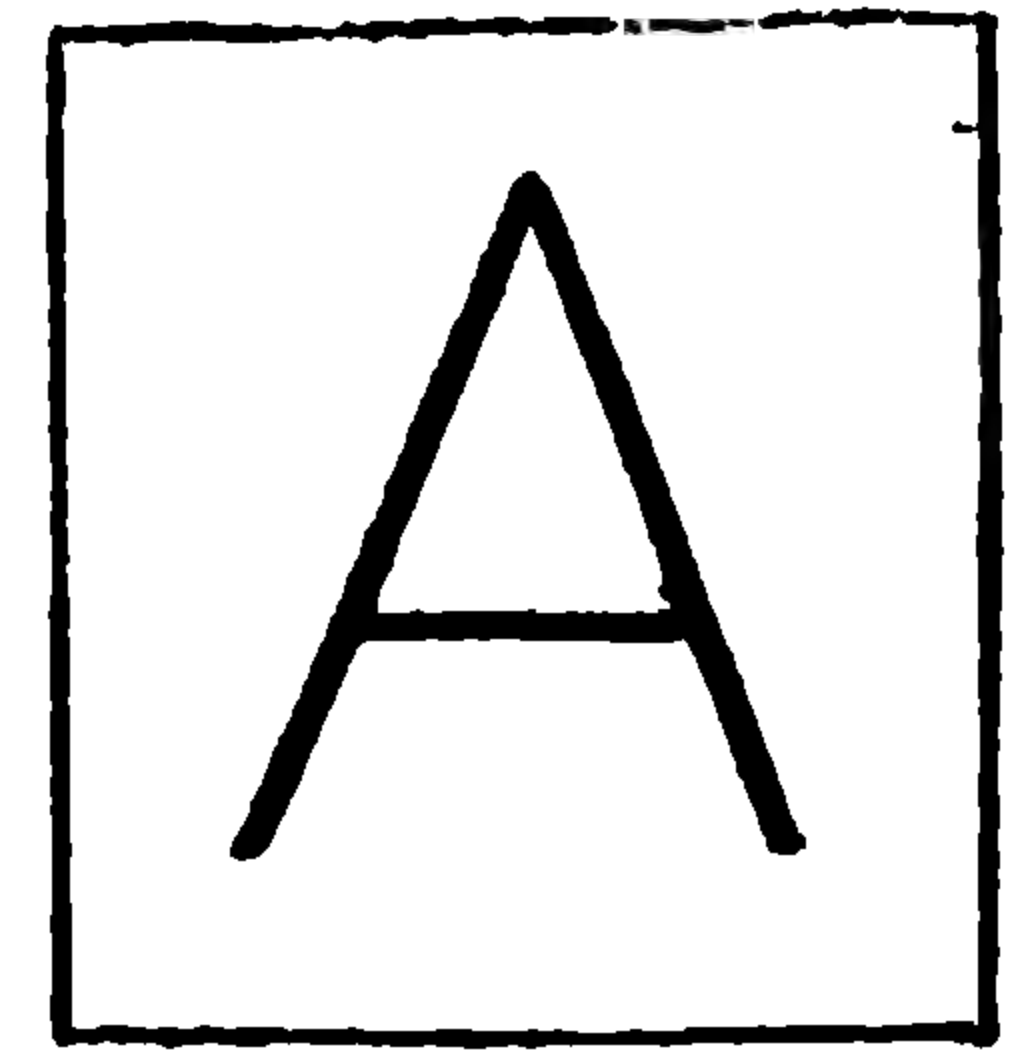
Высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса приводятся по второму изданию Собрания сочинений, В. И. Ленина — по Полному собранию сочинений, за исключением случаев, когда это специально оговорено.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ, ПРИНЯТЫХ В СЛОВАРЕ

австр. — австрийский
амер. — американский
англ. — английский
в. (вв.) — век (века)
гл. — главный
гл. обр. — главным образом
г. (гг.) — год (годы)
греч. — греческий
древн. — древний
др. — другие
инд. — индийский
и т. д. — и так далее
итал. — итальянский
и т. п. — и тому подобное
к.-л. — какой-либо
кит. — китайский
к-рый — который
лат. — латинский
мн. — многие, много
наз. — называется, называемый
напр. — например
н. э. — нашей эры
нек-рый — некоторый

нем. — немецкий
нидерл. — нидерландский
об-во — общество
осн. — основной
произв. — произведение
проф. — профессор
р. — родился
рус. — русский
см. — смотри
совр. — современный
соч. — сочинения
ср. — сравни
с. — страница
т. е. — то есть
т. зр. — точка зрения
т. — том
т. к. — так как
т. наз. — так называемый
т. обр. — таким образом
ун-т — университет
фр. — французский
ч.-л. — что-либо
швейц. — швейцарский

С $\frac{10507-198}{079(02)-81}$ 133—81 0302050000

АБЕЛЯР (Abélard) Пьер (1079—1142) — фр. богослов и философ, представитель средневекового свободомыслия. А. выдвинул требование разумного толкования религиозных догматов. Он подчеркивал, что средством отыскания истины является сомнение: разум имеет право отклонять все ошибочное в произв. церковных авторитетов и лишь в случае неразрешимых противоречий избирать доводы того авторитета, к-рые сочтет более убедительными. «У Абеяра главное — не сама теория, а сопротивление авторитету церкви. Не „верить, чтобы понимать“... а „понимать, чтобы верить“...» (Архив Маркса и Энгельса, т. X, с. 300). В соч. «Познай самого себя, или Этика» А., в противоположность *Августину*, доказывает, что человек по свободной воле может не только грешить, но и быть добродетельным. Совесть — естественный закон, присутствующий всем людям и выступающий критерием нравственности: поступок по совести не является греховным. С необычайной страстью А. отстаивает ценность человеческой личности, ее право на са-

мостоятельность и счастье, осуждает бесчеловечность ортодоксальных богословов, к-рая зиждется на невежестве и нетерпимости. Его учение было осуждено Суассонским (1121) и Санским (1140) соборами и папой Иннокентием II прежде всего за антавторитарные тенденции: именно в этом пункте воззрения А. особенно близко соприкасались с народными ересями.

АБСОЛЮТИЗМ (этический) (лат. *absolutus* — безусловный) — методологический принцип истолкования природы нравственности, лежащий в основе мн. домарксистских и нек-рых совр. буржуазных этических теорий. Моральные принципы, понятия *добра* и *зла* сторонники А. трактуют как извечные и неизменные, абсолютные начала (законы вселенной, априорные истины или божественные заповеди), не связанные с условиями общественной жизни людей, с их потребностями, с историческими законами развития человечества. В отличие от *релятивизма*, к-рый обычно выражал протест против канонизации и догматизации господствующей морали, А. мог иметь двойкий смысл. С одной

стороны, его сторонники часто выступали против относительности и условности господствующей морали, ее беспринципности и подчинения политическим интересам правящих групп; в противовес деградации нравов привилегированных классов они выставляли непреложные законы морали, должны соблюдать всеми. Но, с др. стороны, такая критика господствующей морали не отрицала ее в принципе, а лишь обосновывала представление о ее незыблемости и универсальности. Поэтому абсолютисты приходили иногда к моральному догматизму и ригоризму. Абсолютистский взгляд на нравственность получает развитие еще в древности. Сократ, Платон, Евклид Мегарский трактуют добро как абстрактную, вечную идею, противоположную всему изменчивому и обусловленному в материальном мире вещей. Абсолютистские воззрения на природу морали присущи также христианскому учению в целом, хотя и не всегда проводились с равной последовательностью. Обоснование морали феодального, а затем буржуазного общества ссылкой на волю или разум бога имело целью придать этой морали абсолютное значение, поставить ее вне конкретно-исторических условий. Идеи А. проводятся и в нек-рых светских этических учениях нового времени. Так, англ. философ Шефтсбери доказывал, что представления людей о нравственности имеют врожденный характер, неизменны и не мо-

гут быть обоснованы ссылками на человеческие интересы и общественную пользу (*Нравственного чувства теории*). Принцип А. развивают в своей этике Кант, а также Спенсер. Примером совр. направления буржуазной философии морали, где обосновываются идеи А., может служить интуитивизм — этическая теория, в к-рой доказывается, что моральные понятия добра и долга неизменны и безусловны, что осн. моральные истины постигаются как «самоочевидные» и не нуждаются в доказательствах. Марксистско-ленинская этика противопоставляет А. принцип конкретно-исторического подхода к обоснованию природы нравственности, связывая ее с социальными условиями жизни людей, с их интересами и потребностями. Всякий моральный принцип возникает исторически, на определенной ступени общественного прогресса. И если он сохраняет свое значение для последующих эпох, то при этом наполняется новым, более конкретным и гуманным содержанием, отвечая более широким историческим возможностям прогрессивных классов. Так, коммунистическая нравственность воспринимает все лучшее из морали человечества в прошлом и развивает его содержание в направлении полной социальной справедливости.

АВГУСТИН (Augustinus) Блаженный Аврелий (354—430) — христианский теолог, епископ, один из «отцов церкви» (у католи-

ков), жестокий преследователь еретиков, автор нескольких сот произв.; крупнейшие из них: «О святой троице» и «О граде божием». Воззрения А. — один из гл. источников ранней схоластики и учения Римской церкви. Утверждая, по определению *Плеханова*, «теологическое понимание истории», А. подчеркивал противоположность исходных принципов, разделяющих земное и небесное: «...два града созданы двумя родами любви: земное царство создано любовью человека к самому себе, доведенной до презрения к богу, а небесное (церковь) — любовью к богу, доведенной до презрения к самому себе». Учение о предопределении, о божественной благодати, о сущности высшего блага и высшего зла (первое — в вечной жизни, второе — в вечной смерти, оба за границами земного существования) определяют осн. принципы религиозной этики А.: бог — источник и критерий нравственности, к-рая противоположна земной чувственности, вся полнота добра воплощена в боге, источник зла — первородный *грех*, «каинова печать» на роде человеческом. Активность личности, выражающаяся в ее свободной воле, со времени грехопадения имеет исключительно отрицательный смысл, влечет ее к греху, поэтому истинный христианин истребляет в себе «греховное своеволие», он — раб божий, ничтожный червь, прах перед всемогущим. Христианские добродетели, по А., — последовательное от-

рицание языческих добродетелей («переряженных пороков»). Это — пассивность индивида вместо активности, смирение вместо мужества, вера во всемогущество бога вместо мудрости, нерассуждающая любовь к богу вместо справедливости и надежда на небесное спасение. Т. обр., А. требует крайнего *аскетизма* и отказа от собственной индивидуальности, беспрекословного следования предначертаниям бога, возвещаемым его служителями. В своей «Исповеди», пронизанной религиозной экзальтацией, А. на собственном примере стремился показать тщетность человеческих усилий, неспособность человека освободиться от греха до тех пор, пока он не отдастся безраздельно провидению и не выступит орудием божественной воли. Только обратившийся к богу может надеяться на спасение, поэтому для блага самих еретиков они должны быть возвращены в лоно церкви силой. Трактаты А. против донатистов и пелагианцев, его *фанатизм* и *авторитаризм* послужили источником теории и практики инквизиции. Идеи А. используются и совр. буржуазными теологами.

АВРЕЛИЙ (Aurelius) Марк (121—180) — римский император, философ стоической школы (*Стоицизм*). Единственное его соч. «Наедине с собой» содержит изложенные в афористической форме размышления о нравственности, к-рую А. не отделяет от религии. Основа нравственного поведения

человека заключена, по мнению А., в его разуме («внутреннем гении»), являющемся порождением и частью мирового божественного разума. Последний обуславливает гармоничный, справедливый порядок во вселенной, в к-рый и должен включиться человек, следующий своему разумному «руководящему началу». Хотя все люди, независимо от национальной и классовой принадлежности, являются членами некоего вселенского «вышнего града», каждый из них по-своему распоряжается разумом. По мнению А., ничто из того, что обычно вызывает наслаждение и страдание у людей (богатство и бедность, слава и бесчестье, жизнь и смерть), не может оцениваться в категориях добра и зла, поскольку они падают на долю как достойных, так и недостойных. Истинно разумно и, следовательно, нравственно поступает, с его т. зр., лишь тот, кто отбрасывает суетные стремления к внешним благам, стоит выше страстей и рассматривает все происходящее как проявление мирового космического закона. Всякая попытка изменить ч.-л. в мире, нарушить «план целого» подлежит осуждению, ибо направлена на совершение несправедливости по отношению к природе и об-ву. Хотя А. мн. говорит о социальных обязанностях человека, о необходимости быть преданным общему благу («не приносящее пользы улью не принесет ее и пчеле»), его этика глубоко индивидуалистична: счастье

и несчастье человека не зависят от др. Достигнуть нравственного совершенства помогают только углубление в самого себя, постижение природы целого и осознание быстротечности человеческой жизни, мысли о неотвратимости смерти. Проникнутое пессимистически-ми мотивами, призывающее к покорности и терпению, этическое учение А. оказало влияние на формирование этики христианства.

АВТОНОМНАЯ ЭТИКА (греч. autos — сам и nomos — закон) — тип этической теории, к-рая обосновывает мораль, исходя из ее собственных законов, придает ее принципам самодовлеющий смысл; противостоит гетерономной этике (греч. heteros — иной), объясняющей нравственность из внешнего по отношению к ней начала. Примерами гетерономной этики могут служить *гедонизм, эвдемонизм, утилитаризм*, согласно к-рым нравственность имеет производный характер и выводится соответственно из понятий наслаждения, *счастья*, пользы. Идея А. э. содержится уже в воззрениях англ. моралистов XVII—XVIII вв. (*Шефстбери, Хатчесон* и др.), в к-рых постулировалось существование особого морального чувства, независимого как от социальных условий, так и от телесной организации человека; тем самым мораль интерпретировалась как нечто изначальное. Развернутое обоснование автономности морали было дано *Кантом*. В противовес преобладающей этической традиции и в прямой полс-

мике со взглядами фр. материалистов, выводивших мораль из «природы человека», Кант приписывает ей доопытный, априорный статус: не нравственные принципы должны быть приведены в соответствие с фактами человеческого бытия, а, напротив, само человеческое бытие должно стать воплощением изначально самоочевидных нравственных принципов. Своим выводам Кант придает также моралистический смысл, полагая, что поведение является нравственным только тогда, когда оно мотивировано исключительно уважением к нравственному закону (*категорический императив*) и свободно от внеморальных побуждений — себялюбия, стремления к счастью, социально-престижных моментов и т. д. Идея А. э. в той или иной форме заимствуется различными школами совр. буржуазной этики (*интуитивизм, неопротестантизм, экзистенциализм* и др.). А. э. является морализирующей формой (*Морализирование*) идеализма и как таковая подвергается принципиальной критике со стороны марксистского материализма. Отрицание автономности морали не означает, однако, перехода на т. зр. ее гетерономного истолкования. Сама дилемма автономности и гетерономности является ложной, исторически ограниченной. Мораль в ее научном, марксистском толковании отражает социально-историческую необходимость, выражает объективные интересы классов, общественных групп; источник морали

находится за ее пределами, и в этом смысле она гетерономна. Вместе с тем мораль имеет свою специфику, собственную логику развития, она относительно самостоятельна, не выводится непосредственно из объективно-экономических факторов, т. е. в определенной степени автономна. Внутренняя активность морали проявляется, в частности, в реальном механизме поведения. Моральные установки, принципы и идеалы социалистической личности вдохновляются коренными, перспективными целями об-ва и поэтому часто противостоят требованиям текущего момента, ситуативным интересам, соображениям личной выгоды.

АВТОРИТАРИЗМ (лат. *autoritas* — власть, приказание) — одна из форм *догматизма* в морали, проявляющаяся в способе обоснования нравственных требований. Авторитарное понимание нравственности исходит из того, что высшим или даже единственным обоснованием ее требований является указание на авторитетное лицо, от которого эти требования исходят (*Авторитет*). Наиболее характерен А. для религиозных учений нравственности, в к-рых высшим критерием и основанием морали объявляется воля бога. Так, *неопротестантизм* единственным источником нравственных требований считает абсолютную волю бога, к-рую нельзя подвергнуть рациональному анализу. С этой т. зр. неправомерно даже ставить вопрос о том, почему поступки, повелеваемые бо-

гом, являются добром или почему бог повелевает людям совершать определенные действия. Реакционная сущность А. заключается в том, что он предполагает слепое выполнение предписанных свыше моральных требований, без понимания их социального смысла. Марксистская этика считает, что моральные требования имеют не субъективный источник (чья-то воля или приказ), а объективное основание. В конечном счете это исторические законы развития об-ва и человека. Обязующая сила моральных требований зависит не от того, кто именно их высказывает, а от того, насколько правильно высказанные требования выражают объективные потребности людей и законы их общественного бытия. В этом состоит одно из отличий морали от права, где норма обретает силу в результате официального законодательства государства (*Мораль и право*).

АВТОРИТЕТ (лат. *autoritas* — власть, влияние). — 1. Форма *дисциплины*, способ регулирования и направления деятельности людей посредством влияния, к-рое оказывают на их убеждения и поведение отдельные лица, группы лиц, организации (т. наз. носители А., к-рых также иногда именуют «авторитетами»). 2. Отношение, возникающее между носителями А. и массой остальных людей. В зависимости от сферы общественной жизни, в к-рой проявляется А., и способа, каким осуществляется влияние на людей, различают эко-

номический, правовой, политический, духовный, моральный, профессиональный, научный и др. виды А. Об-во, указывает Ф. Энгельс, не может существовать без различного рода А., иначе оно превратилось бы в нечто аморфное, хаотическое. В жизни первобытного об-ва большое значение имел А. старейшин. С возникновением классов первоочередную роль начинает играть политический и правовой А. государства, опирающийся на насилие и различные формы экономического принуждения. В сфере идеологии А. наделяются санкционированные господствующими классами идеи, учения, догматы. В религии абсолютным авторитетным началом является бог, за идеей к-рого в действительности скрывается духовный А. господствующего класса. Особую роль в жизни об-ва занимает **нравственный авторитет** — это духовная власть над сознанием людей, к-рой обладают лица и организации в силу присущих или приписываемых им моральных достоинств. Естественно, что сами эти достоинства толкуются в зависимости от интересов того или иного класса. Для совр. буржуазного сознания характерны две тенденции в толковании А. С одной стороны, это *авторитаризм* — провозглашение безусловной веры в непогрешимость носителя А. и слепое повиновение ему; в этом отношении особенно характерна фашистская идеология «вождизма». С др. стороны, ши-

роко распространены настроения крайнего *нигилизма* — отрицание значения всякого, в т. ч. и морального, А. в жизни об-ва во имя «абсолютной свободы личности». Эти две лишь внешне противоположные, а на самом деле взаимосвязанные тенденции присутствуют в различных буржуазных философских теориях, у философов разных стран (*Ницше, Бергсон, Ясперс*). Коммунистическая нравственность исходит из того, что подлинный моральный А. можно завоевать лишь последовательным служением интересам народа, его нельзя декретировать свыше. Такому А. в корне противоположен культ личности — вера в непогрешимость отдельных авторитетных лиц и слепое следование их воле. А. должен основываться на трезвой оценке деятельности лиц и организаций. А. коммунистических партий и их общепризнанных руководителей в массах основывается на их ведущей роли в борьбе за освобождение трудящихся.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТУИТИВИЗМ — см. *Интуитивизм*.

АКСИОЛОГИЯ (этическая) (греч. *axia* — ценность и *logos* — учение) — теория, рассматривающая философские вопросы моральных *ценностей*. В качестве особой философской дисциплины А., изучающая проблемы экономических, эстетических, моральных, исторических и др. ценностей, возникла сравнительно недавно, во второй половине XIX в., а сам термин «А.» был введен лишь в начале

XX в. фр. философом П. Лапи. Однако различные вопросы, касающиеся природы ценностей, ставились на протяжении всей истории философии, начиная с древности. Как область этики, А., изучающую проблемы добра и зла, иногда отличают от *деонтологии* — теории долга. Осн. вопросы моральной А.: что такое добро, представляет ли оно собой объективное свойство определенных человеческих поступков или просто приписывается им нравственным сознанием? Каким способом люди усматривают добро и зло в поступках (оценивают их)? Каковы происхождение и природа понятия добра в моральном сознании людей? В истории этических учений известны различные способы истолкования природы и происхождения моральных ценностей — натуралистические, объективно-идеалистические и субъективно-идеалистические. Источник морального добра усматривался то в «человеческой природе», в «естественном» стремлении людей к наслаждению или счастью (*Натурализм, Гедонизм, Эвдемонизм*), то в божественной воле или разуме (*Неопротестантизм, Неотомизм*), в законах и свойствах вселенной, то в чувствах и эмоциональных реакциях людей (*Неопозитивизм, Нравственного чувства теории*). Единственно научное объяснение происхождения и природы моральных ценностей дает историко-материалистическое толкование, предлагаемое марксизмом. Оно исходит из того, что

моральные и всякие др. ценности не являются естественными или сверхъестественными свойствами, а представляют собой специфически социальные явления. Сама по себе природа, рассматриваемая вне жизнедеятельности человека, не обладает никакими ценностями, в ней нет ни добра, ни зла. Достоинство каждого поступка оценивается об-вом как добро или как зло лишь в связи с общественной практикой человека. Эта оценка — выражение присущих об-ву социальных отношений. Напр., мы оцениваем тунеядство как зло, т. к. оно противоречит сущности социалистических отношений. (Подробнее об этом см. *Ценности*.)

АКТИВНОСТЬ (общественная) (лат. *activus* — деятельный) — деятельное отношение человека к жизни об-ва, в к-ром он выступает как инициативный носитель и проводник норм, принципов и идеалов или об-ва в целом или определенного класса, социальной группы. Проявляется в общественно полезной деятельности, в участии в общественных движениях, в разрушении существующих и созидании новых форм социальной жизни. При оценке А. коммунистическая нравственность требует исходить из ее содержания. Активные действия, направленные на осуществление прогрессивных, гуманных идеалов, отвечающие интересам трудящихся, оцениваются положительно (напр., революционная деятельность, трудовой героизм, борьба за утверж-

дение принципов коммунизма, непримиримость к носителям буржуазной морали). И наоборот, деятельность, отвечающая интересам эксплуататорских классов, направленная против передовых идеалов, подвергается осуждению. Преступная деятельность, нарушение норм общечеловеческой нравственности характеризуются как антиобщественная А. В социалистическом об-ве создаются все условия, чтобы общественная А. стала массовым явлением и носила сознательный характер (*Сознательность, Жизненная позиция*).

АЛЬТРУИЗМ (фр. *altruisme* от лат. *alter* — другой) — моральный принцип, предписывающий человеку подавление собственного эгоизма, бескорыстное служение «ближнему», готовность пожертвовать своим интересом в пользу интересов др. В теорию морали термин был введен фр. философом и социологом *Контом*, к-рый положил данный принцип в основу своей этической системы. Конт считал, что моральное усовершенствование об-ва может быть достигнуто путем воспитания в людях особого общественного чувства — А., к-рое должно противодействовать их эгоизму. Подобные идеи развивались и ранее — *Шефтсбери, Хатчесоном, А. Смитом*. Буржуазное понимание А. основывается на представлении, что люди по своей природе являются эгоистами и что эту их «естественную» склонность можно побороть моральным воспитанием человека. Т. обр., харак-

терную для буржуазного об-ва противоположность интересов людей предлагается преодолеть не путем перестройки общественных отношений, а на основе самосовершенствования личности (*Самовоспитание*). Практически же А. в буржуазном об-ве может проявляться лишь как частная благотворительность (*Филантропия*), как оказание бескорыстных услуг «ближнему» в личном плане, вопреки законам экономической деятельности, к-рая необходимо является своекорыстной. При социализме принцип А. сохраняет значение в осн. в области личных взаимоотношений (оказание друг другу различных частных услуг, помощи и т. д.). В сфере же общественно полезной деятельности, в труде, как показал В. И. Ленин, люди служат не их «ближним», а «дальним», т. е. всему об-ву в целом (т. 39, с. 22), иными словами, не просто оказывают услуги отдельным людям, а трудятся во имя блага всего народа. Не отделение и противопоставление своих и чужих интересов, а их конечное единство, обусловленное общностью целей всех трудящихся, лежит в основе принципов коммунистической нравственности (*Коллективизм, Человек и общество*).

АМОРАЛИЗМ (от греч. а — отрицательная частица и лат. *moralis* — нравственный) — моральный принцип, обосновывающий нигилистическое отношение к общественным, и в первую очередь к общечеловеческим, нормам мора-

ли и провозглашающий безнравственность законным способом поведения личности. Формы проявления А. различны. Это может быть откровенный цинизм, *человеконенавистничество*, полная беспринципность в осуществлении эгоистических интересов (*Эгоизм*) или же, наоборот, псевдогуманная терпимость и смирение по отношению к преступным действиям др. К А. следует отнести также признание законным использование любых, в т. ч. безнравственных, средств для достижения якобы моральных целей (*Иезуитизм, Макиавеллизм, Цели и средства*), в частности изуверство (*Фанатизм*), *демагогию*. Наконец, А. может выражать позицию крайнего *нигилизма* индивидуалистически настроенной личности, проявляющей свой протест против лицемерия господствующей морали в форме анархического бунта. Такого рода А., не имея ничего общего с революционным ниспровержением устаревшей морали, ведет к фактическому оправданию безнравственности. Принцип А. неоднократно теоретически обосновывался в истории этики (*Волюнтаризм, Скептицизм, Релятивизм*). В Древн. Греции элементы А. можно найти в моральных учениях киников и нек-рых поздних софистов. В совр. буржуазной этике откровенными проповедниками А. выступили Ницше, затем Л. Клагес, наконец, идеологи фашизма Дж. Джентиле и А. Розенберг. Мотивы А. присутствуют в этиче-

ских учениях *неопротестантизма*, *эмотивизма* (*Неопозитивизм*), в «гуманистической» этике и ряде др. буржуазных теорий. А. в поведении, умонастроениях и в теории особенно распространяется в периоды кризисов и упадка того или иного об-ва (напр., развитие А. на Западе в совр. условиях связано с общим кризисом капитализма, и прежде всего с кризисом совр. буржуазной культуры).

АНТИСФЕН из Афин (ок. 435—375 до н. э.) — древнегреч. философ, ученик *Сократа*, основатель школы киников. Разрабатывая этические проблемы, А. развивал мысль Сократа, что счастье и добродетель заложены в самом человеке и всецело зависят от его воли и разума. А. считал, что счастье совпадает с добродетелью и заключается во внутренней свободе человека, в полной независимости от всего внешнего, в первую очередь от об-ва. Он требовал автономии личности, т. е. свободы от общественных и религиозных законов. Добиться этой независимости, с т. зр. А., можно путем ограничения потребностей, возврата к простоте естественного состояния человека, не тронутого цивилизацией. Поэтому А. (как и др. киники) отвергал чувственные удовольствия, внешние блага, богатство и роскошь, признавая необходимым лишь удовлетворение естественных человеческих потребностей. Он критиковал цивилизацию, породившую неправопорядок и словесные различия, отвергал об-

щественную и политическую деятельность, указывал на противоестественность различий между рабами и их господами. Этические взгляды А. отражали идеологию обедневших слоев афинского об-ва. Его проповедь возврата к естественному состоянию была подхвачена *Диогеном*, к-рый всем своим образом жизни отвергал требования культуры и цивилизации.

АПАТИЯ (греч. *apatheia* — бесстрастие) — одно из гл. понятий этики *стоицизма*, обозначающее душевную невозмутимость, состояние покоя, когда чувства и страсти не мешают деятельности разума. Исключая «страсть», влияющую на правильность суждений, приносящую субъективный момент, предвзятость в мышление, А., с т. зр. стоиков, помогает размышлениям. Здесь чувствуется влияние восточных религиозно-философских взглядов, в частности учения о нирване как об абсолютном покое, к-рый является высшим состоянием человеческой души. Учение стоиков об А. идет гораздо дальше теорий последователей *Аристотеля*, к-рые требовали лишь умеренности страстей, их ограничения. Стоический принцип отрешенности от земных страстей, от игры чувств, требования *аскетизма* и самосозерцания были использованы затем в христианской морали.

АППРОБАТИВНЫЕ ТЕОРИИ (лат. *approbatio* — одобрение, санкция) — теории морали, в к-рых происхождение, основание и смысловое значение нравственных по-

ятий определяются исходя из того, что они санкционированы, утверждены чьим-либо *авторитетом*. Такое понимание нравственности есть не что иное, как теоретическое выражение морального *авторитаризма*. В зависимости от того, что именно рассматривается в качестве авторитета, различают А. т. трех видов: *теологические*, согласно к-рым единственным законодателем нравственности является воля бога, а добро есть то, что соответствует этой воле; *психологические*, согласно к-рым добро есть то, что одобряется моральным чувством (*Нравственного чувства теории*); *социально-аппробативные*, впервые развитые на рубеже XIX и XX вв. фр. социологами Э. Дюркгеймом и Л. Леви-Брюлем. Поставив перед собой цель развенчать *догматизм* в морали, в к-ром они обвинили почти все этические учения прошлого, Дюркгейм и Леви-Брюль подвергли критике традиционную т. зр. об объективном содержании моральных представлений людей. Они указали на связь нравственных идей с об-вом, к-рое их выдвигает, на общественную природу морали. Вместе с тем Дюркгейм и Леви-Брюль не смогли до конца проследить источники нравственности, сведя весь смысл моральных понятий (*добра, зла* и др.) к выражению моральной *санкции* об-ва (те поступки, к-рые об-во одобряет, представляют собой добро, а те, к-рые об-во осужда-

ет,— зло). Тем самым они ограничились утверждением самого поверхностного факта, того, что моральные представления являются формой общественного, или, как они выражались, «коллективного», сознания. Хотя Дюркгейм и Леви-Брюль признавали на словах связь «коллективных представлений» с материальными условиями жизни об-ва, конечное основание нравственности они тем не менее усматривали в самих этих представлениях, что привело их к субъективистскому пониманию природы морали. В дальнейшем субъективистская тенденция в трактовке морали была развита мн. буржуазными социологами, а в этике — *неопозитивизмом*.

АРИСТИПП из Кирены (ок. 435 — ок. 355 до н. э.) — древнегреч. философ-идеалист, идеолог рабовладельческой аристократии, сторонник *гедонизма* в этике. В раннем возрасте пришел из родного североафриканского города Кирены в Афины и стал учеником *Сократа*. Позднее основал в Кирене философскую школу (киренская, или гедонистическая). Предмет исследования А. — назначение человека и достижение высшего блага. Единственный источник знания, по А., — ощущения, к-рые можно свести к чувствам удовольствия и страдания. Эти чувства — мерила добра и зла, истины и лжи; все живые существа ищут первое и избегают второго. Отправляясь от сократовского положения о благе как сочетании добродетели

со счастьем, особое значение А. придает последнему. Он определяет счастье как длительное удовольствие, к-рое объявляет критерием добра и целью жизни. Но человек не должен становиться рабом наслаждений, в них должны быть мера и разумность, духовный элемент. Соч. А. не сохранились.

АРИСТОТЕЛЬ (384—322 до н. э.) — древнегреч. философ и ученый-энциклопедист, к-рого Маркс назвал «величайшим мыслителем древности». Основал собственную школу (Лицей). Подвергнув критике теорию своего учителя Платона об «идеях» как бестелесных формах вещей, создал учение объективного идеализма, охватившее все виды совр. ему знания, в вопросах объяснения природы часто совпадающее с материализмом. Этике А. посвятил три специальных труда, гл. из к-рых — «Этика Никомаха» — предназначался для его сына. А. считал, что в основе моральной деятельности и нравственных доблестей лежит объективная целесообразность. Высшее благо — это цель, к к-рой люди стремятся ради нее самой. Раскрывает его высшая руководящая наука — политика. Как самодовлеющее, оно не может состоять ни в материальном богатстве, ни в наслаждении, ни даже в одной добродетели, а определяется назначением человека, к-рое воплощается в прекрасном выполнении разумной деятельности и в согласии каждого дела со специальной, характеризующей его добро-

детелью. Стремящаяся к высшему благу жизнь может быть только деятельной; добрые качества, не обнаруженные в действии, не дают блаженства. Кроме высшей цели достижение высшего блага предполагает известное число подчиненных ему низших целей. Достигнуть цели можно, обладая добродетелью, к-рая есть прежде всего умение верно ориентироваться — выбирать среднее между излишеством и недостатком. При этом «середина» не может быть найдена в пределах дурного; выбору подлежит только наилучшее из хорошего. Добродетели А. подразделил на этические, или добродетели характера (напр., щедрость), и дианоэтические, или интеллектуальные (напр., мудрость). Последние развиваются гл. обр. путем обучения, нуждаются в опыте и во времени. Добродетели — не аффекты и не прирожденные способности, а приобретенные свойства. Поскольку найти «середину» между избытком и недостатком трудно, нравственное совершенство — достижение редкое, похвальное и прекрасное. Т. к. добродетели проявляются в области средств, ведущих к цели, то, согласно А., во власти человека и добродетельность, и порочность, и воздержание. Однако стремление к истинной цели не подчиняется личному выбору; человек должен родиться с этим стремлением. Кто от природы в совершенстве владеет им, тот — благородный человек. Степень произвольности действий и

приобретенных свойств души, по А., не одна и та же: действия с самого начала и до конца во власти человека, приобретенные же свойства души произвольны лишь вначале, и человек не замечает, как постепенно складывается его характер. Поскольку этическая концепция А. тесно связана с его «Политикой», исследующей общественные отношения, А. ввел в «Этику» вопрос стоимости, проблеме к-рой он рассматривает как частный случай проблемы «справедливости». Анализ «справедливости» развернулся у А. в обстоятельный разбор одного из важных вопросов политической экономии. Несмотря на то что в этом анализе А., как показал К. Маркс, проявил историческую ограниченность классового мышления, он все же открыл в выражении стоимости товаров непосредственно не видное отношение равенства. Настоящая цель человеческой жизни, по А., — блаженство, к-рое вызывается деятельностью как таковой. Блаженная жизнь сообразна с важнейшей добродетелью, к-рая присуща лучшей части души. Деятельность последней созерцательна. Но созерцание истины, по А., самая притягательная из всех деятельностей; ей наиболее свойственна «самодостаточность». В противоположность деятельности практических добродетелей (военной, политической), к-рая стремится всегда к известной цели и желательна не ради самой себя, созерцательная деятельность разума от-

личается значимостью и ценностью ради себя самой, не стремится к к.-л. внешней цели и заключает в себе ей одной присущее наслаждение, к-рое усиливает энергию. Именно к такой жизни и должен стремиться человек. Нравственный идеал А., провозглашающий высшей доблестью самодовлеющее, отрешенное от волнений и тревог практической деятельности созерцание истины; предпосылкой философской деятельности — досуг (возможный благодаря рабскому труду и созданному на основе этого труда достатку); совершеннейшим и самодостаточным созерцанием — пребывающего вне мира и над миром бога, есть отражение в отвлеченной форме идей античного рабовладельческого об-ва. Божественный образец созерцательной деятельности разума — сложное порождение характерного для греч. полиса второй половины IV в. до н. э. отделения умственного труда от физического, теоретического досуга от практической деятельности, независимости от тревог и превратностей социальной борьбы. В характерной для этики А. норме «середины» проявились социальные черты носителя этой нормы — гражданина полиса накануне его падения и покорения Македонской монархией.

АСКЕТИЗМ (греч. *askeo* — упражняться) — моральный принцип, предписывающий людям самоотречение, отказ от мирских благ и наслаждений, подавление чувственных стремлений ради до-

стижения к.-л. социальных целей или нравственного самосовершенствования. В истории домарксистских моральных учений А. обычно противопоставлялся *гедонизму* и *эпикуреизму*. Корни А. уходят в первобытное об-во, когда материальные условия жизни требовали от людей высокой физической выносливости, способности переносить крайние лишения. Эта объективная потребность нашла выражение в особом рода религиозных *ритуалах*. Так, посредством обряда инициаций происходило посвящение подростков в мужчин. Обряд включал длительный пост, изоляцию, подпиливание зубов и т. п. и имел целью внушить юношам мысль о необходимости стойко переносить невзгоды и лишения. Иной смысл приобрел принцип А. в классовом об-ве. Первые попытки обосновать его теоретически мы находим в религиях Древн. Востока, в пифагорейском религиозном учении, затем в христианстве. Здесь аскетическое *подвижничество* рассматривалось как путь к нравственному совершенству — как преодоление человеком материального начала и развитие его духовной субстанции («умерщвление плоти» и «воссоединение с богом» в христианстве). Действительный же социальный смысл этого принципа заключался в распространении среди народных масс идеи необходимости отказа от стремления к жизненным благам, к-рыми пользовались господствующие классы. Т. обр., проповедь

А. служила идеологическим средством оправдания классового строя и укрепления его основ. Напр., институт монашества, к-рый предусматривал А. священнослужителей (посты, безбрачие, самоистязание), создавал вокруг них ореол святости и пропагандировал идею воздержания среди трудящихся. С критикой религиозного А. выступили идеологи революционной буржуазии (*Гуманизм*). Однако реабилитация человеческих потребностей в буржуазной идеологии была внутренне противоречива. Провозгласив право человека на наслаждение, буржуазное об-во не обеспечивает реальных возможностей наслаждаться для большинства людей (бедность, социальное неравенство и т. д.). Капитализм, сделавший частную собственность всеобщим мерилом человеческих отношений, уродует сами потребности людей, сводя их к одностороннему чувству обладания. А. иногда проповедовался идеологами угнетенных классов как протест против роскоши имущих и как путь мобилизации сил для борьбы за справедливое об-во (крестьянские и ранние пролетарские движения). Элементы А. содержатся также в различных теориях «уравнительного коммунизма», проповедующих ограничение самых необходимых материальных потребностей всех членов об-ва. В совр. эпоху нек-рые принципы А. в той мере, в какой они противопоставляются казенной буржуазной морали, угару потре-

бительства и идеалам гедонизма, являются идеологией определенных массовых слоев капиталистического об-ва (городские низы, иммигрантские группы, часть студенческой молодежи и др.), участвующих в общедемократическом движении. Но одновременно в качестве особой формы морального нигилизма складывается и анархо-А. Привлекая отдельные элементы привилегированных слоев населения, такой А. выступает в роли ниспровергателя культуры и морали. Исканно истолковывая соотношение революционности и морали, не признавая морального значения единства действий и дисциплины, сторонники такого А. в экстремистских актах аморализма видят гл. средство расшатывания всех механизмов функционирования существующего об-ва. Подобный А. не приемлет позитивные программы социального переустройства и организованную борьбу трудящихся, а потому оказывается лишь превращенной формой социального бессилия, фактором раскола демократических сил, компрометации революционной морали, слепым орудием реакции. В отдельных случаях и в условиях социализма А. может стать формой оживления мелкобуржуазной морали, выражаясь в защите идей уравниательства, в пропаганде сохранения бедности и отсталости как рычагов революционного энтузиазма, в попрании культурных и моральных ценностей. Научному коммунизму чужда идея А., по-

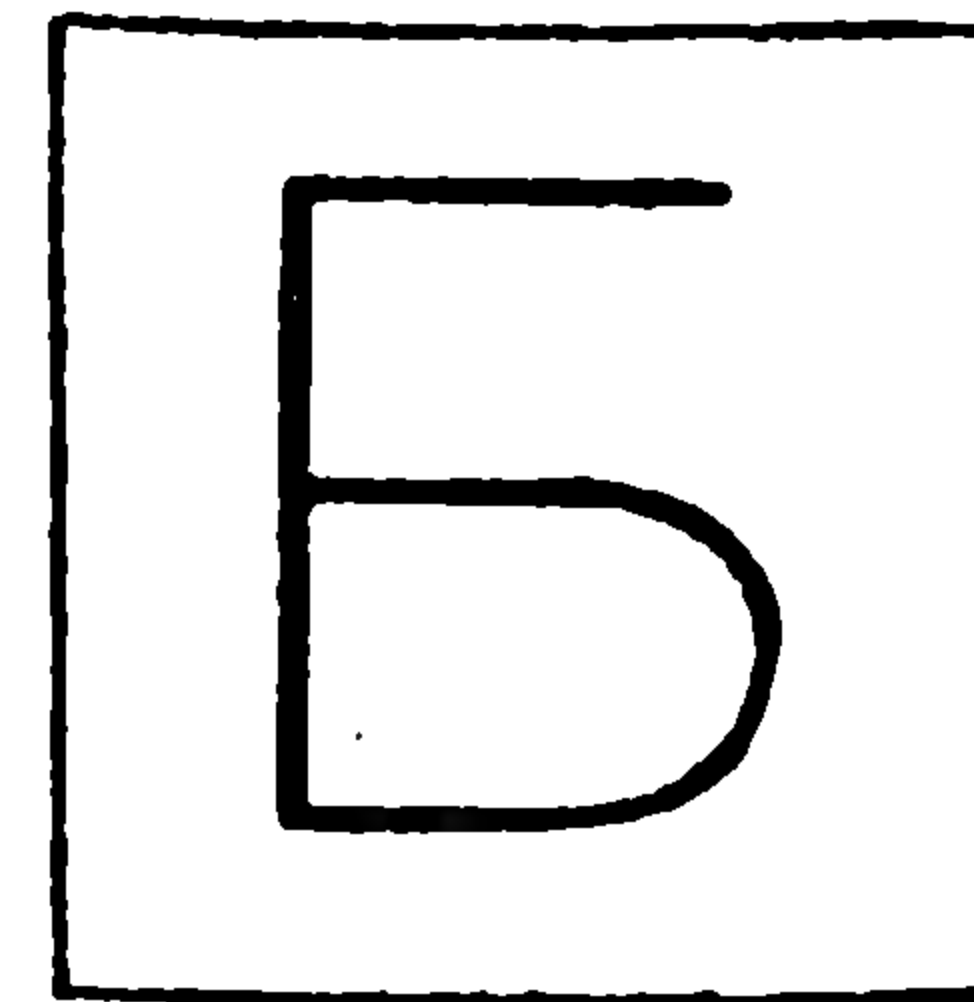
скольку он предполагает создание высокоразвитого общественного производства при полном удовлетворении потребностей людей. Правда, в определенных условиях в процессе строительства коммунистического об-ва может возникнуть временная необходимость в ограничении потребностей, что обычно связано с преодолением исключительных экономических и политических трудностей. Однако требование самоограничения не может служить всеобщим принципом коммунистической нравственности, к-рая исходит из принципа: «Все во имя человека, для блага человека». Вместе с тем коммунистическая мораль отвергает и др. крайность — сведение смысла жизни к погоне за наслаждениями, проповедь распущенности и неоправданной роскоши. Потребности людей должны удовлетворяться гармонично, исходя из научно обоснованных норм потребления, возможностей развития общественного производства и индивидуальных особенностей людей.

АТАРАКСИЯ (греч. ataraxia — невозмутимость) — категория древнегреч. этики, характеризующая состояние безмятежности, невозмутимости, душевного покоя. Античные мыслители считали, что мудрец должен стремиться к А., дающей условия для непредвзятых размышлений. Путь к достижению А. они понимали по-разному. Если материалисты (Демокрит, Эпикур, Лукреций), видели этот путь в познании мира, преодолении страха

и предрассудков, в достижении душевного спокойствия и внутренней гармонии, то в этике сторонников *скептицизма* (Пиррон) А. достигается воздержанием от суждений о добре и зле, истинном и ложном, примирением с действительностью (*Апатия*). Счастье, по мнению Пиррона, состоит в невозмутимости и отсутствии страданий. Марксистская этика, к-рой присуща действенность, активность, отвергает созерцательное отношение к жизни, а следовательно, и требование А., особенно в толковании скептиков.

АФФЕКТИВНО - ВОЛЕВЫЕ ТЕОРИИ МОРАЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ (лат. *affectus* — душевное волнение, страсть) — течение в совр. буржуазной этике и *аксиологии*, для всех разновидностей к-рого характерно субъективно-идеалистическое понимание природы моральных *ценностей* как результата психологического отношения субъекта к объекту. Типичными представителями этого течения являются амер. философы У. Эрбан, Д. Пролл, Дж. Р. Рид, К. Люис и Дж. Прэтт. Сторонники А.-в.т. считают, что моральное достоинство объекта (поступка, характера личности или к.-л. др. явления) не обусловлено присущими ему свойствами, а есть результат определенного психологического отношения к нему со стороны субъекта (человека, оценивающего это явление). Само это отношение имеет, с т. зр. сторонников данных теорий, аффектив-

но-волевую природу, т. е. складывается из желаний, *эмоций*, *склонностей* и запросов человека. Т. обр., значение явлений, предметов для человека выводится из субъективного отношения к ним; общественное и классовое происхождение моральных оценок подменяется чисто психологическим, зависящим лишь от эмоционально-волевого склада людей. В действительности же отношение людей к окружающим явлениям всегда социально обусловлено, поскольку эти явления выполняют определенную роль в жизнедеятельности человека, имеют объективное социальное значение, независимое от сознания тех или иных людей. Пытаясь уйти от субъективизма, авторы А.-в. т. на словах признают объективность моральных ценностей, но усматривают ее в том, что ценности якобы «интерсубъективны», т. е. вызывают к себе одинаковое отношение мн. людей. Подобная «объективность» на деле чисто субъективна, т. к. поставлена в зависимость от простой случайности, совпадения характеров и психологического настроения у группы лиц. Психологическое толкование природы моральных ценностей приводит теоретиков данного течения не только к субъективизму, но и к *релятивизму*: к выводу, что ценность того или иного морального явления сохраняется лишь в рамках отдельной ситуации, меняется в зависимости от психики оценивающего субъекта. Такого рода выводы часто ведут к *волюнтаризму*.

БАРТ (Barth) Карл (1886—1968) — швейц. теолог, основатель течения неоортодоксии (*Неопротестантизм*), идеи к-рого имеют широкое влияние в Зап. Европе и Америке не только в теологических кругах, но и среди светских философов. В своем учении Б. продолжает традиции *Лютера* и *Кальвина*, отчасти *Кьеркегора*. В противоположность *либеральному христианству*, Б. проводит в своей теологии мысль об абсолютной «инакости» бога по отношению к земному бытию человека: только бог абсолютен, тогда как человек греховен и ограничен в своих возможностях. Это положение находит отражение и в этических взглядах Б.: библейские новозаветные заповеди считаются им не позитивными предписаниями к действию, а лишь «парадигмами» (образцами) абсолютной добродетели, до к-рых человек никогда не сможет подняться и к-рые лишь раскрывают его несовершенство иставляют безусловно критически относиться к себе. Человек, с т. зр. Б., никогда не был и не будет добрым, поэтому его «подлинная» нравственность может состоять

лишь в том, чтобы равно осуждать все то, что с ним происходит в мире и что он сам делает. В этих взглядах нашел отражение обострившийся кризис буржуазной духовной культуры с присущими ему умонастроениями скептицизма и пессимизма по отношению к историческим возможностям человека. Хотя объективно такие взгляды враждебны идеям революционного преобразования капиталистического об-ва, сам Б. во мн. критически относился к капитализму. В свое время он подвергал резкой критике германский фашизм, а после войны неоднократно отказывался выступить с осуждением идей коммунизма. С его т. зр., церковь не должна примыкать ни к каким из воюющих лагерей, партий и систем. Эти взгляды Б. существенно отличаются от убеждений др. совр. теологов, напр. представителей неопротестантизма Э. Бруннера и Р. Нибура, к-рые открыто противопоставляют положения неоортодоксии идеям социализма и коммунизма.

БДИТЕЛЬНОСТЬ РЕВОЛЮЦИОННАЯ — моральное качество, предписываемое коммунистиче-

ской нравственностью, к-рая требует от членов социалистического об-ва, а также от борцов за социальную справедливость в капиталистических странах своевременно распознавать и пресекать всякие действия (намеренные или ненамеренные), объективно служащие интересам реакции и капиталистического строя. Необходимость Б. р. проистекает из условий борьбы рабочего класса за свое освобождение, из факта наличия в мире социалистической и капиталистической систем и непрекращающейся классовой борьбы между ними, постоянных происков сил империализма против стран социализма (военная разведка, буржуазная пропаганда, провокации). Б. р. предполагает глубокое понимание интересов социалистического об-ва; заботу о безопасности государства трудящихся; умение разоблачать классовых врагов социализма; сохранение государственной и партийной тайны; неприимчивость к проявлениям буржуазной идеологии и пережиткам прошлого в сознании и поведении людей, а также к нарушениям социалистической законности, норм партийной жизни, проявлениям очковтирательства, утраты политической перспективы и др. нарушениям норм социалистического общежития и коммунистической нравственности. В то же время подлинная Б. р. не имеет ничего общего с подозрительностью, недоверием к людям, с зажимом критики снизу и страхом перед широ-

ким и деловым обсуждением животрепещущих вопросов коммунистического строительства (*Критика и самокритика*). Б. р. предполагает политический такт, уважение человеческого достоинства, умение разобратся в сложных вопросах социальной жизни и человеческой психологии, отличать заблуждающегося человека от злостного преступника и сознательного врага, понимание не только объективного значения тех или иных поступков, но и побуждений и мотивов, лежащих в их основе. Б. р. не противоречит требованию осторожно подходить к человеческим судьбам при отправлении правосудия, широко пользоваться «товарищеским воздействием» (*В. И. Ленин*) и до тех пор, пока это возможно, давать провинившемуся возможность исправиться. Иными словами, Б. р. должна сочетаться с такими моральными требованиями коммунистической нравственности, как *гуманизм*, человеколюбие.

БЕЛИНСКИЙ Виссарион Григорьевич (1811—48) — рус. революционный демократ, философ, литературный критик и публицист, к-рого В. И. Ленин характеризовал как предшественника «полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении» (т. 25, с. 94). Восприняв традиции рус. освободительного движения, прогрессивные идеи рус. и западной литературы и философии, Б. (всегда оставаясь гуманистом) прошел сложный путь развития — от просветительства к ре-

волюционному демократизму, от идеализма к материализму. В 30-е гг. под влиянием нем. классической философии (особенно Гегеля) Б. рассматривает сферу нравственности, борьбу между добром и злом как проявление «вечной идеи». Последняя воплощается и в человеческой воле, не лишая ее свободы. Поэтому индивид может решить сам, какой жизненный путь ему выбрать: путь ли добра, т. е. подчинения личного высшей воле, интересам родины и человечества, или путь зла, т. е. эгоизма, заботы лишь о себе самом. В этот период рационально-априорному анализу Б. отдает предпочтение перед эмпирическим исследованием истины. Универсальность нравственного закона, требующего, чтобы человек всегда поступал в соответствии со своим долгом, коренится в необходимости и всеобщности разума. Проблемы идеала, назначения и совершенствования человека, отношения личности и об-ва, детерминации нравственности — в центре этической мысли Б. Он считает, что смысл индивидуального существования должен определяться в соответствии с гуманным идеалом, являющимся выражением абсолютного разума, что истинная жизнь заключена в сфере идеального, а в эмпирическом мире господствуют случайность и произвол. Различие представлений о добре и зле у разных народов Б. объясняет тем, что они находятся на неодинаковой ступени исто-

рического развития сознания. При оценке отдельного поступка, считает Б., важны его мотивы, ибо, если «в намерение примешивается расчет эгоизма, поступок дурен, безнравствен, хотя бы и произвел благие следствия». В 40-е гг. (после 1837—39 гг., когда Б. на короткое время «примирился» с действительностью и считал ее «разумной») у него начинает преобладать научно-реалистический, материалистический подход к этической проблематике. Истоком эволюции взглядов мыслителя послужило изучение совр. ему об-ва, где «все человеческое, сколько-нибудь умное, благородное, талантливое осуждено на угнетение, страдание.., где свобода мыслей истреблена». Идея отрицания «гнусной» действительности (российской крепостнической и западной буржуазной) представляется Б. столь же плодотворной, как и разработка положительного социального и нравственного идеала, получающего у него уже демократическую и социалистическую направленность («Люди должны быть братья», счастье каждого зависит от счастья всех). Гармония общественного организма, основанная на страдании отдельной личности, отвергается Б. Он критикует и религиозно-этические концепции. По его мнению, «зло скрывается не в человеке, но в обществе», поэтому с изменением социальных порядков (а уничтожение угнетения не исключает и применения насильственных средств) изменится и мо-

ральная атмосфера. В разумно организованном об-ве, где классовые и сословные привилегии искоренены, права, достоинство и свобода человека будут восстановлены, каждый станет личностью, отношения людей будут регулироваться «воспитанием в социальности», истинным общественным мнением. Указывая на единство этико-моральной и практической сторон в об-ве, на материальную потребность как «исходный пункт нравственного совершенства», Б. подчеркивал ценность в человеке такого качества, как духовность, к-рая объединяет в себе чувство, разум и волю. Вместе с тем, оставаясь на т. зр. натурализма и антропологизма, Б. соглашался с мнением, что через «наблюдение над эмбрионом» можно проследить физический процесс нравственного развития. Он много писал о единстве личного и общественного, национально-патриотического и общечеловеческого, выступал против национализма и космополитизма. Б. оказал большое воздействие на развитие общественной мысли России, его «Письмо к Гоголю» (1847), проникнутое высоким нравственным пафосом, В. И. Ленин назвал одним из лучших произв. бесцензурной демократической печати. Соч. (помимо писем, являющихся важным источником для понимания идейной эволюции Б.): «Литературные мечтания» (1834), «Опыт системы нравственной философии» (1836), «Гамлет, драма Шекспира» (1837), «Идея

искусства» (1841), «Сочинения Александра Пушкина» (1843—46), «Руководство к познанию новой истории...» (1844), «Парижские тайны» (1844), «Взгляд на русскую литературу 1846 года» (1847) и др.

БЕНЕФИЦИАРИЙ (лат. *beneficiarius*, от *bonum* — благо и *facere* — делать, совершать) — объект *благодетельства*, человек или группа лиц, в пользу к-рых совершено определенное положительное нравственное действие или пользующихся результатом такого действия. В буржуазной этике принято выделять обязанность благодетельства в особый вид долга личности перед всеми остальными людьми и об-вом (Деонтологический *интуитивизм*). В этом случае Б. рассматривается как единственное заинтересованное лицо, нуждающееся в нравственном поступке благодетеля, а об-во в целом и др. лица — как безразличные по отношению к данному поступку. С т. зр. марксистской этики всякое моральное действие имеет широкий общественный смысл и выгодой Б. отнюдь не исчерпывается нравственное значение поступка. Конечным объектом морального долга выступает не к.-л. отдельный индивид, частное лицо или группа, а об-во в целом. Даже если поступком затрагиваются лишь чьи-то личные интересы, эти интересы рассматриваются коммунистической нравственностью не просто как запросы и желания частного лица, а как законные или незаконные, подлин-

ные или извращенные интересы члена об-ва. Исходя из этого критерия и должен решаться вопрос о том, справедливо ли благодеяние и правильно ли выбран Б.

БЕНТАМ (Bentham) Иеремия (1748—1832) — англ. теоретик морали и права, представитель этики *утилитаризма*. Выступил с критикой теорий *нравственного чувства* и естественного права. В произв. «Введение в основания нравственности и законодательства» (1789, рус. перевод — 1860 — 1867) и «Деонтология, или наука о морали» (1834) обосновывал опытный характер источника и основания нравственности, к-рый он, подобно гедонистам, видел в стремлении к удовольствиям. То общее, что характеризует все поступки, приносящие удовольствие, с т. зр. Б., есть их польза. Она — единственная цель и норма поведения, основа человеческого счастья. Об-во Б. рассматривает как сумму индивидов, а общественный интерес — как совокупность личных интересов. Отсюда целью моральной жизни является «наибольшее счастье наибольшего числа людей». Оно, по мнению Б., может быть достигнуто путем правильного расчета («моральная арифметика»). С этой целью Б. составляет «шкалу удовольствий и страданий», классифицирует удовольствие по классам и родам. «Теория правильно понятого интереса» фр. материалистов замещается у Б. теорией «правильного расчета», что дало К. Марксу основание назвать его трезво-пе-

дантическим, тоскливо-болтливym оракулом пошлого буржуазного рассудка XIX в. (т. 23, с. 623). Учение Б. прославляет частный интерес как основу общественного благоденствия, а буржуазное об-во — как идущее к «спокойствию, равенству, богатству и достатку». Примененное к праву и политике, учение о пользе служило либеральной буржуазии теоретической платформой в борьбе против вмешательства государства в общественную жизнь, за расширение избирательного права. В то же время принцип «наибольшего счастья для наибольшего числа людей» был использован *Оуэном* как основа для построения этической теории утопического социализма.

БЕРГСОН (Bergson) Анри (1859—1941) — фр. философ-идеалист, представитель *интуитивизма*. Подвергнув критике механистическое понятие времени, к-рым пользуется «позитивная наука», Б. дал психологическую интерпретацию времени («длительности») как движения «памяти». «Длительность» — атрибут «жизненного порыва», сверхсознания, лежащего в основе вселенной, может быть постигнута не интеллектом, а лишь в акте непосредственного переживания, иррациональной интуицией. Этическое учение Б. изложено в книге «Два источника морали и религии» (1932). Общественную связь индивидов Б. рассматривает по аналогии с взаимодействием клеток организма. Природная («закрытая») мораль, по

Б., инстинктивная, она требует от индивида безоговорочного подчинения интересам целого, как пчела подчинена интересам улья. Ее повеления догматичны и безличны («должно, потому что нужно»); ее цель — подготовить нацию если не к нападению, то к обороне; но всегда к войне. Две максимы — «Человек человеку бог» и «Человек человеку волк», с т. зр. Б., легко примиряются: в первом случае подразумевают соплеменника, во втором — иноземца. Воинственность инстинктивной, «закрытой» морали сохраняется над всеми наслоениями цивилизации, ибо ее источник — биологическая природа человека. Консервативные тенденции «закрытой» морали дополняются «статической» религией. Высший тип нравственности — «открытая» мораль. Ее источник — интуиция, к-рая свойственна лишь избранным «героям», позволяя им преодолеть биологическую мораль, приобщиться к стихии «жизненного порыва» и проникнуться мистической любовью ко всему человечеству. Эта любовь совпадает, по Б., с любовью бога к своему творению. «Открытой» морали соответствует «динамическая» религия. Только гении, святые и мистики, утверждает Б., способны преодолеть природную инертность человечества и указать ему пути морального прогресса. Распространение мистической «открытой» морали может, по Б., спасти человечество от угрозы уничтожения, возникшей якобы вследствие чрезмер-

ного развития интеллекта, создавшего совр. науку и технику. В этом проявились *иррационализм* и элитарность этики Б.

БЕРДЯЕВ Николай Александрович (1874—1948) — рус. религиозный философ, публицист. Сначала примыкал к «легальным марксистам», пытался сочетать нек-рые положения марксизма с кантианством, с идеями *Ницше*, дать этическое обоснование социализму. Враждебность к демократическому движению и материалистической теории вскоре привела его к богоискательству и мистицизму. Принимал участие в создании программных сборников рус. идеалистов — «Проблемы идеализма» (1902), «Вехи» (1909), названного В. И. Лениным энциклопедией либерального ренегатства (т. 19, с. 168), а также контрреволюционного сборника «Из глубины» (1918). Выступал против советского строя и в 1922 г. был выслан за границу. По своим взглядам Б. — религиозный экзистенциалист. Исходным в его концепции является утверждение (и здесь он идет за нем. мистиками XVI—XVII вв.), что свобода первичнее бытия, находится вне бога и коренится в «неизъяснимой глубине», в «ничто». Это осн. положение *теодицеи* Б.: оно позволяет «снять» с бога ответственность за мировое зло, источником к-рого объявляется «несотворенная свобода» — духовная «бесконечная потенция». Благодаря свободе дух может отпасть от бога. Вследствие «падшести» мир

природы и истории (формы проявления духовной первореальности) оказывается под властью объективации. Последняя означает господство *отчуждения*, необходимости и детерминации, исчезновение индивидуального в общем, социализацию, уничтожающую человеческую оригинальность. Сфера объективации — сфера страдания и насилия. Здесь царствует «этика закона», чисто внешне она устанавливает различие добра и зла, делит людей на добрых и злых, держится на *страхе* перед законом и наказанием, а потому порождает *фанатизм, формализм и лицемерие*. Лишь «этика благодати», с ее принципом *искупления вины* и спасения всех (добрых и злых) Христом, и «этика творчества», снимающая оценку деяний с т. зр. добра или зла (здесь особенно очевиден субъективизм Б.), позволяют человеку ответить на зов бога, к-рый не управляет поработленным миром, а открывается ему. В лоне истории разворачивается диалектика отношений между свободой в боге и свободой в человеке, осуществляется их синтез, становление богочеловечества. Не только человек нуждается в боге, но и бог нуждается в человеке, каждый свободный акт творчества к-рого есть конец объективации и «прорыв» духовно-божественного в сферу объектов, есть богосозидание. Хотя, воплощаясь в предметах, творческая деятельность попадает во власть необходимости и несвободы (в этом смысле духов-

ный опыт человека трагичен), она все же приближает богочеловеческий идеал, мыслимый Б. эсхатологически (*Эсхатология*). Реализация этого идеала означает конец истории и наступление вечного царства духа, свободы, бессмертия. Здесь осуществляется т. наз. религиозная коммюнитарность (соборность), т. е. добровольная общность людей, в к-рой личностно-индивидуальные качества их сохраняются, а отношения опосредствуются богом. Противопоставляя индивидуальное социальному, отождествляя личность с духовным началом, концепция Б. есть, по существу, одна из форм модернизации и одновременно апологии христианского учения. Совр. буржуазные идеологи используют ее в борьбе с марксистско-ленинской теорией. Критика идей Б. дана В. И. Лениным, Г. В. Плехановым и др. марксистами. Соч.: «Философия свободы» (1911), «Смысл творчества» (1916), «Философия свободного духа» (1927), «О назначении человека» (1931), «Опыт эсхатологической метафизики» (1941), «Самопознание» (1949) и др.

БЕРЕЖЛИВОСТЬ — моральное *качество*, характеризующее заботливое отношение людей к материальным и духовным благам, к собственности (*Отношение к собственности*). Б. обычно противопоставляется расточительности, неоправданной роскоши, бесхозяйственности. Впервые понятие Б. приобретает большое значение в мо-

рали буржуазии эпохи первоначального накопления капитала. Начиная с капиталиста, остро нуждавшегося в деньгах для расширения производства, в своем моральном сознании противопоставлял добродетель Б. морали расточительства и роскоши, исповедовавшейся феодальной аристократией, обладавшей тогда осн. массой общественного богатства. Эта Б. означала на деле скопидомство, *корыстолюбие*, стяжательство, жестокую эксплуатацию рабочих. Впоследствии идеологи буржуазии изображали Б. как осн. источник происхождения капитала. Демагогически призывая трудящихся к Б., трактуя ее как основу национального процветания, они тем самым отвлекают их от борьбы за повышение заработной платы. Т. обр., понятие «Б.» в буржуазной морали имеет классовый смысл и служит средством идейного оправдания эксплуатации. Совершенно иной моральный смысл приобретает понятие «Б.» в социалистическом об-ве. Здесь оно означает разумное отношение к результату человеческого труда, проявление уважения к трудящемуся, заботу о благе людей, т. е. выступает как неперенный элемент коммунистического отношения к труду, выражение социалистического гуманизма. Б.— не только моральное понятие, но и принцип социалистического хозяйствования. Она предполагает наиболее экономное и целесообразное использование общественного бо-

гатства на благо трудящихся. Требование Б. в отношении общественной собственности нашло отражение в моральном кодексе строителя коммунизма.

БЛАГО — общее понятие, употребляемое для обозначения положительной *ценности* предметов и явлений. Представление о Б. формируется в процессе и на основе практического отношения людей к внешнему миру. Природные и общественные явления становятся Б., лишь поскольку они удовлетворяют положительные человеческие потребности, способствуют социальному прогрессу. Различают материальные и духовные Б., утилитарные, эстетические и др. Одна из разновидностей духовного Б.— моральная ценность, *добро* (иногда слова «Б.» и «добро» в быденном языке употребляют как синонимы). В силу противоречивого характера исторического процесса и противоположности интересов различных классов «всякое благо для одних необходимо является злом для других, всякое новое освобождение одного класса — новым угнетением для другого» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 21, с. 177). Классовый подход к Б. проявляется в ориентации на определенные виды благ, в произвольном установлении их субординации (напр., «вещизм» как характерная черта собственнического сознания). Из этого не следует, что Б. не может быть общечеловеческим или что не существует объективных критериев оценки раз-

личных явлений, охватываемых понятием «Б.». Это значит лишь, что определение Б. через *интересы* людей является неполным. Марксизм вскрывает объективные источники человеческих интересов и показывает, что интересы зависят от общественного бытия, его исторических законов. Правильность понимания общего Б. тем или иным классом проверяется анализом процесса исторического развития. Объективно Б. является осуществлением коренных интересов того класса, к-рый в данных исторических условиях выполняет миссию революционного, прогрессивного преобразования об-ва, направленного на освобождение человечества в целом. Поэтому то, что является Б. для пролетариата, для социалистического об-ва, в конечном счете представляет Б. для всего человечества. В социалистическом об-ве высшим Б. считается общенародное Б., т. к. только через его осуществление можно обеспечить наиболее полное удовлетворение интересов каждого отдельного человека.

БЛАГОДАРНОСТЬ — отношение человека к оказавшему ему в прошлом *благодеяние*, услугу лицу (группе, организации), выражающееся в особом чувстве готовности ответить взаимным благодеянием и в соответствующих практических действиях. Моральное требование платить добром за добро возникло очень давно, когда человек стал выделять себя в первобытном коллективе и когда

стала возможной практика взаимных услуг. Долг Б. приобретает более широкое значение в условиях буржуазного об-ва как не оформленное правом дополнение к экономическим и юридическим отношениям взаимного обмена товарами и услугами. Но именно здесь в силу противоположности интересов людей эта обязанность наиболее часто нарушается, напр. когда бывший благодетель становится конкурентом. Коммунистическая нравственность признает, что Б. является одним из проявлений принципа *справедливости* во взаимоотношениях людей. Однако она считает, что в том случае, когда обязанность Б. по отношению к кому-либо вступает в противоречие с более высокими принципами (*гуманизма, честности, служения об-ву и т. п.*), предпочтение должно быть отдано последним. Ведь Б. относится к сфере частных взаимоотношений индивидов, тогда как область служения людям более широкая, затрагивает их общественные отношения. Коммунистическая нравственность отдает последним приоритет перед личными и частными.

БЛАГОДЕЯНИЕ (часто понимается как тождественное *добродеянию*) — действие, имеющее положительное нравственное значение, оцениваемое моральным сознанием как *добро*. Иногда понятию «Б.» придается общесоциальный, а понятию «*добродеяние*» — специфически моральный смысл (по аналогии с понятиями «*благо*»

и «добро»). В этом случае под Б. понимается действие (обычно намеренное), объективный результат, последствия к-рого отвечают интересам людей, полезны для об-ва. Под добродетелью же понимается поступок, отвечающий требованиям нравственности и совершенный сознательно по моральным мотивам (во имя высоких идеалов, интересов человека или об-ва). В буржуазной этике эти понятия часто противопоставлялись, марксистская этика рассматривает их в диалектическом единстве (*Бенефициарий, Консеквенциальная этика, Моральной доброты теория*). В бытовом языке термины «Б.» и «добродетель» в настоящее время употребляются редко, гл. обр. в ироническом смысле.

БЛАГОРОДСТВО — моральное качество, характеризующее поступки людей с т. зр. возвышенных мотивов, к-рыми они продиктованы. Оно включает целый ряд более частных положительных качеств (*самоотверженность, верность высоким идеалам, мужество, великодушие* и др.). В разные исторические эпохи в понятие «Б.» вкладывалось различное содержание. Моральное сознание эксплуататорского об-ва обычно придавало Б. сословный смысл, наделяя этим качеством преимущественно господствующие классы. Так, рабовладельческая мораль считала Б. достоянием лишь избранных, аристократии и связывала его с различными формами духовной и политической деятельности, проти-

вопоставляя неизменным потребностям и образу мысли плебеев, рабов, занятых физическим трудом. В феодальном об-ве вследствие упрочения сословных барьеров Б. стало пониматься как прирожденное качество тех, кто имел знатное происхождение (на это, в частности, указывает первоначальное значение слова «благородство» в рус. языке — благое рождение). Изменность мотивов приписывалась «черни» и тем представителям «третьего сословия», деятельность к-рых так или иначе подрывала господство феодальной аристократии. Буржуазное сознание начинает толковать Б. как индивидуальную особенность того или иного человека. Эта добродетель уже не имеет чисто сословного характера. Однако в иной форме подчеркивается все та же исключительность «благородной личности», к-рая возвышается над «толпой», якобы не способной подняться до благородных чувств и мыслей. В противоположность сословному пониманию Б. люди труда и передовые мыслители прошлого вкладывали в него общечеловеческое содержание — гуманность, честность, неподкупность и т. д. Именно эту традицию наследует коммунистическая нравственность, согласно к-рой под Б. прежде всего понимается сознательное, ставшее привычкой и склонностью служение людям.

БРАЧНО-СЕМЕЙНАЯ МОРАЛЬ.— Брак и семья представляют собой одну из важнейших

сфер действия морали, выступающей, наряду с правом, в качестве осн. регулятора взаимоотношений между супругами, родителями и детьми (и др. родственниками, поскольку между ними поддерживаются семейные связи). Роль брака и семьи в жизни об-ва, их исторические формы и соответствующие им нравственные требования к человеку определяются экономическим строем об-ва, всей системой общественных отношений, а также уровнем развития человеческой цивилизации и культуры в целом. В историческом развитии Б.-с. м. отчетливо прослеживается ход общего социального и морального прогресса человечества, в к-ром можно установить следующие определяющие закономерности.

1. Вытесняя различные формы многобрачия (полигамии), все более прочно утверждается моногамия — устойчивая связь мужчины и женщины. В раннем первобытнообщинном об-ве брак регулировался преимущественно *обычным правом*, к-рое непосредственно исходило из интересов консолидации сначала первобытного стада, затем рода как производственно-трудовых ячеек. Это был период, когда формирующиеся нравственные нормы были еще непосредственно вплетены в процессы производства предметов потребления и самого человека. В становлении рабовладельческой, феодальной и буржуазной форм моногамии преобладающую роль играли экономические факторы: подчиненность

женщин и их зависимость от «сильного пола», материальный расчет, функционирование семей крестьян и ремесленников одновременно в качестве производственных ячеек об-ва. Вместе с тем моногамия явилась ответом и на развивающиеся нравственные потребности людей. Борьба утилитарно-экономического и нравственного начал в отношениях между полами, родителями и детьми проходит через всю историю досоциалистической семьи. К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что первой исторической формой брака, в к-рой нравственные соображения преобладали над всеми др., был пролетарский брак, превратившийся после победы социализма в качественно новый тип брачно-семейных отношений — социалистическую моногамию. Она характеризуется добровольностью и равноправием брачного союза, его свободой от утилитарно-экономических соображений, богатством духовно-нравственной жизни семьи, гармоничностью интересов семьи и всего об-ва, усилением роли и значения воспитательной деятельности семьи, а следовательно, повышением ее гражданской и моральной *ответственности*. Новый тип брачно-семейных отношений утверждается в социалистическом об-ве в борьбе с пережитками собственнической и мещанской брачно-семейной морали, с буржуазными и анархистско-левацкими влияниями на отношения между мужчиной и женщиной.

Важнейшие предпосылки полного торжества и дальнейшего развития социалистической моногамии — укрепление равенства женщин с мужчинами, дальнейший подъем материального благосостояния и духовной культуры трудящихся, совершенствование общественного бытового обслуживания и системы воспитания молодого поколения, включая подготовку к браку и семейной жизни. 2. На основе утверждения моногамии в отношении полов и социально-культурного развития об-ва *любовь* превращается из простого естественного влечения в специфически человеческое чувство: в любви сексуальная потребность проявляется как потребность в *общении*, охватывающем собой все богатство личности каждого из супругов. В половой жизни, как указывает В. И. Ленин, проявляется не только данное природой, но и привнесенное культурой. Всестороннее развитие человека, все большая утонченность его интеллектуальных и эмоциональных запросов превращает любовь из простой потребности природы в момент прежде всего духовного единения мужчины и женщины. Превращение любви в осн. мотив брака расширяет круг моральных требований, предъявляемых супругами друг к другу, повышает ожидания, связанные с супружеством. На этой почве могут возникнуть нравственные коллизии, к-рых не знала старая семья: между идеальными представлениями людей о семей-

ном счастье и реальностью семейной жизни. Поэтому для нравственных отношений в социалистической семье характерна не только любовь, но и моральная ответственность супругов, их взаимное уважение и взаимопомощь. 3. С установлением подлинной моногамии, основанной на взаимной склонности супругов, половая любовь из силы, «стремящейся к разрушению брака» (поскольку брак основывался гл. обр. на др. соображениях), превращается в силу, «которая должна стать его основой» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 21, с. 80). Поскольку же в любви участвуют двое, а возникает третья, новая жизнь, в отношениях полов, как отмечал В. И. Ленин, кроется общественный интерес: возникает долг по отношению к коллективу. Это единство любви и долга составляет нравственную основу социалистического брака, является реальным воплощением нравственной свободы личности в брачно-семейных отношениях. При этом забота о воспитании детей является не только нравственной, но и конституционной обязанностью граждан СССР (Конституция СССР, ст. 66). 4. По мере укрепления подлинной моногамии и органического слияния моральных требований в области семейно-брачных отношений и внутренних потребностей личности возрастает способность супругов и членов семьи самостоятельно регулировать свои взаимоотношения, без повседневного внешнего контроля

со стороны об-ва. При коммунизме, как указывает Ф. Энгельс, «отношения полов станут исключительно частным делом, которое будет касаться только заинтересованных лиц и в которое обществу нет нужды вмешиваться» (т. 4, с. 336—337). Социалистическая семья, являющаяся переходной ступенью от пролетарской семьи в условиях капиталистического об-ва к коммунистической семье будущего, уже содержит в себе мн. черты последней, хотя еще не полностью свободна от наследия прошлого. Общественное мнение социалистического об-ва ведет неуклонную борьбу против случаев патриархально-байского отношения к женщине, безответственного отношения к семейным обязанностям, прежде всего к воспитанию детей, бытовой распущенности, неуважения и эгоизма во взаимоотношениях супругов, родителей и детей. Укрепление нравственной основы социалистической семьи способствует постепенному отмиранию правового регулирования ее жизнедеятельности.

БУДДИЗМ (санскрит *buddha* — просветленный) — одна из мировых религий. Возник в VI—V вв. до н. э. в Индии и получил распространение в Центральной, Южной и Восточной Азии. Верующие буряты, калмыки и тувинцы исповедуют Б. в форме ламаизма, сложившегося в XIV—XV вв. в Тибете. Легендарным основателем Б. считают Будду — царевича Сиддхартху Гаутаму (он же — Шакь-

ямуни, т. е. «мудрец из рода шакьев»), якобы жившего в долине Ганга (Индия). Проведя во дворце отца безмятежное детство и молодость, он, потрясенный встречами с больным, стариком, трупом умершего и с аскетом, ушел в отшельничество искать путь избавления людей от страданий. После «великого прозрения» стал странствующим проповедником новой религии и морали, основателем буддийской монашеской общины. Орывочные сведения о его жизни и проповеднической деятельности имеются в канонической литературе Б. Более подробные его «биографии» (Махавасту, Буддха-чарита, Лалитавистара и др.) составлены во II—III вв. н. э. В них сведения, могущие быть отголосками действительных событий, переплетаются с описаниями чудес и др. плодами религиозной фантазии. Хотя физическая смерть, по представлениям буддистов, не прекращает существования, т. к. умерший возрождается в др. человеке, божестве, духе, животном и т. д., такое перерождение, согласно этическому учению Б., не благо, а зло, ибо бытие в любой его форме — страдание. Бытие-страдание безначально: божественный творец не мог бы создать столь несовершенный мир. Благодать высших божеств — будд, достигших абсолютного совершенства в результате бесконечного множества перерождений и накопления добродетелей, в том, что они указывают путь к спасению, к пре-

одолению страданий, способ достижения абсолютного небытия (нирваны). Форма перерождения живого существа, его жизненный путь и страдания определяются его кармой, т. е. деяниями, мыслями, чувствами во время прежних перерождений. Причина новых перерождений — привязанность к жизни. Гл. в «спасении» ранний Б. видит в перестройке сознания и поведении самого человека, т. е. в соблюдении требований *религиозной морали*. Перестать перерождаться, учит Б., может только тот, кто смиренно и покорно будет переносить любые мучения, порвет все свои земные привязанности, подавит в себе все чувства, стремления, желания. Одно из важнейших моральных требований Б. — соблюдение «ахинсы», т. е. отказ от нанесения вреда кому бы то ни было, воздержание от «ответа злом на зло». Идеалом Б. является созерцатель, подавивший в себе все эмоции, бесстрастно взирающий на несправедливость, насилие, угнетение. В ламаизме вся жизнь верующего регламентируется подробно разработанным учением о «десяти черных грехах» и «десяти белых добродетелях», в к-рых конкретизируется этика раннего Б. Грехи делятся на телесные (лишение жизни, взятие неданного, развратная жизнь), речевые (ложь, клевета, злословие, насмешка) и грехи сознания (зависть, злоба, ересь); соответственно предусмотрены наказания, ожидающие согрешившего. Добродете-

ли (напр., милосердие, раздача милостыни, правдивость, усмирение вражды, почитание «священного писания», умеренность, вера в истину религии) вознаграждаются лучшим перерождением, пребыванием в раю, окончательным спасением (нирвана). Т. обр., покорность тем, в чьих руках в эксплуататорском об-ве находятся богатство, сила и власть, объявляется Б. путем к спасению, к «небесной награде за земные страдания». В этом состоит реакционная социальная сущность этики Б.

БУРЖУАЗНАЯ МОРАЛЬ — мораль, в к-рой отражаются, идейно обосновываются и получают нравственную санкцию общественные отношения капитализма. Выражая интересы буржуазии и являясь идеологическим средством утверждения ее господства, Б. м. исходит из того, что общественной сущностью человека является частная собственность. Предпринимательская деятельность толкуется как смысл и назначение человеческой жизни, а проявленные в ней способности и достигнутые результаты — как мерило *достоинства* личности. Соответственное толкование получают в Б. м. и человеческие добродетели. Это предприимчивость и энергичность в осуществлении личных целей, *честность* как залог общественной активности; усердие и рвение ради достижения богатства и общественного положения; *справедливость*, подразумевающая эквивалентность обмена благами и обо-

юдную выгоду; уважение к личности, предполагающее прежде всего свободу предпринимательства и конкуренции. Т. обр., в основе Б. м. лежит индивидуализм и эгоизм частного собственника. С ее т. зр. «добро есть не что иное, как то, что отвечает эгоизму всех людей» (*Л. Фейербах*). В отношениях между людьми не признается «никакой другой связи, кроме голого интереса» (*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 4, с. 426); «единственная сила, связывающая их вместе, это — стремление каждого к своей собственной выгоде, своекорыстие...» (там же, т. 23, с. 187). Первоначально эгоизм открыто признавался основой буржуазной нравственности (*Эгоизма теории*). Поскольку на первых порах сохранялась иллюзия, что в капиталистическом обществе существует «равенство возможностей», осуществляется «взаимное использование» людьми друг друга ради выгоды каждого, а соблюдение буржуазных добродетелей является залогом успеха каждого, постольку буржуа мог тогда обойтись без религиозного обоснования нравственности для доказательства ее гуманного и общечеловеческого смысла. Но на деле «взаимное использование» стало означать «взаимный грабеж под охраной закона» (там же, т. 2, с. 264), в котором обладатель капитала присваивает труд неимущего. Для рабочего «честность, трудолюбие, бережливость и все прочие добродетели, рекомендуемые ему мудрой

буржуазией», вовсе не являются гарантией того, что они «действительно приведут его к счастью» (там же, с. 265). Б. м., в сущности, оправдывает эксплуатацию, неравенство, угнетение и неправое подавляющего большинства людей. Практическое осуществление принципа эгоизма ведет в конечном итоге к оправданию «войны всех против всех», *человеконенавистничества*; правота неизменно оказывается на стороне силы, для достижения преследуемых целей допускаются любые средства (*Цели и средства, Мораль и политика, Макиавеллизм*). По мере того как бесчеловечная природа капиталистических отношений делалась очевидной, Б. м. становилась все более лицемерной, ее проповедники старались все глубже скрыть ее классовый смысл. Для ее обоснования все чаще требовалось обращение к религии; принципы Б. м. начали трактоваться в духе «вечных заповедей» христианства. Эгоизму противопоставляется любовь к ближнему, благотворительность, *альтруизм*; материальному расчету — бескорыстный «идеализм», «высшие мотивы», «долг ради самого долга»; экономической эксплуатации и государственно-бюрократическому подавлению индивидов — проповедь «прав и свобод» личности. *Лицемерие* Б. м. становится особенно очевидным при сопоставлении этих возвышенных проповедей с действительными нравами совр. капиталистического

об-ва, господствующими в бизнесе, государственной политике, «частной жизни», пронизанными холодным расчетом, бессердечием, допускающими нарушение элементарных правил человеческих отношений (напр., практика обмана конкурентов, гангстеризм и т. д.). Буржуазное моральное сознание, поскольку оно оправдывает капитализм, вынуждено оправдывать и те пороки, к-рые им порождаются. Та или иная мера безнравственности считается неизбежной, допустимой или просто необходимой. Иногда аморализм признается вполне законным принципом жизни.

БУРЖУАЗНАЯ ЭТИКА — теории морали, в к-рых нашли выражение мировоззрение буржуазии и ее моральное сознание. Соответственно различным периодам в истории капитализма, конкретным социальным условиям разных стран и положению различных слоев и общественных групп в Б. э. выдвигалось мн. разнообразных теорий, к-рые каждая по-своему отражали ту или иную сторону буржуазного миропонимания в целом. Примерами могут служить утилитаризм, эгоизма теории, нравственного чувства теории, моральной доброты теория, этика Канта (Категорический императив, Автономная этика), эволюционная этика и др. В совр. Б. э. также существует мн. направлений. Осн. из них — неопозитивизм, экзистенциализм, неопротестантизм, прагматизм, интуитивизм и неотомизм.

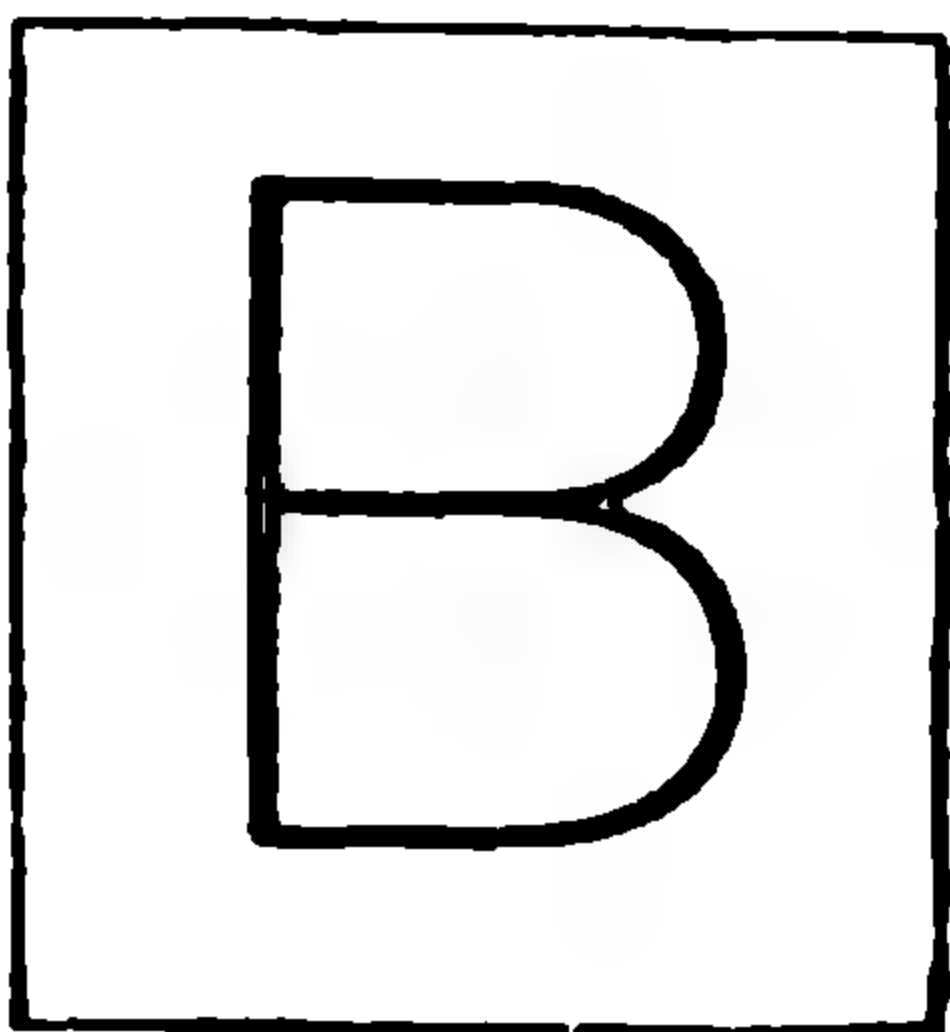
Влиятельны также либеральное христианство, апробативные теории, неопфрейдизм, аффективно-волевые теории моральной ценности, «гуманистическая» этика и ряд др. (Интереса теория, Самореализации этика, Космической телеологии этика). Все эти буржуазные этические теории в зависимости от того, что в них принимается за основание нравственности, являются либо объективно-идеалистическими (где мораль обосновывается посредством понятия бога, абсолютной идеи, некой внепространственно-временной сущности, космического морального закона), либо субъективно-идеалистическими (в к-рых основанием нравственности считается духовная деятельность субъекта), либо натуралистическими (Натурализм), истолковывающими мораль в духе вульгарного материализма, не учитывающего специфику социальных законов. В большинстве теорий Б. э. элементы объективного и субъективного идеализма и натурализма тесно переплетаются. В зависимости от понимания природы нравственности и метода ее обоснования в Б. э. можно выделить несколько парных противоположностей — рационализм и иррационализм, абсолютизм и волюнтаризм, догматизм и скептицизм. Эти методологические крайности взаимно предполагают одна др.; невозможность решения проблемы одним путем приводит к др. крайности. Наличие в Б. э. различных взаимоисключающих т. зр. по ряду

важных этических проблем (см., напр., *Цели и средства, Истина и нравственность, Намерения и дела, Эгоизм и Альтруизм*) в конечном счете отражает историческую ограниченность самого буржуазного мировоззрения, обусловленную противоречивостью положения личности в капиталистическом об-ве и буржуазного способа производства в целом. Противоречивость особенно характерна для совр. Б. э., что отражает процесс углубления и обострения противоречий капитализма в эпоху империализма и общего кризиса буржуазной культуры. Буржуазные мыслители XX в. оказываются, напр., не в состоянии разрешить одну из осн. проблем этики — проблему объективного и рационального обоснования требований нравственности. Если прогрессивные буржуазные мыслители прошлого пытались дать моральным представлениям научное обоснование, то их совр. преемники в принципе отвергают такую возможность: нравственность, как считает большинство из них, иррациональна, не может основываться на разуме человека и тем более на данных науки. Отсюда вытекают два противоположных, но в равной мере несостоятельных понимания предмета и задач этики. Неопозитивисты под предлогом создания «строго научной» этики отрицают необходимость постановки и изучения моральных проблем (*Метаэтика*). Так возникает формалистическое направление в совр. бур-

жуазной философии морали. Экзистенциалисты и неопротестанты, напротив, стремятся сделать этику «практической философией», к-рая могла бы помочь людям в решении повседневных нравственных проблем. Однако, с их т. зр., это возможно лишь при условии, если этика будет вне всякой науки. На этой основе развивается иррационалистическое направление в совр. Б. э. Если формалистическое направление претендует на «очищение» науки от политической конъюнктуры и догматизма, характерных для совр. буржуазной идеологии, то иррационалистическое — на «спасение» моральных ценностей от якобы враждебной им науки. В действительности же за противопоставлением *морали и науки* скрываются характерные для совр. буржуазного об-ва противоречия — между научным пониманием истории и буржуазной идеологией, между объективными закономерностями общественного развития и субъективными устремлениями людей, между капиталистическим об-вом и личностью (*Человек и общество*). Выходом из антитезы формализма и иррационализма не может быть и натуралистически-биологизаторское обоснование морали, все более оживляющееся в последние годы на Западе. Биологизм в этике моделирует якобы извечный конфликт между требованиями культуры и потребностями природы, духовными установками индивида и естественными инстинктами, стремясь

ческие отношения формируются не только в процессе труда и общественной деятельности, но и в быту, в каждодневном общении людей вне работы, в зависимости от характера досуга, семейной обстановки и способа удовлетворения личных потребностей. Ее требования — уважение к людям, скромность, непримиримость к злу, честность, взаимопомощь и мн. др. — в равной степени относятся и к быту. Это, однако, не означает, что в социалистическом об-ве быт человека должен подвергаться каждодневному публичному контролю, общественной регламентации, всеобщей гласности в той же мере, как трудовая и политическая деятельность. Наоборот, с развитием коммунистических отношений и ростом сознательности личность становится все более самостоятельной в решении повседневных моральных проблем, возникающих в быту. Коммунистическая нравственность отвергает чиновническо-бюрократическое отношение к моральным проблемам быта. Она допускает применение административных мер лишь в тех случаях, когда к.-л. злоупотребляет свободой в ущерб окружающим, когда имеет место нарушение принципов гуманизма в личных отношениях (уродливое воспитание детей, издевательство над членами семьи, хулиганство, алкоголизм и т. п.). Лишь после того, когда в упомянутых случаях исчерпаны все возможности личного воздействия, социалистиче-

ское об-во прибегает к публичному суду общественности и административным мерам. Именно потому, что в быту человек в значительно большей степени предоставлен самому себе и субъективно относится к нему как к своему личному делу, эта область имеет особое значение с т. зр. морали. К личной жизни в целом можно применить замечание К. Маркса относительно отношений полов: здесь поведение человека показывает, «насколько стала для человека природой человеческая сущность» (т. 42, с. 115), т. е. насколько общественные нормы нравственности усвоены человеком, стали его собственной природой, личной потребностью. По его отношению к окружающим в быту можно «судить о ступени общей культуры человека» (там же). Вот почему Коммунистическая партия, советская общественность уделяют огромное внимание процессам, происходящим в семье, в области быта и досуга людей. Здесь существует немало сложных проблем, решение к-рых связано с материальным и культурным прогрессом об-ва в целом. Необходимым условием складывания коммунистических отношений в быту является также целенаправленное, повседневное и всестороннее моральное *воспитание* людей, развитие личной сознательности, формирование у каждого моральных *чувств* и *привычек*, соответствующих требованиям коммунистической нравственности.

ВЕЖЛИВОСТЬ — моральное качество, характеризующее поведение человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими. В.—элементарное требование культуры поведения; она включает: внимательность, внешнее проявление доброжелательности ко всем, готовность оказать услугу каждому, кто в этом нуждается, деликатность, такт. Противоположностью В. являются грубость, хамство, проявление высокомерия и пренебрежительного отношения к людям. (См. также *Нравственная культура личности*).

ВЕЛИКОДУШИЕ — положительное моральное качество; такая форма проявления человечности в повседневных взаимоотношениях людей, при которой гуманность превосходит меру общепринятых норм или проявляется по отношению к тому, кто ее не вполне заслуживает. Моральным сознанием об-ва оцениваются как В. такие, напр., случаи проявления гуманности: самопожертвование ради интересов др.; отказ от требования наказать совершившего проступок

или причинившего ущерб; гуманное отношение к побежденному. В христианской морали В. понимается как всепрощение. Людям вменяется «не помнить зла», им причиненного, прощать «ближним» все их прегрешения, «любить врагов своих» (*Терпимость*). Обратной стороной этой заповеди является отсутствие требовательности к людям, попустительство злодеяниям. Коммунистическая нравственность вкладывает в понятие В. иной смысл, оценивая им лишь такую гуманность, к-рая направлена на защиту подлинных интересов человека и об-ва. В этом смысле В. предполагает высокую требовательность к людям, подчинено в конечном счете задаче построения самого гуманного и справедливого об-ва — коммунизма. Примером может служить отношение советского закона к преступнику: его наказание является не просто актом *воздаяния*, возмездия, а преследует цель создать условия для его исправления, помочь ему осознать свою вину перед об-вом и людьми и в дальнейшем стать полезным и полноправным членом социалистического об-ва.

ВЕРНОСТЬ — моральное качество, характеризующее нравственную личность и ее линию поведения; означает неизменную приверженность делу об-ва, класса, партии, общественному движению; неукоснительное выполнение данных обязательств; постоянство в отношениях с др. людьми, с к-рыми данная личность связана узами дружбы, любви, брака. В. тесно связана с др. моральными качествами, к-рыми она обуславливается: это *идейность*, глубокая *убежденность* в правоте избранного дела, *принципиальность*, требующая от человека последовательности в убеждениях и действиях, стойкость по отношению к трудностям, соблазнам и проискам врагов, самоотверженность. Отсутствие этих качеств нередко приводит человека к нарушению В., к *измене*. В. является лишь формальной характеристикой личности и ее действий и сама по себе ничего не говорит об их содержании. Однако именно содержание дела и его общественное значение во мн. обуславливают ту степень В., к-рую обычно проявляют его участники. Чем выше цель борьбы, тем крепче моральное единство ее участников. Не удивительно поэтому, что, напр., в годы Великой Отечественной войны советский народ показал беспримерные в истории образцы В. своему Отечеству, проявив ее в массовом героизме и самопожертвовании. В. — одно из неперемненных условий совместной деятельности людей

(Человек и общество, Личность и коллектив). Это качество человечество культивировало на протяжении всей своей истории (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). Однако частнообстоятельные отношения часто обуславливают нарушение В., способствуют измене и *вероломству*. Особое значение имеет В. в революционной деятельности. «...Быть солдатом революции,— писал Э. Тельман,— это значит: хранить нерушимую верность делу, такую верность, которая проверяется жизнью и смертью». В. высоким гуманистическим идеалам, интересам трудящихся всего мира (*Интернационализм*) является одним из важнейших требований коммунистической нравственности. С этим требованием непосредственно связана В. социалистической Родине (*Патриотизм*) и своему народу. Непреложным требованием, предъявляемым к коммунистам Уставом партии, является В. марксистско-ленинскому учению и сохранение на этой основе единства партийных рядов как внутри каждой братской партии, так и в международном коммунистическом движении в целом. Коммунистическая нравственность требует от людей строгого выполнения взятых на себя обязательств и в личных взаимоотношениях, и по отношению к об-ву.

ВЕРОЛОМСТВО — отрицательное моральное качество, характеризующее злоумышленные коварные действия, сознательный обман чужого доверия или вопию-

щее нарушение принятых обязательств (В. буквально означает ломать веру). Как В. обычно оцениваются следующие действия: преднамеренное нарушение *верности* обещанию, соглашению или молчаливо подразумеваемым обязательствам, к-рые вытекают из взаимоотношений солидарности, дружбы, любви (*Измена, Предательство*); клевета, ложный донос на др. человека, диктуемый завистью, ненавистью и стремлением использовать себе в выгоду несчастье другого; клятвопреступление, принесение клятвы с намерением нарушить ее в дальнейшем; сознательное введение др. человека в заблуждение с целью использовать затем его ложное убеждение против него же самого в эгоистических целях; интриганство, использующее интересы, стремления, а также неведение др. человека в качестве средства для достижения враждебных этому человеку целей. В. всегда осуждалось моральным сознанием (*Честность, Правдивость*). Однако об-во, основанное на частной собственности и классовых антагонизмах, признавало на практике законность обмана конкурента в коммерции, демагогии в политике, лицемерия в идеологии и морали, вообще использование человека в качестве средства для достижения своекорыстных целей (*Иезуитизм, Макиавеллизм, Цели и средства*). Лишь коммунистическая нравственность, в принципе осуждающая эгоизм и использование интересов и убеж-

дений людей против них самих, до конца последовательна в разоблачении антигуманного смысла В.

ВЗАИМОПОМОЩЬ — отношения между людьми в коллективе (*Личность и коллектив*), возникающие в условиях общности интересов и целей, когда объединение усилий и одновременно разделение функций предполагают взаимную поддержку индивидуальных усилий каждого. В. вытекает из самого характера человеческого труда, к-рый может быть только общественным, требует объединения усилий мн. людей. В первобытном об-ве В. была определяющей характеристикой отношений между людьми. С появлением частной собственности и классов возникает несоответствие между общественной природой человека и антагонизмом между людьми. Однако на основе классовой *солидарности* трудящихся возникают и развиваются *товарищество* и В. между ними. Как отношения людей в масштабах всего об-ва В. устанавливается впервые лишь при социализме. Требование В. в коммунистической нравственности является составной частью принципа *коллективизма*. Она характерна не только для отношений людей внутри каждого социалистического государства, но и для межгосударственных взаимоотношений стран, входящих в социалистическое содружество.

ВИВЕКАНАНДА Свами (псевдоним Нарендранатха Датта) (1863—1902) — инд. мыслитель-

гуманист, религиозный реформатор и общественный деятель. В Европе и Америке известен как пропагандист неоведантизма, автор лекций о *йоге*. В. пытался переосмыслить сложившиеся религиозные представления, выступал против искусственного отделения религиозных культов от жизни. Отвергая слепое поклонение авторитетам, В. призывал людей к сохранению чувства собственного достоинства, рекомендовал им доверять собственному разуму. При этом он абсолютизировал роль разумных усилий, считая, что «нет ни греха, ни добродетели, есть только невежество». Излагая учение о *йоге*, в качестве обязательного условия В. выдвигал нравственные требования: быть правдивым, не завидовать, делать добро др. людям, не наносить вреда живому, не посягать на чужое достояние и т. д. Он осуждал тех, кто занят лишь личным спасением, и тех, кто, зная высокие принципы, не осуществляет их в собственной жизни («слишком многие борются с заблуждениями соседа»). Придерживаясь религиозно-идеалистических взглядов, В. признавал, однако, заслуги науки, материализма и даже атеизма. Национально-патриотический дух учения В. не мешал ему ценить достижения др. народов, а демократическое содержание его учения способствовало освободительному движению в Индии.

ВИНА (виновность) — положение (состояние), противоположное *правоте*; в к-ром оказывается

человек, нарушивший нравственные или правовые нормы, совершивший *проступок* или *преступление*. Состояние В. является выражением морального отношения, в к-ром личность находится к др. людям и к об-ву в целом. Поскольку человек, опираясь на разум и волю, выбирает свой образ действий и ответствен перед об-вом за собственные поступки, он выступает как виновный, если избежал возложенной на него *ответственности*, пренебрег принятыми моральными ценностями и не исполнил своего нравственного долга. В праве установление В. человека, игнорирующего общественные интересы и нормы, является основанием для понесения им наказания, в морали же В. влечет за собой лишь осуждение (*Санкция, Поощрение и наказание*). В том случае, когда человек сам признает свою В., он может (в зависимости от его мировоззренческой, нравственной зрелости) испытывать страдание, угрызения *совести*, *раскаяние*, чувство *стыда* или же просто *страх* перед возмездием. В религиозной морали В. признается изначально присущим человеку свойством, следствием первородного греха. Поэтому *искупление* В. ставится здесь прежде всего в зависимость от божьей благодати. В нек-рых направлениях совр. буржуазной философии В. рассматривается также в качестве постоянной характеристики личности. Напр., для *фрейдизма* В. является результатом напряжен-

ности, непременно возникающей из-за несовпадения требований «сверх-Я» (совести и установок об-ва) и достижений «Я» (сознания, ориентирующегося на реальность); согласно *экзистенциализму*, человек виновен уже потому, что никогда не реализует возможностей своего существования, некоммуникабелен и одинок (а потому склонен к межличностным конфликтам), противостоит природе. Марксистская этика, наоборот, считает В. временным и конкретно обусловленным состоянием человека, следствием его собственных аморальных поступков (включая отказ от действий, ожидаемых от него об-вом). Подобное состояние он всегда может преодолеть путем осознания своей В., исправления поведения, совершения в дальнейшем таких деяний, к-рые послужат искуплением В.

ВНЕШНЯЯ КУЛЬТУРА — см. *Культура поведения*.

ВОЗДАЯНИЕ — вознаграждение или наказание человека за совершенные им действия в соответствии с их моральной *ценностью*. Эквивалентное В. издавна считалось одним из неперемennых требований *справедливости*; без него представлялось невозможным требовать от людей выполнения определенных норм поведения. Принцип В. используется в праве (наказание сообразно с мерой преступления), а также лежит в основе материального стимулирования деятельности людей. В морали проблема справедливого В. возни-

кает тогда, когда люди начинают отличать личные интересы от общественных. Поскольку эксплуататорское об-во, основанное на социальной несправедливости, как правило, не обеспечивает действительного вознаграждения добродетели и наказания порока, то в религиозной морали В. переносится в потусторонний мир. Вера в «загробную жизнь» и «божий суд» выдвигается там как единственная гарантия и предпосылка нравственного образа жизни людей на земле. Т. обр., моральная *санкция* по аналогии с правовой толковалась как своеобразная «материальная компенсация» в потустороннем мире за благодеяния и злодеяния, совершенные в земной жизни. В действительности же подлинно моральной санкцией являются *поощрение и наказание*, осуществляемые посредством духовного воздействия на людей. Принцип В. впервые находит последовательное осуществление лишь при социализме, и прежде всего в распределении по труду. Здесь этот принцип не только способствует развитию трудовой активности, но, будучи воплощением требований справедливости, является вместе с тем и способом духовного воздействия об-ва на личность (признание ее заслуг стимулирует у нее трудолюбие и т. п.). Достижение полного единства материальных интересов личности и об-ва при коммунизме снимет саму проблему В., к-рая имеет смысл лишь до тех пор, пока сохраняет-

ся их различие. В обыденном языке термин «В.» в настоящее время употребляется редко.

ВОЛЮНТАРИЗМ (лат. voluntas — воля) — в морали — это субъективистский принцип понимания нравственной деятельности, согласно к-рому человек должен совершать свой моральный выбор независимо от к.-л. социальных законов и общественных норм, «свободно» определять свою нравственность, руководствуясь лишь собственным произвольным усмотрением. В.—крайнее выражение этического *релятивизма*, в основе к-рого лежит извращенное понимание нравственной свободы человека, *самодетельности и творчества* в морали. Как практический принцип поведения В. выражает т. зр. крайнего *индивидуализма* и *нигилизма* и в конечном итоге ведет к *аморализму*. Термин «В.» был введен нем. социологом Ф. Тённисом в конце XIX в. Однако волонтаристские идеи в этике (как и в философии) выдвигались и раньше. Особенно характерен принцип В. для этического *иррационализма*, для *Шопенгауэра*, *Ницше*, *Бергсона* (см. также *Экзистенциализм*, *Самореализации этика*, *«Гуманистическая» этика*). Широкое распространение волонтаристского понимания нравственности в совр. буржуазной этике связано с общим кризисом капитализма и обусловленным им обострением противоречия между *человеком и обществом*. Принцип В. в философии и этике был подвергнут науч-

ной критике с позиций марксизма-ленинизма (*Причинность в морали*, *Свобода воли*, *Свобода нравственная*).

ВОЛЮТИВНАЯ ЭТИКА — см. *Неопозитивизм*.

ВОСПИТАНИЕ НАВСТВЕННОЕ — составная часть единого процесса общественного воспитания наряду с идейно-политическим, трудовым, бытовым, эстетическим и др. (*Комплексный подход к воспитанию*). Необходимость регулирования об-вом поведения людей включает с т. зр. морали две взаимосвязанные задачи: во-первых, выработку нравственных требований, к-рые находят отражение и получают обоснование в моральном сознании об-ва в виде *норм, принципов, идеалов, понятий справедливости, добра, зла* и т. п.; во-вторых, внедрение этих требований и связанных с ними представлений в сознание каждого отдельного человека, с тем чтобы он мог сам направлять и контролировать свои действия (*Самоконтроль*), а также участвовать в процессе регулирования общественно-го поведения, т. е. предъявлять моральные требования к др. людям и оценивать их поступки. Эта вторая задача и решается путем В. н., к-рое включает формирование у человека соответствующих *убеждений, нравственных чувств, привычек, потребностей, устойчивых моральных качеств* личности. Содержание процесса В. н. в том или ином об-ве определяется прежде всего его целями. Послед-

ние же обусловлены характером общественных отношений и соответствующей им идеологией. Поэтому В. н., как и мораль, имеет классовый характер, хотя также включает общечеловеческие элементы (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). Во всей предшествующей истории В. н. происходило в осн. стихийно, как результат восприятия человеком условий своего общественного бытия, приспособления его к существующим способам поведения, определенной социальной дисциплине. В рамках отдельных институтов (трудовые коллективы, семья, школа, церковь, печать, литература) процесс воспитания, правда, имеет в определенных пределах целенаправленный характер, осуществляется с применением специально выработанных средств и методов. Однако в классово антагонистическом об-ве такая целенаправленность носит узкоограниченный характер. Это проявляется, во-первых, в разделении собственно воспитания и социальной практики людей, поскольку сами объективные условия общественного бытия остаются вне контроля воспитателей и часто порождают у людей чувства и убеждения, прямо противоположные тому, что им проповедают. Во-вторых, когда просветители поставили задачу всеобъемлющего социального воспитания людей, то они разделили об-во на две части: на воспитателей и воспитуемых, забыв о том, что «воспитатель сам должен быть

воспитан» (*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 42, с. 265). В совр. капиталистическом об-ве эта т. зр. вылилась в теорию «просвещенной элиты» и «толпы», в оправдание практики «манипулирования» сознанием масс в интересах «большой политики». Марксизм-ленинизм принципиально по-иному ставит вопрос о В. н., связывая его с революционной борьбой самих народных масс, с практикой строительства социализма и коммунизма. «Действительное воспитание масс,— пишет В. И. Ленин,— никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю» (т. 30, с. 314). Одна из гл. целей В. н. при социализме — преодоление противоречия между знанием и поведением, т. наз. «двойной морали», формирование активной *жизненной позиции*, когда *единство слова и дела* становится повседневной нормой поведения. В развитии социалистическом об-ве планомерно преобразуются объективные условия общественного бытия людей и тем самым создаются предпосылки к осуществлению целенаправленного В. н. в масштабах всего об-ва в процессе самой практической деятельности народных масс (*Коммунистическое воспитание*).

ВСЕСТОРОННЕЕ, ЦЕЛОСТНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ.—

Проблема целостного, гармонического развития человека возникает из понимания противоречивого характера прогресса об-ва, основанного на разделении труда. В результате этого разделения отдельный человек выполняет лишь часть того, что образует человеческую предметную деятельность как целое, становится тем самым односторонним, и уровень его способностей резко отстает от уровня общественной культуры. Целостное развитие человека состоит в таком освоении богатств общественной культуры, когда каждый человек становится самостоятельной и творческой личностью. Социальное разделение труда, в отличие от специализации, к-рая представляет собой сосредоточение деятельности разных людей на специальных предметах, есть расчленение самого труда, т. е. труда как способа, каким производится и воспроизводится весь предметный мир материальной и духовной культуры, расчленение самой трудовой деятельности на частичные функции и закрепление за каждым одной из таких функций. Согласно К. Марксу и Ф. Энгельсу, «вместе с разделением труда разделяется и сам человек» (т. 20, с. 303); он становится уродливо односторонним, «частичным», превращается в орудие выполняемой работы (т. 23, с. 373, 660). Такого разделение материального и духовного, физического и умственно-

го труда, практической и теоретической, исполнительской и целеполагающей деятельности, доходящее до их полной противоположности, что нашло выражение в расколе об-ва на антагонистические классы. Разделение промышленного и сельскохозяйственного труда, обособление науки, искусства, идеологии и т. п. в противостоящие друг другу сферы означают превращение многих сторон человеческой жизни, человеческих способностей в принадлежность только об-ва. Кроме того, нек-рые аспекты деятельности социальных институтов по своей природе не могут быть достоянием человеческой личности. В системе такого уродующего разделения труда, в системе классовых отношений сам человек оказывается создателем целой иерархии стоящих над ним, отчужденных сил (*Отчуждение*). В пределах своей «частичной» деятельности он лишь бесконечно малая частица жизни целого (об-ва). Необходимость того, что он делает, выступает для него как принудительное требование извне, к-рое ему остается лишь исполнять. Вместо того чтобы быть свободным, самостоятельным субъектом, сознательно создающим формы своей жизни, он превращается в объект, в слепого исполнителя диктуемой извне обязанности, используется об-вом лишь как средство, как рабочая сила. Все осн. формы поведения в об-ве и даже сознания человеку предписываются как заранее «запрограммиро-

ванные» функции. Соответственно этому господствующая классовая мораль служит одним из регуляторов выполнения им этих социальных функций и выражением принудительности общественных норм. В этих условиях человек вынужден рассматривать нравственный долг как нечто принципиально чуждое своим внутренним устремлениям. Такое положение человека характеризует всю историю классового антагонистического общества. Социализм устраняет противоположность классов. В процессе строительства коммунизма постепенно преодолевается уродующее личность социальное разделение труда, разделение труда физического и умственного, управляющего и исполнительского и т. п. Это достигается не просто путем сочетания одним лицом нескольких трудовых функций, не механическим соединением «частичных» функций, к-рые породило социальное разделение и отчуждение труда, а устранением такой расщепленности. Устраняет ее развитие деятельности, к-рая включает в себе все богатство творческого содержания, социального смысла и нравственной устремленности. Если еще при капитализме сама крупная промышленность требует «возможно большей многосторонности рабочих» (*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 23, с. 499) и перемен видов труда, то развитие коммунистической формации требует не просто многосторонней, но и целостной деятельности, ставшей

первой потребностью каждого. Человек в самом процессе труда осваивает все те функции (административно-контрольные, распределительные и руководящие, охранные), к-рые раньше стояли над ним (и тем самым делает ненужным их особое выделение). Он включает в свою собственную деятельность решение всех этих задач в качестве вспомогательных функций, становится универсальным и творческим субъектом. Это и означает целостное развитие личности. Все то, что диктуется потребностями общества в целом, становится необходимым содержанием деятельности каждого человека, его собственной потребностью. Достигается единство целей личности и общества. Нравственный смысл решения данной проблемы вытекает из того, что человек и общество перестают рассматривать друг друга как средство. С одной стороны, личность делает непосредственно своими цели общества. С др.— общество не ставит никаких целей, противоречащих интересам самого полного развития и духовного расцвета всех внутренних сил личности. Осн. принципом коммунизма «является полное и свободное развитие каждого индивидуума» (там же, с. 605). Поэтому и в непосредственных отношениях между людьми никто не делает др. своим средством. На место противоположности потребностей, эгоистических склонностей нравственному долгу приходит человеческое самосознание, для к-рого ответственность за

все дела об-ва стала определяющим мотивом поступков. Марксистское понятие целостности человека противостоит как механической разносторонности, так и односторонней цельности; оно характеризует внутреннюю восприимчивость человека к результатам культурно-исторического процесса. Становление гармонически, целостно развитого человека — сердцевиной процесса коммунистического воспитания, одно из условий построения коммунизма.

ВЫБОР МОРАЛЬНЫЙ — акт моральной деятельности, выражающийся в сознательном предпочтении определенной линии поведения или конкретного варианта поступка, когда человек самостоятельно должен принять моральное решение в пользу одного из них и нередко вопреки др. (*Конфликт моральный*). Субъектом В. м. может быть: индивид, принимающий решение о поступке; коллектив людей, формирующий нормы взаимоотношений своих членов; класс, стремящийся изменить или сохранить существующую социально-политическую систему; об-во в целом. Индивидуальный В. м. воплощает в себе существенные черты моральных предпочтений группы, коллектива, класса и всего об-ва. В. м. отражает степень нравственной свободы личности и об-ва, суть которой выразил Ф. Энгельс, говоря о способности принимать решения со знанием дела. Предпочтение одного поступка др. обязывает сопоставить В. м. с обстоятельствами,

слить целесообразность с моральной принципиальностью, гуманностью, выбрать необходимые средства (*Цели и средства*), обеспечивающие достижение цели и органическое единство мотива и последствий. Особенно отчетливо В. м. проявляется в конфликтной ситуации, когда сталкиваются между собой интересы личности и об-ва (личная склонность и долг), собственные и чужие интересы (соображения эгоизма и альтруизма), или же вступают в противоречие различные моральные требования (напр., когда выполнение обязательства может причинить ущерб об-ву или отдельным лицам, когда требование благодарности влечет за собой нарушение принципиальности и т. п.). Конфликтные ситуации и необходимость В. м. возникают при столкновении различных ценностей и норм, обусловленном социальными противоречиями, несогласованностью разных обязанностей, непродуманными действиями отдельных лиц или случайными обстоятельствами. Моральные требования, предъявляемые к лицу, находящемуся в ситуации выбора, предполагают учет последствий принимаемого решения и повелевают предпочесть выбор, имеющий результатом минимум зла и максимум добра. Коммунистическая нравственность требует, чтобы В. м. совершался по внутреннему убеждению (*Убежденность, Совесть*), а не просто по указаниям др. лиц, осуждает стремление избежать личной ответственности,

попытки оправдать свои поступки ссылками на чей-либо *авторитет*, на официальное распоряжение, принуждение окружающих или на то, что «так поступают другие». В то же время само личное убеждение, являющееся основой того или иного В. м., должно соответствовать общим требованиям коммунистической нравственности. Марксистско-ленинская этика отвергает индивидуалистическую т. зр. *экзистенциализма*, к-рый придает значение не моральному содержанию выбранного поступка, а лишь самостоятельности самого В. м., «аутентичности» действия, совершаемого без учета общественных норм.

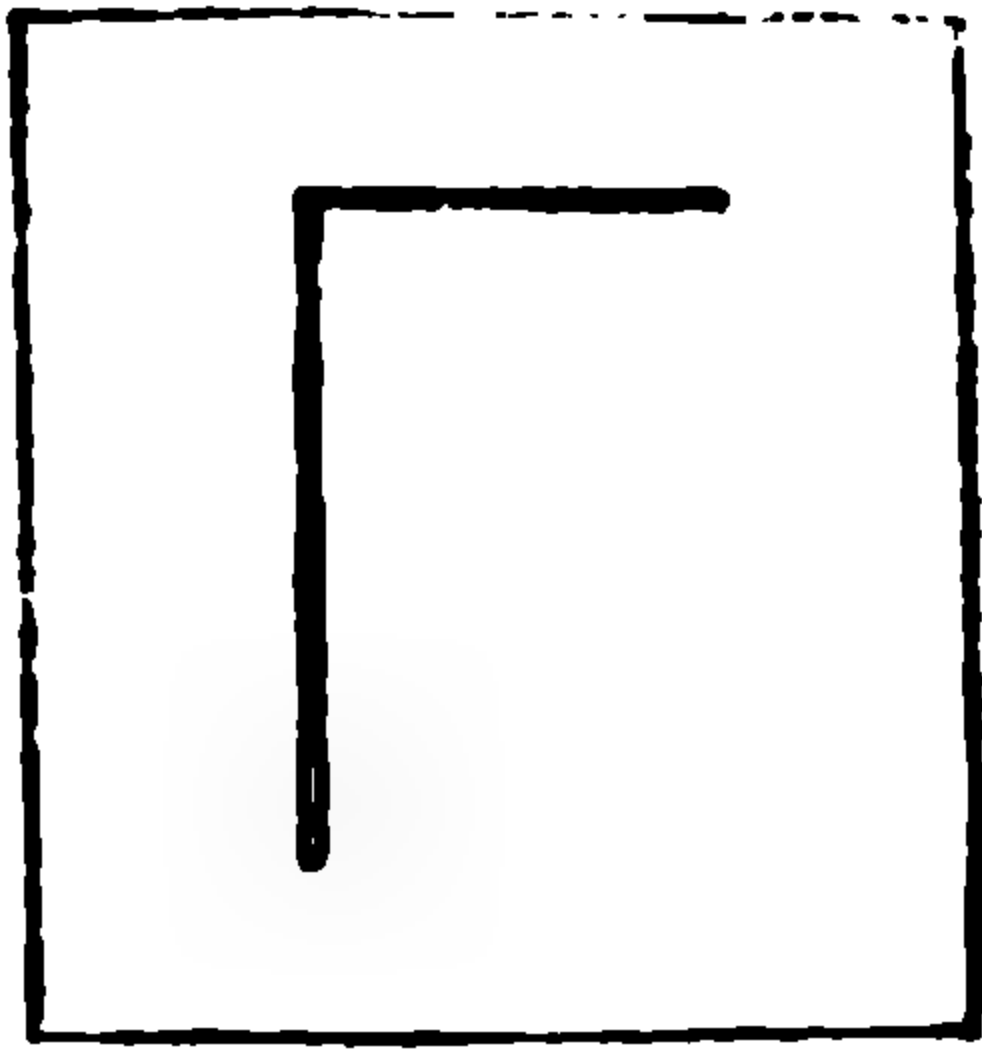
ВЫДЕРЖКА — моральное *качество*, в к-ром находят конкретное проявление определенные стороны *самообладания*; включает: умение человека осуществлять контроль над своими чувствами, подчинять свои действия достижению поставленной цели, несмотря на возникающие препятствия и непредвиденные обстоятельства (настойчивость); способность преодолевать трудности, подавлять в себе малодушное желание отказаться от намеченных задач (упорство); *верность* избранным идеалам и принципам вопреки тяготам и лишениям, пассивному или активному противодействию и принуждению со стороны открытых врагов (стойкость); умение подавлять в себе раздражение, пессимистические или, наоборот, авантюристические настроения при столк-

новении с сопротивлением окружающих. В коммунистической нравственности В. рассматривается не только как показатель волевых способностей человека, но и как предпосылка максимальной целесообразности человеческой деятельности и гуманного отношения к людям. Особенно большое значение В. имеет для руководителя, от к-рого требуется трезвая оценка обстановки, умение терпеливо и убедительно разъяснять людям политическую линию партии, не прибегать без надобности к крайним мерам, добиваться понимания и осознания всеми задач, стоящих перед социалистическим об-вом, никогда не забывать об интересах и потребностях трудящихся.

ВЫСОКОМЕРИЕ — отрицательное моральное *качество*, характеризующее неуважительно-презрительное, надменное отношение к др. людям (к отдельным личностям, определенным социальным слоям или людям вообще), связанное с преувеличением своих собственных достоинств и себялюбием. Противоположными качествами являются *скромность* и *уважение* к людям. Социальной базой В. является социально-экономическое неравенство в классово антагонистическом об-ве, позволяющее одним пользоваться привилегиями в имущественном положении, правах, овладении духовной культурой и притязать на роль «элиты» об-ва и обрекающее др. на угнетенное положение, материальную и духовную нищету. В классовом

об-ве получают распространение философские и этические учения, теоретически обосновывающие В. по отношению к «толпе» (напр., теория *Ницше*, разделяющая человечество на большинство «рабов» и отдельных «сверхлюдей»; концепция *Бергсона*, в к-рой догматической морали «толпы» противопоставлялась «творческая» нравственность «избранных», «героев» и др.). В условиях социалистического об-ва В. является *пережитком* прошлого, к-рый обычно связан с различиями в материальном и культурном уровне людей и проявлениями индивидуалистической психологии (отсутствие скромно-

сти, зазнайство, чванство, тщеславие). Коммунистическая нравственность исходя из марксистского учения о решающей роли народных масс в истории, в развитии культуры резко осуждает пренебрежительное отношение к народу в целом и к отдельным лицам. Хотя способности и форма деятельности людей не одинаковы, эти различия не влияют на *достоинство* людей. Каждый член социалистического об-ва, честно выполняющий свои обязанности, обладает, независимо от специфики деятельности и социального положения, правом на уважение.

ГАНДИ Мохандас Карамчанд (1869—1948) — один из лидеров и идеологов инд. национально-освободительного движения. Не ставя перед собой задачу выработки целостной теории морали, Г. обращался к этическим вопросам в интересах «морализации», нравственного подкрепления политики сатьяграхи (освободительной борьбы) и вовлечения в нее народных масс, прежде всего крестьянства. С помощью этики им обосновывались идеалы возвышения достоинства личности, ликвидации социального неравенства, дискриминации людей на основе кастовой принадлежности, вероисповедания, имущественного положения, цвета кожи и т. п. Исходным принципом Г. считал ахимсу — воздержание от нанесения живым существам какого-либо вреда. На этом принципе зиждется гандистская доктрина ненасилия. Гл. атрибут ахимсы — любовь, приобретающая характер всеобъемлющей нравственной категории. «Только там есть жизнь, где есть любовь. Жизнь без любви — смерть», — говорил Г. Любовь несовместима с причинением

кому-либо страданий, последователь ахимсы должен принимать страдания на себя. Из этого выводится второй атрибут ахимсы — страдание. Среди моральных норм на первое место Г. ставит брахмачарию — воздержание от поворства своим слабостям, освобождение от страстей, связанное, в частности, и с обетом безбрачия, он придает большое значение воспитанию таких качеств, как мужество, храбрость, умение преодолевать всякий страх. Трактовка Г. этой и др. моральных категорий отмечена социально-исторической ограниченностью. Так, храбрость должна проявляться не в смелых выступлениях против существующего зла, а прежде всего в готовности принять страдания, принести себя в жертву. В сфере имущественных отношений Г. считал необходимым основываться на принципе апариграхи — нестяжательства, призывая богачей умерить свою алчность и откликнуться на нужды нищих и голодающих. Этот принцип — важная составная часть проповедуемой им морали аскетизма. Весь комплекс моральных

норм, по Г., объединяется всеобщим моральным законом, божественным по своему происхождению. Под его воздействием происходит процесс нравственного совершенствования индивида, в результате чего полностью устраняются эгоистические устремления. Важнейшим средством его реализации провозглашается самоанализ, контроль над мыслями, словами и поступками. Основанные на религиозно-идеалистических принципах, этические представления Г., с помощью к-рых он решал проблемы политики, повседневной жизни, оказали большое влияние на нравственное сознание различных социальных слоев Индии.

ГАРТМАН (Hartmann) Николай (1882—1950) — нем. философ, объективный идеалист, взгляды к-рого развивались под влиянием марбургской школы неокантианства, а затем Э. Гуссерля и М. Шелера; представитель совр. буржуазной *аксиологии* и один из создателей феноменологической этики; проф. Марбургского, Берлинского и др. ун-тов. Осн. содержание этической *аксиологии* Г. изложено в работе «Этика» (1925). *Ценности*, с т. зр. Г., не зависят ни от оцениваемых предметов, ни от самого акта оценки, они объективны, хотя и не являются реальными свойствами предметов. Ценности находятся по ту сторону и субъективного сознания человека, и материальной действительности. Они принадлежат

к особой сфере бытия — царству «идеальных сущностей», находящемуся вне пространства и времени, — а потому абсолютны, извечны и неизменны. Г. следует здесь традиции платоновского идеализма (*Платон*). Ценности характеризуются им как «творящие принципы реального». Моральные ценности, напр., имеют, с его т. зр., тот смысл, что требуют согласования действительного с должным и утверждения и сохранения того, что является ценным. Но сами по себе ценности не обладают способностью осуществляться в действительности и изменять мир сущего, т. к. в нем все происходит по законам причин и следствий, а не по логике долженствования. Осуществить требование ценности может только человек, к-рый живет в мире сущего и поэтому обладает реальной деятельной силой. Одновременно он причастен к миру ценности и долженствования, поэтому обладает *свободой воли*. В отличие от всех др. природных существ, человек имеет «судьбу», «предназначение» исполнять ценное и должное, преодолевая сопротивление внешней необходимости. Познает же человек ценности посредством интеллектуального, но имеющего эмоциональную окраску созерцания, интуиции, т. к. природа ценностей «отмечена печатью иррациональности». Объективно-идеалистическая концепция Г. с присущими ей элементами *иррационализма* от-

ражает определенные стороны духовной жизни совр. буржуазного индивида, в особенности интеллигента. Последний постоянно попадает в противоречивое положение, с одной стороны, требующее от него действий, отвечающих внешней социальной необходимости, практическому расчету, политической конъюнктуре и частному интересу, а с др.—повелевающее ему исполнить свой нравственный долг, к-рый зачастую противоречит логике социальных отношений буржуазного об-ва. Обостренное переживание этого противоречия и нашло выражение в представлении Г. о двух мирах (ценности и сущего) и о раздвоенности человеческого бытия на сферы реальной действительности и идеального долженствования. Идеи Г. иногда выступают как философская платформа совр. буржуазного либерализма.

ГАРТМАН (Hartmann) Эдуард (1842—1906) — нем. философ-идеалист, представитель *иррационализма*. Отправной пункт философской системы Г.—бессознательное духовное начало, наделенное двумя атрибутами: волей и представлением (идеей). Борьба этих последних определяет, по Г., весь ход мирового развития, от нее зависит место, занимаемое человечеством в системе мирового целого, и его назначение; она накладывает отпечаток и на образ мыслей людей, на их поведение. Подобно своему предшественнику *Шопенгауэру*, Г. придерживался

в области этики крайне пессимистических взглядов: бессознательное начало породило мир таким, что в нем страдания, бедствия превышают радости. Г. объявляет стремление к счастью лишь иллюзией. Вначале люди рассчитывают добиться счастья в земной жизни (античность), затем уповают на потусторонний мир (средние века) и, наконец, связывают свои надежды на счастливую жизнь с социальным прогрессом (новое время). Однако, постигнув тщетность этих стремлений, человечество должно прийти к единственно правильному решению — единым коллективным актом отказаться от всех желаний, освободиться от бедствий бытия. Так осуществляется мистическая цель мирового процесса — победа сознания над косной, неразумной волей, и мир прекращает свое существование. На основе этих взглядов Г. формулирует принципы нравственного поведения человека: отвергая поведение, руководимое своекорыстными устремлениями (эгоистическая мораль), а также освященное авторитетом семьи, церкви, государства (гетерономная мораль), он признает истинной автономную мораль, корни к-рой заключены в религиозном сознании. Всякая нравственная обязанность существует, по мнению Г., лишь как обязанность по отношению к богу. Человек поступает нравственно, если, осознавая свое единство с бессознательным духовным началом, он делает цели

последнего своими собственными целями. Таков смысл этической системы Г., этого, по характеристике В. И. Ленина, последовательного идеалиста и последовательного реакционера в философии (т. 18, с. 61). Осн. этические соч.: «Философия бессознательно-го» (1869), «Феноменология нравственного сознания» (1879), «К истории и обоснованию пессимизма» (1880), «Этические очерки» (1898).

ГЕГЕЛЬ (Hegel) Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — представитель нем. классической философии, объективный идеалист, создатель диалектической логики. В гегелевской философской системе учение о морали и нравственности (Г. настаивал на разграничении этих понятий) растворено в общем содержании «Философии права» (1821). Правда, и его общеполитическая система содержит элементы морализации («то, что действительно, то разумно»; совпадение процесса становления абсолютного духа с завоеванием духом свободы). У Г. известным образом отождествляются онтология и этика (действительность, разум есть также и добро). Своеобразие этики Г. состояло в том, что он, оставив спор об отвлеченных моральных принципах, сосредоточил внимание на тех социальных формах, в которых протекает нравственная деятельность человека. Здесь сказалось его апологетическое отношение к прусскому государству и связанная с этим недооценка специфики морали.

На место нравственной добродетели Г. ставит санкционированную существующим об-вом и государством «добропорядочность», а идею служения человечеству в целом (что в абстрактном виде выражено в *категорическом императиве* Канта) заменяет конкретными и частными обязанностями, в которых он находит элементы единичного (семья), особенного (корпорации и сословия в «гражданском об-ве») и всеобщего (сфера государственной деятельности), причем последнее играет определяющую роль как воплощение «конкретной тотальности». Т. обр., этика Г. есть мораль обязанностей перед семьей, об-вом и государством. В связи с этим Г. отрицает значение нравственной критики существующих порядков с позиции должного, а государственную деятельность «великих личностей» освобождает от критериев обычной человеческой моральности. Субъективный аспект нравственных отношений (проблемы совести и идеала) и моральной ответственности личности, соотношение личной и общественной морали (в частности, возможность конфликта между ними) оставлены Г. без внимания. Односторонность этических взглядов Г. вызвала столь же одностороннюю критику их со стороны *Кьеркегора*. Англ. неогегельянец Б. Бозанкет акцентировал внимание на «этическом оправдании государства» и государственного принуждения, итал. нео-

гегельянец Дж. Джентиле приспособил этику Г. к нуждам тоталитарного фашистского режима.

ГЕДОНИЗМ (греч. *hedone* — наслаждение) — широко применявшийся в истории этической мысли способ обоснования морали и истолкования ее природы и целей. Все содержание разнообразных моральных требований Г. сводит к общей цели — к получению наслаждения и избежанию страдания. Эта цель рассматривается как осн. движущее начало в человеке, заложенное в него природой (*Натурализм*) и в конечном счете определяющее все его действия. Как принцип нравственности, предписывающий людям стремление к земным радостям, Г. (как и *эвдемонизм*) противоположен *аскетизму*. В Древн. Греции одними из первых философов, проводивших принцип Г. в этике, были *Демокрит* и *Аристипп*. Наиболее же известен своим обоснованием Г. *Эпикур*, с именем к-рого связывается целое течение в теории морали — *эпикуреизм*. Идеи Г. проповедовал также римский последователь Эпикура Лукреций. В эпоху средневековья идеологи христианской церкви резко осуждали Г., считая земные наслаждения греховными (*Грех*). Принцип Г. в этике вновь возрождается в эпоху возникновения и утверждения буржуазных отношений. Это не случайно, поскольку он как нельзя лучше отвечал «классическому» буржуазному воззрению на чело-

века прежде всего как на частного предпринимателя (движущим началом об-ва является частное лицо, преследующее свои собственные интересы; целью об-ва и, следовательно, морали должно быть *благо* этого частного лица, а его материальное благополучие является в конечном счете содержанием общечеловеческого блага). *Гоббс*, *Локк*, П. Гассенди, *Спиноза*, фр. материалисты XVIII в. в борьбе против религиозного понимания нравственности часто прибегали к гедонистическому истолкованию морали. В дальнейшем принцип Г. нашел наиболее полное выражение в *утилитаризме*. Идеи Г. разделяют мн. теоретики совр. буржуазной этики — Дж. Сантаяна, М. Шлик, Д. Дрейк и др. В древности и в новое время Г. играл в целом прогрессивную роль в этике, поскольку он противостоял религиозной нравственности и представлял собой попытку истолковать мораль с материалистических позиций. Однако его нельзя считать научным принципом этической теории. Тем более он не отвечает совр. уровню знаний о человеке. Марксизм рассматривает человека как существо общественное. С этой т. зр. сведение многообразных человеческих потребностей к получению наслаждения является крайним упрощением и в конечном итоге исходит из биологического или чисто психологического понимания человека как только природного существа. Гедонистический прин-

ции носит, кроме того, индивидуалистический характер и часто тяготеет к этическому *релятивизму*. Сами наслаждения, к к-рым стремятся люди, имеют конкретно-историческую природу; их содержание неодинаково в разные исторические эпохи и у разных социальных групп. Поэтому только в социальной практике следует искать происхождение всех стремлений и целей, к-рые ставят перед собой люди. В совр. буржуазном об-ве формируется комплекс моральных представлений анархо-Г., где мистифицируются и обожествляются «природные» склонности человека к безграничным наслаждениям, отвергаются трудовая дисциплина, социальные обязанности, культурные и моральные нормы как опора консерватизма (*Нигилизм*), выдвигаются требования поиска новых неконтролируемых примитивных связей между людьми, узаконения *аморализма*. Анархо-Г. служит, с одной стороны, крайним средством для массового распространения морали *потребительства*, а с др.— способом отвлечения критически настроенных слоев буржуазного об-ва от подлинно революционной морали.

ГЕЛЬВЕЦИЙ (Helvétius) Клод Адриан (1715—71) — философ-материалист, идеолог революционной фр. буржуазии XVIII в. В трудах Г. «Об уме» (1758) и «О человеке» (изд. 1773) рассмотрены в тесной взаимосвязи философские, социально-политические

и этические проблемы. «Чувственные впечатления, себялюбие, наслаждение и правильно понятый личный интерес составляют основу всей морали. Природное равенство человеческих умственных способностей, единство успехов разума с успехами промышленности, природная доброта человека, всемогущество воспитания — вот главные моменты его системы» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 2, с. 144). Расчленив личный, частный (сословный) и общественный интересы, Г. рассматривал общий интерес (на деле идеализированный буржуазный интерес) в качестве критерия истинной морали. Поскольку правильно понятый личный интерес, по Г., необходимо совпадает с общественным, противоречия между ними, о к-рых свидетельствует история, порождаются корыстью частного интереса, невежеством людей, «несовершенством их законов и, следовательно, незнанием ими некоторых моральных истин». Совершенное законодательство, построенное на основе морали, есть следствие просвещения и устранения от политической власти выразителей частных интересов (дворянства и духовенства). Последнее, согласно учению Г., осуществляет просвещенный монарх. Г. определяет религиозные добродетели (*аскетизм, безбрачие, смирение*) как «ложные», поскольку они вредны для об-ва, а первой из общественных добродетелей объявляет гуманность — «сгусток всех дру-

гих добродетелей...». К гражданским добродетелям он относит также правдивость, справедливость, верность дружбе, своему слову, верность обязательствам, принятым по отношению к об-ву. Раскрепощающий индивида, революционный характер этики Г. высоко оценили классики марксизма, отметив связь этого учения с идеями коммунизма и социализма. В то же время они указали на историческую ограниченность Г., выразившуюся в метафизичности и антиисторизме.

ГЕРОИЗМ — особая форма человеческого поведения, к-рая в нравственном отношении представляет собой *подвиг*. Герой (отдельная личность, группа людей, иногда класс, нация) берет на себя решение исключительной по своим масштабам и трудностям задачи, возлагает на себя бóльшую меру *ответственности* и *обязанностей*, чем предъявляется к людям в обычных условиях общепринятыми нормами поведения, преодолевает в связи с этим особые препятствия. Проблема Г. неоднократно ставилась в истории этической мысли. Некоторые теоретики прошлых веков (Дж. Вико, Гегель) связывали Г. исключительно с т. наз. «героическим периодом» в истории Древн. Греции, к-рый получил отражение в античной мифологии. Мифологический герой наделяется в преданиях сверхчеловеческой силой, пользуется покровительством богов и совершает подвиги во имя

человечества. Веря в провидение, он не отделяет того, что совершено им самим, от того, что явилось следствием рока. С т. зр. Вико и Гегеля, для Г. уже не остается места в совр. им условиях, когда для каждого человека сформулированы строго установленные нормы поведения, предполагающие равновесие между правами и обязанностями личности. Буржуазное об-во действительно исключает Г. из повседневной жизни людей, поскольку в нем господствует дух практического расчета и обывательского благоразумия, частное право и догматизм в морали. Однако и для утверждения буржуазных отношений в эпоху Возрождения понадобилась деятельность героев — всесторонне развитых и революционно мыслящих личностей. Это была «эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страсти и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были всем чем угодно, но только не людьми буржуазно-ограниченными» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 20, с. 346). Попытку возрождения идеи Г. предприняли буржуазные романтики (Ф. Шлегель, Т. Карлейль и др.), но в их трактовке понятие Г. приобретает сугубо индивидуалистический характер. Их герой — это выдающаяся личность, возвышающаяся над «толпой» и обыденной повседневностью, не признающая

общепринятых нравственных норм. Крайне реакционный смысл вкладывает в понятие героя Ницше: это «сверхчеловек», стоящий «по ту сторону добра и зла», порывающий с моралью «толпы». Впоследствии эти мотивы аморализма в карикатурном и бесчеловечном виде были перетолкованы в идеологии фашизма (учение о «высшей расе», к-рой «все позволено»; проповедовавшаяся Гитлером мысль, что фюрер освобождает своих подданных от моральной ответственности). Иное толкование дали понятию Г. рус. народники в своей теории «героя и толпы». Они отрицали активную роль народных масс в истории, считая, что массы поднимаются на революцию, лишь следуя примеру отдельных исключительных личностей. Наконец, по-своему интерпретирует Г. экзистенциализм. Марксистское понимание Г. в корне противоположно буржуазному. Диалектика исторического процесса требует, чтобы в определенные его периоды (напр., в эпохи революций) не только отдельные личности, но и широкие народные массы жертвовали своими частными интересами ради общего дела и совершали подвиги, нетипичные для «обычных» условий. В. И. Ленин связывает понятие Г. с противоречивостью условий исторического процесса в тот или иной момент: с одной стороны, возникает настоятельная необходимость в решении определенных социальных задач, а с

др.— существующие условия препятствуют этому. Такое противоречие возникло в первые годы Советской власти. «Получается...— писал он,— порочный круг: чтобы поднять производительность труда, надо спастись от голода, а чтобы спастись от голода, надо поднять производительность труда... Подобные противоречия разрешаются на практике прорывом этого порочного круга, переломом настроения масс, героической инициативой отдельных групп, которая на фоне такого перелома играет нередко решающую роль» (т. 39, с. 21). Массовый Г., т. обр., связан с исключительными обстоятельствами в жизни об-ва, с переломными историческими эпохами. Такой эпохой всемирно-исторического значения является период перехода от капитализма к коммунизму в целом. Поэтому задача победы нового об-ва, пишет В. И. Ленин, «ни в коем случае не может быть решена героизмом отдельного порыва, а требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма массовой и будничной работы» (там же, с. 17—18). Марксистско-ленинская этика не делает принципиального различия между индивидуальным и массовым Г. Личный подвиг может сыграть роль *почина, примера* для мн. людей и перейти, т. обр., в массовый Г. Героическая личность, как она понимается коммунистической нравственностью, исключает себя из общего пра-

вила лишь в том смысле, что берет на себя бóльшую меру ответственности, чем предполагается обычными условиями, жертвует своими интересами ради интересов др. людей или об-ва в целом. В остальном же подлинный герой не делает для себя ни в чем исключения, в т. ч. и в подчинении общепринятым нормам поведения.

ГЕРЦЕН Александр Иванович (1812—70) — рус. революционер-демократ, писатель, публицист, мыслитель-материалист. За революционные взгляды дважды был сослан (1835—40, 1841—42). С 1847 — в эмиграции. Создал Вольную рус. типографию в Лондоне (1853); издавал первую русскую революционную газету «Колокол» (1857—67). Уже в 30-е гг. Г. стремится к разрешению вопросов о месте человека в мировом универсуме, о взаимоотношении героя-подвижника (*Подвижничество*) и «толпы», о значении личной инициативы и смысле самопожертвования, о соотношении воли и судьбы. Восприняв идеи *Сен-Симона* о «реабилитации плоти», Г., будучи социалистом, пытается понять любовь как прообраз отношений будущего человеческого братства. В 40-е гг., перейдя на позиции атеизма, Г. дает революционно-материалистическую интерпретацию идеям антропологизма. Смысл человеческой жизни усматривается им не только в любви (как это было у *Фейербаха*), а в социальной, граж-

данской деятельности, в приобщении к «всеобщим интересам гражданственности, искусства, науки». Предпосылкой истинно человеческого «деяния» Г. считает овладение передовой социальной и философской теорией. Пытаясь рационально определить основания нравственной жизни, Г. вместе с тем выступает против крайностей рационализма, гегельянского «формализма», призывая «раскрыть свою душу всему человеческому, страдать и наслаждаться страданиями и наслаждениями современности, работать столько же для рода, сколько для себя». С т. зр. совпадения нравственного, прекрасного и гуманного Г. подвергает критике как пережитки средневековой морали, так и бездушные буржуазного об-ва, сделавшего своим богом собственность, что приводит к «расчеловечиванию» человека. Буржуазный мир представляется Г. лишенным нравственности, «общественной религии». Духовная драма Г., порожденная эпохой революции 1848 г., сопровождалась настроениями пессимизма и скептицизма, усилением критики аморализма совр. ему об-ва. Вместе с тем у Г. произошел нек-рый сдвиг к индивидуализму и волюнтаризму, к преувеличению роли личного самосовершенствования. 50—60-е гг. — время преодоления этих настроений, попыток заново решить центральную, с т. зр. Г., проблему нравственности — взаимоотношения личности и об-ва,

к-рую, как он считает, социальная жизнь и общественная наука еще не решили. «...Понять всю святость прав личности и не разрушить, не раздробить на атомы общество — самая трудная социальная задача». Осмысляя эту проблему, Г. полемизирует с идеологией *мещанства*. Нивелирование личности в буржуазном обществе истолковывается им как признак его загнивания. «В мещанине личность прячется или не выступает, потому что не она главное: главное — товар, дело, вещь, главное — собственность». Г. настаивает на ответственности личности за происходящие события: «Отдавая обстоятельствам то, что им принадлежит, мы не покроем, однако, ими людей, — люди тоже факты и пусть несут ответственность за свои дела». Вместе с тем Г. критикует проповедь абсолютной свободы человеческих страстей. Он выступает против привнесения в социалистические учения элементов из буржуазных теорий: резко критикует черты *авторитаризма* в учении Г. Бабефа, идею всеобщей регламентации у Э. Кабе, порядки фурьеристского фаланстера (*Фурье*), антигуманизм теорий *Прудона* и т. п. Согласно Г., будущее об-во воплотит подлинную гармонию личного и общественного, разума и страсти, науки и красоты. Особое место в творческих исканиях Г. занимала разработка основ революционной этики, принципов морали революционера, определяющих взаи-

моотношения с руководимыми им массами и идейными противниками. Этические взгляды отражены гл. обр. в работах: «Капризы и раздумья» (1847), «Несколько замечаний об историческом развитии чести» (1846), «С того берега» (1850) и вошедших в «Былое и думы» (1852—68) статьях «Западные арабески», «Раздумье по поводу затронутых вопросов», «Джон Стюарт Милль и его книга «On Liberty».

ГОББС (Hobbes) Томас (1588—1679) — англ. философ-материалист. Этика у Г. выступает связующим звеном между философией и социально-политическим учением. Г. развил положения Ф. Бэкона о «прирожденном эгоизме», подчеркивая неизменность «природы человека», и пользе как определяющем моральном принципе. Взаимное ограничение эгоизма людей на основе естественного закона самосохранения и возникающее на договорных началах государство кладут конец «войне всех против всех» и до моральному состоянию человечества. Гражданские обязанности совпадают по содержанию с моральным долгом; источник морали — право, а ее критерием выступает закон. Г. утверждал, что природное равенство всех людей вызывает соперничество и вражду, к-рые, смягченные силой государства, выступают в виде соревнования, конкуренции. Добродетели способствуют выигрышу, пороки — проигрышу, поскольку

первые — свидетельство силы, а вторые — слабости индивида. Побеждают достойнейшие, умеющие пользоваться как собственными добродетелями, так и чужими пороками. Суть всех естественных законов Г. выразил в одном правиле: «Не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе». Утилитаризм, откровенный эгоизм, освобожденное от религии толкование происхождения и сущности морали, рационализм — отличительные черты этики Г., к-рая изложена в соч.: «Основы философии» (1642—58), «Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского» (1651), «О свободе и необходимости» (1654).

ГОЛЬБАХ (Holbach) Поль Анри (1723—89) — философ-материалист и атеист, идеолог революционной фр. буржуазии XVIII в. Г. систематизировал этику Гельвеция и развил его взгляды гл. обр. в произв. «Основы всеобщей морали, или Катехизис природы», «Естественная политика, или Беседы об истинных принципах управления» и «Социальная система, или Естественные принципы морали и политики». Как и Гельвеций, Г. рассматривал истинную мораль в качестве основания разумного законодательства и политики; разделял его т. зр. на взаимоотношение интересов и определяющую роль общественного интереса: «Добродетель есть не что иное, как польза людей, соединенных в

общество... Любить других... значит сливать свои интересы с интересами наших сотоварищей, чтобы работать для общей пользы». Но в отличие от Гельвеция Г. считал природное неравенство людей основой их сотрудничества, взаимно полезного. «Нравственность, как и вселенная, основывается на необходимости или на вечных отношениях вещей... Будем черпать свою мораль в природе, в разуме... Следуя этой морали, мы будем счастливы и довольны в этом мире, приятны своим согражданам». К важнейшим добродетелям Г. относил гуманность, справедливость, благоразумие, умеренность и силу (активность в общественно полезной деятельности). Пороками же у Г. выступают те качества, к-рые «лишают человека способности к активной деятельности, к проявлению смелости и энергии, необходимых для поддержания общества». «У Гольбаха вся деятельность индивидов в их взаимном общении... изображается в виде отношений полезности и использования... Теория Гольбаха есть исторически правомерная философская иллюзия насчет поднимавшейся тогда во Франции буржуазии, чью жажду эксплуатации еще можно было изображать как жажду полного развития индивидов в условиях общения, освобожденного от старых феодальных пут» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 409—411).

ГОРДОСТЬ — социальное и моральное чувство, форма проявле-

ния самосознания человеческой личности. Как и чувство *достоинства*, Г. определенным образом направляет и регулирует поведение людей; требует от человека таких поступков, к-рые отвечают его представлению о самом себе, и не позволяет ему делать то, что могло бы умалить его достоинство, его уважение к себе. Чувство Г. обычно связано с личными заслугами, с принадлежностью к особой социальной группе (нации, классу, профессии), с обладанием определенной собственностью и т. д. Предмет Г. и раскрывает моральный облик человека (или группы лиц) и предопределяет характер его поведения. Г. своей родиной, представляющая собой один из важнейших моментов национального самосознания народа, побуждает людей к патриотическим действиям (*Патриотизм*). Г., связанная с классовой принадлежностью, по-разному направляет чувства и поступки людей. Моральное сознание эксплуататорских классов всегда связывало чувство Г. с привилегированным общественным положением. Так, феодальная и рабовладельческая знать гордилась своим праздным образом жизни и считала труд, особенно физический, унижительным для себя. Мерой Г. буржуа является размер его капитала и получаемого им дохода. Рабочий же гордится тем, что он живет своим собственным трудом и создает материальные блага для всего об-

ва. Коммунистическая нравственность, высоко ставя достоинство человеческой личности, считает вполне законной Г. людей за свои достижения, за свой труд, за свой народ. Однако она считает недопустимым чрезмерное возвеличение отдельной личности, при к-ром утрачивается критическое отношение к себе и Г. переходит в самодовольство, чванство, высокомерие, пренебрежительное отношение к др. людям. Она требует от людей скромности, когда речь идет о признании своих заслуг.

ГРЕХ — понятие, в к-ром выражается специфически религиозное понимание *вины* человека: это вина не перед об-вом или др. человеком, а перед богом. С понятием Г. связано и религиозное истолкование *искупления* вины. Наряду с личными прегрешениями отдельных людей, к-рые могут быть искуплены *раскаянием*, молитвой, добрыми делами, в некоторых религиях, напр. в христианстве, признается т. наз. *первородный Г.* Это вина, якобы лежащая на всем роде человеческом вследствие согрешения прародителей человечества Адама и Евы. Согласно библейскому преданию, они были изгнаны из рая (Эдемского сада), когда нарушили завет бога не вкушать плодов с древа познания. Отсюда с т. зр. религиозного учения все беды человечества, существование зла на земле и все частные прегрешения людей, совершаемые с тех пор. Моральный смысл учения о пер-

вородном Г. заключается в том, что любому человеку, независимо от его собственных действий, вменяется неискоренимая вина или прирожденная склонность к Г. Внушая человеку *смирение*, это учение одновременно снимает в известной степени с него личную *ответственность* за свои поступки. Особенно отчетливо этот в сущности аморальный смысл учения о Г. выступает в этике *неопротестантизма*.

ГРОЦИЙ (Grotius) Гуго (1583—1645) — нидерл. правовед, социолог и общественный деятель, один из основоположников теории естественного права и *общественного договора*. В своем соч. «О праве войны и мира» (1625) Г. выступил против теорий о божественном происхождении государства, правовых и моральных норм. Г. считал, что первобытные коммунистические отношения, основанные на общественной собственности, были утрачены по причинам морального порядка. Отсутствие справедливости и любви в отношениях между людьми подорвало основы равенства в области производства и потребления, привело к имущественному и сословному неравенству. Для обуздания страстей и беспорядков люди путем сознательного и добровольного соглашения объединяются в государство для «пользования покровительством закона и общей выгоды». Право возникает из стремления и способности людей к мирному об-

щению, построенному на общечеловеческих принципах разума. Нарушение последних, проявление враждебности, отказ от справедливости, т. е. рецидивы отношений, существовавших до появления общественного договора, и являются, согласно Г., причиной войн и общественных конфликтов. Заслуга Г. состоит в критике теологических объяснений природы государства и права: он выводит их из земных, светских оснований — человеческого разума, опыта.

ГРУБОСТЬ — отрицательное моральное *качество*, характеризующее пренебрежение *культурой поведения*; противоположно *вежливости*. Будучи одним из внешних проявлений неуважительного отношения к людям, Г. выражается в откровенной недоброжелательности к окружающим, в невнимании к чужим интересам и запросам, в беззастенчивом навязывании др. людям своей воли и желаний, в неумении сдерживать свое раздражение (*Выдержка*), в непредумышленном или намеренном оскорблении *достоинства* окружающих людей, в развязности, сквернословии, употреблении уничижительных кличек и прозвищ, в хулиганских действиях.

ГУМАНИЗМ (лат. humanus — человеческий) — принцип мировоззрения (в т. ч. и нравственности), в основе к-рого лежит убеждение в безграничности возможностей человека и его способности к совершенствованию, требование свободы и защиты *достоинства*

личности, идея о праве человека на счастье и о том, что удовлетворение его потребностей и интересов должно быть конечной целью об-ва. Этот принцип сложился на базе широкого идейного течения, возникшего в эпоху Возрождения и явившегося выражением борьбы «третьего сословия» (буржуазии, ремесленников и крестьянства) против господства феодальной аристократии, духовенства, средневеково-религиозной идеологии. В противовес религиозно-аскетическому пониманию человека и морали (*Религиозная мораль, Аскетизм, Грех*) гуманисты (Ф. Петрарка, Леонардо да Винчи, Н. Коперник, *Монтень*, Ф. Бэкон, У. Шекспир и др.) провозглашают человека венцом природы, центром мироздания. В человеке, с их т. зр., должны гармонически сочетаться естественное и духовное начала; он имеет право на счастье в земной жизни, и его «естественное» стремление к наслаждению и счастью должно стать основой нравственности (*Гедонизм, Эвдемонизм*). В противовес религиозному толкованию мораль понимается ими как осуществление мирских целей — освобождения человека от всякого социального и духовного гнета, избавления его от несправедливости, пороков и невежества, совершенствования человеческой личности, достижения людьми полного благополучия в материальном и духовном отношении. Гуманисты придают большое зна-

чение разуму человека и требуют подчинить чувственные побуждения его контролю. Почти с самого начала в Г. выделяются два осн. течения. Буржуазные гуманисты ставят в центре своего рассмотрения отдельную личность. Основой человеческого благополучия и свободы они считают незыблемость частной собственности. Их попытка примирить общественные и личные интересы индивида в буржуазном об-ве выразилась в учении «разумного эгоизма» (*Эгоизма теории*). Второе направление выражало устремления трудящихся. Его сторонники — провозвестники утопического социализма (Т. Мор, Т. Кампанелла, Т. Мюнцер) — ставят вопрос об имущественном равенстве или даже об уничтожении частной собственности как о необходимом условии освобождения человека и избавления его от моральных пороков. Решение проблемы соотношения потребностей личности и ее обязанностей перед об-вом они видят в труде, к-рый должен стать не только обязанностью каждого, но и источником наслаждения и счастья людей. Традиция утопического социализма получила дальнейшее развитие в трудах *Оуэна, Сен-Симона, Фурье* и рус. революционных демократов — *Белинского, Добролюбова, Чернышевского*. Высшей формой Г. является коммунистический гуманизм, получивший научное обоснование в теории марк-

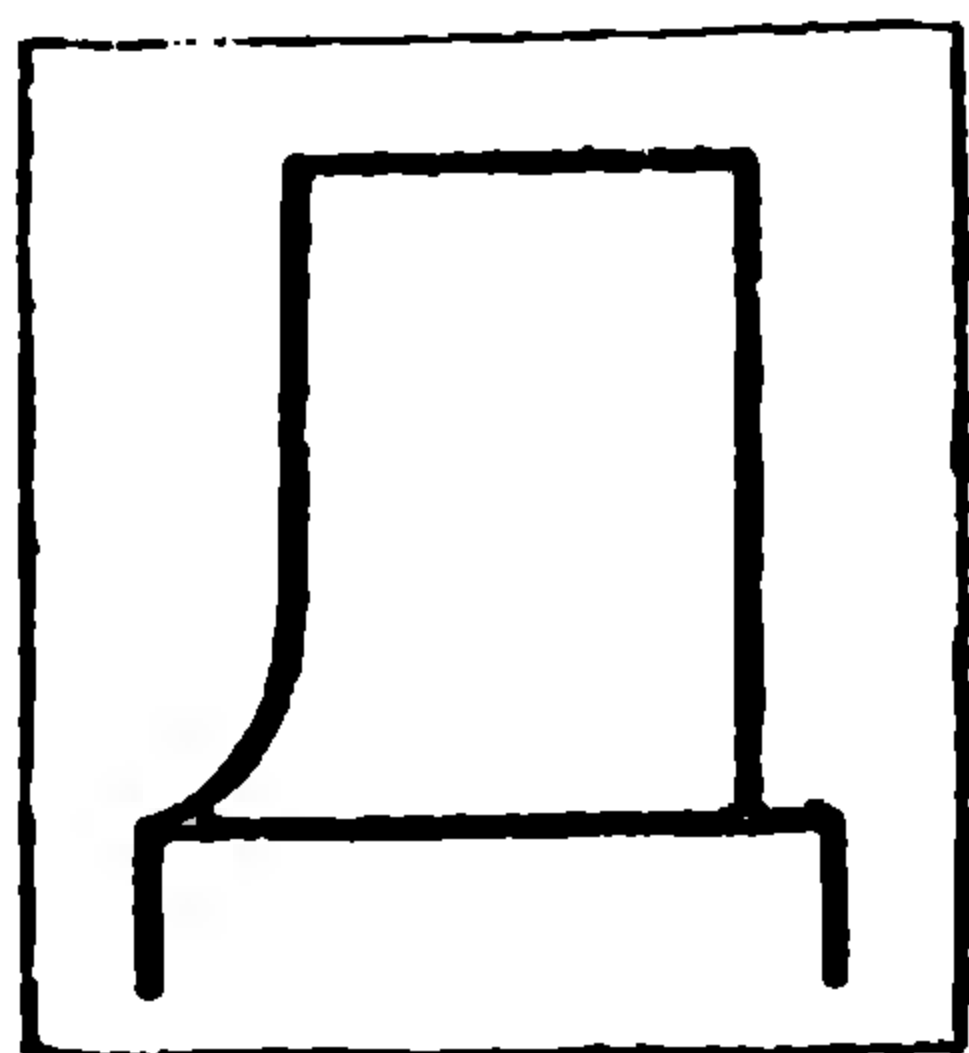
сизма. Впервые научно проанализировав влияние частной собственности на личность, К. Маркс и Ф. Энгельс вскрыли антигуманный характер капиталистического об-ва, в к-ром достижения социального прогресса и культуры обращаются против человека (*Отчуждение*). Наемный труд, эксплуатируемый капиталистом в целях получения прибыли, отрицает в человеке личность, изнуряет его физически, разрушает его дух. Частная собственность разъединяет людей, приводит к деградации человека в духовном и моральном отношении. «Только в коллективе,— указывают они,— индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» (т. 3, с. 75) (*Личность и коллектив*). Полное воплощение принципа Г. происходит при коммунизме, когда, как указывает В. И. Ленин, «за счет *всего* общества» достигается обеспечение «*полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества» (т. 6, с. 232). Т. обр., только марксистскому Г. удастся в действительности преодолеть противоречие между личностью и об-вом (*Человек и общество*). Коммунистический Г. сумел разрешить и др. противоречие, к-рое были не в состоянии преодолеть все гуманисты прошлого,— противоречие между интересами отдельного класса и всего челове-

ства. К. Маркс показал, что только пролетариат способен освободить все человечество, ибо его собственное освобождение от эксплуатации «заключает в себе общечеловеческую эмансипацию...» (т. 42, с. 98). Коммунистическая нравственность является самой гуманистической в истории человечества. Она не просто провозглашает своим осн. принципом *любовь и уважение* к человеку, но и ставит вопрос о создании подлинно человеческих условий в самом об-ве, необходимых для гармонического развития личности (*Всестороннее, целостное развитие личности*). Требование Г. поэтому совпадает с целью построения коммунистического об-ва. Провозглашая приоритет общественных интересов над личными в социалистическом об-ве, коммунистическая нравственность, однако, не противопоставляет их друг другу, а исходит из приведения их к полному единству в процессе построения коммунизма. Ей чуждо также противопоставление эгоизма и альтруизма, аскетизма и гедонизма, личной свободы каждого и общественной необходимости. Все эти противоположности, характерные для предшествующей истории морали, преодолеваются в процессе созидания коммунистического об-ва.

«ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ» ЭТИКА — направление в буржуазной философии морали, получившее распространение в США начиная с 20-х гг. XX в. Его гл. предста-

вители — У. Файт, И. Бэббит, К. Гарнет и И. Левин. Такое название было дано этой теории ее авторами на том основании, что они выводят нравственность из «специфически человеческих», с их т. зр., явлений, в действительности же из явлений психологии отдельной личности, из особенностей ее поведения и психики. Попытка ограничиться в данном случае опытом обособленной личности приводит сторонников этого направления к крайне индивидуалистическому и субъективистскому пониманию морали. «Г.» э. отрицает значение общих принципов в морали, распространяющихся на всех людей; в результате каждая отдельная личность выступает единственным судьей са-

мой себс. Так, с т. зр. Файта, понятие добра всегда индивидуально и имеет смысл исключительно для личного сознания того или иного человека; добро же др. людей имеет лишь то значение, что помогает индивиду понять самого себя. Отсюда Файт делает вывод, что человек не обязан уважать интересы др. людей, если они сами не могут постоять за себя. Индивидуализм переходит, т. обр., у нек-рых «гуманистов» в обоснование откровенного эгоизма, обнажая действительную, антигуманную сущность их учения. В своеобразной интерпретации идеи «Г.» э. высказывались нек-рыми представителями экзистенциализма и неопрейдизма, в т. ч. Сартром и Фроммом.

ДЕЙСТВИЕ (моральное).— В качестве единичного самостоятельного Д. этика обычно рассматривает акт, приведший к определенному общественно значимому результату (*Деяние*), обладающий положительным или отрицательным моральным достоинством (*ценностью*), к-рый можно подвергнуть нравственной *оценке* и за совершение к-рого человека можно считать ответственным (*Ответственность*). Моральными нельзя считать такие акты, к-рые имеют чисто физиологическую природу. Это всегда социальный акт, имеющий общественное значение (оказание помощи, выполнение обещания, трудовой подвиг, обман, воровство, предательство). Именно социальная, ценностная, сторона Д. составляет его содержание, к-рое предписывается моральными *требованиями* и подвергается оценке. Моральными Д. нельзя также считать акты, за к-рые человек не может быть ответственным: совершенные непроизвольно (напр., в состоянии гипноза, в младенческом возрасте, в состоянии невменяемости), под воздействием чисто физических сил. Часто считается также, что

человек не несет ответственности за поступки, совершенные при насильственном принуждении, под угрозой смерти. Но нередко бывают случаи, когда человек должен во имя интересов об-ва пожертвовать своей жизнью и предпочесть смерть нарушению своего общественного долга. В моральном Д. различают следующие моменты: *цель*, осуществлению к-рой оно подчинено; использование имеющихся в наличии средств (*Цели и средства*); волевые усилия и преодоление препятствий, достижение того результата, к-рый предполагается самим характером Д.; наконец, *последствия*, к к-рым привело Д. в результате его взаимодействия с внешними обстоятельствами. Все эти моменты должны учитываться при моральной оценке Д.

ДЕМАГОГИЯ (греч. *dēmos* — народ и *agōgos* — ведущий; *dema-gōgos* — политикан) — термин, используемый для отрицательной моральной характеристики образа действий, представляющих собой разновидность *лицемерия* в политике. Д.— это действия, направленные на овладение сознанием

масс во имя своекорыстных целей и осуществляемые, как правило, при помощи аморальных средств. Целями Д. являются: достижение власти, приобретение популярности в массах, осуществление эгоистических классовых или личных интересов. Типичные для Д. средства — спекуляция на интересах и устремлениях масс, апелляция к низменным побуждениям и предрассудкам людей, ложные клятвы в верности народу, выдвижение безответственных программ и обещаний и одновременно клевета на тех, кто на деле действует во имя подлинных интересов народа. Социальная база Д. — наличие эксплуататорских классов, к-рые осуществляют свое господство над трудящимися не только средствами прямого насилия, но и путем политического обмана (во время избирательных кампаний, в повседневной пропаганде, путем организации реакционных и контрреволюционных массовых выступлений, подрывной деятельности против революционно-освободительных движений и т. п.). Широко используют Д. политические деятели буржуазии, а нек-рые буржуазные идеологи провозглашают ее законным методом в политике (*Макиавеллизм*). Особую известность получили, напр., демагогические приемы вождей фашизма, к-рые для захвата власти обычно прибегали к разжиганию шовинистических и расистских настроений, безответственным посулам, клевете на ру-

ководителей рабочего движения. В совр. условиях Д. стала одним из важнейших политических средств, используемых буржуазной пропагандой против возрастающего влияния идей социализма. Элементы Д. содержатся во мн. совр. буржуазных этических учениях, где она обычно принимает вид проповеди морального скептицизма. Это рассуждения о неискоренимой порочности человека, о его неспособности построить об-во без насилия и несправедливости, о присущем человеку от природы эгоизме. Коммунистические партии борются против буржуазной Д. путем развития у трудящихся общественно-политической сознательности, чтобы тем самым воспрепятствовать политическому обману масс. В социалистическом об-ве, где уничтожены эксплуататорские классы, устранены и гл. социальные причины Д. Однако Д. как явление общественной жизни еще не исчезла полностью. С одной стороны, она может проявляться в форме выставления необоснованных претензий к социалистическому государству, выдвижения требований уравнительного распределения, абсолютной и ничем не ограниченной свободы личности, в безответственной и не имеющей позитивного содержания критике различных явлений жизни социалистического об-ва. С др. стороны, к Д. следует отнести попытки скрыть неблагоприятное состояние дел, уйти от решения

острых проблем, зажать всякую критику, прикрываясь крикливыми фразами о высоких идеалах, подменить принципиальный спор (напр., в науке) наклеиванием на оппонентов порочащих ярлыков и т. д. Коммунистическая нравственность, требующая от людей высокой сознательности, честности перед народом, крайне нетерпимо относится ко всем проявлениям Д.

ДЕМОКРИТ (ок. 460 — ок. 370 до н. э.) — древнегреч. философ-материалист, представитель этики *эвдемонизма*. Этические воззрения Д. изложены в его осн. произв. — «Малом диакосмосе», из которого сохранилось лишь незначительное количество фрагментов. Этике Д. свойственны *натурализм* и *рационализм* (мудрость — высшая добродетель, разум — критерий морального поведения; отождествление мудрого человека с нравственным, невежественного — с безнравственным). Д. допускает выбор поведения и ответственность за него постольку, поскольку это поведение соотносится с законами, установленными самим человеком, а добро, зло, справедливость, долг, стыд, убежденность имеют место лишь в отношениях между людьми. Учению Д. присущи также элементы *утилитаризма* (добро — то, что полезно, зло — то, что вредно, критерий для различения удовольствий — польза); принцип «золотой середины» (чувство меры, умеренность в удовлетворении потребностей).

Определяющим моментом его системы является эвдемонизм (цель жизни — «эвтюмия» — спокойное, радостное, безмятежное состояние духа, достигаемое благодаря душевному и моральному здоровью, свободе от страхов и предрассудков и общению с друзьями-единомышленниками). Историческая ограниченность этики Д. прежде всего обнаруживается в закреплении социальных отношений, отвечающих интересам рабовладельческой демократии (рабы — вне морали, счастье может быть достигнуто лишь свободным человеком, обоснование подчиненного положения женщины). Кроме того, остается нерешенной проблема соотношения абсолютного детерминизма в онтологии с относительной свободой выбора в этике. Дальнейшее развитие эвдемонизм Д. получил в трудах *Эпикура* и *Лукреция*.

ДЗЭН (японское — сосредоточение, созерцание; соответствует кит. — чань) — трансформация *буддизма*, сложившаяся в Китае на рубеже V—VI вв. Обоожествлению буддийских текстов Д. противопоставляет личный духовный опыт человека. Умение видеть непосредственно, без помощи слов, стало одним из осн. принципов Д. Установка на то, чтобы побудить человека проявить собственные возможности, парализованные стремлением научиться подражать, породила крайние формы воздействия в воспитательной практике: задающему вопрос либо не отве-

чают, либо дают непонятный ответ, либо просто бьют, чтобы вызвать шоковое состояние. Этика Д. в разных вариациях имеет ряд устойчивых правил, берущих начало в этике буддизма: не испытывать ненависти, не обращать внимания на преходящие ситуации, сохранять душевную невозмутимость и спокойствие, не иметь желаний, победить силу вещей как чего-то преходящего и недостойного внимания человека, быть в гармонии с дхармой, т. е. достичь высшей мудрости познавшего закон жизни и преодолевшего все оковы бренного бытия. Вопреки установке Д. считать истину невыразимой и передавать ее непосредственно, вне писаний и речей, осталось мн. письменных памятников этого учения. Интерес к Д., к его иррациональным аспектам на Западе возрос в середине XX в. под влиянием усилившегося кризиса буржуазной культуры. Слепое следование принципам, сформировавшимся в др. условиях и в др. время, ведет к появлению различных форм вульгаризации Д.

ДЕОНТОЛОГИЧЕСКИЙ ИНТУИТИВИЗМ — см. *Интуитивизм*.

ДЕОНТОЛОГИЯ (греч. deon — должное и logos — учение; наука о должном) — раздел *этики*, в котором рассматриваются проблемы *долга* и вообще должного (всего того, что выражает требования нравственности в форме предписаний). Термин впервые был вве-

ден *Бентамом*, к-рый употребил его для обозначения теории нравственности в целом. Однако впоследствии Д. стали отличать от *аксиологии* — учения о *добре* и *зле*. Одной из особенностей морального сознания как специфической формы общественного сознания является то, что оно отражает объективную социальную необходимость, потребности людей, об-ва, исторического развития — в особой субъективной форме — в виде представления о должном (о том, что «должно быть»), устанавливая, насколько соответствует этому представлению фактически существующее. Моральное сознание оценивает жизненные явления с той т. зр., насколько они оправданы в силу своего нравственного достоинства. Из представления о должном складываются нравственные *требования*, представления о том, какие поступки люди должны совершать. Применительно к человеку эти требования выступают как его *обязанности*; последние в обобщенной форме правил, равно распространяющихся на всех, формулируются в моральных *нормах*, *заповедях*. Все эти этические категории и являются предметом изучения особого раздела этики — Д. Одним из важнейших вопросов теории морали, к-рый так и не смогла решить домарксистская этика, является проблема соотношения Д. и *аксиологии*, в частности вопрос о соотношении двух осн. категорий этики — долга и добра. С данной трудностью

столкнулся уже Кант. С одной стороны, он признает, что понятие долга должно основываться на понятии добра (долг состоит в том, чтобы совершать добро), но, с др. стороны, он определяет добро через долг (добро состоит в том, чтобы выполнять долг). Невозможность для всей немарксистской этики разрешить проблему соотношения этих категорий объясняется тем, что она, как правило, противопоставляет друг другу два вида нравственности — добродетель и исполнение долга, внутреннее стремление к добру и добродетели и внешнее подчинение моральному закону. Это противопоставление в разных вариантах можно обнаружить и в совр. буржуазных этических учениях (*Ницше, Бергсон, П. Ноуэлл-Смит* и др.). В конечном итоге отсюда проистекает характерное для буржуазной этики (особенно для деонтологического *интуитивизма*) представление о противоположности двух областей теории морали — Д. и аксиологии. В коммунистической нравственности не существует противоречия между выполнением долга и осуществлением добра, поскольку ее требования исходят в конечном счете из социально-исторической потребности прогрессивного развития об-ва и человечества, отражают действительные интересы людей. С т. зр. коммунистической морали долг человека в конечном итоге основывается на требовании осуществлять то, что является *благом* для

людей. С др. стороны, в своем служении об-ву и человеку каждый должен не просто исходить из своего собственного понимания добра, а основываться на тех нормах и *принципах*, к-рые выработало коллективное сознание об-ва. Поэтому моральным добром является то, что отвечает предписаниям морали (должному). В коммунистической нравственности решается также и др. проблема, к-рая вызывала противопоставление должного и добра, — вопрос о соотношении личности и об-ва (*Личность и коллектив, Самодеятельность и творчество, Человек и общество*).

ДЕСКРИПТИВНАЯ ЭТИКА — особая отрасль этической науки, к-рая занимается конкретно-социологическим и историческим анализом морали того или иного об-ва. Она изучает практикуемые *обычаи, нравы, традиции* и др. формы общественной *дисциплины*, конкретное содержание осуществляемых в об-ве *норм*, структуру морального *сознания* и социальное содержание общераспространенных представлений о морали. Некоторые из этих задач решаются также в рамках этнографии и эмпирической социологии. Специальное изучение механизма моральных *отношений* и морального сознания об-ва на конкретном историческом материале имеет большое значение не только для воссоздания истории морали человечества, но и для выработки практических методов нравственного *воспитания*, а так-

же для решения нек-рых общетеоретических проблем этики.

ДЕТЕРМИНИЗМ — см. *Причинность в морали*.

ДЕЯНИЕ — действие, рассматриваемое с т. зр. его практического содержания и достигнутого результата (что объективно совершено человеком, какие изменения произведены им в социальной действительности). В плане моральной *оценки* различают *благоддеяние* и *злодеяние*. Д. есть продукт взаимодействия субъекта деятельности (человека) и объективных условий, в к-рых совершается действие. В зависимости от того, стремился или не стремился человек к фактически полученному результату, различают намеренные и ненамеренные Д. Как единство действия и результата Д. обычно отличаются от *последствий* поступка, рассматриваемых обособленно, как то положение вещей или ход событий, к-рые последовали после завершения действия. Напр., совершая воровство (злодеяние), преступник преследует лишь цель удовлетворения своекорыстных интересов, присваивает чужую собственность. Вытекающий из его поступка вред для об-ва, нарушение чьих-то интересов, причиненный им ущерб и понесенное преступником наказание относятся уже к последствиям.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ (моральная) — *категория этики*, при помощи к-рой во всем многообразии общественной практики людей выделяется нравственная сторона, из

всех видов *побуждений* (материальных *интересов*, *привычек*, *склонностей* и т. д.) — специфически нравственные мотивы: желание совершать *добро*, подчинение чувству *долга*, стремление осуществить определенные *идеалы*. Именно эту, моральную, сторону человеческой деятельности, к-рая в целом исследуется различными науками, изучает этика. В отличие от *поведения*, к-рое охватывает всю совокупность поступков человека, под моральной Д. в этике понимаются только поступки, сознательно подчиненные определенным моральным *целям*. Нравственные представления способны ориентировать людей в социальной действительности и правильно направлять их деятельность лишь тогда, когда они отражают действительный исторический процесс. Только при условии соответствия устремлений людей объективной социальной необходимости они могут решать исторические задачи, руководствуясь моральными целями. Понимаемая т. обр. «ц е л е полагающая деятельность человека», в т. ч. и нравственная, сама есть, как указывает В. И. Ленин, форма «о б ъ е к т и в н о г о процесса» (т. 29, с. 170). Вместе с тем марксизм-ленинизм не отрицает значения нравственных мотивов в человеческой деятельности. Он лишь дает им единственно научное объяснение: моральные устремления отражают в конечном счете материальные интересы. На поверхности социальной жизни нравствен-

ные мотивы действий людей выступают часто как не зависящие от материальных интересов и потребностей, а иногда даже приходят с ними в столкновение. Это обусловлено тем, что сами интересы различных людей и классов, об-ва и личности находятся в противоречии между собой. Когда человек действует в соответствии с нравственными мотивами, вопреки своим личным интересам и склонностям, то это значит, что он подчиняет свою деятельность интересам определенного класса или об-ва в целом. Иллюзия независимости нравственных мотивов от материальных интересов пропадает лишь тогда, когда люди начинают понимать, кому в действительности они служат в своей моральной Д., осознают общественное значение своих поступков. Широкий простор такой сознательной моральной Д. открывается с уничтожением частной собственности, когда ликвидируется почва для классового эгоизма и когда интересы об-ва действительно совпадают с интересами всех людей. В социалистическом об-ве моральная Д. не замыкается узко личной сферой, а совпадает с борьбой за гуманистическое преобразование общественных отношений, за построение коммунизма, т. е. предполагает служение интересам человечества.

ДИСЦИПЛИНА (лат. *disciplina* — обучение, воспитание) — определенный порядок поведения людей, обеспечивающий согласованность действий внутри коллек-

тива и обязательное усвоение и выполнение людьми установленных *норм* (правовых, моральных, политических, эстетических), правил и т. д., а также способы, с помощью к-рых осуществляется этот порядок. Как средство общественного контроля над повседневным поведением людей, Д. отражает в себе господствующие в данном об-ве социальные (в первую очередь экономические) отношения и служит для их поддержания. Формы общественной Д. бывают самые разнообразные — от прямого государственного насилия до *общественного мнения* и *личной сознательности* людей. Различными формами (и средствами осуществления) Д. являются: *обычаи, нравы, традиции, нормы, общественные привычки, вкусы, авторитет*, к-рым пользуются государственные и общественные организации, отдельные общественные деятели, общественное воспитание людей (*Воспитание нравственное, Коммунистическое воспитание*), различные формы *убеждения и принуждения*. *Мораль* в целом также является одной из форм общественной Д. Для каждой общественной формации характерно преобладание определенного типа Д. В первобытном об-ве господствовали стихийно складывающиеся привычки; здесь общая связь держалась силой привычки, традиции, уважением к старейшине рода. В рабовладельческом и феодальном об-вах большую роль играло прямое внеэкономическое принуждение. В капита-

листическом об-ве преобладает экономическое принуждение, «дисциплина голода». Социалистическая Д., по словам В. И. Ленина, — это Д. «сознательных и объединенных работников, не знающих над собой никакого ига и никакой власти, кроме власти их собственного объединения...» (т. 39, с. 17). Партийная Д. в коммунистической партии, основанная исключительно на общности убеждений коммунистов, — это, как ее определяет Ленин, *«единство действий, свобода обсуждения и критики...»* (т. 14, с. 125). Д. социалистического об-ва и коммунистической партии, поскольку она основывается на глубоких убеждениях людей, не приходит в конфликт с моральными требованиями, напротив, всегда может быть обоснована с помощью принципов коммунистической нравственности. В ходе строительства коммунизма в масштабах всего об-ва утверждается коммунистическая Д., к-рая со временем вытеснит государственно-правовые и экономические санкции, основываясь на силе общественного мнения и личной убежденности каждого. Этот процесс происходит вместе с развитием общественной сознательности трудящихся.

ДОБРО — одно из наиболее общих понятий морального сознания и одна из важнейших категорий этики. Вместе со своей противоположностью — злом Д. является наиболее обобщенной формой разграничения и противопоставле-

ния нравственного и безнравственного, имеющего положительное и отрицательное моральное значение, того, что отвечает содержанию требований нравственности, и того, что противоречит им. В понятии Д. люди выражают свои наиболее общие интересы, устремления, пожелания и надежды на будущее, к-рые выступают здесь в виде абстрактной моральной идеи о том, что должно быть и заслуживает одобрения. С помощью идеи Д. люди оценивают социальную практику и действия отдельных лиц. В зависимости от того, что именно подвергается оценке (поступок, моральное качество личности, взаимоотношения людей или социальная деятельность классов, состояние об-ва в целом), понятие Д. приобретает форму более конкретных понятий — *добродетей (Благодеяние), добродетели, справедливости* и др. Этика подвергает Д. как понятие морального сознания теоретическому анализу, выясняет его смысловое содержание, природу и происхождение. Религиозная этика истолковывает Д. как выражение воли или разума бога (*Неопротестантизм, Нейотомизм*), придавая тем самым интересам и воле господствующего класса вид божественного закона. По существу, тот же смысл имеют различные объективно-идеалистические теории Д., выводящие его либо из некоей недоступной познанию «сущности», либо из космического закона или мировой идеи (*Гегель*). Попытки материа-

листического объяснения Д. в до-марксистской этике обычно приводили к этическому *натурализму*; происхождение Д. чаще всего усматривалось в абстрактной вне-исторической «природе человека», в его стремлении к наслаждению, счастью, в психологически понимаемом интересе (*Гедонизм, Эвдемонизм, Интересы теории*). Но и эти теории за «естественную» природу человека вообще фактически выдавали определенный тип человека, живущего в том или ином конкретном об-ве, и обосновывали, т. обр., мораль определенного класса. Общий порок всех этих теорий заключается в том, что они рассматривали понятие Д. в отрыве от социально-исторических условий жизнедеятельности людей. Объективная закономерность исторического изменения и обогащения смысла, вкладываемого в это понятие, оказывалась невыясненной. Оставалось либо объявить его вечным и истинным для всех эпох, как это делает этический *абсолютизм*, либо считать его не зависящим от к.-л. объективных законов или даже произвольным (*релятивизм*). В ряде совр. буржуазных этических теорий определение Д. вообще считается невозможным (*интуитивизм*). Д. объявляется выражением эмоций того или иного человека (*неопозитивизм*) либо целиком зависящим от личного замысла индивида (*экзистенциализм*). Лишь марксистская этика поставила вопрос о природе и происхождении понятия «Д.» на на-

учную почву. «Представления о добре и зле,— говорит Ф. Энгельс,— так сильно менялись от народа к народу, от века к веку, что часто прямо противоречили одно другому» (т. 20, с. 94). Но в этой смене представлений о добре обнаруживается определенная объективная закономерность (*Мораль*). В. И. Ленин пишет, что «под «добрым» разумеется *практика человека*» (т. 29, с. 195), т. е. что «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» (там же). В этом состоит сущность и специфика понятия Д., в к-ром исторические потребности социальной практики субъективно осмысливаются в моральном сознании людей и выражаются в виде требования, чтобы действительность согласовалась с этим нравственным представлением. В коммунистической нравственности понятие Д. связывается с действительными интересами людей в совр. исторических условиях. А эти интересы в конечном счете совпадают с исторической необходимостью победы социалистического об-ва над капиталистическим, с построением коммунизма. Т. обр., понятие Д. в коммунистической морали в суммированном виде отражает все многообразные требования, к-рые предъявляются в социалистическом об-ве к человеку, его действиям и мотивам, к различным социальным явлениям. Поэтому содержание этого общего понятия может быть определено только че-

рез всю совокупность более конкретных моральных понятий социалистического об-ва — через коммунистический общественный и нравственный идеалы, принципы, моральные качества, нормы, осн. из к-рых сформулированы в моральном кодексе строителя коммунизма.

ДОБРОДЕТЕЛЬ — понятие нравственного сознания, служащее обобщенной характеристикой положительных устойчивых моральных качеств личности (группы лиц, класса, об-ва), указывая на их моральную *ценность*. Вместе с тем понятие Д. подчеркивает деятельную форму усвоения *добра* (добродетель — делать добро) в противоположность простому знанию принципов, к-рое не делает человека добродетельным. Противоположностью Д. является понятие порока. Понятие Д. подчеркивает роль отдельного человека как активного носителя той или иной нравственности. Поэтому представление о Д. играло особенно важную роль в моральном сознании античного и феодального об-ва, когда, с одной стороны, выделившаяся из первобытного коллектива личность смогла стать олицетворением общественной морали, а с др. стороны, еще широко распространено было убеждение, что моральные качества коренятся в естественных склонностях человека (хотя и могут быть благоприобретенными), обусловлены личной психикой людей. Понимание содержания Д. исторически

менялось в соответствии с социальными потребностями об-ва и его господствующего класса. В Древн. Греции представление о Д. связывалось прежде всего с такими нравственными качествами, как *мужество*, умеренность, мудрость, и венчающей их Д. *справедливости*, что нашло выражение в учении *Платона*. Уже *Аристотель* подчеркивал, что Д. имеет не врожденный характер, а приобретается человеком в процессе упражнения. Христианская этика в эпоху средневековья выдвинула три осн. Д. — веру, надежду и любовь. В них вкладывалось прежде всего религиозное содержание (вера в бога, надежда на его милость и любовь к богу). Всем этим Д. придавался аскетический характер (*Аскетизм*) отказа от мирских благ и земных радостей в пользу загробной жизни. Понятие Д. широко продолжали использовать теоретики эпох Возрождения и буржуазного Просвещения. Но они связывали это понятие, в противоположность христианскому учению, с земными интересами и *счастьем* человека. Марксистская этика исходит из того, что причиной появления представлений о Д. является не отдельный человек, взятый сам по себе, а сб-во. И хотя сознательная волевая активность человека играет большую роль, гл. фактором в сохранении, поддержании и изменении *нравов* является конкретно-исторический строй общественных отношений, возникающий и развивающийся по

объективным законам. Поэтому моральные качества человека, поведения людей объясняются не только личными особенностями каждого, но и объективными законами каждой общественно-экономической формации. Не случайно в социалистическом об-ве понятие Д. утрачивает первостепенное значение, а часто даже приобретает иронический оттенок, поскольку оно связывается с ханжеской религиозной моралью. Центр тяжести переносится на более сложные формы морального сознания — *принципы* и нравственный *идеал*.

ДОБРОДЕЯНИЕ — см. *Благодеяние*.

ДОБРОЛЮБОВ Николай Александрович (1836—61) — рус. литературный критик и публицист, философ-материалист, революционный демократ. Д. внес мн. нового в разработку философии «антропологического материализма», в материалистическое обоснование теории морали и нравственного воспитания. Усматривая основы нравственного развития в обстоятельствах общественной жизни, Д. полагал, что путь к моральному прогрессу об-ва лежит через социальную революцию, через разрушение эксплуататорского строя, держащего массы в нищете и невежестве. В центре философии морали Д. ставил человека, осн. мотивы («естественные стремления») его деятельности. Антропологизм обоснования морали у Д. проявлялся в трактовке проблемы общечеловеческого, основу к-рого со-

ставляет, с его т. зр., «внешний общечеловеческий интерес, независимый от частных, гражданских и политических соображений». Вместе с тем Д. считал необходимым при оценке поступков человека учитывать условия, в к-рых он формировался и к-рые диктуют ему способ поведения. Д. настаивал на детерминистском подходе к изучению поведения человека, возражал против «абсолютной свободы воли», против произвола, оборачивающегося рабской зависимостью от случайных обстоятельств. Как основу морали Д. рассматривал труд и интересы народных масс. Моральным, считал Д., может быть только действие во имя высоких идеалов. Революционная направленность этики Д. выявилась и в его суждениях о «новых людях», к-рые высокие нравственные идеалы соединяют с позитивным знанием и практической деятельностью во имя освобождения народа. Большое место в этике Д. занимает концепция «разумного эгоизма» (*Эгоизма теории*), обосновывающая органическое соединение высоких общественных идеалов с индивидуальными интересами людей, связывающая мораль с человеческими потребностями. Наиболее четко и полно суть этой концепции выражена в статье «Николай Владимирович Станкевич» (1857): «Кажется, не того можно назвать человеком истинно-нравственным, кто только терпит над собою веления долга, как какое-то тяжкое иго... а

именно того, кто заботится слить требования долга с потребностями внутреннего существа своего, кто старается переработать их в свою плоть и кровь внутренним процессом самосознания и саморазвития так, чтобы они не только сделались инстинктивно необходимыми, но и доставляли внутреннее наслаждение», позволяли находить «в счастье других собственное счастье». Др. работы Д. по проблемам этики: «О значении авторитета в воспитании» (1857), «Органическое развитие человека в связи с его умственной и нравственной деятельностью» (1858), «Роберт Овен и его попытки общественных реформ» (1859).

ДОВЕРИЕ — отношение к действиям др. лица и к нему самому (соучастнику в общем деле, партнеру по договору, руководителю, другу), к-рое основывается на *убежденности* в его правоте, верности, добросовестности, *честности*. Противоположностью Д. является недоверие, подозрительность, когда подвергается сомнению верность др. общему делу, его готовность соблюдать общие интересы или условия взаимного договора, искренность мотивов его действий. В истории человечества необходимость объединения усилий в трудовой деятельности вызывала потребность во взаимных обязательствах и, следовательно, в Д. Однако противоположность личных интересов в классовом об-ве, основанном на частной собственности, привела к утверждению практики

взаимного обмана, воровства, мошенничества. Это способствовало развитию чувства взаимного недоверия у людей. В классовом об-ве совместные предприятия и договоры не могут основываться только на Д., а должны гарантироваться санкцией государства, правом. Д. наиболее характерно для отношений между трудящимися, особенно для пролетариата, объединенного самим характером его труда и не обладающего частной собственностью на средства производства; оно возникает на основе *солидарности* трудящихся в борьбе против эксплуатации. С победой социализма отношения Д. распространяются на все об-во; на основе единства коренных интересов трудящихся создается «дисциплина доверия» (Ленин В. И., т. 36, с. 500). На взаимном Д. строятся отношения между трудящимися и их авангардом — Коммунистической партией. Д. характерно также для отношения социалистического об-ва к отдельным его членам (как результат возрастающей сознательности масс), для повседневных взаимоотношений между людьми в труде и в быту. Вместе с тем Д. к людям не означает слепой веры. Оно предполагает взаимную *ответственность* и проверяется опытом, практикой. Обман Д. — тяжкий моральный *проступок* (Вероломство).

ДОГМАТИЗМ (моральный) (греч. dogma — учение, мнение) — принцип, характеризующий отношение человека к нравственному

учению, сторонником к-рого он является; означает слепую приверженность положениям или требованиям к.-л. морали, без разумного их обоснования и понимания их общественного значения, безусловное соблюдение этих требований, без анализа конкретной ситуации, в к-рой они осуществляются, и социальных последствий, к-рые отсюда вытекают. Частными проявлениями Д. являются, напр., моральный *формализм* и *фанатизм*. Как социальное явление Д. обусловлен официозностью и фетишизацией (*Фетишизм*) нравственности, что особенно характерно для господствующей морали эксплуататорского об-ва, социальный смысл к-рой всячески затушевывается. Д. особенно типичен для консервативного морального сознания отживающих классов, выступающих против социального прогресса и революционного преобразования об-ва. Теоретически Д. опирается на представление о существовании вечных и универсальных моральных принципов (*Абсолютизм*), не связанных с историей об-ва, пригодных к любым социальным ситуациям. Наиболее характерен он для *религиозной морали*, где обусловлен самим способом обоснования нравственных принципов (утверждениями о божественности моральных принципов; о предпочтительности веры перед наукой, откровения — перед разумом). Д. часто выражается в попытках создать всеобъемлющий моральный кодекс, к-рый преду-

считывал бы все многообразные случаи моральной деятельности. Обычно претендуя на принципиальность, Д. в действительности извращает смысл коренных принципов морали, поскольку механически переносит требования, соответствующие определенной ситуации, на др. условия, в к-рых эти требования теряют силу или даже превращаются в свою противоположность. Напр., доброта становится злом, если благодаря ей остаются безнаказанными преступления; предельное ограничение потребностей, крайнее напряжение сил, правомерные в период преодоления об-вом временных трудностей, не могут быть общей нормой поведения в период строительства коммунизма. Коммунистическая нравственность осуждает Д. как несовместимый с творческим характером марксистского учения. В. И. Ленин неоднократно выступал с критикой различных проявлений Д. Он подчеркивал, что Д. невозможен там, где верховным критерием доктрины становится ее соответствие действительным процессам общественного развития.

ДОЛГ — одна из осн. *категорий этики*; общественная необходимость, выраженная в нравственных *требованиях* в такой форме, в какой они выступают перед определенной личностью. Иными словами, это превращение требования нравственности, в равной мере относящегося ко всем людям, в личную задачу данного конкретного лица, сформулированную примени-

тельно к его положению и ситуации, в к-рой он находится в данный момент. Если в моральном требовании выражено отношение об-ва к отдельным его членам (оно формулируется об-вом и предъявляется к ним), то Д.— это отношение личности к об-ву. Личность выступает здесь как активный носитель определенных моральных обязанностей перед об-вом (субъект), к-рый осознает их и реализует в своей деятельности. Категория Д. тесно связана с др. понятиями, характеризующими моральную деятельность личности, такими, как *ответственность, самосознание, совесть, мотив*. Истолкование природы и происхождения Д. составляло одну из самых трудных проблем в истории этики. Основание и источник Д. усматривали то в божественных заповедях (*Религиозная мораль*), то в априорном моральном законе (*Категорический императив*), то в самой «человеческой природе», в «естественном» стремлении человека к наслаждению или счастью (*Гедонизм, Эвдемонизм*). По-разному пытались ответить и на вопрос, кто в конечном итоге правомочен определять содержание Д.: об-во (*Социально-аппробативная теория*), бог (*Неопротестантизм*), совесть (*Фихте*), моральное чувство (*Нравственного чувства теории*). Т. обр., основанием Д. объявлялся авторитет того или иного рода (*Авторитаризм*). Тем самым лишался смысла вопрос о содержании морального Д. К крайне субъ-

ективистскому выводу пришли сторонники *экзистенциализма*: вообще не важно, как человек поступает, в чем он видит свой Д., имеет значение лишь то, что он следует своему личному замыслу. Неразрешенным оставался и вопрос о границах Д. Сторонники деонтологического *интуитивизма* считают, что при исполнении человеком своего Д. важно лишь само действие, а не мотивы, к-рыми при этом человек руководствовался. Сторонники др. направления (*Моральной доброты теория*), наоборот, решающее значение придавали характеру мотива. Дискуссию по вопросу о том, необходимо ли, чтобы человек при исполнении Д. обязательно достиг к.-л. реального результата или же достаточно совершить определенные усилия, попытку ч.-л. сделать, ведут, напр., сторонники деонтологического интуитивизма. В марксистской этике все эти вопросы впервые поставлены на научную основу: проблема Д. рассматривается как часть общего вопроса о происхождении и обосновании требований нравственности. Как бы люди ни представляли себе происхождение этих требований, нравственные требования всегда в конечном счете отражали законы объективного процесса социального развития, к-рые определенным образом преломлялись в потребностях различных об-в, классов и отдельных людей. Требования коммунистической нравственности исходят из того, что исторической

необходимостью дальнейшего развития человечества является переход к бесклассовому об-ву. Д. каждого отдельного человека в социалистическом об-ве, основывающийся в конечном итоге на этой исторической необходимости, принимает бесконечно разнообразные формы в зависимости от социальных обстоятельств и жизненных ситуаций, в к-рые данный человек попадает. Исходя из этого же, марксизм решает и вопрос о том, кто правомочен определять содержание морального Д. Общие нравственные требования способно вырабатывать лишь об-во в целом на основе коллективного опыта масс. Задача же решения моральной проблемы применительно к той или иной конкретной ситуации в осн. возлагается на того, кто эти требования выполняет, т. е. на каждого члена об-ва. С одной стороны, каждый человек должен сам осознать объективное содержание своего морального Д., и никакие ссылки на общественные авторитеты или на общепринятые мнения не могут оправдать его, если он понял свой Д. неправильно. С др. стороны, ответственность человека перед своей совестью в конечном итоге выражает его ответственность перед об-вом, поэтому *общественное мнение* вполне правомочно судить о том, насколько правильно данный человек понял свой Д. Но границы ответственности об-ва и личности в этом отношении исторически конкретны; мера личной ответственности постоянно

возрастает в ходе строительства коммунистического об-ва.

ДОСТОЕВСКИЙ Федор Михайлович (1821—81) — рус. писатель, важное место в творчестве к-рого занимают нравственно-философские проблемы. Разгром кружка социалиста-утописта Петрашевского, членом к-рого был Д., арест, приговор и каторга, рост настроений индивидуализма, аморализма и нигилизма в пореформенной России, безотрадные результаты европейских революций поселили в Д. неверие в социальные перемены, усилили нравственный протест против действительности. Развивая близкую славянофильству теорию «почвенничества», Д. отводил рус. народу особую роль в совершенствовании человечества. Он сосредоточивается на стремлении осуществить идеал «положительно-прекрасного» человека, ищет его художественное воплощение. В разработанной еще фр. материалистами теории «влияния среды» Д. не удовлетворяет снятие моральной ответственности с человека, объявленного продуктом социальных условий («фортепьянной клавишей», по образному выражению одного из героев Д.). Взаимосвязь «обстоятельств» и нравственности не представляется ему всеобщим законом. Корни добра и зла уходят, по мнению Д., не столько в социальное устройство, сколько в человеческую природу и глубже — в мироздание. По убеждению Д., человек способен вырваться из детерминирован-

ной цели и свободно определить свою нравственную позицию на основе верного различения добра и зла. Толкование этих категорий, предлагаемое теорией «разумного эгоизма» (*Эгоизма теории*), также не удовлетворяет Д. Он отвергает разум в качестве основания нравственности по той причине, что доказательность и убедительность, к к-рым апеллирует разум, не привлекают, а принуждают, приневоливают к определенному выводу необходимостью логики, упраздняя участие свободной воли в нравственном акте. Человеческой же природе, считает Д., свойственно стремление к «самостоятельному хотению», к свободе выбора. При этом человеком движет или разрушительное своеволие, утверждающее свою свободу любыми способами, или чувство «восторга» перед красотой. Но Д. осознает двойственность красоты и для различения в ней добра и зла уповаает только на совесть, обращенную к личностному идеалу, к-рый воплощен в образе Христа. Бог-личность, по Д., один только и может искупить человеческие страдания и удовлетворить человеческую потребность в совершенстве, спасении и благе как всего мира, так и каждого отдельного человека, давая смысл его существованию и бессмертие. При этом Д. признает только свободную любовь человека к богу, не приневоленную страхом и не поработленную чудом. Принимая религиозное понимание зла, Д. тем не менее,

как тонкий наблюдатель, указывает его конкретные проявления в совр. ему жизни. Это — индивидуализм, своеволие, т. е. утверждение своего «я» вне зависимости от более высоких нравственных критериев, приводящее иногда к самоуничтожению. Это — деспотизм, насилие над чужой волей, какими бы целями (удовлетворение личного самолюбия или достижение общечеловеческого счастья) носители этих качеств ни руководствовались. Это — развращенность и жестокость. Попытки Д. связать гуманистический общественный идеал с личностным совершенствованием противоречивы. Его этика зиждется не на познании законов действительности и не на ориентировании нравственного суждения на них, а на воле к утверждению абсолюта. Д. предпочитает «оставаться со Христом, нежели с истиной». Неправомерно считая себя наследниками Д., совр. экзистенциалисты (*Экзистенциализм*) обращают его пафос свободы во вне-нравственный произвол. Кроме «Писем» осн. произв., в к-рых нашли отражение этические взгляды Д., являются «Записки из подполья» (1864), «Преступление и наказание» (1866), «Идиот» (1868), «Бесы» (1871—72), «Подросток» (1875), «Братья Карамазовы» (1879—80), «Дневник писателя».

ДОСТОИНСТВО — понятие морального сознания, выражающее представление о ценности всякого человека как нравственной личности, а также *категория эти-*

ки, к-рая означает особое моральное отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны об-ва, в к-ром признается ценность личности. С одной стороны, сознание человеком собственного Д. является формой *самосознания* и *самоконтроля* личности, на нем основывается требовательность человека к самому себе. Утверждение и поддержание своего Д. предполагает совершение соответствующих ему нравственных поступков (или, наоборот, не позволяет человеку поступать ниже своего Д.). В этом смысле понимание собственного Д. наряду с *совестью* и *честью* является одним из способов осознания человеком своей ответственности перед собой как личностью. С др. стороны, Д. личности требует и от др. людей уважения к ней, признания за человеком соответствующих прав и возможностей, высокой требовательности к нему. Идеалистическая этика считает основой Д. личности ее свободу от общественных связей, ищет источник его в некой потусторонней сущности человека (в происхождении от бога и связи его с богом, в его «вечной жизни» — см. *Неопротестантизм*). *Марсель (Экзистенциализм)* утверждает, что Д. личности не связано с выполняемыми ею функциями в об-ве, а коренится в якобы не поддающемся разумному анализу смысле ее бытия. Такое внесоциальное понимание Д. обусловлено тем, что в классовом об-ве действительное Д. человека

постоянно принижается и попирается эксплуатацией и социальной несправедливостью. Но вместе с тем сторонники этой теории не могут предложить никаких реальных путей к восстановлению Д. человека. Марксистская этика рассматривает личное Д. как выражение той высшей меры исторического развития человека, к-рая соответствует определенным условиям его общественной жизнедеятельности. В феодальном об-ве Д. человека почти целиком ограничивалось его сословной честью, к-рая оставляла весьма мало места для собственно личного Д. Буржуазная мораль первоначально трактовала Д. личности как самоутверждение человека посредством личных способностей и предприимчивости, вне зависимости от его сословной принадлежности. Однако на деле оказалось, что это Д. по-прежнему определяется общественным положением человека, частной собственностью. Что же касается трудящихся, то их подневольный и эксплуатируемый труд, в сущности, отрицает в них Д. свободной личности (*Отношение к труду*). В антагонистическом об-ве действительное утверждение человеком своего Д. возможно лишь в революционной борьбе с устоями этого об-ва. Восставая против антигуманного общественного строя, человек на деле доказывает (и осознает), что он достоин лучших условий жизни. Спасти свое человеческое Д., указывал Ф. Энгельс, пролетарий может, только выра-

жая протест против буржуазии, против того класса, к-рый эксплуатирует его. В равной мере Д. каждого члена об-ва практически признается лишь в условиях социализма и коммунизма. Здесь каждый человек впервые получает возможность повседневно утверждать себя как нравственную личность в свободном труде на общее благо, в сознательном служении людям, в активном самостоятельном участии во всех областях общественной жизни. Здесь впервые понятие Д. личности приобретает подлинно моральный смысл: оно не зависит ни от общественного положения человека, ни от конкретного характера его труда. От самого человека зависит, насколько высоко он будет нести свое Д. и осуществлять свое человеческое назначение.

ДРУЖБА — форма межличностных отношений, основанная на общности интересов и взаимной привязанности. Последовательная этимологическая близость понятия Д. к понятиям родства, товарищества и любви отражает исторический процесс дифференциации и взаимопроникновения инструментальных (практическая взаимопомощь и выручка) и эмоционально-экспрессивных (сочувствие, взаимопонимание) функций общения. В первобытном об-ве Д. обычно связывалась с символическим породнением (кровная Д., побратимство, братство по оружию) и часто была принципиально нерасторжима, а права и обязанности друзей

жестко фиксировались традицией. С разложением общинно-родовых связей понятие Д. постепенно отделяется от родства и сближается с товариществом, основанным на общности интересов. Первоначально акцент делается на практической полезности Д. (напр., у софистов). Усложнение взаимоотношений личности и об-ва обостряет потребность в эмоциональном контакте и психологической интимности, что приводит к индивидуализации Д., сближению ее с любовью и, наконец, к представлению о друге как об alter ego (другом «я») (Аристотель). Психологическая близость, предполагаемая Д., складывается на основе более элементарных форм товарищеской близости, обусловленных личными контактами и совместной деятельностью, принадлежностью к общему коллективу и т. д. Однако Д. более индивидуальна и избирательна, чем товарищество. Она предполагает не только общность положения и интересов, но и взаимную симпатию, эмоциональную привязанность. Психологическое содержание и функции Д. меняются с возрастом. Детская Д. не рефлексивна, непосредственна и связана гл. обр. с совместной деятельностью. С развитием самосознания в подростковом и юношеском возрасте появляется потребность в интимной Д., носящей «исповедный» характер, в друге, с которым можно было бы обсудить и соотнести собственные переживания. Юношеская Д., как первая

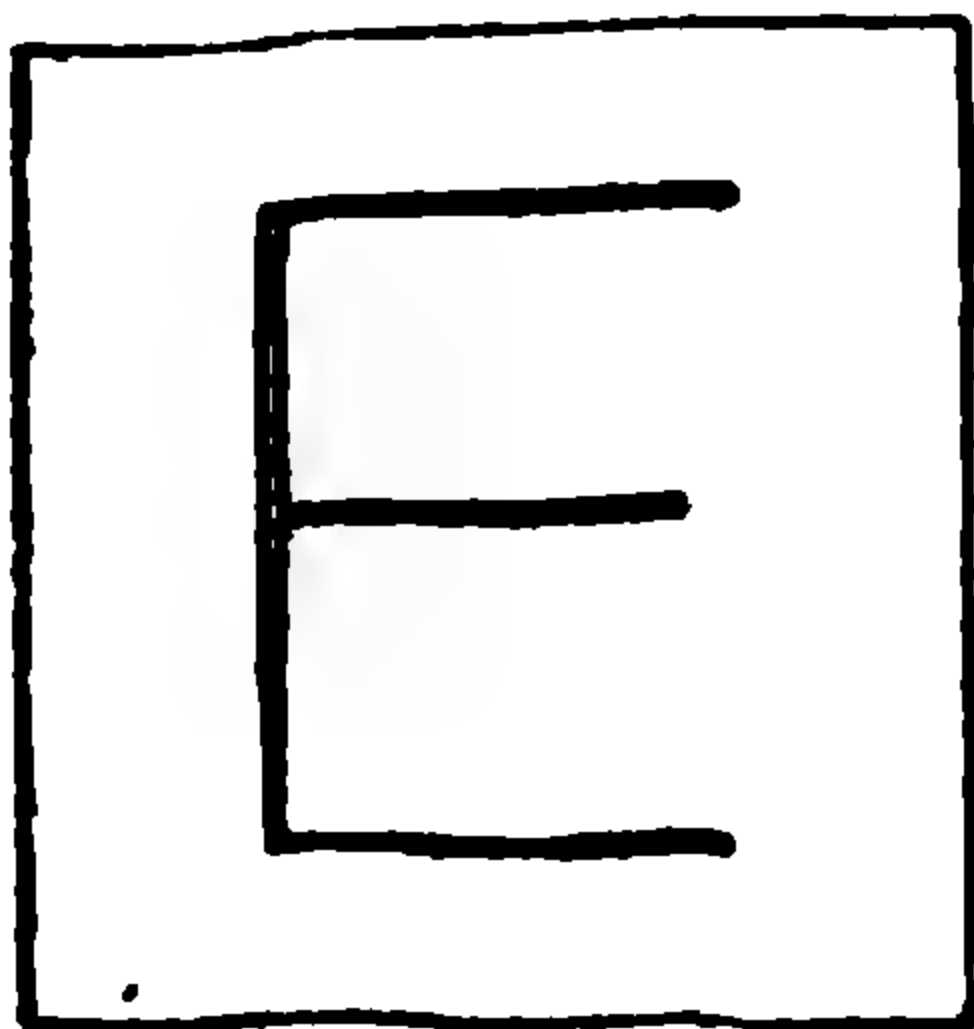
самостоятельно выбранная привязанность, необычайно эмоциональна и во мн. превосходит любовь. У девочек потребность в интимной Д. возникает раньше и выражена сильнее, чем у мальчиков, к-рые тяготеют к групповому товарищескому общению. В период зрелости круг общения людей дифференцируется, появляются новые значимые привязанности (любовь, семейные и родительские чувства). Отношения Д. теряют свою исключительность и совмещаются с др. отношениями (семейными, общественными, производственными). Роль друга остается тем не менее чрезвычайно важной, что особенно сильно проявляется в кризисных для личности ситуациях. В качестве силы, соединяющей людей, Д. всегда считалась важной социально-нравственной ценностью. Не случайно в широком смысле понятие Д. обозначает не только межличностные, но и социальные отношения (Д. народов, договор о Д. между государствами и т. д.). Античные философы видели в Д. даже космическую силу соединения (в противоположность вражде). Нравственная ценность конкретной Д. определяется ее общественной направленностью, принципами, лежащими в ее основе. В истории этической мысли бескорыстие и самоотверженность «истинной Д.» издавна противопоставлялись «ложным» отношениям, основанным на своекорыстном расчете. Но уже фр. материалисты (Гольбах, Гельвеций) показали

относительность такого разграничения (потребность изливать душу может быть не менее эгоистической, чем желание пользоваться деньгами друга). С т. зр. марксистской этики в основе моральной оценки Д. лежит нравственность ее общих целей и принципов (служит ли Д. достижению высокой общественной цели или исходит из частных, групповых интересов). Высокими нравственными образцами является Д. революционеров Герцена и Огарева, Чернышевского и Добролюбова, Маркса и Энгельса.

ДЬЮИ (Dewey) Джон (1859—1952) — один из основоположников и гл. систематизатор идеалистической философии амер. *прагматизма*; автор т. наз. инструменталистской версии прагматизма, в контексте к-рой развивались и его этические взгляды. Отказываясь от неопозитивистской традиции, восходящей к Юму, Д. не делает принципиального различия между ценностными (в т. ч. моральными) и эмпирическими суждениями. Исследование, по Д., занимает такое же место в морали, какое и в науках о природе. «Исследование» же он понимает как процесс преобразования неопределенной, проблематической ситуации в определенную, решенную. При решении моральной проблематической ситуации необходимо, согласно Д., «найти правильный тип действия, вернее, благо». Наиболее удачное решение проблемы, основанное не на интуиции, а на разуме, т. е. на учете всех условий и взвешивании

вариантов, и будет благом. Т. обр., специфика морали как особой формы общественной регуляции человеческого поведения затушевывается, а этика сливается с общей теорией оценок. Выступая против абсолютизации этических категорий (долга, справедливости, нравственного идеала и пр.), отвергая понятие высшего блага, Д. фактически подменяет *нормативную этику* релятивистской, инструментальной и индивидуалистической. Каждая моральная ситуация, по Д., является уникальной, обладающей своим незаменимым благом и имеет свою собственную единственную цель. Стремясь избежать обвинений в субъективизме, внутренне присущем его этической концепции, Д. указывает на необходимость различать то, что в каждой конкретной ситуации желается, и то, что желательно; то, что удовлетворяет кого-то, и то, что удовлетворительно. Во втором случае мы приписываем данному объекту ценность. Но это различие остается чисто словесным, т. к. не имеет у Д. объективного критерия. Д. возражает против нередко приписываемого прагматизму принципа «Цель оправдывает средства» (*Цели и средства*). Хотя средства и могут быть оправ-

даны только целью, использование нек-рых средств помимо достижения цели может дать, по Д., такие побочные результаты, к-рые обесценят саму цель. На эти положения, как и на свои этические взгляды в целом, Д. опирается, осуждая революционные преобразования об-ва, к-рые устремлены якобы к общим и неосуществимым идеалам. Д. выступает за частичные улучшения в рамках частных ситуаций и совершенствование существующих отношений путем постепенного накопления этих улучшений. Д. стоит на позициях *мелиоризма*, признавая амер. об-во несовершенным, он убежден в возможности его улучшения. При этом буржуазная демократия амер. типа объявляется им непременной предпосылкой как нормального функционирования социальных институтов, так и удовлетворения потребностей и интересов каждого индивида. Этика Д. носит апологетический характер и служит теоретическим обоснованием буржуазного реформизма. Этические взгляды Д. изложены в трудах: «Этика» (совместно с Дж. Тафтом, 1908), «Реконструкция в философии» (1920), «Человеческая природа и поведение» (1922), «Теория оценки» (1939) и др.

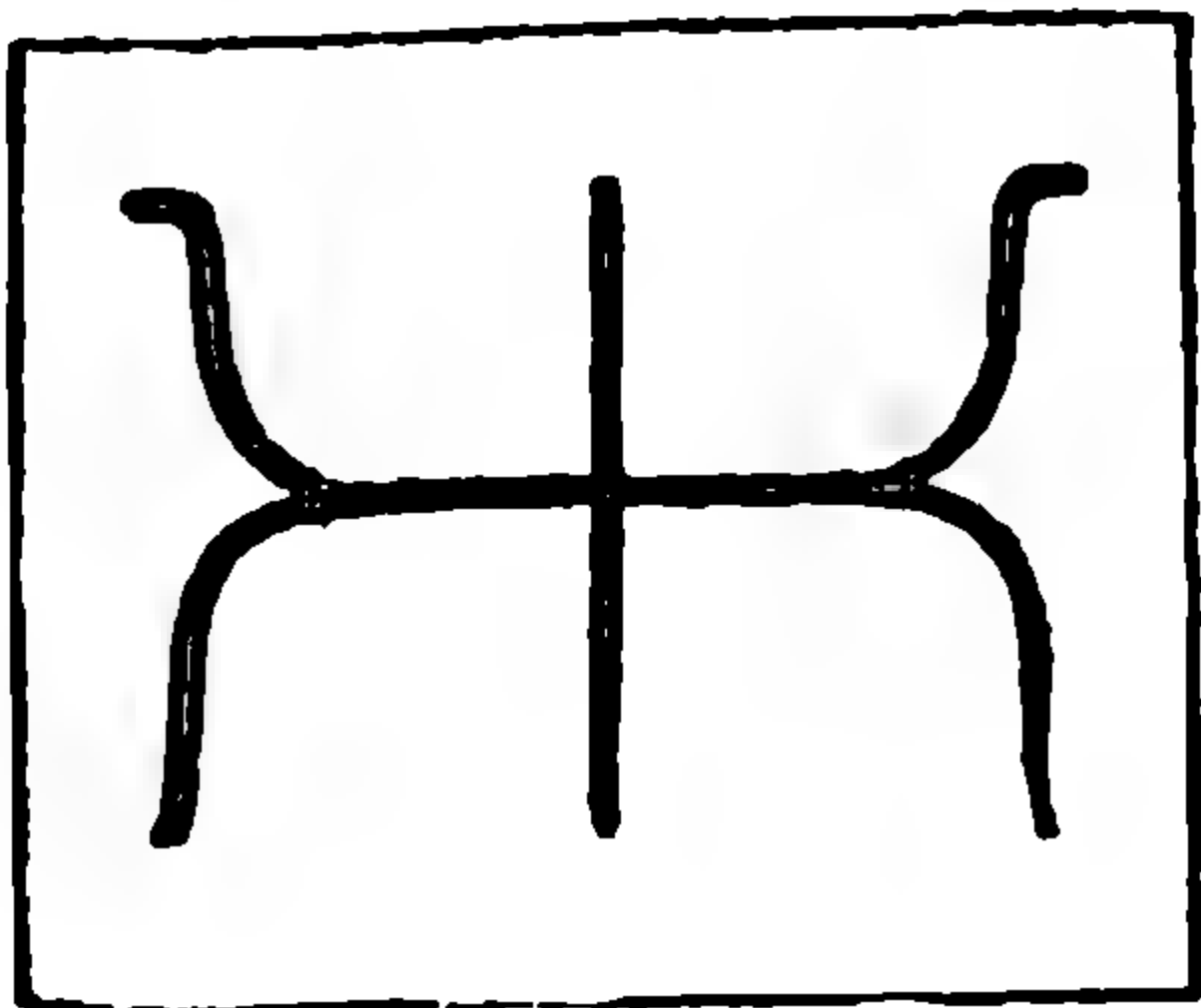

ЕДИНСТВО СЛОВА И ДЕЛА — общественный и моральный принцип, обобщенно выражающий общечеловеческую нравственную норму, моральное требование *верности* слову. Без определенной степени доверия невозможны совместная деятельность и человеческое *общение*. Поэтому в рамках всякой социальной общности от ее членов требуется подкрепление слова делом. Однако конкретное содержание этого требования всегда зависит от классовых интересов. В системе коммунистической морали принцип Е. с. и д. применительно к субъекту деятельности, личности, означает требование всегда следовать в своих практических действиях идейным убеждениям, занимать активную *жизненную позицию*. Этот принцип предполагает сознательное отношение к общественному долгу, высокое чувство личной *ответственности* за совершаемые деяния (*Самодеятельность и творчество*). Прочность идейных позиций, коммунистических убеждений личности предопределяет силу воли, духа, обеспечивая в трудных ситуациях слитность мыслей, слов и поступ-

ков. Формирование коммунистических убеждений — гл. условие, обеспечивающее Е. с. и д., что, в свою очередь, является неотъемлемым элементом ленинского, коммунистического *образа жизни* и деятельности. Обязательность становится особенно важным моральным качеством личности в условиях развитого социализма, где экономика составляет единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий *все звенья* общественного производства, распределения и обмена. Эта новая экономическая ситуация, отражаясь в сознании, порождает повышенные требования к *дисциплине* труда и деловых отношений. Осн. предпосылки, от к-рых зависит превращение слова (т. е. доведенной до сведения людей программы деятельности — решения, плана, обязательства и т. д.) в реальность — это продуманность, научная обоснованность программы, правильная расстановка кадров и четкая организация труда; определение личной ответственности каждого, кто причастен к реализации программы, иначе коллективная ответственность легко может превратиться-

ся в безответственность; выделение гл. звена в цепи задач, гл. противоречия, от разрешения к-рого зависит разрешение и др. неглавных противоречий, а в конечном счете — успех всего дела. Поскольку судьба любой программы в руках ее непосредственных исполнителей, необходимое условие превращения слова в дело — живая заинтересованность всех членов коллектива и умение руководителей опереться на него как в процессе разработки программы, так и в ходе ее реализации (*Коллективизм*). Еще встречающиеся в социалистическом обществе факты расхождения слова и дела обусловлены как субъектив-

ными (непрочность убеждений, недостаток воли у отдельных людей), так и объективными причинами, когда сами обстоятельства, в к-рых люди действуют, препятствуют проявлению у них прогрессивных убеждений и устремлений (напр., когда система показателей, по к-рым оценивается деятельность трудовых коллективов, не стимулирует принятие напряженного плана, повышение производительности труда и т. д.). Поэтому проблема дальнейшего укрепления Е. с. и д. предполагает совершенствование не только идейно-воспитательной работы, но и прежде всего общественной практики, механизма хозяйственного управления.

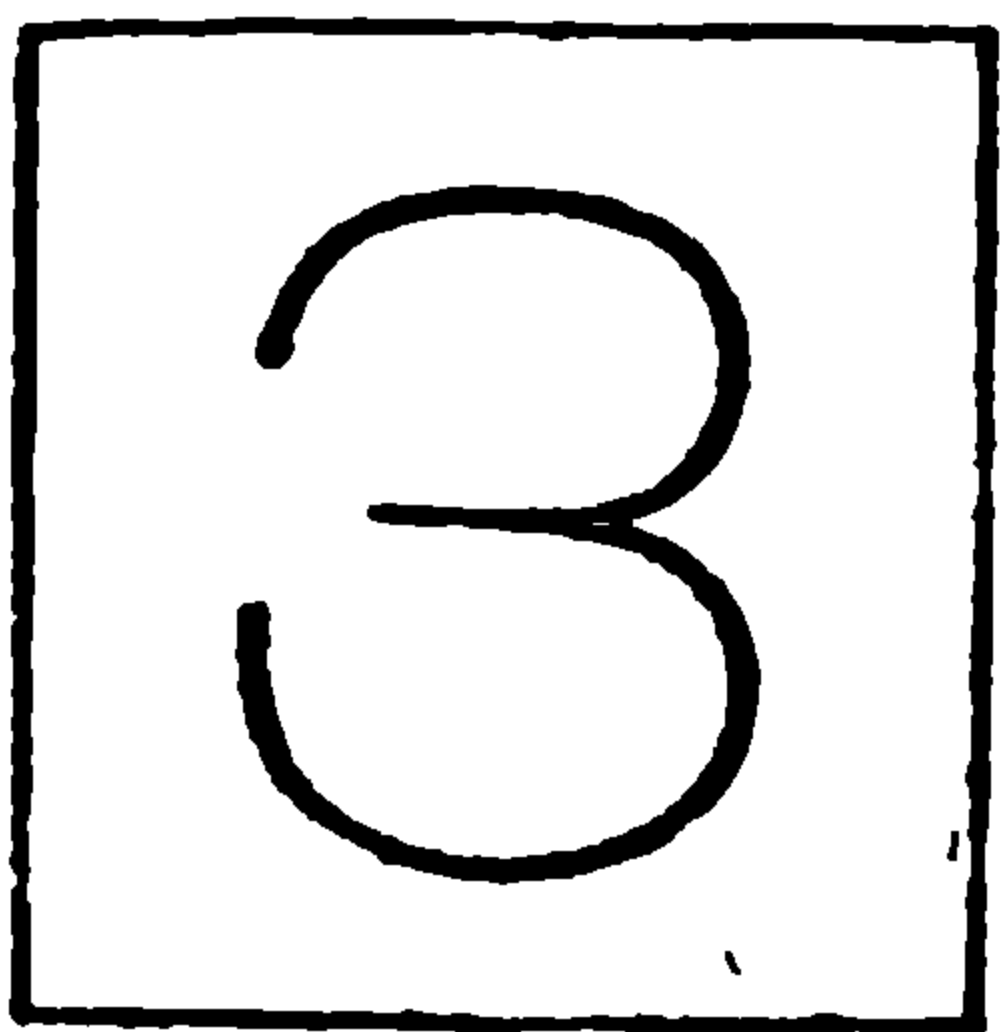

ЖИЗНЕННАЯ ПОЗИЦИЯ — направленность жизнедеятельности личности, ее т. зр. относительно своего места и роли в общественной жизни (в отличие от социального статуса, положения). В нравственном плане Ж. п. — система поведения личности, определяемая ее *убеждениями, идейностью, совестью*. Позиция человека по любому общественно значимому вопросу является Ж. п. постольку, поскольку она отвечает объективной логике развития социальной действительности, отражает расстановку реальных социальных сил, воздействующих на это развитие. Критерий истинности, правильности той или иной Ж. п. — ее соответствие прогрессивным тенденциям развития общества, интересам передовых социальных сил. Чтобы определить Ж. п. людей, надо, по словам В. И. Ленина, выяснить, «какой социальной обстановкой и как именно обуславливаются их действия» (т. 1, с. 430). Ж. п. — один из важнейших признаков личностного развития индивида, определения его места в историческом процессе. Становление личности есть в то

же время сознательный выбор человеком той или иной Ж. п. (*Выбор моральный*). Содержание личного выбора определенной Ж. п. в конечном счете обусловлено идеалами и ценностями общества, класса или социальной группы, к которым данная личность принадлежит. Но это не умаляет роли самого субъекта, личности в определении своего отношения к миру. Жизнь и деятельность В. И. Ленина — пример и образец сознательно сделанного выбора и последовательного осуществления активной Ж. п. личности. Ж. п. есть выражение такой социальной активности человека, которая зиждется на идейной определенности и принципиальности, предполагает общественную сознательность. Активность Ж. п. выражается и мировоззренчески — в заинтересованном, пристрастном, партийном отношении к идеалам, целям, теоретическим установкам общества, класса, и поведенчески, характеризуя последовательность, принципиальность и мужественность в отстаивании человеком своих взглядов, убеждений, в реализации их на деле. Поэтому Ж. п. следует

четко отличать от делячества, «хватки», хитроумного приспособленчества (выбора чьей-то стороны или т. зр. по соображениям эгоистического интереса, расчета, выгоды). Нравственной основой активной Ж. п. является принцип *единства слова и дела*, выражающийся в стремлении человека реализовать общественный, в т. ч. и нравственный, идеал на практике. Соответствие, слияние теории и практики, единство чувства, мысли и действий, когда за людей можно ручаться, говорил В. И. Ленин, что «они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести» (т. 45, с. 391), — важнейшее условие действенности избранной массами или личностью Ж. п. Активной Ж. п. противостоит позиция пассивная, когда человек встает на т. зр. стороннего созерцателя, нейтрального наблюдателя, руководствуясь принципом «моя хата с краю». В моральном смысле такая пассивность тожде-

ственна равнодушию, нередко питающему *предательство*, ренегатство. Особый случай отхода от активной Ж. п. — расхождение между словом и делом, свидетельствующее о декларативном, формальном характере убежденности человека, а иногда и о моральном *лицемерии*. Коммунистической нравственности чужда общественная и личная пассивность во всех ее видах; исключения составляют лишь те особые случаи, когда пассивность выступает своеобразной формой активности (напр., в условиях буржуазной демократии сознательное уклонение от голосования на выборах, не дающих альтернативы, и т. п.). Огромное нравственное значение имеет борьба против морального инфантилизма, безынициативности и бездеятельности, против социального самодовольства, упоения успехами, несамокритичности, против идейных шатаний, уступок в принципиальных вопросах.

ЗАВИСТЬ — неприязненно-враждебное чувство по отношению к успехам, популярности, моральному превосходству или преимущественному положению др. лица. З. возникает у человека на основе себялюбия (*Эгоизм*) и связанных с ним *честолюбия* и *тщеславия*. Чувство З. уродует личность и взаимоотношения людей (оно, напр., возбуждает у человека желание, чтобы др. потерпел неудачу, несчастье, дискредитировал себя перед окружающими, и нередко толкает на совершение аморальных поступков). Идеологи буржуазии часто пытаются изобразить З. как социальное чувство, характерное для неимущих, для трудящихся масс в целом. В ней иногда даже усматривают источник стремления трудящихся к равенству, основу морали, проповедующей равноправие и экспроприацию частной собственности (*Ницше, О. Шпенглер*). В действительности же в основе революционной морали лежит требование социальной *справедливости*: стремление угнетенных не встать на место эксплуататоров, а уничтожить эксплуатацию вообще. В коммунистической нравственности З. осуждается как один из пережитков классового об-ва. Чув-

ству З., враждебному отношению к успехам др., противопоставляется здоровое стремление достичь и превзойти общественно полезные результаты, достигнутые др. в процессе социалистического *соревнования, взаимопомощь* в достижении общей цели.

ЗАЗНАЙСТВО — отрицательное моральное *качество*, характеризующее поведение человека, к-рый утратил критическое отношение к себе, переоценивает свои способности и достоинства, перестал считаться с мнением окружающих, отвергает без достаточных оснований общепризнанные представления в той или иной области знания и культуры. Как правило, З. возникает у людей на почве достигнутых в прошлом успехов (действительных или мнимых), к нему склонны люди с преувеличенным *самолюбием, тщеславием* и *самоуверенностью*. З. во мн. сходно с *чванством*, но в отличие от него не всегда выражается в действиях широкого социального значения и часто характеризует образ мысли и поведение человека в сфере личных и внутриколлективных отношений. Коммунистическая нравственность осуждает всякие проявления З., учит людей критически

относиться к себе и с уважением к окружающим, к общественному мнению (см. также *Высокомерие*).

ЗАПОВЕДЬ — нравственная норма, представленная в моральном сознании в виде повеления, исходящего от к.-л. авторитетного лица. Придание моральной норме формы З. связано с бытовавшим в прошлом представлением, что она основывается не на социальной потребности, а на чьем-то повелении (*Авторитаризм*). В религиозном истолковании нравственности таким законодателем выступает бог. В совр. литературе о морали термин «З.» иногда используется для обозначения определенного требования об-ва, коллектива, выработанного практикой коммунистического строительства и обращенного к каждому члену коллектива (напр., заповеди участникам движения за коммунистический труд).

ЗЕНОН из Китиона (ок. 336—ок. 264 до н. э.) — древнегреч. философ, основатель *стоицизма*. Соч. З. дошли только в отрывках. Цель индивидуалистической этики З. — наметить путь достижения высоко нравственного об-ва посредством самосовершенствования каждой личности. Фундаментом нравственности З. считал принцип «жить согласно природе». Достичь добродетели можно, лишь следуя разуму, пронизывающему природу человека. отождествляя добродетель с согласованностью и последовательностью мышления и поступков, З. рассматривал ее в

противоположность *эпикуреизму* уже саму по себе как блаженство. Он различал четыре вида добродетели: разумность, умеренность, мужество и справедливость, к-рым соответствуют четыре вида противоположных качеств — пороков. Все, что не относится к добродетели и пороку, З. зачисляет в категорию «безразличных» понятий («адиафоры»): жизнь, смерть, болезнь, богатство, бедность и т. д. Счастье и добродетель достигаются только мудрецом. Знания позволяют ему стать выше быстротекущей жизни и умерить страсти (печаль, страх, вожделение, удовольствие), к-рым подвержены обычные люди. Преодоление этих страстей, достижение состояния *атараксии* — моральный долг мудреца. Учение З. о добродетели было попыткой дать свое понимание путей достижения свободы в условиях рабовладельческого об-ва. Стоики видели их в сознательном отрешении от тягот жизни и общественной деятельности.

ЗЛО — категория этики, по своему содержанию являющаяся противоположностью *добру*, и понятие морального сознания, к-рое служит наиболее обобщенным выражением представлений о безнравственном, противоречащем требованиям морали, заслуживающем осуждения, а также общей абстрактной характеристикой отрицательных моральных качеств. Моральное З. следует отличать от социального З. (противоположности *блага*). Последнее является не

только моральным, а более широким понятием, к-рое обнимает всю совокупность явлений, противоречащих интересам и жизненным потребностям человека (об-ва, класса), препятствующих общественному прогрессу. Моральное же З. может служить характеристикой общественных явлений лишь постольку, поскольку эти явления рассматриваются моральным сознанием как проявление воли определенного лица (группы лиц, класса), отступление от должного и поскольку их можно вменить к.-л. в вину и воспретить. Обычно как моральное З. оцениваются отрицательные поступки людей. Напр., несправедливые условия жизни в эксплуататорском об-ве рассматриваются трудящимися как социальное З., несправедливые же действия того или иного лица (капиталиста, политика, администратора, судьи, преступника) оцениваются и как моральное З., поскольку в них усматривается его собственная воля. Первоначальным источником морального З. является социальное З., т. к. именно общественные условия жизни людей определяют типичные для данного об-ва формы поведения. Социальная несправедливость, противоречия интересов и отношения вражды между людьми, угнетенное, подавленное и неравноправное положение человека — все эти явления эксплуататорского об-ва необходимо порождают преступления против нравственности. Следовательно, чтобы устранить мо-

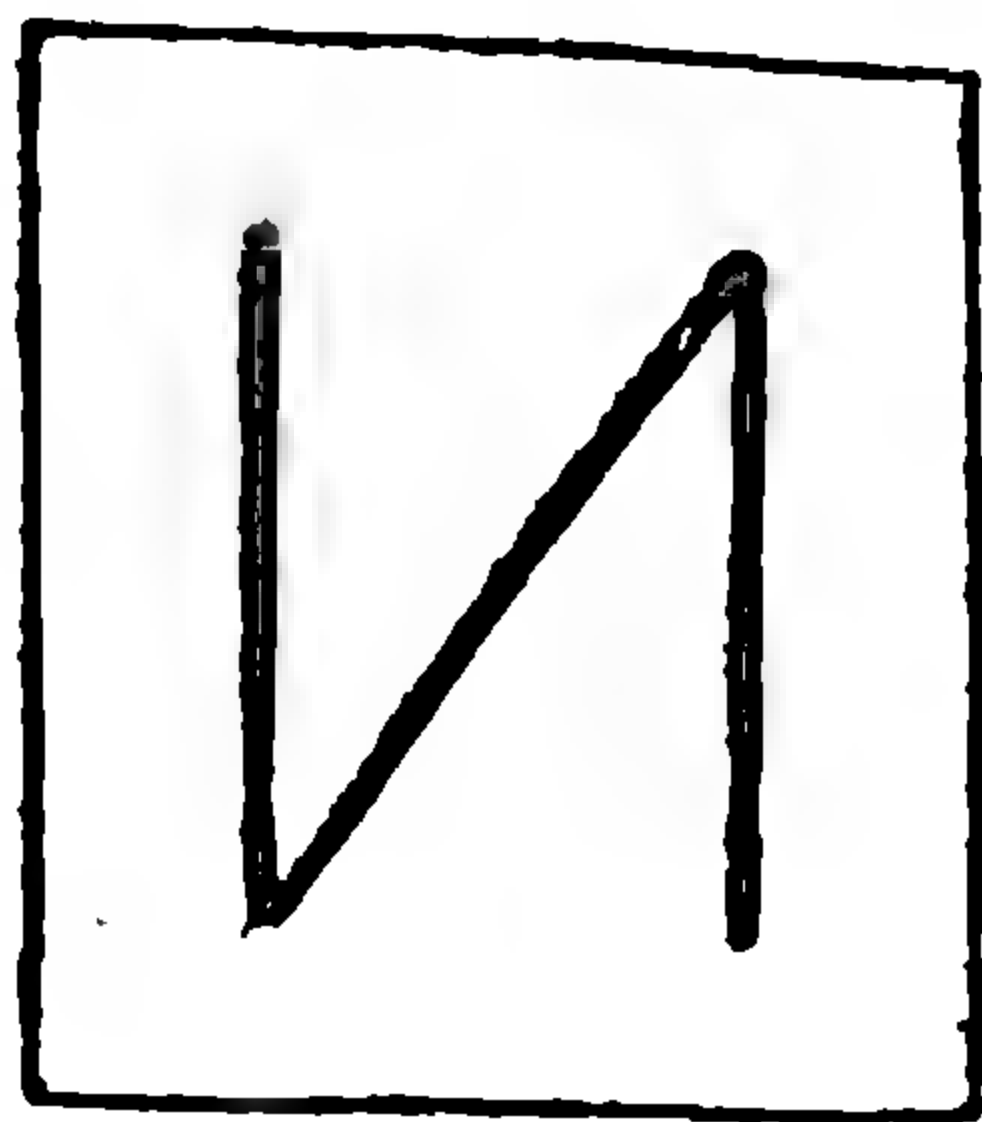
ральные пороки из жизни человека, следует уничтожить социальные условия, их порождающие. Именно так решает вопрос о происхождении З. и его искоренении марксистско-ленинская теория. Проблема происхождения и преодоления морального З. неоднократно поднималась в истории этической мысли, но непонимание в домарксистской этике действительных источников З. влекло за собой невозможность ее практического разрешения. В религиозных этических теориях З. обычно считается фатальной неизбежностью человеческого существования (*Грех, Эсхатология*), а иногда оно даже оправдывается как осуществление «высшего предначертания» бога (*Теодицея*). Такой же неизбежностью предстает З. в этике *Канта*, к-рый считает его необходимым следствием чувственной природы человека. Просветители, напротив, рассматривают З. как результат непонимания человеком своей подлинной природы, а преодоление З. мыслят путем распространения образования. Лишь марксистско-ленинская этика рассматривает этот вопрос в исторически конкретном плане, доказывая, что социальные и моральные пороки, к-рые присущи капиталистическому об-ву, искореняются в процессе построения социализма и коммунизма. Это, конечно, не означает, что в коммунистическом об-ве исчезнет З. как таковое. Речь идет о тех конкретных видах З., к-рые присущи всякому клас-

совому об-ву и мешают дальнейшему прогрессу человечества. З. и добро сохраняются как соотносительные моральные понятия, употребляемые для положительной и отрицательной оценки явлений действительности, осознания возникающих в жизни противоречий и необходимости их преодоления. Только в этом смысле проблема З.— «вечная проблема» человечества.

ЗЛОДЕЯНИЕ — противоположность *благодеяния* и *добродейания*; действие, представляющее собой *преступление* против требований нравственности, попирающее принципы гуманности и справедливости; поступок, являющийся моральным *злом* по характеру деяния и мотива и социальным *злом* по своим последствиям. При классификации З. обычно различают намеренные и ненамеренные, умышленные и неумышленные (*Проступок*). Конкретное же содержание З. может быть самым различным — убийство, воровство, обман, вероломство, предательство, изуверство. Вопрос об объективных причинах З. неотделим от общей проблемы происхождения социальных и нравственных пороков, основой к-рых являются социальная несправедливость, эксплуатация и угнетение масс, классовый антагонизм. Одна из задач коммунистического об-ва, имеющая нравственное значение,— искоренение социальных источников З.

«ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО» — в немарксистской этике так приня-

то называть библейскую заповедь: «Во всем, как хотите, чтобы другие поступали с вами, поступайте и вы с ними». Это была, в сущности, одна из первых в истории моральных представлений человечества формулировок принципа *равенства*. Но в данной формулировке принцип равенства имел значение лишь в пределах личных взаимоотношений людей и мог быть истолкован как простое правило житейского благоразумия: если не хочешь, чтобы тебе причиняли зло, не делай и ты зла. Более широкое звучание придал принципу равенства в морали *Кант* в своей первой формулировке *категорического императива*, смысл к-рой состоит в том, чтобы человек поступал так, как он считает правильным поступать для всех людей. Коммунистическая нравственность в принципе не отвергает «З. п.», однако, сознавая его односторонность, считает явно недостаточным, чтобы быть основой взаимоотношений между людьми. Как правило «житейской мудрости» оно таит в себе опасность *эгоизма*, а как принцип морали, в сущности, предполагает, что каждый человек независимо от др. определяет, что именно является для него нравственным. Т. обр., это правило включает в себе элементы *индивидуализма*. В действительности же нравственные принципы создаются социально-историческим опытом многомиллионных масс, классов, человечества.

ИДЕАЛ (греч. *idea* — представление, идея).— 1. **Нравственный** — понятие морального сознания, в к-ром предъявляемые к людям нравственные требования выражаются в виде образа нравственно совершенной личности, представления о человеке, воплотившем в себе все наиболее высокие моральные качества (*добродетели*). В. И. Ленин характеризует И. как «*моральное высшее*» (т. 29, с. 49). В отличие от моральных *норм*, к-рые определяют поведение людей в повседневных жизненных ситуациях, И. указывает на конечную цель нравственного воспитания и самовоспитания человека, дает ему высший образец, к к-рому он должен стремиться. Понятие морального И. является более сложным по сравнению с понятиями нормы и морального качества. Мораль первобытнообщинного и раннего рабовладельческого об-ва еще не содержит представления о нравственном И. в полном смысле этого слова. Впервые оно приобретает большое значение в христианской морали, в эпоху кризиса античного об-ва, когда человек начинает осозна-

вать глубокое противоречие между должным и действительностью. Тогда фантастический образ морально совершенной личности — Иисуса Христа, человека-бога, противопоставляется несовершенству и порочности «простых смертных». Характерно, что этот И. обращен не в будущее, а в прошлое, а идеальный персонаж рисуется не в виде активного борца за переустройство жизни, а в виде великомученика, искупающего своими страданиями *грех* человечества. В христианской морали И. представляется, как правило, недостижимым для людей (*Неопротестантизм*). Исключение могут составлять только «святые праведники». Из подобного же представления о нравственном И. исходят сторонники идеализма в этике. По *Канту*, И.— это недостижимый первообраз, к-рый никогда не может стать действительностью. *Фейербах* попытался спустить нравственный И. с недостижимых высот на землю. «Наш идеал,— писал он,— не кастрированное, лишенное телесности, отвлеченное существо, наш идеал — это цельный, действительный, образованный человек». Но и

этот И. оказался абстрактным и историческим, остался лишь призывом к моральному совершенствованию человека вообще. Несмотря на отвлеченность нравственных И. прошлого, они всегда воплощали в себе определенные исторические устремления людей, выражали их неудовлетворенность моральными пороками, бытующими в об-ве социальной несправедливости. В коммунистической нравственности моральный И. становится конкретной практической целью формирования человека будущего. Особенность этого И. состоит в том, что он выражает не абстрактную идею морального праведника, а конкретное представление о всесторонне развитой личности (*Всестороннее, целостное развитие личности*); он ставит задачу «*воспитания нового человека, гармонически сочетающего в себе духовное богатство, моральную чистоту и физическое совершенство*» (Программа КПСС, с. 120—121). Этот И. связывается с вполне реальными интересами и потребностями дальнейшего развития человека. Его осуществление мыслится не как результат простого нравственного самосовершенствования, аскетического самоотречения, а как итог коллективной деятельности людей, строящих самое гуманное и справедливое об-во — коммунистическое. Воспитание нового человека лишь составная часть более широкой задачи; оно осуществляется в тесной связи с многосторонним про-

цессом формирования коммунистических общественных отношений. Поэтому основой коммунистической нравственности является более сложное и богатое по содержанию понятие — идеал общественный, к-рый включает моральный И. как свою составную часть. Ф. Энгельс даже отождествляет нравственные И. с общественными. Подчиненное положение нравственного И. по отношению к общественному в коммунистической морали вовсе не означает его недооценку. В процессе индивидуального воспитания и самовоспитания личности представление о нравственном И. может играть решающую роль. Особенно большое значение моральный И. имеет в формировании нравственного самосознания подрастающего поколения; молодежь часто берет себе за образец к.-л. подлинного или литературного героя, следует примеру человека, к-рый является для нее моральным авторитетом. 2. Общественный — образ совершенного об-ва, в к-ром находят выражение интересы и устремления определенной социальной группы, ее представление о высшей справедливости и наилучшем общественном устройстве. Общественные И. всегда играли большую роль в истории политических и идейных движений. Образ идеального общественного порядка выполняет определенные функции также и в моральном сознании. Как понятие нравственности общественный И. обычно

включал следующие требования: осуществление конечного назначения человека, наиболее справедливое распределение жизненных благ между людьми, соответствие между правами и обязанностями, между способностями и общественным положением человека, между заслугами и вознаграждением (*Воздаяние*), между личными и общественными интересами, между требованиями долга и человеческими потребностями, между добродетельным образом жизни и достижением личного счастья. Доказательство или допущение возможности такого гармоничного состояния общества обычно служили в качестве обоснования требований той или иной нравственности. В истории духовной жизни общества складывались как прогрессивные И., к-рые в какой-то мере предугадывали ход дальнейшего общественного развития, были идейным знаменем революционных движений, так и И. реакционные, обращенные в прошлое, отражающие интересы классов, уходящих с исторической арены. И. могут быть действительными, ориентировать народные массы на практическое переустройство общества, или иллюзорными, уводить людей от их практических задач в область бесплодных фантазий и несбыточных мечтаний. Примером последнего может служить христианское учение о «грядущем царстве божьем на земле», к-рое должно якобы наступить как результат божественной милости, не-

зависимо от действий людей. Но все И. прошлого были утопическими. Даже тогда, когда они выражали прогрессивные устремления народных масс, протест против эксплуатации и несправедливости, они основывались лишь на субъективных пожеланиях лучшего будущего, без понимания объективных исторических законов. Таковы были учения социалистов-утопистов (Т. Кампанелла, Т. Мор, Сен-Симон, Фурье, Оуэн), к-рые предугадывали некоторые черты будущего социалистического и коммунистического общества, но не могли указать действительные пути его осуществления. Марксистско-ленинское учение о построении коммунистического общества представляет собой не просто нравственное требование или пожелание, а научную теорию, опирающуюся на объективный анализ исторических законов и дающую достоверное предвидение дальнейшего развития человеческого общества. «Коммунизм для нас не *состояние*, которое должно быть установлено,— писали К. Маркс и Ф. Энгельс,— не *идеал*, с которым должна сообразоваться действительность. Мы называем коммунизмом *действительное* движение, которое уничтожает теперешнее состояние. Условия этого движения порождены имеющейся теперь налицо предпосылкой» (т. 3, с. 34). В. И. Ленин указывал, что И. следует выводить из научного анализа социальных отношений и классовых противоречий, а не сводить

его поиски к *морализированию*. Общественный И., писал Плеханов, отражает тот элемент действительности, «в котором зреет будущее». Теория научного коммунизма в принципе по-новому ставит вопрос об общественном И. как основе нравственности. Коммунистический И.— это не просто образ самого гуманного и справедливого об-ва, установление к-рого должно быть конечной целью моральной деятельности людей. Объективная необходимость его осуществления создает реальные предпосылки этой деятельности, ставит цели и требования нравственности на почву исторических законов, придает им действительно-практический смысл. Поэтому коммунистическая мораль впервые позволяет людям подняться до подлинной сознательности и свободы в их нравственной деятельности. Коммунистический И. показывает людям, какой реальный социальный смысл имеет выполнение требований коммунистической нравственности, что даст человеку их полное осуществление. Вместе с тем этот И. служит высшим критерием для оценки различных конкретных действий человека, позволяет судить об их нравственном значении, исходя из исторической перспективы развития об-ва. Коммунизм — это не отдаленная, конечная цель моральной деятельности. Он создается деятельностью широких народных масс уже сегодня, в процессе революционной борьбы с капиталистиче-

ским об-вом и в условиях развития социалистического об-ва в коммунистическое. Поэтому при оценке поступков человека с т. зр. коммунистической нравственности учитывается не только их практическая целесообразность (насколько они приближают будущее), но и то, насколько они уже сегодня воплощают в себе *образ жизни*, к к-рому мы стремимся. Ведь в революционной и созидательной деятельности народных масс создаются не только материальные предпосылки будущего об-ва, но и нравственный облик человека, к-рый будет жить при коммунизме. Поэтому коммунистическая нравственность требует, чтобы высокие цели осуществлялись высоконравственными средствами (*Цели и средства*).

ИДЕЙНОСТЬ — моральное *качество*, характеризующее одну из важнейших сторон нравственного *самосознания* и жизнедеятельности личности; означает приверженность человека определенной идее, исходя из к-рой он совершает свои поступки и служению к-рой посвящает свою жизнь. Объективно И. выражается в общей целенаправленности действий человека. Характер жизненных целей, их соотношение с объективными потребностями исторического развития и интересами людей определяют содержание и социальное значение И. Субъективно И. проявляется в осмысленности действий и всей жизни человека, в его глубокой *убежденности* в право-

те и конечном торжестве осуществляемого дела, в способности видеть общую перспективу за теми конкретными и частными задачами, к-рые ему повседневно приходится решать. История показывает, что И.—отличительное качество борцов за социальную справедливость, посвятивших свою жизнь освобождению угнетенных народов и классов. Лишь приверженность прогрессивным, и особенно революционным, идеалам, отвечающим объективным законам истории, позволяет человеку подняться до подлинной И. Такая И. связана, как правило, с оптимистической верой в лучшее будущее человечества (*Оптимизм*), с *гуманизмом* и самыми возвышенными устремлениями, способствует развитию в людях др. высоких моральных качеств — *героизма, благородства, самопожертвования*. И наоборот, приверженность реакционным идеям, интересам классов, уходящих в прошлое, в конечном счете ведет к безыдейности. Беспринципность и использование преступных средств в политике, *лицемерие и цинизм* в государственной деятельности, *догматизм и нигилизм* в идеологии, *страх* перед будущим и утрата веры в человека — таковы проявления безыдейности. Высшей исторической формой И. является коммунистическая идейность, связанная с самыми передовыми и гуманными идеалами, воплотившими в себе многовековые чаяния трудящихся, основан-

ная на научном понимании законов истории. Ее формирование — одна из важнейших сторон процесса коммунистического воспитания. Мерилом успехов в воспитательной работе являются конкретные дела. Ведь коммунистическая идейность представляет собой сплав знаний, убеждения и практического действия. Безыдейный человек легко превращается в обывателя. На почве безыдейности произрастают пошлость, мещанство, бюрократизм, политическая близорукость, косность. Высокая степень И., наоборот, позволяет человеку стать подлинно принципиальным и активным борцом за осуществление светлых идеалов, новатором, творцом и преобразователем жизни. Вот почему высокая И.—одно из требований коммунистической нравственности.

ИЕЗУИТИЗМ (иезуитство) — антигуманистическая система моральных принципов, возникающая, как правило, внутри замкнутой группы, касты, организации и служащая сокрытию или оправданию аморальной по содержанию деятельности, направленной во вне этой группы, касты, организации. Термин произошел от названия католического монашеского ордена Иисуса (лат. Jesus) и исторически связан с церковно-политической организацией иезуитов, основанной при папском престоле в XVI в. и построенной по иерархическому принципу. Деятельность иезуитов была направлена на до-

стижение возможно более полной духовной и светской власти (вплоть до мирового господства) лично папы и католической церкви в целом. Тайный и явный контроль за поступками и помыслами не только «братьев» по ордену, но возможно большего числа людей в различных, в т. ч. и некатолических, странах, безусловное повиновение низших чинов высшим сочетались у иезуитов с широкими личными привилегиями и весьма вольным образом жизни. Наричательный смысл понятие И. приобрело благодаря более чем сомнительной политической морали иезуитов. Эта мораль предписывала любой безнравственный поступок (оправдывая его «благой целью»), включая политические интриги и убийства, клятвопреступление и двусмысленные толкования слов, при условии, что все это совершается «ради вящей славы господней», т. е. способствует упрочению католицизма. «Цель оправдывает средства» — этот моральный постулат, приписываемый основателю ордена иезуитов И. Лойоле, в дальнейшем становится практическим принципом И. (церковного и светского) и используется как в достижении эгоистических личных целей, так и в области партийной (фашизм) и государственной политики (прошлые монархическо-бюрократические и совр. буржуазные тоталитарные государства). Т. обр., для морали И. в целом характерны так или иначе скрытая ложь и т.

наз. «законничество», служащие оправданию незаконных по своему существу действий, полное подчинение содержания нравственных принципов произвольно и казуистически истолкованным юридическим и моральным нормам, лицемерная апелляция к отдаленным «высоким целям» ради оправдания непосредственных низменных действий. В конечном счете практика И. оказывается не способной ни достигнуть прокламируемых «благих целей», поскольку объективные результаты человеческой деятельности находятся в функциональной зависимости от средств, ни прочно и надолго реализовать свои подлинные (по существу аморальные) цели, поскольку моральные принципы И. начинают действовать и внутри принявшей их организации, тем самым обрекая ее на разложение и гибель.

ИЗМЕНА — нарушение *верности* общему делу, узам солидарности, товарищества, любви. Отрицательная оценка И., даваемая ей моральным сознанием, обусловлена положительным значением, к-рое придается этим узам. В том случае, если эти узы утрачивают положительный смысл или даже приобретают антиморальное значение, нарушение и отказ от них уже не есть И. Напротив, верность в этом случае является безнравственной и расценивается как ложное товарищество, круговая порука, семейственность, групповщина и т. п. И., совершаемая в области политических отношений, имеющая

социально-классовый смысл, характеризуется как *предательство*.

ИМПЕРАТИВНАЯ ЭТИКА — см. *Неопозитивизм*.

ИНДИВИДУАЛИЗМ (лат. *individuum* — неделимое, особь) — принцип обоснования нравственности и выбора ориентации, линии поведения, к-рый основывается на мировоззренческой позиции, противопоставляющей т. зр. индивида, взятого вне его социальных связей, об-ву, всякой социальности. Об-во, исходя из этой позиции, есть нечто приходящее, побочное по отношению к природе человека, к-рый призван утверждать свою индивидуальность и нравственность вопреки «внешним», социальным зависимостям. Т. обр., И. означает отречение человека от собственной культурно-исторической сущности, от того содержания человеческой жизни, к-рым она может быть наполнена только в системе общественных связей между людьми (*Человек и общество*). Позиция И. выступает как противоположность *коллективизму*, но вместе с тем, по сути дела, И. враждебен всякому личностному развитию человека, в особенности его развитию как нравственного субъекта, ибо, лишь выходя за рамки непосредственно индивидуального существования, человек обретает себя как нравственно самостоятельную личность. И. же, уводя его от восприятия социальных проблем как своих личных и лишая его открытости навстречу судьбам др. людей, об-

рекает индивида на мировоззренческую замкнутость. Моральная ориентация И. — это *эгоизм*, нередко опирающийся на критерии *утилитаризма* или *гедонизма*, в крайних формах она приводит к анархизму, *цинизму* и *нигилизму*. Характерные индивидуалистические качества — *корыстолюбие, тщеславие, честолюбие, карьеризм, чванство*. Следовательно, И. столь же антигуманистичен, как и апелляция в морали к внешним, безличным силам (*Авторитаризм, Отчуждение*). Поэтому противопоставление И. этим силам лишь внешнее, а в конечном счете — мнимое. И. не свойствен примитивным или сохраняющим в себе архаику об-вам, где индивиды включены в социальное целое непосредственно, как его частицы, лишенные самостоятельности, подчиненные унифицирующей регуляции извне (они выступают в своих поступках и помыслах как объект действия принятых *норм, ритуалов, табу*). И. возникает лишь в развитом классовом об-ве, где индивиды обретают нек-рую самостоятельность, но в то же время лишены возможности проявлять ее в нравственной деятельности из-за уродливой, отчужденной формы существования культуры. В наибольшей степени И. питают буржуазные частнобывшие отношения, к-рые К. Маркс называл «чисто атомистическими» (т. 23, с. 103). Из этой «атомистичности» и вырастает иллюзия изначальной несоциальности индивида-одиночки. Та-

кова почва всей идеологии И. (от раннебуржуазного либерализма до утопий типа мютюализма Прудона и т. п.). Его принципы получили отражение в различных буржуазных этических теориях (*Общественный договор, Нравственного чувства теории, Эвдемонизм*), но И. как форма осознания разрыва личности с социальной средой и противопоставления последней своей индивидуальности (ибо не найдены альтернативные ей формы социальности, коллективных связей и солидарной борьбы) всегда по природе своей не адекватен прогрессивному содержанию, к-рое в эту форму вкладывается (*Эгоизма теории*). В идеологии совр. капитализма идеи И. претерпели кризис, на смену им приходит и усиливается тенденция технократического анти-И., отрицание высшей ценности личности, сциентистское приравнивание ее к «социальной» вещи, проповедь «научно» разработанной системы манипуляции человеком и его сознанием. В противовес этому марксистская философия и этика ориентируют на устранение самой исторической почвы, на к-рой вырастают как И., так и буржуазный анти-И. Вместо суррогатов коллективности марксизм провозглашает борьбу за такую коллективность, к-рая формирует всесторонность и целостность в каждом человеке (*Всестороннее, целостное развитие личности*). Для коммунистического мировоззрения условием свободного развития всех является

свободное развитие каждого (*Маркс К., Энгельс Ф., т. 4, с. 447*). Напротив, И. враждебен логике взаимосвязи развития всех с развитием каждого. Пережитки И. преодолеваются в процессе коммунистического воспитания путем культивирования в человеке его общественной сущности, активной *жизненной позиции*, самостоятельности, инициативно-творческого начала (*Самодеятельность и творчество*), ответственности и коллективной солидарности.

ИНИЦИАТИВА (лат. *initiare* — начинать) — самодеятельное участие человека в различных сферах социальной жизни, в к-ром он самостоятельно берет на себя решение к.-л. задачи и выступает как ее активный проводник в жизнь; форма проявления его общественной и политической активности. И. может выражаться в добровольной деятельности (на благо об-ва, класса, в личных интересах), в творческом отношении к труду и сложившимся способам поведения (*обычаям, нравам, традициям*). Формами ее проявления могут быть *подвиг, почин, личный пример*. В моральном смысле И. характеризуется тем, что человек берет на себя бóльшую меру ответственности, чем того требует простое соблюдение общепринятых норм. И. является составной частью общественной дисциплины; это та сторона взаимодействия личности и коллектива, где активным началом выступает личность. Мера И., к-рую способно развить

об-во в людях, показывает, насколько оно создает реальные предпосылки свободы человека и способствует формированию человеческой личности. Буржуазное об-во, создавшее условия для И. частного предпринимателя, явилось крупным шагом по сравнению с феодализмом на пути развития самостоятельности личности. Но эта И. стала возможной преимущественно для частного собственника, да и то гл. обр. в форме стяжательства, а также для узкой прослойки специалистов и представителей «свободных профессий», и притом в рамках к.-л. одной общественной функции. Впервые в истории широкое поле для развития массовой И., направленной на свободное служение об-ву, создает коммунистическая формация. В социалистическом об-ве особенно большую роль играет И. в труде и общественно-политической деятельности. И., ставшая постоянным стимулом, определяющим и направляющим поступки человека, превращается в моральное качество личности — и н и ц и а т и в н о с т ь. Инициативность характеризует человека (коллектив, широкие массы людей) с т. зр. проявляемой им общественной активности и выражается в сознательной деятельности, направленной на осуществление определенных моральных принципов и идеалов (*Самостоятельность и творчество*). При социализме инициативность предполагает добровольное служение общим интересам, не-

примиримость к нарушениям требований коммунистической нравственности и борьбу за устранение недостатков в жизни об-ва или коллектива.

ИНТЕРЕС — целеустремленное отношение человека (класса, об-ва в целом) к к.-л. объекту его потребности. И. зависит от условий бытия человека, отражает необходимость для его жизни определенных предметов окружающего мира. Человек производит, осваивает и присваивает (потребляет) предметы своих И. посредством целенаправленной деятельности. В человеческой психике И. проявляется как побуждение, волевой импульс, направляющий его действия. Осознанный И. выступает как *мотив, намерение*, сознательно поставленная *цель*. В социологии И. людей рассматривается как движущая сила деятельности социальных групп и отдельных личностей (общественные, классовые, личные И.), в к-рых отражаются их общественные отношения. «Экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как *интересы*» (*Маркс К., Энгельс Ф., т. 18, с. 271*). В этике категория И. рассматривается прежде всего с т. зр. ее соотношения с *долгом*. В классовом об-ве общественные и личные И. постоянно приходят между собой в столкновение, поэтому человек должен выполнять требования нравственности чаще всего вопреки своим собственным И. Вместо того чтобы найти истоки этого

противоречия и пути к его преодолению, домарксистские этические учения обычно ограничивались тем, что либо просто не признавали его, либо считали его неразрешимым. Одни мыслители пытались свести моральный долг к личному И.— к «разумно понятому» эгоизму, стремлению человека к счастью или наслаждению (*Эгоизма теории, Эвдемонизм, Гедонизм*), др. считали, что выполнить свой долг человек может только вопреки своим собственным И. (*Категорический императив*). Лишь марксистская этика дает правильное решение проблемы соотношения И. и долга. Поскольку корни противоречия между И. и долгом находятся в противоположности классовых И., личных и общественных И., а также отдельных, частных И., разрешение этого противоречия возможно только в процессе строительства коммунизма. Уже в условиях социализма устанавливается в осн. единство между И. личности и об-ва. Это обусловлено тем, что высшей целью общественного производства при социализме является наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. В моральном плане это означает, что, выполняя свой долг перед об-вом, человек в конечном итоге служит общим для всех людей И. Но поскольку полностью различие между общественными и личными И. не устраняется, постольку еще продолжает существовать и различие между долгом и личным И.

В случае их расхождения коммунистическая нравственность требует от человека подчинять свои личные И. общественным. Осуществление этого требования является единственно возможным путем к наиболее полному удовлетворению И. всех членов об-ва, а в конечном итоге к осуществлению полного единства личных и общественных И. Осознание этого приводит к тому, что общественно полезная деятельность постепенно превращается во внутреннюю потребность людей (*Свобода нравственная, Склонности*).

ИНТЕРЕСА ТЕОРИЯ — направление в совр. буржуазной этике и аксиологии, сторонники к-рого моральную ценность явлений действительности, в т. ч. добро и зло, рассматривают как результат направленного на данный объект *интереса*. И. т.— разновидность современного *натурализма* в этике. По своему содержанию она во мн. сходна с учением *прагматизма*. Возникла в 20-х гг. XX в. и продолжает существовать до сих пор, хотя и не имеет уже столь широкого влияния. Гл. ее представителями являются: в США — Р. Перри, Д. Паркер; в Англии — Ф. Теннант. Сторонники этого направления определяют значимость для человека того или иного предмета или явления (его ценность), исходя не из той роли, к-рую он выполняет в об-ве, а из субъективного отношения к нему, из проявляемого к нему интереса. Сам же интерес

понимается чисто психологически — как желание, расположение, склонность, любовь, симпатия (или, наоборот, отвращение, антипатия, ненависть), испытываемые человеком по отношению к тому или иному объекту. При этом, в сущности, игнорируется социальная обусловленность интересов людей способом их жизнедеятельности, объективными законами бытия и развития об-ва. Буржуазный характер И. т. особенно наглядно проявляется в том, что ее сторонники понимают нравственность как средство взаимного согласования и примирения частных интересов. Отсюда вытекает и специфически буржуазное истолкование морального долга: поступай так, чтобы удовлетворить наибольшее количество частных интересов. Тем самым борьба за преодоление противоречий между личными и общественными интересами, за удовлетворение коренных общих интересов человечества подменяется удовлетворением интересов частных предпринимателей, взаимным соглашением конкурентов. Марксистская этика, признавая связь морали с интересами людей, вместе с тем не просто выводит нравственность из любых интересов, а обосновывает (или подвергает критике) эти интересы как подлинно человеческие (или аморальные, эгоистические, обращающиеся против человека), исходя при этом из анализа исторических законов развития человечества в целом. Подлинно че-

ловеческими потребностями, имеющими нравственное оправдание, являются интересы трудящихся в противовес интересам эксплуататоров.

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ (социалистический) (лат. *inter* — между и *patio* — народ) — международное единство трудящихся в борьбе за уничтожение капиталистического строя и построение коммунистического об-ва, основанное на общности их коренных интересов. Как принцип отношений между нациями И. связан с областью политики, но вместе с тем он является одним из важнейших принципов коммунистической нравственности, регулирующим данные взаимоотношения. В этом смысле И. служит одной из сфер проявления коммунистического гуманизма. Как принцип нравственности И. включает следующие требования: равенство и свобода всех народов безотносительно к их социальному и культурному развитию; непримиримость к великодержавному шовинизму и всякой форме угнетения одной нации др.; сотрудничество и солидарность трудящихся всех стран в борьбе за общие цели; непримиримость к национальному эгоизму и сепаратизму; дружба и уважение во взаимоотношениях с представителями др. народов; интерес к разнообразным национальным культурам; борьба с национальной замкнутостью, нетерпимость к настроениям и теориям национального и расового превосходства — всему тому,

что включает в себя понятие **национализма**. Буржуазный национализм предполагает вражду народов, возвеличивание достоинства одной национальности в ущерб остальным и является оборотной стороной **космополитизма**, в основе к-рого лежит безразлично-нигилистическое отношение людей к своей родине и нации, к их интересам и культуре, отказ от всяких национальных традиций. Социалистический И. в корне противоположен как национализму, так и космополитизму, к-рый за внешне нейтральным отношением к различным государствам и национальностям всегда скрывает отношения неравноправия и подчинения. Идея И. родилась с возникновением международного коммунистического движения и впервые была провозглашена его основателями К. Марксом и Ф. Энгельсом в виде лозунга «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» в противовес политике национальной розни, к-рая культивировалась господствующими классами. Первым в истории практическим примером утверждения социалистического И. в отношениях между народами стало многонациональное содружество народов СССР, где ликвидирован национальный гнет, установлено полное равноправие народов. Ранее отсталым народам открылся в этом содружестве доступ к сокровищам мировой культуры и цивилизации. Само чувство *патриотизма* в СССР приобрело интернацио-

нальный характер, ибо оно включает дружбу всех народов, имеющих общую социалистическую родину. При социализме И. как нравственный принцип находит свое осуществление в повседневной жизни народа. Однако иногда еще проявляются пережитки национальной розни в различных формах, обычно связанные с недостаточной сознательностью и невысокой духовной культурой людей. С возникновением мировой социалистической системы принцип И. лег в основу как взаимоотношений братских социалистических государств и наций, так и отношений народов социалистических стран с угнетенными и неравноправными нациями и трудящимися капиталистических государств. Этот принцип является законом взаимоотношений между братскими коммунистическими и рабочими партиями.

ИНТУИТИВИЗМ (лат. *intuegi* — пристально, внимательно смотреть) — направление в этике, сторонники к-рого утверждают, что моральные понятия (*добро, долг* и др.) невозможно обосновать посредством разума и опыта, что они якобы постигаются человеком интуитивно, как «самоочевидные» истины. Этический И. есть теоретическое выражение представления о том, что общепринятые нравственные убеждения не нуждаются в доказательстве, очевидны сами по себе (*Догматизм*). Элементы И. содержались уже в некоторых этических теориях античности

(Сократ, Платон). В XVII—XVIII вв. существовала школа кембриджских неоплатоников (Прайс, Р. Кадуорт, С. Кларк), считавших, что понятия добра и долга — простые идеи, не поддающиеся определению и обоснованию. В XIX в. идеи И. развивал в Англии Г. Сиджуик. В совр. буржуазной этике широко известно интуитивистское течение, основанное в начале XX в. Муром, распространенное в Англии, США и др. странах. Считая, что этика должна изучать не поведение людей, а моральные понятия, Мур и его последователи тем самым проложили путь *формализму* в этике. Мур критикует сторонников натуралистического направления в этике (*утилитаризма, гедонизма, эволюционной этики*) не за односторонность или упрощенность их определений добра, сводимого к к.-л. свойству или группе свойств природных объектов. Он вообще отвергает возможность определения добра и его рационального анализа. Т. обр., интуитивистская концепция Мура приводит к отрицанию научного анализа нравственности, противопоставляет *мораль и науку*. В совр. И. различают два направления. В аксиологическом (*Аксиология*) — Дж. Мур, Г. Рэшдэлл, Дж. Леард, О. Джонсон, Б. Блэншард — из добра выводятся все остальные моральные понятия, в т. ч. и долг (долг состоит в том, чтобы совершать добро). В деонтологическом (*Деонтология*) направлении — Г. Причард,

Д. Росс, Э. Кэрритт, Ч. Брод — долг считается не зависящим от добра понятием или логически предшествующим ему (добро состоит в том, чтобы выполнять долг). Т. обр., нравственность здесь толкуется формалистически: долг следует выполнять ради самого долга. Согласно деонтологическому И., нравственные обязанности не имеют основания в социальных потребностях, они якобы очевидны сами по себе, вечны и неизменны. Росс, напр., считает, что таких «самоочевидных» обязанностей всего семь: не совершай зла, делай добро, распределяй добро и зло соответственно достоинству людей (требование справедливости), говори правду и выполняй обещания (обязанность верности), благодари за оказанные услуги, возмещай причиненный тобой ущерб, самосовершенствуйся. Уже сам подбор этих обязанностей (то, что здесь исключены обязанности человека перед об-вом и представлены только обязанности перед отдельными людьми), не говоря уже о конкретном понимании изложенных требований, свидетельствует о буржуазном толковании нравственности. Социальный смысл совр. И. состоит в том, что нравственным представлениям, санкционированным господствующим классом капиталистического об-ва, придается неоспоримое («самоочевидное») значение; по отношению к ним не допускаются сомнения и критика, основанные на свидетельстве фактов

и логике, тем более научная критика. Такова апологетическая роль И. по отношению к буржуазной идеологии. Особенно реакционный смысл имеет деонтологическое учение, вменяющее людям слепое, бессознательное выполнение долга. Это крайняя форма догматизации буржуазной морали.

ИРРАЦИОНАЛИЗМ (лат. *i* — отрицательная частица и *rationalis* — разумный) — методологический принцип истолкования природы нравственности, характерный для ряда буржуазных теорий морали. Хотя элементы И. можно найти в самых различных этических теориях прошлого, наиболее полное развитие он получает в середине XIX в. (*Кьеркегор, Шопенгауэр*) и особенно в XX в., когда его идеи были положены в основу таких направлений буржуазной этики, как *экзистенциализм* и *неопротестантизм*. Гл. в этическом И. — это отрицание каких бы то ни было общих законов в нравственности, преувеличение значения особенного, неповторимого в каждой моральной проблеме. Следствием этого является вывод, что разум и наука, способные устанавливать лишь общее в многообразном, совершенно неприменимы к области морали (*Мораль и наука*). В решении нравственных проблем на первый план иррационалисты выдвигают «жизненное чувство», волю, бессознательные стремления или к.-л. духовные способности, противопоставляемые логическому мышлению. При этом они полага-

ют, что «алогичное» и «противоразумное» ближе находится к пониманию смысла человеческого существования, нежели любая форма рационального мышления, якобы ведущая к догматизму и лишению человека свободы и индивидуальности. Утверждая, что каждая жизненная ситуация и положение каждого отдельного человека всегда уникальны, неповторимы, иррационалисты делают вывод, что моральные требования каждый раз имеют совершенно различный смысл. С их т. зр., поэтому невозможно сформулировать к.-л. общие принципы нравственности, на основании к-рых человек мог бы принимать конкретные решения в различных практических ситуациях. В этом положении присутствует не только момент крайнего *релятивизма*, но и критика этического *рационализма*. Иррационалисты критикуют те этические теории, в к-рых содержание моральных требований выводится из совокупности научных сведений о человеке как естественном и общественном существе. Рассматриваемый в этом плане человек действует по законам причинности, в рамках целесообразности, руководствуется разумом и выработанными наукой понятиями, подчиняется законам и требованиям об-ва, общим для всех моральным *нормам*. Но с т. зр. иррационалистов, это якобы лишь внешняя сторона человеческого бытия и область «неподлинной» морали — морали утилитарной, догматической, канонизиро-

ванной. Собственно же человеческое, или «подлинное», бытие якобы не поддается никаким определениям, находится вне законов об-ва и природы. Это сфера абсолютной свободы личности, где человек утверждает себя в своей нравственности вопреки об-ву, в противовес царству материального расчета. В подобном раздвоении человеческого бытия на две совершенно независимые сферы, с одной стороны, проявляется критическое отношение к совр. буржуазной цивилизации, а с др.— поиск «спасения» человека от капиталистических антигуманных отношений на путях ухода личности в себя (*Индивидуализм*). В конечном итоге иррационалисты приходят к отрицанию общественной природы морали, к утверждению, как они сами считают, «двусмысленной», «парадоксальной» нравственности. Но такая нравственность не может указать человеку, каким именно образом ему следует поступать в жизни. В этом и заключается реакционный и антигуманный смысл этического И.

ИСКАНИЯ НАВСТВЕННЫЕ — одна из сторон духовной жизни личности, особенно интенсивно проявляющаяся в моменты принятия ответственных *решений*, в ситуациях морального *выбора*, при разрешении нравственных *конфликтов*. С И. н. связаны также поиски личностью оснований нравственного *образа жизни*, ориентиров линии поведения, определение направления самосовершенствования.

Хотя в развитом социалистическом об-ве усвоение научного мировоззрения, коммунистических идеалов и моральных ценностей облегчается всем укладом жизни людей, тем не менее осознание значения своей деятельности, отдельных ее актов и сторон во всей их конкретности, обеспечение единства замыслов этой деятельности и ее итогов, *единства слова и дела* представляют трудную и многостороннюю жизненную задачу. И. н. нередко придают драматизм человеческой жизни, поскольку могут завершаться не только торжеством принятых позитивных решений, но и трагедией ненахождения. Значение и напряженность этих поисков в жизни личности на этапе развитого социализма определяются повышением роли морального фактора в жизнедеятельности об-ва, обогащением и усложнением протекания всех нравственных процессов, интенсивностью процесса формирования нового человека — личности социалистического типа, возросшей нетерпимостью к различным видам проявления безнравственности, обострением идеологической борьбы на международной арене, неоднозначностью нравственных последствий ряда бурно протекающих социальных процессов (урбанизация, изменения в формах социального контроля, потребительской деятельности, демографические проблемы, характер *общения* и т. д.). Социалистическое об-во глубоко заинтересовано в том,

чтобы И. н. личности осуществлялись в русле принципов и норм коллективистско - гуманистической морали и способствовали формированию коммунистической *убежденности, активной жизненной позиции*. Оказать максимальное содействие личности в ее И. н. — одна из важных задач этического просвещения и нравственного *воспитания* трудящихся.

ИСЛАМ (арабское — покорность), или мусульманство — вероучение, канонизированное в Коране — книге Мухаммеда (ок. 570—632), почитаемого верующими пророком, одна из мировых религий. Этика И., по существу, сложилась стихийно в доисламский период. Коран, сунна (священный обычай), состоящая из множества хадисов (преданий об изречениях и поступках Мухаммеда), шариат («предписанный путь» — кодифицированное мусульманское право) лишь оформили, узаконили и реорганизовали эти сложившиеся моральные нормы. Нек-рые запреты и ограничения исламского канона возникли как преодоление обычаев аравийского язычества. Традиционные нормы, освящающие, напр., узы родства, святость гостеприимства, и возведенная в ранг долга помощь путникам и нищим были преобразованы и дополнены др. правилами. Зафиксированные в Коране нормы обнаруживают большое число очевидных заимствований из текстов иудейской и христианской религии, к-рые создали серьезные противоречия в

нравственных ориентациях мусульман, т. к. мн. правила не согласовывались друг с другом. Само наличие установлений, касающихся, напр., прав женщины, в определенной степени ограничивало произвол. Вместе с тем Коран закрепил подчиненное положение женщины: так, при распределении наследства сыну полагалась доля, равная доле двух дочерей. Ориентирующий на покорность и следование закону, И. неизбежно становился преградой на пути прогрессивного развития отношений нравственности. Кроме закрепления традиционных ритуалов мусульманской веры: ежедневная молитва, обязательная милостыня, соблюдение поста и паломничества в Мекку, — Коран и особенно хадисы отразили многовековой опыт развития нравственных отношений, что нашло выражение в таких правилах, как почитание старших и родителей, запрещение азартных игр и потребления вина, суровое осуждение лживости и воровства. Социальная сущность И. та же, что и любой др. религии, он может быть связан с различными общественными тенденциями вследствие неоднородности и противоречивости классовых позиций его приверженцев.

ИСКРЕННОСТЬ — моральное качество, характеризующее личность и ее поступки; выражается в том, что человек делает и говорит то, в правильность чего он верит, действует ради тех соображений, в к-рых он готов признаться само-

му себе и др. И. противоположна *лицемерию*, обману, попыткам создать неправильное впечатление о тех мотивах, к-рыми человек руководствуется, чисто внешнему выполнению им определенных требований без веры в правильность совершаемых поступков, а ради собственной выгоды, из *тщеславия*, соображений *карьеризма*. И., т. обр., характеризует не содержание действия, а его соответствие побудительному мотиву, поэтому определяет поступки человека лишь формально. Она составляет субъективную сторону *убежденности* (служит выражением того, как взаимное соответствие убеждений и действий осознается самой личностью). Человек может искренне заблуждаться относительно моральной ценности своих поступков, совершать аморальные действия, руководствуясь благими намерениями (*Намерения и дела*), причинять людям зло из соображений неправильно понятой гуманности и т. п. Поэтому коммунистическая нравственность, признавая И. положительным качеством, вместе с тем считает ее еще недостаточным критерием оценки поступков. Лишь в сочетании с правильными *убеждениями* и умением воплощать их в действиях И. позволяет человеку совершать поступки, соответствующие подлинной нравственности.

ИСКУПЛЕНИЕ — снятие с себя *вины* (частичное или полное) за совершенные в прошлом поступки посредством полного при-

знания своей вины, понесенного наказания или последующих положительных поступков, за к-рые человек становится достойным прощения. В христианской морали И. часто толкуется формально-символически, как результат выполнения определенного *ритуала*. Напр., считается, что аморальные поступки могут быть прощены богом, если человек покается на исповеди, прочтет молитвы, подвергнет себя посту или др. виду послушания или же окажет благодеяние церкви (такое понимание И. наиболее характерно для католицизма и православия). Если же речь идет не о личных прегрешениях того или иного человека, а о первородном *грехе*, то И. рода человеческого якобы осуществляется благодаря тому, что Христос «принял муки за все человечество», добровольно пошел на распятие ради «спасения» всех людей. И в том и в др. случае такое формальное понимание И., в сущности, снимает с человека *ответственность* за свои поступки и *обязанность* исправлять причиненное людям или об-ву зло. С т. зр. коммунистической нравственности *раскаяние* является необходимой предпосылкой искупления вины, но одного его еще недостаточно. Реальной практической деятельностью провинившийся человек должен доказать, что он достоин прощения.

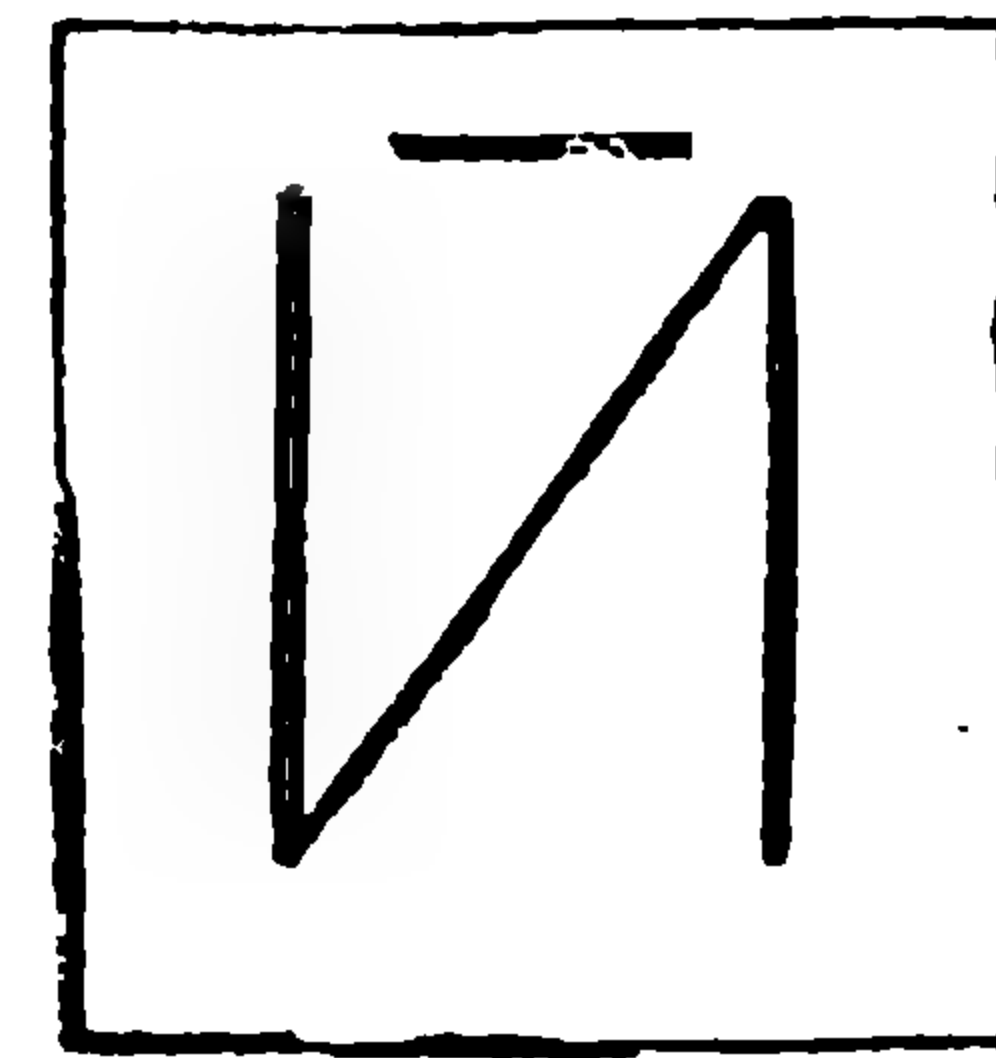
ИСТИНА И НАВСТВЕННОСТЬ.— Вопрос о том, отражают ли моральные представления лю-

дей нечто объективное, можно ли их считать истинными (или соответственно ложными), в самой различной форме ставился на протяжении почти всей истории этической мысли, начиная с древности. Большинство теоретиков прошлого отвечало на этот вопрос положительно. Но то «объективное», что отражается моральным сознанием, понималось ими по-разному, в зависимости от их т. зр. на происхождение и источник нравственности. Объектом познания в морали объявлялись то божественная воля или разум, то вечные принципы справедливости, то нравственные законы мироздания или же не менее мифическая внеисторическая «природа человека» (*Абсолютизм, Рационализм*). Но эти теории, как правило, не могли объяснить, каким образом возникают противоположные нравственные позиции. Поэтому такому взгляду противопоставлялась субъективно-идеалистическая т. зр., согласно к-рой моральные представления вообще не отражают ничего объективного (*Скептицизм, Аппробативные теории*), нравственность есть лишь область вкусов, предпочтений, того или иного рода произвола (*Волюнтаризм*). В совр. буржуазной этике проблема соотношения И. и н. приобрела вид вопроса о соотношении *морали и науки*. Согласно т. зр. этического *натурализма* моральные принципы могут быть обоснованы с помощью данных науки. Большинство же буржуазных этиков

это отвергают. Сторонники *интуитивизма* утверждают, что моральное знание совершенно уникально и достигается принципиально иным способом, чем научное. Неопозитивисты (*Неопозитивизм*) вообще отрицают, что моральные представления несут в себе к.-л. знание, могут быть истинными. При решении данной проблемы марксистская этика исходит из того, что моральные идеи всегда так или иначе отражали существующую социальную действительность, условия общественного бытия людей. Об-во, тот или иной класс создает моральные нормы, принципы, формулирует понятия добра и зла соответственно объективным историческим потребностям. Моральные представления этого об-ва или класса истинны в той мере, в какой его исторические возможности отвечают потребностям общественного прогресса. И когда тот или иной класс становился реакционным, а его господство превращалось в тормоз общественного прогресса, тогда его моральные представления переставали соответствовать историческим законам, наполнялись ложным содержанием. Др. сторона данной проблемы заключается в способе отражения исторических законов моральным сознанием. Возникнув задолго до общественно-исторической науки, моральное сознание выражало требования объективных законов общественного бытия неосознанно, в форме *долженствования и ценности. Требования мо-*

рали представлялись чем-то принципиально отличным от социальной необходимости, не связанным с ней. Поэтому во всей истории классового общества моральная форма общественного сознания была особенно перегружена фантастическими и фетишистскими представлениями относительно того, что именно она отражает. Коммунистическая нравственность, в основе которой лежит научное марксистское мировоззрение, исходит из понимания действительного места человека в историческом процессе. Поэтому она впервые устраняет

почву для *фетишизма* в морали. Отныне люди уже не просто стихийно и неосознанно вырабатывают свои идеи о нравственности, а все более сознательно соотносят их с социально-историческими потребностями человечества, основывают их на знании объективных общественных законов. Как общественный (и нравственный) идеал коммунистическое общество по своему содержанию в принципе совпадает с данными научного предвидения относительно развития исторического процесса и в этом смысле воплощает объективную истину.

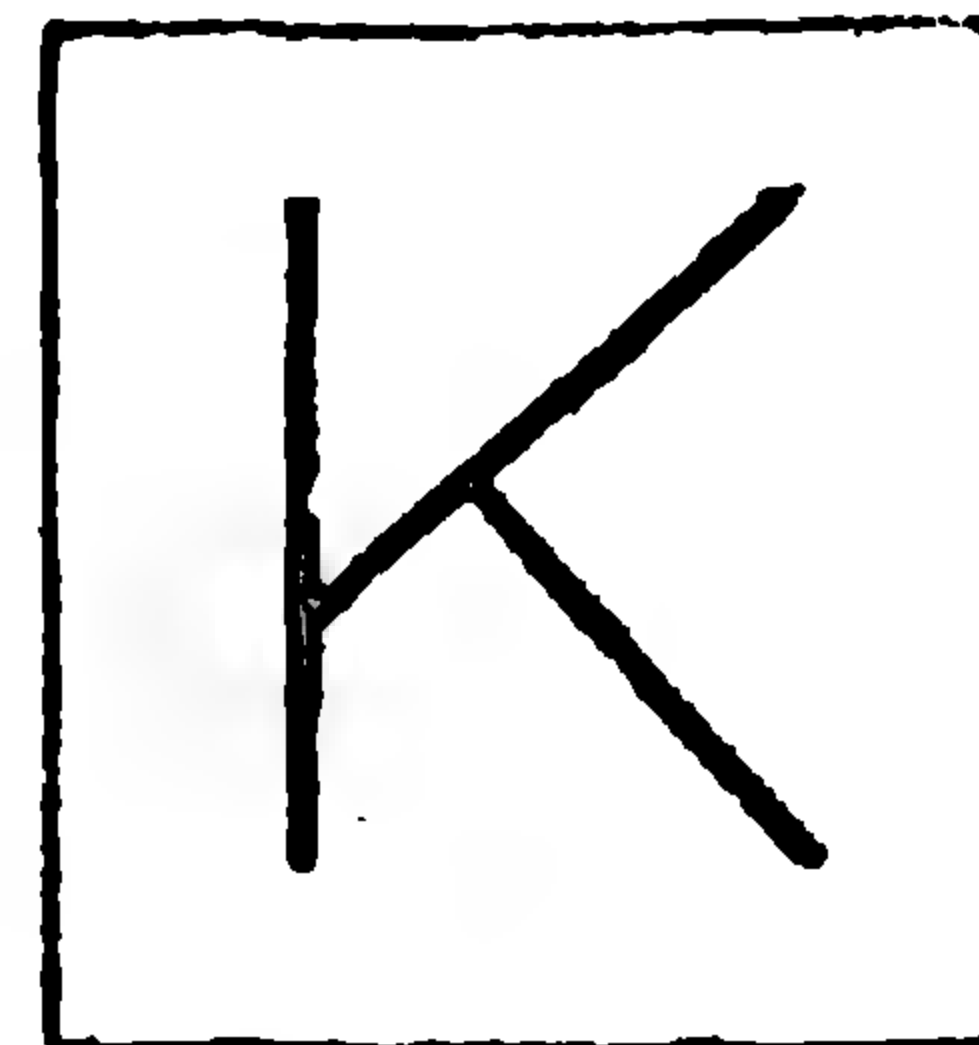

ЙОГА (инд.— соединение, сочетание, средство) — учение о путях личного совершенствования и духовного освобождения, являющееся частью мн. религиозно-философских концепций Индии. Все известные попытки изложения Й. так или иначе связаны с древнейшими источниками: Й. Упанишад и Гиты и йога-сутрами Патанджали. Варианты в истолковании Й. и в акценте на тех или иных ее направлениях определялись философско-этическими взглядами автора. В целом же все варианты Й. представляют собой систему воспитания человека, его духа и тела; они разделяются на несколько направлений, характеризующих стороны разумной жизни. **Хатха-йога** — путь овладения телом, достигаемый воздержанием, соблюдением правил и сложными физическими упражнениями с целью приобретения силы, выносливости, выдержки. **Карма-йога** — практическое руководство к осуществлению религиозно-этического идеала деятельности, осн. условиями к-рой выступают: бескорыстие (делать, о плодах не заботясь — Бхагавадги-

та); умение не презирать себя; требование непривязанности, когда на смену страстному увлечению делом с признаками себялюбия («я» работаю, «мой» труд) приходит спокойное, уравновешенное отношение (саттва), раскрепощающее человека. Этот путь соответствует закону кармы, согласно к-рому любая деятельность оставляет свой след не только в этой жизни, но и в последующих (*Буддизм*). **Бхакти-йога** — путь совершенствования, при к-ром духовное освобождение достигается любовью. В рамках религиозного понимания мира как проявления божества любовь выступает во всем многообразии ее проявлений: от эгоистических привязанностей до бескорыстной любви к миру как олицетворению совершенства. Любовь, т. обр., рассматривается как божественная сила и двигатель всего. Наиболее высокий уровень любви достигается правдивостью, искренностью, непричинением вреда всему живому. Эта форма любви, не знающая торговли, страха и соперничества, означает полное освобождение человека. **Раджа-йога** (царственная Й.) ставит

задачу научить человека владеть собой, уметь сосредоточиться, достигнуть дисциплины ума и способности управлять своим бессознательным. Для этих целей предлагается целый ряд упражнений. Д ж н а н а - й о г а — путь познания всего как целого и единого. Она противопоставляется науке, изучающей внешний мир фактов, и считается наиболее философским направлением Й., обращенным к человеческой душе, в которой отражается абсолютная сущность мира, и пытающимся решить проблему бессмертия, конечного и бесконечного. Разделение и классификация направлений Й. в разных

религиозно-философских системах Индии (буддизм, джайнизм) варьируется, но везде нравственные принципы составляют важнейшую часть всего учения. Наиболее известны лекции о Й. Вивекананды, интегральная Й. религиозного философа и поэта Ауробиндо Гхоша (1872—1950) и др. Отбрасывая глубоко религиозные и идеалистические идеи Й. о достижении человеком абсолютной свободы, полном освобождении его от пут материального существования и т. п., совр. наука не проходит мимо некоторых содержащихся в этом учении рекомендаций, способов воздействия на человека и его психику.

КАЛИНИН Михаил Иванович (1875—1946) — деятель Коммунистической партии и Советского государства, пропагандист марксистско-ленинской теории. В его работах освещаются проблемы нравственности и коммунистического воспитания, в т. ч. вопросы о происхождении и общественной сущности морали, о зарождении и развитии в недрах буржуазного общества пролетарского нравственного сознания, о коренной переделке быта, нравов и психологии людей в процессе социалистической культурной революции. В то же время К. выступал против отрицания общечеловеческих нравственных норм (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*), изображения нового быта в примитивном, упрощенном виде. Осн. задачами нравственного воспитания он считал внедрение принципов *коллективизма* в производстве, общественной жизни и быту, воспитание культурности в широком смысле слова, включая формирование таких качеств, как *честность*, *чуткость*, такт, деликатность, внимательное, бережное отношение к людям. К. выступал против формализма, казенщины и лицемерия в воспита-

нии, обращал внимание на нравственное содержание *идейности*, партийной убежденности и *принципиальности*. Он отмечал, что только последовательная приверженность социалистическим идеалам может одухотворить труд и быт человека, предохранить от обывательского подхода к жизни, от стремления к узко личному, мещанскому благополучию. Указывая на пустоту и превратность человеческого существования без высоких общественных целей, К. подчеркивал, что люди «не могут жить, по прежнему выражению, «без души», а по нашему — без общественных идеалов. Жизнь каждого человека, если только он понимает, что он — человек, лишь тогда полна, когда он чувствует, что он стремится к чему-то высокому, не в смысле своих узкоэгоистических интересов, а в смысле возвышенной цели передовых людей, борющихся за общее великое дело». Только органическое слияние общественных и личных интересов придает подлинный смысл и счастье жизни. Осн. работы по вопросам морали: «Борьба за нового человека» (1928), «О коммунистическом воспитании» (1940), «О

моральном облике нашего народа» (1945).

КАЛЬВИН (Calvin) Жан (1509—64) — религиозный реформатор, основатель кальвинизма, одного из трех (наряду с лютеранством и англиканством) гл. направлений в протестантизме. В своем учении, изложенном в соч. «Наставление в христианской вере», К. исходит из представления об абсолютном предопределении. Людям заранее предначертано либо райское блаженство, либо адские мучения. Бессильный изменить предначертание свыше, человек может лишь судить о своей грядущей участи по тому, как складывается его жизнь. Житейские удачи сопутствуют «избранныкам» господним, а неудачи свидетельствуют, что человек осужден богом. Ф. Энгельс отмечал, что учение К. является «религиозным выражением того факта, что в мире торговли и конкуренции удача или банкротство зависят не от деятельности или искусства отдельных лиц, а от обстоятельств, от них не зависящих. Определяет не воля или действие какого-либо отдельного человека, а милосердие могущественных, но неведомых экономических сил» (т. 22, с. 308). Будучи буржуазной формой христианства, это учение выражало интересы буржуазии периода первоначального накопления, что нашло отражение в проповеди «мирского аскетизма», требовавшей отказа от земных удовольствий, необходимости бережливости, трудового и

религиозного усердия, благочестия. В Женеве, ставшей в XVI в. центром кальвинизма, «мирской аскетизм» нашел выражение в строгой регламентации личной жизни верующих, в запрещении всяких увеселений, в т. ч. театральных представлений. Пресекалось всякое проявление свободомыслия. Так, по повелению К. в 1553 г. был сожжен на костре испанский ученый М. Сервет. Судебному преследованию подвергались мн. десятки инакомыслящих. В настоящее время кальвинизм выступает в разных формах: реформатства, пресвитерианства, конгрегационализма, но во всех этих случаях в нем сохраняется представление о предопределении.

КАМЮ (Camus) Альбер (1913—60) — фр. писатель и мыслитель, представитель *экзистенциализма*. Философско-этические взгляды К. изложены в его пьесах, повестях и эссе, гл. тема к-рых — положение человека в совр. капиталистическом об-ве. К. разделяет экзистенциалистский подход к проблемам человека, рассматривая последнего с т. зр. существования его в конкретных ситуациях. Исходным для философии морали К. является понятие абсурда: человек инстинктивно привязан к жизни и стремится к ней, однако он существует в мире, к-рый ему чужд, иррационален и абсурден. Бессмысленно поэтому и само существование человека. В понятии «абсурд», впервые сформулированном К., получили своеобразное выражение не

только действительность буржуазного об-ва, но и одна из характерных черт совр. буржуазного сознания, извращенно отражающего конфликтные ситуации и противоречия этого об-ва и его неспособность справиться с ними. Эти пессимистические мотивы философии и этики К., навеянные в период гитлеровской оккупации Франции, воплощены в образе Сизифа, обреченного на вечные муки. Чтобы уйти от *пессимизма*, К. пытается обосновать «бунт» против «мирового абсурда», найти в этом основу человеческой экзистенции (подлинного существования) и морали. Однако бунтарство К. ограничено областью духа и морального мышления и является глубоко индивидуалистическим. К. не увидел социальных сил, могущих восстать против абсурда и *отчуждения*. Путь к преодолению отчуждения, по К., — в достижении счастья, к-рое заключается в «идентификации» человека с самим собой, в его соответствии собственной сущности. Отсюда протест К. против всего чужеродного, что навязывается человеку извне, что отчуждает человека «от него самого»: против буржуазного государства и его институтов, против формализма морали буржуазного об-ва и официальной религии. Но протест этот, осуществляемый на основе идеалистического мировоззрения, непоследователен. «Внешний» бунт и активная борьба несовместимы, по К., с истинной человеческой экзистенцией. Это, по

существу, проповедь непротивления злу: человек не искореняет зло, применив, если нужно, насилие, а «лечит» его. Высшую форму счастья К. видит в солидарности и любви всех людей друг к другу. Такой подход к проблеме человека не выходит за рамки абстрактного гуманизма. «Бунтарские», а в сущности примиренческие идеи К., оставаясь в русле буржуазного мировоззрения, по существу, враждебны подлинно революционной гуманистической морали. Осн. произв., в к-рых отражена философия морали К.: «Миф о Сизифе» (1942), «Посторонний» (1942), «Чума» (1947), «Взбунтовавшийся человек» (1951), «Письма к немецкому другу» (1943—44), «Падение» (1956).

КАНТ (Kant) Иммануил (1724—1804) — родоначальник нем. классической философии, основатель «критического», или «трансцендентального», идеализма. Несмотря на идеалистическое понимание природы морали, К. мн. сделал для уяснения специфики нравственности и уточнения предмета этики, в т. ч. для преодоления *натурализма* в этике и разграничения областей исследования *этики и психологии*. В общем виде К. определил мораль как область человеческой свободы в отличие от сферы внешней необходимости и природной причинности, что не выходило еще за рамки традиционного взгляда идеалистической этики и трактовало мораль весьма расплывчато. Более конкретно

мораль, по К., есть область должного (*Требование моральное*), к-рое в нравственности имеет всеобщий характер (*Категорический императив, Равенство*). Это, хотя в принципе и правильное, определение не основывалось у К. на понимании социальной природы морали, а потому не вскрывало специфического характера *причинности* в морали, вело к противопоставлению долженствования и социально-исторической необходимости, должного и сущего. Отсюда скептическая оценка К. движущих сил исторического прогресса (людьми движут, считал он, чаще всего аморальные мотивы) и его представление о том, что моральный идеал достигается лишь в потустороннем «мире целей». В противоположность широко принятой т. зр., согласно к-рой благо и добро логически предшествуют понятию должного и определяют его, К. считал долг основополагающим понятием этики и определяющим понятие добра (добро есть то, что соответствует должному). Критика К. *гедонизма* и *эвдемонизма* была справедливой в той мере, в какой это не противоречило логике морального сознания. Но отсюда К. сделал неправильный вывод, что нравственность находится вне всякой целесообразности, не служит удовлетворению социально-исторических потребностей и интересов человека. Т. обр., получалось, что человек должен исполнять свой долг ради самого долга. Это было выражением т. зр. *ригоризма* и

формализма в морали. К. подверг критике *нравственного чувства теории*, однако и сам при этом считал, что в исполнении требований нравственности главное заключается в «доброй воле», в мотиве подчинения долгу, а не в совершении практических действий (*Моральной доброты теория*). «Эта добрая воля Канта вполне соответствует бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров...» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 182). Идеалистическими сторонами этики К. являются также его представление об априорности морального сознания, допущение бессмертия души и существования бога как гаранта справедливого воздаяния людям за их моральную деятельность в земной жизни. Последний момент в этике К. (как и нравственный ригоризм) тесно связан с его религиозно-протестантскими убеждениями. Этика К. оказала значительное влияние на совр. буржуазную философию морали, в особенности на *экзистенциализм* и *интуитивизм*. Отдавая должное теоретическим заслугам К. в разработке мн. этических проблем, марксистская этика вместе с тем отвергает идеалистические и формалистические положения в его учении, в особенности те, к-рые послужили впоследствии идейной базой реформизма и оппортунизма в рабочем движении (*Этический социализм*). Осн. этические соч.— «Основы метафизики нравственности» (1785), «Критика практического разума» (1788), «Религия в

пределах только разума» (1793), «Метафизика нравов» (1797).

КАРЬЕРИЗМ (фр. *carrière* — бег) — отрицательное моральное качество, характеризующее поведение и личность человека, к-рый подчиняет всю свою общественную деятельность цели продвижения по службе (*Честолюбие*), готов выполнять предъявляемые к нему требования лишь постольку, поскольку это способствует улучшению его личного положения. К.—одно из выражений эгоизма в сфере служебной деятельности, к-рый, однако, лицемерно выступает под маской преданности и бескорыстного служения общему делу (об-ва в целом, организации, учреждения, предприятия). К. исторически возникает на базе социальной и бюрократической иерархии об-ва, развивающейся в условиях социального неравенства. Явления К. остаются и в социалистическом об-ве в силу сохранения материального неравенства и различий в общественном положении. Для карьериста жизненным принципом является не служение общественным интересам на основе коммунистической сознательности, а лишь внешняя демонстрация своей приверженности указаниям высших официальных инстанций. Карьерист отличается крайней беспринципностью и оппортунизмом, приспособляясь к обстановке, он с легкостью меняет убеждения в зависимости от ситуации. Требования момента он понимает не как объективную необ-

ходимость, связанную с актуальными потребностями об-ва, а как линию поведения, угодную начальству. Для карьериста характерны полная безответственность, безразличие к судьбам людей и интересам дела. Вот почему общественное мнение в социалистическом об-ве сурово клеймит К. Коммунистическая партия ведет борьбу за искоренение К. путем развития социальной активности и сознательности народных масс, внедрения широкого общественного контроля во всех сферах жизнедеятельности об-ва.

КАТЕГОРИИ ЭТИКИ (греч. *katēgoria* — категория) — осн. понятия *этики*, отражающие наиболее существенные стороны и элементы морали и составляющие теоретический аппарат этической науки. К. э. объединяются в определенную целостную систему с единым принципом построения. Конкретное содержание К. э., их логическая форма и место каждой из них в общей системе понятий менялись в истории этической мысли в зависимости от понимания природы нравственности. В истории этики осн. категориями обычно считались понятия *добра* и *долга*, а также понятия *добродетели*, *совести* и нек-рые др. Сторонники *рационализма* в этике стремились к построению строго упорядоченной, обычно дедуктивной системы понятий, в к-рой каждая К. э. определялась бы через др., более общие. При этом одни философы считали основополагающим понятие

добра (блага) (*Платон*) и выводили из него все остальные, др.— понятие долга (*Кант*). Но в результате того, что при построении таких систем встречались большие трудности, нек-рые мыслители приходили к выводу, что между К. э. не существует единства. Сторонники деонтологического *интуитивизма*, напр., утверждают, что между понятиями добра и долга не может быть логической связи (*Деонтология*). Марксистская этика строит свою систему категорий в соответствии с историко-материалистическим пониманием морали как способа регулирования поведения людей, механизм к-рого имеет чрезвычайно сложный и многосторонний характер, но тем не менее представляет собой нечто органически цельное. При этом система категорий отражает структуру самой морали. Осн. стороны нравственности выражаются в категориях *моральной деятельности*, *моральных отношений* и *морального сознания*, каждая из к-рых, в свою очередь, охватывает множество др. понятий. Причем, поскольку эти три стороны морали находятся между собой в тесном единстве, нек-рые этические понятия относятся одновременно ко всем этим категориям, т. е. отражают все стороны морали. К примеру, понятие моральной *нормы* отображает одновременно один из видов моральных представлений об-ва, особый способ нравственной деятельности и одну из форм моральных отношений между людьми. Само

моральное сознание в своих осн. понятиях отражает нек-рые узловые элементы моральной деятельности и отношений. Поэтому иногда одно и то же понятие мы можем встретить и в моральном сознании людей, и среди К. э. (напр., понятия добра, долга, совести, *достоинства*, *чести* и др.). Это не значит, однако, что в данные понятия этическая теория и обыденное моральное сознание вкладывают одинаковое содержание. Напр., понятие долга в первом случае является научной категорией, характеризующей определенный вид отношения человека к об-ву, а во втором — представлением о том, что конкретно должен делать человек как носитель морали. Всякое моральное представление (понятие) *нормативно*, оно всегда ч.-л. предписывает и оценивает. В этике же это представление о должном и ценном, во-первых, получает научное обоснование (*Нормативная этика*) и, во-вторых, становится объектом теоретического анализа, в к-ром выясняется, какое именно моральное отношение здесь выражено. В марксистской этике впервые проводится научное разграничение между К. э. как формальным аппаратом теории и моральными представлениями, стихийно формирующимися в сознании об-ва, хотя грани здесь не абсолютны. К. э. и формы морального сознания перекрещиваются между собой: первые заключают в себе нормативное содержание, вторые апеллируют к рациональной

аргументации. Система категорий марксистской этики постоянно развивается и обогащается новыми понятиями соответственно теоретическому развитию самой этической науки.

КАТЕГОРИЧЕСКИЙ ИМПЕРАТИВ — осн. категория этики *Канта*; сформулированный им «нравственный закон», к-рый гласит: поступай только согласно такой максиме (правилу), руководствуясь к-рой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим моральным законом (т. е. чтобы все др. могли также ему следовать). Кант считал, что в К. и. он открыл независимый от опыта (априорный) принцип, из к-рого можно вывести и приемлемые для всех менее общие моральные требования (если избранной тобой линии поведения не могут последовать др., то она не является правильной). На самом же деле, поскольку данный принцип формален (*Формализм*), с его помощью можно лишь определить, относится ли избранная человеком линия поведения к морали, но под этот принцип подпадает всякая, в том числе и ложная, консервативная система нравственности. К. и. имеет также тот смысл, что служит своеобразным обоснованием идеи равенства в морали: каково бы ни было содержание моральных требований, они всегда должны иметь всеобщий характер, распространяться на всех людей. К. и. (безусловное повеление) Кант отличает от условного императива

(если хочешь достичь к.-л. цели, ты должен совершать определенные поступки в качестве средства), считая последний непригодным для того, чтобы служить критерием нравственности. Кант указывает, что условный императив не может дать правило, общее для всех людей, т. к. их цели и стремления всегда различны. В этом кантовском представлении нашла отражение социальная реальность, основанная на противоположности частных интересов, присущей буржуазному об-ву. Отрицая принципы условного императива в качестве морального критерия, Кант выступил против узкоутилитарного понимания нравственности, против расчетливого практицизма и торгашеского духа, порождаемых частной собственностью. Он отверг истолкование морали в соответствии с характерным для буржуазной политики принципом «Цели оправдывают средства» (*Цели и средства, Мораль и политика, Макиавеллизм, Иезуитизм*), отверг существующую практику использования человека в качестве средства для достижения чуждых ему целей. Вместе с тем, сделав акцент на формальном долге, вытекающем из К. и., Кант, в сущности, отрицает конкретный, целенаправленный характер морального действия, через к-рое реализуются социально-этические потребности человека. Буржуазному принципу «взаимного использования», оправдывающему эксплуатацию человека человеком, Кант противопоста-

вил К. и. в его следующей формулировке: поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству. На этом основании неокантианцы Г. Коген, П. Наторп, К. Форлендер видели в Канте основоположника социализма (*Этический социализм*). Однако сам он считал свой принцип практически неосуществимым в жизни и перенес его реализацию в бесконечно удаленное «царство целей», в потусторонний мир. Эта т. зр. Канта вполне соответствовала «бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров», «приукрашивающим выразителем интересов которых он был...» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 182, 184). Ревизионист Э. Бернштейн, пытаясь обосновать в рабочем движении тактику оппортунизма и отказ от революционной борьбы, трансформировал кантовскую мысль в вывод о том, что «конечная цель — ничто, движение — все!».

КАУТСКИЙ (Kautsky) Карл (1854—1938) — теоретик нем. социал-демократии и II Интернационала. Выступив со своей концепцией, направленной по замыслу против *этического социализма* и этики Канта, он выдавал за марксистские ошибочные взгляды, извращающие марксизм. Истолковывая моральные явления вульгарно биологически, К. попытался совместить идеи социального дарвиниз-

ма с марксизмом. По словам К., этика марксизма — это прямое продолжение дарвинизма: Дарвин дал объяснение происхождению нравственности, а Маркс — объяснение нравственного идеала. В основе морали, по К., лежат социальные инстинкты человека: самоотверженность, храбрость, верность общему делу, дисциплина, правдивость по отношению к об-ву, честность, к-рые имеют такую же силу, что и животные инстинкты самосохранения и размножения. Совокупность социальных инстинктов образует нравственный закон, всеобщее нравственное чувство — стремление делать то, что содействует благу об-ва, даже в том случае, если это наносит ущерб личному интересу. «Нравственный закон,— пишет К.,— является не чем иным, как животным инстинктом, отсюда его таинственная природа, отсюда внутренний голос в нас, не стоящий ни в какой связи ни с каким внешним толчком или явным интересом». Обладающий чувством долга человек следует ему инстинктивно, без размышления. Специфически человеческое в морали К. видит лишь в нравственных нормах, сложившихся только с возникновением об-ва и подверженных постоянным изменениям. Направляя свои выводы против *категорического императива* Канта, по сути дела, К. приходит к тому же вневременному, абстрактному категорическому императиву, только объясненному биологически. Выступления К. против этического

социализма сыграли нек-рую положительную роль, показав несостоятельность попыток соединения научного социализма с философией Канта. Но позитивная трактовка К. этических проблем, сводившая моменты абсолютного в морали к биологическому, а собственно общественное и историческое — к релятивному, извращала марксистское этическое учение. Позиция К. — это отказ от классовой характеристики морали: пролетарская и буржуазная мораль отличаются якобы лишь степенью интенсивности социальных инстинктов — у господствующих классов в период упадка социальные инстинкты слабеют, а у эксплуатируемых, наоборот, развиваются. К. приходит к выводу, что социализм возникает из социальных инстинктов, отрицая тем самым его научно-исторический характер. Осн. этические соч.: «Этика и материалистическое понимание истории» (рус. перевод 1922), «Происхождение морали» (рус. перевод 1906).

КАЧЕСТВА МОРАЛЬНЫЕ — понятие нравственного сознания, с помощью к-рого выделяются в общественной жизни и характеризуются с моральной т. зр. наиболее типичные черты поведения людей. К. м. (напр., *великодушие, правдивость, вероломство, скупость, щедрость, зазнайство, скромность* и т. д.) характеризуют как *поступки* независимо от того, кем они совершаются, так и отдельные стороны поведения определенной лич-

ности, выступающие как свойства ее *характера*. Напр., понятие «*честность*» может употребляться применительно к действиям, независимо от того, кем они совершаются (честный поступок), а может обозначать нравственную черту человека или группы людей, к-рые всегда поступают честно. К. м. разделяют на положительные и отрицательные (к-рые иногда именуют *добродетелями* и *пороками*). Понятие К. м. является более общим и сложным по сравнению с моральной *нормой*. В нем не содержится конкретного указания на то, какие действия человек должен и какие не должен совершать, а в обобщенной форме характеризуются и оцениваются определенные стороны его поведения. Такое, напр., качество, как *требовательность*, находит выражение в целой совокупности поступков. Соответственно моральное требование, выраженное с помощью этого понятия («Люди должны быть требовательными к себе и др.»), предполагает целый ряд более частных норм поведения, и человек сам должен решать, как ему следует поступить, в зависимости от конкретной ситуации, чтобы проявить свою требовательность. В понятии К. м. наряду с предписанием обязательно содержится также оценочная сторона: выражение определенного (положительного или отрицательного) отношения к нему. Поэтому определение качества поступка (или человека) является критерием для его моральной

оценки (напр., «Данный поступок есть зло потому, что он является предательством»). Впервые понятие К. м. было выделено специально в древнегреч. этике (понятие добродетелей у Аристотеля), причем упор здесь делался на качества личности. Такое понимание К. м. сохраняется и в этике средневековья. Буржуазные просветители и особенно социалисты-утописты усматривали в К. м. уже не столько свойства характера, сколько способы поведения, характерные для того или иного об-ва. Исходя из того, что человек есть продукт обстоятельств, они считали, что добродетели и пороки обусловлены характером об-ва, а не самого человека; чтобы сделать нравственным человека, надо изменить об-во. Марксистско-ленинская этика доказала односторонность обоих этих пониманий К. м., установив диалектическое соотношение между социальными условиями и характером людей. В процессе революционной практики, указывает К. Маркс, человек одновременно преобразует об-во и самого себя. Коммунистическая партия делает из этого практический вывод: в процессе борьбы за коммунизм сочетаются и одновременно решаются две стороны одной и той же задачи — построение нового об-ва и воспитание нового человека. Поэтому процесс коммунистического воспитания предполагает не просто формирование у людей требуемых К. м., но также мобилизацию и организацию самих народных

масс на решение стоящих перед ними практических задач коммунистического строительства (*Воспитание нравственное*).

КВИЕТИЗМ (лат. *quies* — покой) — моральный принцип, сформулированный в XVII—XVIII вв. как эретическое учение в рамках католицизма; требовал пассивно-созерцательного отношения к добру и злу как проявлениям воли бога, отказа от желаний, безразличия к страданиям, принятия любой судьбы. Элементы К. возникали во мн. древневосточных мистико-религиозных учениях, в ряде светских теорий морали. Как отрицание воли к жизни К. провозглашается высшим благом в этике Шопенгауэра. В совр. капиталистическом об-ве К. становится одной из форм морального нигилизма, выражая настроения бессилия, усталости, апатии, распространенные в мелкобуржуазной среде. В любых моральных предписаниях К. усматривает покушение об-ва на свободу «естественного» человека. Отвергая буржуазную мораль, дух торгашества, *карьеризма* и *потребительства*, К. призывает сохранить моральную чистоту путем предельного сокращения социальных связей, пассивного соблюдения моральных обязанностей, отказа от гражданственности и ответственности за состояние дел в об-ве. Если в прошлом К. в известных ситуациях мог быть средством самозащиты личности от общей деморализации, то в совр.

эпоху революционного преобразования об-ва он лишается всякого гуманистического содержания. В. И. Ленин отмечал, что, препятствуя социальной активности масс, внушая иллюзорное душевное спокойствие, К. «приносит самый непосредственный и самый глубокий вред» (т. 20, с. 104).

КЛЕВЕТА — один из видов вероломства, ложное обвинение др. (отдельного человека, группы людей, партии, класса), обычно совершаемое умышленно, ради эгоистических интересов (классовых или личных) или по др. низменным мотивам (*зависть, месть, стремление расправиться с неугодными*). К. как общественное явление обычно наблюдается в обстановке взаимной враждебности, конкуренции и подозрительности между людьми. Получает распространение с возникновением частной собственности, порождающей острые столкновения интересов. В эксплуататорском об-ве К. становится одним из средств политики (*Мораль и политика*) господствующего класса; особенно часто используется против угнетенных классов (их партий и вождей), ведущих борьбу против социальной несправедливости, а также против политических и экономических конкурентов. К. применялась рабовладельцами против руководителей восстаний рабов. В эпоху средневековья феодальное духовенство, разжигая в массах религиозный фанатизм, широко использовало клеветнические доносы для рас-

правы с идейными противниками христианства (борьба с ересями, «охота за ведьмами»). Большой размах приобрела К. как средство политики в борьбе дворянства против деятелей буржуазной революции. В свою очередь буржуазия, придя к власти, стала практиковать метод К. в борьбе против руководителей рабочего движения. Так, рус. буржуазия неоднократно прибегала к К. на большевиков и лично на В. И. Ленина. Идеологи капитализма делают объектом К. социалистический строй. К. на коммунистическое учение, на коммунистические и рабочие партии, на социалистическое об-во, а также на демократические и национально-освободительные движения в капиталистических и в борющихся против колониализма странах становится одним из ведущих методов внешней и внутренней политики империализма. Иногда К. используется в более утонченных формах. Клеветническим инсинуациям в совр. буржуазных этических и социологических учениях подвергается также сам человек и его способность преодолеть социальное зло и построить справедливое об-во (*Неопротестантизм*). В социалистическом об-ве К. является одним из тяжких пережитков прошлого, одним из видов уголовных преступлений и карается законом.

КОДЕКС МОРАЛЬНЫЙ (лат. *codex* — книга) — свод нравственных норм, предписываемых к исполнению. Как правило, в К. м.,

составленном определенным автором, отражаются нравственные требования, к-рые уже выработало до него стихийно моральное сознание об-ва. К. м. обычно охватывает как те нормы поведения, к-рые практикуются подавляющим большинством людей, так и те, к-рые часто нарушаются, но считаются тем не менее обязательными. Т. обр., задача, к-рую берет на себя составитель К. м., заключает в себе противоречие: он должен в одинаковой форме отобразить нормы поведения, к-рые составляют историческое завоевание об-ва, и требования, к-рые об-во еще не в состоянии осуществить практически. Примером такого рода К. м. могут служить библейские «законы Моисеевы», обнаруживающие социальные противоречия, присущие древнееврейскому об-ву. К. м. замыслили создать и нек-рые просветители. Морелли попытался написать нравственный кодекс в духе «истинных законов природы», Руссо мечтал о К. м., к-рый содержал бы «в положительной форме те максимы, которые всякий должен признавать, и в отрицательной форме нетерпимые максимы, которые следует отвергать». Но все попытки создать всеобъемлющие своды правил из-за неверной посылки, что такие правила можно сформулировать раз и навсегда, применительно ко всем жизненным обстоятельствам и историческим условиям (*Догматизм, Формализм*), были обречены на неудачу. Они неминуемо стал-

кивались с невозможностью полностью исчерпать все богатство социальной практики, разнообразие жизненных ситуаций, согласовать нравственные нормы, сформулированные в прошлом и возникающие в иных исторических условиях. Невозможность создания пригодного на все случаи жизни К. м. заставляла нек-рых мыслителей пытаться найти к.-л. общий принцип, из к-рого можно было бы логически вывести все правила поведения и нравственные требования (*Рационализм, Категорический императив*). Объективно это прокладывало путь к формализму в этике. От кодексов прошлого в корне отличается моральный кодекс строителя коммунизма, к-рый не является К. м. в традиционно-историческом смысле слова. Во-первых, он формулирует не конкретные нормы поведения, а важнейшие общие *принципы коммунистической нравственности*, к-рые охватывают нек-рые представления о нравственности, выработанные трудящимися массами в борьбе против социальной несправедливости и эксплуатации (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*), моральные требования революционного пролетариата и *правила социалистического общежития*, выработанные народом в процессе социалистического и коммунистического строительства. Требования морального кодекса строителя коммунизма касаются осн. нравственных проблем, отношения человека к об-ву; отно-

шения человека к человеку; нравственных основ взаимоотношений между нациями и народами. Во-вторых, он сформулирован не на все времена и эпохи, а применительно к вполне конкретным историческим условиям строительства коммунизма. Ему поэтому совершенно чужд дух догматизма, присущий всем К. м. прошлого. Моральный кодекс строителя коммунизма в сжатом, концентрированном виде выражает и закрепляет достижения социализма в нравственном воспитании человека и указывает пути дальнейшего совершенствования личности, нравственного прогресса об-ва.

КОЛЛЕКТИВИЗМ (лат. *collectivus*, от *colligere* — собирать вместе) — один из осн. принципов коммунистической нравственности, раскрывающий взаимоотношения отдельного человека и общества в целом, личности и коллектива. Исторически К. как нравственный принцип зарождается еще в условиях буржуазного об-ва в среде рабочего класса, в его коллективном труде и совместных действиях против капитала. При социализме он становится формой отношений между людьми в самых различных областях социальной жизни в масштабах всего об-ва. Социалистический К. в корне противоположен буржуазному индивидуализму. Его социальной базой является общественная собственность на средства производства и обусловленная ею общность коренных целей и интересов людей. Содержание прин-

ципа К. включает решение следующих важнейших нравственных проблем: отношения личности и об-ва; определение целей и мотивов общественно полезной деятельности; соотношение общественных, коллективных и личных интересов; нормы повседневных взаимоотношений между людьми; соотношение коллектива и индивида с т. зр. нравственного авторитета и ответственности. В противоположность буржуазному принципу эгоизма К. подразумевает, что человек в своей общественно полезной деятельности исходит из мотива сохранения и умножения общественного достояния, ставит перед собой цель осуществления общественного блага. При этом человек служит об-ву не потому, что он повинует-ся чьей-то воле, а добровольно, на основе собственного понимания интересов об-ва и остальных людей, т. е. сознательно и свободно. Со своей стороны об-во также делает предмет своей первоочередной заботы потребности личности. Осознание этого единства общественных и личных интересов позволяет человеку в определенных случаях, когда в этом возникает необходимость, добровольно поступиться своими интересами в пользу общественных. Признание приоритета общественных интересов не означает безусловного подавления интересов личных. Оно лишь позволяет преодолевать возникающие между ними противоречия, к-рые имеют частный, преходящий характер, и в конечном итоге спо-

способствовать достижению максимального удовлетворения интересов всех членов об-ва. Отсутствие антагонистических противоречий между интересами людей и общность их осн. целей при социализме способствуют развитию отношений товарищества, взаимопомощи, взаимной требовательности, принципиальности, честности и искренности, доверия и уважения между людьми. Принцип К. отражает в себе подлинно человеческий характер социалистических отношений и самым тесным образом связан с *гуманизмом* коммунистической морали. Принцип К. предполагает высокую меру личной ответственности человека: каждый отвечает не только за свой собственный *образ жизни* и поступки, но и за судьбы множества людей, коллектива, в конечном счете за судьбы об-ва. В то же время каждый отдельный человек отвечает за свои поступки перед окружающими, перед коллективом, в к-ром он живет, учится, работает. Признание своей ответственности перед коллективом и его морального авторитета вовсе не умаляет значения совести личности. Просто каждый человек, совершая поступки, затрагивающие интересы об-ва, должен быть готовым выставить их на суд *общественного мнения*, в создании к-рого он сам участвует наравне со всеми. Это не означает, однако, что в социалистическом об-ве повседневная деятельность личности должна быть объектом публичного конт-

роля; в этом нет никакой необходимости. По мере развития коммунистической *сознательности* людей возрастает степень самостоятельности и личной свободы каждого человека в исполнении им общественного долга. Т. обр., принцип К. не имеет ничего общего с обезличиванием человека, подавлением подлинной свободы личности и ее интересов, как его пытаются изобразить противники коммунистической нравственности.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ НРАВСТВЕННОСТЬ — мораль, формулирующая и утверждающая принципы жизни, соответствующие условиям коммунистической общественно-экономической формации; высшая ступень в развитии морали человечества. Будучи закономерным результатом предшествующего социально-исторического и духовного прогресса человечества, К. н. синтезирует достижения моральной культуры прошлых столетий и одновременно несет в себе принципиально новое содержание, отражая качественно иные законы жизни в условиях социалистического и коммунистического об-ва. К. н. включает и развивает «основные общечеловеческие моральные нормы, которые выработаны народными массами на протяжении тысячелетий в борьбе с социальным гнетом и нравственными пороками» (Программа КПСС, с. 119). Вместе с тем она с самого начала противопоставляет себя господствующей морали капиталистического об-ва, в к-рой

признаются естественными и законными социальное неравенство, эксплуатация, антагонизм между людьми, связанные с существованием частной собственности (*Буржуазная мораль, Религиозная мораль*). Первой исторической формой К. н. является революционная мораль пролетариата, к-рая формируется еще в условиях капиталистического об-ва в процессе сознательной борьбы рабочего класса за свое освобождение. Эта нравственность, как указывает В. И. Ленин, «подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата» (т. 41, с. 309). Она «служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов» (там же, с. 311). В борьбе за свои права, говорил В. И. Ленин, «рабочий класс поднимается вместе с тем и морально» (т. 21, с. 319), проявляет, по словам Ф. Энгельса, «свои самые привлекательные, самые благородные, самые человеческие черты» (т. 2, с. 438). С победой социалистической революции, по мере развития новых отношений между людьми во всех областях общественной жизни принципы К. н. обогащаются по содержанию, сфера их действия распространяется на самые различные стороны бытия человека. С установлением нового строя создаются объективные предпосылки для осуществления принципа коммунистического отношения к труду и об-

щественной собственности (*Отношение к собственности*), для развития новых форм быта и отношений в семье (*Быта нравственность, Брачно-семейная мораль*). Иными словами, из нравственного руководства в революционной борьбе для наиболее сознательной части пролетариата К. н. превращается в закон повседневной жизни об-ва в целом (*Правила социалистического общежития*), из классовой перерастает в общенародную. С построением социалистического об-ва классовая борьба в сфере морали еще не заканчивается, она лишь приобретает новую форму борьбы с пережитками буржуазной морали, форму коммунистического воспитания масс. В период строительства коммунизма перед социалистическим об-вом, перед Коммунистической партией и всем народом возникают новые моральные задачи, связанные с расширением сферы действия нравственного начала в социальной жизни. К трудящимся предъявляются все более высокие моральные требования. Осн. из них сформулированы в моральном кодексе строителя коммунизма. И наконец, наиболее полное и всестороннее развитие и осуществление принципов К. н. получают в коммунистическом об-ве. Практическое проведение в жизнь принципов К. н. означает осуществление высшей меры гуманизма, справедливости и равенства в отношениях между людьми, что обусловлено самой природой социалистическо-

го и коммунистического строя. В процессе утверждения коммунистических отношений полностью преодолевается присущее всякому классовому об-ву противоречие между *человеком и обществом*. Впервые «самобытное и свободное развитие индивидов перестает быть фразой» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 441); вместе с тем «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (там же, т. 4, с. 447). Положение К. н., что «только в коллективе возможна личная свобода», находит конкретное выражение в принципе *коллективизма*. Этот принцип предполагает сознательное и добровольное объединение людей для осуществления их общих целей, в к-ром наиболее полно и разносторонне развивается личность каждого (*Всестороннее, целостное развитие личности*). В условиях социализма, когда еще сохраняется различие общественных и личных интересов, принцип коллективизма требует приоритета первых над вторыми, если между ними возникает противоречие. Однако это противоречие может иметь лишь частный, преходящий характер, поскольку в своей основе интересы об-ва и личности находятся в единстве и постепенно сближаются в процессе построения коммунизма. Единство личных и общественных интересов обуславливает принципиально новое понимание самой природы нравственной деятельности человека. Он служит об-ву, не подавляя свою соб-

ственную индивидуальную природу, а, напротив, утверждая свое подлинное человеческое назначение. Это значит, что К. н. кладет конец характерному для нравственных учений прошлого противопоставлению *аскетизма* и наслаждения, принципов *любви* и эгоизма, морали *долга* и *добродетели*, выполнения внешних обязанностей и следования личной совести (*Деонтология*). Это единство общественного и личного обусловлено прежде всего характером социалистического и коммунистического труда, в к-ром человек служит об-ву и одновременно свободно осуществляет свои творческие способности, материальные и духовные потребности. «...Добровольная производительная деятельность,— указывает Ф. Энгельс,— является высшим из известных нам наслаждений...» (т. 2, с. 351). То принципиально новое, что вносит К. н. в человеческую мораль, состоит также в высокой оценке нравственных возможностей человека. Всякая мораль прошлого, формулируя к.-л. требования к человеку, в конце концов была вынуждена признать, что они в значительной мере неосуществимы, их достижение представлялось лишь бесконечно удаленным идеалом, к-рому нет места в реальной жизни. Причину этого обычно видели в ограниченности и несовершенстве природы самого человека. Лишь К. н., в к-рой вопрос об общественном и нравственном идеале решается в связи с преобразованием социаль-

ных условий жизни, способна поставить перед человеком цели, к-рые превосходят по своим масштабам все то, о чем помышляли моралисты прошлого, и одновременно практически достижимые усилиями самих людей. Вот почему К. н. отличается глубокой верой в исторические возможности и способности человека и высокой требовательностью к людям. Ее исторический оптимизм органически сочетается с подлинным уважением к человеку. Причем коммунистический идеал — это не просто конечная цель, достижимая где-то в бесконечно отдаленном будущем, а совокупность вполне конкретных проблем и задач, к-рые должны решаться уже в совр. условиях социализма. Коммунистическая мораль создает для личности возможность достижения высшей нравственной свободы. Человек способен поступать с полным пониманием смысла тех моральных требований, к-рые он выполняет, на основе глубокой внутренней убежденности. Именно потому, что эта нравственность отвечает коренным интересам людей, опирается на их собственную сознательность, она требует от каждого высокой *идейности*, принципиальности, враждебна всякому догматизму и формализму. Ее принципы невозможно свести к набору прописных истин, косных канонов; они основываются не просто на общепринятой *традиции* или чьем-либо *авторитете*, а на социально-исторической необходимости дви-

жения к будущему и поэтому доступны разумному пониманию каждого. Эти принципы постоянно развиваются, наполняясь все новым содержанием. Законами жизни социалистического и коммунистического об-ва являются борьба нарождающегося нового с отживающим старым (*Чувство нового*), общественная *активность*, *самодеятельность* и *творчество* народных масс и каждой отдельной личности, широкое развитие *инициативы* и *почина* в созидании новых форм общественной *дисциплины*, «в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни» (*Ленин В. И.*, т. 39, с. 18), *критика* и *самокритика*. Эти законы, находящие отражение в *принципах* К. н., выражают в себе ее революционно-критический и творчески-созидательный характер. Их воплощение в реальной деятельности и *жизненной позиции* каждой социалистической личности является неременным условием здоровых нравственных отношений, преодоления социального и морального лицемерия, складывавшегося веками расхождения между фактическими нравами и официально проповедуемыми принципами. Только активный, самостоятельный и творческий подход к общественным целям и задачам, когда сознательное отношение к общественному долгу, *единство слова и дела* становятся повседневной нормой поведения,— только такая *жизненная позиция* может способствовать моральному развитию личности и

нравственных отношений в об-ве. (Конкретное содержание принципов и норм коммунистической нравственности рассматривается в соответствующих статьях словаря.)

КОММУНИСТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ — многосторонний процесс общественного воспитания, осуществляемый в ходе строительства коммунистического об-ва. Цель его — формирование всесторонне развитой личности, гармонически сочетающей в себе духовное богатство (высокоразвитые духовно-практические, производственные, теоретические, эстетические способности), моральную чистоту и физическое совершенство (*Всестороннее, целостное развитие личности*). Идейная основа К. в. — теория марксизма-ленинизма. В трудах К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина сформулированы цели, принципы, осн. содержание и пути формирования человека будущего. Они получили дальнейшее развитие и конкретизацию в коллективной мысли Коммунистической партии и практических мерах Советского правительства. В Программе КПСС задача воспитания нового человека выдвинута в качестве одной из важнейших сторон процесса построения коммунистического об-ва наряду с созданием материально-технической базы коммунизма и формированием коммунистических общественных отношений. К. в. включает: формирование у всех членов об-ва научного мировоззрения, развитие ком-

мунистической *сознательности; трудовое воспитание, развитие коммунистического отношения к труду*, к общественному производству, превращение общественно полезного труда в жизненную потребность каждого человека; повышение духовной культуры всего народа до уровня высших достижений общечеловеческой культуры, теоретической мысли, техники, литературы и искусства и развитие на этой основе общественной *активности, самостоятельности и творчества* народных масс, чтобы в процессе своей жизнедеятельности они не только осваивали культурные ценности, но и сами выступали в роли рационализаторов и организаторов производства, создателей художественно-эстетических образцов; утверждение подлинно гуманных отношений между людьми в соответствии с принципами коммунистической нравственности; физическое воспитание, преследующее цель формирования здорового и физически совершенного человека. Одной из важнейших сторон К. в. является *воспитание нравственное*, ставящее своей целью выработку активной *жизненной позиции* личности, сознательного отношения к общественному долгу, когда *единство слова и дела* становится повседневной нормой поведения. Задачи нравственного воспитания решаются Коммунистической партией в процессе практического руководства деятельностью народных масс. Объективными предпосылками ус-

пешного осуществления этих задач являются выбор методов руководства (в частности, определение соотношения между *убеждением и принуждением*), соблюдение принципов социалистического и партийного демократизма, развитие *критики и самокритики* как одного из осн. способов волеизъявления народных и партийных масс, подбор руководящих кадров, к-рые должны пользоваться моральным *авторитетом* у народа, действенный контроль за исполнением принятых решений как одно из средств укрепления доверия масс к своему авангарду, внедрение в повседневную жизнь социалистического об-ва передовых образцов, воспитание на живых примерах, распространение всякого прогрессивного *почина* и поощрение *инициативы*, развитие социалистического соревнования в его многообразных формах, создание атмосферы нетерпимости вокруг нарушений принципов коммунистической нравственности и т. д. К. в. предполагает в качестве одного из неременных условий повседневную заботу партии и государства о жизненных нуждах народа. С этими практическими проблемами коммунистического строительства тесно связано и идейное воздействие на сознание народных масс (пропаганда и агитация). Успех воспитания обеспечивается тогда, когда оно опирается на прочный фундамент социально-экономической политики. Наше об-во располагает большими, все возрастаю-

щими возможностями для более полного развития личности. Вместе с тем важно, чтобы каждый человек умел разумно ими пользоваться, что, в конечном счете, зависит от того, каковы его потребности, *интересы*. Поэтому в их активном, целенаправленном формировании партия видит одну из важных задач социальной политики (Материалы XXVI съезда КПСС, с. 63). Процесс К. в. осуществляется в постоянной борьбе нового со старым, в преодолении трудностей и недостатков в жизни социалистического об-ва, *пережитков* прошлого в сознании людей. Его содержание отражено в принципах *коммунистической нравственности* (см. также *Комплексный подход к воспитанию*).

КОМПЛЕКСНЫЙ ПОДХОД К ВОСПИТАНИЮ (лат. *complexus* — связь, сочетание, совокупность, система) — выдвинутый и сформулированный на XXV съезде КПСС подход к *коммунистическому воспитанию*, суть к-рого состоит в обеспечении тесного единства идейно-политического, трудового и нравственного воспитания с учетом особенностей различных групп трудящихся. При таком подходе воспитательный процесс выступает как система (сочетание ряда элементов, составляющих сторон), в к-рой все элементы взаимосвязаны, образуют органическое единство, взаимно влияют друг на друга и только в единстве обретают возможность полного раскрытия. К. п. к в. противостоит как односторон-

нему подходу, когда тот или др. элемент абсолютизируется и тем самым неизбежно искажается, так и хаотично-бессистемному, при к-ром — сознательно или неосознанно — воспитание представляется неким конгломератом несвязанных, обособленных воздействий, произвольно осуществляемых вне связи с целым. Осн. особенность К. п. к в. — это требование органического единства трех его сторон: идейно-политического, трудового и нравственного воспитания. В. И. Ленин говорил, что судить о человеке, будь то руководитель или рядовой боец, необходимо, беря в единстве его политические, деловые и моральные качества. Именно эти качества образуют «идейно-нравственный стержень» личности, определяют общую социально-положительную направленность ее ценностных ориентаций, составляют «ядро» активной *жизненной позиции*. К. п. к в. предполагает также учет особенностей различных групп трудящихся, т. е. дифференцированный подход к объекту воспитания. Отсюда возрастание роли трудовых коллективов как осн. ячеек социалистического об-ва, в к-рых «большие понятия политики и экономики переводятся на язык практики...» (Брежнев Л. И. Ленинским курсом, т. 6, с. 331). Дифференцированный подход к воспитанию позволяет индивидуализировать воспитательные усилия, учесть специфику каждой социальной и возрастной группы населения, трудово-

го коллектива, а через коллектив и отдельной личности. Устанавливая осн. направления воспитательной работы, К. п. к в. предполагает разнообразие методов, форм и средств в зависимости от конкретных условий и особенностей тех, на кого направлено воспитательное воздействие, что позволяет добиваться максимальной его эффективности. Как продуманная во всех деталях система воспитания, функционирующая на различных уровнях общности — от общенародной, общегосударственной системы коммунистического воспитания трудящихся до воспитательной работы в каждом трудовом коллективе, составляющей органическую часть социального планирования, — К. п. к в. прямо нацелен на решение задачи *всестороннего, целостного развития личности*. Его осуществление есть непосредственный переход от провозглашения гармонического развития личности целью коммунистического воспитания к ее конкретной реализации в условиях развитого социализма. К. п. к в. способствует формированию личности социалистического типа, определяя характер ее ценностных ориентаций, нравственных, гражданских качеств (*единство слова и дела*, морально-политическая надежность, активная жизненная позиция). Такой подход стимулирует стремление личности к непрерывному возвышению потребностей, к духовному росту, к наиболее полной отдаче об-ву всех своих сил и способно-

стей, ориентирует на *самовоспитание* и самосовершенствование. Роль данных форм воспитания возрастает в условиях развитого социализма, особенно если учесть всеобщность не только объекта воспитания (это практически все люди — и те, кто только вступает в жизнь, и те, кто уже получил определенную идейно-нравственную закалку), но и его субъекта. Все члены социалистического общества так или иначе включены в многосторонний процесс коммунистического воспитания и несут ответственность за его результаты.

КОНСЕКВЕНЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА (лат. *consequentia* — последствия) — этические теории, в к-рых моральное значение поступков устанавливается в зависимости от *последствий*, к к-рым они приводят. К такого рода теориям относятся *утилитаризм, гедонизм, эвдемонизм, аксиологический интуитивизм*. К К. э. относятся все материалистические концепции этики, к-рые исходят из того, что мораль выполняет определенные полезные функции в об-ве, служит удовлетворению интересов людей и что, следовательно, нравственные требования имеют целесообразный характер (*Телеологическая этика*). Исходные принципы К. э. неоднократно подвергались критике идеалистическими теоретиками нравственности (среди них *Кант*, сторонники деонтологического интуитивизма). Марксистско-ленинская этика, хотя и выводит природу морали из ее социально-истори-

ческих функций, отвергает вульгарно-утилитаристское представление, что мера нравственного достоинства каждого отдельного поступка определяется характером последствий, к к-рым он привел в данном конкретном случае. Результат того или иного поступка в известной мере зависит от случайных обстоятельств, не обусловленных характером самого *действия*. Моральное достоинство поступка целиком определяется его содержанием (в т. ч. и характером *мотива*, по к-рому он совершен). Содержание же поступков предписывается моралью исходя из наиболее характерных, типичных последствий, к к-рым вообще приводят действия людей в обычных условиях. Марксистская этика, имеющая революционно-критический характер, учитывает не только типичные результаты общепринятых действий, но и историческое значение поступков, выходящих из общего правила, отвергающих установленный порядок во имя высших идеалов (даже если эти поступки и не достигают реальных и ощутимых практических результатов в данное время, но служат последующим поколениям образцами героического подвижничества, самоотверженности и человеколюбия). Поэтому марксистская этика, вскрывая ограниченность К. э., требует более всестороннего анализа общественного значения моральных поступков.

КОНТ (Comte) Огюст (1798—1857) — фр. философ, основатель

позитивизма. Этические взгляды К. органически связаны с его философией и социологией. Из учения позитивной философии К. следует взгляд на отдельного индивида как на члена рода, правила поведения к-рого определяются не личными интересами, а общим порядком вещей; изолированный индивид есть лишь абстракция. В законах этики, по К., и выражаются постоянные условия совместной жизни людей. Основание морали — не *польза*, предполагающая длительную общественную связь, а социальный инстинкт, или влечение к общественной жизни, к-рое основывается на чувстве и не зависит от личного *интереса*. Взгляд этот, согласно собственному признанию К., восходит к моралистам шотландской школы — *Юму* и Адаму Смиту. Личные инстинкты преобладают в индивидуальной жизни. В семье, к-рая представляет собой первый социальный организм, зарождается симпатия, освобождающая разум от эгоистических склонностей и научающая индивида жить для др. В общественной жизни человек руководствуется интеллектуальными способностями, здесь свободное развитие получают социальные инстинкты и как результат этого возникает внутреннее удовлетворение, не зависящее ни от поощрений, ни от наград. На основе чувства принадлежности к социальному организму у человека формируется понимание роли личного деяния для об-ва в целом, развиваются самые

благородные черты и природные склонности, а дурные инстинкты или отмирают, или начинают служить общественному благу. Наивысшая моральная идея — идея человечества, развитие к-рого обусловлено соединенным действием индивидуальных и социальных сил. В созданной К. «религии человечества» в качестве принципа социального общежития выдвигается «любовь», в качестве основания — «порядок» и в качестве цели — «прогресс». Несмотря на отдельные глубокие положения, этика К. — идеалистическая в своей основе, теснейшим образом связанная с идеей эволюционизма. Непонимание роли классовой борьбы и революций в истории об-ва привели К. к антинаучному выводу, что гл. трудности на пути общественного развития не социально-политического, а морального порядка. Устранить их может только прогресс идей и улучшение нравов (*Морализирование*). Этическое учение изложено гл. обр. в осн. соч. К. — «Курс позитивной философии» (1830—42).

КОНТЕКСТУАЛЬНАЯ ЭТИКА

(лат. — contextus — связь, соединение) — термин, употребляемый иногда для обозначения этических теорий, в к-рых центральной моральной проблемой считается *выбор* человеком решения в зависимости от конкретной ситуации (контекста) и в связи с этим *при-нижается* значение общих *принципов* и *норм* нравственности. Как К. э. часто оцениваются, напр., мо-

ральное учение *экзистенциализма*, фр. персоналистские теории нравственности (*Самореализации этика*); так характеризуют свою этику сторонники *неопротестантизма*. Они исходят из того, что в каждой ситуации смысл морали должен пересматриваться наново. К. э.— выражение крайнего *релятивизма* и *иррационализма* в этике.

КОНФЛИКТ МОРАЛЬНЫЙ — специфическая ситуация морального *выбора*, в к-рой принимающий *решение* человек констатирует в своем сознании противоречие: осуществление каждой из выбранных возможностей *поступка* во имя к.-л. нравственной *нормы* одновременно ведет к нарушению др. нормы, представляющей для данного человека определенную моральную *ценность*. В конфликтной ситуации требуется совершить выбор между сталкивающимися моральными ценностями в пользу одной из них и через разрешение противоречия реализовать нравственную цель. Для немарксистских этических концепций характерно утверждение, что К. м.— либо аномалия в нравственных отношениях, либо роковая неизбежность. Марксистская этика рассматривает К. м. как специфическое отражение социальных противоречий. Существование классовых антагонизмов и неантагонистических противоречий определяет разделение ситуаций К. м. на два типа: между нормами разных моральных систем и в рамках одной системы моральных ценностей. Примером

антагонистического типа К. м. служит столкновение норм и принципов буржуазной и социалистической морали. В этой ситуации К. м. является идеологическим выражением социального антагонизма двух общественно-экономических формаций и потому носит бескомпромиссный характер. Социальная основа К. м. в рамках социалистической морали принципиально иная: он выражает неантагонистические противоречия личности и об-ва, личности и коллектива, межличностных отношений и т. д. Конфликтные ситуации этого типа: столкновение между различными уровнями развития нравственного сознания, требованиями нормы и идеала, видами *обязанностей*, между долгом и склонностью и т. д. Разрешение К. м. базируется на построении иерархии нравственных ценностей (общественный долг, напр., рассматривается как более высокий по сравнению с частным) при четком осознании диалектики абсолютного и относительного в применении любой моральной нормы. Возможность успешного разрешения нравственных противоречий с т. зр. единства требований гуманности и социальной целесообразности придает личной *ответственности* за выбор особую значимость. Это дало повод экзистенциалистам говорить об «обреченности» человека. Однако личное решение не совершается в некоем социальном и духовном вакууме, а обусловлено прежде всего обще-

ственной приверженностью человека, его участием в коллективно-общественной деятельности, историческими условиями. В социалистическом об-ве постепенно исчезают те формы К. м., к-рые обусловлены антагонистическими противоречиями и порождают ситуации безысходности. Однако К. м. не исчезают полностью, поскольку они связаны и с прогрессивным преобразованием об-ва и с историческим развитием человека как личности.

КОНФОРМИЗМ (лат. *conformis* — сообразный) — социально-психологическая ориентация, складывающаяся не в результате самостоятельных решений (или полного участия в решении) общественных и нравственных проблем, а пассивного, приспособительского принятия готового порядка вещей. Конформист не вырабатывает собственной моральной позиции при решении объективно обусловленных задач, а прилагается к тем стандартам и канонам поведения и сознания, к-рые обладают наибольшей силой давления на него, т. е. навязываются ему явно (принуждением) либо неявно (внушением, через *традицию* или др. путем). Для докапиталистических формаций характерен рутинный, инертный К., представляющий собой «громадную силу привычки и косности...» (Ленин В. И., т. 39, с. 15). Совр. капитализму более свойствен К. подвижный, «гибкий», следующий за конъюнктурой. В идеологии К. означает подмену мировоззренческой концеп-

ции ее эпигонскими имитациями, превращение наиболее доступных формул в бессодержательный *ри-туал*. Одновременно К. обнаруживает себя тем, что пытается приписать своему авторитету абсолютную непогрешимость. В этике К. равносителен отказу человека от суверенности своего нравственного *разума*, от собственного выбора и возложению ответственности на внешние факторы (вещи, общественные институты и т. п.), следовательно, отказу от себя как от личности. Нравственная безответственность всякого конформиста проявляется и в догматическом следовании стандарту действия или стереотипу мысли, и в ориентации на диктат переменчивой *моды*. Этим К. отличается от *коллективизма*, от активно выработанной участниками общего дела *солидарности* и вытекающей из нее сознательной *дисциплины*.

КОНФУЦИЙ (Кунцзы) (ок. 551—479 до н. э.) — кит. философ и политический деятель. Свое учение К. проповедовал устно. Осн. источником сведений о его взглядах служит запись его изречений и бесед, сделанная учениками, — книга «Лунь юй» («Беседы и суждения»). Центральным понятием учения К. является «жэнь» («гуманность»). Оно характеризует закон отношений людей в об-ве и цель нравственного самосовершенствования. В соответствии с этим отношения людей должны определяться мудростью, верностью долгу. Отсюда вытекают сформулиро-

ванные К. моральные требования: чего не желаешь себе, того не делай людям (ср. «Золотое правило»); плати добром за добро и справедливостью за зло; сначала познай самого себя; уважай и люби старших по возрасту и общественному положению; строго соблюдай существующие семейные и общественные отношения; почитай предков; проявляй заботу о младших. К. считал, что нормы нравственности исходят от высшей силы — неба (Тянь); поэтому он не выдвигает к.-л. новых моральных положений, а лишь разъясняет обычаи старины, соблюдение к-рых способствует достижению «жэнь». Теоретическим обоснованием этико-политической теории К. служило его учение о выправлении имен («чжэн мин»), согласно к-рому имя, слово должны соответствовать сущности вещи. Отсюда и титул человека должен соответствовать его фактическому положению в об-ве, а поведение — занимаемому положению и званию: «Государь должен быть государем, подданный — подданным, отец — отцом, сын — сыном». Т. обр., учение К. закрепляло традиционно-патриархальные устои и социальное неравенство. В течение тысячелетий оно использовалось правящими классами Китая для удержания народа в подчинении и для увековечения с помощью разработанной обрядовой системы феодальной структуры страны с ее иерархией и суровой регламентацией общественных отношений. Отдельные сто-

роны конфуцианства были развиты и превращены его учениками в религиозную систему, а сам К. — обожествлен.

КОРЫСТОЛЮБИЕ — отрицательное моральное *качество*, характеризующее *поведение* и *мотивы* человека, к-рый рассматривает и направляет все свои поступки и взаимоотношения с окружающими с т. зр. личной материальной выгоды. К. есть проявление *эгоизма* в сфере отношения людей к материальным благам. Его социальный смысл состоит в оказании предпочтения личному материальному интересу перед общественным. К. как явление общественной психологии возникает с появлением частной собственности. В буржуазном об-ве оно становится осн. движущей пружиной действий людей в сфере общественной деятельности и личных взаимоотношений. Лицемерно осуждая К., буржуазная мораль вместе с тем фактически признает его как естественный мотив человеческих поступков. В условиях социалистического об-ва жажда личного обогащения представляет собой один из наиболее вредных пережитков капитализма, постоянно вступающий в противоречие с интересами об-ва, унижающий человеческое достоинство и препятствующий духовному развитию личности. Коммунистическая нравственность рассматривает К. как одно из самых низменных качеств.

КОСМИЧЕСКОЙ ТЕЛЕОЛОГИИ ЭТИКА — направление в буржуазной философии морали, полу-

чившее распространение в первой половине XX в., особенно в США (Ф. Вудбридж, У. Шелдон) и Англии (О. Стэплдон); совмещает в себе объективный идеализм и элементы *натурализма*. Согласно теориям К. т., в основе эволюционного развития вселенной лежит некая мировая цель, каждая ступень эволюции заранее предустановлена и достигается посредством приспособления к этой цели имеющих в наличии средств. Исходя из такого объективно-идеалистического понимания природы толкуется и нравственность. Человек, с т. зр. Вудбриджа, есть часть природы и его моральное назначение состоит в том, чтобы взять «на себя задачу сознательного созидания в свете естественной телеологии». Поскольку человек рассматривается как природное, а не общественное существо, в теориях К. т. намечается попытка биологизировать нравственность, поставить ее вне рамок об-ва (*Эволюционная этика*). С др. стороны, сама природа толкуется здесь как осуществление некой высшей цели, предустановленной извечно. Это сближает данную теорию с религиозной этикой.

КОСНОСТЬ — моральное *качество*, характеризующее рабскую приверженность человека отжившим привычкам и традициям, неспособность воспринимать и поддерживать новое, прогрессивное, диктуемое актуальными потребностями современности (ср. *Чувство нового*): В моральном отношении

К. выражается в нравственном *догматизме* и *абсолютизме*. Косный человек следует укоренившимся в его сознании догмам и пред-рассудкам и враждебно относится ко всему тому, что противоречит укладу его жизни и устоявшимся представлениям. Как индивидуальное качество того или иного человека К. может быть отчасти объяснена особенностями его психики, его неспособностью легко отказаться от привычных форм поведения и мышления. Однако происхождение К. как общественного явления следует искать в консерватизме устоявшихся общественных отношений и привычек, а также в интересах тех социальных групп, к-рые сознательно выступают против всего того, что грозит изменить их положение. В этом отношении К.— отличительная черта господствующих классов, заинтересованных в сохранении отживающего общественного строя. Отдельные проявления косности и консерватизма в социалистическом об-ве связаны с пережитками бюрократизма и формализма, с нежеланием нек-рых работников усложнить характер своей деятельности, лишиться привычного и спокойного уклада жизни, потерять свое общественное положение и уступить место людям, отстаивающим новое. Сама природа социалистического об-ва такова, что требует непрерывного развития и совершенствования способов практической деятельности во всех сферах общественной жизни, отрица-

ния старых и утверждения новых форм труда, руководства, мышления. Поэтому коммунистическая нравственность непримиримо относится ко всяким проявлениям К.

КРИТЕРИЙ НРАВСТВЕННОСТИ (греч. *kritērion* — мерило для оценки).— Вопрос о К. н. составлял одну из важнейших проблем этики на протяжении всей ее истории и решался по-разному, в зависимости от понимания природы и происхождения самой морали. Будучи не в состоянии научно понять социальный механизм происхождения моральных представлений, сторонники различных до-марксистских этических направлений выдвигали в качестве К. н. то «человеческую природу», то волю бога, то самоочевидные принципы разума и т. д. Научно решить вопрос о К. н. смогла лишь марксистская этика. Действительным основанием (и соответственно критерием) нравственности является объективная историческая необходимость, определенным образом преломляемая в потребностях и интересах людей, классов, социальных групп. Эти потребности и интересы, в свою очередь, отражаются в представлениях о справедливости, добре и зле, в содержании моральных требований. С развитием об-ва исторически изменялось и содержание моральных требований. Одни из них совершенно меняли свой смысл, др. оставались в силе, поскольку сохранялись нек-рые общие для всех

эпох условия человеческого общежития (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). Требования коммунистической нравственности, включающие как традиционные принципы, так и новые, выработанные об-вом в практике социалистической революции и строительства коммунизма, основываются в конечном итоге на научном понимании законов истории и познании необходимости перехода от капиталистического об-ва к коммунистическому. В рамках общей проблемы обоснования нравственной системы и ее принципов решается и более частный вопрос — о специфически моральном критерии оценки конкретных поступков и обоснования отдельных моральных требований. Поскольку общая тенденция социально-исторического развития об-ва уже нашла отражение в моральном сознании в виде моральных принципов, нравственного и общественного идеалов, норм и т. п., то частные оценки и решения о выборе поступка обосновываются обычно с их помощью. На каждую отдельную личность ложится гл. обр. задача осознанно относиться к общим моральным принципам (*Сознательность*) и уметь правильно применить эти общие положения к конкретным условиям (*Самодеятельность и творчество*).

КРИТИКА И САМОКРИТИКА

(греч. *kritikē* — оценка, разбор) — один из способов выражения общественного мнения, помогающий преодолению противоречий и труд-

ностей в развитии социалистического об-ва и строительстве коммунизма. Одновременно является одним из важнейших принципов коммунистической нравственности, а также особой формой проявления нравственного самосознания личности. Принцип К. и с. предполагает: свободное выражение трудящимися своего мнения относительно недостатков в деятельности государства, различных общественных организаций, отдельных руководителей и коллективное обсуждение мер по преодолению этих недостатков; оценку вышестоящими организациями и руководителями деятельности нижестоящих организаций, коллективов и отдельных лиц; товарищеское воздействие коллектива на его членов, имеющее целью исправление или улучшение их деятельности; гласность, отчетность руководящих органов и общественных деятелей перед избравшими их организациями или перед всем народом, открытое признание совершенных ошибок перед общественностью; трезвое и критическое отношение каждого человека к себе, начиная от рядового члена социалистического об-ва и кончая самым высоким руководителем. Социальными условиями, позволяющими сделать К. и с. одним из важнейших путей воздействия общественного сознания на развитие об-ва, являются: обобществление средств производства, уничтожение антагонистических классов, общность коренных целей и инте-

ресов всех членов об-ва. Как принцип коммунистической нравственности К. и с. является выражением более общего ее принципа — *коллективизма*, к-рый требует от каждого человека рассматривать свои действия с т. зр. интересов всего об-ва, самостоятельно анализировать свои поступки и считаться с мнением окружающих. Для деятельности КПСС данный принцип выступает в качестве неуклонного закона, вытекающего из принципа демократического централизма. Как закон жизни партии принцип К. и с. был провозглашен ее основателем В. И. Лениным и нашел отражение в Уставе и Программе КПСС.

КРОПОТКИН Петр Алексеевич (1842—1921) — рус. революционный деятель, теоретик анархизма, сторонник философии позитивизма. Был арестован за связь с народниками (1874), бежал из заключения и поселился за границей. Взгляды К. характеризуются механистическим и метафизическим пониманием общественных явлений, вульгарно-натуралистическим их истолкованием. Моральные проблемы занимают важное место в обосновании разработанной им системы «анархического коммунизма». Отрицая божественное толкование категорий нравственности, К. трактует их сущность биологически, считает, что добро и зло, справедливость и др. моральные представления должны быть объяснены из наблюдений над жизнью природы. «Наше нравст-

венное чувство — природная способность, совершенно так же, как чувство осязания или обоняния». Дочеловеческое происхождение нравственных чувств (*справедливости, альтруизма* и др.), выступающих как инстинкты самосохранения, доказывается, по К., фактом взаимной помощи в природе. В об-ве понятия нравственности развиваются в том же направлении, в каком они были заимствованы из природы. Нравственно то, что полезно для сохранения рода, безнравственно то, что вредно для него. Нравственный прогресс в человеческом об-ве есть результат естественного развития. К. стремился разработать принципы общечеловеческой нравственности, к-рые лежали бы в основе любой классовой морали. Такая нравственность, с т. зр. К., призвана не сковывать самостоятельность личности, не делать из человека «идейного автомата», а способствовать развитию личной творческой силы и почина. Достигается это, по К., путем синтеза двух стремлений индивида: подчинить др. людей своим личным целям и объединиться с др. людьми (чувство общечеловеческой солидарности, взаимной зависимости). К. мечтал об об-ве, в к-ром свобода личности не связана никакими рамками государственности. Не владея научным пониманием взаимоотношения об-ва и личности при коммунизме, К. считал, что анархизм и коммунизм не противоречат, а дополняют друг друга.

Нравственное начало анархизма К. усматривал в принципе равенства (каждый должен обращаться с др. так же, как он желает, чтобы обращались с ним) и активности (избытке жизненности). Этот «избыток сил, любви, разума и энергии» К. призывал отдавать на счастье др. людей, в этом он видел высшее личное счастье. Осн. этические соч.: «Этика» (т. 1, 1922), «Нравственные начала анархизма» (1904, рус. перевод 1907), «Анархия, ее философия и идеал» (1896, рус. перевод 1900), «Взаимная помощь как фактор эволюции» (рус. перевод 1907).

КРУПСКАЯ Надежда Константиновна (1869—1939) — советский партийный и государственный деятель, педагог и теоретик коммунистического воспитания. В своих Педагогических соч. (т. 1—10, 1957—63) К. раскрывала связь нравственного воспитания с трудовым, эстетическим и атеистическим воспитанием, рассматривала коллектив в качестве необходимой среды для развития у человека чувства ответственности за совершаемые поступки. Одной из заслуг К. явилось обоснование и развитие ленинской идеи политехнического образования как средства формирования всесторонне развитой личности. К. подчеркивала нравственное значение марксистского мировоззрения, овладение к-рым придает высокий смысл и цель человеческой жизни, «знание, куда надо идти, спокойную уверенность в конечном исходе дела».

Важное значение для понимания этических взглядов В. И. Ленина и нравственного содержания его личности имеют написанные К. «Воспоминания о Ленине», в к-рых даны живые свидетельства того, как в процессе революционного творчества масс «выковывалась пролетарская этика». В статье «Облик Ленина как человека» К. противопоставляла мелкособственническому индивидуализму мораль коллективиста, революционного борца, нашедшую яркое воплощение в личности В. И. Ленина.

КУЛЬТУРА ПОВЕДЕНИЯ — совокупность форм повседневного поведения человека (в труде, в быту, в общении с др. людьми), в к-рых находят внешнее выражение моральные и эстетические нормы этого поведения. Если нравственные нормы определяют содержание поступков, предписывают, что именно люди должны делать, то К. п. раскрывает, каким конкретно образом осуществляются в поведении требования нравственности, каков внешний облик поведения человека, в какой мере органично, естественно и непринужденно эти нормы слились с его *образом жизни*, стали повседневными жизненными правилами. Напр., требование уважения к людям применительно к повседневному поведению выражается в правилах вежливости, деликатности, в такте, предупредительности, в умении беречь чужое время и т. п. Верность принятым на себя обязательствам

с т. зр. К. п. означает аккуратность в выполнении обещаний и возвращении позаимствованного, своевременность и точность в осуществлении договоренности и др. Честность по форме своего проявления совпадает с прямоотой, искренностью. В широком плане в понятие К. п. входят все области внешней и внутренней культуры человека: *этикет*, правила обхождения с людьми и поведения в общественных местах; культура быта, включающая характер личных потребностей и интересов, взаимоотношения людей вне работы (*Быта нравственность*), организация личного времени, гигиена, эстетические вкусы в выборе предметов потребления (умение одеваться, украсить жилище); эстетические свойства присущей человеку мимики и пантомимики, выражений лица и телодвижений (*грация*). Особо выделяют культуру речи, умение грамотно, ясно и красиво выражать свои мысли, не прибегая к вульгарным выражениям. В известном смысле к К. п. можно отнести культуру труда, способность правильно организовать рабочее время и место, найти целесообразные приемы и операции для достижения максимально полезных результатов и получения высокого качества производимой продукции. В марксистской *этике и педагогике* К. п. рассматривается как органическое единство *этического и эстетического* в духовном и внешнем облике человека. Попытки противопоста-

вить эти два понятия являются пережитком представлений, связанных с классовым об-вом, где *манера* вести себя, одеваться и обладание изысканным эстетическим вкусом служили внешним признаком принадлежности к «высшему кругу», в то же время внешняя культура часто не соответствовала внутреннему облику человека. Вежливость и вообще соблюдение определенного этикета в об-ве, основанном на принципах эгоизма, часто скрывали за собой взаимное равнодушие и отчужденность, безразличное или даже пренебрежительное и враждебное отношение к людям. Поэтому этикет, принимая в осн. характер чисто внешнего ритуала, не основывался на действительно гуманном отношении к людям. Такое формальное понимание К. п. совершенно чуждо социалистическому об-ву, в к-ром она рассматривается как общепринятая форма внешнего выражения подлинной человечности. Здесь К. п. того или иного человека в известной мере характеризует его духовный и морально-эстетический облик, показывает, насколько глубоко и органично он усвоил культурное достояние человечества, сделал его своим собственным достоянием (*Нравственная культура личности*).

КУЛЬТУРА ЧУВСТВ — степень общественной развитости, «очеловеченности» чувств, эмоциональной одухотворенности человека. Чувства — продукт жизненного, общественного опыта личности,

ее *общения и воспитания*. В известном смысле «называться человеком» и «быть культурным» — синонимы, если согласиться с *Кантом*, что суть культуры «в общественной ценности человека». Человек, в т. ч. и его чувства, есть часть природы, но облагороженная культурой. Даже низшие чувства, с к-рыми человек рождается, есть результат общественно-исторического, культурного развития, в ходе к-рого происходит «очеловечивание» биологических форм. Напр., слух и зрение становятся культурными, общественно развитыми в зависимости от способности органов чувств «к человеческим наслаждениям» (*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 42, с. 122), от умения различать красоту, безобразие, по-человечески любить, страдать и т. д. Тем более это верно по отношению к высшим — социальным, нравственным и эстетическим чувствам. (Напр., к таким, как *патриотизм, коллективизм, интернационализм*). К. ч. достигается воспитанием органов чувств в процессе общения человека с природой, в труде, в межличностных контактах, посредством знакомства с искусством. К. ч. позволяет судить об общей культуре, воспитанности человека. Это нечто большее, чем просто соблюдение принятых в об-ве правил поведения — *этикета*. Мерилом, критерием культурности, воспитанности выступает соотнесение поступка как проявления нравственного чувства с интересами

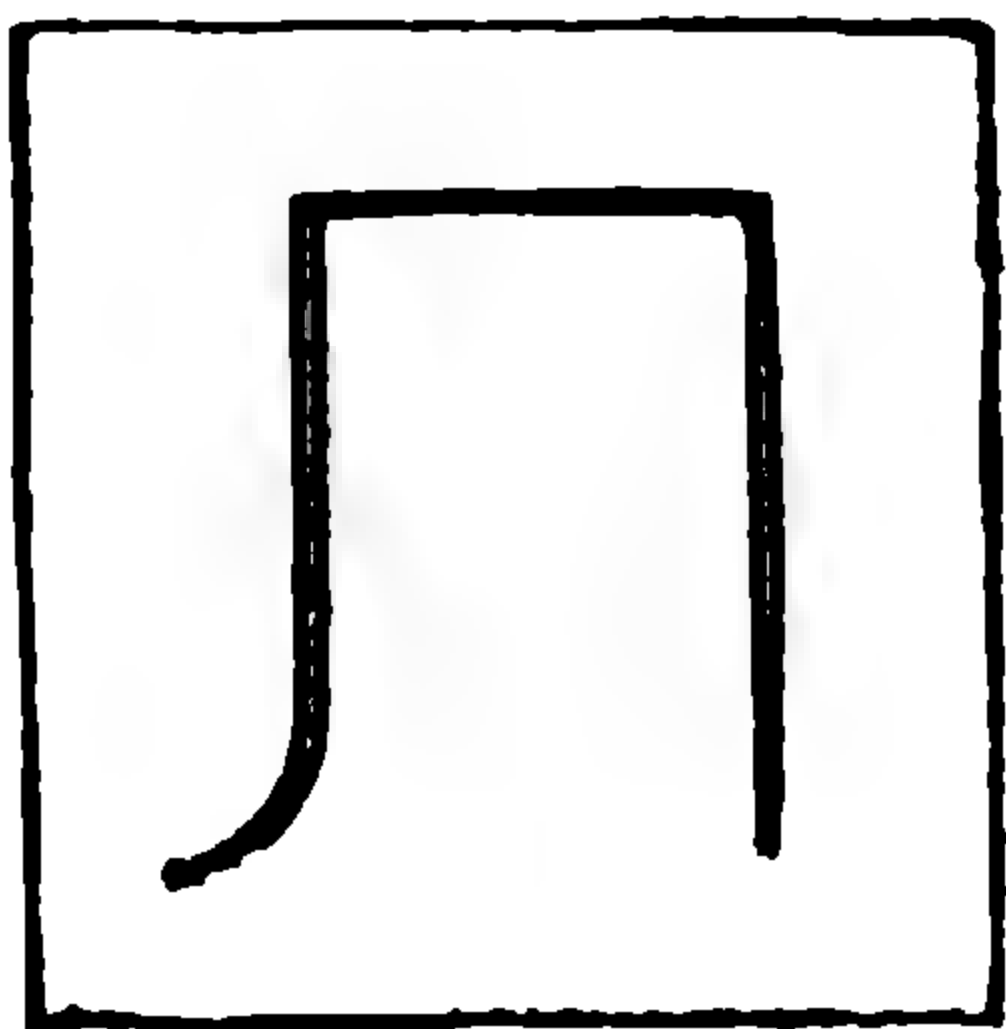
др. человека. *Эмоции* — одно из средств общения и регулятор общественного *поведения* людей. Напр., уважение достоинства др. людей в сфере обыденных человеческих отношений выражается преимущественно в форме непосредственного эмоционального контакта или отклика, в чувстве такта, проявляющегося через простейшие средства эмоционального взаимодействия — интонацию, взгляд, жест. Последние способны и соединять, и отталкивать людей друг от друга. Недостаток К. ч., выражаясь в бестактности, *грубости* или демонстративном равнодушии, не только портит настроение окружающим, но и имеет серьезные социальные и нравственные последствия, разобщая людей, к-рые соединены друг с другом общими целями и идеалами. На этой социальной, мировоззренческой стороне К. ч. особенно важно акцентировать внимание в практике воспитания личности. Гл. в К. ч. — ее содержательная сторона, т. е. доброжелательное отношение к др. людям, заинтересованное и искреннее сопереживание их горестей и радостей. Самые благородные побуждения и искренние чувства рискуют остаться непонятыми, если они облачаются в грубую, развязную форму. В форме человеческих чувств и переживаний зримо, наглядно проявляется взаимосвязь *этического* и *эстетического* моментов поведения и общения. Напр., взглядом легко ободрить, воодушевить чело-

века, если это взгляд открытый, приветливый, сердечный, доброжелательный. И, напротив, человека можно легко обидеть, оттолкнуть, оскорбить, если взгляд ироничен, хмур, надменен, злобен. Т. обр., как вообще в поведении и общении, в эмоциональных проявлениях форма и содержание тесно взаимосвязаны друг с другом. По эмоциональной культуре можно судить о воспитанности человека вообще. И это справедливо даже в тех случаях, когда в разряд невоспитанных попадает человек образованный, ибо культура не исчерпывается просвещенностью, она охватывает весь целостный духовно-нравственный мир людей. Поэтому культура выражения эмоций — необходимое условие полноценной нравственной жизни, признак *культуры поведения* и *нравственной культуры личности* в целом.

КЬЕРКЕГОР (Киркегор) (Kierkegaard) Сёрен (1813—55) — датский философ-мистик, писатель, предшественник совр. *экзистенциализма*. Выступил против официальной религиозной идеологии и церкви с целью обоснования религии личностного характера, к-рая связывала бы человека непосредственно с богом. Этим объясняется его особый интерес к этической проблематике. К. считал, что гегелевский абсолютный идеализм и рационализм не принимают во внимание собственно человеческого существования, его чувств и переживаний, являющихся такими же

реальностями, как сам человек. Не познание объективного мира, а познание самого себя в своем подлинном существовании (экзистенции) — гл. задача «субъективного мыслителя», в к-ром К. видел своеобразный идеал человека, его действий, поступков и жизни. Мир, согласно К., находится в состоянии «смертельной болезни», к-рой является «отчаяние». Все существующее представляется парадоксальным: несчастнейший человек является счастливейшим, а счастливейший — несчастнейшим, истина — ложью, ложь — истиной, реальность — иллюзорностью, иллюзорность — реальностью и т. п. В этом — «парадоксальная диалектика» К. Индивид, по К., должен заниматься только самим собой, своими чувствами и воспоминаниями, своим «внутренним», ибо «истина есть субъективность». К. выделяет три стадии жизни, к-рые должен пройти человек для достижения своей цели: эстетическая, когда человек имеет дело только с возможностями, никогда не пре-

вращающимися в действительность, т. е. когда человек живет только мгновениями, «воображаемой жизнью»; этическая, когда человек живет в реальности и когда у него появляется чувство ответственности за свое собственное существование (для этой стадии характерно постоянство и длительность переживания, глубокий анализ своего собственного «я»); религиозная, когда человек, решая дилемму «либо — либо», выбирает вечность, а не конечность. Т. обр., осн. этические проблемы К. сводил к проблемам религиозным: индивид, будучи религиозным существом, постоянно чувствует свой долг перед богом. Этика К. (осн. работы: «Или — или», «Страх и трепет», 1843, «О понятии страха», 1844), как и его философия в целом, представляла собой реакцию христианского романтизма на материализм и диалектически-рационалистические воззрения. Его взгляды оказали влияние на Барта и др. протестантских и католических философов.

ЛАБРЮЙЕР (La Bruyère) Жан де (1645—96) — фр. писатель-моралист. Выходец из буржуазии; был адвокатом, чиновником, воспитателем детей принца Конде. Свои наблюдения над жизнью фр. аристократии суммировал в книге «Характеры Теофраста, перевод с греческого, дополненный характерами и нравами этого века» (1688), образцом для к-рой послужила книга «Характеры» древнегреч. писателя Теофраста. Книга Л., написанная в форме афоризмов, диалогов и размышлений, рисует сатирическую галерею образов — представителей привилегированных слоев об-ва (вельмож, монахов, ростовщиков, крупных буржуа). Л. подвергает критике политику, общественную жизнь и мораль своего времени с позиций буржуазного демократизма. Изобличая развращенную придворную знать, корыстных служителей церкви, он показывает, что моральные *характеры* формируются под воздействием социальной среды, бичует нравственные пороки (ханжество, лицемерие, скупость, лесть и др.), типичными носителями к-рых являются представители

аристократии. Большим злом Л. считал сословное неравенство и власть денег. Противопоставляя аристократам, «творящим одно лишь зло», народ, «приносящий пользу и добро», Л. пишет: «Если нужно выбирать, я не колеблюсь, я хочу быть народом». Взгляды Л. во мн. предвосхищали идеологию Просвещения. Его критику пороков цивилизованного об-ва продолжил *Руссо*.

ЛАОЦЗЫ (Ли Эр) — древнекит. философ, к-рому приписывается создание философско-этического трактата «Лаоцзы» («Дао дэ цзин») (IV—III в. до н. э.), посвященного объяснению мира, места человека в нем и пути истинной добродетели, по к-рому должны следовать люди, чтобы достигнуть утраченного ими счастливого состояния. Человек, являясь, как и весь мир, закономерным порождением дао (понимаемого и как структурный элемент бытия, и как естественный закон), есть, с т. зр. Л., часть природы. Его предназначение — следовать пути добродетели — дэ, т. е. жить согласно природе. Всякая попытка изменения природосообразного порядка

гибельна. Источник зла в отступлении от предписанных природой законов. В нем повинны правители и их корыстолюбивые приближенные. Противоречивость нравственных явлений Л. связывает с появлением неравенства. Поскольку под «деянием» Л. понимает нарушение естественного хода вещей, он выдвигает в качестве осн. принципа моральной практики «недеяние» (увэй), к-рое означает, однако, не пассивность, а действие в соответствии с законом природы. Гл. чертой «настоящего человека» Л. считает «естественность добродетели», при к-рой человек поступает нравственно не из стремления к поощрениям или из боязни наказания, а «следуя собственной природе». «Мудрый человек ничего не накапливает. Он все делает для людей и все отдает другим... Дао мудрого человека — это деяние без борьбы». Чтобы привести людей к счастью, не следует их просвещать. Счастье и познание — исключаящие друг друга цели. Л. связывает с распространением знаний упадок нравов, возникновение неравенства, алчности, честолюбия — все, что исходит от власть имущих. Он проповедует возврат к идеализированной им патриархальности родового строя: «Нужно сделать государство маленьким, а народ редким... Надо сделать так, чтобы народ снова начал плести узелки и употреблять их вместо письма. Надо сделать вкусным его питание, прекрасным его одеяние, устроить ему спокойное жилище,

сделать веселой его жизнь». Т. обр., Л. сформулировал гл. положения этики раннего даосизма: цель — следовать пути, указанному природой; принцип — «недеяние»; суть счастья как блага народа — в возврате к равенству, простоте и невежеству «золотого века», а счастья как блага мудреца — в умеренности, спокойствии, близости к природе.

ЛАРОШФУКО (La Rochefoucauld) Франсуа де (1613—80) — фр. писатель и философ-моралист. Гл. соч. Л. «Размышления, или Моральные изречения и максимы» (1665) — итог наблюдений над нравами и психологией фр. аристократии. Неправомерно распространив результаты наблюдения над моралью одного класса на все об-во, Л. делает обобщающий пессимистический вывод, что порочность заложена в человеке от природы. Понимая беспочвенность и лицемерие церковной морали с ее концепцией первородного *греха*, Л. ищет подтверждения своим взглядам в материалистическом учении П. Гассенди, согласно к-рому страсти зависят от состояния органов человеческого тела. Однако Л. скептически относится к мысли, что разум и воля могут обуздать страсти, противостоять эгоистическим влечениям людей. Эгоизм, тщеславие, корысть, зависть — вот, с его т. зр., осн. движущие силы человеческих поступков. Добродетели, по Л., — «это чаще всего искусно переряженные пороки». Нравственный пессимизм Л. сближает его

взгляды с этикой Гоббса, к-рый считал, что человек в об-ве всегда преследует свои эгоистические цели. Несмотря на пессимистические настроения, пронизывающие книгу Л., она блестящий образец критики морали аристократии XVII в.

ЛАФАРГ (Lafargue) Поль (1842—1911) — деятель фр. и международного рабочего движения, друг и соратник Маркса и Энгельса, теоретик и популяризатор марксизма. Л. писал, что нормы морали не есть нечто вечное, неизменное, а обусловлены конкретным историческим содержанием. К заслугам Л. относится выяснение исторического генезиса моральных понятий *добра* и *справедливости*. Л. отметил, что понятия морали «становятся движущими силами только потому, что они вытекают непосредственно из социальной среды». Разрабатывая вопрос о классовом характере морали, Л. показал, что этические теории буржуазии и ее моральная практика в конечном счете обусловлены интересами и положением ее как господствующего класса. «Господствующий класс всегда считает справедливым то, что полезно для его экономических и политических интересов, и несправедливым то, что для них вредно». Л. критиковал буржуазные теории морали, в т. ч. этику *Спенсера*, идеи *этического социализма*, разоблачал буржуазную мораль, развивающую в людях эгоизм, человеконенавистничество, ханжество

и лицемерие: «Справедливость, мораль и другие более или менее вечные принципы хороши для буржуа лишь тогда, когда они служат его интересам». Осн. источник всех нравственных пороков Л. видит в частной собственности, к-рая разъединяет людей и противопоставляет их друг другу. С этих позиций он разоблачал лженаучную теорию Ч. Ломброзо, возлагающую всю ответственность за преступления в капиталистическом об-ве исключительно на самого преступника, к-рый якобы является таковым от рождения. Выступая против доктрин нравственного самосовершенствования личности в рамках эксплуататорского об-ва, Л. подчеркивал положение марксистской этики, что коренное изменение нравственного сознания и моральных отношений возможно только при условии революционного преобразования старого строя и построения социалистического об-ва. «Измените среду — и этим самым вы измените нравы, привычки, страсти и чувства». Несмотря на марксистскую в целом позицию Л. в решении вопросов этики, им высказывались ошибочные взгляды и неточные положения. Так, увлекаясь разоблачением морали эксплуататорского об-ва, Л. склонен был вообще отрицать прогресс нравственности в до-социалистических формациях. Он отстаивал ошибочную т. зр., что нек-рые категории морали (в частности, категория справедливости) отомрут в условиях коммунизма,

да и вообще надобность в морали отпадет. Этические воззрения Л. изложены гл. обр. в работе «Экономический детерминизм Карла Маркса» (рус. перевод 1909).

ЛЕГАЛИЗМ (лат. *legalis* — законный) — понятие, часто использовавшееся в истории этики для обозначения такого поведения людей, к-рое лишь внешне согласуется с общепринятыми моральными требованиями, но не отвечает подлинному духу нравственности (*Формализм*). В зависимости от понимания смысла нравственности в понятие Л. вкладывалось в истории этики различное содержание. Кант усматривает легальность в том, что человек совершает те действия, к-рые от него требуются, но при этом не руководствуется подлинно моральными мотивами, напр., совершает поступки не из чувства долга (*Моральной доброты теория*), а из желания преуспеть в об-ве, из благоразумия или даже из желания сделать добро др. В неопротестантизме как Л. оцениваются попытки свести дух морального учения Христа к совокупности конкретных заповедей и принципов, к-рые целесообразно применять в об-ве. С т. зр. сторонников этого учения, «подлинная» нравственность требует от человека не выполнения определенных требований в практической деятельности, а лишь особого умонастроения (*Теономная этика*), признания своей греховности и смирения. Марксистско-ленинская этика отвергает противопоставле-

ние двух моралей — внешней и внутренней («подлинной»), общественной и личной. С т. зр. коммунистической нравственности недопустимо моральное ханжество, лишь внешнее исполнение людьми предписываемых им норм, а необходимо сознательное их усвоение и претворение в жизнь по глубокой внутренней убежденности. Поэтому в социалистическом об-ве воспитание в человеке сознательности, идейности, принципиальности является важнейшей стороной нравственного воспитания (*Совесть*).

ЛЕЙБНИЦ (Leibnitz) Готфрид Вильгельм (1646—1716) — нем. философ-идеалист, просветитель, общественный деятель, ученый. В философии занимал объективно-идеалистические позиции, выдвинув учение о неделимых духовных субстанциях — монадах, якобы являющихся первоэлементами, из к-рых складывается весь окружающий мир. Исходные идеалистические принципы определили подход Л. и к проблемам этики. Этическое учение Л. основывается на признании божественного творения мира. Сотворив мир, бог допустил наряду с добром существование зла как неизбежного спутника добра. Л. подразделяет зло на метафизическое, порождаемое ограниченностью и конечностью вещей, тесно связанное с ним зло физическое — бедствия и страдания разумных существ и зло нравственное, возникающее в результате человеческого греха. Т. обр.

хотя сотворенный мир является «лучшим из возможных миров», он все же оказывается далеким от совершенства. Отсюда возникает необходимость «оправдания бога» — творца несовершенного мира. Для этого Л. прибегает к *теодице* — учению, ставящему своей задачей снять с бога ответственность за существование зла. Оно изложено в одном из гл. трудов Л. — «Теодицея» (1710) и объективно направлено на оправдание несправедливых социальных порядков, бедствий и бесправия масс в антагонистическом об-ве.

ЛЕНИН Владимир Ильич (1870—1924) — теоретик марксизма, основоположник его нового этапа — ленинизма, вождь Коммунистической партии и международного коммунистического движения, основатель Советского государства. Проблемы марксистской этики получили разработку уже в ранних работах Л., где были подвергнуты уничтожающей критике взгляды, согласно к-рым марксистское понимание морали якобы обрекает человека на полное подчинение историческим обстоятельствам, не оставляя ему свободы выбора. В работе «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894) Л. отверг субъективистско-волюнтаристскую трактовку *свободы воли*, показал несостоятельность выдвинутого субъективно-идеалистической социологией народников тезиса о конфликте между детерминизмом и нравственно-

стью. Л. доказал, что признание зависимости человеческого поведения от общественно-исторических условий не исключает относительной самостоятельности человека в выборе своих действий, не отрицает свободы человека, а следовательно, и его ответственности за свои поступки. Марксистское понимание социального детерминизма не уничтожает ни разума, ни совести человека, «не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действованья» (т. 1, с. 440). Только с позиций детерминизма возможна строгая и правильная нравственная оценка деятельности личности. Защищая материалистическую традицию в этике, Л. прослеживает в своих трудах развитие гуманистической линии в истории философии и доказывает несостоятельность тезиса о том, что идеализм в противовес материализму якобы «всегда имеет в виду только интересы личности» (т. 48, с. 233). Л. резко критиковал т. зр., рассматривающую религию как основу нравственности, а понятия религиозной совести и греха — как незыблемые начала нравственной жизни человека. Столь же вредными он считал «богостроительские» идеи, в соответствии с к-рыми социализм изображался в качестве новой религиозной системы, призванной спаять человечество, связать личность с об-вом. Критикуя взгляд, рассматривающий бога как комплекс идей,

к-рые будят и организуют социальные чувства, Л. указывал, что на деле идея бога, порожденная тупой придавленностью человека, всегда усыпляла и притупляла социальные чувства, связывала угнетенные классы верой в божественность угнетателей (т. 48, с. 232). В ряде работ (особенно послеоктябрьского периода) Л. подчеркивал роль морального фактора в революции. Признавая необходимость революционного насилия, особенно в периоды крайнего обострения классовой борьбы, он вместе с тем утверждал, что конечная победа революционного дела достигается не насилием, а моральным *авторитетом* победившего пролетариата и его партии. Л. подчеркивал то громадное значение, к-рое имеет этот крупный, завоеванный в ходе борьбы моральный авторитет, авторитет, черпающий свою силу, конечно, не в отвлеченной морали, а в морали революционного борца, в морали «рядов и шеренг революционных масс». Эта мораль, складывающаяся в процессе борьбы рабочего класса за свое социальное освобождение, «подчинена вполне интересам классовой борьбы пролетариата» (т. 41, с. 309). Она «служит разрушению старого эксплуататорского общества и объединению всех трудящихся вокруг пролетариата, создающего новое общество коммунистов» (там же, с. 311). Т. обр., основой, критерием коммунистической нравственности выступает

«борьба за укрепление и завершение коммунизма» (там же, с. 313). Обосновывая принципы революционного гуманизма, Л. показал, что наряду с классовой непримиримостью пролетарский гуманизм включает высокую человечность, великодушие, взаимную поддержку в борьбе за общее дело. Важную роль в революционной борьбе и социалистическом строительстве Л. отводил *героизму*. Л. различал свойственный периодам войн и открытых классовых столкновений «героизм отдельного порыва» и самый длительный, самый упорный, самый трудный героизм массовой и будничной работы, приобретающий особое значение в эпоху мирного строительства социализма (т. 39, с. 17—18). Научную разработку в трудах Л. получила проблема *дисциплины* в условиях социалистического об-ва. Указывая, что от «всякого нового общественного порядка требуются новые отношения между людьми, новая дисциплина», Л. писал, что в противовес дисциплине палки и голода, характерной для антагонистических формаций, при социализме создается дисциплина товарищеская, дисциплина всяческого уважения, дисциплина самостоятельности и инициативы в борьбе (т. 36, с. 500). Он доказывал, что «фабричная» дисциплина... никоим образом не является ни идеалом нашим, ни нашей конечной целью...» (т. 33, с. 101). Выделяя нравственный аспект проблемы истины в поли-

тике, Л. подчеркивал, что игнорирование объективных, неопровержимых фактов в угоду субъективистским волевым пожеланиям и решениям развращает людей, порождает крайне вредные для революционного дела явления, к-рые он метко охарактеризовал как «комчванство», «комбюрократизм», «комхвастовство». Л. требовал беспощадно очищать партию от карьеристов, обюрократившихся, «мазуриков», всех тех, кто пришел в ее ряды не ради служения революционному делу, а ради теплого местечка, личной корысти. Л. считал, что партия не должна бояться признания и критики своих ошибок (*Критика и самокритика*), ибо скрывать от масс даже горькую и неприятную правду «значило бы опускаться до уровня буржуазных политиканов и обманывать массы» (т. 36, с. 180). «Надо уметь признать зло безбоязненно, чтобы тверже повести борьбу с ним...» (т. 43, с. 231) — требовал Л. Веря в безграничные возможности человека, Л. вместе с тем выступал против волюнтаристского приукрашивания уровня нравственного сознания масс, стремления представить членов социалистического об-ва некими идеальными людьми, начисто свободными от традиций и привычек старого об-ва. Он подчеркивал, что трудящиеся «от своих собственных мелкобуржуазных пред-рассудков избавляются не сразу, не чудом, не по велению божией матери, не по велению лозунга,

резолюции, декрета, а лишь в долгой и трудной массовой борьбе с массовыми мелкобуржуазными влияниями» (т. 41, с. 101). Поэтому воспитание нового человека осуществляется в длительном процессе ломки старых и нарождения новых нравственных норм и ценностей, в процессе изменения взглядов на отношения человека к человеку, мужчины и женщины, на взаимоотношения коллектива и личности, а значит, и на обязанности личности перед об-вом. Затрагивая в беседах с К. Цеткин вопросы брака и половых отношений, Л. осуждал попытки проповедовать молодежи аскетизм и святость лицемерной буржуазной *брачно-семейной морали*, но вместе с тем он резко критиковал вульгаризаторские «левацкие» теории, отрицавшие какие бы то ни было регулятивные формы в этой сфере. В письмах к И. Арманд (1915) Л. вскрыл зависимость требования свободы любви от объективной логики «классовых отношений в делах любви» и показал, что лишь с победой коммунизма отпадут ограничения свободы любви, вызванные обстановкой классовой розни (т. 49, с. 52, 56). Л. подчеркивал, что социалистическая революция и советское семейное законодательство подорвали корни ханжества, лицемерия и несправия женщины в таких вопросах, как брак, развод и положение внебрачных детей. Однако, как писал Л. в работе «Великий почин», это

были только первые шаги по пути освобождения женщины и социалистической перестройки семьи. Для формирования коммунистических отношений в быту необходимо добиться фактического освобождения женщины от неравноправного положения в семье, от изнуряющего труда в мелком домашнем хозяйстве. Обоснование нравственного идеала коммунизма наиболее полно представлено в классическом труде Л. «Государство и революция», где раскрыты экономические, социальные и политические предпосылки действительного осуществления высшей нравственной свободы. В условиях коммунистического об-ва, когда люди постепенно привыкнут к соблюдению нравственных требований и норм «без насилия, без принуждения, без подчинения» (т. 33, с. 89), будут руководствоваться пониманием их смысла, действовать на основе глубокой личной убежденности, нравственный прогресс, освободившись от антагонистической формы своего проявления, будет вести ко все более полному воплощению в жизнь принципов гуманизма и справедливости (*Прогресс нравственный*).

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ХРИСТИАНСТВО — широко распространившееся во второй половине XIX в. течение в рамках протестантской теологии (применительно к этике его также называют движением «социального евангелия»). Его представители (в США — У. Рау-

шенбуш, Ш. Мэтьюс, Ф. Пибоди; в Европе — А. Ричль, Э. Трёльч, А. Гарнак и др.) выступили с идеей превращения христианского вероучения в конкретную социальную и моральную программу, к-рая могла бы стать практическим руководством к разрешению «земных» политических и моральных проблем современности («*Социальная этика*»). По сравнению со мн. др. течениями в христианстве данное направление отличается оптимистическим воззрением на человека и его исторические возможности. Для его представителей характерно стремление максимально приблизить библейские мифологические представления к понятиям светской морали. С их т. зр., служение богу и есть служение об-ву и людям. «Царство божье» толкуется ими как общественный идеал, достижимый для человечества в ходе истории; образ Христа — как образец для подражания, моральный идеал, к-рого люди могут достичь в мирской жизни. Наступление общего кризиса капитализма способствовало краху этих иллюзий и подрыву влияния Л. х. Его идеи были подвергнуты резкой критике справа сторонниками неопротестантизма. В настоящее время идеология Л. х. сохраняет еще влияние в нек-рых протестантских сектах на Западе (напр., в секте квакеров). Объективная роль этой идеологии двойственна. Под ее знаменем объединяются, с одной стороны, нек-рые либерально-демо-

кратически настроенные религиозные деятели Запада, выступающие за мир, за равноправие народов. С др. стороны, принципы Л. х., будучи пацифистскими по своему характеру, нередко используются против идеи революционного преобразования капиталистического об-ва.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ — см. *Неопозитивизм*.

ЛИЦЕМЕРИЕ — отрицательное моральное *качество*, состоящее в том, что заведомо безнравственным поступкам (совершаемым ради эгоистических интересов, по низменным мотивам и во имя антигуманных целей) приписываются псевдоморальный смысл, возвышенные мотивы и человеколюбивые цели. Это понятие характеризует образ действий с т. зр. соотношения его действительного социального и нравственного значения и того значения, к-рое ему пытаются придать. Л. противоположно *честности*, *прямоте*, *искренности* — качествам, в к-рых проявляется осознание и открытое выражение человеком подлинного смысла его действий. Л. становится распространенным социальным явлением в условиях общественной несправедливости и классовых антагонизмов. Поэтому представление о нем только как об индивидуальном свойстве психики является ограниченным и ненаучным. Даже тогда, когда Л. вызывается неповторимыми обстоятельствами жизни данного человека, последние выступают

большей частью как выражение социально-нравственных тенденций, господствующих в антагонистическом об-ве. Л. порождается несоответствием между действительными социальными отношениями и отражением этих отношений в идеологии, в т. ч. в господствующей морали (*Отчуждение*). Чем разительнее противоречие между интересами господствующего класса и большинства об-ва, чем более изживают себя эксплуататорские общественные отношения, тем больше идеологические представления об-ва «опускаются до уровня пустых идеализирующих фраз, сознательной иллюзии, умышленного лицемерия»; «чем больше их лживость разоблачается жизнью... тем решительнее они отстаиваются, тем все более лицемерным, моральным и священным становится язык этого... общества» (*Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 283—284*). В процессе построения социализма и коммунизма, по мере вовлечения широких народных масс в общественно-политическую деятельность, развития их активности и сознательности устраняются социальные корни Л. Коммунистическая нравственность непримиримо относится ко всяким проявлениям Л. Коммунистическая партия считает своим неуклонным долгом честность и правдивость перед народом, всемерное развитие *критики и самокритики*. Практическое осуществление этих принципов способствует искоренению

из общественной жизни таких явлений, как *карьеризм, демагогия, очковтирательство, неискренность, вероломство, клевета, ханжество, фарисейство*, к-рые так или иначе связаны с Л.

ЛИЧНОСТЬ (моральная) — субъект нравственной деятельности. Человек становится моральной Л., когда он добровольно подчиняет свои действия моральным требованиям об-ва, осознает их содержание и значение, способен ставить перед собой нравственные цели и вырабатывать решения применительно к конкретным обстоятельствам, самостоятельно оценивать свои поступки и действия окружающих, воспитывать себя (*Самовоспитание*). Т. обр., понятие моральной Л. — одна из важнейших категорий этики, тесно взаимосвязанная с др. понятиями и проблемами (*Долг, Ответственность, Самосознание, Совесть, Самооценка, Достоинство, Убеждение*). Буржуазная этика, как правило, сводила проблему моральной Л. к теоретическому доказательству способности индивида самостоятельно (независимо от об-ва) формулировать для себя требования нравственности. Марксистская этика видит здесь не только теоретическую, но и социальную проблему практического характера, а именно необходимость создания условий для действительного развития подлинно моральных Л. Такие условия для каждого человека, для широких народных масс создаются в про-

цессе строительства коммунизма (*Всестороннее, целостное развитие личности*). Но и в этих условиях Л. выступает не как абсолютно независимый субъект, черпающий свои представления о нравственности внутри себя, а как активный проводник морального сознания об-ва, практически освоивший все богатство нравственной культуры, накопленной человечеством в предшествующей истории, и способный самостоятельно воплотить его в своей деятельности.

ЛИЧНОСТЬ И КОЛЛЕКТИВ. — С т. зр. исторического материализма личности — не только действующие лица, но и авторы, творцы своей истории. Однако способность быть Л. всецело общественная, основанная на том, что человек индивидуализирует в себе культуру, из к-рой он вырастает, и вступает в определенные осознанные отношения с др. людьми и к самому себе (*Самосознание, Самоконтроль*). К. Маркс и Ф. Энгельс указывают, что «развитие индивида обусловлено развитием всех других индивидов, с которыми он находится в прямом или косвенном общении...» (т. 3, с. 440). Лишь выполняя определенную роль в К., в совместной деятельности с др. людьми, вступая с ними в практические взаимоотношения, человек «начинает относиться к самому себе как к человеку» (там же, т. 23, с. 62), осознает себя как Л., отличную от др. В истории общественного развития отношения Л. и

ж. складывались по-разному. В условиях первобытного об-ва в силу нерасчлененности общественных функций в К. «отдельный человек не становится самостоятельным по отношению к общине...» (там же, т. 46, ч. I, с. 474). Он составляет одно целое с родом и не выделяет себя из него ни в своей деятельности, ни в сознании. Все его права и обязанности являются не личными, а родовыми. С дальнейшим прогрессом об-ва человек все больше принимает на себя свои родовые качества, выделяется из непосредственного слияния с родом и развивает в себе качества субъекта. Однако этот прогресс приобрел в классовом об-ве антагонистическую форму: разделение труда делает человека односторонним, «частичным» (Маркс). Поэтому человек сам по себе и об-во как целое выступают как противоположности (*Человек и общество*). Многообразные социальные функции человека, обусловленные его положением в об-ве, даются ему как нечто внешнее, от его индивидуальности не зависящее. Принадлежность Л. к тому или иному коллективному объединению — феодальному сословию, монополистической корпорации, профессиональной группе — также не является добровольной. Наемный рабочий, напр., вступает в трудовой К. не ради достижения общих с др. рабочими целей, а под властью капитала, к-рый навязывает производителям совершенно чуж-

дую им цель — производство прибавочной стоимости. В большинстве случаев в условиях капиталистического об-ва невозможно построить отношения между Л. и к. т. обр., чтобы их интересы не противоречили друг другу. Поэтому в буржуазном сознании создается представление, что К. способен лишь обезличить человека, ограничить его свободу, тогда как подлинная свобода и человеческая индивидуальность возможны лишь вопреки К., в противоположность законам совместной жизни. Марксизм ставит проблему Л. и к. конкретно-исторически. Противоречие между ними коренится в частной собственности на средства производства, и с ее уничтожением создается возможность для общности интересов и целей Л. и к. В коммунистическом об-ве «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех» (там же, т. 4, с. 447). При таком положении К. образуется на основе действительной общности целей входящих в него людей, представляет собой их добровольное и сознательное объединение, становится сферой развертывания их индивидуальных способностей и средством удовлетворения их разнообразных потребностей. Коренным образом меняется форма общественной дисциплины, связующей людей в их совместной деятельности. Л. осознает свою связь с об-вом как целым прежде всего через осознание своей принадлежности к оп-

ределенным конкретным К. (производственная бригада, учебная группа, семья, общественная организация и т. п.). Эти первичные объединения людей являются осн. ячейками общественного воспитания. Воспитание Л. путем воздействия на нее первичного К. — осн. принцип педагогики *Макаренки*. Но принадлежность Л. к каждому данному конкретному К. относительна, не всеобъемлюща. Поскольку каждый человек принадлежит одновременно к нескольким различным К., это дает Л. известную автономию, позволяет оценивать данный конкретный К. и свою собственную роль в нем с т. зр. более общих социальных связей и моральных принципов. Высшая стадия развития отношений Л. и К. достигается не там, где члены К. хорошо усвоили и неукоснительно выполняют общие нормы, а там, где каждый член К. в состоянии самостоятельно предъявлять все более высокие нравственные требования как к самому себе, так и к К. в целом и его руководителям. Только в таком К. возможна подлинная личная свобода, к-рая означает не «свободу от К.», а практическое воздействие каждого на условия совместной жизни: общественную активность, самостоятельность и творчество, товарищескую взаимопомощь, взаимный обмен знаниями, мнениями и опытом, проявление инициативы, влияние на окружающих силой *почина* и *примера*. Такой К. не

обезличивает человека, а, напротив, создает условия для гармонического развития Л. каждого (*Всестороннее, целостное развитие личности*). Этот принципиально новый тип отношений между Л. и К. находит свое выражение в коммунистической нравственности в виде принципа *коллективизма*. Демократическая структура К. обеспечивает индивидуальную моральную ответственность каждого за коллективно принятые решения, а это способствует монолитности К. как целого.

ЛИЧНЫЙ ПРИМЕР — см.

Пример.

ЛОГИКА МОРАЛЬНОГО ЯЗЫКА — совокупность логических форм морального языка, а также отношений и связей между ними. Марксистская этика исходит из того, что анализ этих форм и зависимостей должен прежде всего основываться на исследовании структуры морального сознания, в к-ром существует своя особая связь между различными формами представлений и суждений. Если, скажем, утверждается, что «воровство есть зло» (оценочное суждение), то отсюда следует логический вывод: «Люди не должны воровать» (предписательное суждение). Частное моральное повеление: «Ты. должен выполнить данное обещание» — обосновывается ссылкой на общую норму: «Люди должны выполнять взятые на себя обязательства». В свою очередь моральные нормы в той или иной системе нравст-

венности обосновываются с помощью более общих понятий — моральных *принципов* и *идеалов*. Т. обр., проблемы Л. м. я. охватывают мн. методологических вопросов, связанных с моральным рассуждением, обсуждением нравственных проблем, а также с обоснованием или критикой общих положений той или иной системы морали. Марксистская этика считает, что при обосновании к.-л. положения морали, особенно если сталкиваются различные нравственные позиции, окончательно вопрос может быть решен уже за пределами собственно морального сознания, путем анализа социальной действительности и исторических законов. Объективной основой марксистской *нормативной этики* являются данные социальной науки, исторического материализма и теории научного коммунизма. С т. зр. Л. м. я. это означает, что моральные суждения могут и должны в конечном счете обосновываться с помощью научных суждений, данных опыта и теоретических обобщений (*Истина и нравственность*).

ЛОКК (Lokk) Джон (1632—1704) — англ. философ, выступивший с критикой теории врожденных идей. В теории познания стоял на позициях сенсуализма. В учении Л. материалистические положения переплетаются с явными уступками идеализму. Л., по словам Энгельса, был «сыном классового компромисса» и в религии и в политике (т. 37, с. 419). Эта

непоследовательность характерна и для его этических взглядов. Отрицая существование врожденных моральных понятий и принципов, он в то же время полагал, что без религии нет нравственности, считал евангелие «превосходным трактатом морали». Стремление к счастью Л. рассматривал как естественное свойство человека. Счастье, утверждал он, есть то, что удовлетворяет дух, страдание — то, что его расстраивает. Добродетель состоит в стремлении делать добро, а порок — в стремлении вредить себе и др. Рассматриваемая как обязанность, добродетель есть воля божья, обнаруженная разумом, а следовательно, имеющая силу закона. С позиций механистического детерминизма Л. полностью отрицал *свободу воли* человека. Л. не создал законченного этического учения. Отдельные мысли о нравственности встречаются в различных его работах.

ЛУНАЧАРСКИЙ Анатолий Васильевич (1875—1933) — советский общественный и государственный деятель, теоретик и пропагандист марксизма, в т. ч. марксистской философии и этики. Еще в работах дореволюционного периода Л. подверг критике этические идеи рус. идеалистов (*Бердяева*, *Шестова*, *С. Н. Булгакова*, *Иванова-Разумника* и др.), вскрыл несостоятельность их утверждений, что марксизм якобы игнорирует нравственные проблемы человеческой личности. В период после пораже-

ния революции 1905—07 гг. Л. разделял ошибочную т. зр. богостроительства, защищал идею «религиозного атеизма» — использования религиозности как нравственной предпосылки для утверждения в массах идеалов коллективизма. Эти заблуждения, подвергнутые резкой критике В. И. Лениным, Л. преодолел в послеоктябрьский период. Будучи первым ярком просвещением, Л. уделял большое внимание теоретическому обоснованию принципов коммунистического воспитания. Понимая под воспитанием прежде всего «организацию характера», он считал, что нельзя сводить воспитание к образованию, подчеркивал, что передача знаний должна осуществляться в связи с моральным и эстетическим воспитанием молодого поколения в духе социалистического идеала. Выступая против защитников интуитивной морали, к-рые важнейший регулятивный фактор нравственного поведения людей видели в классовом инстинкте или в общечеловеческом нравственном чувстве, Л. подчеркивал необходимость сознательного усвоения норм и принципов коммунистической морали. Марксистской этике, подчеркивал Л., чужд разрыв разума, чувств и воли. Отстаивая необходимость классового подхода к этическим проблемам, Л. вместе с тем осуждал вульгарный социологизм в этике, отрицающий общечеловеческие нормы нравственности (*Общечеловеческое и*

классовое в нравственности), стремящийся свести мораль к политике (*Мораль и политика*). Л. разоблачал буржуазных идеологов, изображавших коммунизм как об-во, ограничивающее права личности на свободное развитие, препятствующее проявлению индивидуальности человека. Он доказывал, что аскетические доктрины, лишаящие человека права на наслаждение, на всестороннее удовлетворение потребностей и интересов, ничего общего с марксизмом не имеют. Важнейшей стороной коммунистического воспитания Л. считал воспитание духовно и эмоционально развитой личности на базе всестороннего овладения культурными богатствами человечества. С этих позиций Л. выступал против мещанства, критиковал взгляды сторонников «левого фронта» в искусстве, лефовско-конструктивистские теории урбанизма, техницизма, машинизма, фетишизировавшие роль техники в ущерб развитию нравственно-эмоциональной культуры личности. Узкоутилитарным, прагматическим взглядам на жизнь Л. противопоставлял марксистский гуманизм. «Именно потому, что мы коммунисты,— писал Л.,— мы не должны обольщаться машинопоклонством. Центр жизни мы видим в самом человеке, в его свободе, в его счастье. Отсюда нашей определенной задачей должно быть уже и сейчас — внедрять, насколько только можно глубоко, гуманизирующий, глубоко челове-

ческий элемент в культуру». Оsn. этические соч. Л.: «Идеализм и материализм. Культура буржуазная и пролетарская» (1923), «Наука, искусство, религия» (1923), «Мораль и свобода» (1923), «Мораль с марксистской точки зрения» (1925), «Воспитание нового человека» (1928).

ЛЮБОВЬ — чувство, соответствующее отношениям общности и близости между людьми, основан- ным на их взаимной заинтересо- ванности и склонности. Проявле- ния Л. могут быть самыми раз- личными: половая Л., разнообра- зные чувства взаимной симпатии и *дружбы* между людьми (в самом широком смысле — взаимоотноше- ния людей в об-ве, основанные на общности устремлений и интере- сов), наконец, положительное от- ношение человека к объекту по- знания и практической деятельно- сти (Л. к природе, к истине, к жизни и т. п.). В самом же обоб- щенном, абстрактном смысле Л. понимается в этике и философии как такое отношение между люди- ми, когда один человек рассмат- ривает др. как близкого, родст- венного самому себе и тем или иным образом отождествляет себя с ним: испытывает потребность к объединению и сближению; отождествляет с ним свои собственные интересы и устремления; добро- вольно физически и духовно от- дает себя др. и стремится взаим- но обладать им. Противоположно- стью Л. является *ненависть*. Ка- тегория Л. играла большую роль

в истории моральных учений, эти- ки и даже философии. Понятие Л. как представление об особом роде общности между людьми с самого начала возникает в мо- ральном сознании человечества в противовес той действительной разобщенности людей в об-ве, к-рая обусловлена противополож- ностью частных интересов. В ус- ловиях частной собственности и классовых антагонизмов Л. в ка- честве принципа человеческих вза- имоотношений реально возможна лишь в крайне узких рамках. Она почти целиком замыкается сфе- рой личных отношений людей, на- ходящихся в кровнородственных, брачных, семейных или дружест- венных связях (между супругами, родителями и детьми, близкими друзьями). Но именно в этих от- ношениях люди часто видели для себя идеал совместной и даже об- щественной жизни. Неудовлетво- ренность взаимной отчужденно- стью, соперничеством, враждой очень давно породила у людей меч- ту об установлении Л. не только между отдельными индивидами, но и между всеми людьми, во всех сферах их социальной жизни. Так возникает заповедь «Возлюби бли- жнего, как самого себя», к-рую мы находим в Библии («Левит», VI в. до н. э.). Христианство придало этой заповеди специфически рели- гиозное толкование (в основе прин- ципа Л. лежит происхождение всех людей от бога). Уже сама религи- озная форма истолкования данной заповеди отражала практическую

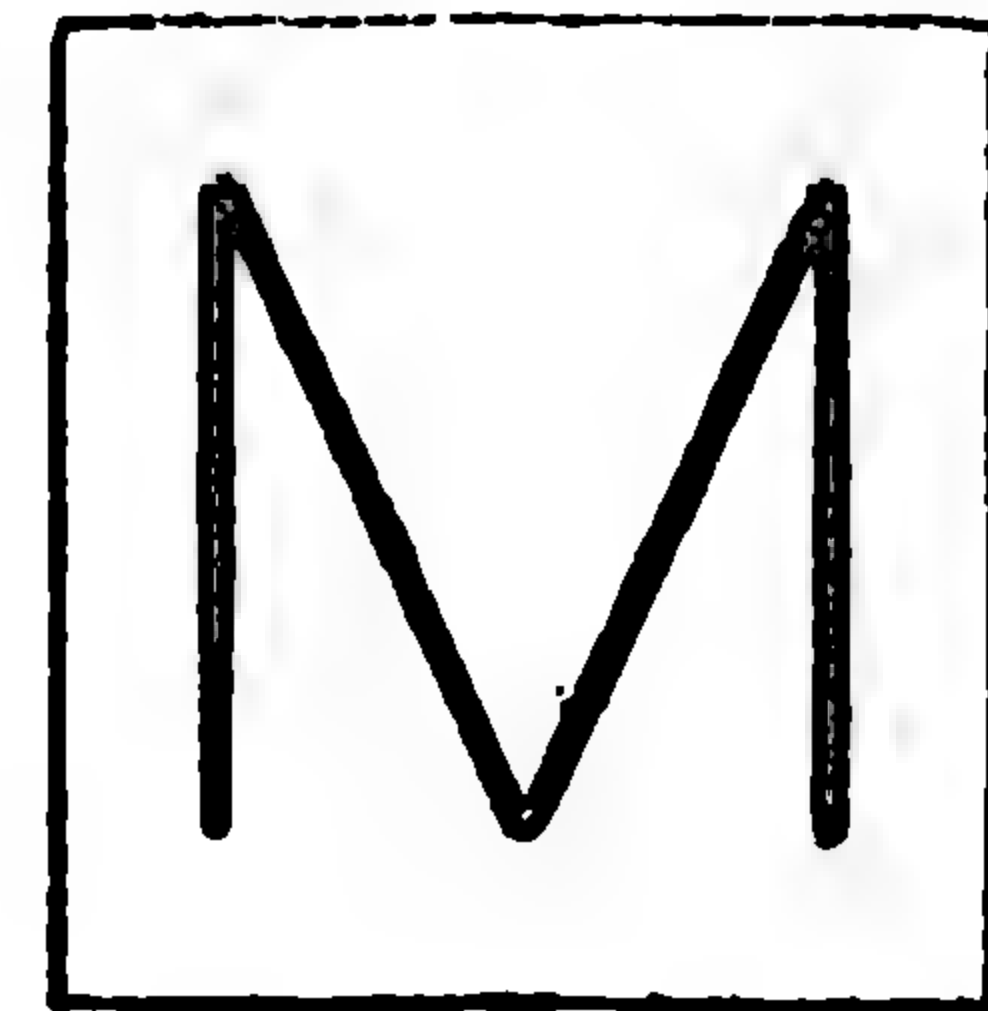
невозможность ее реального осуществления в об-ве, основанном на частной собственности. В то же время, по мере того как в процессе общественного развития половая Л. и дружба все более наполнялись нравственным содержанием (*Брачно-семейная мораль*), ее стали рассматривать как высший образец социальных отношений между людьми вообще. Примером может служить этическое учение *Фейербаха*, к-рый идеальным мыслит об-во, основанное на естественном влечении, Л. людей друг к другу. Проповедь Л. с самого начала имела крайне противоречивый смысл. С одной стороны, она воплощала в себе стремление трудящихся к установлению подлинно человеческих отношений в об-ве, к преодолению противоположности частных интересов. Сыграв важную роль в устранении *мести* как родового принципа осуществления *справедливости*, заповедь Л. вместе с тем настраивала людей на отказ от всякого насилия в борьбе за справедливость («Возлюбите врагов ваших»). Ведь Л. как моральное понятие христианства предполагает отказ от собственных интересов ради служения др. (*Альтруизм*), *смирение*, непротивление злу насилием, прощение врагу, нанесшему зло, сострадание к «грешнику». Поэтому, с др. стороны, принцип Л. стал использоваться в господствующей идеологии классового об-ва как средство сохранения эксплуатации и социальной несправедливости.

Он воспитывал людей в духе покорности к угнетателям. В этой идеологии заповедь Л. приобретала все более лицемерный смысл: она была призвана не действительно уничтожить отношения вражды, а лишь создать у людей иллюзию, что помимо этих реальных общественных отношений существуют еще нек-рые потусторонние законы «Л. между ближними» (*Теономная этика*). Коммунистическая нравственность впитала в себя подлинно гуманистическое содержание многовековой мечты человечества об отношениях Л. между людьми. Но она отрицает в принципе Л. все то, что способствует сохранению социальной несправедливости. Сама проблема установления подлинно человеческих отношений между людьми решается здесь путем революционного преобразования социальных отношений, предполагает прежде всего уничтожение частной собственности, обуславливающей их несправедливость. Далее, Л. к людям понимается как требование практически служить интересам всего человечества. А это означает, что Л. невозможна без непримиримости к носителям зла, без борьбы с классовыми, идейными врагами. В отношениях между людьми, объединенными общими целями, Л. предполагает уважение к человеку, т. е. не всепрощение, а высокую требовательность к каждому. На место абстрактной проповеди «Возлюби ближнего» коммунисти-

ческая мораль выдвигает более широкие и одновременно более конкретные принципы — коммунистический *гуманизм*, *коллективизм* и товарищескую *взаимопомощь*, дружбу народов, *солидарность* с трудящимися всех стран.

ЛЮТЕР (Luther) Мартин (1483—1546) — религиозный реформатор, основоположник лютеранства, одного из трех осн. течений в протестантизме. Возглавляя церковную кафедру в Виттенбергском университете, в 1517 г. выступил с тезисами, направленными против продажи индульгенций (грамот об отпущении грехов) и др. злоупотреблений католической церкви, а также против ее претензий на посредничество между богом и людьми. Это выступление явилось важным актом Реформации — антифеодалного и антикатолического общественного движения в Европе в XVI в. Сам Л. возглавил бюргерски-умеренное ее направление. В основе учения Л. лежит принцип «оправдания верой», к-рый исходит из представления о всеобщей греховности человечества (*Грех*): человек, утративший способность к добру, может найти спасение лишь в вере, к-рая даруется свыше как божья благодать. Невозможность приобрести внутреннюю праведность в какой-то мере компенсируется праведной жизнью, к-рая «вмешается» человеку богом. В

противоположность католическому вероучению, рассматривающему земную жизнь как этап подготовки верующего к загробной жизни, Л. считал ее важнейшим звеном в христианском «плане спасения». С его т. зр., именно в земной жизни люди становятся на путь веры, помогающей им преодолевать склонность к греху. В соответствии с таким представлением Л. осуждал *аскетизм*, монашество, пренебрежение «мирскими» интересами. Вместе с тем он проводил грань между религиозной и общественной сферами деятельности в земной жизни. К религиозной сфере он относил веру, церковную деятельность и религиозную проповедь, а к общественной — государство и разум, гражданскую мораль и «мирские» дела людей. Однако грань между этими сферами Л. не считал абсолютной. Учение Л. вело, по сути дела, к обмирщению религии. Принцип «оправдания верой» имел целью углубить внутреннюю религиозность людей. По словам Маркса, Л. «победил рабство по *набожности* только тем, что поставил на его место рабство по *убеждению*... Он освободил человека от внешней религиозности, сделав религиозность внутренним миром человека. Он эмансипировал плоть от оков, наложив оковы на сердце человека» (т. I, с. 422—423).

МАКАРЕНКО Антон Семенович (1888—1939) — советский педагог и писатель, занимавшийся разработкой теории и методов коммунистического воспитания, проблем коммунистической нравственности. Новаторство М. в педагогике состоит прежде всего в плодотворной попытке дать общесоциологическое обоснование процесса воспитания. Это проявилось в его «педагогике параллельного действия». Указывая, что «воспитывает не сам воспитатель, а среда», М. усматривал основу воспитания не просто во взаимодействии воспитателя и воспитуемых, а в организации коллективной деятельности воспитанников в соответствии с тенденциями развития об-ва. Смысл социалистической дисциплины М. видел в такой практической организации коллективной жизни, в к-рой, с одной стороны, индивид приобретал бы навыки поведения, соответствующие принципам коммунистической морали, а с др.— были бы обеспечены защита интересов личности, условия свободного социального творчества ради достижения общественных целей. Отсюда единые методоло-

гические установки М. в педагогике и этике: приобщение индивида к активному участию в общественно-исторической практике как цель воспитания; организация коллектива и коллективной деятельности как гл. средство воспитания; принципиально новое место личности в социалистическом об-ве как предпосылка формирования индивидуальности в процессе усвоения принципов коммунистического мировоззрения и морали. М. выступал за соединение трудового воспитания с нравственным и политическим, считая, что без этого труд является процессом нейтральным для воспитания, что богатство личности соответствует широте интересов, к-рые организуют ее поведение. Требования нравственности, предъявляемые к человеку, по мнению М., должны опережать реальный уровень его поступков. Этим обеспечивается, по выражению М., «непрерывность» воспитания людей в духе коммунистической нравственности. Проблему свободы и ответственности, воспитания инициативности М. связывал с развитием самоуправления в коллск-

тиве. М. подчеркивал необходимость рассматривать этические категории и проблемы нравственности в тесной связи с конкретными задачами коммунистического воспитания, решением широких социальных проблем. Осн. работы М.: «Книга для родителей» (1937), «Методика организации воспитательного процесса» (1935—36), «Цель воспитания» (1937), «О коммунистической этике» (1939), «Воля, мужество, целеустремленность» (1939).

МАКИАВЕЛЛИ (Machiavelli) Никколо (1469—1527) — итал. мыслитель, государственный деятель, историк, писатель. М. одним из первых среди буржуазных мыслителей подошел к занимавшим его политико-социальным проблемам, опираясь, по словам К. Маркса, на разум и опыт, а не на теологию. Он считал, что в истории действуют законополагающие силы (судьба, фортуна), но в то же время она арена деяний человека, его разума и свободной воли. Залог успеха — согласие образа действий людей и реального хода вещей, т. е. судьбы, к-рую (чтобы подчинить себе) надо «бить и толкать». М. связывает деятельность индивида со столкновением общественных группировок, говорит даже о борьбе имущих и неимущих классов, объясняя ею конкретное социально-экономическое состояние различных слоев населения, происхождение мн. политических установлений. В этом смысле он отделяет теоретический

анализ политики от морали. М. знал лишь санкционированную церковью теологическую этику и мораль. Он видел, что последняя бессодержательна и почти нигде не соблюдается, что высшие слои об-ва, особенно духовенство, папский двор, погрязли в пороках. К тому же она парализует волю, культивирует страдания, игнорирует реальные (гл. обр. имущественные) интересы, т. е. основу жизни народов. Мораль, разрывающая действительное и должное, обычно приводит, по мнению М., человека к неудаче: тот, кто «хотел бы творить одно только добро, неминуемо погибает среди стольких чуждых добру». Люди склонны ко злу, и только необходимость приводит их к добродетели. Эта необходимость раскрывает себя как основанная на силе власть. В совр. ему условиях, полагает М., для решения национальной задачи — создания на месте раздробленной Италии свободного, могучего и независимого государства (а это было его заветной целью) — возможны любые средства. Добродетелен человек, для к-рого нет ничего выше блага родины, ради нее дозволено решительно все. «Родину надо защищать средствами славными или позорными, — писал М., выражая т. зр. стремившейся к национальному объединению итал. буржуазии, — лишь бы защищать ее хорошо». Он, по словам *Гегеля*, «руководясь высоким сознанием необходимости формирования госу-

дарства, формулировал те правила, соответственно которым должны были образоваться государства при обстоятельствах того времени». Подобная постановка вопроса вела к противопоставлению *морали и политики* (что с необходимостью порождается условиями классового, особенно буржуазного, об-ва), а в дальнейшем к обоснованию принципов и действий в политике, получивших название *макиавеллизма*, к-рый нельзя отождествлять с воззрениями М. Ведь он верил, что в идеале наступает соответствие *целей и средств*, видел свой долг в том, чтобы учить молодежь добру, призывал ее избегать пороков, звал к труду, именуя дворян бездельниками. Хотя М. и считал, что добрые порядки (имея в виду прежде всего буржуазную республику) делают людей счастливыми, в его учении отсутствует мысль о гармонии общего и отдельного интересов, а индивид приносится в жертву государству. Осн. этические идеи М. изложены в соч. «Государь» (1513, изд. 1532).

МАКИАВЕЛЛИЗМ — понятие, употребляемое для характеристики образа действий человека (организации), принципом поведения к-рого (особенно в политике) является использование любых, в т. ч. и аморальных, средств (напр., лжи, клеветы, жестокости и т. п.) для достижения преследуемых им целей. Сам термин произошел от имени итал. государственного деятеля и писателя *Макиавелли*,

к-рый признавал, что в политике допустимо преступать законы морали во имя великих целей (напр., для спасения страны от захватчиков). В арсенал возможных, с его т. зр., средств могут входить «хорошо применяемые жестокости», способность политика «быть великим притворщиком и лицемером», побеждать врагов «силой и обманом», умение правителя внушать подданным «любовь и страх», заставить «народ верить силой» в то, что не отвечает его убеждениям, и т. п. В этом учении нашли отражение принципы политики молодой итал. буржуазии XVI в., к-рая стремилась к национальному объединению и укреплению независимости раздробленной и истерзанной врагами Италии. Но поскольку эта буржуазия еще не осознала должным образом свои исторические задачи, не располагала достаточными средствами для их решения, то она уповала на силу абсолютной монархии, княжеской власти и готова была признать законность любых средств, применяемых ею для создания сильного централизованного государства. *Гегель*, отделяя взгляды Макиавелли от М., подчеркивал, что он начертал путь, необходимый для спасения Италии в «условиях испорченности и слепого бешенства того времени». Позднее принцип «Цель оправдывает средства» лег в основу доктрины, всегда допускающей для достижения поставленных целей применение любых, в т. ч. без-

нравственных, средств. Это неизбежно ведет к противопоставлению *морали и политики*, законы к-рых якобы несовместимы. Как политический принцип буржуазии, завоевавшей господство, М. имеет, т. обр., смысл оправдания антигуманных и аморальных методов «большой политики» во имя эгоистических и реакционных целей класса капиталистов. Принцип М. особенно характерен для политики совр. империализма.

МАЛОДУШИЕ — отрицательное моральное *качество*, характеризующее слабость воли личности; выражается в неспособности человека отстоять и провести в жизнь нравственные принципы, в к-рые он верит, из-за опасения за личные интересы, боязни навлечь на себя неблагоприятные последствия, из страха перед трудностями или из неверия в собственные силы. При оценке проявлений М. марксистская этика исходит из социальных условий жизнедеятельности людей. Почву для развития в людях М. обычно создают социальная несправедливость, господство эгоистических интересов, угнетенное и бесправное положение человека, подавление инициативы в массах. Все эти явления неотъемлемо присущи классово-эксплуататорскому об-ву, где люди постоянно сталкиваются с тем, что грубая сила одерживает верх над правотой, преступления против нравственности остаются безнаказанными, борьба со злом, принципиальность и честность об-

ращаются против самого человека. В такой обстановке, естественно, создаются условия для процветания оппортунизма, беспринципности, попустительства злу; люди утрачивают чувство ответственности за свои поступки, веру в силу нравственных принципов и в собственную способность проводить эти принципы в жизнь. Объективные предпосылки для искоренения чувства подавленности и бессилия в человеке создаются с уничтожением частной собственности и установлением социального равенства людей. Коммунистическая нравственность воспитывает в людях непримиримость к злу и несправедливости, принципиальность, готовность бороться за правое дело, чувство ответственности за судьбы др. людей (см. также *Мужество, Смелость*).

МАНДЕВИЛЬ (Mandeville) Бернард (1670—1733) — англ. философ-моралист, по происхождению француз; ученик *Локка*. Известен своей «Басней о пчелах» (1705; в 1723 дополнена комментариями и приложениями) — острой сатирой на совр. ему об-во. М. изображает жизнь улья, где процветают пороки и злоупотребления, где каждый обитатель заботится лишь о своих интересах. Чтобы покарать пчел, Юпитер делает их всех честными. Это приводит к разорению улья. Басня заканчивается словами: «Порок является необходимым, как голод для возбуждения аппетита. Одна добродетель не может доставить

народам блестящего существования. Те, кто желал восстановить золотой век, должны были бы примириться не только с честностью, но и с тем, чтобы питаться желудями». Басня и дополнения к ней были направлены против абстрактной морали, взятой в отрыве от социальных условий жизни об-ва, в частности против воззрений *Шефтсбери*, считавшего, что добродетель всегда благо, а порок — зло. М. первым высказал мысль, впоследствии развитую *Гегелем*, о неизбежности и даже необходимости зла в условиях социального неравенства, где богатство нации покоится на бедности трудящихся. М. выразил это краткой формулой: «Частные пороки — общественные выгоды». Призывая считаться с природой человека, сформированной частнособственническими отношениями, М. рассматривал *эгоизм* как скрытую пружину личного и общественного совершенствования. Образ индивида, наделенного эгоистическими чертами, получил впоследствии название «мандевилевского человека». Маркс оценил заслуги М. в разоблачении лицемерия и цинизма морали складывающегося капиталистического об-ва, фальши буржуазных условностей, назвав его «честным человеком и ясной головой» (т. 23, с. 629). К. Маркс рассматривал воззрения М. как социалистическую тенденцию материализма (т. 2, с. 146). М. оказал влияние на *Хатчесона*, *Гельвеция*, А. Смита, а также на бо-

лее поздних философов-материалистов.

МАНЕРЫ (фр. *manière* — прием, образ действия) — способ держать себя, внешняя форма *поведения*, обращения с др. людьми. Включают также совокупность свойств речи (употребляемые выражения, тон, интонация), характерные для человека походку, жестикуляцию, мимику (иногда также говорят о М. одеваться). М. относятся к *культуре поведения* и регулируются *этикетом*. Отношение к М. различно у разных социальных групп. Аристократический взгляд на М. рассматривает их как выражение прирожденного благородства представителя «высшего» сословия или как внешний лоск, характеризующий принадлежность человека к «светскому» об-ву. Демократическое понимание М. исходит из того, что внешняя красота и изящество должны быть, по словам В. Г. Белинского, выражением внутренней чистоты и красоты, внешним проявлением нравственного облика личности. В социалистическом об-ве хорошие М. рассматриваются как форма повседневного выражения скромности и сдержанности человека, умения контролировать свои поступки (*Самоконтроль*), внимательного и тактичного обращения с людьми (*Чуткость*, *Уважение*). Дурные М. (привычка громко говорить, не стесняясь в выражениях, развязность в жестикуляции и поведении, неряшливость в одежде, *грубость*) созда-

ют неудобства для окружающих и делают невозможным свободное и непринужденное общение людей. Целесообразность определенных М. находит отражение не только в требованиях, имеющих нравственный смысл, но и в эстетических представлениях о внешнем облике человека. Единство *этического и эстетического* в оценке М. связано с тем, что внешний образ поведения является наглядной, зримой формой воплощения духовного облика человека, органичным и естественным выражением его общей культуры.

МАРИТЕН (Maritain) Жак (1882—1973) — фр. католический философ, представитель *неотомизма*. Изучал философию в Сорбонне у *Бергсона* (против к-рого вскоре выступил). Много лет жил и работал в США. С религиозных позиций критикует буржуазное об-во, производящее и воспроизводящее отношения, опустошающие человека и приковывающие его к земным интересам, что мешает ему думать о боге. М. выступает за возврат к средневековью, к-рый он понимает не как попятный путь, а как путь, ведущий вперед. Критика капитализма носит у М. скорее апологетический, чем разрушительный характер: он хотел бы «подправить», «улучшить» существующий капиталистический мир. Кризис совр. мира, культуры и цивилизации М. усматривает в ослаблении веры, в потере религиозности. Вслед за *Фомой Аквинским* М. провоз-

глашает религиозную мораль вечной и самой совершенной, поскольку она якобы очищает человека, обращает его дела и мысли к богу. Именно религиозная мораль, согласно М., способствует подлинному прогрессу — всеобщей «спиритуализации». Истинная свобода человека, по М., заключается в установлении все более тесного контакта с богом, а для этого он должен строго и неукоснительно соблюдать нормы и правила религиозной морали. Только следуя ее предписаниям, человек может достигнуть вечного блаженства, индивидуального бессмертия и божественной благодати. Этика М. носит абстрактный, внеисторический характер. Это в полной мере относится и к его теории «интегрального гуманизма». Однако против прогрессивных революционных действий М. считает возможным применять конкретные меры подавления, поскольку такие действия стремятся нарушить основы жизни в существующем об-ве. Это еще раз доказывает, что религиозная мораль, теоретиком к-рой являлся М., по своему содержанию носит апологетический характер и призвана защищать интересы эксплуататорских классов. Осн. работа М. по проблемам этики: «Антимодерн» (1922).

МАРК АВРЕЛИЙ — см. *Аврелий*.

МАРКС (Marx) Карл (1818—83) — основатель научного коммунизма, философии диалектического и исторического материализма

и научной политической экономии. Философско-этическая позиция М. выработывалась в процессе творческих поисков и открытий, в ходе анализа фундаментальных мировоззренческих проблем. Этим его подход в корне отличен как от объективистского сциентизма, так и от субъективизма (в т. ч. *этического социализма*). Ранний период (до 1842) духовной биографии М.— это период освоения философской и этической культуры классического нем. идеализма. Миру сущего М. противопоставляет мир должного. Они образуют два абсолютно независимых начала — дуализм двух миров. Однако уже в 1837 г. М. осуждает этот свой дуализм и выдвигает требование монистически-разумного понимания действительности (т. 40, с. 10). Это не было отказом от критических умонастроений, присущих прежним взглядам М., а, напротив, свидетельствовало о попытке решать проблему долженствования на основе более глубокого постижения действительности. Но до тех пор, пока М. оставался на объективно-идеалистической точке зрения (близкой к младогегельянству), его революционный демократизм вновь приводил к дуализму: между идеей государства, т. е. идеалом *«самопредставительства народа»* (там же, с. 290), и реально существующими классовыми государствами. М. вводит понятие *«свободной интеллигентности»*; к-рая выражает всеобщность народного духа, а

поэтому не подчинена никакой частноутилитарной функции (там же, с. 285). Уже тогда он четко формулирует связь *цели и средства*: «...цель, для которой требуются неправые средства, не есть правая цель...» (т. 1, с. 65). В 1843—45 гг. совершается переход М. от идеализма и революционного демократизма к диалектико-историческому материализму и научному коммунизму. Вся полемика против утопически-субъективистского коммунизма младогегельянского кружка «свободных» с их апелляцией к чистому долженствованию, М. выдвигает принципы, на основе к-рых он затем сможет развивать свои философско-этические взгляды уже как собственно марксизм. «Недостаточно, чтобы мысль стремилась к воплощению в действительность, сама действительность должна стремиться к мысли» (там же, с. 423). Но человек и сам принадлежит этой действительности как ее наследник и преемственный создатель. «Человек — это *мир человека*» (там же, с. 414), мир созидательных сил, культуры, включая и нравственную. Однако в классовом об-ве этот мир выступает как нечеловеческая и даже отчужденная действительность (*Отчуждение*). Поэтому «эмансипация состоит в том, что она *возвращает* человеческий мир... *самому человеку*» (там же, с. 406). Определяя истинное долженствование, М. исходит из противоречий такого социального разделе-

ния деятельности, к-рос становится разделением классово антагонистическим, из противоречий отчуждения труда. Коммунистическое преобразование мира — такая историческая задача, решение к-рой равносильно устранению всякого отчуждения и к-рая есть не что иное, как исторически истинное должествование. В этой перспективе сущность человека предстает как совокупность (ансамбль) общественных отношений, к-рая находится в непрестанном становлении, в процессе раскрытия человеческих потенций. *«Человеческая сущность и есть истинная общность людей»* (там же, с. 447), включающая в себя неисчерпаемое многообразие конкретных типов социальности и способов *общения*. Человек и есть прежде всего субъект общения, связывающего его бесчисленными узами с др. людьми, со всем миром. Эти узы историчны. В противовес антропологизму *Фейербаха*, прудонизму (*Прудон*), «истинным социалистам» и др. М. рассматривает нравственный идеал с позиций историзма. Для М. история не фон для «морализующей критики», а противоречивый процесс реальной гуманизации человека. Поэтому для верной философско-этической ориентации в познании исторического процесса содержательная логика мышления должна быть подлинно диалектической. Такая логика и позволила М., несмотря на все формы отчуждения, увидеть в об-ве «про-

дукт взаимодействия людей», понять исторический процесс как созидание общественной действительности самими людьми и сделать вывод, что «общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития...» (т. 27, с. 402—403). Т. обр., М. смог вскрыть гуманистический смысл и нравственные критерии коммунистической революционности в противоположность грубому («казарменному») лжекоммунизму: «...революция необходима не только потому, что никаким иным способом невозможно свергнуть *господствующий* класс, но и потому, что *свергающий* класс только в революции может сбросить с себя всю старую мерзость и стать способным создать новую основу общества» (т. 3, с. 70). Социалистическая революция не есть просто изменение порядка вещей, использующее людей как средство. Изменяя мир, люди изменяют самих себя, совершают революционный процесс самоперевоспитания. Такой подход к человеку противостоит концепциям, лишаящим конкретную личность нравственной самостоятельности и противопоставляющим ей «метафизическую фикцию» стоящих над нею социальных институтов (т. 4, с. 14). С середины 40-х гг. и до самой смерти М. работает над «Капиталом», в к-ром развернуто представлены открытие господства экономики над людьми и овеществленных форм производственных отноше-

ний над культурой, а одновременно открытие пути к преодолению этого господства, пути в «истинное царство свободы» — в коммунизм. За отношениями вещей, поработившими людей, М. увидел и исследовал отношения между самими людьми — производственные отношения. За персонификациями экономических категорий, за ролями и масками экономических персонажей («агентов» собственно материального производства) он увидел не только исполнителей, но и авторов их собственной исторической драмы. М. строго разграничил общеисторическую объективную логику, по к-рой люди делают свою историю, и исторически преходящие формы осуществления этой объективной логики — формы отчуждения, деперсонификации, расщепления человека антагонистическим разделением деятельности. Создав «Капитал», М. дал образец диалектики как логики. Хотя в теории М. нет ни грана субъективистского *морализирования*, она отнюдь не нейтральна. Она — не инструмент, не рассудочный аппарат, ограниченный сферой средств и безотносительный к целям; она есть подлинная философия человека. Ведь она постигает не одну только объективную диалектику мира природных объектов, но и действительную диалектику культурно-исторического процесса, т. е. богатство человека как субъекта. Она есть логика человеческого разума, не только познающего объ-

екты, но и продуцирующего цели, оценивающего (*Разум нравственный*). Марксов коммунистический идеал не есть готовое «образцовое» состояние, с к-рым надо сообразовываться. Это процесс разрешения конкретных противоречий «предыстории» человечества, непрерывно обогащаемая цель действительной борьбы. Он нацеливает на преодоление разделения (прежде всего классового) деятельности, к-рое разделяет самого человека, и тем самым на создание возможностей для целостного его развития (*Всестороннее, целостное развитие личности*); на освобождение человека от роли агента в непосредственном процессе собственно материального производства, с тем чтобы не рабочее, а свободное время сделать мерилom его богатства; на превращение развития всех человеческих сущностных сил из средства, подчиненного «внешней целесообразности», в процесс, подчиненный самому же всеобщему развитию, «абсолютному движению становления» (т. 25, ч. II, с. 386—387; т. 46, ч. I, с. 476). Эти требования суть исторические и одновременно истинные нравственные требования. В 70-х гг. М. столкнулся с начавшим складываться экономическим материализмом, к-рый выхолащивал из марксизма его этический смысл, т. к. увековечивал господство экономики над культурой, сводил историческую действительность к экономике и ее служебным придат-

кам, а людей — к экономическим персонажам с predetermined ролями. М. резко отмежевывается от такой вульгаризации его идей (т. 35, с. 324). Подлинный марксизм вбирает в себя все достижения не только материальной и научно-познавательной, но и духовно-нравственной культуры человечества. Для него свободное развитие каждого есть условие и смысл развития всех (т. 4, с. 447).

МАРСЕЛЬ (Marcel) Габриель (1889—1973) — фр. философ, глава т. наз. христианского экзистенциализма. Центральное место в философии М., к-рую сам он предпочитал называть «неосократизмом», занимают проблемы морали. Критикуя пороки и противоречия совр. буржуазного об-ва, он, однако, связывает либерально-буржуазную демагогию, тенденцию к деперсонализации человека в этом об-ве и сциентистскую ориентацию в познании с утверждением рационализма в мышлении и демократическими идеалами Просвещения. Утраченное чувство «интимности» с бытием и с людьми может быть обретено, полагает М., лишь путем вдумчивого отношения человека к собственной жизни (*recueillement* — внутренняя сосредоточенность, ведущая к мудрости), внимания к нравственным предпосылкам познания («вторичная рефлексия», антитеза «проблема — таинство»). Важнейшим условием подлинно нравственного существования, по М., является критически диффе-

ренцированное отношение к «готовым» социальным нормам, официальным ценностям (само введение понятия «ценности», утверждает М., свидетельствует о «девальвации» реальности) и лозунгам. Первостепенное значение в философии М. приобретают проблемы внутренней свободы, выбора, ответственности. Однако, в отличие от *Сартра*, М. признает реальные пределы, на к-рые в буржуазном об-ве наталкивается свобода индивида: с человека нельзя спрашивать «за все». Он не может реализовать себя полностью, он несводим к своему «наличному существованию». Вера в трансцендентное, в бога, становится, по М., последним оплотом индивидуальной свободы. Апеллируя к религии, М. пытается смягчить ригоризм нравственных требований, предъявляемых др. экзистенциалистами к индивиду. Такие категории экзистенциализма, как «вовлеченность» (*engagement*), «риск» и др., хотя и отражают, с т. зр. М., то реальное, чем движим человек в конкретной ситуации, слишком субъективны, безысходны в своем трагизме. Ввиду этого следует признать их частный характер при истинах всеобъемлющего значения (религиозных). Однако вера, в интерпретации М., противоположна рациональному убеждению: от ее имени не могут быть вынесены окончательные суждения, категорические оценки. Неотъемлемое достоинство человека — это его эмоциональный мир,

переживания, в к-рых он выражает себя наиболее полно. Этическая программа М., характерная для экзистенциализма в целом, во многом расходилась с официальным томизмом. В поэтическом одухотворении природы М. видел способ возвращения совр. человеку чувства «гармонии с миром». Политические взгляды М. отличались консервативностью. Осн. произв., раскрывающие этическую концепцию М.: «Метафизический дневник» (1927), «Homo viator» (1944), «Люди против человеческого» (1951), «Закат мудрости» (1954), «Человек, ставший проблемой» (1955), «Философ и мир» (доклады, 1964), «В защиту трагической мудрости» (1968).

МЕЛИОРИЗМ (лат. *melior* — лучше) — т. зр. на соотношение добра и зла в процессе развития мира, претендующая на преодоление крайностей *оптимизма* и *пессимизма*. Термин «М.» был введен англ. писательницей XIX в. Дж. Элиот. Подробно принцип М. был разработан англ. бурж. психологом и этиком Дж. Селли в книге «Пессимизм (история и критика)» (1877). Он считал оптимизм и пессимизм равно односторонними т. зр. Абсолютный оптимизм, как его трактует Селли, связан с представлением о том, что зло скоропреходяще, что в жизни человека преобладает благо и поэтому существенно менять ее не имеет смысла; пессимизм же, напротив, означает, что в мире всегда преобладают зло и страдание и что

улучшить его невозможно. Т. обр. оба эти принципа, полагает Селли, парализуют практическую активность человека. Предлагаемый им средний путь состоит в том, чтобы признать зло неизбежным, но верить, что об-во постепенно улучшается, что человек своими действиями способен расширять сферу добра и увеличивать количество счастливых. Различные варианты теории М. развивают, напр., и нек-рые амер. буржуазные философы (Дьюи, Д. Дрейк, Р. Перри). Марксизм видит несостоятельность принципа М. в том, что он изображает соотношение добра и зла в жизни человека как извечное противопоставление абстрактных, внеисторических начал. Марксистская философия отстаивает т. зр. оптимизма, к-рую, однако, нельзя сводить к полной удовлетворенности существующим. Оптимизм предполагает веру (основанную, разумеется, на науке и опыте) в безграничный прогресс человека и об-ва. Но этот процесс не является автоматическим. Он реализуется лишь в социально-классовой борьбе за лучшее будущее. Сами задачи и цели такой борьбы, выражающиеся в моральном сознании в виде понятий добра и *идеала*, имеют исторически конкретный характер. Несостоятельность М. заключается также в том, что он предписывает людям постепенный, оппортунистический путь бесконечного приближения к добру и отрицает революционную практику как путь достижения социальной

справедливости (в этом смысле ему близка т. наз. теория малых дел).

МЕСТЬ — действие, представляющее собой акт расплаты за причиненное человеку в прошлом зло, осуществляемое по принципу «Око за око, зуб за зуб». При родовом строе М. являлась способом общественного *воздаяния*, осуществлявшегося в соответствии с примитивной формой понимания справедливости. «Безопасность индивида зависела от его рода; узы родства являлись мощным элементом взаимной поддержки; нанести кому-либо обиду значило обидеть его род» (Архив Маркса и Энгельса, т. IX, с. 67). С возникновением государства функция воздаяния переходит к нему. Поэтому М. приобретает форму индивидуального действия, подменяющего общественное осуждение причиненного зла и понесение соответствующего наказания за него. Иногда она может быть направлена не только против причинителя зла, но и против его родных и близких (кровная М.). Уже христианская мораль осуждает М., противопоставляя ей принцип непротивления злу насилием (*Любовь, Смирение, Терпимость*). Однако во всей истории об-ва, основанного на частной собственности, где каждый человек должен в основном сам отстаивать свои интересы перед др., М. остается неизбежным явлением во взаимоотношениях людей (требование «удовлетворения» посредством дуэли в дворянской морали,

денежная компенсация нанесенного «морального ущерба» в буржуазном об-ве). Коммунистическая нравственность исключает М. из принципов поведения личности. Социалистическое об-во берет на себя охрану интересов каждого человека, поэтому личная М. рассматривается как незаконное присвоение личностью моральных и правовых функций об-ва, считается правонарушением или нравственно недопустимым актом. И само об-во, осуществляя правовые санкции, руководствуется не М., а целью предупредить правонарушения в дальнейшем, перевоспитать преступника, когда это представляется возможным. В. И. Ленин считал М. недопустимой даже по отношению к классовым врагам. Необходимость революционного насилия диктуется не требованием М. за прошлое угнетение, а формами сопротивления контрреволюции. Наказание военных преступников не акт М. по отношению к побежденной стране, а ограждение человечества от повторения подобных преступлений в будущем.

МЕТАЭТИКА — понятие, введенное *неопозитивизмом* для обозначения философской теории морали, взятой в противоположность *нормативной этике* отвлеченно от моральных проблем. Противопоставление неопозитивистами М. и нормативной этики связано с отрицанием ими возможности обоснования моральных суждений научным путем и одновременно обус-

ловлено их стремлением создать философию морали, «нейтральную» по отношению к каким бы то ни было нравственным убеждениям и принципам. Сфера М., с т. зр. неопозитивистов, должна быть ограничена анализом *логики морального языка*, пояснением значения моральных терминов и суждений (*Язык моральный*). Все эти методологические и логические проблемы, действительно имеющие большое значение для этической науки в целом, неопозитивисты пытаются решать формально-логическим путем или путем простого описания способов мышления, к-рыми пользуется обыденное моральное сознание. Такой поверхностный, неисторический подход к исследованию морали, отсутствие анализа ее социальной природы и функций в об-ве обуславливают научную бесплодность этики неопозитивистов. Кроме того, чисто описательное изучение морального языка приводит неопозитивистов к некритическому перенесению в этическую теорию нек-рых предрассудков буржуазного сознания, а также характерных для него *индивидуализма, нигилизма, догматизма* и т. п. Задачу критики неопозитивистской М. следует, однако, отличать от вопроса о возможности выделения методологических и логических проблем этики в особую область, отличную от нормативной этики. Сам термин «М.» иногда употребляется и исследователями-марксистами для обозначения данной области этики.

МЕЩАНСТВО — моральное *качество*, в общей форме характеризующее *образ жизни* и мышления, к-рому присущи ограниченность жизненных идеалов узко личными интересами, проявление трусости и приспособленчества в политическом отношении, *ханжества* в морали, вульгарности во вкусах; близко по значению к *пошлости*. Первоначально понятие М. имело лишь социально-экономический смысл (в дореволюционной России так называлась городская мелкая буржуазия). Но уже с середины XIX в. под влиянием комедии Ж. Б. Мольера, рус. перевод к-рой был озаглавлен «Мещанин во дворянстве», в этот термин стали вкладывать определенный морально-эстетический, а затем и идейно-политический смысл, характеризуя им миропонимание и поведение, типичные для данной прослойки. М. метко охарактеризовал В. Г. Белинский: «...есть еще середина, которая... часто бывает хуже крайностей...» Это сословие, «которое на низшее смотрит с благородным презрением и чувством собственного достоинства, а на высшее с благоговением. Оно из всех сил хлопочет быть их верною копиею; но назло себе остается каким-то средним пропорциональным членом, с собственной характеристикой, которая состоит в отсутствии всякого характера, всякой оригинальности и которую всего вернее можно выразить мещанством во дворянстве». С тех пор под М. стали понимать сужение жиз-

ненных интересов стремлением к личному счастью (т. наз. «мещанское счастье»), хамское презрение к низшим по социальному положению людям и раболепство перед высшими слоями общества, вульгарность во вкусах. Против М. в его политическом и моральном смысле активно выступали в своих статьях прогрессивные деятели культуры России и Запада, а с конца XIX в. — В. И. Ленин и М. Горький. В лексиконе социалистического общества термин «М.» означает стремление «устроить жизнь» любыми средствами, приспособиться к обстановке и найти пути к «успеху по службе» и личному процветанию, рабскую подражательность во вкусах или приверженность тому, что считается «стильным», попытки внешне выделиться среди массы людей, доказать свое превосходство и оригинальность, трусливую беспринципность в общественно-политической жизни. Коммунистическая нравственность осуждает всякие проявления М. Важнейшей формой борьбы с ним является воспитание у людей коммунистической сознательности, духовной культуры и высоких эстетических вкусов.

МИЛЛЬ (Mill) Джон Стюарт (1806—73) — англ. философ-позитивист, агностик и субъективный идеалист, логик, экономист, систематизатор утилитаризма в этике (этот термин впервые взял М.). Вслед за Бентамом отстаивал положение, что целью человеческой жизни является достижение сча-

стья. Однако, в отличие от последнего, счастье связывал не с количеством, а с качеством удовольствий, разделяя их на низшие (чувственные) и высшие (интеллектуальные). Только высшие удовольствия соответствуют нравственной природе человека, чувству собственного достоинства. М. стремился сгладить банальности этики Бентама, согласовать принцип эгоистической пользы с традиционными ценностями буржуазного сознания: совестью, долгом, уважением юридических законов и общественного мнения, практикой частной благотворительности. Критерием при определении качественного превосходства одного удовольствия над др. М. считал общественное мнение, а в спорных случаях — мнение большинства («нравственный плебисцит»). Долг связывается у него с применением таких средств для достижения личной цели, к-рые бы не ущемляли общего счастья. Последнее определяется М. как величайшая сумма общего блага, к-рое ассоциируется с общественным благосостоянием, порядком, стремлением к добродетели. К числу добродетелей М. относит принцип альтруизма, в основе к-рого лежит «чувство общительности», смягчающее эгоизм. Оно постепенно возрастает с развитием цивилизации. Высшая из общественных добродетелей — справедливость — обязывает соблюдать законные права личности (свободу и право собственности), платить добром за

добро, не обманывать и быть беспристрастным. Знакомство с чартистским движением привело М. к *этическому социализму*, поддержке либеральных рабочих организаций, стремившихся парламентскими средствами воздействовать на политику буржуазного правительства. Этические взгляды М. изложены в последней главе 6-й книги «Система логики» (1843, рус. перевод 1865—67, 1878 и др.) и в соч. «Утилитарианизм» (1863, рус. перевод 1866—69, 1900).

МОДА — кратковременная форма стандартизированного массового поведения, возникающая преимущественно стихийно, под влиянием доминирующих в данный период и в данном об-ве настроений, вкусов, увлечений. В процессе общения люди оказывают друг на друга влияние. Одна из его форм — взаимная передача особенностей своего выразительного облика и поведения (речь, одежда, мимика, манеры и т. п.), трансляция внешних форм культуры, осуществляемые на базе психологического механизма подражания, внушения и массового «психического заражения». М. возникает как определенный тип поведения и *стиля жизни* человека, хотя следование ей начинается, как правило, с восприятия и подражания вещам, предметам, манерам, т. е. модным «знакам». Выступая в роли регулятора человеческого общения, М. является своеобразным дополнением к традициям и обычаям, неофициально

узаконивается властью массовой привычки и охраняется силой общественного мнения. Как общественное явление, М. тесно связана с образом жизни, с социально-экономическими и культурными условиями. Восприимчивость к М. и характер следования ей во мн. зависят от самого человека, от его самостоятельности, уровня сознания, культуры, нравственного и эстетического развития. Т. обр., социальная и идеологическая направленность М. определяется ценностными ориентациями об-ва и личности, к-рые и обуславливают характер и динамику ее развития. М. может содействовать укреплению чувства общности и взаимного уважения людей, для к-рых соблюдение общественных условностей, норм хорошего вкуса и выработанного поколениями опыта общежития есть не формальная обязанность, а выражение внутренней потребности. Поскольку М. затрагивает и отражает облик человека лишь поверхностно, следование ее образцам не может служить мерой оценки нравственного мира человека. Однако излишняя приверженность М., несамостоятельность в следовании ее образцам, некритическое заимствование инородных модных стандартов, противоречащих сложившемуся в данном об-ве образу жизни (напр., использование нек-рых крайних форм буржуазной М. в социалистическом об-ве), может отрицательно сказаться на духовном развитии

личности. Болезнь «модничанья» становится общественно опасной, если внешняя, «вещная», сторона жизни превалирует над внутренней, духовной, и человек оказывается под влиянием потребительской психологии (*Потребительство*). Использование механизма М. в условиях социалистического общества соотнобразуется с задачами эстетического и нравственного воспитания и формирования всесторонне развитой личности, с коммунистическим идеалом человеческого общежития.

МОНТЕНЬ (Montaigne) Мишель (1533—92) — фр. просветитель, философ-скептик. На формирование философии М. большое влияние оказали *Сократ, Сенека, Эпикур, Плутарх*. Его этические воззрения, для к-рых характерна материалистическая тенденция — «жизнерадостное свободомыслие, подготовившее материализм XVIII века» (*Маркс К., Энгельс Ф., т. 20, с. 346*), изложены в «Опытах» (3 книги, 1580—88) — произв., отразившем настроения передовых слоев общества эпохи Возрождения. В центре внимания М. — «наука о человеке», к-рую он толкует в духе *гедонизма*: «удовольствие — одно из гл. видов пользы». М. выступал против христианского учения об умерщвлении плоти, самоотречении и проповедовал индивидуализм, разумный эгоизм (*Эгоизма теории*). Отвергая религиозный аскетический идеал, М. считает, что человек должен пользоваться всеми благами жизни. А достигнуть

этого можно, живя согласно природе и обеспечив тем самым счастливое состояние духа. Но для того, чтобы правильно следовать природе, необходимо познать самого себя. Нравственный идеал, по М., в том, чтобы жить согласно разуму: если страдание, наслаждение, любовь, ненависть подчиняются разуму, возникает *добродетель*, а «все прочее — царствовать, накапливать богатства, строить — все это, самое большее, дополнения и довески». Т. к. жизнь складывается из противоположных тенденций, задача достижения счастья состоит в нахождении пути, на к-ром человек будет усиливать радости и ослаблять беды. М. призывает к умеренности в удовольствиях: «Невоздержанность — чума для наслаждения». Из этической концепции М. вытекают его воззрения на воспитание, оказавшие большое влияние на педагогическую мысль того времени и не потерявшие своего значения до сих пор. М. считает, что воспитатель должен учить не отдельным конкретным знаниям, а пониманию существа дела. Надо, чтобы заучиваемое стало «собственностью» ученика. Осн. цель воспитания, по М., состоит не в подготовке узкого специалиста, а в формировании личности.

МОНТЕСКЬЕ (Montesquieu) Шарль Луи (1689—1755) — фр. философ-просветитель, политический мыслитель, историк. Проявлял пристальный интерес к нравственной философии. Деист, тяго-

тевший к материализму, М. считал основой нравственности природу человека, естественные отношения между людьми, устанавливающиеся в силу природы вещей. Однако, принимая общие предпосылки естественно-правовой теории, М., в отличие от авторов последовательно-рационалистических концепций, отрицал возможность построить на их основе универсальную систему «естественных законов», ибо условия существования и характеры народов не одинаковы. Определяющими нравы людей факторами он считал прежде всего факторы физические — географическую среду, придавая особое значение климату. Так, холодный климат, по М., образует людей мужественных и крепких, жаркий — расслабленных и малодушных, склонных к чувственности. Нравы людей зависят также от окружающей человека общественной среды, к-рая совпадает у М. с понятием политического строя и законодательства. Различая в истории три формы правления, М. выше всего в моральном отношении ставит республику, где господствует принцип политической добродетели — любовь к законам, отечеству, готовность жертвовать собой в его интересах. В монархии осн. нравственным принципом является честь, под к-рой М. имеет в виду предрассудки, связанные с чинами, родовитостью и т. п. С философской т. зр., считает М., это «ложная честь»; он подвергает

резкой критике нравы знати феодально-абсолютистской монархии (хотя, как идеолог политического компромисса буржуазии и дворянства, М. в области практической политики был сторонником умеренно-конституционной монархии). К деспотизму, т. е. не ограниченному законами правлению одного лица, М. относился резко отрицательно, поскольку господствующим принципом там является страх. Скептически равнодушный в вопросах религии, М. резко критиковал религиозную догматику и этику. Однако, в отличие от материалистов, он признавал нравственное значение религии в обществе его т. зр., религия нужна для социального порядка, она смягчает деспотизм, улучшает нравы подданных и их правителей. Осн. соч., в к-рых раскрываются этические взгляды М.: «Персидские письма» (1721), «О причинах величия и падения римлян» (1734), «О духе законов» (1748).

МОРАЛИЗИРОВАНИЕ — оценка тех или иных общественных явлений, основанная не на анализе объективных закономерностей развития действительности, а на абстрактных идеалах и пожеланиях. Такая оценка, выносимая без понимания сущности явлений, бывает обычно следствием неправомерного распространения принципов и критериев морального сознания на те области практической и теоретической деятельности людей, где применение только их явно недостаточно. При

этом научное познание действительности, понимание законов ее развития подменяется субъективными представлениями о желаемом ходе событий, нравственным негодованием, когда эти события развиваются вопреки намерениям моралистов. Так, по сути дела, не выходили за рамки М. учения буржуазных просветителей, различных проповедников «идеального об-ва». М. враждебно духу марксизма-ленинизма, к-рый учит людей учитывать в своих действиях объективную историческую необходимость, научно подходить к законам общественного развития. На недопустимость М. в науке и политике впервые указал К. Маркс в своей статье «Морализирующая критика и критицизирующая мораль». Морализатор, пишет он, сводит анализ отношений собственности к «простым вопросам совести и фразам о справедливости... Из области истории он убегает в область морали и здесь может пустить в ход всю тяжелую артиллерию своего нравственного негодования» (т. 4, с. 301, 305). В. И. Ленин подвергает критике морализаторский подход к истории у народников, к-рые «исходят в своих рассуждениях из «идеалов», нисколько не задумываясь о том, что эти идеалы могли явиться только известным отражением действительности, что их, следовательно, необходимо проверить фактами, свести к фактам... Марксист исходит из того же идеала, но сличает его... с суще-

ствующими классовыми противоречиями, и формулирует его поэтому... как требование такого-то класса, порождаемое такими-то общественными отношениями (которые подлежат объективному исследованию) и достижимое лишь так-то вследствие таких-то свойств этих отношений. Если не свести таким образом идеалы к фактам, то эти идеалы останутся невинными пожеланиями, без всяких шансов на принятие их массой и, следовательно, на их осуществление» (т. 1, с. 435—436). Из этих указаний К. Маркса и В. И. Ленина и исходит Коммунистическая партия в своей деятельности. В условиях социалистического об-ва М. чаще всего проявляется в неправильных методах воспитания людей, в подмене действительного формирования убеждений, чувств, привычек назиданиями и нравоучениями, нравственным негодованием по поводу недостаточной сознательности людей.

МОРАЛЬ (лат. *moralis* — нравственный; *more* — нравы) — предмет изучения *этики*; форма общественного сознания, общественный институт, выполняющий функцию регулирования *поведения* человека. Во всяком об-ве действия громадного множества людей должны быть согласованы в совокупную массовую деятельность, при всем своем разнообразии подчиняться определенным общесоциальным законам. Функцию такого согласования и выполняет М.

наряду с др. формами общественной дисциплины, тесно переплетаясь с ними и вместе с тем представляя собой нечто специфическое. М. регулирует поведение человека во всех без исключения сферах его общественной жизни — в труде и быту, в политике и науке, в семье и общественных местах, хотя и играет в них неодинаковую роль (*Труда нравственность, Профессиональная этика, Быта нравственность, Брачно-семейная мораль*). Во всех этих сферах помимо М. действуют и др. регуляторы поведения — правовые нормы и декреты государства, производственно-административные распоряжки, организационные уставы и инструкции, указания должностных лиц. *Обычаи и традиции, общественное мнение, воспитание* — все эти формы общественного воздействия на поведение отдельных людей, хотя и связаны с М., не относятся к ней целиком (к примеру, национальные традиции, эстетические нормы в быту, воспитание трудовых навыков). М. того или иного общества прежде всего предполагает определенное содержание поведения, то, как принято поступать, — *нравы*. Но поскольку один и тот же поступок может одновременно обладать экономическим, политическим, правовым, моральным и эстетическим значением, отличить специфически нравственную сторону поведения во всем многообразии общественной деятельности человека можно лишь по спосо-

бу, каким регулируются поступки. Экономическое регулирование осуществляется через материальные интересы людей. Нормы права (*Мораль и право*) закрепляются в официальном законодательстве и поддерживаются силой государственного принуждения. Административные формы контроля осуществляются через распределение обязанностей и официальных полномочий между должностными лицами. Нравы же повседневно воспроизводятся в жизни общества силой массовой привычки, властью общепризнанной и поддерживаемой всеми дисциплины, общественного мнения. Выполнение каждым моральных требований контролируется всеми. При чем *авторитет* того или иного человека в вопросах нравственности не связан с к.-л. официальными полномочиями, реальной властью или общественным положением, а является духовным авторитетом. Он зависит от того, насколько правильно этот человек понимает смысл моральных требований и выполняет их. В отличие от простых обычаев, нравы поддерживаются не просто силой заведенного и общепринятого порядка, а получают идейное обоснование в представлениях о том, как должно поступать. Простейшие из них — *нормы* в свою очередь обосновываются как разумные и целесообразные посредством более сложных форм сознания — моральных *принципов, идеалов, понятий добра и зла* и пр. Все эти представления объединяются в

стройную систему воззрений на назначение человека и *смысл жизни*. Роль сознания в нравственности особенно велика. Каждый поступок, линия поведения или *образ жизни* в целом могут быть мотивированы и оценены. Моральные требования, предъявляемые к людям, и контроль за их выполнением осуществляются средствами духовного воздействия — через чувство *долга*, к-рый каждый человек должен осознать и сделать *мотивом* своего поведения, и через *оценку* и *самооценку* его поступков. *Ответственность* в морали, в отличие от права, имеет не материальный, а идеальный, духовный характер (*Поощрение и наказание*). Опираясь на выработанные об-вом нравственные представления, усваивая их, отдельный человек может в той или иной мере самостоятельно регулировать свое поведение и судить о моральном значении всего происходящего вокруг него. Т. обр., в М. человек выступает не только как объект общественного контроля, но и как самостоятельная личность (субъект), обладающая своим собственным нравственным *самосознанием* — *убеждениями, чувствами, склонностями, совестью*. Следовательно, М. складывается из нравственной *деятельности*, поведения людей, поступков, особым образом мотивированных; моральных *отношений* людей, характерного для нравственности способа регулирования поведения. Нравственная деятельность и отношения отража-

ются и закрепляются в моральном *сознании*. Единство всех этих сторон определяет природу и специфику М. Между этими сторонами М. могут возникать противоречия. Известное несоответствие всегда существует между требованиями, предъявляемыми к людям, и тем, как они ведут себя. Это несоответствие может проявляться в отдельных отклонениях от моральных норм (*Пережитки*), но может принять и всеобщий характер, напр. в периоды кризиса определенной общественно-экономической формации. М.— явление историческое, она изменяется и развивается в ходе общего прогресса человеческого об-ва. В истории сменяют друг друга следующие осн. типы М.: общинно-родовая, рабовладельческая, феодальная, *буржуазная мораль* и *коммунистическая нравственность*. Та или иная М. в конечном счете служит утверждению и укреплению (или же ниспровержению) существующих общественных отношений. В классовом об-ве и М. имеет классовый характер. Господствующая М. выполняет функцию охраны интересов правящего класса, в то время как эксплуатируемый класс, по мере того как осознает несправедливость существующих отношений и вступает в борьбу с ними, вырабатывает свою собственную, революционную М., противоположную той, к-рую ему навязывают. Вместе с тем в развитии М. наблюдается определенная преемственность, отражающая историче-

ский прогресс общечеловеческой культуры, а также известную общность условий социальной жизни в различные исторические эпохи и разных социальных групп (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). «...В морали, как и во всех других отраслях человеческого познания,— пишет Ф. Энгельс,— в общем и целом наблюдается прогресс» (т. 20, с. 96). В этом прогрессе можно установить некоторые определяющие черты (*Прогресс нравственный*): 1. При смене одних форм М. др. в целом постепенно возрастает мера *человечности* в отношениях между людьми. Уже в первобытном об-ве возникают простейшие формы взаимопомощи, исчезает обычай людоедства. С возникновением племенных союзов и государства начинает отмирать родовая *месть*. М. феодального об-ва в принципе осуждает убийство крепостного, тогда как убийство раба считалось частным делом рабовладельца. В буржуазной М. утверждается принцип уважения к личности, хотя и в крайне уродливой форме (*Индивидуализм*). Высшей гуманностью отличаются принципы коммунистической нравственности. 2. Все более глубокий смысл приобретает понятие *справедливости*, причем в нем подразумеваются все новые стороны *равенства* людей. И сам принцип равенства в М. получает все более широкое значение. Всякой классовой М. присуще внутреннее противоречие. С одной сто-

роны, она претендует на то, чтобы быть всеобщей, распространяющейся на всех людей (таково не только формальное условие всякой М., но и воля господствующего класса, стремящегося подчинить своей М. все остальные классы). Но с др.— эта М. остается классовой по содержанию, и повиновение ей фактически имеет различный смысл для угнетенных и правящих классов. Буржуазная М., устранив принцип сословности (*Честь*), вместе с тем сохранила на практике различие в подходе к поведению разных классов. Это противоречие полностью преодолевается лишь в коммунистической нравственности. «Мораль,— говорит Ф. Энгельс,— стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике» (там же). 3. По мере прогресса моральных отношений возрастает роль *личности* в общественном процессе регулирования поведения. В первобытном об-ве, как указывает В. И. Ленин, социальная дисциплина держалась «силой привычки, традиций, авторитетом» (т. 39, с. 69) старейшин рода. Здесь не могло быть речи о личной *сознательности*, т. к. индивид еще не отличал себя от рода и не задумывался над тем, почему он повинуется его требо-

ваниям. Лишь в более поздний период родового строя, отмечает К. Маркс, возникает понятие личного *достоинства*. Отдельный человек уже способен выступить самостоятельно от имени интересов рода. В период разложения родового строя и развития государственно-политических отношений от человека уже начинают требовать, чтобы он совершал определенные действия, повинаясь своему моральному чувству и собственному самосознанию. В эпоху Реформации осознание человеком нравственного значения своих поступков выдвигается в М. на первый план (*Моральной доброты теория*). Но в силу классового характера М. общественные требования в эксплуататорском об-ве воспринимались личностью как нечто внешнее и часто вступали в противоречие с ее совестью. Лишь с уничтожением классов, в процессе построения коммунистического об-ва, полностью преодолевается противоречие между отдельным человеком и обществом в целом и создаются условия для действительно свободной и сознательной моральной деятельности личности (*Самодеятельность и творчество, Свобода нравственная*). 4. Чем выше мера гуманности отношений между людьми, тем шире сфера действия нравственности в жизни об-ва. Но эта мера зависит не от развития морального сознания правящих классов, а в осн. от способности трудящихся масс ска-

зывать практическое влияние на государственную политику и экономику, отстаивать свои права в борьбе с эксплуатацией и несправедливостью. Лишь в социалистическом об-ве требования нравственности становятся законом всех сфер социальной жизни. По мере развития общественной активности и сознательности народных масс, утверждения коммунистических отношений происходит постепенное сужение сферы права и возрастает роль нравственного начала в повседневной жизнедеятельности людей.

МОРАЛЬ И ИСКУССТВО — две формы общественного сознания и духовно-практической деятельности человека, тесно связанные и взаимодействующие друг с другом. В основе их лежит единство *этического и эстетического* в явлениях общественной жизни. К И. в целом можно отнести название «человековедение», к-рое А. М. Горький дал литературе. И. помогает человеку осознать самого себя и свое место в мире, встающие перед ним проблемы *смысла жизни* и ее *ценностей*. В присущей тому или иному виду И. форме на арене изображаемой действительности сталкиваются между собой *добро и зло, интерес и долг, счастье* и назначение человека и др. элементы сферы нравственных представлений. Иными словами, значительную часть содержания И. составляют моральные проблемы. Эти же проблемы делает предмет своего рассмот-

рения *нормативная этика*. В И. эти проблемы получают выражение в художественной форме, решаются путем раскрытия определенных жизненных ситуаций и конфликтов, столкновения противоположных начал, исход борьбы между к-рыми далеко не всегда предопределен их нравственными достоинствами. И в этом отношении И. воспроизводило и осмысляло моральные проблемы человека гораздо богаче, многостороннее и диалектичнее, чем любая абстрактная теория или нравоучение. Это, конечно, не означает, что моральная проблематика исчерпывает содержание И. или что оно может заменить теорию М. Соотношение М. и И. выступает в более сложной форме. Художник, отражая к.-л. стороны действительности, всегда, намеренно или ненамеренно, изображает ее тенденциозно, самым способом ее освещения склоняет читателя, зрителя, слушателя к той или иной ее нравственной оценке. Его эстетическая позиция, т. обр., включает в себя определенную нравственную позицию. Морально совершенное выступает в И. как эстетически прекрасное. Даже тогда, когда в художественном произведении красивое и нравственное противостоят друг другу, это их противопоставление обычно имеет определенный моральный смысл, используется для доказательства превосходства внутренней, духовной, нравственной красоты человека над чисто внешней, физиче-

ской красотой (в этом смысле характерны образы В. Гюго — Гуинплен и герцогиня Джозиана в романе «Человек, который смеется», Квазимодо и Феб в романе «Собор Парижской богородицы»). Нравственное воздействие средствами И. на убеждения человека осуществляется отнюдь не путем рациональных доводов и логического доказательства очевидных преимуществ добродетели над пороком. Это — эмоционально-эстетическое воздействие, к-рое предполагает работу воображения, творческую активность воспринимающего субъекта, в т. ч. и осмысление им — под воздействием художественного произведения — собственного жизненного, нравственного опыта. Морально-политическая тенденция, пишет Ф. Энгельс, «должна сама по себе вытекать из обстановки и действия, ее не следует особо подчеркивать... писатель не обязан преподносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов» (т. 36, с. 333). Это единство нравственного и эстетического с наибольшей полнотой выражается в социалистическом И. «Человеческие отношения на производстве и в быту, сложный внутренний мир личности, ее место на нашей беспокойной планете — все это неисчерпаемая область художественных поисков» (Материалы XXVI съезда КПСС, с. 62). Свою воспитательную роль И. выполняет

тем успешнее, чем более многосторонне, глубоко и художественно оно отображает законы жизни, тенденции исторического развития, проблемы и противоречия действительности, чувства и мысли, стремления и поиски человека, создающего новое об-во. Требование органического единства идейности и жизненной правды в И. социалистического реализма обусловлено сочетанием в марксистском мировоззрении строгой научности и партийности, исторического оптимизма и критического отношения к действительности.

МОРАЛЬ И НАУКА.— На первый взгляд М. и н., будучи различными формами общественного сознания, представляются настолько далеко отстоящими друг от друга, что трудно установить между ними тесную связь. Научное мышление — это мышление теоретическое, к-рое основано на логической абстракции, имеет строго упорядоченный характер, анализирует объективные законы действительности и устанавливает истинное знание о них в форме определенных логических обобщений. Моральные же представления связаны гл. обр. с разрешением повседневных житейских проблем, в них переплетаются рациональные и чувственные элементы (понятия, убеждения и чувства, эмоции). Деятельность морального сознания направлена не просто на установление истины, знания, а на формулирование жизненных целей и правил поведения, на при-

нятие практического решения и выбор поступков. И тем не менее проблема соотношения М. и н. имеет большое значение для обеих, причем именно в условиях современности эта проблема приобрела особую актуальность. Наиболее важны два ее аспекта: первый касается значения М. для Н. (роль моральных принципов в деятельности ученого); второй — значения Н. для М. (возможность научного обоснования нравственных принципов). Первый аспект приобрел остроту в связи с буржуазным развитием Н. в XX в. Совр. Н. и техника дали в руки человека мощные средства созидания и разрушения. Научно-технические достижения, с одной стороны, могут служить интересам человека, способствовать созданию высокого материального и духовного уровня его жизни. Но они же могут быть использованы против человека, напр. для истребления миллионов людей, для увеличения безработицы в капиталистических странах, для дальнейшего экономического закабаления трудящихся, могут наносить ущерб человеческому здоровью и психике. Открытие атомной энергии, бурное развитие химии и генетики, автоматизация, радио, кино и телевидение, как оказалось, одновременно могут быть применены и на благо и во вред человеку. В таких условиях подлинный ученый не может оставаться бесстрастным искателем истины, безразличным к тому, как

она будет использована. Он должен осознать свою моральную *ответственность* перед об-вом, связанную с теми большими знаниями, к-рые оно ему дало, стать борцом за социальную справедливость, глашатаем высоких гуманных идеалов, объявить войну мракобесию и предрассудкам. В капиталистическом об-ве сама логика событий часто приводит представителей передовой Н. к критике существующих порядков и буржуазной идеологии. В социалистическом об-ве М. ученого требует от него активного участия в строительстве коммунизма посредством как научной, так и разнообразной общественной деятельности. Ученый не может оставаться безразличным к вопросам нравственности еще и потому, что сама практика научной деятельности постоянно ставит перед ним проблемы М. (*Профессиональная этика*). Второй аспект связан с необходимостью разрешения важнейших нравственных проблем современности, ответа на вопросы, в чем состоит подлинное назначение человека, *смысл жизни*, каковы должны быть ее цели, и прежде всего на коренной вопрос — какой общественный строй наиболее отвечает потребностям человечества. Мн. буржуазные философы, в частности представители *неопозитивизма*, пытаются снять с ученого ответственность за решение этих вопросов. Свой мнимый нейтрализм они обосновывают положением о

том, что истина и нравственность — несовместимые понятия, что *нормативная этика* не может быть научной и что «научная» философия М. лишена нравственного содержания (*Метаэтика*). Разрешение этих важнейших нравственных проблем осуществляется только в рамках марксистской этики, к-рая органически сочетает в себе строгую научность и партийность, объективную достоверность выводов и их практический нравственный смысл. Если марксистское учение требует «неумолимо объективного анализа действительности», писал В. И. Ленин, то это вовсе не означает, что общественный деятель «не должен симпатизировать тому или другому классу»; «ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса...» (т. 2, с. 547—548). Ленин указывает, что дело здесь не просто в субъективных умонастроениях ученого, а в объективной логике марксистского учения, к-рое «соединяет строгую и высшую научность (являясь последним словом общественной науки) с революционностью, и соединяет не случайно, не потому только, что основатель доктрины лично соединял в себе качества ученого и революционера, а соединяет в самой теории внутренне и неразрывно» (т. 1, с. 341). Практическое значение марксистско-ленинской этики для *коммунистического воспитания* людей и борьбы с пережитками буржуазной М. не

только не уменьшается, а, напротив, тем больше возрастает, чем дальше идет ее развитие как строго научной теоретической дисциплины.

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА — два способа регуляции поведения, две формы обоснования его в общественном сознании. Будучи относительно самостоятельными факторами общественной жизни, хотя и определяемыми в конечном счете развитием способа производства, М. и п. не могут быть сведены друг к другу. В противном случае имеет место или вульгаризация, выливающаяся, как правило, в политическое делячество и *цинизм*, или абстрактно-спекулятивный, морализаторский подход, игнорирующий реальные социально-политические условия и возможности. П., выражая отношения между классами, их борьбу за власть, в центр внимания ставит вопрос о политической целесообразности (т. е. наиболее эффективном выражении и обеспечении классовых интересов). М., также отражая классовые интересы, формулирует их по-своему, как универсальные требования, обращенные ко всем людям (и действительно содержит общечеловеческие элементы и аспекты). В центре внимания М. находятся проблемы не только обоснования благородства целей борьбы, но и оправданности, допустимости средств деятельности (*Цели и средства*). Эти особенности делали взаимодействие М. и п. в различные ис-

торические эпохи и в условиях разных социальных систем разнообразным, многоплановым. Политическая борьба сопровождается столкновением противоположных классовых моральных установок, а также попытками поставить на службу классового интереса те или иные нормы общечеловеческого общежития; тот или иной класс может, в зависимости от своей политической зрелости и уровня развития морального самосознания, выражать свои устремления как в формах стихийного морального энтузиазма, так и целенаправленного, последовательного политического действия. П. присущи определенная стратегия и тактика, законы классовой борьбы, нарушать которые нельзя безнаказанно, и вместе с тем в своих стратегических целях она содержит моральные *ценности* (идеалы) и имеет, следовательно, внутреннюю моральную (передовую или реакционную) ориентированность. П. в тактике, в выборе средств борьбы исходит из их эффективности и доступности, однако не может игнорировать проблему оценки их *общественным мнением*, их моральной оправданности, дозволенности и т. п. П. тем более эффективна, чем более она опирается на точные научные данные, на объективное знание ситуации, но и М. содержит в себе познавательное содержание (исторический нравственный опыт поколений), хотя и преломленное через оценку и повеле-

ние. П.— не только наука, но и искусство и, как всякое искусство, опирается на импровизацию, риск выбора, определяемого (особенно в условиях, когда на научный анализ недостаточно времени) моральными позициями участников борьбы. В условиях классово антагонистических об-в, когда эксплуататорские классы в целях сохранения своего господства шли на нарушение нравственных норм в политической борьбе, естественным было появление пессимистических взглядов на взаимоотношения М. и п. Китайские легисты, *Макиавелли*, *Гоббс* и мн. др. мыслители прошлого исходили в своих теориях из предпосылки, что П. и м. несовместимы, что политическая целесообразность и моральность взаимоисключают друг друга. Признание несовместимости М. и п. нашло свое выражение в двух противоположных мировоззренческих позициях: аморального политиканства и абстрактного *морализирования*. В первом случае упор делается только на П., а собственно нравственный смысл поведения игнорируется, М. третируется и попирается во имя «политической целесообразности» или превращается в послушное средство демагогического прикрытия политических целей. Во втором случае значение М. абсолютизируется, а реальные (политические) средства борьбы игнорируются или недооцениваются. Обе эти позиции в своей основе

противоположны марксистскому пониманию М. и п., к-рое исходит из того, что наиболее передовая, дальновидная и перспективная П. соответствует требованиям моральности. Основоположники марксизма-ленинизма требовали от участников коммунистического движения проведения такой П., к-рая, будучи эффективной в плане целесообразности, соответствовала бы принципам, идеалам коммунистической морали, ее гуманному смыслу и духу. М. воздействует на П. через нравственные оценки, ориентации, требования. П. воздействует на М., снабжая нравственное сознание масс пониманием реальных задач, условий и средств деятельности, раскрывая социально-политические интересы, стоящие за теми или иными моральными нормами. Задача состоит в том, чтобы добиться гармоничного взаимопроникновения социалистической П. и коммунистической М., их максимального внутреннего единства. Осуждая всякие нарушения соответствия между социалистической П. и М., коммунистические партии строят свои отношения с массами на основе принципов демократизма, взаимного доверия, всемерного развития *критики и самокритики*, *нравственной ответственности, честности, принципиальности, правдивости, человечности*. Высоко-нравственными являются принципы внешней П. социалистических государств: признание равноправия и суверенитета всех народов,

подлинное миролюбие, выражающееся в последовательном проведении курса на мирное сосуществование государств с различным социальным строем, в борьбе за разрядку международной напряженности, развитие *дружбы* и сотрудничества между народами, *солидарность* и товарищеская взаимопомощь с трудящимися др. стран.

МОРАЛЬ И ПРАВО.— Вопрос о соотношении *морали* и П. занимает одно из ключевых мест в марксистско-ленинском этическом учении. С этим вопросом связана принципиальная проблема о методах воздействия об-ва на человека. Как формы общественного сознания и общественных отношений М. и п. имеют между собой мн. сходного, поскольку выполняют общую социальную функцию: регулируют поведение людей в об-ве. И М. и П. представляют собой совокупность относительно устойчивых *норм* (правил, предписаний), выражающих волю господствующего в об-ве класса, а также в определенной мере — нек-рые общечеловеческие представления о справедливом и должном. Эти нормы имеют всеобщий характер, распространяются (по крайней мере формально) на всех членов об-ва. Несмотря на то что нормы П. носят, за редкими исключениями (т. наз. *обычное право*), писаный характер, т. е. официально провозглашаются государством, а нормы М. в основном живут в общественном созна-

нии, и М. и П. представляют развернутые системы правил поведения, охватывающие практически всю совокупность общественных отношений. П. подразделяется на области (уголовное, гражданское, трудовое, брачно-семейное, государственное, международное и т. д.), и нормы каждой из этих отраслей принято сводить в своды законов (кодексы). М., в свою очередь, включает разделы, регулирующие ту или иную сферу общественных отношений (*Труда нравственность, Профессиональная этика, Быта нравственность, Брачно-семейная мораль*), хотя здесь разграничение не столь четко выражено. Самое важное различие между М. и п. касается способа, каким они регулируют поведение людей. Исполнение норм П. обеспечивается при необходимости мерами принуждения (административными, уголовными и экономическими санкциями) с помощью специального аппарата правосудия, к-рое осуществляется должностными лицами. Требования М. поддерживаются силой общепринятых *обычаев, общественного мнения* или личной убежденностью индивидов. Моральная *санкция* осуществляется, т. обр., мерами духовного воздействия, причем не отдельными людьми, наделенными к.-л. особыми полномочиями, а всем коллективом, социальной группой, об-вом в целом. Большая часть общественных отношений регулируется одновременно нормами как П., так и М. Возни-

кающие иногда несоответствия между требованиями закона и нравственности в подавляющем большинстве случаев связаны не с различиями М. и п., как таковых, а с противоречиями внутри самих этих форм общественного контроля (между законодательством и его практическим осуществлением, между нормами общечеловеческой и классовой М., между требованиями общества и личной совести). Условия для преодоления противоречий между М. и п. создаются в ходе коммунистического строительства, по мере того как М. и п. постепенно утрачивают классовый характер, становятся общенародными. Этому процессу способствует в решающей мере то обстоятельство, что соблюдение нравственных принципов становится при социализме незыблемым законом политики и деятельности государства, а П. начинает все шире осуществляться силой общественного воздействия. Однако и в социалистическом обществе М. и п. не совпадают полностью. Так, хотя в принципе всякий антиобщественный поступок заслуживает морального осуждения, далеко не все из них караются мерами уголовного наказания. Процесс сближения и в конечном счете слияния М. и п. в форму общественного сознания, которая будет регулировать поведение людей и общественный порядок, носит длительный и сложный характер; завершение этого процесса связано с полным по-

строением коммунизма, отмиранием государства и заменой его коммунистическим общественным самоуправлением.

МОРАЛЬ И РЕЛИГИЯ.— Проблема соотношения М. и р., этих двух форм общественного сознания, имеет важное значение в этике, поскольку она непосредственно связана с вопросом о *критерии нравственности*. Религиозное воззрение на М. исходит из того, что вера в бога дает единственно возможное обоснование «возвышенных» нравственных принципов, которые якобы противоположны «низменным» склонностям человека и общественной жизни, погруженной в пороки. С этой т. зр. единственным источником нравственного начала в человеке является бог, который создал человека «по своему образу и подобию» и дал ему моральные *заповеди*. В пользу религиозного обоснования нравственности обычно выдвигаются следующие доводы: во-первых, человек по своей природе стремится к удовлетворению эгоистических интересов и поэтому не способен сам выработать моральные понятия; во-вторых, т. к. в общественной жизни *добродетель* не всегда вознаграждается, а порок часто не наказуется и торжествует, то выполнение людьми требований нравственности может обеспечить только их вера в существование загробной жизни, в ад и рай, где осуществляется справедливое *воздаяние* за добродетели и пороки, только

их *страх* перед «страшным судом»; в-третьих, все наиболее известные требования нравственности впервые были сформулированы в рамках религиозного учения, и поэтому, даже если не верить в бога, следует, дескать, признать ту положительную роль, к-рую сыграла Р. в развитии нравственного сознания человечества. Уже в Древн. Греции религиозное обоснование М. подвергается критике (*Эпикуреизм*). До нашего времени сохраняет также значение критика просветителями религиозного толкования нравственности. На множестве исторических примеров просветители показывали, что религиозная вера чаще приводила людей к преступлениям против М., чем к добродетели. Фр. материалисты противопоставили теологии теорию «разумного эгоизма» (*Эгоизма теории*), указывая, что человек, разумно понимающий свои интересы, будет подлинно моральной личностью, поскольку нарушение нравственных требований повлечет за собой ущерб для его же собственных интересов. Просветители исходили из представления о буржуазном об-ве, устроенном настолько разумно, что добродетель и порок будут автоматически получать в нем справедливое воздаяние. Поражение этой просветительской иллюзии привело к возрождению и укреплению религиозной традиции в понимании М. Кант полностью разделяет убеждение, что земные интересы

человека всегда эгоистичны, низменны и что М. немыслима без допущения вечной жизни и небесного воздаяния. В совр. капиталистическом об-ве аргументы в пользу религиозного обоснования М. получают распространение среди не только теологов, но и светских философов, социологов. При этом последние исходят, в частности, из следующего соображения: наука дала в руки человека могущественные средства к достижению преследуемых им целей, но она бессильна ответить на вопрос, к каким целям следует стремиться (*Цели и средства*). Этот вопрос, с их т. зр., можно разрешить только с помощью веры. Так в совр. капиталистическом об-ве терпит крах просветительская вера во всемогущество разума. Единственно научный ответ на вопрос о соотношении М. и р. дает марксистско-ленинская теория. Религиозная форма обоснования нравственности была одной из самых распространенных в предшествующей истории об-ва, поскольку она наиболее соответствовала характеру социальных отношений людей в классовом об-ве, где деятельные способности человека отчуждались (*Отчуждение*) от него самого и противостояли ему в качестве независимых от него сил (*Человек и общество*). Продукт сознания людей, М. выступала по отношению к своим творцам как нечто непонятное, чуждое, навязанное им извне. С расколом об-ва на антагонистические классы гос-

подставляющая М. стала все чаще приходить в столкновение с интересами трудящихся. Лишь с уничтожением эксплуатации создаются объективные предпосылки к отмиранию веры в божественное происхождение М. С др. стороны, даже в классовом об-ве религиозное мировоззрение всегда было лишь особой формой моральных представлений, способом их доказательства и истолкования, а не источником их содержания. Действительным источником моральных представлений были социальные условия жизнедеятельности людей, их реальные общественные потребности и интересы, к-рые всячески скрывались теологией. Поэтому Р. не имеет особых исторических заслуг перед человечеством в выработке нравственных представлений, требований, норм. Она включала в свои «божественные» заповеди лишь то, что стихийно вырабатывалось моральным сознанием об-ва (*Религиозная мораль*).

МОРАЛЬНОЙ ДОБРОТЫ ТЕОРИЯ — этическая концепция, сторонники к-рой считают, что в нравственной деятельности имеет значение не столько *деяние* (то, что сделано), сколько *мотив, побуждение*, т. е. то, во имя чего совершен поступок. Подобная т. зр. проповедовалась в религиозном учении *Лютера*, отдававшего предпочтение «внутреннему благочестию» перед «земными деяниями». Типичным представителем этой т. зр. является также *Кант*,

к-рый считал, что при выполнении морального *долга* важно не конкретное содержание поступков, а особое умонастроение человека, чувство безусловного повиновения долгу. Подобные взгляды можно встретить и в совр. буржуазной этике, напр. в *экзистенциализме* и *неопротестантизме*. Так, *Сартр* считает, что подлинная нравственность состоит не в выполнении определенных моральных требований, а в особом субъективном отношении к своим поступкам (в признании своей абсолютной ответственности за свои действия и обстоятельства своей жизни). Согласно же теологам-неоортодоксам, «подлинная» нравственность состоит не в попытках творить добро, а в признании человеком своей полной неспособности преодолеть зло и в отказе от «грешных притязаний» на моральное совершенство. Социальный смысл М. д. т. заключается в том, что она сосредоточивала внимание человека на внутреннем самосовершенствовании, часто преуменьшая значение практических результатов действия. В политической жизни такое понимание задач нравственности часто мешало трудящимся массам осознать необходимость вести борьбу за переустройство общественных отношений. Марксистская этика исходит из того, что при оценке поступков людей необходимо учитывать как характер самого деяния и его общественное значение, так и мотив поступка. Значение мотива

часто помогает раскрыть не только социальный смысл и направленность совершенного поступка, но и моральный облик человека, его совершившего. Исходя из этого, можно предположить, каким обр. данный человек может повести себя в дальнейшем (*Намерения и дела*).

МОТИВ (лат. *moveo* — приводить в движение, толкать) — внутреннее, субъективно-личностное побуждение к действию, осознанная заинтересованность в его совершении. Среди родственных понятий — стимул, *намерение*, *цель*, относящихся к идеальной стороне *поступка*, М. занимает особое место, являясь основанием поступка. М. реализуется в цели, хотя в практике нравственной деятельности возможны несовпадения цели и М. (стремление к общественной активности, напр., может быть мотивировано как желанием бороться с недостатками, так и карьеристскими устремлениями). По вопросу о подлинно нравственном содержании М. в истории этики предлагались самые различные решения, в зависимости от понимания природы и назначения морали. В качестве моральных М. выставлялись стремление к наслаждению, к счастью, «разумно понятый» частный интерес, служение богу, укрощение плоти (*Аскетизм*), повиновение *категорическому императиву* и т. д. Часто противопоставлялись друг другу «мораль добродетели» — стремление человека к добру и

«мораль долга», — самоподчинение человека моральному закону (*Формализм, Деонтология*). Марксистская этика преодолевает противоположность между моралью долга и добродетели, «внутренней» нравственностью М. и «внешней» моральностью деяния (*Легализм*). Поскольку требования морали, направлены на осуществление определенных социальных потребностей, прежде всего имеют значение сами действия, совершаемые людьми. Но помимо объективного результата всякого действия имеет значение также и его М., ибо мораль регулирует поведение людей в значительной мере посредством личного сознания каждого человека. В прямой зависимости от нравственного содержания М. определяется мера *ответственности (вины)* личности за совершенный поступок: она возрастает (отягчается), если негативный по последствиям поступок имел в основании антигуманные или эгоистические побуждения, и смягчается, если таким основанием были М.: сочувствия, жалости и т. п. В. И. Ленин указывал на различие (в «личном смысле») оценки аморальных поступков, совершенных «по слабости» и «по умыслу». Если человек действует (пусть даже сами эти действия соответствуют требованиям обстоятельств и нравственным нормам), руководствуясь не моральным М., а страхом перед наказанием, соображениями эгоизма, карьеризма, тщеславия, то в иных обстоя-

тельствах этот же человек (когда его интересы будут расходиться с общественными или если он почувствует безнаказанность своих поступков) способен совершить и безнравственное деяние. Поэтому марксистская этика рассматривает М. и деяние человека в тесном единстве. Особенно большое значение придается М. в коммунистической нравственности, к-рая предполагает сознательное служение личности интересам об-ва. Для социалистического об-ва важно не просто достижение той или иной цели, диктуемой конкретными обстоятельствами, но и то, как ее реализация в конечном итоге способствует осуществлению высшей цели — построению коммунизма, формированию нового человека. Поэтому коммунистическая нравственность специально формулирует ряд требований, имеющих отношение к М., — *идейность, сознательность, убежденность, принципиальность*, причем значение личной сознательности как регулятора поведения в процессе строительства коммунизма возрастает.

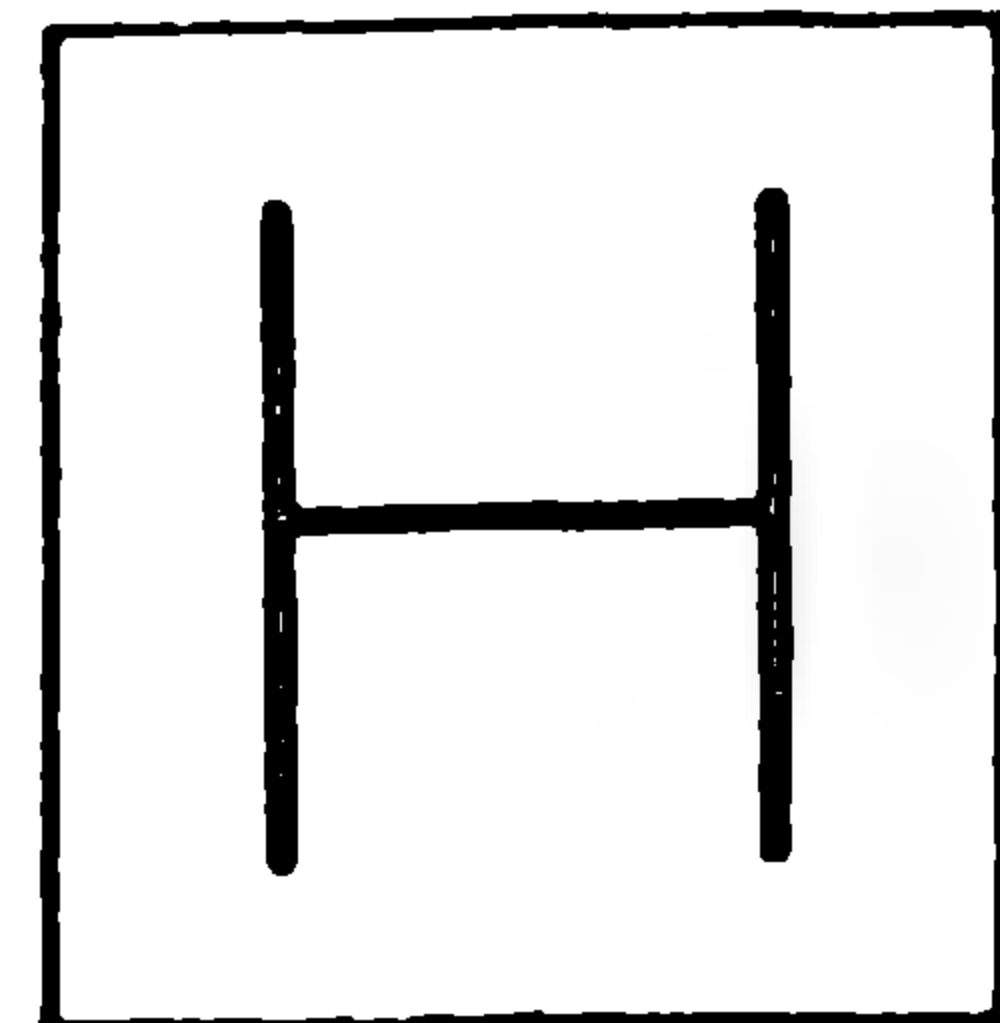
МУЖЕСТВО — моральное *качество*, характеризующее поведение и моральный облик человека, к-рому присущи *смелость, стойкость, выдержка, самообладание, самоотверженность*, чувство собственного достоинства. Выражается в способности человека действовать решительно и наиболее целесообразно в опасной и сложной обстановке, в умении мобили-

зовать все свои силы на достижение стоящей перед ним цели и в готовности пойти в случае необходимости на самопожертвование. Хотя М. — специфически волевое свойство личности и обычно связывается с особенностями психики человека, в истории морального сознания М. всегда придавался определенный социальный смысл. В классово антагонистическом об-ве М. чаще всего понимали как достоинство определенного сословия. Идеолог рабовладельческого об-ва *Платон*, напр., трактовал М. как специфическое качество касты воинов (тогда как добродетель мудрости приписывалась правителям и философам, а умеренность — трудящимся). Такое понимание М. сохраняется и в феодальном об-ве, где оно трактуется как добродетель рыцарства. Подлинно нравственный смысл вкладывает в понятие М. лишь коммунистическая мораль, к-рая применяет его для оценки соответствующих действий всякого человека, независимо от его социального положения, и в любой сфере жизни (в труде, в бою, в политике, во взаимоотношениях между людьми — смелость новатора, мужественное признание собственных ошибок, открытая критика невзирая на лица и т. д.). М. рассматривается коммунистической моралью как качество, необходимое для проявления *героизма*.

МУСУЛЬМАНСТВО — см. *Ислам*.

МУР (Moore) Джордж Эдуард (1873—1958) — англ. философ-неореалист, основатель *интуитивизма* в этике, а после раскола этого направления на два течения — глава аксиологического интуитивизма в Кембридже. Один из зачинателей метода *формализма* в этике, М. подверг формально-логическому анализу типичные теории морали прошлого и установил в них наличие логического круга в определении понятия добра: понятия, посредством к-рых определяется добро (напр., понятия наслаждения, счастья, интереса, воли бога — см. *Гедонизм, Эвдемонизм, Интересы теории, Неопротестантизм*), сами представляют собой благо, добро. Такая «натуралистическая ошибка», как ее назвал М., действительно имела место в домарксистской этике, поскольку в последней основание нравственности, к-рому придавался объективно-научный, философский или религиозный

смысл, по существу, было нормативным, т. е. отражало нравственные представления той или иной эпохи, об-ва, класса. Но, вскрыв эту ошибку, М. сделал отсюда неправильный вывод о том, что понятие добра в принципе неопределимо, а является предметом интуитивного, «самоочевидного» знания. Этим было положено начало интуитивизму в этике, однако сам М. усомнился к концу жизни в истинности сформулированного им положения. Отрицая общественно-историческую природу морали, М. толковал ее объективно-идеалистически, как нечто независимое от законов материального мира вообще. Хотя М. выступал с критикой нек-рых форм объективного идеализма и субъективизма в этике, его стремление отделить этику от позитивного знания и противопоставить др. наукам имело антинаучный смысл. Осн. работа — «Основоположения этики» (*Principia Ethica*) (1903).

НАВЫКИ — действия, к-рые человек настолько усвоил в процессе длительного упражнения, что начал осуществлять их более или менее автоматизированно. В отличие от *привычки*, к-рая включает потребность и склонность человека к действию, Н. касаются лишь технической стороны его деятельности и лежат вместе со знаниями в основе умений. В моральной деятельности посредством Н. может регулироваться выбор необходимых способов, путей, средств действия. Сознательное отношение к труду, напр., предполагает не только готовность человека служить общественным интересам, но и выбор наиболее эффективных приемов и методов труда, умение выполнять необходимые производственные операции. Коммунистическая нравственность требует от людей не только готовности следовать ее принципам, но и умения наиболее целесообразно использовать имеющиеся средства (*Цели и средства*). В этом отношении выработка необходимых общественных Н. в деятельности людей является важной составной

частью коммунистического воспитания.

НАМЕРЕНИЕ — решение человека совершить действие и достигнуть определенного результата. Н.— это волевая установка человека (*Побуждение*), к-рая является результатом предшествующей духовной деятельности: осознания стоящих перед человеком задач, обусловленных интересами и потребностями (его собственными, общественными или др. людей), выдвижения перед собой цели, выбора соответствующих средств, с помощью к-рых он собирается ее достигнуть. Все эти акты духовной деятельности могут совершаться как в мыслительной, так и в эмоциональной форме. С т. зр. коммунистической нравственности важна не их форма, а то, насколько человек понимает социальное значение поступков, к-рые он намеревается совершить, т. е. содержание и мера сознательности его Н., а также насколько действия человека соответствуют его Н. (*Намерения и дела, Сознательность, Убежденность, Искренность*).

НАМЕРЕНИЯ И ДЕЛА.— Еще в древности, когда человек впервые стал отличать себя от первобытного рода, он обнаружил, что находится в зависимости от чуждых ему социальных сил, в результате чего его *поступки*, часто вопреки *намерениям*, приводят к нежелательным, губительным для него *последствиям*. Непонятная людям зависимость их от объективных социальных условий в древнегреч. мифологии изображалась как рок, судьба, к-рые якобы и приводят к тому, что даже благие Н. иногда выливаются в аморальные *деяния*. Эта вина по неведению в греч. искусстве трактовалась как трагедия для того или иного человека, но позднее, в христианстве, стала рассматриваться как вина всего человеческого рода перед богом (*Грех*). С тех пор проблема соотношения Н. и д. проходит через всю историю этической мысли. Сторонники деонтологического *интуитивизма* провозглашают, что человек ответствен лишь за свои Н. и усилия, но не может быть повинен в результатах своих действий. *Экзистенциализм* и *неопротестантизм* делают человека целиком ответственным за трагические последствия своих действий, считают, что он всегда должен «брать вину на себя», стоически принимать поражение своих замыслов. Обе т. зр. при их последовательном развитии объективно обрекают человека на пассивность. Марксистская этика исходит из того,

что проблема соотношения Н. и д. практически решается в процессе строительства коммунистического об-ва, когда человек познает и подчиняет себе действие общественных законов. Тогда противоречие Н. и деяний утрачивает тот всеобщий и неразрешимый характер, к-рый оно имеет во всей предшествующей истории. Тот факт, что коренные общие цели, стоящие перед социалистическим об-вом и выдвигаемые практикой коммунистического строительства, отражают объективные тенденции исторического развития и потому так или иначе осуществляются в действительности, существенно изменяет и дееспособность каждого отдельного человека, делает его действительно ответственным за результаты своей деятельности. Различие Н. и д. присуще более или менее развитому нравственному сознанию. Оно обусловлено тем фактом, что объективное содержание человеческих действий приобретает нередко совсем иное, чем предполагалось, нравственное определение. При этом (в отличие в определенной степени от правового сознания) сфера оценок нравственного сознания простирается не только на Д., поступки с их объективными результатами, но и на их субъективные духовно-нравственные основания, на лежащие в основе человеческих действий побуждения, Н. и цели. Вместе с тем объективное, а потому и легче фиксируемое содержание Д. позволяет в целом

ряде случаев вскрыть действительное содержание Н. даже и тогда, когда реальный смысл Н. остается, по существу, скрытым от человека, совершающего к.-л. поступки, когда он не до конца осознается им или осознается превратно. Согласно коммунистической морали, человек несет не только юридическую ответственность за свои сознательно совершаемые Д. и их объективные последствия, но и нравственную ответственность — как перед судом *общественного мнения*, так и перед судом собственной *совести* — за нравственную неполноценность и чистоту Н. Человек, действующий сознательно, должен отвечать за свои Н. и общественное значение своих Д., последствия к-рых он может предвидеть. «...«Благие» намерения,— писал В. И. Ленин,— остаются в *лучшем случае* субъективным делом Карпа, Петра, Сидора...» (т. 18, с. 366), тогда как общественное значение поступков — факт объективный.

НАТУРАЛИЗМ (лат. *natura* — природа) — методологический принцип обоснования нравственности, применяемый во мн. домарксистских и нек-рых совр. буржуазных этических теориях. Сущность его состоит в стремлении, во-первых, объяснить нравственность не из общественных условий человеческого бытия, а из вечной и неизменной природы человека, во-вторых, строить этические теории, опираясь на данные и методы естественных наук. Позитивным мо-

ментом в Н. является то, что он был направлен против представлений о сверхъестественном источнике нравственности, а в определенных условиях — против общественных отношений, препятствовавших выражению «естественной природы» человека. Натуралистическое истолкование требований нравственности возникает еще в древности. Нек-рые философы пытались вывести их из «естественного» стремления человека испытывать наслаждение и избегать страдания (*Эпикуреизм*), др., напротив, считали, что нравственность состоит в отрешении от «земных страстей» и жизни «сообразно природе» мира (*Стоицизм*). Первая т. зр. в дальнейшем получила развитие в концепциях *гедонизма* и *эвдемонизма*, вторая — в теориях врожденных моральных чувств (*Нравственного чувства теории*). Особенно большое значение натуралистическое понимание морали приобретает в новое время, в этических учениях эпохи Возрождения (Дж. Бруно, Б. Телезио), в теориях «разумного эгоизма» (*Эгоизма теории*), затем в *утилитаризме*, в *эволюционной этике* и др. теориях морали. В начале XX в. Мур (*Интуитивизм*) обвинил всю предшествующую этику в «натуралистической ошибке», неправомерно широко используя термин «Н.» для обозначения всех теорий, в к-рых категории добра и долга определяются посредством «внеморальных понятий» — *интересов* человека, естественных или социаль-

ных и даже сверхъестественных законов, наслаждения, счастья и др. Такое толкование давало основание зачислить в разряд натуралистических теорий не только вульгарно-материалистические, биологические и психологические теории этики, но и нек-рые религиозные моральные учения, напр., теорию «естественного закона» (*Неотомизм*), а иногда даже и марксистскую этику. В 60-х гг. в совр. буржуазной этике наметился явный поворот к Н., в к-ром мн. философы видят альтернативу позитивистским школам в этике (*Неопозитивизм*). С Н. они связывают возможность найти правильное соотношение ценностей и фактов, преодолеть господствующий в буржуазной этике принцип автономии морали. При этом отмеченные выше черты натуралистического подхода в этике приобрели особый оттенок в совр. концепциях Н. Так, объяснение нравственности непосредственно связывается с достижениями молекулярной биологии и генетики; в закономерностях этих наук приверженцы Н. пытаются найти методологию этики. Отсюда следует отождествление биологических и моральных ценностей, связанных якобы со всем ходом естественной эволюции, преувеличение роли естественных наук для совершенствования морали, отрицание классового характера морали в классовом об-ве. Объявляя неравенство людей буржуазного об-ва следствием «естественных» различий, зало-

женных в биологической природе человека, совр. Н. снимает проблему воспитания человека на основе определенной системы ценностей. В лучшем случае нравственное воспитание подменяется системой манипулирования, превращающей человека в хорошо налаженный механизм, должным образом отвечающий на требования социальной среды. Марксизм отвергает натуралистическое понимание морали как ненаучное, т. к. специфические потребности человека не даны «природой», а складываются в процессе истории и характер моральных норм, принципов, идеалов в конечном итоге формируется конкретной социальной действительностью. Раскрывая социальный смысл Н., марксизм показал, что эти теории служат обоснованием идеи незыблемости буржуазного об-ва и его морали.

НЕНАВИСТЬ—моральное *чувство*, соответствующее отношениям взаимной вражды между людьми. Внешне чувство Н. может выступать как нечто целостное и нерасчленимое, однако по своему действительному содержанию оно включает ряд взаимосвязанных моментов, напр., отвращение и желание зла др., отказ в помощи ненавистному лицу, противодействие всем его стремлениям. Чувство Н. противоположно чувству *любви*, но вместе с тем всегда так или иначе предполагает любовь: Н. к злу предполагает любовь к добру, *человеконенавистничество* связано с себялюбием. В противоположность

христианской морали, к-рая лицемерно осуждает всякое проявление Н. в отношениях между людьми, коммунистическая нравственность оценивает Н. в зависимости от ее конкретного социального содержания, в зависимости от того, против кого она направлена и во имя чего люди ненавидят. Н. оправданна, когда она обращена против врагов человечества и подчинена цели осуществления блага для трудящихся. Во имя великих целей построения коммунистического об-ва эта Н. должна быть очищена от всего низменного, эгоистичного, она не должна приводить к *фанатизму*, к использованию аморальных средств в борьбе за правое дело (*Цели и средства*).

НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВО — см. *Самореализации этика*.

НЕОПОЗИТИВИЗМ (греч. *neos* — новый и лат. *positivus* — положительный) — одно из осн. направлений в совр. буржуазной теории морали, объединяющее несколько различных течений. Представляет собой попытку применить методологические принципы философии Н. (логического позитивизма, а позднее — лингвистического анализа) к исследованию явлений морального сознания. Во всем многообразии явлений нравственности сторонники Н. видят в осн. лишь специфические термины и суждения. Поэтому и задачу философии морали они сводят к изучению морального языка. В результате такого сужения предмета этики они оказываются не в состоянии объ-

яснить происхождение и содержание моральных понятий и представлений, ограничиваются лишь вопросами их логической формы (*Формализм*). Свою чисто формалистическую теорию морали неопозитивисты называют *метаэтикой*, противопоставляя ее этике в традиционном понимании этого слова. С их т. зр., теория морали, чтобы быть научной, не должна быть *нормативной этикой*, т. е. должна воздерживаться от решения каких бы то ни было моральных проблем. Такое крайне одностороннее понимание неопозитивистами предмета этики является результатом их принципиального тезиса о невозможности обосновать моральные суждения с помощью фактических знаний. Конкретизация этого тезиса и составляет осн. теоретическое содержание неопозитивистских этических теорий. В 20—30-х гг. XX в. возникает одно из течений Н. — *эмотивистская теория морали* (ее разновидности иногда называют *волютивной* и *императивной этикой*). Ее главные представители: в Англии — А. Айер и Б. Рассел, в США — Ч. Стивенсон, Р. Карнап, Г. Райхенбах. Эмотивисты утверждают, что моральные суждения не могут быть проверены опытным путем (не «верифицируемы»), они не истинны и не ложны (*Истина и нравственность*). Значение их якобы чисто эмотивно, т. е. моральные суждения выражают лишь эмоции говорящего и служат приказом для слушателя. Эти сужде-

ния вообще нельзя никак обосновать или опровергнуть, они якобы совершенно произвольны, выражают лишь склонности и желания тех, кто их высказывает (*Волюнтаризм, Релятивизм*). Эмотивисты видят в моральных суждениях только средство убеждения людей и даже отождествляют нравственность с политикой (*Мораль и политика*) и пропагандой («*Фелицитология*»). В крайне нигилистическом отношении эмотивистов к морали нашли отражение настроения, характерные для определенной группы совр. буржуазной интеллигенции, к-рая стихийно протестует против методов буржуазной пропаганды, в частности против попыток лицемерно оправдать при помощи моральных рассуждений «большую политику» империализма, но не может противопоставить ей никакой др. идейной позиции. В 40—50-х гг. возникает новое течение в Н.—школа лингвистического анализа морали (С. Тулмин, Р. Хеар, П. Ноуэлл-Смит в Англии, Г. Эйкен в США и др.). Хотя сторонники этого течения и подвергают критике наиболее нигилистические высказывания эмотивистов о морали, в конечном итоге они приходят к принципиально тем же выводам: моральные суждения не могут быть истинными, недоказуемы с помощью фактических знаний, нормативная этика не может претендовать на научность. В отличие от эмотивистов, к-рых в осн. интересовало лишь значение от-

дельных моральных суждений, аналитики уделяют большое внимание *логике морального языка* в целом. Они ищут пути обоснования рациональности морали. В частности, Р. Хеар сформулировал принцип, смысл к-рого сводится, во-первых, к тому, что моральное суждение обладает способностью склонять людей к одинаковым действиям в аналогичных ситуациях; во-вторых, моральные принципы, из к-рых исходит это суждение, в отличие от обычного императива, имеют универсальный характер. Однако принцип универсализуемости у Р. Хеара является лишь логическим правилом формулировки моральных требований и не может обязать людей к определенным действиям, а следовательно, не служит преградой произволу. Основанием правильности моральных суждений и принципов, с т. зр. представителей этой школы, служит их общезначимость, а отнюдь не объективное содержание ситуаций, закономерностей нравственных отношений, к-рые они отражают. Отсюда и вывод, что моральная позиция в конечном счете является делом личного желания каждого и поэтому этическая теория не может помочь людям в решении моральных проблем. Реакционный смысл неопозитивистской этики в целом состоит в том, что она идейно обезоруживает и дезориентирует людей в условиях борьбы двух мировоззрений, коммунистической и буржуазной морали.

НЕОПРОТЕСТАНТИЗМ (греч. *neos* — новый и лат. *protestans* — несогласный, публично доказывающий) — течение в совр. буржуазной философии морали, по своей методологии относящееся к этическому *иррационализму*, известно также под названиями «неоортодоксия», «теология кризиса», «диалектическая теология». Этическая теория Н. основывается на религиозном учении о боге и человеке, в к-ром определенным образом осмысливается общий кризис капиталистического об-ва. Это учение получает распространение после первой мировой войны в Европе, где его развивают теологи *Барт* и *Э. Бруннер*, а в 30-х гг. — в США, где его проповедуют *Рейнхольд* и *Ричард Нибуры*, *П. Тиллих* и др. Сторонники Н. выступили с резкой критикой идей *либерального христианства* в этике, оценив его как «наивное морализирование». Осуждая социальные и моральные пороки совр. капитализма, неопротестанты усматривают, однако, причину этих пороков в «естественной» природе человека, как такового, и всякого об-ва вообще. Человек, утверждают неоортодоксы, по своей природе зол, неискоренимо греховен, не способен осуществлять в своей общественной жизни нравственные заповеди Христа. Поэтому мотивы нравственного осуждения буржуазной действительности совмещаются в неоортодоксии с оправданием ее как неизбежной необходимости. Признание невозможности практического осу-

ществления христианских принципов в общественной жизни заставляет сторонников этого учения перенести подлинную нравственность в сферу «отношения человека к богу», иными словами, в область веры. Т. обр., неоортодоксы как бы расщепляют бытие человека на две несопричастные сферы. Первая — это мирская жизнь, общественная практика. Здесь человек преследует земные интересы, действует по принципу практической целесообразности, совершенствует технику и развивает науку, подчиняет себе природу и пытается разумно организовать общественную жизнь. Но все это якобы лишь «неподлинное» бытие, «жизнь в грехе», царство материальной зависимости и практического расчета. «Подлинное» бытие, учат неоортодоксы, — это обращенность человека к богу, упование на его милость, отказ от веры в собственные силы и поиск смысла жизни по ту сторону социальной практики. Если либеральное христианство, в сущности, отождествляло требования религиозной морали с требованиями, предъявляемыми к человеку об-вом, то неоортодоксы противопоставляют «мирскую» мораль и христианскую нравственность. «Мирская» мораль, утверждают они, — это нравственность «расчета», она исходит из материальных, эгоистических интересов человека и служит удовлетворению лишь его социальных (якобы внешних, а не истинных) потребностей. Как мораль «благоразу-

мня», она приспособлена к «греховной» натуре человека, отрицает абсолютные моральные принципы и допускает насилие. «Подлинная» же нравственность — это мораль *любви* и *всепрощения*, абсолютной *справедливости*, к-рые возможны лишь в служении богу. В конечном итоге оказывается, что эта «абсолютная» мораль совершенно несовместима с действительным (т. е. общественным) бытием человека. Она не может быть выражена в мирских понятиях, в категориях разума, применимых к социальной действительности, ее нельзя сформулировать в виде системы практических принципов, к-рые можно было бы осуществлять в общественной жизни человека (*Теонимая этика*). Противопоставление неоортодоксами земной морали и «подлинной» нравственности христианства практически имеет тот апологетический смысл, что в общественной жизни человеку не возбраняется оставаться эгоистом, творить зло, совершать насилие, эксплуатировать ближнего. «Подлинная» нравственность требует от него не борьбы со злом и пороками, а признания своей полной неспособности преодолеть социальную несправедливость, построить лучшее об-во и добиться осуществления своих моральных идеалов. Этот реакционный смысл неоортодоксальной этики, к-рая объективно приводит к признанию необходимости безнравственности в общественной жизни, особенно явно выражается в крайне враж-

дебном ее отношении к коммунистической морали. Прежде всего нападкам неопротестантов подвергаются присущие коммунистической нравственности нетерпимость к социальной несправедливости и злу, установка на революционное преобразование капиталистического об-ва в коммунистическое.

НЕОТОМИЗМ — направление в совр. буржуазной философии морали, в к-ром нашли конкретное воплощение принципы официального католического философско-религиозного учения (само название «Н.» происходит от латинизированного имени средневекового схоласта *Фомы Аквинского* — Thomas). Осн. представители Н. (данное направление в этике известно также под названием теории «естественного закона») — фр. философы *Маритен* и Э. Жильсон, у к-рых нашлось мн. последователей среди ортодоксальных католических теологов, теологов, близких к протестантизму, а также философов религиозного толка. В отличие от *неопротестантизма*, к-рый является направлением откровенного *иррационализма* в этике, Н. представляет собой попытку включить в религиозное мировоззрение нек-рые принципы этического *рационализма*. Это нашло выражение в построении дедуктивной системы понятий, с помощью к-рых обосновываются требования нравственности, по принципу иерархии (последовательного их подчинения) и в придании универсального характера основополагающим

принципам морали. Конечным и высшим основанием морали сторонники Н. объявляют «божественный закон», к-рый имеет ряд градаций. Высшая его ступень — «вечный закон», определяющий природу самого бога. Если неопротестанты считают источником нравственности изменчивую волю бога, то неотомисты мыслят божественную природу неизменной, считают, что «божественный разум» раз и навсегда predetermined содержание моральных требований. В связи с этим допускается в известных пределах рациональное обоснование этих требований, хотя оно и считается недостаточным без религиозной веры. Понятие «вечный закон» позволяет католикам проводить мысль о неизменности и абсолютности христианских норм (*Абсолютизм*). Следующей ступенью является «естественный закон» — данная человеку богом природа. В этом понятии сосредоточены наиболее демагогические стороны католического учения о нравственности: мораль — это не только те требования, к-рые предъявляет человеку существующее (в данном случае буржуазное) об-во, но вместе с тем и потребности самого человека; между ними, следовательно, нет противоречия. Подчеркивается даже, что нравственность должна вести человека к *счастью*. На этом основании Ж. Маритен называет свою теорию «истинным гуманизмом». Сущность этого «гуманизма» заключается в том, что сами потребности

человека толкуются в религиозном духе: счастья, напр., считается возможным достичь в полной мере лишь в загробной жизни. Следующая ступень «божественного закона» — «человеческий позитивный закон», к-рый, по сути дела, означает законы, формулируемые буржуазным государством, правом и церковью. Трактруя эти законы как конкретное развитие «естественного закона», этика Н. прямо раскрывает свое назначение в качестве идеологической защиты капиталистического об-ва. Подлинной добродетелью неотомисты провозглашают строгое выполнение воли государства и др. буржуазных институтов. Если «вечный закон» толкуется в абсолютистском духе, то позитивный закон, напротив, представляется меняющимся в зависимости от обстоятельств. Так получают высшую моральную санкцию изменения политического курса буржуазного государства, политическая беспринципность буржуазии. Неотомистская этика, одна из наиболее апологетических и демагогических теорий морали на Западе, откровенно служит оправданию буржуазной действительности.

НЕОФРЕЙДИЗМ — направление в совр. буржуазной философии и психологии, разрабатывающее психологические проблемы этики, исходя из принципов и установок классического психоанализа, но учитывая при этом культурные и социальные факторы в нравственной деятельности людей. Н. возник в конце 30-х гг. в резуль-

тате неприятия отдельных теоретических положений психоаналитического учения З. Фрейда (*Фрейдизм*) о человеке и культуре, связанных с биологической детерминацией структуры *характера*, моральных *норм*, ценностных ориентаций личности и с абсолютизацией противоречий между индивидом и человеческой цивилизацией. Н. получил широкое распространение в США (*Фромм*, К. Хорни, Г. Салливэн, А. Кардинер). Этическое учение Н. базируется на установках психологии бессознательного, но, в отличие от фрейдизма, и на признании «социального характера» личности. Разорванность сознания и неврозы личности неофрейдисты ставят в непосредственную связь с проблемами морали, считая, что невротические симптомы возникают на основе неразрешенных моральных *конфликтов*, на устранение к-рых и направлена терапевтическая психоаналитическая практика. В отличие от этических учений, постулирующих субъективное, релятивистское истолкование природы морали (*Экзистенциализм*) и «биологически-имманентную» трактовку этики (*Натурализм*), Н. ищет объективные критерии моральных *ценностей*. Теоретики Н. пытаются разработать принципы «гуманистическо-объективной этики», считая, что добро является утверждением жизни, развертыванием человеческих способностей к познанию, труду и любви, добродетель — ответственностью за человеческое су-

ществование, зло — безответственностью человека по отношению к самому себе. Разрабатывая проблемы этики, представители Н. опираются на фрейдовскую концепцию бессознательной мотивации, к-рая, по их мнению, открыла новое измерение для этических исследований, расширив границы познания внутреннего мира человека. Однако классический психоанализ оставил в стороне вопросы о том, как человек должен жить и что он должен делать. Восполнить этот пробел и ставит своей задачей Н., обращаясь к философско-этической проблематике, связанной с раскрытием и пониманием смысложизненных и ценностных аспектов человеческого бытия. Теоретики Н. различают два вида этики: «всеобщую», охватывающую нормы поведения, служащие цели всестороннего развития личности, и относящуюся к любой культуре; «социально-имманентную», основывающуюся на нормах поведения, необходимых для функционирования и преуспевания конкретного общества и людей, живущих в нем. В совр. буржуазном обществе, по убеждению неофрейдистов, все более углубляется конфликт между «всеобщей» и «социально-имманентной» этикой, отражающий наличие «экзистенциальных» и «исторических» дихотомий человеческого существования. Подвергая критике существующую социальную систему, ведущую к моральной деградации личности, к противоречиям между общественными и лич-

ностными интересами, они выдвигают программу преобразования буржуазного об-ва в подлинно гуманное путем пробуждения критического самосознания личности, распространения новых форм «психо-духовных ориентаций», являющихся эквивалентами религиозных систем прошлого. Надежда на осуществление этой программы связывается с «гуманистически ориентированным психоанализом», позволяющим, по мнению теоретиков Н., выработать нормы поведения, адекватные сущности человека. Неофрейдистская программа преобразования буржуазного об-ва в направлении его гуманизации ориентирована, т. обр., лишь на изменение ценностных установок личности и не затрагивает его социальных основ. Методами психоанализа можно частично снять внутреннюю напряженность личности и драматическую разорванность самосознания индивида, но нельзя избавиться от социальных болезней, обусловленных антагонистическими отношениями. Этическое учение Н. превращается в конечном счете в светско-религиозную утопию, подчеркивающую разрыв между антигуманной буржуазной действительностью и общечеловеческими идеалами, но неспособную на реальное и эффективное решение жизненно важных проблем свободного и творческого развития человека.

НИГИЛИЗМ (моральный) (лат. *nihil* — ничто) — принцип, характеризующий отношение челове-

ка к нравственным *ценностям* об-ва; означает отрицание общих для всех моральных *норм, принципов и идеалов* (в этом отношении он близок к моральному *релятивизму* и в своем крайнем выражении переходит в *цинизм* и *аморализм*), непризнание любых общественных авторитетов. Исторически Н. выступает в различных формах и имеет разный социальный смысл. Так, в России 60—70-х гг. XIX в. (особенно после выхода романа И. С. Тургенева «Отцы и дети») нигилистами было принято называть революционно настроенную разночинную интеллигенцию и молодежь, к-рая отвергала дворянско-крепостнические нравственные и эстетические представления. Такого рода Н., хотя в крайней своей форме и приводил иногда к недооценке культурных традиций (начиная от *этикета* и кончая искусством), утверждал прогрессивные идеалы революционной демократии. В совр. капиталистическом об-ве Н., довольно типичная форма мирозерцания мелкобуржуазной среды и интеллигенции, обычно выражает анархический и индивидуалистический протест против официальной буржуазной идеологии и морали. Спекулируя на стихийном недовольстве масс, на утрате ими доверия к официальной буржуазной морали, Н. выступает с осуждением стяжательства, приспособленчества и *потребительства*. Но при этом абсолютизирует субъективную сторону морали, игнорирует

социальную природу моральных чувств, принижает роль норм, знаний и разума в пользу безотчетной «этики сердца» или инстинктивного действия. Идеи Н. получают теоретическую поддержку в ряде направлений буржуазной этики (*экзистенциализм, неопрейдизм*, этические доктрины леворадикальных идеологов). Отрицая моральное значение организованной классовой борьбы трудящихся, Н. объективно служит проводником *индивидуализма*, скрытой формой буржуазного идейного воздействия на массы, фактором сохранения отживших и антигуманных общественных отношений. В условиях социалистического об-ва Н. чаще всего выражается в критиканстве, за к-рым не стоит никакой конструктивной программы деятельности, в отказе бороться с отрицательными явлениями действительности. Коммунистическая нравственность, требующая от людей активной борьбы за утверждение высоких нравственных принципов, осуждает Н. как проявление беспринципности.

НИЦШЕ (Nietzsche) Фридрих (1844—1900) — нем. философ-иррационалист, представитель философии жизни, филолог. Был поклонником *Шопенгауэра*; ему импонировал шопенгауэровский *пессимизм*, а также критика последним *ценностей* культуры. В дальнейшем Н. пришел к выводу, что *пессимизм Шопенгауэра* и его учение о воле недостаточны для преодоления кризиса совр. культуры,

даже напротив, они сами лишь явление и продукт этого кризиса. Исследуя состояние культуры своего времени, Н. сделал вывод, что Европа стоит накануне кризиса. Об этом, с его т. зр., свидетельствует появление *нигилизма*, означающего, что «высшие ценности теряют свою ценность», что наступил период упадка и разложения подлинных ценностей и возвышения ценностей мнимых. Особую роль, считает Н., в создании подобного положения сыграла религия с ее фарисейской моралью; такую же роль он отводит демократическим и социалистическим теориям и учениям, направленным якобы на то, чтобы уравнивать всех людей: сильных сделать слабыми, а слабых — сильными. Отсюда стремление Н. разделаться как с религиозной моралью, так и с различными гуманистическими теориями. Н. призывал к «переоценке ценностей», к уничтожению существовавших моральных норм, считая их безнравственными. Гл. принцип философии и этики Н., к-рому он придавал космический смысл, — учение о «воле к власти». В морали и искусстве Н. видел не только противоядие *нигилизму* и *декадансу*, но и средство их преодоления (при условии, что мораль и искусство получают новое содержание в духе принципа «воли к власти»). Н. отрицает традиционную мораль как устремление к идеалу и внешнее ограничение поведения, усматривая в ней разрушающее инстинкты и жизнь начало («Необходимо

уничтожить мораль, чтобы освободить жизнь»). Отсюда его тяготение к «сильным» человеческим типам, к-рые могли бы «прорвать горизонт» установленных моральных норм и правил, стать вне обычной морали. Н. развивает свою теорию «сверхчеловека», стоящего «по ту сторону добра и зла», в к-рой сконцентрировались осн. задачи его этического учения. Н. оказал влияние на современников своей «радикальной» критикой всех ценностей буржуазного об-ва. Однако это была критика, направленная на укрепление авторитарной власти, сыгравшая роль теоретического обоснования господства «элиты». Не случайно культ сильной личности, «сверхчеловека», отрицание морали, воля к власти и др. идеи философии и этики Н. впоследствии были восприняты фашистами, объявившими его своим идейным и духовным вождем. Осн. этические соч. Н.: «Так говорил Заратустра» (1883—84), «По ту сторону добра и зла» (1886), «К происхождению морали» (1887), «Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей» (1889—1901).

НОРМА МОРАЛЬНАЯ (лат. norma — правило, образец) — одна из наиболее простых форм нравственного *требования*; выступает в двояком виде — как элемент моральных *отношений* и как форма морального *сознания*. С одной стороны, это норма поведения, *обычай*, постоянно воспроизводимый в однотипных поступках множества

людей как нравственный закон, обязательный для каждого человека в отдельности. Во всяком об-ве существует объективная потребность в том, чтобы в определенных, часто повторяющихся ситуациях люди поступали однотипным образом. Эта потребность и реализуется практически посредством Н. м. Ее обязующая сила для каждого отдельного человека основывается на воздействии *массового примера, общественного мнения*, власти коллективной *привычки* и на др. формах практически выраженной воли об-ва (*Дисциплина*), проявляющейся в сложившихся в данном об-ве *нравах*. Моральное требование, выраженное в виде норм, получает отражение и в моральном сознании в виде соответствующих правил, *заповедей*. Это уже др., субъективная, сторона Н. м. Моральным сознанием Н. м. формулируется в виде повеления, равно обращенного ко всем людям, к-рое они должны выполнять неукоснительно в самых различных случаях. Примером здесь могут служить нек-рые из т. наз. «Десяти заповедей», изложенных в Библии («Почитай отца и мать твоих», «Не убий», «Не прелюбодействуй», «Не укради» и др.). Мн. из Н. м., выработанных человечеством в ходе многовековой истории, сохраняют значение и в социалистическом об-ве (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). Однако сами по себе Н. м. не могут служить исчерпывающим руководством в мо-

ральной деятельности. Такая, напр., Н. м., как «Не убий», не может применяться во всех случаях без исключения (напр., по отношению к закоренелому убийце, представляющему опасность для об-ва, или по отношению к врагу в условиях военных действий). С т. зр. марксистской этики вопрос о применении тех или иных Н. м. нужно решать конкретно, с учетом определенных условий и обстоятельств. При этом нужно также исходить из более обобщенных моральных представлений — *принципов, идеалов, понятий справедливости, добра, зла* и др. Одна из задач коммунистического воспитания состоит, в частности, в том, чтобы простейшие нормы коммунистической нравственности стали внутренней потребностью, приобрели форму склонностей, привычек человека и выполнялись без внешнего и внутреннего принуждения.

НОРМАТИВНАЯ ЭТИКА — составная часть этики, в к-рой ставятся и решаются проблемы *смысла жизни, назначения человека, содержания нравственного долга человека, обосновываются определенные моральные принципы и нормы*, к-рая тем самым выступает, в сущности, как теоретическое развитие и дополнение морального сознания об-ва или класса. В Н. э. предпринимается попытка философски и научно решить те же самые проблемы, к-рые стихийно решаются обыденным сознанием в тех или иных исторических усло-

виях. Все моральные учения и этические теории, выдвигавшиеся в истории, в конечном итоге были посвящены решению практических нравственных проблем. И каждый теоретик по-своему обосновывал моральные представления того об-ва и класса, духовным выразителем интересов к-рого он выступал, хотя субъективно стремился к созданию беспристрастной теории, возвышающейся над различными моральными позициями. Это противоречие между субъективными намерениями мыслителей прошлого и объективным смыслом их теорий попытались разрешить сторонники *неопозитивизма*. С их т. зр., следует строго различать Н. э., к-рая содержит моральные оценки и предписания, но не может быть научной, и *метаэтику*, к-рая является якобы «строго научной» теорией, «очищенной» от моральных проблем. Т. обр., пытаюсь разрешить указанное противоречие, неопозитивисты пришли к противопоставлению научной *истины и нравственности*. Совершенно иным путем решается вопрос о Н. э. в марксизме. Нравственные представления людей (социальных групп, классов), к-рые получают теоретическое обоснование в Н. э., всегда являются в конечном счете отражением их общественного бытия. Поэтому дать научное обоснование моральных принципов можно лишь при условии познания объективных законов исторического развития. Следовательно, для того чтобы сделать этику действи-

тельно научной, нужно не отрывать предмет ее изучения от моральных проблем, за к-рыми скрываются классовые интересы, а показать, в каком отношении находятся эти интересы к историческим потребностям всего человечества. Впервые в истории нравственность стало возможным обосновать научно только в рамках марксистского мировоззрения — мировоззрения класса, к-рый, освобождая себя, освобождает вместе с тем все человечество. В силу этой особой роли во всемирной истории пролетариат создает мораль, к-рая в своем дальнейшем развитии становится общечеловеческой (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). Идеалы коммунистической морали в принципе совпадают с объективным предвидением дальнейшего развития человеческого об-ва. Т. обр., вопрос о научности Н. э., в сущности, совпадает с проблемой научности мировоззрения. В марксистской теории морали Н. э. является одной из составных частей. Помимо обоснования принципов коммунистической нравственности теоретическая этика решает и более широкие проблемы, касающиеся истории развития морали, ее места в системе общественных отношений, природы, форм и структуры нравственного сознания и др. (*Этика, Отношения моральные, Логика морального языка*).

НРАВСТВЕННАЯ КУЛЬТУРА ЛИЧНОСТИ — степень восприятия индивидом нравственного сознания и культуры об-ва; показа-

тель того, насколько глубоко и органично требования нравственности воплотились в *поступках* человека благодаря формирующему влиянию на него об-ва. Под воздействием разнообразных факторов: жизненного опыта и *воспитания*, этического просвещения и искусства — личность с той или иной степенью полноты аккумулирует в своем сознании и поведении достижения нравственной культуры об-ва. Н. к. л. выступает как сложная программа, включающая освоенный опыт человечества, к-рый помогает поступать нравственно в традиционных ситуациях, а также творческие элементы сознания — нравственный *разум*, интуицию, способствующие принятию морального *решения* в проблемных ситуациях. Задача формирования Н. к. л. и заключается в том, чтобы достигнуть оптимального сочетания традиционного и творческого элементов, соединить конкретный опыт личности с богатством общественной морали. Н. к. л. — целостная система элементов, охватывающая культуру этического мышления («способность морального суждения», умение пользоваться этическим знанием, различать добро и зло, в каком бы облике они ни выступали, применять нравственные нормы к особенностям сложившейся ситуации и т. д.); *культуру чувств*, способности человека к «моральному резонансу», сочувствию, сопереживанию; *культуру поведения*, характеризующую конкретный образ осуществления в

моральной практике помыслов и чувств, степень их превращения в повседневную норму поступка; *этикет* как уровень приверженности к правилам, регламентирующим форму, *манеры* поведения личности в *общении*. Говоря кратко, Н. к. л. — это знание общих моральных принципов, способность «переплавить» их в глубоко прочувствованные убеждения, умение применять нормы поведения, находить адекватную им форму поступка. Усвоение всех ее элементов способствует формированию моральной надежности личности. Высший уровень Н. к. л. можно характеризовать как «нравственную мудрость», способность обеспечить оптимальность и гармонию нравственной деятельности, готовность к достойным поступкам в любых ситуациях. Т. обр., Н. к. л. предполагает активность *жизненной позиции* личности.

НРАВСТВЕННОГО ЧУВСТВА ТЕОРИИ — разновидность *аппробативных теорий*; субъективно-идеалистические этические концепции, в к-рых происхождение морали и ее природа объясняются посредством особого рода чувств, присущих человеку. Школа Н. ч. существовала в Англии в XVII—XVIII вв. (А. Смит, Юм, *Шефтсбери*, *Хатчесон*). В совр. буржуазной этике представителями данного направления являются А. Э. Вестермарк (Финляндия), У. Мак-Дугалл, А. Роджерс, Ф. Шарп (США), А. Сазерленд и А. Шэнд (Англия). Смысл осн. положения Н. ч. т. со-

стоит в том, что источником понятий *добра* и *зла*, на основе к-рых человек производит *оценку* различных явлений и вырабатывает принципы своего поведения, считаются особые моральные *чувства*, присущие человеческой психике. Этому положению иногда придается и тот смысл, что высказываемые людьми оценки и предписания на самом деле якобы лишь характеризуют их чувства одобрения или неодобрения, а не выражают объективного значения оцениваемых поступков и социальных явлений. На вопрос же о происхождении этих чувств представители различных течений внутри данного направления отвечают по-разному. Шефтсбери и Роджерс считают, что моральные чувства имеют врожденный, априорный, а не приобретенный характер. Отсюда делается вывод, что добро и зло не зависят от условий места и времени (*Абсолютизм*). Вестермарк и Шарп, напротив, признают, что моральные чувства формируются в людях в процессе их нравственного *воспитания*, зависят от социальных обстоятельств. Но, не понимая закономерного характера развития об-ва и ограничивая свои исследования, по сути дела, областью самих нравственных чувств, они приходят к выводу о крайней относительности моральных понятий (*Релятивизм*). Марксистско-ленинская этика признает, что моральные чувства занимают важное место в нравственной деятельности людей и что их анализ дает бога-

тый материал для выяснения природы морали. Но этот анализ не должен ограничиваться рамками психологии. Сами по себе моральные чувства не раскрывают еще природу нравственности и ее понятий. Понимание их роли возможно лишь на основе изучения объективных законов развития общества и анализа того, как сами эти чувства формируются под влиянием социальных условий.

НРАВСТВЕННОЕ БОГОСЛОВИЕ — богословская дисциплина в христианстве, призванная обосновать необходимость христианской морали как условия для достижения спасения, показать ее преимущество перед др. этическими системами. По определению теологов, Н. б. разрабатывается в двух направлениях: «в стремлении дать теорию существа и элементов нравственных процессов, а также в выяснении правил поведения и обязанностей людей к богу, ближним и пр.». В католической, православной, протестантской системах богословия эти задачи решаются по-разному, в соответствии с основными принципами вероучения данного религиозного направления. Но во всех случаях Н. б. исходит из сверхъестественного характера морали, содержание которой определено богом и заложено в человеке как врожденная потребность в виде нравственного закона. Отсюда делается вывод об универсальности религиозных норм нравственности, их вечности и неизменности. Вместе с тем, чтобы

оправдать существование зла на земле, христианство оставляет человеку *свободу воли*: возможность поступать в соответствии с нравственным законом или вопреки ему. Т. обр., оказывается, что люди совершают добро по велению свыше, а зло — по собственному умыслу, все доброе — от бога, недоброе — от самого человека. Но, допуская возможность выбора между добром и злом и возлагая на людей ответственность за нарушение божественных заповедей, за аморальное поведение, Н. б. приходит к неразрешимому противоречию между свободой воли индивида и учением о божественном предопределении. Это противоречие делает бесплодными все попытки доказать универсальность христианской нравственности в моральном совершенствовании человеческого общества. Несостоятельность Н. б. обусловлена антинаучностью его исходных принципов, тем, что оно переносит источник морали с земли на небо, отрицает социальную обусловленность нравственности, не понимает ее специфику как формы общественного сознания, игнорирует конкретно-исторический подход к ней.

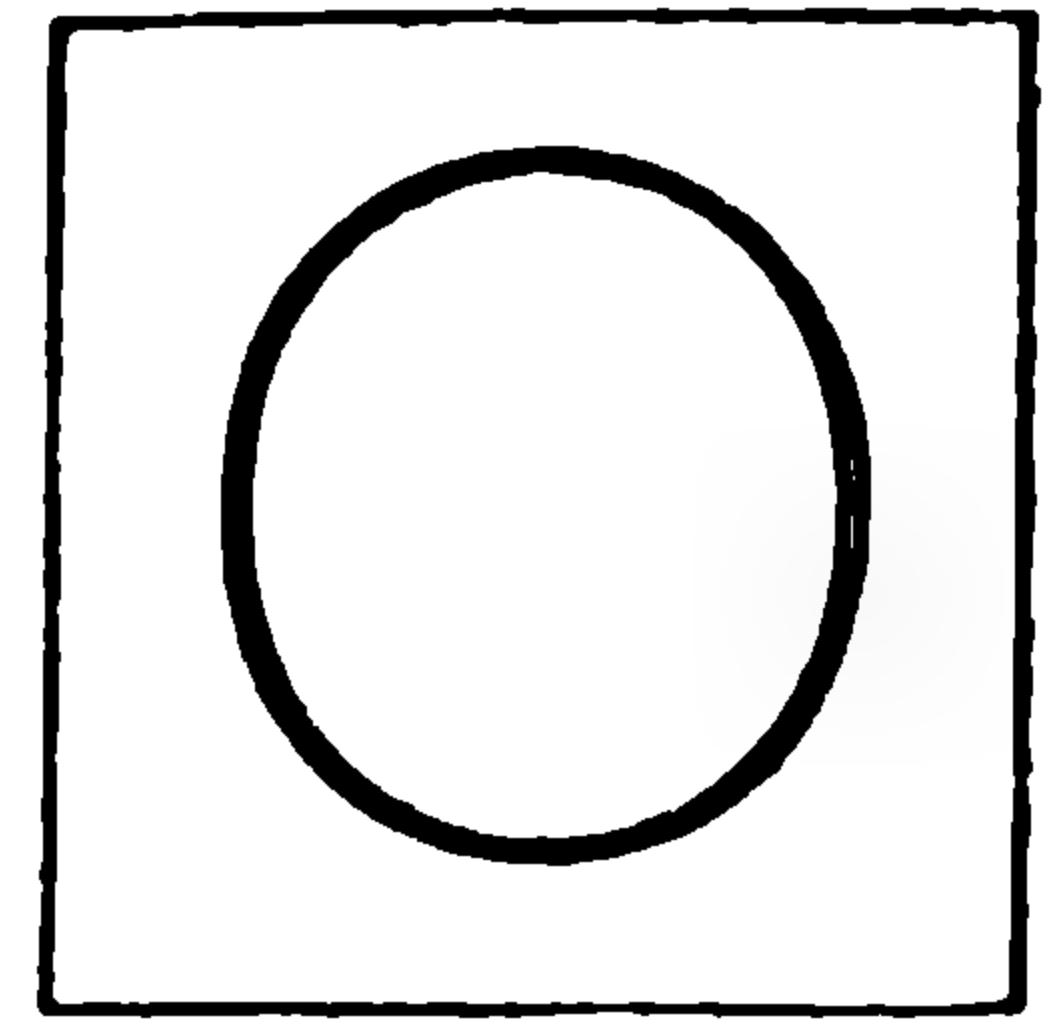
НРАВСТВЕННОЕ И ПРЕКРАСНОЕ — см. *Этическое и эстетическое*.

НРАВСТВЕННОСТЬ — понятие, являющееся синонимом *морали* (рус. вариант лат. термина «мораль», происходит от слова «нрав»). В истории этики Н. иногда трактовалась и как нечто от-

личное от морали. Так, *Гегель* понимал под моралью область субъективно-индивидуальной моральности, охватывающую сферу личных и частных взаимоотношений, субъективно мыслимого долженствования, идеала и критических умонастроений по отношению к социально-историческим явлениям. Понятию «Н.» он придавал более высокий смысл. Но на самом деле Н. у него — это, во-первых, *обычаи* и *нравы*, в к-рых индивид не отличает себя как личность от стихийно формирующихся в об-ве и усвоенных им стихийно привычных форм поведения, т. е. нечто исторически предшествующее собственно морали или же, поскольку обычаи сохраняют значение и в совр. об-ве, более простые формы регуляции поведения, чем мораль; во-вторых, конкретные обязанности человека перед государством, сословиями, корпорациями, семьей, санкционируемые и регулируемые правом, что также выходит за собственные рамки морали. В советской этике наряду с отождествлением понятий морали и Н. существуют и др. т. зр. Согласно одной из них, мораль — форма сознания, а Н. — область практических поступков, обычаев, нравов. Согласно др., мораль — это регуляция поведения посредством строго фиксированных норм, внешнего психологического принуждения и контроля, групповых критериев, общественного мнения. Н. же —

сфера нравственной *свободы* личности, когда общественные и общечеловеческие требования совпадают с внутренними мотивами, область самостоятельности и творчества человека, внутреннего самопринуждения благодаря личной сознательности, переходящего в склонность и спонтанное побуждение творить добро.

НРАВЫ — *обычаи*, имеющие нравственное значение (*ценность*), поддерживаемые в об-ве посредством моральных *отношений* или, наоборот, представляющие собой часто встречающиеся отступления от требований нравственности. Понятие Н. близко к понятию *норм* поведения. Но в отличие от последнего оно характеризует не способ поддержания общественной *дисциплины*, а содержание поведения (как именно принято поступать), присущего данному об-ву, социальной группе, классу, коллективу. Им обычно пользуются при описании и моральной оценке бытующих в том или ином об-ве норм поведения (социалистические Н., буржуазные, частнособственнические, бюрократические Н. и т. п.). Установление социалистических общественных отношений и их победа над капиталистическими в повседневной жизни об-ва с т. зр. морали состоит в преодолении буржуазных Н. и развитии и укреплении новых, социалистических Н. в труде, в быту, семейных отношениях.

ОБРАЗ ЖИЗНИ — устоявшийся, типичные для исторически конкретных социальных отношений формы индивидуальной (групповой) жизни и деятельности людей, характеризующие особенности их *общения, поведения* и склада мышления в сферах труда, общественно-политической деятельности, быта и досуга. Понятие «О. ж.» обозначает и раскрывает как специфическое содержание самой человеческой жизни, «состояние мира» (К. Маркс), в определенных общественных условиях, так и ее направленность, ценностную ориентацию. О. ж. личности — это своеобразное выражение диалектического единства социально типизированного и духовно уникального в поведении, общении и бытовом укладе людей. В определенной мере внутренний мир, жизненные устремления и потребности отдельного человека совпадают с целями общения и нормами поведения, к-рые являются типичными для данной общности (группы, класса, об-ва в целом). Подобные «совпадения» и зафиксированы в таких обобщающих понятиях, как «буржуазный О. ж.» и «социалистический О. ж.», к-рые пред-

ставляют собой своего рода научные абстракции, позволяющие выделить нечто общее, «массовидное», в реальном разнообразии индивидуальных и групповых проявлений жизнедеятельности людей в условиях сосуществования противоположных социальных систем. Для характеристики индивидуальных (социально-психологических, нравственных и эстетических) особенностей О. ж. личности или группы людей применяют понятие «*стиль жизни*». О. ж. людей обусловлен прежде всего характером их участия в производстве, а также их отношением к этому участию. Отсюда коренное различие в О. ж. людей при капитализме и при социализме, а также и всевозможные отклонения от общепринятого О. ж. внутри той или иной общности (напр., наличие в социалистическом об-ве людей, ведущих праздный, паразитический О. ж.). Связь О. ж. со сферой труда и производства проявляется через *потребности, интересы, стимулы*, порождаемые способом совместной деятельности людей. Взятый в единстве объективного (способ совместной деятельности людей и формируемый им харак-

тер общения и поведения) и субъективного (цели общения, *мотивы* деятельности, ценностные ориентации) моментов, О. ж. социальных групп и отдельных личностей представляет собой целостную структуру, формирующуюся из элементов как материальной, так и духовной жизни данного об-ва. Взаимодействие этих элементов проявляется не только в особенностях социалистического или буржуазного О. ж. в целом, но и во всевозможных вариациях внутри каждого из них: в т. наз. «групповых» и «личных» стилях жизни. Труд как цель жизни — отличительная черта социалистического О. ж., ибо совместная деятельность людей, преследующая общую цель, представляет собой гл. условие освобождения человека от индивидуалистической психологии и подлинно нравственного существования. Поэтому *тунеядство* и любые формы нерадивого отношения к труду рассматриваются как проявления поведения, противоречащего социалистическому О. ж. и становятся объектом морального осуждения. Коллективный характер труда при социализме порождает не только потребность, но и привычку жить в коллективе, решать важнейшие жизненные вопросы коллективно. Поэтому *коллективизм* — характерная черта не только духовного и морального облика советского человека, но и социалистического О. ж. Единство целей, интересов и идеалов, чувство взаимной соли-

дарности наполняют повседневную жизнь человека в социалистическом об-ве богатством социальных связей и отношений, освобождая ее от узости, замкнутости и обособленности. Происходит практическое преодоление типичного для капитализма и буржуазного О. ж. противоречия между «личным» и «общественным», между «внутренним миром» личности и ее «внешней» деятельностью, между индивидуальным и коллективным поведением и т. п. Особенностью социалистического О. ж. является созданная коллективистскими условиями бытия такая нравственная и психологическая атмосфера жизнедеятельности, к-рая воспитывает в людях чувства взаимного уважения, требовательности и *ответственности*, активное и заинтересованное отношение к окружающему миру и проблемам общественного развития, нетерпимость ко всяким отступлениям от норм социалистического общежития и коммунистической нравственности (к проявлениям *индивидуализма*, *собственнической* психологии, *потребительства* и т. п.). Массовой привычкой, чертой именно советского О. ж. является также добровольное и сознательное участие людей в общественной деятельности, способствующее развитию духа *товарищества*, уважения личной свободы и человеческого *достоинства* др. людей. Свободная от меценатства и благотворительности забота о др. человеке, способность и готовность разделить его горе и ра-

дость есть проявление подлинного бескорыстия, к-рое вырабатывается как общественная норма поведения только в условиях коллективного общения и активного участия в общественной жизни. Т. обр., при социализме формируется новый тип связи между образом действий и мышления людей, когда мотивы и стимулы повседневного их поведения становятся выражением свободного и сознательного выбора, развитой способности всегда поступать в соответствии с целями и идеалами социалистического об-ва. Подобный О. ж., ориентированный на преобразование наличных условий бытия и их совершенствование, предполагает высокий уровень нравственного сознания и духовного развития. В связи с этим становление коммунистического О. ж. неразрывно связано с *всесторонним, целостным развитием личности*, с воспитанием людей, обладающих развитым социалистическим сознанием, высокой культурой, т. е. духовно богатых индивидов.

ОБЩЕНИЕ — одна из форм человеческого взаимодействия, благодаря к-рой «индивиды как физически, так и духовно творят друг друга...» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 36). Люди не могут нормально жить, обмениваться опытом, трудовыми и бытовыми навыками, не контактируя друг с другом и не влияя друг на друга. По словам Ф. Энгельса, «занимаясь самим собой, человек только в очень редких случаях, и отнюдь не

с пользой для себя и для других, удовлетворяет свое стремление к счастью» (т. 21, с. 297). В процессе О. люди не только формируют свои представления о мире, вырабатывают взаимопонимание, находят «общий язык». О. — это одновременно обмен действиями, поступками, мыслями и чувствами, переживаниями с др. людьми, а также обращение человека к самому себе — к собственной душе, воспоминаниям, совести, мечтам. Для культурно развитого человека О. становится потребностью, его отсутствие воспринимается как тяжкая, невозполнимая утрата. «Тайна» О. состоит в стремлении и умении жить с др. людьми в согласии и доброжелательстве, щедро делясь с ними богатством собственной души, сердца. Человеческий, общественный смысл подобной самоотдачи определил К. Маркс: «...ощущать потребность в том величайшем богатстве, каким является *другой человек*» (т. 42, с. 125), для того чтобы «чувства и наслаждения других людей стали моим *собственным* достоянием» (там же, с. 121). О. — одновременно процесс воспитания и *самовоспитания*, в к-ром без дидактики и морализирования люди воздействуют друг на друга. Поэтому так важен вопрос о его нравственном смысле и культурных формах. Подлинно человеческое О. — форма творчества, помогающая выявить и раскрыть лучшие стороны личности. Оно строится на уважении достоинства др. человека, соб-

людении выработанных человечеством простых норм нравственности, привычек и т. п. Элементарная, казалось бы, привычка приветствовать при встрече друг друга имеет глубокий смысл, означая радость, что видишь знакомого или близкого человека здоровым, выражение расположения, симпатии и т. д. И не случайно у мн. народов приветствие представляет собой ритуал, церемонию. Наиболее содержательное, емкое и выразительное средство человеческого О.—слово, речь. Умение говорить и слушать, вести беседу — важное условие взаимопонимания, проверки истинности или ложности своих мнений, представлений. Но есть и «немой язык» человеческих чувств — взгляд, жест, к-рый может быть приветливым и обидным, красивым и вульгарным, выразить симпатию или антипатию к человеку; поза, манера держаться в разговоре, на трибуне и т. д. также характеризуют культуру, воспитанность человека. Жанр, способ и средства О. имеют нравственный, гуманистический смысл, поскольку раскрывают, насколько развита в человеке способность поставить себя на место и в положение др. людей. Формирование и совершенствование потребности в О. с др. людьми — важная задача нравственного воспитания в условиях социалистического, коллективистского об-ва и одновременно гарантия правильной направленности в развитии общительности, культуры О.

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ — средство духовного воздействия об-ва (массы людей, коллектива, окружающих) на поведение отдельных лиц и деятельность социальных организаций; одно из проявлений моральных отношений. Всякая форма общественной дисциплины (обычаи, традиции, нравы), поскольку она становится законом социальной жизни, к-рому добровольно следует большинство людей, отражается в их общественном сознании и поддерживается авторитетом их совместного мнения. Это коллективное мнение, одобряющее одни и осуждающее др. поступки, является одним из способов регулирования поведения людей в об-ве. С т. зр. марксистской этики определяющим моментом в регулировании поведения индивида является не его личное усмотрение, а О. м., к-рое опирается на определенные общепризнанные моральные принципы и критерии. В этом положении находит выражение материалистическое учение о роли народных масс и личности в истории. Хотя отдельный человек всегда способен и правомочен более или менее самостоятельно судить о значении своих действий, в гораздо большей степени этой способностью и правом обладает масса, коллектив, об-во в целом. Само личное самосознание формируется у человека в процессе его общественного воспитания, в значительной степени под воздействием мнения окружающих. Однако в классовом об-ве,

пока сохраняется противоречие между отдельным *человеком и обществом* в целом, между *личностью и коллективом*, требования О. м. и личной *совести* часто приходят в столкновение между собой. К тому же в антагонистическом об-ве не существует единого О. м., а то, что выдается за мнение об-ва, в действительности выражает мнение господствующего класса. При социализме уже не существует принципиального антагонизма между О. м. и убеждениями личности. Противоречия между ними возникают и преодолеваются в ходе борьбы нового со старым, в процессе совместного участия всех людей в решении возникающих социальных проблем. Именно в условиях единства общественных и личных интересов утверждается по-настоящему авторитет О. м. в социальной жизни, создается возможность для широких народных масс решать вопросы коммунистического строительства, преодолевать разногласия и споры посредством коллективного обсуждения и взаимного убеждения. О. м. в социалистическом об-ве, отражающее богатый коллективный опыт, в принципе обладает приоритетом перед всяким личным мнением. Но О. м. не противостоит мнению личности, а является результатом обобщения мн. индивидуальных взглядов. В свою очередь каждый человек получает возможность высказать свое суждение, отстаивать перед др. свою т. зр., проявлять инициативу, по-

чин, предложить остальным свой личный пример. Такую возможность предоставляет людям социалистическая демократия, принцип коллективности руководства, повсеместно внедряемый Коммунистической партией общественный контроль, *критика и самокритика*. Чем более сознательно и свободно народные массы участвуют в многостороннем процессе государственного и общественного управления, тем больший авторитет приобретает О. м. Формирование определенного коллективного мнения — создание атмосферы непримиримости ко всякому злу, несправедливости, тунеядству, нечестности, карьеризму, стяжательству — имеет первоочередное значение для утверждения коммунистических общественных отношений.

ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДОГОВОР — понятие, с помощью которого некоторые мыслители прошлого пытались объяснить происхождение государства, права и морали. Согласно теории О. д., первоначально человек пребывал в «естественном состоянии», на нем не лежало никаких обязанностей перед др., и каждый руководствовался лишь инстинктом самосохранения и личным интересом, удовлетворял свои потребности, полагаясь только на собственную силу. Это состояние неограниченной свободы имело следствием несогласованность действий людей или даже «войну всех против всех», что в конце концов приводило к ущемлению интересов каждого. Поэтому впоследствии

люди заключили между собой молчаливый или официально оформленный договор о том, что они обязуются соблюдать определенные нормы поведения и поступаются частью своей свободы в пользу государства, к-рое гарантирует неприкосновенность жизни и собственности каждого. Идеи О. д. высказывались еще в древности (софисты, *Эпикур*, *Цицерон*), но в виде развернутой теории были обоснованы буржуазными философами (*Гроций*, *Гоббс*, *Руссо* и др.). Положительное значение теории О. д. состояло в том, что она была направлена против религиозного, чисто традиционного или авторитарного объяснения происхождения права и морали. Однако в целом она оставалась идеалистической: из нее вытекает, что общественные законы, хотя их целесообразность и диктуется объективными потребностями человеческого общежития, якобы устанавливаются в результате волеизъявления и соглашения людей, являются продуктом человеческого разума. Данная теория оказала влияние на значительную часть буржуазных этических учений, в к-рых требования нравственности выводятся не из объективной зависимости человека от об-ва, не из законов истории, а из *обязательства*, к-рое люди принимают на себя перед об-вом по свосму усмотрению, руководствуясь собственной выгодой. Такое объяснение происхождения моральных обязанностей человека перед об-

вом, в сущности, является индивидуалистическим и субъективистским и поэтому отвергается марксистской этикой.

ОБЩЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ И КЛАССОВОЕ В НРАВСТВЕННОСТИ. — Марксистско-ленинская этика исходит из положения об историческом и классовом характере морали. Она считает, что моральные требования обусловлены социальными отношениями, господствующими в об-ве, изменяются в соответствии с изменением общественного бытия человека и понимаются различными классами по-разному, в зависимости от места этих классов в системе общественного разделения труда, их отношения к средствам производства. Всякая новая идея морали, возникающая исторически, утверждается в жизни об-ва посредством активной деятельности ее носителя, заинтересованного практически в ее всеобщем осуществлении. Этим носителем нравственного сознания обычно и является вполне определенный класс, обладающий известными материальными и идеальными интересами, способностью организовать себя и целенаправленно воздействовать на развитие об-ва. Классы, выступающие на исторической арене, могут быть прогрессивными или реакционными, трудящимися или эксплуататорскими. Этим и определяется характер и природа исповедуемой и проповедуемой ими морали. В результате возникают конфликты между различными ти-

пами морали, обычно разрешаемые в ходе смены одной общественно-экономической формации др., в условиях к-рой возникают новые противоречия. И так вплоть до утверждения коммунистической формации. Но, подвергая критике моральный *абсолютизм*, марксистская этика вместе с тем отвергает и т. зр. *релятивизма*. Ведь всякая классовая мораль отражает не просто особые интересы к.-л. класса, а объективные законы общественной жизни при данных исторических условиях. В отличие от узкосословной морали, классовая мораль имеет всеобщий характер, поскольку формирует требования для всех людей данного об-ва. Она либо становится господствующей в этом об-ве, либо является оппозиционной (в антагонистическом об-ве — революционной) и требует соответственно устранения существующих условий жизни и построения нового социального порядка. В обоих случаях классовая мораль выступает по форме как общечеловеческая. Но в действительности она становится таковой в зависимости от того, насколько она соответствует дальнейшему развитию исторического процесса. Наряду с этим в истории человечества, к-рая представляет собой последовательную смену общественно-экономических формаций, сохраняются нек-рые общие для всех исторических эпох условия жизни людей и формы человеческого общежития. Сохраняется, следовательно, и преемствен-

ность тех или иных моральных *требований*. В осн. это касается требований, связанных с простейшими формами взаимоотношения людей: не воровать, не убивать, помогать людям в трудностях, выполнять обещания, говорить правду и т. п. Во все времена так или иначе осуждались жестокость, жадность, трусость, лицемерие, вероломство, клевета, зависть, высокомерие и поощрялись смелость, честность, самообладание, великодушие, скромность. Но вместе с тем по-разному понимались условия и границы применимости этих требований и относительное значение этих моральных *качеств*. Кроме того, если моральное содержание требований (какие поступки они предполагают) сохранялось примерно одинаковым, то совершенно различным в разные эпохи оказывался их социальный смысл (какие общественные потребности и задачи выполнялись при осуществлении этих требований). *Общечеловеческой* в морали является как совокупность определенных всеобщих нравственных требований, так и логическая структура морального *сознания*, форма, в к-рой выражаются его представления. В более сложных моральных представлениях (в таких, напр., как понятия *справедливости*, *человеколюбия*, *благодаяния*, *злодеяния*) устойчивой оказывалась только абстрактная форма, способ, каким они определяются посредством др. моральных понятий (напр., то, что под человеколюбием пони-

мается любовь к людям, уважение человеческого достоинства и т. д.), но содержание вкладывалось в эти понятия в разные эпохи разными классами каждый раз иное; эти понятия предполагали иногда совершенно различные поступки. В таких общих для всякой морали понятиях, как моральная *норма*, *оценка*, *качество*, *принцип*, нравственный *идеал*, *добро*, относительно устойчивым является только их логическая форма, место, занимаемое ими в самых различных системах нравственности, выполняемая ими роль в моральном рассуждении и обосновании (*Язык моральный, Логика морального языка*). Коммунистическая нравственность сохраняет все созданные до нее формы морального сознания (нормы, оценки, идеалы и т. д.). Но в ней первоочередное значение приобретают более сложные формы — *принципы*, общественный идеал. Вместе с тем коммунистическая мораль включает «основные правила всякого человеческого общежития» (*Ленин В. И.*, т. 33, с. 102), осн. общечеловеческие моральные нормы, к-рые выработаны народными массами в течение тысячелетий в борьбе с социальными пороками и несправедливостью. Мн. понятия — справедливости, *гуманизма*, *равенства*, *достоинства* личности и др. — впервые наполняются подлинно человеческим содержанием, распространяются на все осн. области человеческого бытия, начинают применяться к определяю-

щим условиям жизнедеятельности людей — к собственности на средства производства, социальному положению, удовлетворению материальных и духовных потребностей, условиям труда. Являясь по своему происхождению пролетарской, классовой, коммунистическая нравственность направлена в конечном итоге на удовлетворение интересов всего человечества, учитывает исторические потребности его дальнейшего развития. В этом смысле она является подлинно общечеловеческой.

ОБЫЧАЙ — вид общественной дисциплины; исторически сложившаяся и распространенная в обществе или коллективе форма действий, повторяющихся в определенных обстоятельствах. Социальная жизнь при всем ее разнообразии и сложности характеризуется частой повторяемостью сходных ситуаций, к-рые требуют от людей однотипных поступков. Общепринятые приемы и способы труда, повторяющиеся в рамках одного общества формы общественно-политической деятельности, брачно-семейной жизни, взаимоотношений людей в быту, религиозные *ритуалы* и т. п. — все это и составляет О. в самом широком смысле слова. Посредством их происходит передача форм массовой деятельности от коллектива к отдельной личности, к-рая усваивает их в процессе общественного воспитания, и от поколения к поколению, к-рые их сохраняют и последовательно передают дальше. К О. же в болес

узком смысле слова относят только такие действия, к-рые воспроизводятся массами стихийно. Поэтому к О. нельзя, напр., отнести распорядок деятельности, предусмотренный к.-л. инструкциями. От О. также отличают общественные *навыки*, к-рым специально обучают; формы производства и распределения, поскольку они регулируются отношениями собственности; санкционированные об-вом правила, поддерживаемые властью государства правовые нормы (*Мораль и право*). О., к-рые поддерживаются посредством моральных *отношений*, называются *нравами* (см. также *Привычки*). Хотя О. являются составной частью нравственной *деятельности*, к ним не сводится моральное поведение. Ведь мораль предполагает наряду с общепринятыми нек-рые исключительные действия (*героизм, подвиг, подвижничество*). Кроме того, моральные требования и действия часто выше обычных форм поведения, иногда даже отрицают существующие устои жизни, имеют прогрессивно-исторический смысл, устремлены в будущее, тогда как О. лишь воспроизводит те формы поведения, к-рые уже установились. О. представляет собой элемент принятого в об-ве *образа жизни*, к-рый, в свою очередь, складывается из совокупности различных О. При развитии об-ва, и особенно при переходе от одной социальной формации к др., происходит преобразование и ломка О., борьба старых и новых О.

Напр., победа социализма над капитализмом в повседневной жизни об-ва как раз и состоит, как указывал В. И. Ленин, в творчестве новых форм общественной дисциплины и преодолении пережитков старого в поведении людей, т. е. в формировании новых О., отвечающих условиям социалистической действительности.

ОБЫЧНОЕ ПРАВО — *обычай*, закрепленные государством в качестве правовых норм. О. п. появляется при образовании классового об-ва и государства. При первобытнообщинном строе поведение членов рода регулировалось велениями органов родового самоуправления (старейшинами, советом старейшин) и обычаями. Самые ранние системы права состоят в осн. из обычаев, переработанных в интересах господствующего класса. Юридическими нормами О. п. становятся только те обычаи, к-рые защищают устои существующего общественного строя. О. п. характерно как для рабовладельческого, так и для феодального об-ва. Примерами О. п. служат такие кодексы, как «Законы двенадцати таблиц», «Русская правда», «Саксонское зеркало». Зачастую в качестве норм О. п. были санкционированы самые гнусные обычаи (напр., право первой ночи). С победой буржуазных революций из правовых норм исключались наиболее устаревшие и дикие обычаи. Однако, стремясь к компромиссу с дворянством, буржуазия сохранила отдельные нор-

мы О. п. В совр. буржуазных государствах нормы О. п., хотя и в незначительной мере, применяются судами при решении конкретных дел. Нек-рую роль О. п. играет в международных торговых отношениях. Законодательство социалистических стран в редких случаях признает за обычаями значение юридических норм (при разделе имущества, наследовании имущества крестьянского двора и в нек-рых др.). Обычаи, в к-рых отражаются вредные пережитки прошлого, преследуются законом.

ОБЯЗАННОСТЬ (моральная) — нравственное *требование*, когда оно выступает как *долг* человека, как возлагаемая на него задача. В отличие от категории долга, понятие О. имеет, с одной стороны, более общий характер, поскольку в нем формулируются требования, равно относящиеся ко множеству людей, а с др. — более конкретный характер, т. к. оно раскрывает содержание предписываемых человеку поступков (что именно он должен делать). Долг человека состоит в том, чтобы выполнять определенные О. Последние предусматривают самые различные действия в зависимости от той сферы человеческой жизнедеятельности (*Отношения моральные*), к к-рой они относятся (семейные, общественные, трудовые О.); их выполнение становится долгом в определенных ситуациях, в к-рые человек попадает. Лишь на основе выполнения всеми людьми лежащих на них мораль-

ных О. создается возможность согласованного действия всех звеньев общественного организма, поддержания определенной общественной *дисциплины*. И наоборот, пренебрежение своими О. ведет к подрыву этой дисциплины, к падению авторитета нравственных требований, способствует развитию атмосферы попустительства злу и безнаказанности, взаимного недоверия между людьми. Поэтому моральный долг каждого отдельного человека состоит не только в том, чтобы выполнять нравственные требования, когда общественно полезные последствия этого очевидны, но и способствовать строгому исполнению лежащих на нем О., утверждению и укреплению тех моральных принципов, к-рые он исповедует. В реальной жизни различные О. могут не согласовываться и даже противоречить друг другу, ставя человека в ситуацию морального *выбора*. *Лицемерие* морали эксплуататорского об-ва состоит в том, что ее требования не распространяются в равной мере на представителей различных классов. Действенность же коммунистической нравственности заключается в ее всеобщности, в действительном *равенстве* всех перед ее требованиями.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВО — добровольное возложение человеком на себя *обязанности* перед об-вом или отдельными людьми. Практика взаимных О. (обещаний) играет большую роль в жизни об-ва, начиная от личных взаимоотноше-

ний и кончая отношениями государств. Данное человеком О. позволяет всем др. заранее рассчитывать на определенное с его стороны поведение в дальнейшем. О. является, т. обр., одним из способов взаимной координации действий людей. Мн. виды О. (договоры, контракты) закрепляются с помощью правовых санкций. В морали же практика взаимных О. выступает в виде требования сохранять верность данным обещаниям, выполнять их. В буржуазной этике О. иногда трактуется как источник всех др. моральных требований. Согласно теории *общественного договора*, моральный долг человека перед об-вом происходит из его добровольного соглашения со всеми остальными людьми выполнять определенные правила совместной жизни. Марксистская этика рассматривает взятое О. лишь как один из случаев морального долга. О. человека перед об-вом объективно обусловлены и не зависят от его усмотрения. Но помимо выполнения общих для всех нравственных требований в определенных случаях человек берет на себя дополнительные О. В социалистическом об-ве, напр., каждый обязан трудиться по способностям. Но поскольку существуют общепризнанные средние нормы труда, отдельный человек или коллектив в целом могут взять О. превысить их. Практика таких социалистических обязательств имеет большое значение в повышении

общественной производительности труда. Коммунистическая нравственность требует от всех людей выполнения взятых на себя О. в общественной и личной жизни. Однако это требование не следует понимать безусловно. Когда выполнение обещания влечет за собой аморальное деяние, от него следует отказаться. Так, прочность социалистической семьи предполагает верность супругов принятым на себя брачным О. Однако в том случае, когда в силу к.-л. причин продолжение супружеских отношений приводит лишь к унижению человеческого достоинства, создает нетерпимую обстановку для обоих и для нормального воспитания детей, расторжение брака может быть правильным с моральной т. зр. решением (*Брачно-семейная мораль*).

ОДОБРЕНИЕ (моральное) — см. *Санкция*.

ОПТИМИЗМ — (лат. *optimus* — наилучший) — воззрение на общий ход исторических изменений, согласно к-рому всегда существует возможность приблизить действительность к идеалу добра; убеждение в достижении в конце концов его торжества над злом, а справедливости — над несправедливостью, в способности человека к безграничному социальному развитию и моральному совершенствованию. Противоположен *пессимизму*. О. как общественное настроение и как система философско-этических взглядов тесно связан с идеей социально-исторического и

нравственного *прогресса*. Будучи способом практической ориентации человека, О. позволяет людям ожидать от будущего исполнения их желаний и достижения планируемых результатов действий. Именно поэтому принцип О. считается плодотворной основой поведения индивида. Вера в лучшее будущее способствует разворачиванию деятельных, творческих способностей личности, помогает формировать у нее положительные нравственные качества. В истории этики О. обосновывали по-разному. Идеалист *Платон*, напр., признает существование абсолютной справедливости и добра, но переносит их местопребывание в царство идей. В эмпирическом мире человек может быть добродетелен при условии, если разум (через к-рый индивид причастен к миру идей) подчинит себе все стороны его жизни. Более реалистичен О. *Демокрита*, *Аристотеля*, *Эпикура* и др. мыслителей античности, к-рые видели основу добродетельной и счастливой жизни в разумном управлении человеком своими чувственными побуждениями и деятельностью. Представители христианской морали и средневековой философии, хотя и полагали, что зло в конечном итоге преодолевается (*Августин*, *Фома Аквинский* и др.), ставили торжество добра в зависимость от воли бога, переносили его реализацию в потусторонний мир. Земная же жизнь, по их мнению, полна горя и страданий, а *грех* и *вина* — су-

щественные изначальные свойства человеческой природы. Подобный О. является мнимым, т. к. покоится на признании неискоренимости зла в реальной жизни. Фактически он равнозначен пессимизму. В новое время сторонником абсолютного О. выступил *Лейбниц*. Он считал, что мир населен несовершенными существами (бесконсчен и совершенен только бог), поэтому зло в об-ве неизбежно. Но поскольку всеблагой бог не мог создать мир плохим, добро превалирует в жизни над злом. Более того, зло — это фон для торжества добра, а наш мир — наилучший из всех возможных миров. Мысль о том, что зло — ступенька к добру, поддерживалась И. В. Гете, *Фихте* и др. мыслителями. О. *Гегеля* основан на его учении о прогрессе истории. Добро, по Гегелю, — это реализованная свобода, конечная цель мира. И хотя зло в жизни необходимо, на нем, с т. зр. Гегеля, не следует застревать, оно непременно «должно быть преодолено, как ничтожное». Из веры в социальный прогресс и революционное изменение об-ва, в победу правды и справедливости вытекает О. революционных демократов (*Герцена*, *Чернышевского* и др.). В одну из самых мрачных эпох России Чернышевский призывал работать для будущего, приближать его. С конца XIX в., когда капитализм перерастает в империалистическую стадию, буржуазные социологи и философы морали, как правило, отвергают идею

исторического и нравственного прогресса, пессимистически оценивают положение человека в мире, перспективы его совершенствования. Марксистская этика стоит на т. зр. О. Однако она отвергает идеалистические и метафизические его концепции, к-рые на практике оправдывают и увековечивают социальное и моральное зло. О. марксистского учения основан на том, что оно установило связь отрицательных сторон действительности, нередко порождающих пессимистическое отношение к жизни, с конкретными, исторически преходящими условиями существования об-ва (таковы, напр., антагонистические противоречия капитализма). Чтобы избавиться от этих условий и порождаемого ими зла, человек должен активно и сознательно бороться с ними. Предпосылкой такой сознательной борьбы является знание законов общественного развития. Открыв эти законы, а также социальные силы, реализующие их, исторический материализм впервые дал оптимистическому мировоззрению научное обоснование.

ОСУЖДЕНИЕ (моральное) — см. *Санкция*.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ (нравственная) — категория этики, характеризующая личность с т. зр. выполнения ею нравственных требований, предъявляемых об-вом; выражающая степень участия личности и социальных групп как в их собственном нравственном совершенствовании, так и в со-

вершенствовании общественных отношений. Если *долг* человека состоит в том, чтобы осознать, применить к конкретному положению, в к-ром он находится, и практически осуществить моральные требования, то вопрос о том, в какой мере эта задача выполняется или в какой мере человек повинен (*Вина*) в ее невыполнении, — это вопрос о личной О. Т. обр., О. — это соответствие моральной деятельности личности ее долгу, рассматриваемое с т. зр. возможностей личности. В связи с этим проблема О. охватывает следующие вопросы: в состоянии ли человек вообще выполнять предписываемые ему требования; в какой мере правильно он их понял и истолковал; как далеко простираются границы его деятельных способностей; должен ли отвечать человек за достижение требуемого результата и за те последствия своих действий, на к-рые оказывают влияние внешние обстоятельства, может ли он предвидеть эти последствия. Все эти вопросы решались теоретиками морали в зависимости от того, как им представлялось действительное положение человека в об-ве, в к-ром они сами жили. Проблема О. в домарксистской этике была особенно трудной потому, что во всей предшествующей истории общественные законы действовали стихийно, находились вне контроля человека. Люди в своей деятельности оказывались игрушками слепых, непонятных

для них сил. В условиях родового и общинного строя человек полностью зависел от «судьбы» и одновременно был повинен за все последствия своих действий, к-рые он не мог предвидеть. В совр. капиталистическом об-ве положение человека остается столь же противоречивым. Поэтому буржуазные философы при решении проблемы О. большей частью либо признают человека целиком повинным в последствиях его поступков, не учитывая влияния внешних обстоятельств (*экзистенциализм*), либо объявляют человека практически неменяемым, полностью оправдывая его в том, что он неправильно понимает свой долг, не достигает тех результатов, к-рых добивается (*деонтологический интуитивизм*). Марксистская этика решает вопрос об О. исторически конкретно. Проявления моральной безответственности людей в классово-эксплуаторском об-ве в конечном счете обусловлены бесчеловечным характером общественных отношений (*Отчуждение*). Личная О. человека неизмеримо возрастает в условиях социализма, где ликвидируется стихийность действия экономических законов, где люди получают возможность сознательно участвовать в коллективном преобразовании об-ва. В процессе формирования коммунистических отношений мера личной О. каждого постоянно увеличивается соответственно развитию массовой общественной активности, соз-

нательности людей, самостоятельности и творчества трудящихся во всех областях жизни и деятельности. К О. необходимо подходить конкретно, исходя из органического единства прав и обязанностей, учитывая, какое место занимают индивиды и группы людей в системе социальных связей. Чем шире общественные полномочия и реальные возможности индивидов, тем выше мера их О. Проблема О. — это в конечном счете вопрос о реальной нравственной свободе человека, к-рая в полной мере осуществляется лишь с гармоническим развитием всех способностей личности (*Всестороннее, целостное развитие личности*).

ОТКЛОНЯЮЩЕЕСЯ (или девиантное) **ПОВЕДЕНИЕ** (лат. *deviatio* — уклонение, отклонение) — особый вид морального зла, выражающийся в негативных отступлениях от *норм* и образцов поведения. Буржуазные теоретики неопозитивистских направлений (*Неопозитивизм*) оценивают эти отступления с внеклассовых и антиисторических позиций, приравнивая действительно негативное поведение (скажем, преступность) к проявлениям исторически неизбежного преодоления массами господствующей (буржуазной) морали. Человеческое поведение подлежит моральной оценке с т. зр. не только общеобязательной нормы, но и нравственного *идеала*. Поэтому к О. п. можно отнести далеко не все поступки, не укладывающиеся в рамки обыденной

моральности, а лишь те, к-рые противоречат идеалу. Такие же отступления от нормы, к-рые возвышаются над уровнем обыденности (*почин, подвиг* и т. д.), заключают в себе положительный моральный смысл, нацелены на совершенствование существующих общественных и нравственных отношений, конечно, не являются О. п. Акты О. п. возможны и в условиях социализма (напр., разного рода нарушения *правил социалистического общежития*). Их истоки коренятся в различной степени полноты и глубины усвоения личностью принципов и норм социалистической морали, в неумении применять их в сложных жизненных ситуациях, в неодинаковом уровне нравственной культуры людей. О. п. обуславливается и многозначностью последствий нек-рых положительных социальных процессов (урбанизация, рост потребления), к-рые, с одной стороны, цементируют общественные *нравы*, но с др.—порождают специфические трудности воспитательного характера. Пути преодоления О. п. лежат в русле использования всех возможностей системы общественного воспитания (*Комплексный подход к воспитанию*), в укреплении единства идеологических, организационных, хозяйственных и культурных аспектов человеческой деятельности в развитии социалистическом об-ве.

ОТНОШЕНИЕ К ЖЕНЩИНЕ — одна из важнейших сфер взаимоотношений людей. С мо-

ральной т. зр. это отношение составляет специфическую проблему, поскольку женщина выполняет в об-ве особую роль (прежде всего на нее ложится задача рождения и воспитания ребенка) и исторически была поставлена в особое общественное положение благодаря разделению труда между полами. Именно потому, что общественное по своей сути отношение мужчины к женщине имеет под собой природную основу различия и взаимоотношения полов, «в нем обнаруживается, в какой мере *естественное* поведение человека стало *человеческим*... в какой мере *потребность* человека стала *человеческой* потребностью... в какой мере сам он, в своем индивидуальнейшем бытии, является вместе с тем общественным существом» (*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 42, с. 115—116). О. к ж. изменялось исторически вместе с развитием человеческой культуры. Но прогресс в этой области был крайне противоречивым. С одной стороны, вырабатывались различные формы внешнего уважения к женщине — поклонение ее красоте, воспевание ее в искусстве, забота о представительнице «слабого пола», особый *этикет* в обращении с ней. С др. стороны, фактически не признавалось ее равноправие в общественной жизни, чем ущемлялось ее человеческое достоинство, а за поклонением красоте часто скрывалось О. к ж. «как к *добыче* и служанке общественного сладострастия...» (там же,

с. 115). В совр. буржуазном об-ве примером этого могут служить различные уродливые формы культа женского тела (ажитаж вокруг «конкурсов красоты», использование «красоток» в коммерческой рекламе, стриптиз), являющиеся, в сущности, утонченными формами торговли и спекуляции женщиной. Социалистическое об-во начинает эмансипацию женщины с действительного признания ее равноправия с мужчиной в трудовой и общественно-политической деятельности. Но это лишь первый шаг в деле полного освобождения женщины, поскольку, «несмотря на все освободительные законы», женщину, говорит В. И. Ленин, «давит, душит, оупляет, принижает *мелкое домашнее* хозяйство, приковывая ее к кухне и к детской, расхищая ее труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервляющею, оупляющею, забивающею» (т. 39, с. 24). Постепенное освобождение женщины от бремени домашних работ осуществляется благодаря постоянной заботе государства об улучшении условий быта, облегчении домашнего труда, развитии системы общественного воспитания детей. Тем не менее в силу особой роли женщины в воспроизводстве человеческой жизни и особенностей ее биологического и психического склада не снимается вопрос об особо заботливом и чутком отношении к ней, об уважении женского достоинства, о подлинно человеческой любви к фи-

зической и духовной красоте женщины. Коммунистическая нравственность требует от мужчины внимательного и тактичного О. к ж. как в общественной жизни, так и в личных взаимоотношениях (см. также *Брачно-семейная мораль*).

ОТНОШЕНИЕ К ПРИРОДЕ — одна из сфер общественной жизнедеятельности человека, заключающая в себе нравственно-ценностное содержание (*Этика и экология*). О. к п. зависит от господствующего в об-ве способа производства, осуществляется на основе общественных связей между людьми. В субъективном плане О. к п. — своеобразная проекция тех критериев и оценок, к-рые применяются в межличностном общении. Можно выделить три осн. исторических типа, а соответственно и три ценностные модели О. к п. На начальной стадии развития, когда производство осуществлялось гл. обр. в форме охоты и собирательства, О. к п. носило по преимуществу приспособительный характер. Объективная зависимость от наличных богатств природной среды нашла отражение в субъективном мироощущении древн. человека, в его О. к п. с суеверным *страхом*. Природа при таком подходе осмысливается как высшее начало, выступает объектом благоговения и религиозного поклонения. С ростом производительных сил человек постепенно подчиняет себе природные силы, приспособливает их к своим потребностям, преобразует формы

природного вещества по своему усмотрению. Господство человека над природой необычайно возрастает с переходом от ручного орудия к машинному производству (промышленная революция). Однако частнособственническая форма развития производительных сил обуславливает превращение эксплуатации природы в ее хищническое ограбление. На этой основе складывается представление о природной среде лишь как о внешнем объекте пользования. Утилитарно-торгашеское сознание полностью лишает природу ценностного статуса, низводит ее до уровня средства для достижения экономической выгоды. В совр. период активизируется борьба мировой демократической общественности за сохранение среды обитания, в ходе которой утверждаются антибуржуазные нормы О. к п. (*Экологическая этика*). Вместе с тем в качестве неадекватной реакции на буржуазный прагматизм на Западе наблюдается оживление сентиментально-благодушных воззрений на природу. Коренные особенности социалистического производства (планомерный характер, ориентированность на благо трудящихся и т. п.) рождают новое О. к п., призванное гарантировать здоровое существование и прогрессивное развитие человечества. Ценностная сущность социалистического природопользования состоит в бережном, заботливом О. к п., что соответствует целям *всесто-*

ронного, целостного развития личности. Социалистической морали чужды как благоговейное преклонение перед природой, так и узкопрагматистский взгляд на нее. Она формирует ответственное О. к п., основанное на убеждении, что природа принадлежит всему об-ву, включая и грядущие поколения людей. Особое воспитательное значение имеет заботливое отношение к животным, являющееся специфическим выражением *нравственной культуры личности.* Признание ответственности человека за сохранение природной среды не только реальный факт социалистического общественного сознания, но и важная задача общественной жизнедеятельности, к-рая решается в процессе соединения преимуществ социализма с достижениями научно-технической революции.

ОТНОШЕНИЕ К СОБСТВЕННОСТИ — экономическая и этическая категория, характеризующая как объективное отношение человека к средствам производства и потребления (форма собственности), так и субъективное отношение людей к предметам общественного богатства. О. к с. неразрывно связано с *отношением к труду* и исторически изменяется вместе с экономическим строем об-ва. В предмете собственности воплощен человеческий труд, а в ее формах отражено социальное положение людей в об-ве. Поэтому в том, как человек относится к собственности, выражено его отношение к

самому себе как к общественному существу, созидателю и потребителю материальных и духовных благ, к др. людям и к об-ву в целом. Буржуазная мораль рассматривает частную собственность как определяющее условие проявления возможностей и способностей человека, гарантию свободы личности и критерий ее достоинства. В действительности же именно частная собственность делает человека несвободным, принижает его достоинство, искажает его потребности. С т. зр. буржуа, обладание предметом тождественно его полному присвоению. На самом же деле частная собственность на предмет и его употребление на благо человека постоянно вступают между собой в противоречие. «Чем меньше ты ешь, пьешь, чем меньше покупаешь книг, чем реже ходишь в театр... тем больше ты *сберегаешь*, тем больше становится твоё сокровище... Чем ничтожнее твоё *бытие*, чем меньше ты проявляешь свою жизнь, тем больше твоё *имущество*... Таким образом, все страсти и всякая деятельность должны потонуть в *жажде наживы*» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 42, с. 131—132). Поэтому буржуазное О. к с. состоит в *корыстолюбии*, *стяжательстве*, *скупости*, *скаредности* (*Бережливость*) и в их оборотной стороне — *расточительности*. При этом в первую очередь приносятся в жертву потребности рабочего, к-рые рассматриваются капиталистом как «издержки производства» и к-рые он стремится дове-

сти до минимума. Буржуа видит в своём богатстве не средство всестороннего развития своей личности, а орудие власти, гарантию кредита, символ престижа. Принципиально иное О. к с. утверждается в социалистическом об-ве, где общественная собственность является достоянием самих трудящихся, залогом удовлетворения растущих потребностей каждого члена об-ва. Требование ее неприкосновенности отнюдь не означает принесение в жертву интересов людей ради потребностей производства самого по себе. Бережливое отношение к социалистической собственности прежде всего предполагает наиболее целесообразное (экономичное и эффективное) использование имеющихся в распоряжении об-ва средств для повышения благосостояния трудящихся. Именно этот смысл имеет требование морального кодекса строителя коммунизма: «Забота каждого о сохранении и умножении общественного достояния». Борьба с расхищателями общественной собственности, с бесхозяйственностью и расточительством — это не что иное, как защита интересов трудящихся. Коммунистическая мораль предполагает уважение и к личной собственности граждан, поскольку в ней воплощены мера участия ее владельца в общественном труде и труд др. людей. Отношение к предмету потребления как к материальной и эстетической ценности не должно приводить к превращению его в фетиш, в объект накопления

и стяжательства, в символ обывательски понимаемого благополучия (*Мещанство*). Коммунистическая нравственность требует от человека, чтобы не он становился рабом вещи (*Потребительство*), а вещь служила ему, была средством разумного удовлетворения его разносторонних потребностей.

ОТНОШЕНИЕ К ТРУДУ — экономическая и этическая категория, раскрывающая как объективное положение трудящихся в производственном процессе, форму их участия в общественном труде, так и субъективное их отношение к своей общественно полезной деятельности. В экономическом плане О. к т. определяется характером трудовых стимулов людей. В эксплуататорском об-ве, напр., привлечение к труду осуществляется в осн. через насильственное и экономическое принуждение. Соответственно, человек в своей трудовой деятельности либо подчиняется силе, либо побуждается материальным интересом. В моральном плане О. к т. включает представления людей о цели и смысле труда, о его значении для об-ва и в жизни человека. О. к т. составляет основу различных трудовых обязанностей человека перед об-вом и перед др. участниками производства (*Труда нравственность, Профессиональная этика*). О. к т. исторически менялось, приобретая новые формы при переходе от одной общественно-экономической формации к др. От социальной формы труда и тех целей, к-рые в нем

преследуются, в значительной мере зависит и понимание содержания нравственного долга личности перед об-вом, назначения и *смысла жизни* человека. В эксплуататорском об-ве производительный труд является подневольным, поэтому самому производителю он представляется необходимостью, навязанной человеку извне, мучительным бременем, неизбежным злом. Из этого положения и исходит господствующая здесь мораль, к-рая идеологически оправдывает и духовно закрепляет принудительный характер труда. В христианской морали труд изображается как проклятие, ниспосланное человеку богом. Вся земная жизнь, в том числе и труд, представляется лишь как подготовка к загробной жизни, как искупительное страдание ради достижения «вечного блаженства» в будущем (*Религиозная мораль, Аскетизм*). О. к т. как к проклятию и пути достижения наслаждения в будущем в принципе остается и при капитализме. Труд рассматривается рабочим лишь как средство к жизни, к-рая начинается только за воротами фабрики, по ту сторону общественно полезной деятельности. Поскольку труд выступает как принудительный, моральные стимулы к труду имеют крайне ограниченное значение. С помощью нравственной проповеди теоретики буржуазной морали пытаются преодолеть естественное отвращение трудящихся к эксплуатируемому труду. Реальная возможность тру-

даться на благо всего об-ва, во имя интересов человека впервые появляется в условиях социализма, где целью производства является наиболее полное удовлетворение материальных и духовных потребностей людей. Поэтому труд выступает здесь не только как средство к жизни (материальная заинтересованность), но и как сознательное и свободное служение людям, как подлинное назначение человека, как деятельность, в к-рой личность утверждает себя. Эта сторона социалистического труда по мере строительства коммунистического об-ва постепенно расширяет свои границы, становится определяющей. Соответственно расширяется сфера действия моральных стимулов в трудовой деятельности. Коммунистическое О. к т. утверждается в жизни об-ва как результат дальнейшего прогресса производительных сил и формирования коммунистических общественных отношений, развития сознательности всех людей. Оно означает, как определяет его В. И. Ленин, труд «не по заранее установленным и узаконенным нормам, а труд добровольный, труд вне нормы, труд, даваемый без расчета на вознаграждение, без условия о вознаграждении, труд по привычке трудиться на общую пользу и по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу, труд, как потребность здорового организма» (т. 40, с. 315). Формирование коммуни-

стического О. к т. у широких масс трудящихся представляет собой сложный и длительный процесс. О. к т. в значительной мере определяется самим характером труда (насколько он является творческим, дающим простор для развития индивидуальности работника, или наоборот), что в свою очередь зависит от уровня развития техники и связанного с нею общественного разделения труда. Поэтому превращение труда в первую жизненную потребность предполагает не только рост сознательности масс, но и решение мн. сложных социально-экономических проблем (см. также *Соревнование*).

ОТНОШЕНИЯ МОРАЛЬНЫЕ — особый вид общественных отношений, совокупность зависимостей и связей, к-рые возникают у людей в процессе их нравственной деятельности. О. м. можно классифицировать по содержанию, по форме, по способу общественной связи между людьми в процессе их совместной нравственной деятельности. По содержанию О. м. различаются в зависимости от того, по отношению к кому человек имеет определенные обязанности и какого рода эти обязанности. Примерами отношения человека к об-ву в целом являются обязанности трудиться, верности своей стране, делу освобождения трудящихся (*Отношение к труду, Патриотизм, Интернационализм, Солидарность*). Можно также выделить О. м., в к-рых находится человек по роду своей деятельно-

сти (*Профессиональная этика*) и благодаря своему участию (в той или иной форме) в различных областях общественной жизни (*Труда нравственность, Быта нравственность, Брачно-семейная мораль*). Специфические обязанности лежат на человеке по отношению к членам об-ва, находящимся в особом положении: к детям, престарелым, к женщине (*Отношение к женщине*), к членам коллектива, к к-рому он принадлежит (классу, партии, трудовому коллективу, семье), к людям, с к-рыми он находится в особых отношениях (*Любовь, Дружба, а также Обязательство, Благодарность*) и с к-рыми он так или иначе вступает в контакт (поведение в общественных местах, *этикет*, помощь пострадавшему, мелкие услуги случайным встречным). Однако, какова бы ни была конкретная сфера обязанностей человека и независимо от того, в адрес кого (частного лица, группы людей) они направлены, во всех случаях человек в конечном счете находится в О. м. к об-ву в целом и к самому себе как к члену этого об-ва. Ф о р м ы О. м. различаются в зависимости от того, каким образом выступает перед человеком нравственное требование, насколько обобщенный или конкретизированный характер оно имеет. Это требование, напр., может быть выражено в виде единичного предписания к.-л. индивиду совершить определенный поступок в конкретной ситуации; оно может повелевать всем людям со-

вершать определенные действия в сходных ситуациях (*Норма моральная*); предписывать постоянно формировать в себе известные моральные качества, строить образ жизни и выбирать линию поведения в соответствии с более общими нравственными *принципами*, подчинять свою деятельность осуществлению нек-рой конечной и высшей цели, преобразованию об-ва на подлинно нравственных началах и достижению личного совершенства (*Идеал*). Сообразно различным формам нравственного требования и отношение индивида к об-ву каждый раз имеет особый характер. Кроме того, эти требования каждый раз преломляются в особых личностных формах морального отношения (*Долг, Ответственность нравственная, Честь, Достоинство, Совесть*), в каждой из к-рых проявляется степень и способ самоконтроля человека в его нравственной деятельности. Наконец, в процессе совместной деятельности люди вступают друг с другом в различные связи, подчиняются общественной дисциплине, следуют установившимся *обычаям, традициям, нравам, привычкам*, взаимно оценивают поступки (*Санкция*), совершают *почин*, подают *пример*, воздействуют на поступки окружающих силой своего морального авторитета, вступают между собой в *соревнование*, участвуют в массовых движениях и т. п. Во всех этих формах О. м. всегда существуют две стороны — субъект и

объект, но эти стороны то и дело меняются местами. Напр., поскольку человек имеет определенные обязанности перед об-вом и др. людьми, сам он выступает как субъект, а об-во и др. люди — как объекты его моральной деятельности. Но этот же человек является объектом моральных обязанностей для др. людей, для об-ва (т. к. оно тоже должно защищать его интересы). С одной стороны, об-во формулирует обязанности отдельной личности и оценивает ее поступки, относится к ней как субъект к объекту. Но с др. стороны — моральные требования становятся личным долгом и ответственностью каждого человека, сознаются им и активно проводятся в жизнь. Чем выше *сознательность* человека, чем более он способен самостоятельно контролировать и направлять свои действия, тем в большей мере он является *самодетельным субъектом (Самодетельность и творчество)*. Конкретные случаи содержания, сфер и форм О. м. рассматриваются в различных *категориях этики* и находят отражение в соответствующих формах морального сознания.

ОТЧУЖДЕНИЕ — философская категория; означает превращение результатов и продуктов деятельности в нечто не зависящее от человека и господствующее над ним; извращение характера человеческой деятельности так, что она лишается творческого содержания, а сам человек деперсонифицируется, поскольку обществен-

ные отношения людей приобретают форму отношения вещей. Понятие О. возникло в философии нем. и фр. Просвещения, подвергнувшего критике антигуманный характер об-ва, в к-ром достижения социального прогресса и культуры обращаются против человека. Но эта критика не выходила за рамки нравственного осуждения бесчеловечности существующего об-ва (*Морализирование*) и не вскрывала действительной социальной причины О. Лишь К. Маркс показал, что в классово антагонистическом об-ве О. есть результат социального разделения труда и выражается в господстве частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком. Люди устанавливают свои отношения друг с другом стихийно и не могут контролировать их; совместная общественная деятельность, ее результаты и социальные связи людей оказываются внешними и чуждыми каждому человеку и различным социальным группам. Общественный мир, созданный человеком, становится враждебным ему и властвующим над ним, а он сам вынужден так или иначе приспособляться к этому миру (*Человек и общество*). Продукты человеческого труда противостоят рабочему в качестве капитала, общественной силы, властвующей над ним и принуждающей его к труду (отчужденный труд). В области нравственности О. проявляется в том, что нормы и принципы поведения выступают

как нечто противоположное собственной жизнедеятельности людей, навязанное им извне, подавляющее их «естественные» стремления, а не обусловленное их совместной деятельностью. Это отражается в извращенных представлениях о природе нравственности (*Фетишизм, Абсолютизм, Авторитаризм*), необходимо влечет за собой *лицемерие*, попытки оправдания бесчеловечной действительности мнимыми моральными основаниями. В результате лицемерию официальной идеологии, общественной морали люди начинают противопоставлять свою личную, «внутреннюю» нравственность (*Долг, Совесть, Иррационализм, Экзистенциализм*). Все эти извращенные представления о нравственности устраняются лишь вместе с преодолением О. Вскрыв объективную основу О., марксизм указал практические пути его ликвидации. Это — революционное преобразование об-ва: уничтожение частной собственности, планомерная организация социальных отношений, в конечном итоге построение коммунистического об-ва. В ходе коммунистического строительства требования нравственности превращаются во внутреннюю потребность человека, обусловленную всей его жизнью и деятельностью, перестают противостать ему в качестве извне навязанной силы, т. е. окончательно исчезает О. и вместе с этим происходит скачок из царства необходимости в царство свободы (см. также *Всестороннее, целостное развитие лично-*

сти, Коммунистическая нравственность, Свобода нравственная).

ОУЭН (Owen) Роберт (1771—1858) — англ. социалист-утопист. В области этики О. преодолевает буржуазную ограниченность *Гельвеция* и *Бентама*, в воззрениях к-рых (при всех различиях) общим было убеждение, что нравственное об-во возможно при строе, основанном на частной собственности. О. выдвигает и отстаивает положение о том, что частная собственность разъединяет и сталкивает людей, деморализует их, поэтому нравственное об-во возможно только на основе общественной собственности и взаимного сотрудничества. К. Маркс писал: «Свою систему *правильно понятого интереса Бентам* основывает на морали *Гельвеция*, а *Оуэн*, исходя из системы *Бентама*, обосновывает английский коммунизм» (т. 2, с. 146). Вслед за фр. материалистами XVIII в. О. считал, что взгляды человека определяются окружающей его средой. Чувства, убеждения и воля, по О., зависят от впечатлений, производимых на природную организацию человека внешними обстоятельствами. «Таким образом, весь его характер в физическом, умственном и нравственном отношении образуется независимо от него». Из этих положений О. делал вывод, что в пороках людей повинен тот общественный строй, в к-ром они существуют. Он углубил по сравнению с фр. материалистами анализ социальной среды, формирующей

нравственные взгляды человека, отнеся к ней не только политическое устройство об-ва, но и экономический строй. В этой связи О. подверг резкой критике строй капиталистической погони за прибылью. Капитализму О. противопоставил социализм как разумное общественное устройство, в к-ром создаются необходимые условия для воспитания высоконравственных людей, поскольку присуще всякому человеку стремление к счастью в социалистическом об-ве сочетается с достижением счастья для всех. Но положение об определяющем влиянии обстоятельств на человека О. трактовал весьма метафизически: «Внутренний и внешний характер человека формируется для него, а не им... Поэтому человеку нельзя вменять ничего в заслугу или в вину, он не может заслуживать похвалы или порицания, награды или наказания...» О., т. обр., отрицал возможность *выбора* в поведении человека, что, по существу, означает ликвидацию морали. Своему ошибочному толкованию О. придавал исключительное значение, видя в нем путь к установлению строя всеобщего счастья. Усвоивший это положение человек, считал О., освобождается от злых чувств к др. людям и проникается чувством любви и милосердия. Всеобщее распространение этого положения устранит причины зла на земле и приведет к торжеству добра. Для того чтобы побудить созданных существующим общественным

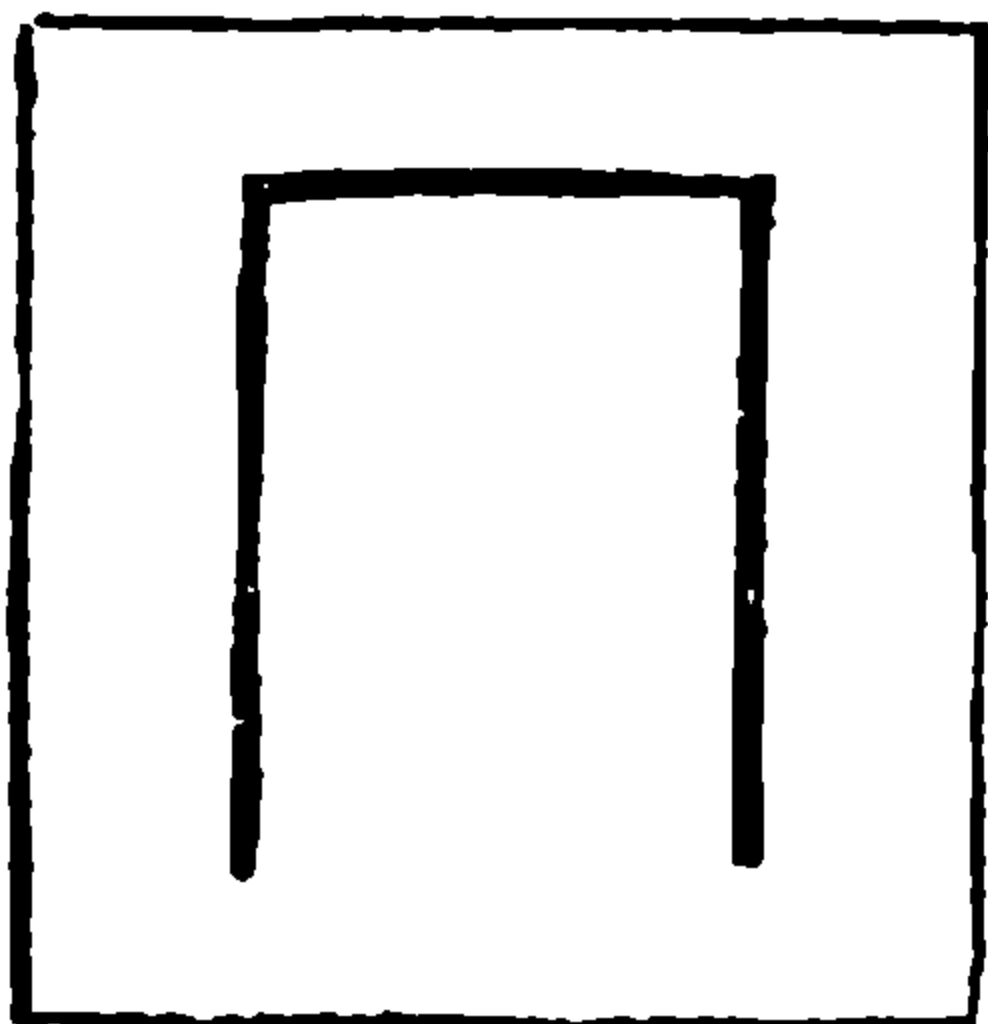
строем порочных людей стать на путь избавления от пороков, О. апеллирует к истине и разуму. Разум, по его мнению, должен убедить людей принять истину о зависимости характера человека от обстоятельств и устроить общественную жизнь сообразно с ней. Невежество и заблуждения О. рассматривает как источник зла, а истину и разум — как источник добра. Здесь метафизический подход к проблеме социальной детерминации нравственных взглядов человека сочетается у О. с идеалистическим пониманием источников морали и движущих сил ее развития. В этическом учении О. важное место занимают соображения о нравственном воспитании в будущем социалистическом об-ве. Наряду с производством О. рассматривает воспитание как гл. сферу деятельности этого об-ва. Осн. соч., в к-рых нашли отражение этические взгляды О.: «Новый взгляд на общество, или Опыты о принципе образования человеческого характера» (1812, рус. перевод 1865), «Книга о новом нравственном мире» (1836—44), «Революция в сознании и деятельности человеческого рода» (1849).

ОЦЕНКА (моральная) — одобрение или осуждение моральным *сознанием* различных явлений социальной действительности, при к-ром оно устанавливает соответствие или несоответствие *поступка* (а также *мотива* или поведения в целом), черт характера личности, общественного *образа жизни* опре-

деленным моральным *требованиям*. Свое положительное или отрицательное отношение к объектам О. люди могут выражать в виде похвалы и порицания, согласия и критики, проявлений симпатии и неприязни, *любви и ненависти*, посредством различных внешних действий и эмоций. В самооценке особенно большую роль играют нравственные *чувства* (*Совесть, Гордость, Стыд, Раскаяние*). Однако все эти внешне различные формы О. несут в себе в принципе одинаковое смысловое содержание, определяя то или иное явление как проявление *добра* или *зла*. В моральной деятельности О. выполняет особую функцию. В отличие от требований, выраженных в виде *норм*, к-рые в форме общих правил предписывают людям, что именно они должны делать, О. сопоставляет эти требования с теми конкретными явлениями и событиями, к-рые уже имеют место в действительности, устанавливая их соответствие или несоответствие велениям нравственности. Напр., оценивая к.-л. проступок как зло, люди тем самым уясняют себе, что именно так они не должны поступать. В этом отношении оценочное суждение: «Этот поступок — зло» — можно преобразовать в предписание: «Люди не должны поступать так, как поступил этот человек» (*Санкция*). Существует еще и производная форма О., когда оцениваются возможные будущие поступки. Это имеет место, напр., при выборе человеком из не-

скольких возможных действий такого, к-рое он должен совершить («Если я поступлю так, то я совершу добро, а если иначе — зло»). Прибегая к данной форме О., человек как бы забегают вперед, мысленно представляет уже осуществленными различные варианты возможных действий и заранее оценивает их, чтоб совершить правильный выбор. В понимании природы моральной О. в совр. буржуазной этике существуют две тенденции. Одни (напр., сторонники деонтологического *интуитивизма*) рассматривают О. лишь как акт «незаинтересованного» созерцания и поэтому не могут объяснить, как от О. люди переходят к пониманию своего долга, к действию. Др., напротив, считают О. лишь скрытым предписанием и поэтому не придают ей познавательного значения (*Неопозитивизм*). Марксистско-ленинская этика рассматривает О. в единстве ее познавательной и предписательной функций. О. потому и может регулировать поведение людей, что она основывается на познании объективного социального значения различных поступков. О. можно обосновывать (или опровергать) посредством более общих моральных представлений — нравственных *качеств, принципов, идеалов*, понятий добра и зла, а также путем анализа социальных *последствий*, к к-рым приводят те или иные поступки (*Консеквенциальная этика*).

ОЦЕНОЧНОЕ СУЖДЕНИЕ — см. *Язык моральный*.

ПАСКАЛЬ (Pascal) Блез (1623—62) — фр. математик и физик, религиозный философ. В этике П. заметно влияние стоиков (*Стоицизм*) и Декарта. В «Письмах к провинциалу» (1657) П. разоблачает лицемерие и фальшь *пробабилизма*, к-рый у иезуитов (*Иезуитизм*) был способом замаскировать аморализм принципа «Цель оправдывает средства». Осн. философский труд — «Мысли», — оставшийся незавершенным (изд. посмертно, в 1669), П. писал в период тяжелого нервного заболевания, запутавшись в противоречиях между сомнением, неверием и религиозным фанатизмом. Утверждение мощи человеческого разума (вслед за Декартом) и выражение ничтожества и бессилия человека перед богом в духе самых мрачных высказываний *Августина*, стремление разрешить «загадку» человеческого бытия и признание ее неразрешимости, скептицизм, лишаящий надежды, и попытка спастись от него в религиозном фанатизме, а в качестве лейтмотива — глубочайший *пессимизм* в оценке судеб человека и человечества — вот несовместимые крайности эти-

ческих воззрений П. В жизни человека П. видит по преимуществу «иллюзии», «ложь и лицемерие», господство склонностей, «противных справедливости и разуму», чувства скорби и безнадежности. П. находит лишь два пути, к-рые способны помочь человеку преодолеть отчаяние: путь мужества, сознания силы разума, стоической добродетели и путь чувства — экстатической любви к богу, преодолевающей сомнения и не нуждающейся в аргументах разума. В конечном счете П. склоняется ко второму: «Смирись, немощный ум, умолкни, несмысленная природа; познай, что человек — существо бесконечно непонятное для человека и вопросы у твоего Владыки о неведомом тебе истинном твоём состоянии. Послушай Бога». Историческое значение идей П. противоречиво: его борьба с иезуитами, гимн разуму и нравственному мужеству сыграли прогрессивную роль, способствуя распространению антифеодальной идеологии третьего сословия; его пессимизм, религиозно-мистический экстаз, напротив, служили клерикальной реакции, постоянно (с XVII в. вплоть

до настоящего времени) спекулирующей на «обращении к богу» ученого.

ПАТРИОТИЗМ (греч. *patre* — родина) — общественный и нравственный *принцип*, характеризующий отношение людей к своей стране, к-рое проявляется в определенном образе действий и сложном комплексе общественных чувств, обычно называемом любовью к родине. «Патриотизм,— писал В. И. Ленин,— одно из наиболее глубоких чувств, закрепленных веками и тысячелетиями обособленных отечеств» (т. 37, с. 190). Любовь к родине включает: заботу об интересах и исторических судьбах страны и готовность ради них к самопожертвованию; верность родине, ведущей борьбу с врагами; гордость социальными и культурными достижениями своей страны; сочувствие к страданиям народа и отрицательное отношение к социальным порокам об-ва; уважение к историческому прошлому родины и унаследованным от него традициям; привязанность к месту жительства (к городу, деревне, области, стране в целом). П. как общественное явление прежде всего относится к области социальной психологии, однако одновременно имеет и моральное значение. Все указанные проявления П. нашли отражение в моральном сознании человечества и в содержании различных моральных требований. Именно поэтому понятие П. и представляет собой один из принципов нравст-

венности. В эксплуататорском об-ве П. имеет противоречивую природу, поскольку он характеризует отношение людей к нации в целом, тогда как она разделена на антагонистические классы. Подлинная любовь к родине в эксплуататорском об-ве в наибольшей степени свойственна трудящимся, но, поскольку они не являются хозяевами страны и подвергаются у себя на родине угнетению, любовь к отечеству совмещается у них обычно с ненавистью к господствующим в нем порядкам и его правящей верхушке, а часто также с общественной пассивностью. Народ мог принимать активное участие в делах родины лишь во время больших исторических потрясений. Именно в эти периоды резко обострялись патриотические чувства масс, хотя сами они никогда не пользовались плодами своих побед. П. революционных деятелей прошлого всегда был тесно связан с ненавистью к господствующим порядкам, подавляющим творческие силы народа, к паразитической верхушке об-ва. В социалистическом об-ве патриотические чувства народа получают свободное развитие; П. впервые становится всенародным. Социалистическому П. присуще органическое слияние любви к родине и преданности делу коммунизма. Поскольку подлинные интересы социалистической родины совпадают с интересами международного рабочего движения, социалистический П. тесно связан также с про-

летарским *интернационализмом*. В социалистическом об-ве П. народных масс носит не пассивный, а активно-деятельный характер, и не только в периоды войн, но и в повседневном труде на благо родины. Социалистический П.— один из важнейших принципов коммунистической нравственности. Все ее осн. требования, затрагивающие вопросы отношения к труду, общественно-политической деятельности, межнациональных отношений, формирования личности, так или иначе связаны с социалистическим П., т. к. их выполнение является вместе с тем обязанностью перед своим народом.

ПЕРЕЖИТКИ (моральные) — остатки досоциалистических нравов, привычек и взглядов, проявляющиеся в поступках и в отношениях между людьми, исторически унаследованные от эксплуататорского об-ва (капиталистического, а также феодального), противоречащие принципам коммунистической нравственности. Проявлениями П. являются такие нарушения норм общественной морали, как *эгоизм*, пренебрежение личности интересами социалистического об-ва, воровство, взяточничество, кумовство, угодничество, *тунеядство*, хулиганство, *карьеризм*, *чванство*, *демагогия* и др. рода проявления нечестности; бесчеловечное отношение к людям (человеконенавистничество, *грубость*, *месть*, *клевета*, *вероломство*, *высокомерие*, *цинизм*); различные формы общественной пассивности и

равнодушия к коммунистическим идеалам (*нигилизм*, безыдейность, безответственность, *формализм* в исполнении общественных обязанностей) и, как следствие этого, *лицемерие*, *ханжество*, «двойное» существование — «для себя» и «для других». Крайняя форма выражения моральных П.— нарушение норм социалистического права, преступность. Обратной стороной таких, ненормальных для социалистического строя, отношений между личностью и об-вом является пренебрежение интересами личности и ее всестороннего развития: проявления невнимания коллективов и организаций к материальным и духовным запросам людей, казенно-бюрократическое отношение к их нуждам, к общественной инициативе; нарушение принципов социалистического демократизма и гуманизма, нежелание отдельных руководителей считаться с мнением рядовых членов коллектива, стремление поставить себя над ними, подавить *критику и самокритику*, беспринципное поведение. Все эти формы поведения и мотивов, противоречащие коммунистической нравственности, с одной стороны, уже не соответствуют новым социальным условиям, противоречат природе и осн. тенденциям развития социалистического об-ва, но, с др. стороны, еще находят себе почву в противоречивом характере развития общественного бытия и сознания (в экономических трудностях, в существовании устаревших, кон-

сервативных форм *общения*, в недостатках идейно-организационной работы, в отдельных нарушениях политической линии партии), а также связаны с существованием капиталистической системы и влиянием, оказываемым буржуазной пропагандой на сознание наиболее отсталой части населения социалистических стран. Преодоление П. прошлого в морали идет по нескольким направлениям. Во-первых, прогресс экономики и культуры, совершенствование общественных отношений, социалистического *образа жизни* приводят к постепенному устранению существующих еще объективных условий сохранения П. собственнической, буржуазной и мелкобуржуазной, а также патриархальной и феодально-байской морали. Во-вторых, активную борьбу с П. ведут под руководством Коммунистической партии государство и его органы, трудовые коллективы, общественные организации. В-третьих, рост сознательности и организованности трудящихся, успехи *коммунистического воспитания* способствуют становлению новой, творческой личности, обладающей развитым *самосознанием* и инициативой, активной *жизненной позицией*, борющейся за прогресс общества, способной к *самоконтролю* и *самовоспитанию*.

ПЕРСОНАЛИЗМ — см. *Самореализации этика*.

ПЕССИМИЗМ (лат. *pessimus* — наихудший). — воззрение, согласно к-рому в мире преобла-

дает зло, человек обречен на страдания и будущее не обещает ему ничего хорошего. Противоположен *оптимизму*. Настроения П. обычно порождаются ломкой устоявшихся общественных отношений, когда отдельные социальные группы или целые классы теряют под собой историческую почву и обречены на исчезновение. Пессимистические настроения порой распространяются и в среде трудящихся, к-рые угнетены экономически и социально и не видят путей и способов изменить свое положение, не видят, «какие общественные силы *способны* принести избавление от неисчислимых, особенно острых бедствий, свойственных эпохам «ломки» (*Ленин В. И.*, т. 20, с. 102). Настроения обреченности и бесцельности существования трагически влияют на жизнь человека и нередко приводят его к гибели. Это отчетливо проявляется в кризисные периоды истории (когда мн. люди переживают крушение своих идеалов), а также в периоды засилья реакции и антидемократизма, когда человек лишен духовной свободы и возможности творчески относиться к своей социально-политической деятельности. Черты П. заметны уже в поэзии эпохи разложения первобытнообщинного строя. Так, греч. поэт Гесиод (VIII—VII в. до н. э.) считал, что горя и страданий человеку «избегнуть никак невозможно»: такова воля богов. П. в оценке человека присущ этике *стоицизма*. Пессимистична в основе своей ре-

лигиозная мораль. Согласно христианскому учению, мир пребывает во зле, а человек греховен по своей природе. «И возненавидел я жизнь...— читаем мы в Библии слова Екклезиаста,— ибо все суета и томление духа... Все произошло из праха, и все возвратится в прах»; «Человек рождается на страдание»,— говорится в книге Иова. В религии *буддизма* все, что привязывает человека к жизни, признается причиной страданий. Правда, религиозная мораль «смягчает» свой П. признанием возможности избавиться от горя и страданий в потустороннем мире (христианство) или в состоянии нирваны, т. е. при полной отрешенности человека от всего земного (буддизм). Но подобный оптимизм иллюзорен: он строится на отрицании ценности реальной жизни человека, на эсхатологических чаяниях, на ожидании конца мира, на вере в пришествие мистического царства духа. Распространение настроений П. в новое время вызвано социальными противоречиями, связанными с периодом становления, а затем господства и гибели капиталистических отношений. В литературе и поэзии он находит непосредственное выражение в декадентском восприятии действительности. «Горечь и скука — вот вся наша жизнь; она такова, ибо мир — ничтожество...— говорит итал. поэт-романтик Дж. Леопарди.— Судьба уделила нашему роду одну только смерть». Складываются и философские кон-

цепции П. Напр., по *Шопенгауэру*, желания человека никогда не смогут быть удовлетворены и поэтому «жизнь со всех сторон по существу своему — страдание». Избавиться от него можно, лишь отказавшись от воли к жизни. Развивая идеи Шопенгауэра, Э. Гартман полагает, что человечество, осознав невозможность счастья, неизбежность и вечность страданий, признает существование мира абсурдным и проникнется жаждой небытия. Их нем. последователь Ф. Мейнлендер говорит уже о воле к смерти, т. к. др. цели у человечества в гибнущем мире быть не может. Своеобразную концепцию П. развил *Ницше*. Отвергая философию упадка и П. шопенгауэровского типа, Ницше (ради достижения идеала сверхчеловека) призывает к оправданию жизни, в т. ч. и «ее наиболее ужасных, двусмысленных и лживых сторон». Смертельную борьбу со слабыми, предрасположение к жестокому, злему, ужасному он называет дионисским П. или П. силы. Эту идею у Ницше заимствовали и истолковали в расистском духе идеологи фашизма. Для О. Шпенглера, назвавшего себя «решительным пессимистом», человечество является «зоологической величиной». В совр. философии пессимистическое воззрение выражено, напр., в *экзистенциализме* (идея свободы и бытия для смерти и т. п.). Марксистская этика отвергает пессимистическое воззрение на мир, т. к. оно находит-

ся в противоречии со всей историей развития об-ва и парализует социальную активность человека. Она связывает этот вопрос не просто с тем, каково соотношение добра и зла в каждый конкретный момент (в истории часто зло торжествовало над добром), а с пониманием законов поступательного развития об-ва, представлением о социальном и моральном прогрессе. Поэтому правильный взгляд на действительность, противоположный П., подразумевает не отрицание существования социального и морального зла, а понимание необходимости борьбы с ним.

ПИСАРЕВ Дмитрий Иванович (1840—68) — рус. революционный публицист, литературный критик, философ-материалист. В 1862—66 находился в заключении в Петропавловской крепости. Один из ярких представителей школы *Чернышевского*, П. был последовательным противником феодальной и буржуазной морали. Отсюда революционно-просветительский, обличительный («нигилистический») пафос его выступлений, направленных на опровержение средневековых религиозно-нравственных догматов, идей *авторитаризма* и приспособленчества, проповедовавшихся идеологами буржуазного либерализма. Подлинная нравственность, по П., предполагает, «чтобы человек был самым собою, чтобы всякое чувство проявлялось свободно, без постороннего контроля и придуманных стеснений».

Этическая концепция П. исходит из обусловленности существующих в об-ве моральных отношений и идей социальными отношениями. Поэтому всякое изменение нравственности обусловлено в конечном счете изменениями в области материальной жизни. Социальную апатию народных масс своего времени, неразвитость у крестьян чувства личного достоинства, склонность бедняков к стихийному бунту П. рассматривал как результат воздействия «исключительных обстоятельств», в к-рые ставит трудящегося об-во, где господствует частная собственность. «Бедняк, которому общество отказывает в работе и в куске хлеба, должен поневоле вступить в открытую войну с этим обществом и вести эту войну всеми правдами и неправдами, силою и хитростью, нарушая безбоязненно и бессовестно все предписания нравственного закона». П. указывал на необходимость выработки морали «новых людей», революционеров, берущих на себя ответственность за судьбы народа. Вслед за Чернышевским П. давал революционную интерпретацию теории разумного эгоизма (*Эгоизма теории*), указывал на науку, рациональное знание как на основу новой нравственности. Умный человек, считал П., не может поступать безнравственно. «Новые люди не грешат и не каются; они всегда размышляют и потому делают только ошибки в расчете, а потом исправляют эти ошибки и избегают их в последу-

ющих выкладках. У новых людей добро и истина, честность и знание, характер и ум оказываются тождественными понятиями; чем умнее новый человек, тем он честнее, потому что тем меньше ошибок вкрадывается в расчеты. У нового человека нет причин для разлада между умом и чувством, потому что ум, направленный на любимый и полезный труд, всегда советует только то, что согласно с личной выгодой, совпадающей с истинными интересами человечества и, следовательно, с требованиями самой строгой справедливости и самого щекотливого нравственного чувства». Основанная на знании убежденность в правоте своего дела, по П., одно из гл. нравственных качеств революционера. Признавая закономерность насильственной революции как возможного пути к будущему об-ву, П., однако, считал, что столкновения между народными массами и их угнетателями могут привести к разгулу страстей и излишнему кровопролитию, «понижающему нравственность» в об-ве. Чтобы избежать этого, необходимо высокое нравственное сознание революционных вождей, к-рые в ходе революции должны стремиться свести насилие к минимуму. Принципы революционной морали, разрабатываемые П., оказали влияние на совр. ему передовую молодежь и на революционеров последующих поколений. Вместе с тем стремление подчинить всю человеческую деятельность принципам

утилитаризма свидетельствует об исторической ограниченности этической концепции П.

ПЛАТОН (428/7—348/7 до н. э.) — древнегреч. философ, ученик *Сократа*, основатель учения объективного идеализма, глава учрежденной им в Афинах философской школы (академии). Философские соч. П. (гл. из них — «Софист», «Парменид», «Теэтет», «Государство») написаны в форме диалога, эпиграмм и писем. За основу всего сущего П. принял невоспринимаемое чувствами и постигаемое только умом бытие, или «виды» («идеи»). Последние одновременно и причины всех вещей, и их умопостижимые формы и образцы, по к-рым созданы вещи чувственного мира, и цель, к к-рой они направляются. Бытию («идеям») противостоит небытие, или материя, — начало обособления вещей в пространстве. Посредником между миром «идей» и «материей» П. провозгласил объемлющую мир «мировую душу». Над царством вечных и неизменных «идей» главенствует «идея» блага: она доставляет предметам способность быть познаваемыми, существовать и получать сущность. Благо (добро) не есть сущность, но по достоинству и силе стоит выше предельной сущности и является непредполагаемым началом всего. Идея блага сообщает учению П. характер идеализма телеологического, основанного на представлении о действующей в мире высшей целесообразности, а также идеализма

этического: все вещи направляются к благой цели, хотя чувственный характер делает их неспособными достигнуть блага. Верховная цель всех живых существ, предмет стремлений — счастье, к-рое состоит в обладании благом. Учение об «идее» блага П. считает наивысшим из всех философских учений. Мир чувственных вещей занимает, по П., срединное положение между областью бытия и небытия и есть единство противоположностей: бытия и небытия, тождественного и нетождественного, неизменного и изменчивого, неподвижного и движущегося, причастного к единству и множественного. Этика П. пронизана теологическими представлениями его теории «идей» и учения о тройственном строении бытия: истинно сущих «идей», «мировой души» и мира чувственных вещей. Тройственность эта отображается в строении души человека, в к-рой П. различает три способности: интеллектуальную, волевою и аффективную (первая является господствующей). П. представил это в образе крылатой колесницы, где возница (ум) правит двумя конями, олицетворяющими волевое и аффективное начала души. Понятая т. обр. каждая индивидуальная душа есть, по П., истечение объемлющей мир «мировой души». Тройственным составом души определяются осн. добродетели: мудрость (добродетель ума), мужество (добродетель воли) и добродетель, представляющая просветле-

ние страстей, или аффектов (греч. «софросюнэ»). Синтез и равновесие этих добродетелей осуществляются четвертой добродетелью — справедливостью. Этическое учение П. претерпело известную эволюцию. В ранних диалогах П. находится под сильным влиянием этического рационализма Сократа и рассматривает всякую добродетель как знание. Затем знание ставится в связь с любовью (Эросом), а в «Государстве» рассматривается в единстве с состоянием тела. В «Федоне» тело изображается как «могила» души. Взгляд П. на соотношение интеллектуального начала с удовольствием — типично эллинский. С одной стороны, счастье достижимо только для духа, для мысли, освободившейся от всего чувственного, приобщившейся к добру и божеству (с этой т. зр. даже государство предназначено лишь для философской добродетели). С др. стороны, этическое учение П. завершается учением о единстве разума и «чистого» чувственного удовольствия. Этика П. не является учением чистого спиритуализма: осн. ее положение — равновесие как духовных, так и телесных сил и способностей. Совпадение знания с добродетелью рассматривается как мудрое и дающее блаженство состояние всех природных способностей человека. Идеалистическое учение П. и в настоящее время используется противниками материалистического мировоззрения.

ПЛЕХАНОВ Георгий Валентинович (1856—1918) — деятель рус. и международного рабочего движения, теоретик и пропагандист марксизма в России. П. считал, что в области нравственности отчетливее всего обнаруживается превосходство марксистского диалектического метода исследования, поскольку только марксизм дал научно обоснованные ответы на многовековые моральные проблемы. П. подверг критике ошибочные концепции в истории этической мысли, согласно к-рым основанием морали выступает неизменная человеческая природа. Рассматривая мораль как явление социальное, П. писал, что «нравственное развитие человечества следует шаг за шагом за экономической необходимостью; оно точно приспособляется к реальным потребностям общества... Но исторический процесс этого приспособления совершается за спиной у людей, независимо от воли и разума индивида». Исследуя вопрос о соотношении личных и общественных интересов, П. выступил как против т. зр., обуславливающей нравственность эгоистическим расчетом (в этой связи он указал на слабые стороны теории «разумного эгоизма» *Чернышевского*), так и против т. зр., отвергающей связь нравственности с практическими интересами людей. «В основе нравственности,— считал П.,— лежит стремление не к личному счастью, а к счастью целого: племени, народа, класса, человечества», что не иск-

лючает «утилитарной основы этой возвышенной способности»; индивидуальный альтруизм вырастает на почве «общественного эгоизма». Отмечая классовый характер морали в классовом об-ве, П. разоблачал лицемерие буржуазной морали, безнравственную практику буржуазии, прикрываемую псевдонравственными проповедями. П. развивал марксистское положение о крушении в ходе классовых сражений буржуазных моральных устоев и возникновении новой, пролетарской нравственности — «нравственности революционной борьбы с существующим порядком вещей». Он показал, что нравственный идеал пролетариата формируется в тесной связи со всей совокупностью общественных отношений и положением данного класса в об-ве. Нравственная свободная деятельность — это проявление сознательной деятельности человека по осуществлению своих идеалов, выработанных на основе научного познания закономерностей развития природы и об-ва. Критикуя т. зр. идеалистов по вопросу соотношения морали и религии, П. доказывал, что нравственность по своей природе не связана с верой в сверхъестественное, подчеркивал, что религия освящает мораль господствующего класса. Большой интерес представляют исследования П. по истории этической мысли, в т. ч. анализ этических воззрений фр. материалистов XVIII в. Вывод, что человек — продукт окружающей среды, является, по мысли П.,

их теоретическим вкладом в этику. Однако фр. материалисты, считал П., обращали внимание на индивидуальную природу человека и его индивидуальное развитие, забывая о законах общественной истории. П. указал на формализм этики *Канта*, высоко оценил диалектический подход *Гегеля* к сфере нравственности и то новое, что дал *Фейербах* по сравнению с этическим учением фр. материалистов, всесторонне охарактеризовал этическую систему Чернышевского. Отметив положительное содержание последней, П. писал, что Чернышевский не освободился, однако, от ограниченности, свойственной этическим взглядам просветителей, от стремления «искать в рассудке опоры для нравственности». Наконец, П. подверг резкой критике толстовское учение о всепрощающей любви и непротивлении злу насилем. П. выступал против *этического социализма*, разоблачая попытки ревизионистов и неокантов дополнить марксизм идеалистическими этическими теориями. В последний период своей деятельности, в годы первой мировой войны, П. сам допускал отступление от марксизма. Так, ссылаясь на простые нормы нравственности, он пытался обосновать свою оборонческую позицию, а также свое примиренческое отношение к оппортунизму. Осн. работы, в к-рых изложены этические взгляды П.: «Очерки по истории материализма» (1896), «О так называемых религиозных исканиях в России»

(1915), «Н. Г. Чернышевский» (1909).

ПЛОТИН (ок. 205 — ок. 270) — греч. философ эллинистической эпохи, систематизатор идеалистического учения, основывающегося на идеях *Платона* и потому называемого неоплатонизмом. Соч. П. издал его ученик Порфирий, разделив их на шесть «Девяток» («эннеад») — по девяти трактатов в каждой. Кроме *Платона* на формирование этических взглядов П. оказали влияние *Аристотель* и отчасти этика *стоицизма*. Сложившись в эпоху эллинизма с характерным для нее образованием огромных рабовладельческих монархий, разрушивших формы полисной демократии, этика П., как и у стоиков, является индивидуалистической. Он отбрасывает социальную этику *Платона* и развивает этические идеи последнего только в контексте индивидуальной морали личного совершенствования. Но, в отличие от космополитической этики стоиков (учения о повиновении «гражданина мира» законам вселенной, управляемой провидением), этический индивидуализм П. — учение о «бегстве» от зла и от порочности материального мира к запредельному богу путем совершенствования и диалектического восхождения через интуицию прекрасного к высшему благу. Назначение человека, по П., посредством добродетели стать подобным богу. Первая ступень добродетелей — гражданские, их признак — наличие меры, свойствен-

ной идеальному миру форм, предела и «эйдосов» (умственных «видов»). Далее следуют добродетели «очищения» — освобождения от телесного, как чуждого сущности души. Очищение делает человека безгрешным, исправляет его, но конечная цель не безгрешность, а богоподобие, уподобление уму. Т. обр., над гражданскими добродетелями возвышаются очистительные, а над ними — созерцательные. Восхождение души к высшему благу совершается на путях эстетической жизни (восхождение к общепрекрасному), любовной страсти (восхождение к бестелесному прекрасному) и философской жизни (восхождение к истинно реальному). Последняя осуществляется посредством математического воспитания и диалектики — основы для приобретения и совершенствования естественных добродетелей и принципов нравственности. Счастье, по П., жизнь в целом, но все живущее счастливо в возможности. Человеку счастье доступно лишь тогда, когда он живет не только чувственной жизнью, но рассудком и умом, ибо счастье — в рассудочной части души. Оно совпадает с совершенством: не зависит от внешних благ и свойственно лишь подлинному (внутреннему) человеку, к-рый в самом себе имеет все для счастья. Внешние блага не являются истинными, ибо они лишь необходимые условия телесного существования. Нравственный идеал П. — бегство от зла. Сущность зла, к-рое познается

только по противоположности, — все чувственное. Точнее, зло определяется как материя, как недостаток, антитеза или отсутствие добра. Абсолютный недостаток добра есть зло, относительный или частичный — порок. Это слабость души, к-рая сама по себе имеет множество сил. Бегство от порочности есть победа души над материей, к-рая, хотя и не может проникнуть на место, занимаемое душой, омрачает излучаемый душой свет, делает его тусклым. Т. обр., порок — это ослабленный материей свет души. Несмотря на черты алогизма и иррационализма, этика П. — этика эллинского интеллектуалистического идеализма. В феодальную эпоху она была вытеснена христианской этикой.

ПОБУЖДЕНИЕ — чувственная форма, в к-рой проявляются *мотив* и *намерение* к совершению к.-л. поступка. По своей психологической природе П. представляет собой двигательный импульс, эмоционально-волевое устремление, направляющее действия человека. Исходя из чувственной формы П., сторонники бихевиоризма и *фрейдизма* в этике делали неправильный вывод о том, что сознательные мотивы вообще не играют сколько-нибудь существенной роли в поведении людей, что человек не осознает рационально подлинные мотивы своей деятельности, а осуществляет ее «подсознательно». Марксистско-ленинская этика указывает на необходимость отличать содержание мотива (то, что по-

буждает человека, хотя он может и не осознавать этого в данный момент) от его психологической формы (того, как мотив переживается человеком в том или ином случае). Если в результате нравственного воспитания человек начинает выполнять требования морали по внутренней склонности, личной потребности, по непосредственному П., то это вовсе не означает, что его поступки не мотивированы. Напротив, иногда это означает, что нравственный мотив настолько глубоко укоренился в сознании человека, что он перестает отличать эти мотивы от П., продиктованных его личными интересами (*Чувства, Привычки, Склонности*).

ПОВЕДЕНИЕ (моральное) — совокупность *поступков* человека, имеющих нравственное значение, совершаемых им в относительно продолжительный период в постоянных или изменяющихся условиях. Если понятие моральной *деятельности* характеризует только целенаправленные и нравственно мотивированные действия, то П. охватывает все поступки человека целиком, поскольку они могут быть подвергнуты моральной *оценке* (независимо от того, являются они намеренными или ненамеренными, совершаются по нравственным или др. побуждениям). В отличие от *обычая*, к-рый предполагает однородные поступки различных лиц, П. охватывает разнородные поступки одного и того же лица (отдельного человека, а также коллектива, организации, большой

массы людей), выявляющие различные стороны его морального *характера*. Понятие *линии поведения* указывает на относительную последовательность, согласованность отдельных поступков и отличительные особенности деятельности того или иного человека или коллектива. Марксистская этика исходит из того, что П. человека — это в конечном счете единственный объективный показатель его нравственного облика, его моральных качеств и в том числе его *мотивов*. Ей чуждо идеалистическое противопоставление «внутреннего» духовного мира человека и его «внешних» действий, к-рое характерно для большинства этических теорий прошлого. Это противопоставление и связанные с ним попытки найти некий внутренний, субъективный показатель подлинной нравственности возникают потому, что в классовом обществе человеку постоянно приходится совершать поступки, противоположные его мотивам и *намерениям*, так или иначе вступать на путь лицемерия. До тех пор, пока противоречие между устремлениями отдельного человека и общества в целом кажется неустранимым, и П. рассматривается как недостаточный показатель нравственности. Марксистская же этика исходит из возможности и необходимости преодоления этого противоречия в процессе ликвидации классового общества. Поэтому мотивы и деяния, *намерения и дела* человека она

рассматривает в тесном единстве. Мотивы, к-рыми руководствуется человек, в конечном счете выявляются не просто в том, что человек думает о своих собственных поступках, а в общей линии его П. на протяжении длительного времени, в различных условиях. Когда смысл требований нравственности перестает быть непонятным людям, осознается всеми, тогда и мотивы, к-рыми руководствуется человек, перестают быть чем-то загадочным для него самого и для окружающих. Коллектив, окружающие люди способны более или менее правильно разобраться в «тайниках души» человека, по его поступкам судить о мотивах, о его подлинной или мнимой моральности. При этом коммунистической нравственности чуждо представление о внутренней порочности или неискренности того или иного человека. В социалистическом обществе принято не просто оценивать (одобрять или осуждать) действия людей с позиций абстрактного *морализирования*, а выявлять их причины и направленно управлять П. людей в процессе коллективного нравственного *воспитания*.

ПОДВИГ — акт *героизма*, поступок, требующий от человека предельного напряжения воли и сил, связанный с преодолением необычайных трудностей, общественно полезный результат к-рого превосходит по своим масштабам результаты обычных действий. Особенно часто возникает потребность в совершении П. в эпохи револю-

ций, во время войны, а также в исключительных обстоятельствах в повседневной жизни (напр., когда в результате несчастного случая создается угроза человеческой жизни). В ходе общественного развития постоянно возникают ситуации, требующие от людей «необычных» поступков, выходящих за рамки общепринятых нравственных требований. Коммунистическая нравственность требует от человека в исключительных обстоятельствах напряжения всех физических и духовных сил для совершения исключительных поступков, превосходящих все обычные нормы. Эту исключительность П., однако, не следует понимать односторонне. Он не является уделом лишь выдающихся личностей. Значение П. может состоять в том, что он явится *почином* массового движения, и тогда исключительное становится обычным. Вместе с тем коммунистическая мораль не проповедует в качестве каждодневной нормы поведения всеобщий *аскетизм*, самопожертвование или применение крайних средств в повседневной общественной жизни.

ПОДВИЖНИЧЕСТВО — вид нравственной *деятельности*; выполнение моральных требований вопреки крайне неблагоприятным социальным условиям или обстоятельствам личной жизни, враждебной окружающей среде и давлению извне, стойкое перенесение трудностей, тягот, лишений, самопожертвование. Исторически идея П. возникает как антитеза *героиз-*

му. Последний первоначально понимался как дарованная человеку богами сверхъестественная способность побеждать врагов и достигать успеха в любых начинаниях, как исключительность судьбы, удачливость и всесилие, присущие лишь выдающимся личностям, военным вождям и царям (Гильгамеш в шумерско-вавилонском эпосе, Ахилл у Гомера), но не простым смертным. С развитием классовых и государственно-иерархических отношений вырабатывается сознание непреодолимости жизненных противоречий и препятствий, возникающих перед личностью, лишенной светской и божественной власти. Формируется и иное представление о жизненном *подвиге*: способность человека противостоять ударам судьбы, со спокойствием принимать поражения и, даже не достигая позитивных результатов, оставаться верным нравственным принципам, сохраняя внутреннюю свободу и достоинство. Такое понимание П. вырабатывает *стоицизм*. В особенно враждебных человеку условиях П. перерастает в мученичество, жертву собой во имя возвышенной идеи. Этот идеал, в сущности демократический, хотя и несущий на себе печать пассивности и пессимизма, был впоследствии приспособлен к нуждам мировых религий (особенно христианства, отчасти *буддизма*). Так, образ Христа предстает там как пример человека-мученика, к-рый жертвует собой ради искупления и спасения

всего человечества. П. и мученичество понимаются христианской церковью как принятие мук и гибель от руки иноверцев «во славу господню», как монашество и отшельничество. Принципиально иной смысл получает П. в революционных традициях нравственности: оно рассматривается как специфическая форма проявления позитивного героизма в особых условиях. В противовес либеральной реакции на поражение революции 1905 г., к-рая противопоставила революционно-«интеллигентскому» героизму П. самосовершенствования, смирения, «внутреннего и незримого подвига» (статья С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» в «Вехах»), Ленин и большевики трактовали П. как героизм в условиях отсутствия или спада революционности в народе, как верность делу, утверждаемую подлинными революционерами в полной тяготе и лишений подпольной работе, ссылках и тюрьмах. После Октября Ленин выдвинул лозунг превращения революционного энтузиазма в героизм «будничной работы». В определенных условиях коммунистическая мораль требует сочетания героизма исключительного действия с таким повседневным П.

ПОЛЕЗНОСТЬ — одна из форм проявления общественного значения предметов и явлений, а также действий человека; положительная роль, к-рую они играют в удовлетворении чьих-либо *интересов* или для достижения постав-

ленных целей. В моральной деятельности людей понятие «П.» характеризует *поступок* с т. зр. его последствий, реально достигнутого результата. В истории этических учений понятие «П.» было выдвинуто в качестве моральной категории, когда впервые был понят целесообразный характер нравственной деятельности (*Цели и средства*). Древнеинд. материалисты и древнегреч. софисты, напр., считали, что конечной целью моральных поступков и критерием их оценки является их польза для человека. Позднее категория П. как основа нравственности (наряду с интересом) выдвигалась *Спинозой, Гоббсом, Локком*, фр. материалистами. Во всех этих этических учениях проявилась материалистическая тенденция — стремление связывать нравственность с реальными интересами людей. Обоснование принципа П. имело прогрессивное значение для утверждения буржуазных идеалов, пришедших на смену отжившей феодальной идеологии. Но все теории П. страдали буржуазной ограниченностью. Значение нравственного поступка не связывалось в них с объективными законами развития об-ва, а ограничивалось признанием его П. для осуществления субъективистски или натуралистически (*Натурализм*) понимаемых интересов и целей человека как такового. Буржуазная ограниченность теорий П. со всей очевидностью проявилась в *утилитаризме Бентама*. Сведение значения морали в жизни об-ва к поль-

зе ведет к крайне упрощенному и вульгарному ее пониманию в духе торгашеского практицизма. Концепции П. придерживался также *Чернышевский*, к-рый, однако, придал ей революционно-коллективистскую направленность. Он считал, что нравственными являются «идеи и побуждения, имеющие предмет общую пользу». Марксистской этике чужд дух утилитарного практицизма, она рассматривает П. лишь как один из аспектов моральной *ценности* поступков. Поскольку в классовом об-ве интересы людей всегда носят классовый характер, П. нужно рассматривать конкретно-исторически, с учетом того, каким именно интересам и целям она отвечает (для кого и в каком отношении полезно). Коммунистическая мораль оценивает нравственное достоинство поступков с т. зр. их значения для социалистического об-ва, для строительства коммунизма, подчеркивая приоритет общественного интереса (и пользы) над индивидуальным. Интересы трудящихся, цели, связанные с построением коммунизма, являются основой подлинно гуманной и справедливой морали, потому что в конечном счете они отвечают интересам всего человечества (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). Поэтому, оценивая П. того или иного поступка с т. зр. коммунистической нравственности, мы в конечном итоге имеем в виду общечеловеческие интересы, общеисторическую пер-

спективу развития человеческого об-ва.

ПООЩРЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ.— Нравственно-воспитательную функцию могут выполнять самые различные виды П. и н., практикуемые об-вом (напр., правовые или экономические). Но их специфически нравственное значение состоит как раз в том, что посредством их об-во дает понять человеку, что его поступки одобряются или осуждаются (*Санкция, Воздаяние*). О П. и н. в морали часто также говорят в связи с тем, что нравственный поступок приносит человеку внутреннее удовлетворение (напр., *гордость собой, чувство собственного достоинства*), а аморальное действие — душевное страдание (*страх перед возможным Н., муки стыда, угрызения совести*). Эти внутренние переживания, однако, имеют значение в морали лишь постольку, поскольку они являются психологической формой проявления нравственного самоконтроля и самооценки. Т. обр., П. и н. в морали имеют характер чисто духовного воздействия об-ва на личность или индивида на самого себя и содержат в себе оценку (похвалу или порицание) совершенных поступков.

ПОРИЦАНИЕ — см. *Санкция*.

ПОРОК — см. *Добродетель*.

ПОСЛЕДСТВИЯ — объективный результат (достигнутое состояние или последовавшее развитие событий), к к-рому привело действие человека. П. являются итогом, с одной стороны, вмешательства

человека в естественный ход событий, как он происходил до этого, а с др. стороны — воздействия дальнейшего развития событий на непосредственный результат *поступка (Деяние)*. Категория П. играла важную роль в истории этики. В связи с тем, что П. часто не соответствовали *намерению* и усилиям человека, высказывались разные т. зр. по вопросу о том, правомерно ли учитывать П. при оценке поступка (*Консеквенциальная этика*).

ПОСТУПОК — клеточка нравственной *деятельности; действие*, рассматриваемое с т. зр. единства мотива и последствий, намерений и дел, целей и средств. Подход к человеческому действию через призму предшествующей ему и последующей работы морального сознания отражается в представлении о структуре П. Последний складывается из следующих элементов: мотива, намерения, цели, деяния, последствий, самооценки человеком своего П. и отношения его к оценке окружающих. Роль различных элементов П., особенно мотива и последствий, в немарксистской этике оценивалась по-разному: либо в поступке важен гл. обр. исключительно мотив (*Моральной доброты теория*), либо мотив не играет роли, имеет значение лишь само действие (*Деонтологический интуитивизм*). Теоретики, придававшие определяющее значение последствиям поступков (*Консеквенциальная этика*), считали, что достижение требуемых мо-

ралью результатов должно быть и субъективной целью человека (*Гедонизм, Эвдемонизм, Утилитаризм, Эгоизма теории*). Однако роль мотива в моральной деятельности, как правило, их мало интересовала. Марксистская этика выработала целостное представление о П., придавая значение как мотиву, так и последствиям. Разные аспекты оценки П.—соответствие намерения и П., цели и средства, мотива и последствий концентрируются в требовании единства ценностной и операционной сторон деятельности человека, обеспечиваемого гармонией знаний, убеждений и деяний. Элементы структуры П. составляют содержание морального долга, к-рый человек выполняет, и все они учитываются при оценке П. (что именно сделано, во имя чего сделано, намеренно или случайно, как сам человек относится к своему действию). При анализе значения различных моментов П. марксистская этика учитывает, какую роль они выполняют в моральных отношениях и деятельности человека. Напр., выполняя свой долг, человек не всегда отдает себе в данный момент отчет, почему он так поступает. Это не значит, однако, что он поступает бессознательно. Если нравственные действия стали для него *привычкой*, ему незачем в каждом конкретном случае заниматься мотивировкой своих П., вырабатывать *решение* и т. п. Эти внешне отсутствующие моменты в П. всегда можно восстановить, проанализировать всю деятель-

ность данного человека (если, к примеру, ему самому понадобится разобраться в характере своих действий, к-рые до того казались ему само собой разумеющимися). Всесторонность анализа и оценки П. возможна лишь тогда, когда он рассматривается не изолированно, а сквозь призму всего *поведения* личности, его генеральной направленности, морального облика человека в целом. Единство мотива и последствий достигается, закрепляется и обнаруживается не в одиночном поведенческом акте, а в целой серии П., скрепленных в систему, выстроенных в «линию поведения».

ПОТРЕБИТЕЛЬСТВО — совокупность регулятивных идей, ожиданий и настроений, ориентирующих *поведение, стиль жизни* и отношений, где ведущей установкой деятельности выступает стремление к престижному потреблению, к получению максимума наслаждений и развлечений. П., характерное для обыденного сознания ряда массовых слоев капиталистического об-ва, вплетается в систему социальных верований и моральных представлений буржуазного реформизма, теоретическим выражением к-рых в буржуазной философии и социологии являются концепции «потребительского», «постиндустриального» об-ва и др. Распространению духа П. в капиталистических странах способствовали известное повышение жизненного уровня и стандартов бытового комфорта, увеличение вре-

мени досуга населения. Через средства массовой коммуникации, рекламу буржуазия разжигает потребительские страсти обывателей, используя их как идеологический инструмент формирования «соглашательского сознания». П. выполняет и экономическую функцию искусственного стимулирования потребления, необходимого для расширенного воспроизводства капитала. Адекватное выражение П. находит в совр. модификациях *гедонизма*; для предписаний буржуазной моральной системы в этих условиях характерны отказ от требований умеренности, углубление разрыва между *целями и средствами*, ограничение сферы применения моральных оценок межличностными отношениями, дальнейшая формализация моральных обязанностей, приравнивание моральности поведения к исполнению правил и норм, одобренных конформистским (*Конформизм*) общественным мнением. Усиливая кризис буржуазного индивидуализма, П. дегуманизирует человеческие отношения, ведет к разрыву социальных связей, росту *аморализма* и *цинизма*, к атрофии духовности, распаду личности. Но распространение П. имеет внутренние границы, поскольку обострение антагонизмов в экономике, политике и культуре капиталистического общества выявляет нерализуемость вложенных массам притязаний, их несоответствие реальной жизнедеятельности трудящихся. Провоцирующие образ-

цы и идолы потребления втягивают личность в изматывающую борьбу за «успех», обрекают на тяжелые колебания между тем, что ей действительно нужно в век быстрого роста потребления, и тем, что ее обязывают желать установки П. В условиях социализма ориентация всего хозяйственного и социокультурного развития на рост народного потребления не только не обуславливает духа П., но, напротив, создает предпосылки развертывания способностей личности, ее всестороннего совершенствования, т. е. вырабатывает подлинную альтернативу П. Высокий уровень потребления не служит здесь критерием ценности личности, средством социального утверждения и продвижения. Кроме того, в социалистических странах последовательно осуществляется процесс выравнивания уровней потребления населения на основе принципов социальной справедливости. Отдельные проявления потребительского подхода к жизни, побуждаемые мещанскими устремлениями к материальному благополучию как самоцели деятельности (*Мещанство*), являются формой пережитков капитализма в сознании и поведении людей. Потребительский подход влечет за собой снижение моральной ответственности, равнодушие к исполнению гражданских обязанностей, прямые или скрытые нарушения нравственных норм. Использование несоциалистических способов удовлетворения потребительских жела-

ний оказывает деморализующее влияние на окружающих. Проявления П. возникают в связи с тем, что быстрый рост потребления не всегда сопровождается повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Осуждая все виды П., коммунистическая нравственность, социалистический образ жизни предполагают формирование способности к рациональному потреблению и к сознательному противостоянию «вещепоклонничеству».

ПОЧИН — одна из форм *инициативы*; действия отдельных людей или групп, послужившие началом нового движения, изменения форм общественной деятельности и уклада жизни. П. особенно большое значение приобретал в эпохи социальных сдвигов, революций, строительства нового об-ва. Буржуазный способ производства, в противоположность жесткой цеховой регламентации и канонизации приемов труда, создал условия для развития П. частного предпринимательства, что способствовало быстрому росту производительности труда. Однако в капиталистическом об-ве возможность проявить П. распространяется гл. обр. на обладателей капитала, а также на представителей т. наз. «свободных профессий» (врачей, адвокатов, художников и др.). Переход капитализма в монополистическую стадию и резкое сужение сферы действия свободной конкуренции знаменовали собой, по словам

В. И. Ленина, «неслыханно зверское подавление предприимчивости, энергии, смелого почина *массы населения...*» (т. 35, с. 195). Впервые П. становится действительно массовой формой активного участия трудящихся в создании нового об-ва только с уничтожением частной собственности на средства производства, при социализме. Ленин указывал, что «почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни» (т. 39, с. 18) имеет громадное историческое значение. Он выражает возросшую сознательность трудящихся. Мн. новые явления в жизни нашего об-ва — результат добровольного П., исходящего от трудящихся масс. Примером могут служить коммунистические субботники первых послереволюционных лет, названные Лениным «великим почином»; в настоящее время — движение бригад и ударников коммунистического труда, движение рационализаторов и изобретателей.

ПОШЛОСТЬ — морально-эстетическое понятие, характеризующее такой *образ жизни* и мышления, к-рый вульгаризирует человеческие духовные ценности, низводит их до уровня ограниченно-обывательского понимания, снижает саму идею *достоинства личности*. К многообразным проявлениям П. относятся: ограниченность интересов, низменность мо-

тивов, мелочность в действиях, прикрываемые высокопарными рассуждениями и сентиментальной мечтательностью, «мелкие делишки и великие иллюзии» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 184); превращение обывательски понимаемой «мудрости жизни», себялюбивого благоразумия в жизненный моральный принцип; самодовольная посредственность, утверждающая себя путем воинствующего отрицания и осмеяния всего истинно возвышенного, героического, великого, выходящего за рамки обыденного; некритически-догматическое усвоение «прописных истин» и попытки с их помощью решать сложные жизненные проблемы; узкий кругозор, упрощенное понимание действительности и предъявляемых ею требований; отсутствие чувства юмора и остроумия и обусловленная этим способность постоянно попадать в комическое положение; вульгарность во вкусах, рабское подражание моде и далеко не лучшим эстетическим образцам в одежде и манерах. П. проявляется иногда и в науке. Здесь она означает перенесение в теорию представлений обыденного мышления, вульгаризацию идей, высказанных в прошлом. П. так или иначе смыкается с *мещанством, чванством, косностью и догматизмом*. Классики марксизма неоднократно подвергали критике П. буржуазии, ее образа жизни и мысли, в частности буржуазной псевдонауки, показывая ее связь с торгашеским

духом капиталистического об-ва. Особенно они высмеивали «филлистерскую пошлость» мелкой буржуазии. К. Марксу принадлежит чрезвычайно меткая и выпуклая характеристика воинствующей П.: «Плоская, безудержно-болтливая, фанфаронствующая, хвастливая... претенциозно-грубая в нападении и истерически-чувствительная к чужой грубости... неустанно проповедующая добрые нравы и неустанно их нарушающая; комично сочетающая пафос с вульгарностью... одинаково высокомерно противопоставляющая народной мудрости мещанскую, книжную полуученость, а науке — так называемый «здравый человеческий смысл»... скованная ограниченными догматическими понятиями и в такой же мере апеллирующая в противовес всякой теории к мелочной практике; негодующая на реакцию и выступающая против прогресса...» (т. 4, с. 291—292). В социалистическом об-ве П. представляет собой пережиток мещанских, обывательских нравов и вкусов. Преодоление ее предполагает искоренение частнособственнической и приспособленческой психологии, развитие духовной культуры народных масс, формирование у людей творческого и критического отношения к самим себе и к окружающему.

ПРАВДИВОСТЬ — моральное качество, характеризующее человека, сделавшего для себя правилом говорить истину, не скрывать от др. людей и самого себя дейст-

вительное положение дел. Требование П. является общечеловеческим (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). Оно вытекает из потребности людей иметь правильное представление об об-ве, в к-ром они живут, о поступках окружающих, к-рые они должны оценивать, о жизненных обстоятельствах, в к-рые они попадают. Однако на практике в классово антагонистическом об-ве это требование почти всегда нарушалось, вступая в противоречие с интересами господствующих классов и частных лиц. Поскольку само об-во основано на антагонизме классовых и частных интересов, его защита в политике, оправдание в идеологии, достижение отдельным человеком успеха в борьбе за положение необходимо требовали обмана. П. реально допускалась лишь в определенных пределах и дополнялась в той или иной мере узаконенной ложью. Идеологи господствующих классов изыскивали возможность оправдания обмана и сокрытия правды — «святая ложь» во имя «высшего интереса»; «ложь во спасение» якобы ради самих обманутых, к-рые «не поймут» или делают для себя неправильные выводы из той правды, к-рую узнают. Коммунистическая нравственность исходит из того, что подлинная *сознательность* может строиться только на основе знания людьми правды, какова бы она ни была, на глубоком понимании всеми социально-историче-

ских противоречий и жизненных конфликтов, реальной оценке трудностей и критике недостатков. Поэтому она непримирима ко всякой лжи в общественно-политической и личной жизни. Коммунистическая партия основывает свою политику на доверии к народу, откровенном признании недостатков и считает обман недопустимым средством в руководстве массами. Практика очковтирательства, попытки приукрашивания действительности подвергаются суровому общественному осуждению.

ПРАВИЛА СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ — нормы поведения людей в социалистическом об-ве, регулирующие их повседневную жизнедеятельность и взаимоотношения во всех сферах общественного бытия (в труде, быту и пр.). Определяются характером социалистического строя и вытекающей из него общности коренных интересов всех людей. В П. с. о. находит выражение достигнутый в социалистическом об-ве уровень социального и духовного развития большинства трудящихся, к-рые осуществляют эти правила в жизни и осмысливают их в своем моральном сознании. П. с. о. включают все элементарные нормы человеческого общежития, к-рые складывались в истории об-ва в процессе совместной деятельности людей (прежде всего трудовой), в результате борьбы трудящихся против социальной несправедливости и обу-

словленных ею социальных и нравственных пороков об-ва. В условиях социализма эти элементарные правила становятся нормой поведения всех членов об-ва (*Общечеловеческое*) и *классовое в нравственности*). Хотя П. с. о. и закрепляются в значительной своей части (но далеко не полностью) в социалистическом праве, в повседневной жизни они устанавливаются не «сверху», не декретами и законодательством государства. Эти правила вырабатываются в процессе деятельности широких народных масс, идейно и организационно направляемой Коммунистической партией, в борьбе против пережитков буржуазной морали, за торжество принципов коммунистической нравственности (*коллективизма, социалистического гуманизма, коммунистического отношения к труду* и др.). П. с. о. защищают как интересы об-ва в целом, так и интересы личности от их нарушителей. Являясь формой общественной дисциплины, будучи каждодневно осуществляемы в социальном бытии людей, они служат практическим выражением принципов коммунистической морали в условиях социализма. *Коммунистическое воспитание* людей осуществляется прежде всего через усвоение ими П. с. о.

ПРАВО — положение (состояние), выражающее определенное моральное (а также правовое, политическое или научное) отношение, в к-ром человек находится к об-ву, др. людям. Охватывает сле-

дующие случаи: когда *поступки* человека, сознательно избранная им линия поведения отвечают объективным потребностям исторического развития, интересам людей, требованиям нравственности («правое дело», «правильные действия»); когда его *намерения*, стремления и требования согласуются с действительным положением вещей и существующими нормами общественной жизни («справедливые требования», «законный иск», «оправданное решение»); когда его *убеждения* соответствуют объективной действительности, являются подлинно моральными («правильная точка зрения», «истинные убеждения»). Состояние П. (как и противоположное ему состояние *вины* или *неправоты*) является предметом нравственной ответственности личности. Независимо от того, каким образом человек сам относится к своим поступкам и убеждениям, он нравственно отвечает за их правильность перед об-вом. Марксистская этика отвергает т. зр. *экзистенциализма*, согласно к-рой человек всегда прав, если он поступает на основе своего собственного замысла и морального выбора. С т. зр. коммунистической морали убежденность оправдана только тогда, когда она основывается на объективной П. И наоборот, сознание своей неправоты (*Раскаяние*) помогает человеку исправить совершенные в прошлом ошибки, направить свои действия в будущем по верному пути.

ПРАГМАТИЗМ (греч. *pragma* — действие, практика) — направление в философии морали, распространенное в США с начала XX в. вплоть до 60-х гг. Основу этического учения П. заложил У. Джемс, сформулировавший два его исходных принципа: добро есть то, что отвечает к.-л. потребности; каждая моральная ситуация неповторима и поэтому всякий раз требует совершенно нового решения. В дальнейшем эти положения были развернуты в целую теорию философом-прагматистом *Дьюи*, этиком Дж. Тафтсом, социологами Дж. Мидом, А. Смоллом и др. Прагматисты объявляют себя противниками двух крайностей в этике: с одной стороны, морального *догматизма* и *абсолютизма*, к-рые рассматривают моральные *ценности* как нечто универсальное, вневременное, оторванное от вечно изменяющейся жизненной ситуации; а с др. стороны, *иррационализма*, *скептицизма* и *неопозитивизма*, отрицающих роль науки в морали, не признающих, что нравственные представления основаны на знании. Критика прагматистами этих двух течений в совр. буржуазной этике имела положительное значение. Однако анализ содержания прагматистской теории морали показывает, что ей самой присущи иррационализм и *релятивизм* и что защита ею прав науки и разума в морали на самом деле является лишь мнимой. Подчеркивая «жизненно практический» характер своей эти-

ческой теории, прагматисты вместе с тем отрицают значение общих моральных принципов, утверждают, что все нравственные проблемы должен решать сам человек лишь применительно к конкретной ситуации, в к-рую он попадает. Тем самым, по сути дела, прагматисты отрицают возможность теоретического рассмотрения практических жизненных проблем. Превращение этики в «практическую науку» также остается пустой декларацией. На словах прагматисты придают большое значение разуму в решении вопросов морали. Но, с их т. зр., с помощью разума может решаться лишь вопрос о выборе средств, методов достижения поставленных целей, сами же цели не могут якобы обосновываться разумом, вообще вопрос о них выходит за границы этики и нравственности. Цели, с т. зр. Дьюи, определяются волевыми устремлениями людей и могут констатироваться разумом лишь задним числом, когда человек уже действует. Такой подход к проблеме *целей и средств*, в сущности, означает оправдание моралью любых целей (в частности, целей буржуазной деятельности), поскольку кто-то уже действует для их осуществления. Роль разума в нравственности сводится к решению чисто утилитарной задачи: как наиболее эффективно достигнуть ту или иную (все равно какую) цель. Сам же разум как средство теоретического мышления низводится до житейского

рассудка. Такими внутренними противоречиями пронизана насквозь вся прагматистская этика. Ее претензии на научность и практический характер оказываются безосновательными и на деле подменяются компромиссными решениями в духе буржуазного оппортунизма и утилитарного практицизма. В ряде случаев это приводит к оправданию *аморализма*, беспринципности и политики достижения поставленных целей любыми средствами.

ПРАЙС (Price) Ричард (1723—91) — британский теоретик морали, глава этической школы кембриджских неоплатоников. Осн. идеи П. в этике, изложенные им в труде «Обозрение основных вопросов в морали» (1758), касаются двух проблем — онтологической природы и способа познания моральных *качеств* и *свободы воли*. Разбирая идею Хатчесона о врожденности моральных чувств, П. пытается пойти дальше, он задается вопросом: не вытекает ли из этого, что понятия добра и должного зависят лишь от природных предрасположенностей людей? П. приходит к выводу, что моральные характеристики объективны и совершенно не зависят от сознания. Должное — это первичное, ничем не определяемое свойство человеческого мира (не обусловленное ни пользой, ни наслаждением, ни к.-л. иными общественными или природными отношениями); поэтому оно воспринимается человеком как самоочевидное, без-

условное. Соответственно идея должного — элементарное и неразложимое на составные части понятие; в человеческом сознании она имеет априорный характер. Эта сторона учения П. и его сторонников (С. Кларк, Дж. Балгай, Р. Кадуорт, Р. Камберленд) получила развитие в XIX в. у Г. Сиджуика и в совр. этическом *интуитивизме*. Проблема свободы воли решается П. не в онтологическом или психологическом плане, а исходя из анализа моральной способности человека: человек должен обладать ею, чтобы быть добродетельным и отвечать за свои поступки.

ПРЕДАТЕЛЬСТВО — нарушение *верности* общему делу, требований солидарности, *измена* классовым или национальным интересам, переход на сторону врага, выдача ему соратников или партийной, государственной, военной тайны, умышленное совершение действий, враждебных общему делу и выгодных его противникам. П. всегда расценивалось моральным сознанием как *злодеяние*. Особенно сурово оно осуждалось в условиях борьбы за социальную справедливость и национальное освобождение, войны с иноземными поработителями и классовыми угнетателями, когда интересы общего дела требовали высокой сплоченности его последователей. Коммунистическая нравственность требует конкретно-исторического подхода к вопросу о верности и П. В. И. Ленин указывает, что в

условиях классовой борьбы вполне закономерен переход отдельных представителей господствующих слоев на позиции революционного класса. Нек-рые буржуазные идеологи, напр., обвиняли Ф. Энгельса в том, что он отрекся от республиканских убеждений в пользу коммунизма. На это К. Маркс ответил им, что словом «отречение» буржуазный «филистер может заклеить любое развитие, ничего не смысля в нем», противопоставляя «исторической испорченности» революционеров «идиллию неподвижного состояния» (т. 4, с. 297), свою верность старому порядку. С т. зр. коммунистической нравственности П. является измена прогрессивным идеалам, переход на сторону реакции, отступничество от правого дела. П. обычно связано с беспринципностью, политической трусостью и шкурническими интересами. Классики марксизма сурово клеймили ренегатство изменников делу освобождения трудящихся, показывая при этом реакционный смысл их действий. Одновременно они предостерегали против того, чтобы ложные обвинения в П. использовались для прикрытия сектантства и догматизма, неспособности понять диалектику жизни.

ПРЕДПИСАТЕЛЬНОЕ СУЖДЕНИЕ — см. *Язык моральный*.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ — понятие морального сознания, характеризующее *проступок*, с т. зр. меры, в какой он нарушает требования

нравственности. К П. обычно относятся те проступки, к-рые особо опасны для человечества, попирают общепринятые представления о гуманности и справедливости, не могут быть ни в коей мере оправданы обстоятельствами и совершаются по аморальным мотивам. Характерными примерами П. против нравственности являются массовые убийства и пытки, совершавшиеся фашизмом, империалистические войны, атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки, зверства американских агрессоров во Вьетнаме. В большинстве случаев понятия правового и морального П. совпадают (напр., случаи убийства, воровства). Однако в отличие от права, к-рое считает П. только нарушение официально санкционированного закона, мораль может оценивать как П. и действие, не наказуемое уголовно или административно (*Мораль и право*). В социалистическом обществе правовое и моральное понимание П. не вступают в противоречие друг с другом благодаря тому, что государство выражает и проводит в жизнь интересы всего народа, а не к.-л. отдельного класса. Расхождение между ними не является постоянным, поскольку, с одной стороны, социалистическое право вбирает в себя и санкционирует те нравственные нормы, к-рые вырабатываются самими трудящимися в ходе коммунистического строительства, и в законном порядке начинает карать проступки, к к-рым коммунистиче-

ская нравственность относится с особой непримиримостью (напр., злостное *тунеядство*); с др. стороны, в целом ряде случаев государственное принуждение постепенно замещается воздействием *общественного мнения* (*Убеждение и принуждение*), а карательные функции передаются общественным организациям трудящихся (товарищеским судам и т. д.).

ПРИВЫЧКИ — *действия и поступки*, выполнение к-рых стало потребностью; укоренившиеся в психике людей способы *поведения*, проявляющиеся в виде однотипных действий, повторяющихся в сходных условиях. В результате многократного повторения человеком одинаковых действий процесс решения им практической задачи постепенно автоматизируется, вырабатываются соответствующие *навыки, склонности*, к-рые без участия мышления включаются в действие при попадании человека в привычные условия. П. значительно облегчают и упрощают процесс социальной деятельности человека. Поступок, ранее требовавший от человека анализа ситуации, выработки решения, иногда самопринуждения, когда становится привычным, совершается без размышлений и волевых усилий. В социальном плане П. являются элементом моральных отношений, одним из способов регулирования поведения людей. П. — это простейшая форма поддержания и передачи последующим поколениям *обычаев*. Она состоит в том,

что определенная общественная потребность, диктующая человеку определенные действия, откладывается в психике мн. людей в виде их собственных потребностей и склонностей. Роль общественных П. возрастает в процессе строительства коммунистического об-ва. Выработка в массах П., соответствующих требованиям коммунистической нравственности, — большая и трудная задача, осуществляемая в борьбе со старыми П., являющимися *пережитками* прошлого. Процесс выработки коммунистических П. не сводится к простому приучению людей исполнять диктуемые им правила, он предполагает воспитание *убеждений, сознательности*, к-рые затем переходят в П. Как говорит, напр., В. И. Ленин, коммунистический труд — это труд «по сознательному (перешедшему в привычку) отношению к необходимости труда на общую пользу...» (т. 40, с. 315).

ПРИМЕР — в морали это одна из форм *инициативы*, проявляющаяся в том, что действия одного человека (группы лиц, коллектива) становятся образцом для поведения др. По сравнению с *почином* П. обладает той особенностью, что здесь инициатор не только побуждает др. последовать за собой, но и предлагает им готовую форму деятельности, к-рая затем распространяется на др. людей, становится *нормой* поведения мн. В этом отношении П. является одним из способов осу-

ществления общественной *дисциплины*, проявления активности членов коллектива, их взаимного нравственного *воспитания*. В морали, в сущности, каждый отдельный поступок является для окружающих П., положительным или отрицательным. Однако следование П. др. людей здесь не является простым подражанием, оно всегда предполагает ту или иную *оценку* совершенных действий. Без такой оценки и уяснения себе морального значения образца для подражания следование чужому П. еще не есть акт свободного выбора и сознательной нравственной деятельности. П. всегда играл большую роль в повседневных взаимоотношениях людей, в поддержании и развитии *обычаев* и *нравов*. Однако в условиях частной собственности на средства производства и классово антагонистических отношений его значение существенно ограничивалось; П. мог стать образцом для массового подражания только среди людей, находящихся в одинаковом социальном положении, да и то не всегда, т. к. даже в этих рамках классовые противоречия делают часто невозможным действие П. Положение существенно изменяется в условиях социализма. В. И. Ленин писал, что «сила примера... получит громадное значение в обществе, отменившем частную собственность...» (т. 36, с. 150). С обобществлением средств производства все члены об-ва становятся объективно заинтересо-

ванными в повышении общественной производительности труда, в дальнейшем материальном и духовном прогрессе об-ва. Правда, и здесь еще иногда возникает противоречие между личным и общественным интересом. Но это противоречие постоянно преодолевается в процессе борьбы с личным *эгоизмом*, местничеством, бюрократическим отношением отдельных руководителей к массовой инициативе, путем повседневного воспитания всех членов об-ва в духе сознательного служения общему делу, использования системы материальной заинтересованности, пропаганды передового опыта. Особенно широко действие П. проявляется в социалистическом *соревновании*.

ПРИНЦИПИАЛЬНОСТЬ (лат. *principium* — основание, первоначало) — положительное нравственное *качество*, характеризующее личность и ее действия; означает верность определенной идее в убеждениях и последовательное проведение этой идеи в поведении. П. сама по себе еще не является содержательной моральной характеристикой человека, ибо касается лишь формы его морального сознания (*внутренняя убежденность*) и способа поведения (*последовательность*), но не затрагивает их общественной направленности. Поэтому, осуждая при всех условиях беспринципность, при оценке проявляемой людьми П. коммунистическая нравственность обязательно учитывает конкрет-

ное содержание тех моральных принципов, к-рые исповедуются и проводятся. Можно признать П. поведения своего идейного противника, но в то же время осудить его антигуманную направленность по содержанию. Высшей формой П. является последовательность в убеждениях и практической деятельности сторонников коммунистических идеалов, ибо по своему содержанию эти идеалы — самые гуманные и справедливые из всех идеалов, к-рые знает человечество. Для совр. врагов коммунизма, наоборот, характерны беспринципность, готовность прибегнуть к любым средствам для достижения цели (*Цели и средства*), клевета, демагогия. Коммунистическая П. враждебна фанатизму и догматизму, ибо нравственные принципы коммунизма основываются на научном анализе законов истории и требуют их творческого применения. Коммунистическая П. исключает оппортунизм и конъюнктурность в политике. Коммунистическая нравственность осуждает практику обмана масс, якобы совершаемого «ради их же интересов», и др. аморальные средства достижения поставленных целей, свойственные реакционной идеологии и политике.

ПРИНЦИПЫ (моральные) (лат. *principium* — основание) — одна из форм нравственного сознания, в к-рой моральные требования выражаются наиболее обобщенно. Если норма предписывает, какие

конкретно поступки человек должен совершать, а понятие морального качества характеризует отдельные стороны поведения и черты характера личности, то П. в общей форме раскрывают содержание той или иной нравственности, выражают выработанные в моральном сознании об-ва требования, касающиеся нравственной сущности человека, его назначения, смысла его жизни и характера взаимоотношений между людьми. Они дают человеку общее направление деятельности и обычно служат основанием (*Критерий нравственности*) для более частных норм поведения. Мораль различных классов по-разному трактует нравственную сущность человека, выдвигая соответствующие этой трактовке моральные П. Так, осн. П. *буржуазной морали*, к-рая исходит из того, что человек по своей «естественной» сущности эгоист, способный оказывать благодеяния об-ву лишь постольку, поскольку это отвечает его частной выгоде, являются *эгоизм* и *индивидуализм*. В личных отношениях между людьми П. эгоизма чисто внешне дополняется и ограничивается П. *альтруизма*. С этой т. зр. процветание об-ва в целом сводится к благополучию частных лиц, каждое из к-рых «свободно» преследует собственные интересы. Коммунистическая нравственность, напротив, исходит из того, что полное осуществление свободы человека, гармоническое удовлетворение потребностей и

развитие способностей каждого возможны лишь в коллективе. Поэтому сотрудничество между людьми должно устанавливаться не ради частной выгоды каждого, а во имя общих целей, осуществление к-рых означает и благо для каждого в отдельности. Это значит, что подлинное назначение человека состоит в сознательном служении об-ву, а в конечном счете — человечеству в целом (П. коллективизма). В коммунистическом об-ве эта общественно полезная деятельность становится органической потребностью каждого. Помимо П., раскрывающих содержание той или иной нравственности, существуют также формальные П., раскрывающие особенности способа выполнения моральных требований (напр., *сознательность* и ее противоположности — *фетишизм, формализм, догматизм, авторитаризм, фанатизм, фатализм*). Хотя эти П. и не обосновывают никаких конкретных норм поведения, они тем не менее тесно связаны с природой той или иной нравственности, показывают, насколько она допускает сознательное отношение человека к предъявляемым ему требованиям.

ПРИЧИННОСТЬ (в морали). — По вопросу о роли П. в мире в истории философии существовали два противоположных взгляда. Первый, детерминистский (лат. *determinare* — определять), состоит в том, что все явления и процессы, происходящие в природе, об-ве и

сознании, причинно обусловлены. Др. взгляд на мир (индетерминизм) так или иначе отрицает это. Проблема П. применительно к морали связана с решением следующих гл. вопросов: во-первых, существует ли объективное основание нравственных требований, определяется ли их содержание условиями, находящимися за пределами морального сознания, или же самим этим сознанием; во-вторых, если признать, что поведение человека причинно обусловлено, то как совместить детерминизм со способностью человека делать моральный *выбор* и с его ответственностью за те поступки, к-рые он совершил? В истории этических учений имели место самые различные толкования детерминизма. Утверждалось, что содержание моральных требований определяется законами вселенной (*Космической телеологии этика*), биологической эволюцией (*Эволюционная этика*), внеисторически понимаемой природой человека, присущим ему стремлением к наслаждению, счастью (*Гедонизм, Эвдемонизм*) и т. д. Все эти разновидности этического *натурализма* не улавливали специфического характера П. в морали, толковали ее механистически, что иногда вело к *фатализму* в понимании общественной истории и человеческого поведения. В противовес детерминизму неоднократно предпринимались попытки доказать, что история якобы развивается в соответствии с нравственными

представлениями людей. А происхождение самих моральных представлений чаще всего усматривалось в расположениях, склонностях людей. Это часто приводило к моральному *волюнтаризму* (*Экзистенциализм, Неопозитивизм*). Согласно марксистско-ленинскому пониманию П., требования нравственности отражают социально-историческую необходимость, а не противостоят ей в качестве субъективных пожеланий людей. Это ни в коей мере не умаляет значения личной деятельности людей. «Идея детерминизма,— писал В. И. Ленин,— устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий. Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка...» (т. 1, с. 159). Конфликт, возникающий между требованиями нравственности и объективными условиями для их осуществления, является отражением противоречивости самого исторического процесса. В каждый его момент возникают новые потребности, к-рые разрешаются лишь в ходе последующего развития общества. П. в морали имеет, однако, свою специфику. Социальная необходимость отражается в моральном сознании в виде идеи о должном, в виде цели, к-рую человек должен осуществить, а не просто как причина, действующая поми-

мо его воли. Именно поэтому личность ответственна за свои действия, и ее поступки могут оцениваться как *добро* или *зло* (*Оценка моральная*).

ПРОБАБИЛИЗМ (лат. *probabilis* — вероятный) — способ суждения, обосновывающий моральную беспринципность доведенными до крайности идеями *скептицизма*. Противоположен *ригоризму*. В этику был введен иезуитами (*Иезуитизм*), полагавшими, что при принятии практического решения, объяснении (*оценке*) к.-л. события или поступка за незнанием полной истины следует руководствоваться той интерпретацией, к-рая представляется наиболее вероятной и приемлемой, в пользу к-рой говорят хотя бы нек-рые основания, даже предполагаемые «благие» намерения. П. как способ морального суждения выдвигается всякий раз в тех случаях, когда те или иные действия не обнаруживают надежного нравственного основания. В этом смысле П. является выражением оппортунистически-беспринципной системы морали, приспособляющейся к господствующим условиям бытия. Чаще всего П. выступает как способ оправдания нравственно недопустимых и даже преступных действий под тем предлогом, что об их подлинном смысле и последствиях не знали или не могли знать. В целом П. является существенным моментом антигуманистической морали господствующих классов антагонистического общества.

ПРОГРЕСС НАВРСТВЕННЫЙ (лат. *progressus* — движение вперед, выше) — восходящее развитие морали от менее совершенных исторических состояний (этапов) к более совершенным (противоположное значение имеет понятие регресса морали). Характеризуя поступательное духовное развитие человека, движение к высшему, лучшему, П. н. тем самым включает в себя ценностный момент (*Ценности, Аксиология*). Это обстоятельство создавало серьезные трудности для понимания развития нравственности как реального, эмпирически фиксируемого процесса замены одних *нравов* и моральных систем др., подлежащего оценке с т. зр. тенденций совершенствования, перспектив достижения более высокого состояния. Немарксистская этическая мысль, сталкиваясь с этой трудностью, как правило, колебалась между двумя крайностями: *релятивизмом*, рассматривающим каждую конкретно-историческую форму нравственности как соответствующую своему времени и месту и потому якобы не подлежащую никакой сравнительной оценке, т. е. вольно или невольно оправдывающим любые реакционные моральные системы, разлагающиеся нравы, и *абсолютизмом*, возводящим ту или иную мораль в ранг вечной, неизменной, единственно «подлинной» и считающим все историческое развитие нравственности отклонением от ее абстрактных принципов, ошибкой

и т. п. И в том и в др. случае развитие морали не рассматривалось как прогресс. Не случайно поэтому, что выдвигавшиеся в буржуазной этике концепции П. н. большей частью абстрактно-спекулятивны, непоследовательны, эклектичны (Л. Хобхауз, В. Вундт, Е. В. де Роберти, Дж. Хаксли, М. Гинсберг и др.). Для совр. буржуазной этической мысли характерны попытки дискредитации самой идеи П. н. с позиций *скептицизма* и *пессимизма*. Подлинно научное и гуманистическое обоснование П. н. стало возможным лишь в рамках марксистской философии и этики. Развитие нравственности, определяясь в конечном итоге восходящим общественно-историческим процессом, имеет, однако, относительную самостоятельность, ускоряя или замедляя его. П. н. характеризуется специфическими признаками. Среди них: расширение (от одной формации к др.) благотворного воздействия морали на процесс освобождения трудящихся: усиление влияния морали на различные сферы социальной жизни (политику, культуру, быт и т. д.); структурно-функциональное усложнение, совершенствование нравственности с переходом от одной социальной системы к др., большее разнообразие, гибкость ее регулятивных механизмов; увеличение объективно верного содержания в императивах и оценках, во всем моральном опыте человечества; развитие и совершенствование бо-

гатства, тонкости, глубины нравственного мира личности, способности аккумулировать самые сложные движения, изменения ее эмоционально-волевого состояния; углубление гуманистического содержания, смысла моральных норм и запретов, оценок и идеалов; развитие этики как науки о морали (косвенный показатель П. н.) и др. В совр. эпоху признаки П. н. наиболее полно воплощаются в таком критерии социально-исторического прогресса, каким является борьба за коммунизм, переход от капитализма к коммунистической общественно-экономической формации. Именно в этом процессе в наибольшей мере реализуются гуманистические тенденции П. н. Нравственный аспект борьбы за коммунизм проявляется во всемерном совершенствовании морали социалистического об-ва, ее непрерывном, поступательном развитии, превращении в мораль коммунистического об-ва, что будет означать осуществление вековой мечты человечества о подлинно морально-возвышенной, достойной и справедливой жизни.

ПРОСТУПОК — *поступок*, по своему содержанию представляющий нарушение требований нравственности. П. бывают намеренные и ненамеренные (в зависимости от того, стремился ли человек совершить этот П. или это вышло помимо его воли — см. *Намерение*), умышленные (совершенные по злому умыслу или вопреки известным данному лицу требованиям)

и непредумышленные (совершенные в силу ошибочного понимания морального долга или по неведению). Как П. могут расцениваться не только сами указанные выше действия, но и невыполнение действия, предписываемого моралью, а также аморальные *намерения* и *мотивы*. Понимание того, что следует считать П., исторически менялось в зависимости от содержания самих нравственных требований, от того, интересы каких классов и социальных групп эти требования выражали. Первобытнообщинная мораль, напр., осуждала невыполнение требований родовой *мести*, тогда как христианство, наоборот, выдвинуло требование всепрощения: «Прощайте врагам вашим» (*Любовь, Смирение*). Феодальная мораль осуждала ростовщичество, тогда как буржуазная мораль признала его законным способом обогащения. Если в буржуазной морали оправдывается эксплуатация в форме наемного труда и осуждаются всякие действия, подрывающие частную собственность, то в коммунистической нравственности экспроприация частной собственности в ходе социалистической революции признается законным осуществлением прав трудящихся, а эксплуатация в любой форме — противоречащей требованиям морали. В социалистическом об-ве П. считаются действия, попирающие общественные интересы, законные права отдельных лиц и противоречащие интересам челове-

чества в целом. Мера П. устанавливается в зависимости от содержания самого действия, условий, в к-рых оно было совершено (а также условий жизни и воспитания человека, совершившего П.), характера мотива и намерения, к нему приведших.

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ ЭТИКА (или профессиональная мораль) — так принято называть кодексы поведения, обеспечивающие нравственный характер тех взаимоотношений между людьми, к-рые вытекают из их профессиональной деятельности. Несмотря на всеобщий характер моральных требований (*Равенство*) и наличие единой трудовой морали класса или об-ва (*Труда нравственность*), существуют еще и специфические нормы поведения только для некоторых видов профессиональной деятельности. Возникновение и развитие таких кодексов представляет собой одну из линий нравственного *прогресса* человечества, поскольку они отражают возрастание ценности личности и утверждают гуманность в межличностных отношениях. В эксплуататорских об-вах эти кодексы испытывали деформирующее влияние со стороны тех факторов общественной жизни, к-рые обособляли и противопоставляли интересы различных профессий, порождая особые формы группового эгоизма и т. наз. «корпоративную мораль». При социализме профессиональные и общественные интересы совпадают в гл., наиболее

существенном. Достоинство и интересы представителей той или иной профессии в конечном счете подтверждаются тем, насколько последовательно они в своей деятельности воплощают общие принципы коммунистической нравственности, лишь конкретизированные применительно к специфике их труда. Необходимость в повышенной мере моральной ответственности и в долге, вытекающем из нек-рых дополнительных норм поведения, как свидетельствует исторический опыт, проявляется прежде всего во врачебной, юридической, педагогической, научной, журналистской и художественной деятельности, т. е. в тех сферах, где труд специалиста не уместается в строгие формальные схемы, а от его эффективности зависят состояние здоровья, духовный мир и положение человека в об-ве. Успешное выполнение профессиональных задач в этих сферах предполагает соединение квалифицированности специалистов с глубоким осознанием ими своей моральной *ответственности*, готовностью безукоризненно исполнить свой профессиональный долг. В основе *врачебной этики* лежат традиционные представления о гуманном назначении труда медика, к-рый должен руководствоваться в своих действиях соображениями телесного и духовного здоровья больного, не считаясь при этом с трудностями, а в исключительных обстоятельствах — и с собственной безопас-

ностью. История медицины знает мн. случаев, когда врачи испытывали действие нового препарата на себе, чтобы не подвергать опасности больного. К компетенции медицинской этики относятся такие сложные проблемы, как границы сохранения врачебной тайны, условия трансплантации жизненно важных органов и др. От представителя права П. э. требует неподкупности, верности духу и букве закона, соблюдения равенства всех перед законом. Одним из гуманных принципов социалистического права является «презумпция невиновности» — требование считать обвиняемого невиновным до тех пор, пока его вина не доказана судом. С социалистической законностью несовместимы нарушающие нормы юридической этики методы дознания — использование анонимных доносов в качестве улики против обвиняемого, принуждение к признанию вины угрозами и силой, использование такого вынужденного «признания» в качестве доказательства виновности. От работника правоохранительных органов П. э. требует гуманного отношения к правонарушителю, предоставления ему максимальных возможностей для защиты, использования силы закона не только для наказания, но и для перевоспитания преступника. Гуманистическими аспектами насыщена и педагогическая этика. Она так регулирует, напр., поведение учителя, чтобы оно укреп-

ляло его авторитет, обеспечивало единство усилий педагогического коллектива. Вместе с тем она нацелена на защиту интересов детей, устанавливает пределы педагогической солидарности, реализует принцип единства уважения к личности ученика и требовательности к нему, ставит вопрос о моральном доверии общества к учителю. В сфере науки П. э. требует отстаивать истину и добиваться использования научных достижений в интересах человечества. Она формирует готовность правильно воспринимать критику, требует сочетания научной добросовестности с личной честностью исследователя, осуждает конъюнктурщину, начетничество, плагиат, попытки создания монополии той или иной научной школы, подкрепляет систему правил ведения дискуссий, способов закрепления научного приоритета, форм выражения признательности коллегам и др. Сходные требования выдвигает П. э. журналиста, писателя, художника, деятеля театра и кино. Особые моральные кодексы складываются и в тех видах деятельности, к-рые связаны не с профессиональным разделением труда, а с использованием каких-то специфических общественных функций (напр., в воинской и милицейской службе, в сфере торговли и услуг, в области спорта). О специфических кодексах поведения применительно к др. профессиям можно говорить лишь в той мере, в какой в них

формируются нравственные отношения между руководителями и подчиненными, сотрудниками разных рангов и специальностей. В этом смысле можно выделить этику инженера, служебную или административную этику.

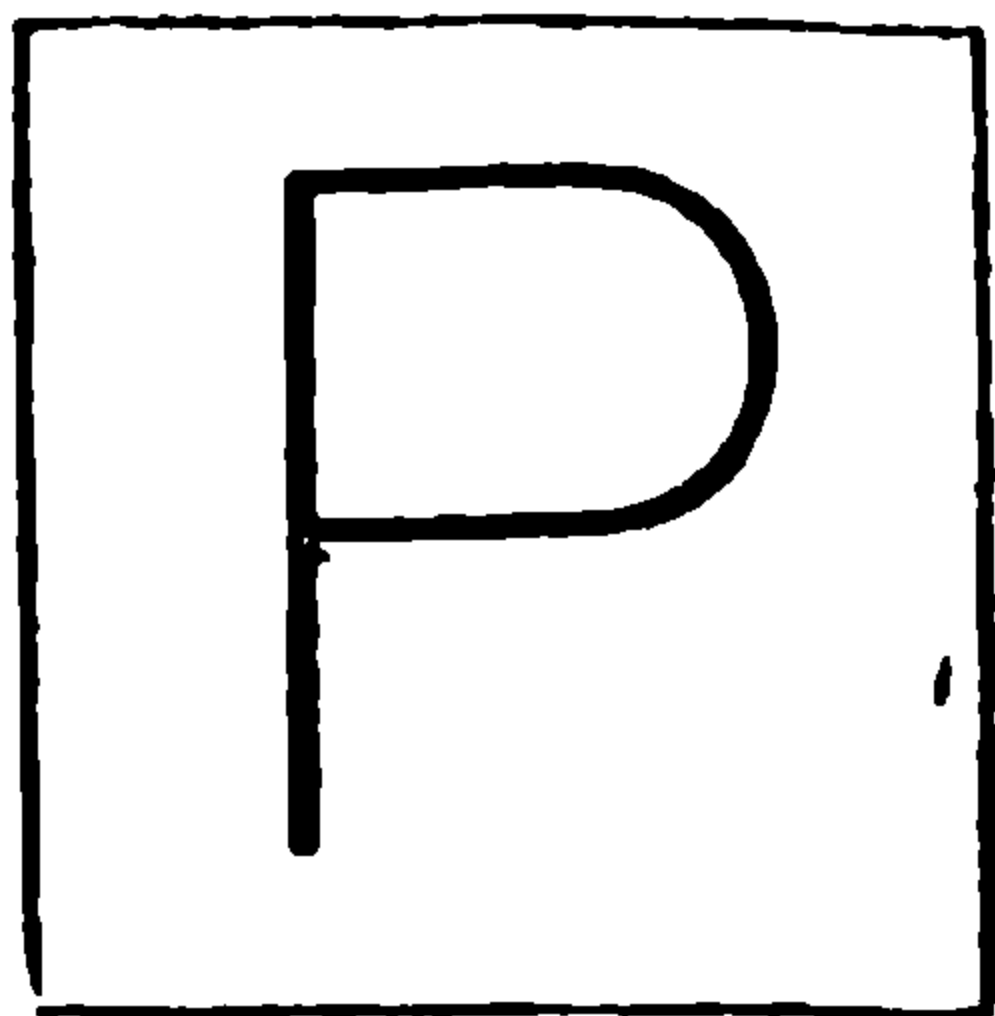
ПРУДОН (Proudhon Пьер Жозеф (1809—65) — фр. мелкобуржуазный социалист и теоретик анархизма, создавший систему реформистского мелкобуржуазного социализма, пронизанную этическим *абсолютизмом*. П. выдвигал утопические планы мирного экономического преобразования капиталистического об-ва в строй равенства ассоциированных мелких хозяев при сохранении ими частной собственности. Из отношений товарного производства П. и почерпнул свои идеалы «вечной справедливости». Эти идеалы, подкрепленные первоначальным влиянием на П. ветхозаветной и христианской морали и отразившие чаяния мелкой буржуазии эпохи промышленного переворота во Франции, представляли в его концепции растеологизированную, но по-прежнему мистическую идею абсолютного разума, к-рый якобы правит миром и осуществляет вечные законы справедливости. В трактовке П. идея справедливости выступала как закономерная тенденция природы и об-ва к уравниванию антагонистических сил и явлений и как моральное обоснование равенства и автономии индивидов в об-ве, социаль-

ные связи к-рого создаются обменом равных взаимных услуг (принципы «мютюэлизма»). Такую мелкобуржуазную справедливость П. делал нормативным принципом всякого об-ва, увековечивая как его основу идеализированные собственнические отношения. Поскольку моральные постулаты П. покоились на идеалистических и мбралистических (*Морализирование*) воззрениях, на представлении об изначальной множественности «несводимых и антагонистических» элементов в природе и об-ве, он отождествлял поиски социальной справедливости с проблемой установления «баланса» и равновесия различных классов и классовых сил и считал социальные противоречия принципиально неустраняемыми. Для этических воззрений П. характерна также ретроградная трактовка вопросов брачно-семейной морали, к-рые он решал в домостроевском духе, отводя женщине роль покорной жены и домашней хозяйки и настаивая на недопущении ее к участию в индустриальной деятельности и в общественной жизни.

ПУРИТАНСТВО (англ. puritan, от позднелат. puritas — чистота) — образ жизни, для к-рого характерны крайняя строгость нравов, аскетическое ограничение потребностей, протест против какой бы то ни было роскоши и удобств, патриархальное отношение к вопросам семьи и брака. Первоначально этот термин употреблялся в качестве названия религиозно-

политического движения в Англии в XVI—XVII вв., выражавшего интересы буржуазии, которая боролась против абсолютизма и феодальной аристократии, за полное очищение англиканской церкви от остатков католицизма. Для пуритан были характерны проповедь строгости нравов в быту и резко отрицательное отношение к роскоши и расточительству, типичным для богатой аристократии. В этом отразились настроения, общие для всей буржуазии эпохи первоначального накопления капитала (*Бережливость*). Коммунистическая нравственность отрицает ас-

кетизм и П. как общий жизненный принцип. Требуя от людей нравственной чистоты в быту, она вместе с тем не приемлет *ханжества, ригоризма, морального догматизма*. Человек должен разумно удовлетворять свои потребности в соответствии с интересами гармонического и всестороннего развития его личности, достигнутым уровнем развития производительных сил и общественного богатства. Все остальные соображения, выдвигающиеся в пользу ограничения потребностей, противоречат принципу гуманизма и ведут к моральному лицемерию.

РАВЕНСТВО (в морали) — формальный принцип нравственности, согласно к-рому моральные *требования* в равной мере должны распространяться на всех людей, независимо от их общественного положения и условий жизни. В личном плане этот принцип предполагает, что при оценке поступков др. людей человек должен исходить из тех же требований, к-рые он предъявляет к самому себе. Одной из первых попыток сформулировать принцип Р. в морали явилось так наз. «золотое правило» в Библии. В новое время этот принцип был сформулирован Кантом (*Категорический императив*). В совр. буржуазной этике принцип Р. обосновывается неопозитивистом Р. Хеаром, к-рый, однако, считает, что под данный принцип можно подвести любое содержание моральных требований. Всякая существовавшая в истории человечества мораль формально исходила из того, что ее принципы одинаково распространяются на множество людей. Однако историческое содержание принципа Р. в морали изменялось по мере развития об-ва. Феодаль-

ная мораль открыто формулирует различные нормы поведения для разных сословий. Р. здесь мыслится только в рамках одного сословия. Буржуазная мораль провозглашает всеобщее Р. людей, но этот принцип остается чисто формальным в силу фактического классового неравенства. Поэтому на деле в классовом об-ве к представителям различных социальных слоев предъявляются разные требования. Подлинно общечеловеческой моралью является только коммунистическая нравственность, к-рая предусматривает уничтожение классовых различий между людьми. В этом смысле она является первой в истории человечества нравственностью, к-рая на деле предъявляет равные требования ко всем людям, т. е. последовательно осуществляет принцип Р. в морали.

РАЗУМ НРАВСТВЕННЫЙ — развитая способность общественного человека осмысливать социальную действительность и самого себя в нравственных и вообще ценностных характеристиках. Действительность для Р. н. — не предуготованный порядок вещей, не

закрытая система, а открытый процесс, к-рый требует от человека не только познания наличной ситуации, но и способности к ее критической оценке, к преобразованию и созиданию принципиально иных возможностей. В Р. н. синтезируется познавательная и социально-творческая, нравственная культура, что предполагает углубление и расширение личностного мира человека. Проблема Р. н. была поставлена, хотя и антропоцентристски, еще Кантом. Однако он не нашел ей монистического решения. Такое решение дает марксизм. Марксистское понятие Р. н. основано на преодолении дуализма между научно-познавательными способностями человека и его духовно-нравственным развитием. С расщеплением т. зр. объективное познание истины всегда есть лишь нейтральный, безразличный инструмент, поддающийся нравственному или безнравственному использованию. На уровне же Р. н. человек постигает истину уже не как нейтральную, а как включающую в себя решения аксиологических (Аксиология) и этических проблем. Р. н., в сущности, есть не что иное, как критически мыслящая *совесть*, обогащенная опытом человечества и умудренная историческими уроками. Поэтому Р. н. всегда движется и проявляет себя в проблемах, а не в мертвых, слепых предписаниях. Такая нравственная культура мышления есть условие подлинно коммунистиче-

ского воспитания. В. И. Ленин определил обладателей такой культуры словами: «...можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести...» (т. 45, с. 391).

РАСКАЯНИЕ — признание собственной *вины* и осуждение своих прошлых поступков; проявляется либо в гласном признании перед окружающими своей виновности и готовности нести наказание, либо в особом чувстве сожаления о совершенных деяниях и помыслах. Р. всегда рассматривалось моральным сознанием как необходимая часть *искупления*, поскольку без него невозможно исправление человека в дальнейшем. Р. может быть проявлением *совести* или чувства *стыда*, но в обоих случаях оно выполняет роль *самооценки* человеком своих поступков, к-рая направляет его дальнейшие действия. Р. — специфически моральный акт. Однако оно играет определенную роль и в праве, где мера наказания определяется с учетом Р. виновного. Здесь мы имеем дело с одним из случаев взаимосвязи *морали и права*.

РАЦИОНАЛИЗМ (этический) (лат. rationalis — разумный) — методологический принцип, лежащий в основе мн. домарксистских и нек-рых совр. теорий морали. Как и в философии, Р. в этике выражается в попытках создать всеобъемлющую дедуктивную систему нравственности, построенную в порядке общности входя-

щих в нее понятий и представлений, найти универсальный моральный *принцип*, из к-рого можно было бы логически вывести все конкретные требования нравственности применительно к различным ситуациям. Моральные представления людей в своей совокупности действительно образуют целостную систему логически взаимосвязанных понятий (*Сознание моральное*), в к-рой более частные представления можно обосновать с помощью более общих. Но, абсолютизируя эту сторону морального сознания, рационалисты исходят из того, что все конкретные моральные проблемы, встречающиеся в жизни, можно разрешать путем чисто логического вывода из единого общего принципа. Тем самым они умаляют значение анализа конкретных социальных условий и обстоятельств и понижают роль личности в выборе определенного морального *решения*. В своих крайних формах этический Р. ведет к догматизации нравственности, к превращению ее в совокупность прописных истин, к-рые в готовом виде содержат в себе решение всех встречающихся в жизни проблем. В истории этических учений Р. чаще всего выступал как тенденция, к-рая осуществлялась с той или иной степенью последовательности. Элементы Р. можно обнаружить в этических учениях *Платона* и *Евклида Мегарского*. Платон, напр., пытался найти единую основу всех частных добродетелей

(такую основу он видел в понятии «высшее благо») и тем самым дать всеобщее определение *справедливости*, из к-рого вытекают все конкретные требования морали. Рационалистическая тенденция содержится в учении *стоиков (Стоицизм)*, *Цицерона*, позднее у *Фомы Аквинского*, затем у *Канта (Формализм)*. В сущности, рационалистический характер носят этические системы *гедонизма*, *эвдемонизма* и *утилитаризма*, где все содержание моральных норм и принципов сводится к единому требованию приносить наслаждение, *счастье* или пользу людям. В совр. буржуазной этике попытки построить формально-логическую систему понятий предпринимаются нек-рыми неопозитивистами (*Язык моральный*). Всем разновидностям этического Р. в равной мере присущ общий методологический порок: выводя все содержание моральных требований из к.-л. единого принципа, теоретики нравственности не могут научно обосновать сам этот принцип, а предлагают признать его как самоочевидный факт, не нуждающийся в доказательствах. Однако в прошлом Р. как метод этики (пока он не абсолютизировался) имел в целом прогрессивное значение, поскольку его сторонники ставили перед собой задачу создания теории этики как практической дисциплины, к-рая помогает людям решать жизненные проблемы. Именно эта положительная сторона Р. чаще всего от-

рицается в совр. буржуазной философии морали. Так, этические формалисты, критикуя Р., утверждают, что этика не может быть «механикой поведения», не может даже в самом общем виде ставить и решать моральные проблемы, ибо они не относятся к области науки (*Мораль и наука*). Иррационалисты (*Иррационализм*) считают, что моральные вопросы вообще не могут решаться в теоретической, обобщенной форме, что каждая нравственная ситуация совершенно уникальна, неповторима. Марксистско-ленинская теория морали, признавая исторические заслуги этического Р. и критикуя его ограниченность, берет из этой теории все то, что было в ней ценного для анализа нравственности (*Логика морального языка*).

РЕВНОСТЬ — неприязненно-враждебное чувство по отношению к успехам, достоянию или популярности др. лица, а также к его самостоятельности в действиях и чувствах. По своему содержанию Р. есть не что иное, как стремление человека к тому, чтобы все: успехи, заслуги, расположение др. людей — безраздельно принадлежало только ему. Коммунистическая нравственность осуждает всякое проявление Р. в области общественной деятельности людей, в труде, в политике, в науке, поскольку она является следствием эгоизма, себялюбия, тщеславия, зависти к успехам др. людей в общем деле и приводит

к нарушению принципа коллективизма и товарищеской взаимопомощи в отношениях между людьми. Особый случай представляет Р. во взаимоотношениях между полами, поскольку половая любовь связана с естественным чувством взаимного обладания и близостью двух людей. Однако человек должен контролировать свои поступки, чтобы в этом случае чувство Р. не принимало крайних форм, не приводило к взаимному неуважению, посягательствам на личную свободу, деспотизму и подозрительности. Подобные проявления этого чувства, еще встречающиеся в социалистическом об-ве, являются пережитками старого и подвергаются осуждению.

РЕЛИГИОЗНАЯ МОРАЛЬ (лат. religio — религия) — обособываемая религиозными средствами система нравственных представлений, норм и *заповедей*, тесно связанная с вероучением, догматикой и опирающаяся на идею бога. По своему действительному социальному содержанию всякая мораль, в т. ч. и религиозная, выражает интересы того или иного об-ва, класса, ее действительной основой являются определенные социально-исторические условия (*Мораль и религия*). Но общественные условия и классовые интересы получают в Р. мифологическое толкование и объяснение: требования нравственности объявляются повелениями бога, к-рый якобы создал человека и предопределил его мораль-

ное назначение. Так, согласно иудейско-христианской легенде, моральные заповеди были получены пророком Моисеем непосредственно от самого бога на горе Синай. Отсюда вытекает представление о том, что нравственные требования якобы вечны, установлены раз и навсегда, т. е. имеют внеисторический характер и по своему содержанию совершенно не зависят от общественных условий жизни людей (*Абсолютизм, Фетишизм*). Они представляются в виде «идеальных» принципов, противостоящих «земной» практике и материальным интересам людей. Это противопоставление распространяется и на самого человека; духовное («божественное») начало в нем якобы противоположно его «телесной», чувственной природе. В этом религиозном раздвоении человека нашло отражение реальное положение его в системе частнособственнических и эксплуататорских отношений. Предписываемые ему моральные требования постоянно вступают в противоречие с его собственными интересами. Социальная несправедливость, господствующая в классово антагонистическом обществе, ставит перед религией специфическую проблему — оправдания зла на земле и конечного *воздаяния* добродетели, над к-рой порок постоянно одерживает верх в земной жизни. В христианстве эта задача решается с помощью *теодицеи* и учения о конечном «спасении» человечества в «царстве

божьем», где добродетель будет вознаграждена, а порок наказан (*Эсхатология*). С этой т. зр. рассматривается вся жизнь человека, ее смысл и назначение. Земное существование людей бренно, представляет собой искупительное страдание, ниспосланное ему богом, и есть лишь подготовка к будущей загробной жизни. Р. м. выдает за подлинную нравственность *аскетизм, смирение* и добровольное подавление в себе всего собственно человеческого. Особое толкование в Р. м. получают и моральные мотивы. Человек должен служить прежде всего богу, а не людям и об-ву; в зависимости от того, что понимается под «волей бога», за к-рой в действительности скрываются интересы определенных классов, оправдываются или осуждаются те или иные поступки людей. Р. м. исходит из того, что свободно служить богу могут лишь немногие — «праведники»; остальные же смертные могут выполнять требования морали из страха перед будущим «страшным судом», небесной карой или надеясь на загробное воздаяние. Т. обр., Р. м. не в состоянии дать человеку подлинно нравственные мотивы, подменяет их стремлением к благополучию (хотя бы только в потусторонней жизни) и страхом перед «вечными муками». Поскольку высшим судьей поступков человека Р. м. провозглашает бога, она дает возможность снять с человека личную ответственность за определение своей нравственной по-

зиции и выбор линии поведения. Практическая борьба за претворение в жизнь моральных идеалов подменяется в ней упованием на милость бога. Гл. считается не реальное достижение поставленных нравственных целей, а формальное (внешнее — в поведении или внутреннее — в умонастроениях) следование установленным раз и навсегда нормам и принципам. Поэтому для Р. м. особенно характерны моральный формализм, ригоризм, ханжество, фарисейство.

РЕЛЯТИВИЗМ (этический) (лат. *relativus* — относительный) — методологический принцип истолкования природы нравственности, лежащий в основе мн. домарксистских и совр. буржуазных этических теорий; выражается в том, что моральным понятиям и представлениям придается крайне относительный, изменчивый и условный характер. Релятивисты видят лишь то, что нравственные принципы, понятия добра и зла различны у разных народов, социальных групп и отдельных людей, определенным образом связаны с интересами, убеждениями и склонностями людей, ограничены в своем значении условиями места и времени. Но за этим многообразием и изменчивостью моральных представлений релятивисты не усматривают ничего общего и закономерного, т. к. сам характер социальной обусловленности морали и тем более содержание определяющих ее общественно-исторических

законов остаются не понятыми ими. Поэтому в конечном итоге Р. приводит к субъективизму в толковании нравственных понятий и суждений, к отрицанию в них к.-л. объективного содержания. Этический Р. часто выражал в себе стремление определенных социальных групп подорвать или опровергнуть господствующие формы нравственности, к-рым придавался абсолютный и догматический смысл (*Абсолютизм*). В истории этических учений релятивистское воззрение на мораль получает развитие уже в рабовладельческом об-ве. Софисты, указывая на противоположность нравственных представлений у разных народов (то, что считается добродетелью у одних, осуждается как порок у др.), подчеркивали относительность добра и зла (добро есть то, что полезно тем или иным людям). В Р. софистов выразилось стремление развенчать абсолютные моральные установки, узаконенные многовековыми традициями прошлого. Подобное отношение к моральным принципам проявилось также у академиков — поздних последователей *Платона*, к-рые в своем этическом учении отразили идейный кризис рабовладельческого об-ва. В новое время идеи этического Р. развивали *Гоббс* и *Мандевиль*, к-рые пытались подорвать основы религиозно-догматической нравственности феодализма, опровергнуть представление о ее абсолютном характере и божественном происхождении. При этом

религиозно-идеалистическому пониманию морали они противопоставили наивно-материалистическое ее истолкование: источник нравственности — в интересах и склонностях людей, в их представлениях о полезном и вредном, а также в потребностях государственного устройства. Подчеркивая относительный характер моральных представлений, Мандевиль уделяет особое внимание критике учения о врожденных нравственных чувствах, распространенного в то время (*Нравственного чувства теории*). Крайние формы этического Р., сочетающегося с полным отрицанием к.-л. объективных оснований нравственности, получают широкое распространение в совр. буржуазной философии морали. Наиболее характерна в этом отношении эмотивистская теория (*Неопозитивизм*). Ее сторонники считают, что моральные суждения не имеют никакого объективного содержания, а выражают лишь субъективные установки тех, кто их высказывает. Отсюда делается вывод, что моральные суждения нельзя считать ни истинными, ни ложными и что не следует даже ставить вопрос об их обоснованности и правомерности: каждый человек имеет право придерживаться тех принципов, к-рые ему предпочтительны, и любая т. зр. в морали одинаково оправданна. Такая форма этического Р. является теоретическим обоснованием морального *нигилизма* и ведет к полной беспринципности. Будучи реакцией

на догматизм официальной буржуазной идеологии и морали, релятивистская т. зр. вместе с тем делает невозможной выработку четкой моральной позиции. Провозглашая принцип безусловной *терпимости* в морали, эмотивисты тем самым (хотя бы они этого или нет) теоретически оправдывают всякое социальное зло.

РЕПУТАЦИЯ (лат. *reputatio* — обдумывание, размышление) — сложившееся у окружающих мнение о нравственном облике того или иного человека (коллектива), основанное на его предшествующем поведении и выражающееся в признании его заслуг, *авторитета*, в том, чего от него ожидают в дальнейшем, какая мера ответственности на него возлагается и как оцениваются его поступки. Р. — один из частных случаев моральных отношений. С одной стороны, в ней воплощено общественное признание достоинства прошлой деятельности человека, а с др. стороны, — она оказывает влияние на роль и место этого человека в дальнейшей совместной деятельности коллектива. Коммунистическая нравственность осуждает погоню за Р., когда человек руководствуется в своих поступках исключительно стремлением завоевать популярность у др. (*Тщеславие*), вместе с тем она подчеркивает необходимость для каждого человека беречь свою *честь* (а также честь партии, коллектива, предприятия, на к-ром он работает, семьи и т. п.).

РЕШЕНИЕ МОРАЛЬНОЕ — интеллектуальная фаза морального *выбора*; рациональная процедура морального сознания, осуществляющего выбор поступка, отдавая предпочтение определенным нравственным ценностям. Осн. этапы процедуры Р. м.: анализ моральной ситуации, выявление ее проблемности, сравнение возможных вариантов поступка, оценка *последствий*, принятие решения. Правильность, оптимальная гуманность принятого Р. м. зависит от способности личности принимать его со знанием дела, что, в свою очередь, обусловлено личным нравственным опытом человека, *нравственной культурой личности*. В процедуре Р. м. участвуют такие механизмы этического сознания, как рассудок, разум, интуиция. Успешно выполняя свои функции при решении сравнительно несложных моральных задач (действие по шаблону, следование устойчивой схеме достижения результата), рассудок уступает место разуму, способному к творческому Р. м. Г. обр., нравственный опыт индивида помогает ему ориентироваться в таких ситуациях, когда *номина* и противоречивость обстоятельств неподвластны стереотипному мышлению. В ситуации, не дающей достаточной информации для принятия решения и в то же время требующей максимальной скорости в предпочтении к.-л. варианта поступка, в процедуру Р. м. включается нравственная интуиция. Своеобразно аккумулируя

нравственный опыт человека, интуиция как бы «замещает» отсутствующую возможность взвесить все «за» и «против» в отношении каждого из вариантов поступка. Все три перечисленных механизма дополняют друг друга, и лишь адекватность к.-л. из них специфике ситуации морального выбора позволяет принять верное Р. м. Особый динамизм общественной жизни в условиях соединения достижений научно-технической революции с преимуществами социализма, возрастание роли нравственных начал в общественной жизнедеятельности повышают ответственность личности за Р. м., а следовательно, и значение его рациональных регуляторов. В то же время обостряется необходимость формирования гармонического морального мира личности, рациональность решений к-рой обеспечивается не в ущерб ее эмоциональному богатству, а достигается в единстве с развитием *культуры чувств*.

РИГОРИЗМ (лат. *rigor* — строгость) — разновидность *формализма* в морали; моральный принцип, характеризующий способ выполнения требований нравственности, заключающийся в строгом и неуклонном соблюдении определенных нравственных норм безотносительно к конкретным обстоятельствам, в безусловном повиновении долгу, даже вопреки целесообразности, интересам людей и об-ва. Р. часто связан с *фанатизмом*, *аскетизмом* и иногда перерастает в моральное

ханжество и фарисейство. Сводя мораль к выполнению строгих правил, Р., в сущности, выхолащивает из нравственности ее человеческое содержание. Выполнение ее требований превращается в педантичное исполнение буквы закона. Человек становится рабом ложно понятой принципиальности, слепо следует моральной догме, утратившей свой подлинно нравственный смысл. Коммунистическая нравственность, предъявляя высокие требования к человеку, вместе с тем не ограничивает его самостоятельность и творчество всеобъемлющим сводом правил на все случаи жизни. Она стремится вооружить человека общими моральными принципами, применяя к-рые он сам сможет решать, как нужно правильно поступать в тех или иных обстоятельствах. Иными словами, она предполагает действительно сознательное и свободное выполнение людьми своего долга перед об-вом.

РИТУАЛ (лат. ritus — священный обряд) — разновидность *обычая* или *традиции*; исторически сложившаяся или специально установленная *норма* поведения, в к-рой форма исполнения действий строго канонизирована, лишена (или постепенно лишилась) непосредственной общественной целесообразности и имеет лишь символическое значение. Р.— это обрядовые церемонии демонстративного характера, совершаемые часто в торжественной обстановке, имеющие своей конечной целью вну-

шить людям определенные социальные чувства (о всемогуществе и величии власти, о нерушимости данных обязательств, о неприкосновенности существующих отношений и т. п.). Особое значение обряды имеют в религии, где служат для укрепления религиозных чувств верующих. В эксплуататорском об-ве Р. служат средством эмоциональной обработки сознания трудящихся масс, воспитания их в духе покорности существующим устоям. В социалистическом об-ве Р. имеют довольно ограниченную сферу действия, обычно практикуются в особо торжественных случаях жизни об-ва и человека — во время празднеств, при вступлении в брак и т. п. Осн. же направлениями общественного воспитания становятся развитие в массах высокой коммунистической *сознательности*, выработка в людях глубоких *убеждений*, основанных на творческом усвоении идей коммунистической нравственности. В совр. буржуазной этике существует т. зр. (М. Макдональд), что все содержание морали сводится к общепринятому Р. Такая т. зр. выхолащивает из нравственности момент целенаправленности и сознательности, игнорирует ее социальное значение, видит в ней лишь внешнюю форму и поэтому представляет собой крайнюю степень *формализма* в морали.

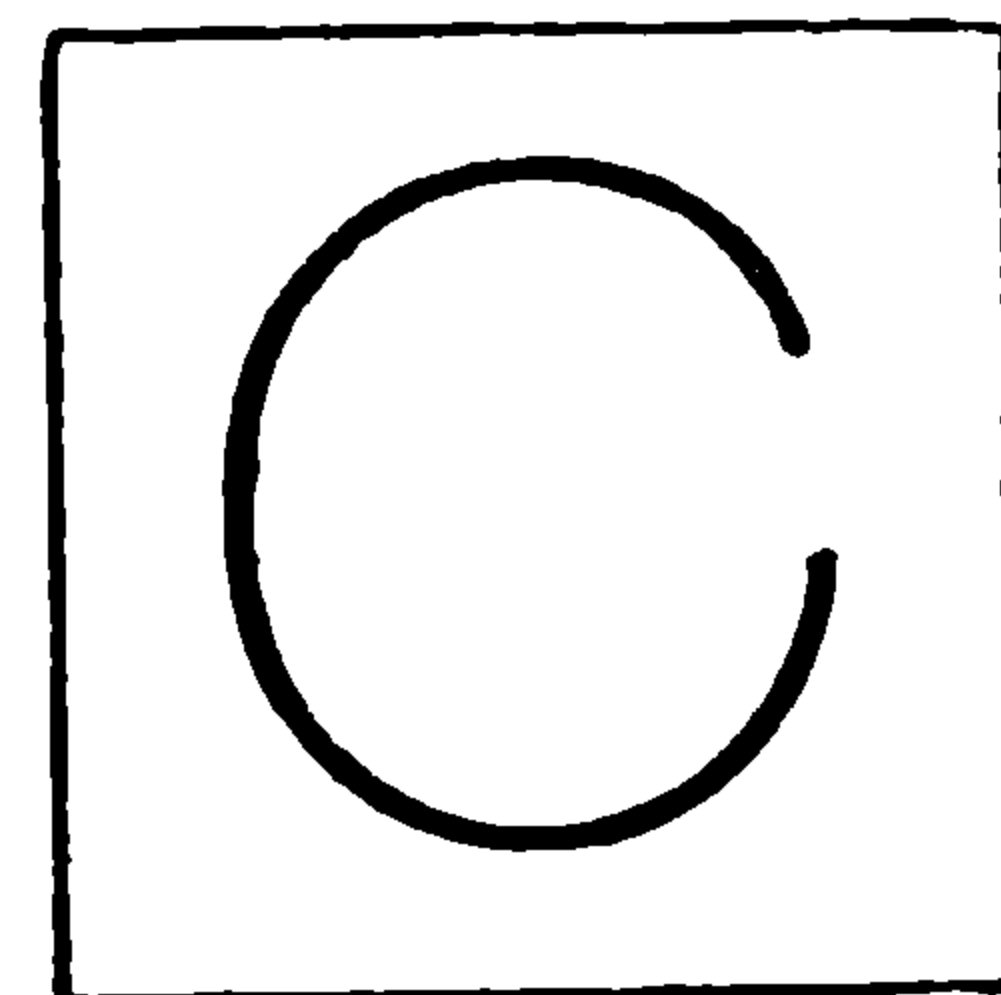
РУССО (Rousseau) Жан Жак (1712—78) — фр. писатель и философ. Особенности этических взгля-

дов Р. определяются прежде всего его социально-политической позицией. Отвергая феодальные порядки и нормы жизни, Р. восставал также против складывающихся отношений капиталистической эксплуатации, против буржуазного эгоизма, безудержной жажды наживы и связанных с этим нравственных пороков. Резкой, подчас парадоксальной, критике он подверг основанную на неограниченном господстве частной собственности цивилизацию, придя к выводу, что прогресс культуры в этих условиях привел к социальному и нравственному регрессу, к утрате людьми свободы и счастья. Основа нравственности, по Р., в первоначальных, не испорченных рассудочной цивилизацией естественных стремлениях человека, к-рый по природе своей добр; ему присуще самосохранение, не перерастающее в эгоизм и умеряемое естественным состраданием. Но естественный человек изолирован; поэтому правовые и моральные нормы, регулирующие его поведение в об-ве, непосредственно не могут быть выведены из природы. Они возникают в результате *общественного договора*, создающего коллективный организм — гражданское об-во, в к-ром поступки человека принимают нравственный характер, понятие справедливости занимает место инстинкта, голос долга — место физического импульса. Важнейшие моральные качества общественного человека, с г. зр. Р., — трудолюбие, простота

быта и нравов, честность и прямодушие, наконец, гражданственность, самоограничение личного интереса во имя интересов общественных. Последнее приобретает особое значение, поскольку в построенном на уравнительности и принципе народовластия идеальном об-ве, как его мыслил Р., хотя и отсутствуют крайности бедности и богатства, обеспечены свобода, равенство и счастье граждан, но сохраняется частная собственность, а вместе с ней и постоянная угроза роста эгоизма. Р. отстаивает принцип гражданской дисциплины, допуская суровые меры принуждения по отношению к эгоистическому индивиду. Авторитет моральных норм, с его т. зр., должен быть подкреплен также религией. Отвергая догмы и этику христианства, Р., будучи деистом, считает общеобязательную веру в воздающее и карающее божество условием прочности государства. Предписания его «гражданской религии» и определяют нормы морали и обязанности граждан, святость общественного договора и законов. В то же время Р. оправдывает революцию против деспотизма, нарушившего общественный договор: «Пока народ, принужденный повиноваться, повинуется, он поступает хорошо; но как только, имея возможность сбросить с себя ярмо, народ сбрасывает его, он поступает еще лучше». Из всей системы взглядов Р. вытекают его новаторские для того времени педагогические идеи. Гл.

задачу воспитания Р. видел в формировании человека и гражданина без применения насилия над личностью ребенка, путем развития естественных задатков и способностей. Идеи Р. оказали влияние на социально-политические и этические взгляды деятелей фр. революции, особенно якобинцев (проповедь «республиканской добродетели», осуждение эгоизма и богатства, культ «верховного существа»). Скованный рамками мелкобуржуазного умеренно-уравнительного идеала, Р. не мог по-

следовательно решить проблему гармонии частного и общего интереса, снять противоречие «гражданина» и «человека». Тем не менее его идеи оплодотворили развитие не только демократической, но и социалистической мысли. Гл. произв., в к-рых развиты этические идеи Р.: «Рассуждения о науках и искусствах» (1750), «Рассуждение о начале и основаниях неравенства между людьми» (1755), «Об общественном договоре» (1762), «Эмиль, или О воспитании» (1762).

САМОВОСПИТАНИЕ — одна из составных частей *самоконтроля* личности. Состоит в том, что человек целенаправленно развивает в себе способность моральной *деятельности*, формирует свое нравственное сознание, совершенствует положительные качества и преодолевает отрицательные. Формы и методы С.— это самоубеждение, самокритика, самопринуждение, самоограничение. К. Маркс указывает, что, в отличие от животного, к-рое «не отличает себя от своей жизнедеятельности», действует сообразно со своей естественной природой, человек «делает самое свою жизнедеятельность предметом своей воли и своего сознания» (т. 42, с. 93), т. е. формирует и совершенствует свою личность в соответствии со своим представлением о сущности и назначении человека. Проблема С. была поставлена этикой еще в древности. Но она понималась, как правило, индивидуалистически, как самосовершенствование личности ради нее самой, как цель нравственного развития индивида в отличие от служения его об-ву. В деонтологическом *интуитивизме*, напр., обя-

занность самосовершенствования трактуется как самостоятельная, не связанная с к.-л. «утилитарными» (общественными) потребностями. Однако конкретные задачи этого самосовершенствования на деле понимались по-разному, в зависимости от представления о нравственном идеале, в к-ром всегда выражались определенные классовые и общественные интересы. В противоположность буржуазному пониманию С., К. Маркс показал его общественное значение: «...мое *собственное* бытие *есть* общественная деятельность; а потому и то, что я делаю из моей особы, я делаю из себя для общества, сознавая себя как общественное существо» (там же, с. 118). По мере повышения *сознательности* людей (как в процессе индивидуального развития каждого отдельного человека, так и в ходе развития общественной активности масс трудящихся) личность становится не только объектом, но и во все большей мере субъектом воспитания. Особенно большое значение С. приобретает в социалистическом об-ве, где неизмеримо возрастает роль самостоятельного

регулирования личностью своей моральной деятельности, где С. масс постепенно становится формой общественного процесса нравственного воспитания. Способность С., сознательного и творческого усвоения принципов коммунистической нравственности, умение целенаправленно формировать свою личность на основе анализа своих действий и постановки жизненных целей являются одними из осн. показателей степени коммунистической сознательности человека.

САМОДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ТВОРЧЕСТВО (в морали) — активное и свободное выполнение человеком требований нравственности, в к-ром он утверждает себя как моральная *личность*, способная не только подчиняться возлагаемым на нее обязанностям, но и самостоятельно ставить перед собой нравственные цели и осуществлять их без внешнего (не только материального, но и духовного) принуждения. С. и т. в морали предполагают: личное осознание человеком морального требования; выполнение этого требования не по принудительной обязанности, а подчиняясь голосу собственной *совести*, из стремления делать благо для отдельных людей и для общества в целом; самостоятельность в решении нравственных проблем; критика отживающих и участие в творчестве новых норм морали (*Чувство нового*), готовность выступить против устоявшихся обычаев и мнения большинства, если последние вступают в противоре-

чие с требованиями подлинной нравственности. Впервые проблеме С. и т. в морали стали уделять большое внимание классики буржуазной философии. Но для буржуазной этики в целом характерно решение ее лишь в плане свободы отдельной личности. Кант и Фихте сводят ее к вопросу свободы личной совести. Фихте считал единственным критерием нравственности совесть «чистого Я», а подчинение внешнему авторитету — бессовестностью. Кант утверждал, что подлинно моральным может быть лишь тот закон, к-рый человек дает себе сам. Др. решение, часто предлагавшееся теоретиками буржуазной морали, — противопоставление «свободной» нравственности подчинению норме; добродетели, внутреннего стремления к добру — «морали долга» (*Деонтология*). Сторонники *экзистенциализма* рассматривают творчество в морали как нравственность личного замысла, утверждение человеком самого себя в противовес «догматической» морали выполнения общепринятых норм. Такое понимание творчества, отвечающее духу буржуазного *индивидуализма*, в конечном итоге всегда приводит к противопоставлению личности обществу, к той или иной форме *аморализма*. Совершенно по-иному решают проблему С. и т. марксистская этика и коммунистическая нравственность, относя ее не только к отдельной личности, а прежде всего к широким народным массам. В. И. Ленин

несоднократно указывал, что утверждение норм коммунистической нравственности невозможно без творческой активности масс. Новая мораль создается не путем простого усвоения людьми готовых формул, а путем творчества новых форм общественной дисциплины, на основе практического массового опыта. Только участвуя в этой массовой деятельности, личность способна проявлять инициативу, почин, подавать пример окружающим. С. и т. в морали возможны при условии глубокого осознания каждым членом общества исторических потребностей и задач, возникающих в процессе общественного развития. Тогда выполнение выработанного общественным сознанием нравственного требования становится делом личной совести и ответственности каждого, из простого исполнения обязанностей превращается в целенаправленную моральную деятельность. В дальнейшем постепенно это осознание может превратиться в склонности и привычки, благодаря которым выполнение морального долга начинает осуществляться уже совершенно свободно, без внутреннего самопринуждения (*Свобода нравственная*).

САМОКОНТРОЛЬ — самостоятельное регулирование личностью своего поведения, его мотивов и побуждений, составная часть системы моральных отношений общества, которая включает как различные формы контроля общества над поведением отдельных его членов, так и

личный контроль каждого над собой. Механизм С. охватывает: постепенно складывающиеся в процессе общественной жизнедеятельности личности убеждения, чувства, привычки, самооценку человеком своих действий, побуждений, моральных качеств (одной из форм такой самооценки является совесть); самовоспитание. В процессе развития коммунистической нравственности и ее утверждения в жизни социалистического общества С. приобретает все больший удельный вес в моральных отношениях, тем самым происходит постепенное увеличение меры нравственной свободы. Степень С. неодинакова у разных людей и во мн. зависит от уровня общественной сознательности, духовного развития и нравственной культуры личности.

САМОЛЮБИЕ — моральное чувство, в котором выражается уважение человека к себе как личности, основанное на признании своего достоинства. Как и гордость, С. является выражением самосознания человека и определенным образом направляет его поступки, но, в отличие от нее, носит более личный характер, целиком относится к области индивидуального сознания и связано в осн. с оценкой своих собственных способностей и возможностей. В тех случаях, когда чувство С. становится устойчивой отличительной чертой характера того или иного человека, оно приобретает значение морального качества. С. является положительным мотивом поведения

(и соответственно качеством) постольку, поскольку оно помогает человеку в преодолении трудностей и собственных слабостей ради достижения тех результатов, к-рых ждет от него об-во, и поскольку оно побуждает человека к законной защите своего достоинства. Но хотя С. и играет часто положительную роль в поведении людей, оно еще не делает человека сознательным носителем идей коммунистической нравственности, т. к. в данном случае он совершает поступки ради самого себя, для завоевания уважения со стороны окружающих. С. становится отрицательным качеством, когда оно из требовательного отношения к себе превращается в необоснованную гордость, в самообольщение, к-рое мешает человеку прислушаться к товарищеской критике, трезво оценить свои поступки и возможности и исправить свое поведение. Такое большое С. играет обратную роль, парализуя активность личности, и в конечном итоге унижает человеческое достоинство.

САМООБЛАДАНИЕ — одна из форм *самоконтроля*; моральное *качество*, выражающееся в способности и привычке человека контролировать чувственную сторону своей психики (чувства, эмоции, желания, привычки, склонности) и подчинять свою деятельность решению сознательно поставленных перед собой задач и требованиям человеческого общежития. Эмоциональная сторона человеческой психики играет большую роль в повсе-

дневной жизни и общественной деятельности личности. Однако чувства и склонности являются в значительной мере стихийно сложившимся двигателем человеческого поведения и нуждаются в целенаправленно-сознательном контроле, чтобы человек мог действовать наиболее целесообразным образом. Если человек не будет контролировать свои эмоции и побуждения, они могут придать его действиям пагубное для об-ва и для него самого направление, привести к антиобщественным актам, причинить вред и неудобства окружающим, оказать разрушительное воздействие на здоровье, психику и моральный облик личности. Распущенность, трусость, грубость, бестактность — все эти и мн. др. явления антиобщественного характера всегда так или иначе связаны с отсутствием С. Воспитание в людях С. является одним из условий повседневного выполнения ими норм коммунистической нравственности и правил *культуры поведения*.

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ — положительное моральное *качество*, характеризующее такие действия людей, к-рые представляют собой акт самопожертвования — добровольного принесения в жертву своих интересов, а иногда даже жизни ради интересов др. людей, достижения общей цели во имя дорогих им идеалов. «...Самоотверженность *есть* при определенных обстоятельствах необходимая форма самоутверждения индивидов»

(Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 236). Проявление этого качества необходимо в исключительных обстоятельствах, когда от человека требуется превышение меры своих обязанностей, осуществляемых им в повседневной жизни и в обычных взаимоотношениях между людьми, отказ от своих законных (с т. зр. данного об-ва) интересов, вплоть до жертвы жизнью. В массовом масштабе необходимость такого рода поступков возникает в условиях освободительных войн, революционного движения, крупных общественных преобразований. Советский народ не раз показывал примеры С. В. И. Ленин указывал, что победу в гражданской войне обеспечил «невиданный героизм» трудящихся, к-рые «переносили неслыханные лишения, жертвовали собой...» (т. 40, с. 232). Переход к мирному строительству ввиду исключительных трудностей для советского об-ва также требовал, чтобы «Россия превратилась в огромную армию труда с героическим сознанием самопожертвования всем для общего дела...» (там же, с. 322). С. как моральное качество, необходимое в особых обстоятельствах, высоко ценится в социалистическом об-ве. В то же время коммунистическая нравственность, к-рой чужд дух аскетизма и самоотречения, не рассматривает С. в качестве всеобщего морального принципа, согласно к-рому человек всегда исходит из противоположности своих и чуждых интересов и в связи с этим

постоянно должен подавлять свои собственные интересы и стремления ради интересов др. людей. Такой принцип неоднократно выдвигался в истории морального сознания (в частности, в *религиозной морали*), как правило, в качестве нравственного обоснования принудительного аскетизма трудящихся масс, подавления интересов человека в целях охраны интересов господствующего класса и эксплуататорского об-ва в целом. К. Маркс и Ф. Энгельс, раскрыв социальный смысл этого принципа, показали, почему он не может быть принципом коммунистической морали, к-рый следует практиковать всегда и во всех случаях жизни. «...Коммунисты не выдвигают ни эгоизма против самоотверженности, ни самоотверженности против эгоизма и не воспринимают теоретически эту противоположность... они, наоборот, раскрывают ее материальные корни, с исчезновением которых она исчезает сама собой» (т. 3, с. 236). С преодолением противоположностей интересов человека и общества в процессе построения коммунизма постепенно отпадает необходимость в каждодневном самоотречении людей в пользу интересов др. или даже об-ва в целом; служение об-ву становится органической потребностью и самоутверждением каждого отдельного человека (*Всестороннее, целостное развитие личности*).

САМООЦЕНКА — нравственная оценка своих собственных по-

ступков, моральных качеств, убеждений, мотивов; одно из проявлений нравственного *самосознания* и *совести* личности. Способность к С. формируется в человеке в процессе его нравственного воспитания, по мере сознательного усвоения им тех моральных принципов, к-рые вырабатываются об-вом, и выявления своего личного отношения к собственным поступкам на основе оценок, даваемых этим поступкам окружающими. Поэтому в акте С. человек судит о моральном значении своей деятельности не просто от своего имени, а от лица об-ва (класса, коллектива), к к-рому он принадлежит и субъективно относит себя. Благодаря способности к С. человек обретает возможность в значительной мере самостоятельно направлять и контролировать свои действия и даже воспитывать себя (*Самоконтроль*, *Самовоспитание*). С. была выдвинута на первый план буржуазной моралью как одно из требований принципа «автономии личности» (*Индивидуализм*). Однако в действительности С., выражая сознательное отношение личности к самой себе как к члену об-ва, связана со всей системой общественных отношений и нравственного воспитания.

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ — см. *Самоотверженность*.

САМОСОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ — см. *Самовоспитание*.

САМОРЕАЛИЗАЦИИ ЭТИКА — течение в совр. буржуазной философии морали, идеи к-рого

развивают философы-идеалисты различных направлений. В конце XIX — начале XX в. С. э. обосновывали объективные идеалисты Ф. Брэдли, Дж. Мак-Таггарт, Дж. Маккензи, Б. Бозанкет (Англия), Дж. Ройс (США); персоналисты Б. Боун, М. Колкинз, У. Хокинг (США), а в последние десятилетия — Ж. Бастид, Э. Мунье и Г. Мадинье (Франция); неогегельянец Б. Кроче (Италия), протестантский философ Ф. Адлер и др. Общим для различных вариантов С. э. является то, что все они рассматривают цель моральной деятельности как реализацию индивидом своего «внутреннего Я», к-рое считается совершенно уникальным, неповторимым, отличным от «Я» всех др. людей. Отсюда делается вывод, что нравственное значение поступков отдельного человека состоит не в том, что они отвечают к.-л. общим для всех людей моральным *принципам*, а, напротив, в том, что они индивидуальны, своеобразны, не похожи на действия др. людей. Такое понимание *критерия нравственности*, к-рое противопоставляет индивидуальное общему, основывается на моральном *индивидуализме*, приводит к крайнему *волюнтаризму* в истолковании нравственности. Теоретики данного направления претендуют на преодоление противоположности *альтруизма* и *эгоизма*. Множество «индивидуальных Я» они включают в некую всеохватывающую систему «абсолютного Я» (последнее часто понимается как бог), по от-

пошению к к-рому первые выступают как части единого целого. С помощью такой чисто спекулятивной объективно-идеалистической конструкции утверждается якобы гармония между всеми людьми: каждый, осуществляя в своих поступках лишь требования своего собственного «Я», вместе с тем реализует закон всеобщего «Я», служит целому (напр., об-ву) и всем его частям (отдельным индивидам). Фр. персоналисты при этом делают упор на осуществление каждым человеком своей индивидуальной сущности, обосновывая тем самым принцип индивидуализма в морали. Амер. и англ. теоретики в большинстве своем подчеркивают приоритет целого над индивидуальным, проповедуя, т. обр., идею высшего морального *авторитета* капиталистического об-ва перед личностью. За всем этим, в сущности, скрывается мысль о якобы имеющей место в условиях совр. капитализма гармонии между интересами *человека и общества*. Идеалистическая конструкция «абсолютного Я», включающего все «индивидуальные Я», на самом деле является отражением действительных социальных отношений капитализма эпохи империализма — государственно-монополистической системы, всесторонне подчиняющей себе личность. Причем этой системе придается некий «высший», космический смысл. Т. обр., С. э.— это типичная буржуазная апологетическая теория, служащая для идеологи-

ческого оправдания совр. капитализма.

САМОСОЗНАНИЕ (нравственное) — осознание человеком себя как личности и своего места в совместной общественной деятельности людей. Благодаря С. человек приобретает способность к *самоконтролю*, возможность самостоятельно направлять и контролировать свои поступки и воспитывать себя (*Самовоспитание*). Основу нравственного С. личности составляют убеждения и ее собственное отношение к ним — *убежденность*. Благодаря тому, что личность вообще может и должна направлять и контролировать свои действия, она обладает *моральной ответственностью*. Отношение человека к себе как моральной личности выражается в понятиях *достоинства и чести*. Способность реализовать свои убеждения путем самостоятельного регулирования своих действий есть *совесть*. Когда человек понимает связь своих убеждений, самооценок и самоконтроля с объективным ходом социально-исторического развития, с интересами об-ва и людей, можно говорить о его *сознательности*. Все эти элементы и составляют структуру нравственного С. человека. Способность С. еще не раскрывает содержания моральных убеждений и поведения человека. В зависимости от социального и классового положения человек обладает различным по своему общественному смыслу С. (*Идейность*). И сама степень С. лично-

сти не остается неизменной. Она развивается в ходе социально-исторического прогресса. На ранних ступенях первобытного об-ва личность еще не выделяет себя в родовом коллективе и не обладает С. (*Личность и коллектив*). С возникновением классов и развитием противоречия между отдельным человеком и обществом в целом личное С. начинает противопоставлять себя общественному сознанию. Лишь с устранением этого противоречия в социалистическом об-ве человек становится способным к высшей форме С., к-рая развивается на основе коммунистической сознательности.

САНКЦИЯ (моральная) (лат. *sanctio* — непреложный закон) — подтверждение нравственных требований посредством одобрения или осуждения уже совершенных поступков людей (а также общественных явлений). Чтобы обеспечить выполнение всеми людьми предписываемых им требований, об-во применяет самые различные виды С.—экономические (материальное вознаграждение или штрафы), правовые (уголовная ответственность), разнообразные формы административного принуждения и общественного воздействия. Все эти С. представляют собой различные способы *воздаяния, поощрения и наказания*, так или иначе затрагивающие реальное положение и интересы человека. Моральная же С. является одной из форм духовного воздействия, она совершается посредством *оценки* поведения

людей. Оценивая к.-л. поступок как добро, моральное сознание тем самым предписывает (не только человеку, совершившему данный поступок, но и др. людям) совершать подобные поступки в дальнейшем. И наоборот, отрицательная оценка означает нравственный запрет на подобные поступки в будущем. Т. обр., моральная С. служит дополнительным средством регулирования поведения людей, подкрепляет нравственные требования, выраженные в моральных *нормах и принципах*. Особенность моральной С. состоит также в том, что ее осуществление не требует к.-л. официально утвержденных полномочий или реальной власти. Каждый человек, поскольку он обладает моральным сознанием, способен оценивать поступки окружающих и свои собственные. Авторитет моральной С. основывается не на должностном или социальном положении человека, производящего оценку, а на его *сознательности*, определяется тем, насколько он сам усвоил содержание нравственных требований и способен выразить их смысл для др. людей. Поскольку мораль является одной из форм идеологии, нравственная С. применяется не только к поступкам отдельных людей, но и по отношению к социальным институтам, общественным явлениям и даже к тому или иному об-ву в целом. Буржуазная мораль защищает частную собственность, дает С. капиталистической эксплуатации, оправдывает

социальное неравенство. Коммунистическая нравственность, наоборот, осуждает буржуазную практику со всеми присущими ей антигуманными явлениями и одобряет все то, что способствует избавлению человечества от социальной несправедливости и эксплуатации, содействует утверждению подлинно гуманных отношений между людьми.

САРТР (Sartre) Жан Поль (1905—1980) — фр. философ, представитель т. наз. атеистического экзистенциализма, писатель, публицист, общественный деятель. Философия С., проникнутая оппозиционными официальной буржуазной идеологии настроениями, является одновременно одним из этических учений совр. идеализма. С. связывает кризис гуманизма на Западе, деперсонализацию человека прежде всего с прогрессом рационалистического мышления, естественных наук, объективного знания о человеке, видя в них средства превращения индивида в объект «манипуляций» со стороны государства. Этическая концепция С., содержащая элементы духовного стоицизма, выступает в целом как учение о неподвластности человеческой нравственности какой бы то ни было системе принуждения. Утверждая «необъективируемость» нравственных представлений, зарождающихся в душе человека, С. опирается на антиинтеллектуализм и *интуитивизм* в решении этических задач. В ригористическом учении о морали, в к-ром

особенно акцентируются требования «подлинности», «верности себе», С. формально возрождает некоторые положения этики *Канта*. Так, сформулированное С. нравственное требование: «Все должно происходить так, словно весь мир следит за тем, что я делаю, и сообразуется с этим» — прямо перекликается с *категорическим императивом*. Однако С. не признает общеобязательности нравственных норм; всякий поступок рассматривается им как уникальный, неповторимый. Осуществление индивидом внутреннего императива выступает у С. как искупление аморальности об-ва, поэтому во всякой ситуации на человека возлагается своего рода жертвенная миссия. Сама «неподлинность социальных ценностей», по С., обусловлена «малодушием» индивида, не решающегося повиноваться голосу совести. Последняя трактуется С. как неотвязное бремя врожденной *вины*. Свобода у С. лишена созидательного начала (зачастую это лишь свобода желать) и выступает как идеальная неизменная «сущность» человека: она налицо в любом человеческом действии, даже если последнее абсурдно, иррационально, совершено в состоянии аффекта; она «неотъемлема и в заточении», человек «осужден быть свободным». По существу, свобода сводится С. к формально понятой автономии выбора при безразличии к объективному значению принятого решения и возможностям его осуществления. От-

рица детерминизм в вопросах должного, свободы, С. тем не менее не может избежать *фатализма* при объяснении человеческого поведения, к-рое он ставит в прямую зависимость от некогда перенесенных индивидом душевных травм (экзистенциальный психоанализ). Сочетание в философии С. абстрактного *ригоризма* с *натурализмом* фрейдистского толка (*Фрейдизм*) приводит в итоге к тому, что объектом морального приговора неизменно оказывается «несовершенство» индивида. Социальная среда выступает недифференцированно, как анонимный носитель «насилия»; на этом символическом фоне моральный субъект вновь и вновь проверяет себя на «подлинность». Целям такого «самовыверения» и служат важнейшие категории экзистенциалистской философии С.: «пограничная ситуация», «выбор», «самообман». Этика С. в конечном счете выступает как дезориентирующее учение: в ней находит теоретическую опору как обрекающая на политическую бездейственность позиция «стоицизма», индивидуального отрицания, так и анархистский леворадикальный активизм. Этические взгляды С. изложены в работах «Бытие и ничто» (1943), «Экзистенциализм это гуманизм» (1946), «Критика диалектического разума» (1960), в романе «Тошнота» (1938), в драматургии и публицистике.

СВОБОДА ВОЛИ — философская категория; в самом общем смысле означает способность чело-

века самостоятельно, в соответствии с принятым им мировоззрением, определять свои поступки, действовать на основании собственного решения. Как *категория этики* С. в. означает, что, совершая поступок, человек осуществляет моральный *выбор* между добром и злом, нравственным и безнравственным. Поскольку этот выбор зависит от самого человека, последний обладает моральной *ответственностью*, его действия могут быть поставлены ему в заслугу или вменены в *вину*. Проблема С. в. в истории этики часто истолковывалась идеалистически. Представители индетерминистской концепции (*Причинность*) С. в. рассматривают ее вне зависимости от к.-л. внешних причин. Источник активности человека и его способности выбирать поступки усматривается ими в самой воле, к-рая якобы противостоит всякой необходимости. Отрыв С. в. от объективного мира тесно связан с утверждением о принципиальной невозможности осуществить ее в реальной действительности, с ограничением ее проявлений лишь сферой духа. Уже в древности *Эпиктет* высказывал мысль, что добро и зло находятся лишь в разуме человека, а потому «нет насилия, которое могло бы лишить нас свободы выбора». В сущности, тот же смысл вкладывает в понятие С. в. в новое время *Кант*, к-рый разграничивает действительность на мир естественной необходимости, где человек поступает как природное

и несвободное существо, по законам причинности, и на умопостижимый мир, находящийся вне пространства и времени, где человек только и обладает С. в. Согласно Канту, свободной является лишь «добрая воля», но эта воля оказывается, по существу, неспособной проявить себя практически, в мире необходимости. Для буржуазных теоретиков более позднего периода характерно представление о свободной воле (берется ли она в качестве свойства человека или превращается в нечто абсолютное, самостоятельное) как о ничем не ограниченном произволе (*Штирнер, Ницше, Шопенгауэр*). Это нередко приводит их к обоснованию крайнего индивидуализма и аморализма. Понятие свободной воли — одна из центральных категорий этики экзистенциализма и персонализма. Мыслители-материалисты (*Гоббс*, фр. материалисты XVIII в., рус. революционные демократы) отвергали индетерминистское понимание С. в. на том основании, что все действия человека причинно обусловлены. Но представителям домарксистской этики так и не удалось ответить на вопрос: каким образом можно совместить способность человека выбирать свои поступки с объективными законами мира? Поэтому мн. из них, трактуя причинную обусловленность человеческой деятельности механистически, приходили к выводу, что каждое действие человека заранее предопределено общим ходом вещей (*Гоббс*,

Гольбах, А. Коллинз). Т. обр., неверное решение проблемы С. в. приводит мыслителей в итоге к одной из двух крайностей — к волюнтаризму или фатализму. Подлинное решение проблемы С. в. дает только марксистско-ленинская теория. Деятельность человека, осуществляемая на основе выбранной цели, в конечном счете отражает законы развития природы и об-ва, т. е. объективную необходимость. Последняя выражается в интересах и потребностях людей и классов, определяя мотивы их поступков. Эту необходимость нельзя рассматривать лишь как нечто внешнее по отношению к человеку, ибо не только действия людей обусловлены законами природы и об-ва, но и человек в свою очередь способен воздействовать на окружающий мир, преобразовывать его, расширяя тем самым рамки своей свободы и возможности выбора. В пределах общей социально-исторической необходимости, к-рая осуществляется благодаря совокупности действий громадной массы людей, отдельный человек или относительно большая социальная группа обладают свободой выбора (напр., в вопросе о том, на сторону какого класса стать, примкнуть или не примкнуть к определенному общественному движению, как поступить в личной жизни и т. п.). Именно в этих границах марксистская этика и ставит вопрос об ответственности человека за свои поступки (см. также *Деятельность, Свобода*

нравственная, Самодеятельность и творчество).

СВОБОДА НРАВСТВЕННАЯ — категория этики, охватывающая проблемы возможности и способности человека быть самостоятельной, самодеятельной и творческой личностью, выражать в моральной деятельности свою собственную, подлинно человеческую сущность. В различных идеалистических теориях С. н. считается присущей человеку как таковому: данная ему природой или богом *свобода воли*. Это якобы изначальное свойство человека является предпосылкой его моральности: лишь благодаря свободе человек может быть моральным существом, ответственным за свои поступки. Такое формальное, ни на чем не основанное допущение свободы неминуемо приводило к предельно абстрактному ее толкованию. В буржуазной этике С. н. понимается как свобода от внешней (природной и социальной) зависимости, как возможность совершать поступки, сообразуясь только с собственными намерениями и решениями, независимо от к.-л. заранее определенных целей, в конечном итоге как простой произвол. Марксистская этика, напротив, рассматривает человеческую свободу конкретно-исторически, как состояние человека, достигаемое лишь в определенных условиях, как результат его социального и духовного развития. «Не в воображаемой независимости от законов природы заключается свобода,—

пишет Ф. Энгельс,— а в познании этих законов и в основанной на этом знании возможности планомерно заставлять законы природы действовать для определенных целей» (т. 20, с. 116). Из этого общепhilosophического определения свободы вытекает и понимание С. н. Объективной ее предпосылкой является преодоление противоречия между *человеком и обществом*, в результате чего моральные требования перестают противостоять личности как нечто чуждое, противоречащее ее собственным человеческим потребностям. Уже в социалистическом об-ве на основе принципиального единства общественных и личных интересов создаются объективные условия для того, чтобы личность выполняла свой моральный долг не вопреки своим человеческим интересам, а имея в виду общие для всех людей потребности, в конечном итоге и свои собственные. Чем более полным и всесторонним становится единство личных и общественных интересов в процессе строительства коммунистического об-ва, тем в большей мере личность оказывается способной свободно осуществлять свою нравственную деятельность. Субъективной стороной С. н. является развитие личной *сознательности* человека. Благодаря ей человек становится способным самостоятельно, без внешнего принуждения, повинаясь собственному чувству долга и на основе личного усмотрения, совершать такие поступки, к-рые наиболее целесооб-

разны для об-ва. В этом случае внешняя нравственная необходимость превращается во внутреннюю, субъективную необходимость, подчинение нравственному предписанию — в добровольное следование голосу личной *совести*, простое выполнение общественных правил — в творческое осуществление моральных принципов на основе личного решения. Однако и такая С. н. еще не является полной, поскольку она не исключает самопринуждения. Состояние полной нравственной свободы наступает тогда, когда осознанная необходимость перерастает в личную нравственную *склонность*, становится внутренней потребностью человека, для которого интересы об-ва неотделимы от его собственных. Применительно к отдельному лицу это состояние достигается в процессе всестороннего воспитания и самовоспитания личности. А как типичное социальное явление, характеризующее деятельность широких народных масс, оно складывается в процессе утверждения коммунистических общественных отношений.

СЕНЕКА (Seneca) Луций Анней (ок. 4 до н. э.— 65) — римский философ-стоик и писатель. Занимал высокие государственные должности: в 57 г., при Нероне, воспитателем которого он ранее являлся, стал консулом. «Этот стоик, — писал о нем Ф. Энгельс, — проповедовавший добродетель и воздержание, был первым интриганом при дворе Нерона, причем

дело не обходилось без пресмыкательства...» (т. 19, с. 311). Обвиненный в заговоре, по приказу императора покончил жизнь самоубийством. Традиционные части *стоицизма* — физика и логика — теряют в учении С. всякое значение. Задача философии сводится им к жизнеучению. Жить добродетельной и счастливой жизнью — значит жить сообразно с природой, сущность которой С. отождествлял с богом-разумом, с провидением, судьбой. Подчиняясь богу, учит С., человек обретает свободу. Совершенный, гармонический разум (будучи частью божественного) помогает индивиду выработать правильное отношение к миру, к вещам, не зависящим от человеческой воли. Высшего блага («блаженной жизни») человек достигает в результате терпения, воздержания, мужества. Обладающему такими качествами не страшны ни бедность, ни страдания, ни даже рабство и смерть. В разумно-божественной вселенной все направлено на благо живых существ, зло и греховность же — порождение об-ва, где царит неправда и борьба за материальное благополучие. Эта идея трансформируется у С. в противоположность «внутреннего» и «внешнего», бессмертной души и бренного тела; только обращение к богу ведет личность к добру, к господству над чувственными желаниями, над материальными предметами. Неважно, если ты беден или раб. «К чему внешние блага тому, кто сосре-

точил в себе все свое достояние?» По мнению С., духовная природа раба и господина одинакова, тем не менее он признает естественным разницу их социального положения. Не считая богатство благом, С. допускал обладание им как тем, что способствует упражнению в добродетели. Т. обр., его учение фактически есть форма примирения с существующими порядками. На упрек, что сам он, имея огромное богатство, живет не в соответствии со своей философией, С. отвечал: «Философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо жить». С. оказал большое влияние на формирование этики и догматики христианства. Он автор трактатов по проблемам нравственности: «О милосердии» (55—56), «О блаженной жизни» (58—59), «Нравственные письма к Луцилию» (63—64) и др.

СЕН-СИМОН (Saint-Simon) Клод Анри де Рувруа (1760—1825) — фр. мыслитель, социолог, социалист-утопист. С.-С. стремился путем применения естественно-научных методов к области обществоведения создать философскую систему, призванную служить орудием построения рационального об-ва, дающего наибольшее благо наибольшей массе людей. Как и концепции рационалистов XVIII в., его «наука о человеке», или «социальная физиология», отводила определяющую роль в об-ве человеческому разуму, господствующим в этом об-ве научным, философским воззрениям, но в отличие

от первых она строилась на принципе историзма. Созидательная эпоха в развитии об-ва, по С.-С., сменяется эпохой разрушительной, за к-рой следует построение на базе новых философских и моральных идей более высокого общественного строя. Путь к общественному идеалу С.-С. — «промышленной системе» — лежит через всемерное развитие производительных сил и применение научных принципов, к-рые, прямо согласуясь с этическими взглядами мыслителя, включают: искоренение паразитизма господствующих классов и введение обязательного производительного труда для всех членов об-ва; обеспечение равных для всех людей возможностей применять свои способности; превращение политики в «позитивную науку о производстве», а государства — из орудия управления людьми в орудие организации производства, «управления вещами». В качестве средств борьбы против эгоистического частного интереса буржуазии С.-С. предлагал подчинение всех предпринимателей единому плану работ, с тем чтобы место человека в об-ве определялось его способностями. В последнем соч. «Новое христианство» он «прямо выступил как выразитель интересов рабочего класса и объявил его эмансипацию конечной целью своих стремлений» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 25, ч. II, с. 154). Но идеалистические основы мировоззрения С.-С. делали для него невозможным решение этой

задачи иначе, как путем мистического преодоления классовых противоречий. Разработанная им религиозно-этическая концепция «нового христианства» призвана была дополнить материальные принципы «промышленной системы» моральным категорическим императивом религиозной веры с ее лозунгом «все люди — братья». Несмотря на отход С.-С. от атеизма фр. материалистов, апелляцию к религии, его взгляды представляли шаг вперед как в теории утопического социализма в целом, так и в этическом учении последнего (отказ от аскетически-уравнительных принципов в подходе к человеку и требование удовлетворения всех потребностей личности на основе расцвета науки и производительных сил, обеспечения социалистического принципа распределения по способностям). Кроме «Нового христианства» (издано посмертно в 1825) осн. соч. С.-С.: «О промышленной системе» (1821—22), «Катехизис промышленников» (1823—24), «Литературные, философские и промышленные рассуждения» (1825).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ ЦЕННОСТЕЙ — одна из распространенных в совр. буржуазной аксиологии этических концепций, сторонники к-рой рассматривают систему ценностей как создаваемый человеком особый символический мир. В основе С. т. ц. лежит представление о человеке как о «символическом животном», открывающем новую сферу реальности и

преобразующем свое бытие в соответствии с символической структурой, поскольку он «живет в мире символов, а не вещей». Возникновение С. т. ц. связано с идеями нем. философа-неокантианца Э. Кассирера (1874—1945), автора философии символических форм, к-рый утверждал, что «этический мир» человека возникает по мере создания им символов, имеющих функциональную ценность. Идеи Кассирера и легли в основу С. т. ц., с к-рой в 60-х гг. выступил австр. биолог, один из создателей общей теории систем — Л. фон Берталанфи. По его убеждению, ни одна из трех принятых на Западе аксиологических теорий (натуралистическая, гуманистическая, онтологическая) до конца не объясняет природу этических ценностей, поскольку не учитывает символической деятельности человека. Акцентируя внимание лишь на таких универсальных ценностях, как выживание и счастье человека, эти теории упускают из виду, что человек может обрекать себя на страдания, жертвовать собой во имя достижения высших идеалов, т. е. выбирать ценности, подчас противоречащие биологическому выживанию. Только новая С. т. ц., ключевыми категориями к-рой являются «символ» и «система», может дать, согласно Берталанфи, истинное представление о природе ценностей. Если традиционные западные этические концепции стремились обосновать правила и каноны для индивидуального поведения, то

С. т. ц., рассматривая символическую структуру как основу человеческой культуры, исходит из того, что ценности создаются и свободно выбираются самим человеком, ориентирующимся на систему символов, присущих данному об-ву. По мнению Берталанти, гл. этическая проблема заключается в том, чтобы распространить законы морали на социальные организации. В то же время он отличает моральные императивы, относящиеся к социальным системам, от нравственных ценностей индивидов. Т. обр., в противоположность натуралистическому пониманию (*Натурализм*), выводящему ценности из законов природы и «естественного» состояния человека, С. т. ц. апеллирует к социальной организации людей с присущей ей системой нравственных норм и моральных предписаний, оставляя, однако, в стороне вопрос об историческом характере нравственности и социальной обусловленности жизнедеятельности людей. Отсюда игнорирование специфики бытия людей и ценностных ориентаций личности в разных общественных системах, ничем не оправданная абсолютизация роли символической деятельности людей, являющейся лишь одной из возможных форм выражения творческого потенциала личности, развертывание к-рого зависит от социальных условий ее жизнедеятельности.

СКЕПТИЦИЗМ (греч. skeptikós — разглядывающий, расследующий). — 1. М о р а л ь н ы й —

воззрение на человека, так или иначе принижающее его моральные возможности, отрицающее его нравственную дееспособность. Моральный С. может проявляться в самых различных формах: напр., в утверждении, что человек по своей природе зол, «греховен», не способен поступать нравственно, не может познать истинное содержание добра и сознательно, добровольно стремиться к его осуществлению; или в отрицании для человека возможности преодолеть социальные и нравственные пороки об-ва, создать справедливый и гуманный строй, осуществить нравственный идеал. Как правило, С. такого рода связан с неверием в нравственный прогресс (*Пессимизм*). Скептические представления о моральной дееспособности человека получают распространение в нравственном сознании об-ва и этических теориях в периоды упадка и приближения гибели того или иного общественного строя. В условиях совр. капитализма такой взгляд с наибольшей полнотой получил выражение в этической теории *неопротестантизма*. С. чужд марксистской этике, к-рая исходит из положения о безграничных исторических (в т. ч. и моральных) возможностях человека. 2. Э т и ч е с к и й — воззрение на природу моральных представлений, отрицающее их объективную значимость и познавательный характер. Хотя отдельные идеи подобного рода неоднократно высказывались в истории этических учений прошло-

го, развернутое методологическое обоснование этический С. получил лишь в буржуазных теориях конца XIX — начала XX в. (У. Самнер, В. Парето, К. Маннгейм). Совр. сторонники С. утверждают, что моральные представления людей не отражают объективной действительности и не могут оцениваться с т. зр. истинности или ложности. Люди, рассуждают они, склонны приписывать своим нравственным идеям рациональный смысл, объективную значимость, тогда как на самом деле в них лишь выражаются и обосновываются привычные способы поведения в том или ином об-ве. Порочность этого рассуждения состоит не в том, что устанавливается связь между моральными идеями и бытующими в об-ве отношениями и нравами, а в том, что эти последние рассматриваются как нечто случайное, не связанное с объективными законами развития об-ва. Отсюда же вытекает убеждение, что нравственные представления не могут быть научно обоснованы или, наоборот, подвергнуты научной критике. Наибольшее развитие скептические воззрения на моральные представления и суждения получили в *неопозитивизме*. Марксистская этика рассматривает моральные представления как особую форму общественного сознания, к-рое всегда так или иначе отражает объективные условия существования того или иного об-ва, класса. Но способ этого отражения в морали отличается от на-

учного (*Сознание моральное*). В предшествующей же истории законы последней обычно осмысливались в моральных представлениях в извращенной, фантастической форме. Действительные социальные потребности об-ва или класса, из к-рых вытекали требования нравственности, истолковывались как *заповеди*, идущие от бога, как моральные законы вселенной или же как требования «природы» человека. Даже в тех случаях, когда нравственные принципы связывались с реальными интересами людей (что само по себе правильно), под видом общечеловеческих потребностей всегда выступали интересы того или иного класса. Кроме того, в домарксистской этике не было конкретно-исторического подхода к оценке истинности тех или иных моральных представлений, поэтому теоретики не могли показать, насколько адекватно мораль данного класса отражает потребности исторического развития. По сравнению со всеми существовавшими в истории моральными представлениями коммунистическая нравственность содержит в наибольшей мере истинное знание. Во-первых, она основывается на научном понимании исторического процесса и ее идеалом является об-во, к-рому принадлежит будущее. Во-вторых, эта мораль свободна от фантастических представлений о происхождении нравственных принципов и требований. В-третьих, это первая в истории нравственность, к-рая по отра-

жаемым в ней интересам людей является общечеловеческой (см. также *Общечеловеческое и классовое в нравственности, Истина и нравственность, Мораль и наука*).

СКЛОННОСТИ (моральные) — одна из сторон духовного облика личности (наряду с *убеждениями, чувствами, привычками*); психологическая способность человека совершать нравственные поступки без самопринуждения, по внутренней потребности, не только из чувства долга, а по личному желанию, когда выполнение морального требования становится собственным интересом личности. Для буржуазной этики характерно противопоставление нравственных С. и чувства долга (*Автономная этика, Мотив*), что отражает типичное для классового общества противоречие между личными и общественными интересами, между собственными убеждениями индивида и предписываемыми извне моральными требованиями (*Совесть*). В противовес этому марксистская этика показывает, что моральные С. формируются у человека в процессе сознательного выполнения им своего долга перед обществом, в результате чего создается возможность перерастания чувства долга в С. В массовом масштабе это, напр., осуществляется в период коммунистического строительства, которое предполагает высокий уровень сознательности и общественной активности трудящихся. По своему психологическому механизму, процессу формирования и со-

циальному значению моральные С. во многом подобны нравственным чувствам и привычкам. Их воспитание в людях является одним из субъективных условий нравственной свободы личности.

СКРОМНОСТЬ — моральное качество, характеризующее личность с т. зр. ее отношения к окружающим и самой себе и проявляющееся в том, что человек не признает за собой никаких исключительных достоинств или особых прав, добровольно подчиняет себя требованиям общественной дисциплины, ограничивает свои собственные потребности соответствующим существующим в данном обществе материальным условиям жизни народа, относится ко всем людям с уважением, проявляет необходимую терпимость к мелким недостаткам людей, если эти недостатки затрагивают лишь его собственные интересы, и одновременно критически относится к своим собственным заслугам и недостаткам. С.— это форма осознания личностью своих *обязанностей* перед обществом и окружающими людьми. Скромный человек потому не придает особого значения своим положительным качествам, что считает их для себя совершенно обязательными, само собой разумеющимися. Это особенно характерно для людей, обладающих действительно исключительными достоинствами, напр. для тех, кто добровольно посвятил свою жизнь служению человечеству. «Скромность венчает все добродетели», «Скромность

украшает героя» — в этих имеющих долгую историю изречениях заложен тот смысл, что подлинная добродетель состоит не в стремлении к славе, а в свободной деятельности на благо человечества. Образцами величайшей скромности была жизнь вождей рабочего класса К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. «...Из отвращения ко всякому культу личности, — писал К. Маркс, — я... не допускал до огласки многочисленные обращения, в которых признавались мои заслуги...» (т. 34, с. 241). В. И. Ленин указывал, что для партийного руководителя совершенно недопустимы чрезмерная самоуверенность, нетерпимость по отношению к товарищам, капризность. С. в общественной и личной жизни — одно из требований коммунистической нравственности.

СКУПОСТЬ — моральное качество, характеризующее особое отношение к предмету собственности, когда он рассматривается как сокровище, его сохранение становится самоцелью, ради которой забывается его полезное назначение в качестве предмета потребления и приносятся в жертву интересы и потребности человека (свои собственные и др. людей). Отношение буржуазной морали к С. двойственное. С одной стороны, она оправдывает С., когда последняя связана с удовлетворением потребностей непосредственного производителя (*Отношение к собственности, Бережливость*). С др. стороны, когда речь идет об образе жизни

имущих и о покупателе вообще, поощряются роскошь и расточительство. В капиталистической об-ве, как указывает К. Маркс, «расточительность и бережливость, роскошь и лишения» взаимно предполагают друг друга (т. 42, с. 132). Исходя из необходимости разумного удовлетворения потребностей, коммунистическая нравственность осуждает С. точно так же, как и чрезмерную роскошь и расточительство, поскольку то и др. противоречит подлинным интересам трудящихся (первая ущемляет, а вторая извращает потребности человека).

СМЕЛОСТЬ — моральное качество, характеризующее способность человека преодолевать в себе чувство страха, неуверенности в успехе, опасения перед трудностями и неблагоприятными для него последствиями. С. предполагает решительные действия во имя достижения поставленной цели, верность избранным идеалам и принципам вопреки враждебным обстоятельствам и давлению со стороны др. людей, откровенное выражение своего собственного мнения, особенно когда оно противоречит устоявшимся или санкционированным властью взглядам, непримиримость в отношении всякого зла и несправедливости. Конкретными выражениями С. являются *подвиг, почин, инициатива*. С. тесно связана с такими моральными качествами, как *мужество, стойкость, принципиальность, самообладание, инициативность, и*

противоположна *трусости, мало-душию*, приспособленчеству. Нравственная оценка смелых поступков зависит от их конкретного социального содержания. С. морально оправдана, когда она подчинена осуществлению гуманных и справедливых целей, порождена назревшими социальными задачами и выражается в гуманных и общественно-прогрессивных действиях. В противном случае акты личной С. являются проявлением отчаяния (действиями, совершаемыми вопреки логике истории), бравады, показного фрондерства, анархистского бунтарства, *нигилизма* и авантюризма. С. как массовое явление в жизни об-ва порождается особыми социальными условиями и обстоятельствами. Она служит одним из средств разрешения противоречия между величественными историческими задачами и препятствиями, трудностями, возникающими на пути их осуществления (*Героизм*). Массовым качеством С. становится в эпохи социальных революций, патриотических войн и больших общественных преобразований. Процесс строительства коммунизма, включающий постоянную борьбу нарождающегося нового с отживающим старым (*Чувство нового*), требующий от людей принципиальности, активности, творчески-созидательного и революционно-критического отношения к действительности, постоянно порождает необходимость в С. со стороны масс, их руководителей и каждого созна-

тельного члена социалистического об-ва.

СМЕРТЬ — конец жизни живого существа, прекращение его жизнедеятельности. Поскольку вместе с актом рождения С. является одним из существеннейших определений жизни, перед всяким так или иначе объясняющим жизнь самосознанием, а еще более перед мировоззрением возникает необходимость объяснить также и С., в т. ч. дать ей духовно-нравственное осмысление. Уже на ранних этапах человеческого мышления в различных мифологических и религиозных воззрениях С. понимается не просто как нечто непостижимое и ужасное, но и приобретает нравственное определение как результат некоего злодеяния, акта *мести* или *воздаяние* за тот или иной поступок, тем более что естественная С. в первобытных условиях была явлением сравнительно редким. В более поздних воззрениях С. приобретает характер своеобразной нравственной *ценности*, понимается как испытание, как способ избавления от тягот земного существования. С развитием человеческого самосознания С. в силу духовного ее неприятия все чаще понимается не как конец личного бытия, а как момент радикального его изменения, за к-рым жизнь приобретает в таинстве С. новую сущность и продолжается в иных формах: переселение в «страну мертвых», отделение бессмертной души от смертного тела и приобщение ее к бытию божественного

универсума или переход к загробному личному существованию. Вера в загробную жизнь в известной мере освобождает человека от *страха С.*, замещая его страхом потусторонней кары, что является одним из побудительных фактов для моральной оценки поступков, различения *добра* и *зла*. Этим же, однако, задается основа и для снижения ценности потусторонней жизни, понимаемой как состояние лишь предварительное, не достигающее в условиях земного бытия полноты и истинности. Вместе с тем именно понятие *С.*, осознание конечности и единственности человеческого личного бытия способствует прояснению нравственного смысла и ценности человеческой жизни. Сознание неповторимости каждого ее мгновения, неуничтожимости, а в ряде случаев и непоправимости совершенных поступков способно прояснить меру *ответственности* человека за свои дела. Понимание того, что *С.* есть акт по своей материальной природе чисто физиологический, к-рый затрагивает лишь человеческое тело и никак не затрагивает человеческих дел, приобретающих в своих результатах самостоятельное существование, обязывает измерять поведение, слова и поступки людей не только ограниченной и частной мерой сиюминутного интереса, но полной и окончательной мерой человеческой жизни и *С.* Эта специфическая сущность идеи *С.* и определяет то, что любые попытки построить этическое

учение помимо данной категории всякий раз разбиваются о факт человеческой обреченности на *С.*, о сознание бессмысленности каких бы то ни было усилий, в перспективе к-рых всякий раз открывается неумолимое лицо нравственно не осмысленной и духовно не преодоленной *С.* В этом случае отрицание нравственной сущности *С.* оказывается формой отрицания нравственной сущности жизни и может служить лишь основанием для полной безответственности поведения, исходящего из принципа «после нас хоть потоп». Постигание нравственного смысла *С.* способно, т. обр., сообщить развитому моральному сознанию определенные критерии для оценки человеческих поступков. В философии *стоицизма* был сформулирован принцип *memento mori* (лат. помни о смерти), предлагающий поступать всегда так, будто дело, к-рое человек делает, или слово, к-рое им произносится, являются последними из тех, что ему вообще дано совершить. Этот принцип, по существу, обращен к размышлению не о *С.*, а о небеспредельности жизни и побуждает людей не совершать поступки, исправить к-рые в результате *С.* будет уже невозможно. Тем самым культивируется чувство ответственности за дела и слова людей. Полное преодоление идей обреченности и отчаяния перед лицом *С.*, характерных для мн. направлений совр. буржуазной философии (*Экзистенциализм*), а с ними и безответст-

венности человека возможно лишь на почве подлинно гуманистического диалектико-материалистического мировоззрения, к-рое включает в свое содержание как научное понимание С., так и духовно развитую ее оценку. Такое мировоззрение не только исходит из единственности и неповторимости человеческой жизни и личности, их бесконечной, ни вечностью, ни каким бы то ни было потусторонним или посюсторонним благом не компенсируемой ценности, но и из сознания дальнейшей независимости от воли людей однажды совершенных ими поступков, продолжающих свое бытие в продуктах и последствиях человеческих дел и выводящих содержание человеческой жизни за ее чисто физиологические пределы.

СМИРЕНИЕ — моральное качество, характеризующее отношение человека к самому себе и выражающееся в принижении своего достоинства, в неверии в свои силы и умалении своих возможностей, в покорности по отношению к внешним силам, в готовности подчиниться судьбе, признать свое поражение, отказаться от надежд на лучшее будущее. Социально-историческими причинами, способствующими распространению настроений С., является действительное бессилие человека в эксплуататорском об-ве, где социальные закономерности выступают в виде слепых, не поддающихся контролю стихийно действующих сил. Проповедь С. в эксплу-

аторском об-ве имеет определенные идеологические цели: внушение массам мысли о невозможности создания лучшего об-ва, подавление их стремления к борьбе за социальную справедливость. Именно такую роль объективно играет требование С., напр., в христианской религии. «Социальные принципы христианства,— пишет К. Маркс,— превозносят трусость, презрение к самому себе, самоунижение, смирение, покорность, словом — все качества черни, но для пролетариата, который не желает, чтобы с ним обращались, как с чернью, для пролетариата смелость, сознание собственного достоинства, чувство гордости и независимости — важнее хлеба» (т. 4, с. 204—205). Обоснование С. мы находим и в совр. этических учениях, напр. в *неопротестантизме* и *экзистенциализме*, где утверждается, что человеку «не дано стать богом», совершенством, к к-рому он стремится; неблагоприятные обстоятельства якобы не преодолеваются человеком, а принимаются им. Коммунистическая нравственность, основываясь на принципе *оптимизма*, опровергает идею С. Исходя из учения марксизма о безграничности исторических возможностей человека, она требует от людей неустанно стремиться к поставленной цели, не примиряться с враждебными человеку обстоятельствами, а преодолевать их, несмотря на трудности и временные поражения; искоренять недостатки в себе и быть

требовательным к окружающим, непримиримым ко всякому злу.

СМЫСЛ ЖИЗНИ — регулятивное понятие, присущее любой развитой мировоззренческой системе, к-рое оправдывает и истолковывает свойства этой системы моральные *нормы*, показывает, во имя чего необходима предписываемая ими деятельность. Социальное положение индивидов, групп, классов, их потребности и интересы, стремления и ожидания, принципы и нормы поведения определяют содержание массовых представлений о С. ж., к-рые при каждом общественном строе имеют специфический характер, хотя и обнаруживают известные моменты повторяемости. Подвергая теоретическому анализу представления массового сознания о С. ж., представители домарксистской этики исходили из «человеческой природы», абстрактной, неподвижной и потусторонней по отношению к реальному историческому существованию человека, истолковывая ее либо как сверхчувственную сущность, либо антропологически и конструируя на этой основе *идеал* человека, в достижении к-рого усматривалось назначение человеческой деятельности, С. ж. Они полагали, что идеальные представления о значимости и направленности человеческой жизнедеятельности сами собой способны определить ее объективную *ценность* и что можно преобразовать мир в соответствии с этими представлениями чисто

духовными средствами. Претендуя на универсальность, эти теоретические интерпретации фактически обосновывали и защищали такие цели и идеалы, в к-рых выражались интересы господствующих классов. В совр. буржуазных этических теориях С. ж. людей усматривается в реализации внеисторических задач (религиозная этика), в достижении определенных потребительских стандартов и индивидуального благополучия (натуралистические теории — *гедонизм, утилитаризм; самореализации этика*) или же провозглашается бессмысленность и абсурдность любой жизнедеятельности в силу отсутствия у нее к.-л. объективной направленности (*экзистенциализм* и др. пессимистические доктрины). Распространены и теории, отрицающие возможность научно достоверного ответа на вопрос о С. ж. По существу, подобную т. зр. разделяют также буржуазный *конформизм* и моральный *скептицизм*. Марксистская этика, основываясь на материалистическом понимании общественного развития, утверждает, что представления о С. ж. зависят от всей совокупности общественных отношений. Но человек является активной силой, к-рая решающим образом влияет на социальное развитие, ускоряя или замедляя, облегчая или затрудняя общественный прогресс. Подлинный С. ж., «тайна бытия» заключены в содействии назревшим задачам общественного развития, в созида-

тельном труде и социально-преобразующей деятельности, в ходе к-рых формируются предпосылки для всестороннего развертывания интеллектуальных, эмоциональных и др. способностей самого человека. Лишь такая жизнедеятельность обладает объективной ценностью, смыслом. Относительность и изменчивость жизненных установок и предпочтений людей марксистская этика ставит в зависимость от особенностей исторических задач на каждом этапе общественного прогресса. Развитие общественного производства, познания и общения увеличивает объективную значимость деятельности людей и обостряет субъективную потребность в исторически обоснованной ее ориентации. Но в условиях частнособственнических отношений человеческая деятельность выступает не как собственная, свободная, а как отчужденная (*Отчуждение*) от людей сила. Это обстоятельство и порождает скептические, пессимистические, религиозные представления о С. ж. Только в борьбе за революционное преобразование мира, в к-рой происходит самопознание и самоизменение человека, он выявляет всю меру значимости и ответственности своей исторической миссии, находя в этой борьбе подлинный смысл своего существования и силы для разрешения возникающих у него нравственных противоречий. Освободив людей от всех видов социальной зависимости, социализм создает такие

общественные условия, в к-рых трудовая, политическая и духовная жизнедеятельность людей обогащается новым содержанием.

СОВЕСТЬ — категория этики, характеризующая способность личности осуществлять моральный самоконтроль, самостоятельно формулировать для себя нравственные обязанности, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков; одно из выражений нравственного самосознания личности (во мн. европейских языках слово «С.» этимологически значит «совместное знание»; в рус. языке оно происходит от слова «ведать» — «знать»). С. может проявляться не только в форме разумного осознания нравственного значения совершаемых действий, но и в форме эмоциональных переживаний, напр. в чувстве угрызений С. или в положительных эмоциях «спокойной С.». Т. обр., С. — это субъективное осознание личностью своего долга и ответственности перед об-вом. Но форма этого осознания такова, что они выступают как долг и ответственность человека перед самим собой. Руководствуясь личной С., человек судит свои поступки как бы от своего собственного имени. Эта субъективная форма проявления С. послужила источником множества идеалистических мистификаций данного понятия в истории этической мысли. С. истолковывалась как голос «внутреннего Я», проявление прирожденного чело-

веку чувства (*Нравственного чувства теории*), как единственное основание морального долга (*Кант, Фихте*). Ее часто противопоставляли не только повиновению внешним авторитетам, но также требованиям, предъявляемым человеку об-вом (*Экзистенциализм*). Марксистская этика доказывает, что С. имеет общественное происхождение, определяется условиями социального бытия и воспитания человека, зависит от его классовой и общественной принадлежности. «У республиканца иная совесть, чем у роялиста, у имущего — иная, чем у неимущего, у мыслящего — иная, чем у того, кто неспособен мыслить», — писал К. Маркс (т. 6, с. 140). И если С. человека, его внутренние убеждения приходят в столкновение с повелениями, идущими извне, то происходит это потому, что объективная действительность по-разному отражается в сознании различных социальных групп, в официальных установках государственных и общественных институтов и убеждениях отдельных людей. Источник этих столкновений — общественные противоречия и социальная несправедливость, конфликты классовых интересов. В социалистическом об-ве требования С. нравственной личности не могут означать ничего иного, кроме служения интересам др. людей, коллективу. Поэтому возникающие иногда конфликты между личной С. и предъявляемыми извне требованиями являются толь-

ко результатом неправильного понимания данной личностью или др. людьми долга человека перед об-вом. Принцип коллективизма в коммунистической нравственности нисколько не умаляет значения индивидуальной С. каждого. Напротив, в процессе строительства коммунистического об-ва все более возрастает роль *сознательности* каждого человека. С. все в большей мере проявляется в непримиримости к собственным недостаткам, в нравственной самокритике, к-рая в условиях развитого социализма выступает как нравственное требование (см. также *Самодеятельность и творчество, Свобода нравственная*).

СОЗНАНИЕ (моральное) — одна из форм общественного С., являющаяся, как и др. его формы (политическое, правовое, эстетическое, религиозное С. и т. д.), отражением социального бытия людей, и в первую очередь производственных отношений. Нравственное С. фиксирует в себе исторически изменяющиеся и развивающиеся моральные *отношения*, представляет собой субъективную сторону нравственности. При анализе природы и специфики морального С. марксистская этика исходит из понимания той роли, к-рую выполняет *нравственность* в системе социальных отношений, и того способа, каким она осуществляет регулирование общественной жизнедеятельности людей. Мораль предписывает людям определенные поступки в качестве их *долга*. По-

этому в моральных представлениях объективная общественная необходимость, исторические потребности человечества и классовые интересы выражаются в особой форме — в виде идеи о должном (о том, что нечто должно или не должно быть осуществлено). Эта моральная форма осознания людьми общественной необходимости получает и специфически нравственное обоснование. Поступки должны совершаться постольку, поскольку они представляют собой благо, добро, предпочтительны перед всеми др. возможными поступками. Т. обр., нравственное С. рассматривает явления и поступки не с т. зр. их причинной обусловленности, а с т. зр. их достоинства, *ценности*. Нравственность предоставляет человеку выбор между добром и злом, к-рый он должен совершить не в силу неизбежной необходимости, а по своему собственному признанию этой необходимости. Соответствующим образом моральное С. оценивает действия людей и общественные явления: оно не объясняет их происхождения, а лишь выражает свое положительное или отрицательное отношение к ним, осуждает или одобряет их (*Оценка*). Предписательно-оценочное отношение к действительности и деятельности человека составляет важнейшую особенность морального С. Отсюда следует, что моральное С. имеет свою особую, ограниченную сферу действия. Оно способно

направлять поступки людей лишь постольку, поскольку перед ними действительно раскрывается возможность свободного выбора. В осн. это область индивидуального поведения. В то же время моральное С. не способно изменить или хотя бы объяснить социальную практику того или иного об-ва в целом. Классики марксизма неоднократно предостерегали против *морализирования*, распространения логики морального сознания на те области, где она уже неприменима. В. И. Ленин оценивал как морализирование социальную теорию народников, к-рые допускали свободу выбора в истории и считали, что вопрос о будущем об-ве должен решаться по критерию предпочтительности (*Идеал*). Вместе с тем классики марксизма указывали, что моральное С. способно угадывать логику исторического процесса (хотя и не может вскрыть его объективный характер). «Если нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым... — писал Ф. Энгельс, — то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя...» (т. 21, с. 184). Во всей предшествующей истории моральное С. имело внутренне противоречивый характер. С одной стороны, оно выражало устремления и желания масс, а с др. стороны, эти желания часто приводили к противоположному результату, противоречащему интересам самих же масс. Моральные идеи, в к-рых выража-

лись эти желания, превращались в духовное средство порабощения трудящихся (напр., идея *любви*). Содержание моральных требований и понятий исторически изменяется в зависимости от социальных условий, но при этом сохраняются неизменными нек-рые общие отличительные черты морального С. Во-первых, со времени формирования нравственности в истории человечества такими устойчивыми особенностями обладают моральное С. в целом и его простейший элемент — моральное требование. Это — нормативность, безличность, всеобщность и универсальность оценок и предписаний нравственности (*Требование*.) Во-вторых, остается относительно стабильной структура морального С. — система определенных понятий, в к-рых выражаются те или иные представления (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*). Во всякой достаточно развитой системе нравственности можно обнаружить следующие элементы: *нормы*, объединяющиеся в *кодекс*, представления о моральных *качествах*, оценки, нравственный и общественный идеалы, *принципы*, понятия *добра* и *зла*, *справедливости* и т. д. Каждая из этих форм морального С. обладает своими особенностями, особым образом направляет поведение людей. Эти формы находятся между собой в определенных связях и зависимостях. Структура морального С. определяет особую *логику морального*

языка, к-рая применяется людьми при обосновании различных моральных представлений и решении конкретных нравственных проблем.

СОЗНАТЕЛЬНОСТЬ — в широком философском значении слова совпадает с понятием *свободы воли*, к-рая представляет собой «способность принимать решения со знанием дела» (*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 20, с. 116). В моральном смысле С. — высшая мера развития *совести*. Она означает выбор человеком поступков и жизненной цели на основе понимания действительного общественного смысла нравственных требований, коренных интересов людей, знания социально-исторических законов. В широких социальных масштабах возможность такой С. впервые возникает лишь в процессе революционной общественной практики, направленной на уничтожение капиталистических и построение социалистических и коммунистических общественных отношений. До этого люди в массе своей в осн. лишь усваивали те или иные требования нравственности, не понимая их действительного источника. Эти требования выступали перед ними, с одной стороны, как чуждые, навязанные им извне нравственные повеления, а с др. стороны, как противостоящий внешнему диктату голос «внутренней» совести (*Человек и общество*). В условиях социализма нравственная С. предполагает: глубокую *убежденность* в правоте коммунистического учения, *вер-*

ность делу коммунизма; осознание человеком своего места в совместной деятельности народных масс; умение применить общенсторические закономерности к конкретным задачам той или иной области практики и конкретной ситуации; добровольное подчинение своих действий общественным интересам. Коммунистическая сознательность может выступать как в форме убеждений, так и в виде глубоко укоренившихся в психике чувств, склонностей и привычек. Но, независимо от формы проявления, по своему содержанию она всегда является коммунистической *идейностью*, предполагает осознание той цели, во имя которой должны совершаться поступки. Являясь основой убежденности человека в правоте того дела, к-рое он защищает, коммунистическая С. в то же время совершенно исключает моральный *догматизм* и *фанатизм*.

СОКРАТ (470/469—399 до н. э.) — древнегреч. философ, развивавший учение «моральной философии» (устно, в форме диалога и диспута). Репутация С., созданная современниками и изображавшая его как одного из софистов, а также критика им некоторых черт политической системы афинской демократии вызвали враждебное к нему отношение демократических руководителей Афин. С. был привлечен к суду по обвинению в религиозном нечестии, приговорен к смерти и принял яд. Учение С. известно в изло-

жении его учеников, а потому неполно и противоречиво. Гл. задача философии, как ее понимает С., — этическая: создание учения о том, как следует жить. Но т. к. жизнь — искусство, а для совершенства в искусстве необходимо его знание, то гл. (этическому) вопросу философии предшествует вопрос о сущности знания. Знание С. толковал как усмотрение общего (или единого) для целого ряда вещей (или их признаков). Знание есть, т. обр., понятие о предмете и достигается посредством определения понятия. Предметом знания может быть, по С., только то, что доступно целесообразной деятельности человека. Согласно С., наиболее доступна человеку деятельность его души. Поэтому осн. задачей познания С. провозглашает самопознание («познай самого себя»). Все частные цели подчиняются единой общей и высшей цели, к-рая есть безусловное высшее благо. Эта мысль резко отличает учение С. от крайнего этического *релятивизма* софистов. Однако в условиях человеческой жизни С. признавал относительный релятивизм, неизбежный для всякой целесообразной деятельности: благо обуславливается пользой и удовлетворением; хорошее есть одновременно и полезное для достижения цели, с т. зр. к-рой оно определяется как хорошее. Рационалистическая этика С. тесно связана с его взглядом на роль понятий; он отождествляет нравственную доблесть со знанием. Дея-

тельность человека всецело определяется его понятиями о доблести, о благе и вытекающими из этих понятий целями. Поэтому, утверждал С., никто не может заблуждаться или дурно поступать по доброй воле. Т. обр., С. свел всякое аморальное действие к простому незнанию или заблуждению, а мудрость — к совершенному знанию. Этический рационализм С. был замечен уже философами древности. *Аристотель*, напр., отмечал, что С. превратил добродетели в понятия, в науки или познания особого рода, достигаемые посредством индуктивных приемов определения этих понятий. В середине и во второй половине XIX в. этический рационализм С. подвергся резкой критике со стороны буржуазных философов, выступивших против интеллекта как орудия творчества и познания (*Кьеркегор, Ницше*). В XX в. его критиковал с позиций религиозного экзистенциализма рус. философ и литератор Лев Шестов.

СОЛИДАРНОСТЬ (лат. *solidus* — прочный) — единство убеждений и действий, взаимная помощь и поддержка, основанные на общности интересов и необходимости осуществления общих целей. С. становится моральным требованием для того или иного класса, нации, их партийных организаций и союзов, когда возникает объективная необходимость в совместном выступлении во имя решения к.-л. исторических задач. Так, принцип С. был выдвинут

идеологами фр. буржуазной революции в борьбе против европейской феодальной реакции. Можно особо выделить С. национальную, классовую, интернациональную, партийную. Требование национальной солидарности выдвигается на первый план в сознании народа, когда ведется борьба против иностранных поработителей (*Патриотизм*). В совр. условиях национальная С. отвечает объективным интересам национально-освободительного движения. Национальная С. нарушается, если буржуазия к.-л. страны выдвигает на первый план не национальные, а свои классовые интересы. Примером классово-солидарности могут служить совместные действия рабочего класса в борьбе с капиталом. Пролетарская С. проверяется и испытывается во время забастовок, стачек, вооруженных выступлений, в международной взаимопомощи трудящихся. Классовая С. трудящихся имеет, в сущности, интернациональный характер (*Интернационализм*). С победой социалистической революции классовая С. органически сливается с национальной С. трудящихся, т. к. их классовые и национальные интересы в данных условиях совпадают. В определенных обстоятельствах, когда задачи борьбы против крупного капитала могут быть решены только при условии создания общедемократического фронта, С. может укрепляться между трудящимися различных клас-

сов — между пролетариатом и крестьянством, неимущими слоями и мелкой буржуазией. Для революционной борьбы пролетариата огромное значение имеет не только классовая, но и партийная солидарность — единство действий внутри его авангарда, в рядах коммунистических и рабочих партий. Совместные действия членов коммунистических партий основываются на единстве их убеждений и обеспечиваются требованием партийной дисциплины. *«После решения компетентных органов,— говорил В. И. Ленин,— мы все, члены партии, действуем как один человек»* (т. 14, с. 128). Партийная С. предполагает единство действий не только внутри каждой коммунистической и рабочей партии, но и во взаимоотношениях между ними в международном масштабе при сохранении самостоятельности каждой отдельной партии.

СОЛОВЬЕВ Владимир Сергеевич (1853—1900) — рус. религиозный философ, публицист и поэт. Проблема человеческой личности, трактуемая в духе христианской традиции,— одна из стержневых в философии С. Он видел в личности не только относительно самостоятельную духовную реальность, но и первичный элемент метафизической коллективной личности — человечества. С. рассматривал человека как «связующее звено между божественным и природным миром». Поэтому любое индивидуальное человеческое су-

ществование приобретает у него универсальный смысл. Божество (абсолют) и человеческая личность, по С., суть осн. (хотя и неравнозначные) моменты эволюции вселенной, цель к-рой — преодоление мирового зла, просветление и одухотворение мира. Человек, несовершенный, но наделенный потенцией безграничного совершенствования, томится противоречием между поиском абсолютной свободы и ощущением зла мира, где господствует механическая причинность. Поэтому «в различении добра и зла, истины и лжи заключается весь существенный интерес человеческой жизни». В своем земном пути личность, по С., имеет возможность реализации двух типов свободы: «положительной» и «отрицательной». Первая достигается стремлением к познанию абсолюта и обеспечивает человеку способность к исполнению божественных предначертаний, вторая — неограниченным самоутверждением единоличного «Я», что приводит к отрицанию свободы (неограниченное самоутверждение, неся несвободу др., перестает быть свободой для самого индивида). Философски обосновывая неизбежность духовного саморазрушения «гордого человека», С. выступает продолжателем этической проблематики произв. Достоевского. Равно разрушительным представляется С. и групповое самоутверждение. Однако С. не мыслит самоотречение ради поисков абсолюта как отказ

от свободы вообще. Человек объективно реализует и субъективно ощущает свою свободу в акте любви (к людям, к природе, к богу) и в нравственном поступке. Путь к положительной свободе открывается человеку через опыт переживания стыда, сострадания к др., а также критического самонаблюдения. Вслед за Кантом С. полагает, что, преодолевая инерцию механической причинности нравственным усилием, человек приближает себя к абсолюту, олицетворяющему полноту «истины, добра и красоты». Познание, нравственность и творческая свобода для С. в конечном счете нераздельны, как нераздельны заблуждение, зло, безобразис. Платоновское учение об эросе сочетается у С. с кантовским *категорическим императивом* на основе христианской антропологии. Проблему добра и зла на земле С. решает также в религиозном духе: личность Христа — свидетельство и гарантия конечного торжества добра. Вместилищем накопленного и закрепленного в истории нравственного опыта человечества С. считал христианскую церковь. Сознательно отвергая научное рассмотрение проблем этики, С. придавал вопросу о соотношении свободы и необходимости в истории и человеческой жизни метафизически-иррациональный смысл и оказался в этой области предтечей этических концепций христианской философии XX в. и религиозного экзистенциализма. Осн. труды С., в к-рых

разрабатывается этическая проблематика: «Критика отвлеченных начал» (1880), «Духовные основы жизни» (1884), «Смысл любви» (1892), «Оправдание добра» (1897—99), «Три разговора» (1900).

СОРЕВНОВАНИЕ — отношения, складывающиеся в процессе совместной деятельности людей, выражающиеся во взаимном стимулировании активности друг друга и в конечном увеличении полезных результатов совокупных действий и тех и др. С. может возникать при самых различных социальных формах объединения и кооперирования действий отдельных людей в совместную, массовую деятельность. «...Уже самый общественный контакт, — говорит К. Маркс, — вызывает соревнование и своеобразное возбуждение жизненной энергии (*animal spirits*), увеличивающее индивидуальную производительность отдельных лиц...» (т. 23, с. 337). Однако общественная природа С. бывает различной в зависимости от социальных отношений, присущих данному общественному строю. В условиях частной собственности на средства производства осн. формой С. является конкуренция. Она, хотя и имела громадное историческое значение для развития производительности труда в условиях капитализма, вместе с тем ограничивала общественную активность человека, придавала ей уродливо односторонний характер. Такого рода С. находится вне

сферы моральных отношений, напротив, часто приводит к совершению антигуманных действий. История капитализма знает немало примеров, когда конкуренция толкала предпринимателей на снижение производительности труда и даже уничтожение материальных благ. В моральном отношении конкуренция способствовала развитию отношений вражды и взаимной ненависти между людьми, воспитывая в людях *эгоизм* и др. безнравственные качества. Принципиально иной характер имеет С. в условиях социалистического об-ва. «Социализм,— писал В. И. Ленин,— не только не угашает соревнования, а, напротив, впервые создает возможность применить его действительно *широко*, действительно в *массовом* размере... Впервые после столетий труда на чужих, подневольной работы на эксплуататоров является возможность *работы на себя*...» (т. 35, с. 195, 196). В отличие от конкуренции, где каждый преследует своекорыстные цели, в социалистическом соревновании в конечном счете имеется в виду общая для всех участников цель — увеличение богатства об-ва в целом. Общественная деятельность в рамках социалистического С. обретает и моральный смысл служения людям. Поэтому, хотя каждый из соревнующихся стремится превзойти др., отношения между участниками общего дела складываются на основе *взаимопомощи* и *коллективизма*. Социалистическое С. предполагает вза-

имный обмен опытом, распространение индивидуального *почина*, оказание помощи отстающим, использование *примера* передовых и др. самые разнообразные виды товарищеского сотрудничества. Формы социалистического С. бывают различными — коммунистические субботники в годы гражданской войны, движение ударников и стахановцев в годы социалистического строительства, движение бригад и ударников коммунистического труда и др. формы С. в совр. период строительства коммунизма. Социалистическое С.— это один из путей *коммунистического воспитания*, средство развития общественной активности и сознательности, *самодетельности* и *творчества* трудящихся. Оно способствует воспитанию в людях высоких моральных качеств — инициативности, принципиальности, смелости, требовательности к людям и к себе, трудолюбия, бережливости и др. «В нем выковываются образцы понимания общественного долга, героизма и самоотверженности в труде» (Материалы XXVI съезда КПСС, с. 58).

СОСТРАДАНИЕ — см. *Сочувствие*.

«СОЦИАЛЬНАЯ ЭТИКА» — учение, посредством к-рого совр. теологи пытаются приспособить «абсолютную», т. е. якобы не связанную с условиями места и времени, нравственность Христа к конкретным социальным условиям совр. капитализма. В «С. э.» биб-

лейские догматы истолковываются применительно к существующим ныне формам собственности и государственно-правовых отношений. С помощью «С. э.» идеологи христианства пытаются, с одной стороны, оправдать совр. капиталистическую действительность с т. зр. «вечных» истин религии, с др. стороны, доказать актуальность и «животворность» христианских догматов в условиях современности. Католики и протестанты решают эти задачи по-разному. Первые считают, что буржуазное об-во, при всем его несовершенстве, основано на вечном «божественном законе», его требования следует лишь конкретизировать применительно к современности (*Неотомизм*). В *неопротестантизме* же общественная жизнь вообще противопоставляется божественной воле, а «подлинная», христианская, нравственность — мирской морали. Для неопротестантов «С. э.» — это мораль компромисса между высшими нравственными требованиями Христа (*Теономная этика*) и той безнравственностью, на к-рую толкает человека буржуазное об-во. Этот компромисс, в сущности, заключается в том, что по необходимости аморальные деяния дополняются некими высоконравственными умонастроениями (*Моральной доброты теория*).

СОЧУВСТВИЕ — одна из форм проявления человеколюбия (*Гуманизм*); отношение к др. человеку, основанное на признании законности его потребностей и интересов;

выражается в понимании чувств и мыслей др. человека, оказании моральной поддержки его устремлениям и готовности содействовать их осуществлению. Способность к С. является одним из элементарных и вместе с тем фундаментальных свойств человека как общественного существа. Возникнув одновременно с личными интересами и в противовес им, это социальное чувство определенным образом ограничивало частный эгоизм людей, позволяя каждому поставить себя на место др. человека и увидеть в нем себе подобного. Такое отношение в какой-то мере компенсировало частнособственнические и антагонистические взаимоотношения, хотя и не могло развиться в полной мере в условиях классово-эксплуататорского об-ва. Этим была обусловлена односторонняя интерпретация С. в господствующей идеологии этого об-ва. *Религиозная мораль*, к-рая исходит из того, что все люди «грешны» и осуждены на страдания, понимает С. как проявление сострадания к «ближнему», снисходительности к его слабостям и упование на милость бога и на конечное «спасение» всех в «царстве божьем» (*Грех*). Либеральные гуманисты свое С. по отношению к угнетенным массам также обычно выражают лишь в сострадании, видят спасение «бедных и обездоленных» в милосердии господствующего класса, в общественной опеке над ними и частной благотворительности. В противополож-

нооть пассивному и чисто сострадательному пониманию С. коммунистическая нравственность требует оказания действенной помощи людям, обусловленной пониманием их действительных интересов. Марксизм учит, что трудящиеся сами должны освободить себя, не надеясь на человеколюбие власть имущих. С. к интересам трудящихся, следовательно, должно практически выражаться в том, чтобы стать на их сторону в борьбе против эксплуатации и социальной несправедливости. Такое С. основано не на милости, а на признании прав человека, не на снисходительности, а на высокой требовательности к человеку. Оно не унижает, а утверждает достоинство личности.

СПЕНСЕР (Spencer) Герберт (1820—1903) — англ. философ-позитивист, представитель эволюционной этики. С. исходит из идеи всемирной эволюции, к-рая охватывает как природу, так и об-во. Не видя качественного своеобразия общественной жизни, он не отличал нравственность от отношений в животном мире, рассматривал ее как частный случай поведения, присущего всем живым организмам, наивысший результат эволюционного развития. «Ряд истин, называемых... учением о нравственности, в существе своем однороден с истинами мира физического. Порядок вещей... к которому стремится человечество, это тот же порядок, к которому стремится вся природа». Подобно сторон-

никам утилитаризма, С. считал, что в основе нравственности лежит стремление к счастью, к-рое для него является моментом всеобщей эволюции. В ходе эволюции нравственность выступает средством смягчения свойственной об-ву и природе борьбы между эгоизмом и альтруизмом. Человеческое поведение, согласно С., исторически проходит ряд этапов, в процессе к-рых возникают и совершенствуются нравственные чувства и понятия, осуществляется плавное развитие от зла к добру, от пороков к добродетели. Поведение человека, постепенно приспособляясь к условиям жизни, направлено на сохранение человека как вида. При этом благо об-ва и благо личности все больше совпадают, поведение приближается к идеалу, с достижением к-рого будет упразднено всякое противоречие между личностью и об-вом, установлено их равновесие: действия индивида, направленные на удовлетворение своих потребностей одновременно будут способствовать удовлетворению потребностей всего об-ва. Осн. правило жизни С. формулирует так: «Преследование личного счастья в пределах, предписанных общественными условиями». Мораль, по С., основывается на абстрактных принципах справедливости и благотворительности. Справедливость — это право каждого на абсолютную свободу, к-рая должна быть совместима со свободой др. индивидов. Под благотворитель-

ностью С. понимал действия, приносящие др. наслаждение без расчета на вознаграждение. С. считал государство злом, поскольку оно стесняет свободу индивида. Метафизичность, идеализм и вульгарный биологизм воззрений С. не позволили ему понять природу нравственности как общественного явления и законы ее развития. (Осн. этические соч.: «Социальная статика» (1850), «Основания этики» (1892—93)).

СПИНОЗА (Spinoza) Бенедикт (1632—77) — нидерл. философ-материалист, критик библейского канона еврейского Ветхого завета. Гл. задачу своей философии С. видел в разработке этической теории, основывающейся на учении о вечной и бесконечной природе, или субстанции, к-рая действует согласно собственным вечным необходимым законам, и «модусах», к-рыми являются все вещи материального мира и все души людей. В человеке тело и мыслящая душа — одна и та же сущность, только рассматривается со стороны либо протяжения, либо мышления. Условием разработки этики С. полагал предварительное познание телесных процессов и связей в человеке. Он приблизил метод психологии к методам механики и физики и свел сложность и многообразие психической жизни к двум, как он думал, простым началам: разуму, отождествив его с волей, и страстям (аффектам). Все первичные аффекты (он различал три их вида: радость, пе-

чаль и вожделение) и мн. производные от них вырастают, по С., из стремления каждой вещи к сохранению своего существования. Человек руководствуется не моральным законом добра и не отвращением от зла, а стремлением к самосохранению и собственной выгоде, к-рое только и определяет добродетель, выступающую как человеческая мощь. На этих натуралистических основаниях С. построил свое учение о свободе. Человеческую природу он ставит в зависимость от аффектов. Отказ от идеалистического представления о *свободе воли*, о независимости ее от определяющих поведение мотивов не привел С. к отрицанию возможности свободы для человека. С. разъяснил, что понятие о свободе не противоречит понятию о необходимости: вещь, существующая необходимо, может в то же время быть свободной, если она существует по необходимости одной лишь собственной природы. В этом смысле свободна субстанция (природа, или бог): ее существование обусловлено только ее собственной сущностью. В этом же смысле может быть свободен и человек, т. к. при определенных условиях он может выйти из рабства у аффектов. Всякий аффект перестает быть пассивным состоянием, как только человек образует о нем ясную и отчетливую идею, т. е. познает его. Свобода и есть, по С., познание необходимости, ясное и отчетливое представление о том, что необхо-

димо. Эта диалектическая идея С. была выдающимся достижением материалистической философии. Из учения С. следовало, что для разных людей существуют различные степени свободы. Хотя познание, как таковое, бессильно перед аффектами, оно само может стать аффектом (любовь к познанию). Радость познания может подавить все др. аффекты и т. обр. привести человека к величайшей свободе. Ограниченность учения С. о свободе проявляется в том, что он исчерпывает свободу познанием необходимости и добровольным согласием с необходимостью; он не связывает материальную практику с осуществлением свободы (в этом его учение сходно со *стоицизмом*). Свобода для С.— господство разума над чувствами, преодоление чувственных аффектов страстью к познанию. Круг субъектов свободы у него крайне ограничен — это отрешенные от жизненной практики мудрецы, содержание жизни к-рых составляет «интеллектуальная любовь к богу», т. е. страсть к познанию. Такое понимание свободы абстрактно и антиисторично. Осн. соч. С.: «Богословско - политический трактат» (1670), «Этика» (1677).

СПРАВЕДЛИВОСТЬ — понятие морального сознания, характеризующее такое положение вещей, к-рое рассматривается как должное, соответствующее определенному пониманию сущности человека и его прав. В отличие от более абстрактных понятий *добра* и

зла, с помощью к-рых дается моральная оценка определенным явлениям в целом, С. характеризует соотношение нескольких явлений с т. зр. распределения блага и зла между людьми. В частности, понятие С. включает соотношение между ролью отдельных людей (классов) в жизни об-ва и их социальным положением, между *деянием* и *воздаянием* (преступлением и наказанием), достоинством людей и его вознаграждением, правами и обязанностями. Несоответствие между тем и др. оценивается моральным сознанием как несправедливость. Смысл, вкладываемый людьми в понятие С., кажется им чем-то само собой разумеющимся, пригодным для оценки всех условий жизни, к-рые они требуют сохранить или изменить. На самом же деле понимание С. имеет конкретно-исторический характер и само зависит от этих условий. «Справедливость греков и римлян находила справедливым рабство; справедливость буржуа 1789 г. требовала устранения феодализма, объявленного несправедливым», — говорил Ф. Энгельс (т. 18, с. 273). В то же время, хотя понятие С. ограничено историческими рамками, характером того об-ва, в к-ром живут люди, его разделяющие, в известные периоды истории оно способно преодолевать эти рамки и направлять людей на революционное преобразование об-ва согласно с требованиями объективных законов общественного развития. «Ес-

ли нравственное сознание массы объявляет какой-либо экономический факт несправедливым...— писал Ф. Энгельс,— то это есть доказательство того, что этот факт сам пережил себя...» (т. 21, с. 184). В истории человечества понимание С. первоначально получило выражение в требовании наказания за нарушение норм первобытного коллектива. *Лафарг* назвал это требование воздающей С. Одним из ее выражений был институт родовой *мести*. Более сложное понимание С.— распределительное — возникает, когда от рода начинают отличать отдельных индивидов. В общинно-родовом об-ве оно означало равенство всех людей гл. обр. по отношению к материальным благам. С возникновением частной собственности и имущественного неравенства понимание С. уже не совпадает с равенством. Ее начинают понимать как различие в положении людей соответственно их достоинствам. Но любое толкование достоинства людей всегда оправдывало привилегированное положение господствующих классов. Феодалская мораль трактует его как благородство происхождения, буржуазная — как способности и усердие, приложенные данным человеком в прошлом и воплотившиеся в накопленном богатстве. Что же касается равенства как основы С., то в классово антагонистическом об-ве оно признается лишь в к.-л. определенном отношении. Феодалско-христианская мораль допу-

скала равенство людей лишь в смысле происхождения всех людей от бога и их одинаковой причастности к первородному *греху*. Соответственно несправедливым могло считаться лишь неоправданно жестокое (что также толковалось весьма относительно) обращение с подданными. В буржуазном понимании С. уже предполагается некое равенство прав (политических, перед законом, «равенство возможностей»), но само это равенство остается формальным, на деле оказывается неравенством имущего и неимущего. Экономическое понятие С. означает здесь эквивалентность обмена (товарами, трудом, услугами). Однако «обмен» труда рабочего на зарплату, к-рую ему выплачивает капиталист, означал практически эксплуатацию наемного труда. Равенство прав осуществляется в действительности лишь в социалистическом об-ве. Наше понятие С. предполагает, что достоинство человека, определяющее его положение в об-ве и права на пользование общественным богатством, заключается в его собственной общественно полезной деятельности, а не в происхождении или обладании собственностью. Такое понимание С. находит воплощение в социалистическом принципе распределения по труду. В социалистическом об-ве равенство людей в социальном отношении еще не является полным. Различие в индивидуальных способностях приводит к неравенству в

потреблении и общественном положении. Высшая мера С., полностью совпадающая с социальным равенством, достигается с построением коммунистического общества. Полное равенство возможностей для каждого отдельного человека предполагает всестороннее развитие способностей людей, ликвидацию существенных различий в характере труда, осуществление коммунистического принципа: «от каждого — по способностям, каждому — по потребностям».

СТИЛЬ ЖИЗНИ — устойчиво воспроизводимые отличительные черты общения, бытового уклада, манеры поведения, привычки, склонности и т. п., свойственные к.-л. человеку или группе людей и выявляющие своеобразие их духовного мира, направленность жизни личности через внешние формы бытия (организация рабочего времени, проведение досуга, отдыха, устройство быта, манера держаться и говорить и т. д.). Будучи конкретизацией и определенным срезом более общего понятия «образ жизни», С. ж. в большей мере фиксирует, учитывает индивидуальные и психологические особенности поведения, вкусов, предпочтений, интересов, склонностей людей. Так, говорят об «аристократическом», «купеческом», «демократическом» и т. д. С. ж., а применительно к отдельной личности — о С. ж. англомана, разночинца, бюргера и т. д. С. ж. отдельной личности или группы людей вовсе не сводится к просто-

му усвоению или повторению того «общего» и «особенного», что присуще жизнедеятельности членов данного общества. Обладая индивидуальным своеобразием, уникальностью, относительной самостоятельностью и ценностью, он способен оказывать формообразующее влияние на тот или иной образ жизни. Индивидуальный (или групповой, «субкультурный») С. ж. порой интегрируется и кристаллизуется в уклад и образ жизни, к-рый разделяет и к-рому следует та или иная (большая или меньшая) социальная общность, вплоть до воплощения его в образ жизни, ставший нормой для массового поведения и массового сознания. Так, после победы социалистической революции на основе «пролетарского» С. ж. сложился социалистический образ жизни. С. ж. — существенный признак индивидуальности, личностного развития, к-рый во многом зависит от ценностных ориентаций, уровня культуры и психологических особенностей самого человека. Поэтому процесс становления индивидуальности совпадает с формированием собственного, «личного» С. ж. Отсутствие такового ведет к произволу, эклектике, господству «каприза» и т. п. Личность организует свою жизненную линию согласно определенным принципам, правилам, вкусам, в соответствии с собственными представлениями о том, что такое полноценная в духовном, нравственном и физическом отношении жизнь, а не про-

сто отдаваясь во власть стихии повседневности. Заботу человека о С. ж. не следует смешивать с «дурным своеобразием», т. е. с претензией на оригинальность, с желанием выделиться среди др. в пустяках, ничтожных мелочах, усматривая именно в этом проявление свободы своей индивидуальности. Понятие «С. ж.» имеет очевидный нравственный смысл, поскольку формирование собственной личности (*Самовоспитание*) прямо соотносится с интересами др. людей, интересами об-ва. Наиболее гуманные формы самореализации, самовоспитания воплощаются в С. ж., выражающем оригинальность духовного склада и индивидуальность личности, к-рая может служить примером для подражания. «Прост, как правда», — сказал о В. И. Ленине сормовский рабочий. Но это сложная простота, приметы к-рой — общительность, жизнерадостность и жизнелюбие, скромность, тактичность, деликатность, внимательность к др. — сделали ленинский С. ж. образцом для подражания целых поколений людей. Формирование личного С. ж., соответствующего демократизму нашего об-ва, требованиям социалистической культуры и нормам коммунистической нравственности, — важная сторона и задача нравственного воспитания.

СТОИЦИЗМ — философско-этическое учение, возникшее в Древн. Греции в конце IV в. до н. э. (*Зенон*) и развивавшееся в

Риме в первые века н. э. (*Сенека*, *Эпиктет*, *Аврелий*). По мнению стоиков, в мире господствует рок, фатальная необходимость, установленная богом. Высшая нравственность поэтому состоит в том, чтобы жить «сообразно природе», божественному миропорядку, к-рый человек ни в чем не способен изменить. Отсюда и специфическое толкование стоиками добродетели — полная покорность року; пассивное принятие судьбы, отрешенность от земных страстей и чувственных влечений, созерцание своего внутреннего мира. Этот душевный настрой одновременно рассматривался стоиками как состояние подлинного счастья человека (*Эвдемонизм*). Учение С. отразило в себе глубокий кризис античного об-ва, умонастроения мн. его слоев, не видевших путей изменения общественных отношений к лучшему. Идеи стоической морали были затем восприняты христианством (*Грех*, *Фатализм*, *Эсхатология*, *Терпимость*, *Смирение*) и стали служить оправданию эксплуатации и социальной несправедливости. В дальнейшем С. стали называть моральный принцип жизни, предполагающий аскетическое ограничение потребностей (*Аскетизм*), строгое соблюдение моральных требований даже в неблагоприятных обстоятельствах, смирение перед враждебными жизненными условиями, принятие ударов судьбы и отказ от борьбы за осуществление личных интересов. Принцип С. теоретически обосно-

выдается *экзистенциализмом* и иск-рыми др. направлениями совр. этического *иррационализма*. Отвергая официальную буржуазную мораль, дух приспособленчества и *потребительства* (*Нигилизм*), предписывая людям самоотверженность, принцип С. одновременно исключает исторически обоснованную уверенность в революционном преобразовании общественных отношений, а потому вменяет людям пассивное отношение к социальным условиям и, кроме того, ограничивает их нравственную задачу лишь личным самосовершенствованием (*Самовоспитание*). Моральные установки С. нацелены на выработку у личности способности противостояния враждебному миру *отчуждения* путем самодисциплины и исполнения *долга*. С. допускает лишь слепую веру в моральное преображение людей, в утопические проекты переделки общественных отношений путем ограничения развития науки, техники и потребления, внедрения «новой этики», построенной на внеклассовых принципах взаимопомощи, любви и ненасилия. Такие установки приводят к моральному *релятивизму*, к потере социальных ориентиров морального выбора. Коммунистическая нравственность, хотя она и требует от людей стойкости и *мужества*, а в определенных обстоятельствах самопожертвования и *героизма*, отрицательно относится к С. как общему жизненному принципу. Аскетическому ограничению

потребностей людей она противопоставляет борьбу за возможно более полное их удовлетворение, социальной пассивности — деятельное отношение к жизни об-ва (*Активность*).

СТОЙКОСТЬ — см. *Выдержка*.

СТРАХ — кратковременная эмоция или устойчивое чувство, порождаемые у человека действительной или воображаемой опасностью. Как психологическое явление С., причины к-рого у индивида носят врожденный или социокультурный характер, выражается в тревожных и мучительных переживаниях, в испуге, ужасе, панике, а также в действиях (стихийных или сознательных), направленных на самосохранение. Когда С. приводит к утрате контроля человека над собой, к поступкам, противоречащим требованиям нравственности, он расценивается моральным сознанием как *трусость*. И наоборот, преодоление человеком чувства С. характеризуется как *смелость*, *мужество*. С. может выступать как устойчивая черта сознания не только личности, но и социальных групп и об-ва в целом. Ужас перед неизвестным испытывал, напр., первобытный человек, к-рый практически находился во власти законов природы и не в состоянии был контролировать их. Социализация чувства С. протекает по-разному в различных условиях микро- и макросреды, но интенсивно оно воспроизводится в об-ве угнетения, бесправия, отчуждения. При капитализме С., перед

будущим у трудящихся вызывает-ся растущей необеспеченностью существования, а у частного пред-принимателя — угрозой разоре-ния. С. перед грядущим — типич-ная черта сознания исчезающих в ходе исторических перемен клас-сов и социальных слоев. Мн. бур-жуазные философы (*Кьеркегор, Шопенгауэр, Ницше, О. Шпенглер* и др.) считают С. естественным со-стоянием человека, осознающего одиночество, бессмысленность сво-его бытия. С., по *Бердяеву*, ле-жит в основе жизни личности и правит миром. Для *Кьеркегора, Хайдеггера* и др. экзистенциали-стов «предмет страха есть ничто». Безотчетный, т. наз. метафизиче-ский ужас перед «ничто», с их т. зр., порождается «заброшенно-стью» и постоянной озабоченно-стью человека, вынужденного брать на себя *ответственность* за выбор решения, для к-рого якобы нет никаких рациональных осно-ваний. Тесно связанный с эмоция-ми страдания, *вины, стыда*, пре-зрения, С. всегда играл роль важ-ного регулятора поведения лично-сти (С. перед наказанием, перед властью и т. п.). Будучи законо-мерным порождением классового об-ва, С. как социально-психоло-гическое явление выступает одним из рычагов сохранения отношений эксплуатации. Нередко чувство С. выдвигается даже в качестве нравственного побуждения. *Рели-гиозная мораль* вменяет людям С. перед богом, перед «страшным-судом», считая его наиболее на-

дежной гарантией соблюдения се-ребований. При социализме, ког-да люди сознательно объединяют-ся для осуществления общих це-лей и ставят под коллективный контроль действие экономических и социальных законов, С. переста-ет быть нормальным явлением об-щественной психологии. По мере развития *самодетельности и твор-чества* масс, роста их активности и сознательности С. уже не может служить регулятором их поведе-ния. Утверждение принципов ком-мунистической нравственности в повседневной жизни людей пред-полагает, что каждый отдельный человек исполняет свой долг пе-ред об-вом не из-за С. наказания или даже морального осуждения его некорректных поступков, а по внутренней *убежденности*, повину-ясь своей *совести*, т. е. сознатель-но и свободно. Лишь бесстрашие перед трудностями, готовность ради истины и социального про-гресса пойти против сложившихся традиций и авторитетов делают человека подлинным носителем коммунистической нравственности.

СТЫД — одно из проявлений нравственного *самосознания* лич-ности; моральное *чувство*, в к-ром человек выражает осуждение сво-их *действий, мотивов* и моральных *качеств*. Человек либо самостоя-тельно в эмоциональной форме осознает безнравственность их, либо сознается в этом самому себе под воздействием осуждения со стороны окружающих. По словам К. Маркса, «стыд — это своего

рода гнев, только обращенный во-внутрь» (т. I, с. 371). Противоположностью С. является *гордость* — положительное отношение к самому себе. В отличие от *совести* С. имеет более внешний характер: человек оценивает здесь свои поступки с той т. зр., как к ним относятся или могли бы отнестись окружающие. Чувство С. — неотъемлемое свойство личности. Оно начинает развиваться у человека тогда, когда он уже отличает себя от коллектива в первобытнообщинном строе. С появлением частной собственности и разделением об-ва на классы, с развитием сословной *чести* чувство С. часто проявляется в извращенном виде, утрачивая свое специфически моральное значение. Человек может стыдиться своей бедности, происхождения из «низшего» сословия, унижения сословной гордости. Пережитки этого извращенного чувства С. проявляются иногда и в социалистическом об-ве. Коммунистическая нравственность освобождает людей от такого ложного С. Она признает это чувство лишь в тех случаях, когда оно касается действительно аморальных поступков, попирающих интересы об-ва и др. людей.

СУЖДЕНИЕ МОРАЛЬНОЕ — высказывание, выражающее к.-л. положение нравственности в форме предписания или *оценки*; один из простейших элементов морального языка. С. м. специально изучается деонтической логикой и логикой оценок (разделы модальной

логики), а в этике составляет предмет исследования *логики морального языка*. Поскольку С. м. в той или иной форме всегда выражает нравственное *требование*, то в его логических свойствах отражаются специфические особенности этого требования и морального сознания вообще. С. м. всегда нормативны по своей модальности; высказываемое в них долженствование и *ценность* имеют безличный характер, т. е. не подразумевают волю к.-л. субъекта. Если даже С. м. имеет единичный характер, то ему всегда можно придать всеобщее значение. (Когда говорится: «Ты должен поступить так-то», то подразумевается, что «все должны поступать так же» в сходных ситуациях.) Предписания и оценки морали всегда имеют определенное основание (*Критерий нравственности*).

СУФИЗМ (арабское «суф» — грубая шерстяная ткань, одежда, символ аскетической жизни) — философско-мистическое учение в *исламе*, возникшее в VIII в. С. не однороден, включает и радикальную оппозицию ортодоксальному исламу (Мансура аль Халладж), и осознанный компромисс с официальной ортодоксией (аль Газали). Для С. характерна слитность учения о познании, к-рое толкуется с позиций мистического пантеизма (признания всего существующего проявлением божества), с учением о нравственном самосовершенствовании человека. С. выделяет три этапа пути человека к истине и

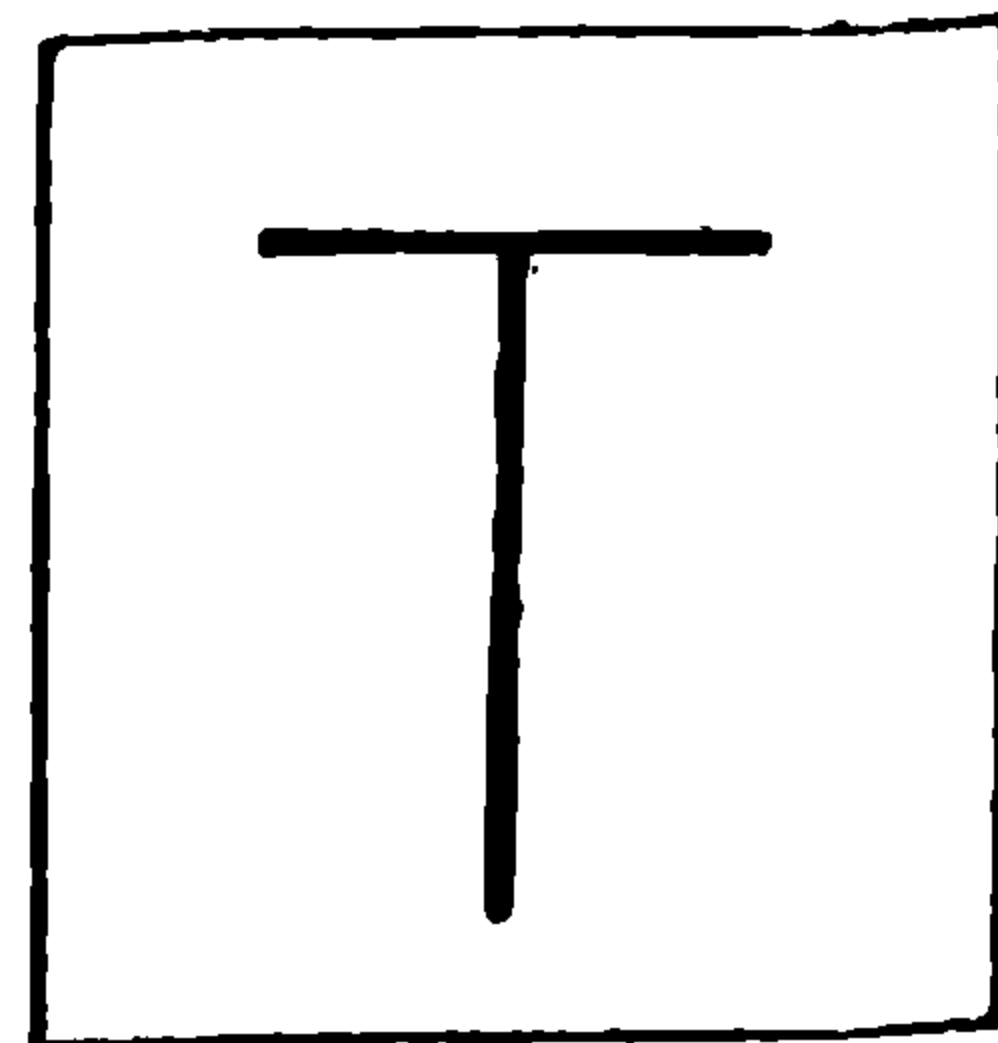
подлинным формам бытия: шариат — познание закона и следование ему; тарикат — преодоление себялюбия как особой формы заточения в «темницу собственной шкуры», опираясь не только на разум, но и на сердце, с помощью таких психологических состояний и качеств, как покаяние, осмотренность, воздержанность, отказ от земных благ, упование на бога, покорность; хакикат — заключительный этап, к-рого достигают только избранные. Это, согласно С., подлинное бытие, достигаемое отбрасыванием собственного «Я» и слиянием с богом. Достигший этой стадии может уже не думать о законах, т. к., обладая интуитивным познанием истины, он неспособен поступить плохо. Это положение давало повод мн. критикам С. обвинять его последователей в аморализме. С. придавал большое значение озарению, экстатическому переживанию (экстаз достигался пляской, пением, музыкой). Изложение нравственных требований в дидактической поэме, любовной лирике, известный демократизм обусловили популярность таких поэтов-суфиев, как Санаи, Аттар, Руми, Хафиз, Джами и др.

СЧАСТЬЕ — понятие морального сознания, обозначающее такое состояние человека, к-рое соответствует наибольшей внутренней удовлетворенности условиями своего бытия, полноте и осмысленности жизни, осуществлению своего человеческого назначения. Как и мечта, С. является чувственно-

эмоциональной формой *идеала*, но в отличие от нее означает не устремления личности, а исполнение этих устремлений. Понятие С. не просто характеризует определенное конкретное объективное положение или субъективное состояние человека, а выражает представление о том, какой должна быть жизнь человека, что именно является для него блаженством. Поэтому данное понятие имеет нормативно-ценностный характер. В зависимости от того, как истолковывается назначение и смысл человеческой жизни, понимается и содержание С. Это понятие имеет исторически-классовый характер; рабовладелец, феодал и буржуа, раб, крепостной и пролетарий вкладывали в него различный смысл, соответственно своим условиям жизни и интересам. Категория С. в истории морального сознания имела двойкий смысл. С одной стороны, С. считалось одним из прирожденных прав человека, но господствующая мораль классового общества рассматривала его лишь как вознаграждение за добродетель, за те жертвы, к-рые были связаны с исполнением его требований (*Воздаяние*). На практике же в классово антагонистическом обществе всегда получалось так, что стремление угнетенных классов к С., отмечает Ф. Энгельс, безжалостно и «на законном основании» приносилось в жертву такому же стремлению господствующих классов. Проповедники религиозной морали достижение С.

переносили в загробную жизнь. С др. стороны, иногда признавалось законным стремление к С. в земной жизни, и тогда С. объявлялось не только вознаграждением добродетели, но и, наоборот, ее источником. Именно так, по словам Ф. Энгельса, понимает С. *Фейербах*: «Стремление к счастью прирождено человеку, поэтому оно должно быть основой всякой морали» (т. 21, с. 296). Классики марксизма подвергли критике такое понимание нравственности, вскрыв его индивидуалистический смысл и показав, что само по себе стремление к С. не может быть основой моральной деятельности. «Занимаясь самим собой,— пишет Ф. Энгельс,— человек только в очень редких случаях, и отнюдь не с пользой для себя и для других, удовлетворяет свое стремление к счастью» (там же, с. 297). Иными словами, стремление человека исключительно к личному С. в отрыве от общественных целей вы-

рождается в эгоизм, к-рый попирает интересы др. и морально калечит человеческую личность. И наоборот, сознательное служение людям, революционная борьба за переустройство об-ва, за лучшее будущее для всего человечества наполняют жизнь человека тем высшим смыслом и дают ему то глубокое удовлетворение, к-рые приносят ему ощущение С. Характеризуя свое личное понимание С., К. Маркс как-то сказал, что видит его в борьбе. Такое понимание противоположно всем традиционным представлениям о С. Это уже не идиллическое состояние удовлетворенности существующим положением, а, напротив, постоянное стремление к лучшему будущему и преодоление препятствий на пути к нему; не достижение собственного благополучия, а полное развитие и использование своих способностей в сознательной деятельности, подчиненной достижению общих целей.

ТАБУ (полинезийское слово, не поддающееся однозначному переводу на совр. языки) — характерный для неразвитого первобытного мышления комплекс представлений, выражающий категорический запрет агрессивных или эротических побуждений, направленных на т. наз. «неприкасаемые» объекты; связан с переживанием чувства *страха* перед чем-то жутким, смертельно опасным и одновременно притягательным, священным, требующим почитания, поклонения и различных магических манипуляций. Термин «Т.» широко употребляется в совр. этнографии, антропологии, психологии, т. к. обнаружилось, что соответствующие ему представления играют важную роль практически во всех примитивных сообществах (австралийские туземцы, мн. африканские племена, американские индейцы). У представителей развитых об-в аналогичные комплексы представлений являются одним из характерных симптомов тяжелых душевных расстройств, поэтому термин «Т.» стал применяться и в психиатрии. В первобытных родовых общинах Т. прежде всего связано с

запретом половых связей между родственниками, что обеспечивает здесь архаическую форму экзогамии, а также с культом тотема — священного животного, именем к-рого назван данный род. В относительно более развитых патриархальных общинах Т. распространяется на личность отца, вождя, жреца, обеспечивает неприкосновенность различных существ, предметов, священных мест и т. д. Т. — самая древн. форма нравственности, выступающая в виде требования подавления социально опасных влечений. От более поздних религиозных, моральных, правовых запретов оно отличается своей иррациональностью, отсутствием всякого обоснования. Т. не задается как, напр., заповедь бога или требование закона, но осуществляется как самоограничение под влиянием ничем не объяснимой мистической боязни определенных актов или существ. Эта боязнь связана с представлением о неизбежной каре, к-рая отнюдь не сводится к реальному наказанию, осуществляемому руками сородичей. Преступивший запрет Т., иногда и без вмешательства извне, сам

переживает психологическое состояние глубокой депрессии, к-рая часто приводит к заболеванию и даже смерти, хотя о его преступлениях может не подозревать никто из окружающих. Т. обр., на самых ранних этапах существования об-ва система Т. являлась, по сути дела, универсальной формой регламентации общественной жизни.

ТАГОР (Тхакур) Рабиндранат (1861—1941) — инд. писатель-гуманист, педагог и общественный деятель. Глубоко усвоив классическое культурное наследие Индии, в своем творчестве он дал новую жизнь мн. философско-этическим идеям Вед и Упанишад. Природу человека Т. характеризует двойственно: с одной стороны, человек — носитель эгоистических желаний, ограничен пределами своего «Я»; с др. стороны, он несет в себе и духовное начало, проявления к-рого противоположны эгоизму и ставят человека в особое положение в мире. Конфликт между этими сторонами «Я» создает напряженную нравственную жизнь личности. Не обузданные желания мешают человеку избавиться от невежества (авидья) и включиться в жизнь мира. Критически анализируя индивидуализм как нравственную ориентацию западных культур, Т. делает вывод: любое развитие в рамках «эгоистического Я» вносит в жизнь человека трагедию. Поэтому одной из гл. задач он считает умение выйти за пределы себя самого. Единственным эффективным средством сокрушения эгоиз-

ма и обособленности Т. считал любовь. Жизнь в единстве с природой возможна лишь как результат любовного отношения ко всему, что ее составляет. Теория нравственности Т., к-рую он называл творчеством жизни (садхана), опирается на карма-йогу (*Йога*) — освобождение активным действием, трудом. В то же время, критикуя нравственные ориентации «делового мира» в европейских странах, Т. обращал внимание на то, что успех в делах часто сопровождается внутренним крахом личности и поэтому бедняк, достигший внутренней гармонии, бесконечно счастливее богача. Этические воззрения Т. нашли практическое применение в построенной на собственные средства школе в Шантиникетоне (поместье отца), ставшей впоследствии одним из очагов инд. культуры. Обучение, считал Т., должно быть развитием естественных способностей человека, т. е. предельно индивидуализировано. Свидетельствами идейно-нравственной позиции Т. являются его выступления против колониального режима, борьба с кастовой разобщенностью, с женским неравноправием, с невежеством и суевериями. С симпатией Т. относился к Советской России, высоко оценивая ее достижения в области просвещения и миролюбивую внешнюю политику. К произведениям, отразившим нравственную концепцию Т., относятся поэтический сборник «Гитанджали», в 1913 г. отмеченный Нобелевской

премией, и «Творчество жизни» («Садхана»).

ТЕЙЯР ДЕ ШАРДЕН (Teilhard de Chardin) Пьер (1881—1955) — фр. ученый-палеонтолог, философ и католический теолог, разработавший христианский вариант *эволюционной этики*. Этические воззрения Т. д. Ш. логически вытекают из его теории «космогенеза», согласно к-рой развитие вселенной идет в определенном направлении и в конечном счете сводится к становлению и развитию духа. С т. зр. Т. д. Ш., мораль появляется на определенном этапе эволюции жизни и «есть не более чем завершение механики и биологии». Назначение морали — ограничить эгоизм индивида, упорядочить и направить человеческую энергию по нужному руслу. Осн. категориям этики Т. д. Ш. дает биологическую и космическую трактовку: под добром понимается все, что способствует эволюции, повышению уровня организации материи и развитию сознания; под злом — все, что мешает объединению элементов в высокоорганизованные системы и затрудняет прогресс духа. На человека возложена миссия сознательного продолжения творчества эволюции. Его положение в космосе и роль в «космогенезе» служат объективным основанием категории долга: человек несет ответственность за успех эволюции. Преобразуя материю, он должен противодействовать злу и способствовать общему подъему духа. Духовного со-

вершенства человек может добиться только посредством приобщения к коллективному сознанию. Эволюционная этика, согласно Т. д. Ш., должна быть одновременно и христианской, т. к. без религиозного обоснования мораль не сможет выполнить свою функцию. Христианство помогает людям осознать связь эволюции жизни с «духовным и трансцендентным полюсом универсальной конвергенции», к-рый посредством божественной благодати направляет ход эволюции. Подобно тому как Кант предлагал принять бессмертие души и бытие бога в качестве постулатов практического разума, Т. д. Ш. вводит их в этику как необходимые условия человеческой деятельности по завершению эволюции. Существование божественного центра и возможность бессмертия души служат гарантиями успеха эволюции. Без этих гарантий люди не смогут продвигать эволюцию и сознательно переносить трудности. Принцип коллективизма, требование деятельного отношения к миру, утверждение творческих способностей человека — таковы гуманистические черты этических взглядов Т. д. Ш., отличающие его теорию от традиционной христианской этики. В целом же этике Т. д. Ш. свойственны все методологические пороки, присущие др. концепциям эволюционной этики. Стремление согласовать положения эволюционной этики с религиозно-философскими принципами

христианства лишь усугубляет эти недостатки. В силу своей противоречивости этические идеи Т. д. Ш. используются различными социальными группами, иногда занимающими противоположные идейные позиции. Принципы этики Т. д. Ш. изложены в соч. «Божественная среда» (1927), «Феномен человека» (1938—40, опубликовано посмертно) и др.

«ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА» (греч. telos — цель, logos — учение) — так иногда буржуазные философы неправильно называют теории морали, в к-рых нравственность понимается как целесообразная деятельность, происхождение моральных обязанностей выводится из тех *последствий*, к к-рым приводят поступки (*Консеквенциальная этика*), а выработанные об-вом критерии оценки поступков основываются на результатах действий людей. В этом смысле марксистскую этику также ошибочно характеризуют иногда как «телеологическую» в силу неправильного употребления самого термина. В действительности этот термин следует применять лишь к философским теориям, к-рые утверждают существование некой мировой цели и целесообразность каждого явления природы.

ТЕОДИЦЕЯ (греч. theos — бог и díke — право, справедливость) — оправдание бога в отношении допускаемого им зла на земле. Необходимость теоретического объяснения, как можно совместить

веру во «всемогущего» и «всеблагого» бога с существованием зла в мире, всегда возникала перед теологами, а также перед философами-идеалистами, считающими бога источником всего существующего. Обычно зло объясняется ими как испытание, ниспосланное богом человеку, или же как необходимый элемент предустановленной гармонии, понимание к-рой якобы недоступно простым смертным. В истории философии наиболее известны Т. стоиков (*Стоицизм*) и Лейбница. Совр. теологи-католики при решении данной проблемы утверждают, что зло исходит не от бога, а от греховности самого человека. В то же время, с их т. зр., ничто не может существовать вопреки воле бога. Поэтому зло — это не реальность, а «лишенность» той реальности, к-рая в полной мере присуща только богу. За чисто религиозной на первый взгляд проблемой Т. скрывается, однако, вполне земное содержание: идеологическое оправдание эксплуататорского строя. Он изображается вполне соответствующим «высшему» назначению человека, в то время как трудящиеся страдают от несправедливости и безнравственности этого строя. Т.— одна из форм идеологического обмана масс, постоянно совершаемого в эксплуататорском об-ве; если моральное сознание людей не может примириться с к.-л. явлениями действительности, то идеологи господствующего класса пытаются придать

этим явлениям некий «высший смысл», к-рый якобы недоступен пониманию масс.

ТЕОНОМНАЯ ЭТИКА (греч. theos — бог и nomos — закон) — этическое учение христианства, рассматривающее нравственность исключительно как сферу взаимоотношения человека с богом, в отличие от «мирской» морали служения об-ву и людям. Идея Т. э. наиболее развернутое обоснование получает в *неопротестантизме*. Сторонники этого направления считают, что «подлинная» (христианская) нравственность не имеет ничего общего с потребностями об-ва и живущего в нем человека, она касается лишь отношений человека с богом, ее требования идут якобы от воли бога, природа к-рого противоположна миру земного человеческого существования. Осн. принципом Т. э. теологи считают *любовь*, к-рая толкуется ими в специфически религиозном смысле. Это не служение человеку как активному преобразователю природы и об-ва, не стремление удовлетворить его интересы и потребности, а подражание той любви, к-рую якобы направляет на людей бог, т. е. сострадание к их слабостям, всепрощение, непротивление злу, признание неискоренимости пороков человека и т. п. При этом осуществление такой «божественной любви» считается возможным не в действительности, не в общественной жизни людей, а лишь в умонастроениях верующих. Учение о Т. э. является по-

пыткой очистить христианскую мораль от того утилитарно-торгашеского духа, к-рый ей придастся в буржуазном об-ве. Но в конечном итоге это приводит к трактовке нравственности как пассивного отношения человека к социальной действительности. Т. э. отражает в себе кризис совр. христианства.

ТЕРМИНЫ МОРАЛЬНЫЕ — см. *Язык моральный*.

ТЕРПИМОСТЬ — моральное качество, характеризующее отношение к интересам, убеждениям, верованиям, привычкам в поведении др. людей. Выражается в стремлении достичь взаимного понимания и согласования разнородных интересов и т. зр. без применения крайних мер давления, преимущественно методами разъяснения и воспитания. Возникновение проблемы Т. связано с вопросом о свободе личности в условиях раскола об-ва на классы, национальные и религиозные группы, интересы и представления к-рых постоянно сталкиваются между собой в конфликтах, требующих разрешения. Крайняя трудность разрешения противоречий между различными социальными группами и отдельными лицами в условиях антагонистического об-ва обусловила и сложность данной проблемы в нравственности предшествующих эпох. Требование всеобщей Т. было призвано как-то «компенсировать» и смягчить непримиримые социальные противоречия. Примером может служить

христианское понимание Т., к-рое подразумевало всепрощение, непротивление злу насилием, *смирение* людей с существующей в об-ве несправедливостью. Абстрактный и безусловный характер данного требования означал, с одной стороны, его практическую неприменимость к повседневной жизни, а с др. стороны, использование его в целях подавления чувства социального протеста в массах, воспитания их в духе покорности. В коммунистической нравственности требование Т. получает исторически конкретное и практически рациональное толкование. Т. здесь касается лишь способов и методов разрешения социальных конфликтов и идейных разногласий, но отнюдь не вопроса о верности определенным принципам. Напр., Т. в идейной борьбе с противниками должна проявляться в готовности рассматривать все их аргументы и убедительно, путем доказательства отстаивать свою позицию, но ни в коем случае не в идейных компромиссах и примирении с враждебными взглядами. В воспитательной работе с массами Т. Коммунистической партии проявляется в том, что она отдает предпочтение убеждению перед принуждением (*Убеждение и принуждение*), разъяснительной работе — перед администрированием и правовым воздействием. Однако соотношение того и др. метода воздействия должно определяться в зависимости от конкретных обстоятельств.

ТОВАРИЩЕСТВО — отношения между людьми, основанные на общности их *интересов*, проявляющиеся во взаимной помощи и *солидарности, уважении и доверии*, доброжелательстве и симпатии. Капиталистический строй с его отношениями частной собственности и конкуренции насаждает взаимную вражду, недоверие, ненависть. Но вместе с тем общность интересов трудящихся в борьбе против эксплуатации способствует возникновению Т. между ними. Особенно сильно чувство Т. развито среди рабочих, объединенных самым характером своего труда. Товарищеское объединение рабочих — неременное условие их победы над капиталом. «Одна из великих целей Товарищества,— писал К. Маркс о I Интернационале,— добиться того, чтобы рабочие различных стран не только *чувствовали*, но и *действовали* как братья и товарищи, борющиеся за свое освобождение...» (т. 16, с. 195). Интересы общего дела в подлинном Т. всегда стоят выше групповых, местных интересов. В. И. Ленин указывал, что для марксиста-революционера «*долг товарищества вытекает из долга перед русской и перед международной социал-демократией, а не наоборот*» (т. 4, с. 254). С победой социализма отношения Т. впервые распространяются на об-во в целом. Именно этот смысл имеет обычная в социалистическом об-ве форма обращения: «товарищ». Один из осн. принци-

нов коммунистической нравственности — *коллективизм* предполагает отношения Т., к-рые выражаются во взаимопомощи и поддержке в труде, в борьбе за построение коммунизма, проявляются в повседневных отношениях между людьми, в их взаимном воспитании. Ленинское указание о необходимости товарищеского воспитания, товарищеского воздействия для утверждения принципов коммунистической нравственности нашло свое претворение в СССР в постоянно возрастающей ответственности коллектива за поведение своих членов (см. также *Солидарность*).

ТОЛСТОЙ Лев Николаевич (1828—1910) — рус. писатель-реалист и мыслитель идеалистического направления. Интерес Т. к нравственно-философским проблемам (вопросы философии истории, отношения «частного» и «общего» в деятельности людей, жизни и смерти, личной свободы и причинной обусловленности поведения человека) проявляется уже в его художественном творчестве. Героям, воплощающим идеалы его моральной доктрины (самопожертвование и самоотречение), Т. противопоставляет в своих произв. героев-эгоистов, для к-рых личное благо и наслаждение — закон действия. Диалектика борьбы этих принципов завершается в «Войне и мире» (1863—69) апофеозом семьи и крушением эгоизма. В «Анне Карениной» (1873—77) и в «Исповеди» (1879—80) апология

семьи ставится под сомнение. Пытаясь решить вопрос о личной свободе и причинной обусловленности действий людей, Т. рассматривает всякое историческое событие как свершившийся факт, детерминированный предшествовавшими фактами, и в этом смысле оно не свободно, но как принятое в сознании решение о выполнении задуманного действия то же событие свободно. Т. обр., детерминизм «целого» или «общего» для Т. складывается как причинный «итог», суммирующий множество свободных решений и действий отдельных лиц. По содержанию учение Т. представляло собой попытку переоценки всей совр. ему жизни и культуры с т. зр. патриархального крестьянина. Отсюда и вытекают отмеченные В. И. Лениным «кричащие» противоречия в учении Т. «...Беспоощадная критика капиталистической эксплуатации, разоблачение правительственных насилий, комедии суда и государственного управления, вскрытие всей глубины противоречий между ростом богатства и завоеваниями цивилизации и ростом нищеты, одичалости и мучений рабочих масс...» (т. 17, с. 209) совмещались в нем с идеализацией строя жизни отсталых народов. Т. рассматривал социальный процесс с т. зр. «вечных», «изначальных» понятий нравственного и религиозного сознания. Не принимая выработанные совр. ему наукой представления о прогрессе и благе об-ва, Т. полагает, что они не

связаны с запросами и взглядами народа, воспринимаются последним как нечто чуждое и ненужное. Ответ на вопрос о *смысле жизни* можно получить, опираясь на разум и *совесть*, а не на научные исследования. Жизнь может быть предметом познания только в своей неделимой цельности, к-рая открывается самосознанию разумного живого существа. Отказывая науке в возможности такого познания, Т. гл. задачу личности видит в усвоении многовековой народной мудрости и религиозной веры, к-рая якобы одна дает ответ на вопрос о назначении человека. Религия Т. почти целиком сводится к морали любви и «непротивления злу насилием». Согласно Т., в основе как предшествующей истории, так и совр. жизни об-ва лежат насилие человека над человеком, порабощение большинства меньшинством. Т. разделял иллюзию идеалистической этики о возможности преодоления насилия в отношениях между людьми путем полного отказа от к.-л. борьбы, путем нравственного самосовершенствования каждого человека. Он полагал, что не только патриархальное крестьянство, но и весь рус. народ руководится в своей жизни христианской моралью «непротивления». Бичуя лицемерие церкви, расхождение ее совр. учений с первоначальным нравственным учением христианства, Т. гл. грех церкви видит в ее участии в общественном порядке, основанном на насилии и угнете-

нии, в ее стремлении превратить религию в оправдание существующего социального зла. По мнению Т., люди не могут знать, каким должно быть наилучшее устройство об-ва, но даже и при наличии такого знания это устройство не могло бы быть достигнуто политической деятельностью и революционной борьбой, поскольку они основываются на насилии и потому лишь заменяют одну форму рабства и зла др. Считая всякую власть злом, Т. пришел к безусловному отрицанию государства, т. е. к анархизму. Но упразднение государства должно произойти, с т. зр. Т., опять-таки не путем его насильственного разрушения, а путем пассивного воздержания и уклонения каждого члена об-ва от всех государственных обязанностей и должностей, отказа от пользования государственными учреждениями и к.-л. участия в политической деятельности. Религиозно-этические идеи Т. нашли последователей не только в России, но и в различных странах Запада и Востока. В частности, учение Т. о «непротивлении» оказало большое влияние на *Ганди* и выработанную им программу ненасильственной национально-освободительной борьбы. Учение Т. получило наиболее полную оценку в работах В. И. Ленина. Осн. произв., в к-рых нашли отражение религиозно-этические воззрения Т.: «В чем моя вера?» (1883), «Царство божие внутри нас» (1891), «Путь жизни» (1910).

ТРАДИЦИЯ (лат. *traditio* — передача) — разновидность (или форма) *обычая*, отличающаяся особой устойчивостью и направленными усилиями людей сохранить неизменными унаследованные от предыдущих поколений формы поведения. Для Т. характерны: бережное отношение к сложившемуся ранее укладу жизни как к культурному наследству прошлого; внимание не только к содержанию поведения, но и к его внешним проявлениям, к стилю, в результате чего внешняя форма поведения становится особенно устойчивой. В тех случаях, когда эта форма строго канонизируется и начинает доминировать над содержанием поведения людей, Т. становится обрядом, вырождается в *ритуал*. Сложившиеся в об-ве или коллективе Т., отражая объективные условия его существования, выражают преемственность в общественной жизни и закрепляют в себе ее наиболее устойчивые моменты. Т. (национальные, культурные, бытовые, иногда также говорят об общественно-политических Т.) выполняют прогрессивную роль до тех пор, пока они отвечают историческим потребностям. Они становятся тормозом общественного развития, когда культивируют изживший себя уклад жизни. Примером могут служить патриархальное отношение к женщине, многоженство, калым, к-рые иногда пытаются изобразить как национальные Т. Программа КПСС, указывая на необходи-

мость борьбы с вредными Т. прошлого, тормозящими прогресс социалистического об-ва, одновременно подчеркивает необходимость «всемерно развивать новые, единые для всех наций революционные традиции строителей коммунизма...» (Программа КПСС, с. 115). Используя революционное наследство прошлого, социалистическое об-во постоянно обогащает его новым содержанием, соответствующим условиям коммунистического строительства. Это одна из сторон *коммунистического воспитания* масс.

ТРЕБОВАНИЕ (моральное) — простейший элемент моральных *отношений*, в к-рых находятся между собой личность и об-во. В этих отношениях человек подчиняется различным формам *долженствования*, к-рые находят отражение в соответствующих формах *морального сознания*. Так, в каждой конкретной ситуации человек должен совершить определенный поступок (*Долг*); во всех случаях должен поступать в соответствии с общими для всех *нормами* поведения; при этом он должен исходить из тех *оценок*, к-рым были подвергнуты поступки, совершенные им в прошлом; воспитывать в себе определенные моральные *качества*; следовать во всей своей жизнедеятельности известным *общим моральным принципам*; стремиться к достижению *нравственного совершенства*; подчинять свою деятельность конечной цели *установления справедливого обще-*

ственного порядка (*Идеал*) и т. д. Все эти Т. к личности, а также к социальной действительности, к-рую люди стремятся сообразовать со своими нравственными представлениями, в конечном счете отражают объективную социально-историческую необходимость. Но эта необходимость принимает в морали различный вид в зависимости от того, каким образом формулируются нравственные требования. Наряду с различными формами проявления моральные Т. имеют ряд общих черт. Во-первых, они нормативны, т. е. обязательны для исполнения, независимо от того, какие конкретно задачи в данном случае преследуются (в отличие от правил разного рода инструкций — «чтобы достигнуть такого-то результата, следует делать то-то»). Во-вторых, моральные Т. имеют безличный, внесубъективный характер, т. е. не основываются на воле к.-л. субъекта (в отличие, напр., от норм права, к-рые узаконяются государством). Кто бы ни формулировал в том или ином случае моральное Т., оно высказывается не от его собственного имени, а выражает нечто объективное, законы общественной жизни. В-третьих, это Т. всегда имеет всеобщий смысл, т. е. в равной мере распространяется на всех людей безотносительно к их особому положению, профессиональным обязанностям, организационной принадлежности. Всякие особые обязанности и задачи являются вместе с тем моральны-

ми Т. лишь постольку, поскольку они содержат в себе нечто обязательное для всех людей (*Профессиональная этика*). В-четвертых, моральные Т. имеют универсальный характер: каждая оценка или предписание морали отражают в себе не просто к.-л. один интерес, потребность или цель, а самые разносторонние потребности и интересы человека, классов, общества, человечества. Это особенно отчетливо выступает в коммунистической нравственности, к-рой глубоко чужда всякого рода утилитарность, конъюнктурность, односторонность в понимании целей и интересов человека. Поскольку мораль в целом складывается из Т., принимающих самую различную форму, то особенности их являются специфическими чертами морали вообще.

ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ — предъявление высоких моральных требований к человеку и признание его ответственности за их выполнение. Мера Т. определяется оценкой нравственных возможностей человека. Неспособность правильно определить границы действительных возможностей людей в данных исторических условиях приводит обычно к извращенному пониманию самой Т., к крайнему *ригоризму* или, наоборот, к моральному *скептицизму*. Обе эти крайности особенно отчетливо выступают в христианской морали, предписывающей людям требования, к-рые они заведомо не в состоянии выполнить в условиях

классово-эксплуататорского об-ва, и одновременно считающей человека по природе неспособным к добродетели (*Грех, Неопротестантизм*). В коммунистической нравственности высокая Т. к людям основывается на признании безграничных возможностей человека, его способности создать об-во, в к-ром будут ликвидированы социальные корни преступности и моральных пороков. Высокая оценка нравственных возможностей человека, основанная на научном анализе законов исторического развития, впервые позволяет совместить Т. с подлинным уважением человеческого достоинства. Вместе с тем коммунистическая нравственность предъявляет к людям только те требования, к-рые они в состоянии реально осуществить в тот или иной исторический период. В социалистическом об-ве, напр., от людей еще нельзя требовать, чтобы они участвовали в общественно полезном труде целиком без материального вознаграждения, соответствующего количеству и качеству труда, так как для этого не сложились пока необходимые социальные и экономические условия. В то же время в процессе строительства коммунизма наряду с материальной заинтересованностью все большую роль начинают играть моральные стимулы труда.

ТРУДА НАВСТВЕННОСТЬ — одна из важнейших сфер действия морали, охватывающая все области общественно полезной деятель-

ности человека (в первую очередь материально-производительный труд, а также научную и культурно-просветительную деятельность, художественное творчество, деятельность государственного и общественного управления, обслуживания и т. п., поскольку все они также являются отраслями общественного труда). Понятие Т. н. включает две осн. стороны — *отношение к труду* и нормы взаимоотношений между участниками совместной деятельности. Наряду с общими вопросами трудовой морали существуют также специфические проблемы нравственности, связанные с профессиональными особенностями различных отраслей труда (*Профессиональная этика*). Нравственную сторону труда определяет прежде всего то, что он есть осн. условие человеческого существования. Общественная полезность труда — гл. показатель его моральной ценности и источник нравственных отношений, складывающихся в процессе труда. Т. н., имея исторический характер, обладает рядом особых черт в условиях различных общественно-экономических формаций. При первобытнообщинном строе трудовые взаимоотношения складывались в осн. по принципам простой кооперации (объединения членов рода для выполнения одной операции, напр. на охоте) и разделения труда между полями и возрастными группами. В этих условиях в отношениях между членами рода решающее значение имеет слажен-

ность усилий, полное подчинение каждого человека общим правилам совместной деятельности, указаниям старейшин, жесткое ограничение свободы действий и потребностей индивида. Необходимость повседневно бороться с силами природы и постоянные лишения диктуют людям потребность в воспитании физической выносливости, стойкости, смелости и дисциплинированности. С разложением родового строя, в условиях натурального и мелкотоварного хозяйства трудовое сотрудничество ограничивается в осн. рамками отдельной семьи. По мере развития промышленного производства и обобществления труда возникает необходимость в тесном сотрудничестве большого количества работников. Сам характер промышленного труда порождает потребность в установлении отношений трудовой солидарности между рабочими. Требования солидарности совпадают с интересами самих рабочих прежде всего в их совместных действиях против капитала (забастовки, стачки, революционные выступления), к-рые уже выходят за рамки трудового процесса и связаны с его прерыванием. Однако, поскольку обобществление труда происходит в рамках капиталистических отношений, трудовая солидарность подрывается эксплуатацией и порождается частнособственническими отношениями конкуренцией между рабочими. Лишь в условиях социализма создаются необходимые предпосылки для беспрепятствен-

ного развития трудовой солидарности, поскольку цели общественного производства совпадают с коренными интересами самих тружеников. Это способствует установлению отношений *взаимопомощи* и социалистического *соревнования* в процессе производства. Труд на благо об-ва в условиях социализма формирует в людях высокие нравственные качества — *трудолюбие* и *бережливость*, а также способствует развитию идейно-политических качеств — *идейности*, *самоотверженности* и коммунистической *сознательности*, обуславливает развитие подлинно товарищеских отношений между людьми, основанных на взаимном уважении и *требовательности*, доверии друг к другу и принципиальной критике недостатков. Формирование в процессе труда всех этих качеств и отношений происходит не стихийно, а направляется воспитательной работой Коммунистической партии, социалистического государства, различных общественных организаций (профсоюзов, комсомола и др.). Это — одно из проявлений *комплексного подхода к воспитанию* в условиях развитого социализма. Для *коммунистического воспитания, трудового воспитания* в частности, большое значение имеет учет всей совокупности нравственных отношений, возникающих в процессе трудовой деятельности (межличностных отношений в коллективе, конфликтных ситуаций, противоречий между производственными и нравственными установ-

ками и т. д.). Сфера нравственных отношений в труде — осн. область формирования коммунистической морали.

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ.— Совершаясь гл. обр. в процессе общественного труда, Т. в. в той или иной форме существовало во всех общественно-экономических формациях, однако имело свои особенности, обусловленные характером социально-экономических отношений об-ва. «...*Всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом...» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 42, с. 126). При родовом строе трудовые обязанности людей диктовались нуждой и жестокой борьбой с природой. Поэтому участие каждого члена рода в трудовом процессе было необходимостью. В рабовладельческой и феодальной формациях физический труд был уделом рабов и крестьян, а умственный труд — привилегией эксплуататоров. Поэтому Т. в. здесь имело односторонний характер. Система общественных отношений и господствующая мораль были в конечном счете направлены на воспитание у трудящихся покорности эксплуататорам, на внушение им, что их удел — нести бремя труда. Только с возникновением капитализма стали высказываться идеи о необходимости единого Т. в. всех членов об-ва (Т. Мор., Т. Кампанелла, Руссо, И. Песталоцци, Я. А. Коменский, Локк, К. Д. Ушинский, Сен-Симон, Фурье, Оуэн и др.). Но, рассматривая труд вне

связи с конкретными условиями его осуществления, домарксовские мыслители не могли до конца раскрыть роль и сущность Т. в. в развитии личности. Классики марксизма-ленинизма впервые показали действительную роль труда в формировании моральных качеств личности. Они указывали на необходимость соединения обучения с производительным трудом. В. И. Ленин писал, что у людей, не прошедших закаляющую школу труда, появляются разгильдяйство, небрежность, нервная торопливость, склонность заменять дело дискуссией и т. д. В социалистическом об-ве Т. в. есть часть общего процесса коммунистического воспитания трудящихся и направлено на формирование коммунистического отношения к труду и общественному производству, к социалистической собственности. Т. в. призвано сочетать воспитательное значение труда с мероприятиями, обеспечивающими приобретение или пополнение общеобразовательных знаний и профессиональных навыков. Оно представляет собой единый процесс с умственным и нравственным воспитанием (*Комплексный подход к воспитанию*) и включает следующие моменты: привитие с детских лет трудовых навыков, привычки к труду, *трудолюбия*, уважения к трудящемуся человеку и результатам его труда, презрения к тунеядцам и лентяям; воспитание чувства ответственности за общее дело, коллективизма, сознания общественного долга, сознательно-

го отношения к трудовой дисциплине, неприятие и искоренение чуждосоциальной психологии, эгоизма, индивидуализма; развитие моральных стимулов к труду, чтобы из обязанности труд постепенно превращался в жизненную потребность людей; формирование отношения к труду как к творчеству. В СССР Т. в. осуществляется во всех учебно-воспитательных учреждениях народного образования на основе принципа соединения обучения с производительным трудом, а также непосредственно на производстве, где гл. его методами являются воспитание на живых примерах, пропаганда опыта передовиков, наставничество, систематическое повышение квалификации работников.

ТРУДОЛЮБИЕ — моральное качество, характеризующее субъективное расположение личности к своей трудовой деятельности, внешне выражающееся в количестве и качестве ее результатов. Его проявления — трудовая активность, добросовестность, старание, усердие работника. Т. противопоставляется *тунеядству*. Как социальное свойство личности Т. является одним из выражений ее положительного отношения к труду, к-рое в психологическом плане предполагает: потребность и привычку трудиться, увлеченность и наслаждение трудовым процессом, заинтересованность в достижении полезного результата труда. В этом смысле Т. противоположно отношению к труду как к прину-

дительной необходимости, неизбежному злу, источнику корысти или средству достижения общественного положения (*Корыстолюбие, Карьеризм*). Т., к-рое воспитывается в человеке самым повседневным процессом труда, формировалось в трудящихся массах на протяжении всей истории человеческого об-ва. Но с др. стороны, принудительный характер труда в эксплуататорском об-ве порождает отрицательно-неприятное отношение человека к нему. «...Как только прекращается физическое или иное принуждение к труду,— писал об этом К. Маркс,— от труда бегут, как от чумы» (т. 42, с. 91). Само моральное требование Т., обращенное к эксплуатируемым, имеет лицемерный смысл духовного закабаления трудящихся. Только при социализме впервые основой Т. становится, как правило, сознательное отношение личности к интересам об-ва. Поэтому оно приобретает подлинно нравственный смысл. «Любовь к труду является одним из главных элементов коммунистической нравственности» (М. И. Калинин). Формирование Т. в каждом члене социалистического об-ва является одной из первоочередных задач коммунистического воспитания трудящихся.

ТРУСОСТЬ — одно из выражений *малодушия*; отрицательное моральное качество, характеризующее поведение человека, к-рый оказывается не в состоянии совершить поступки, соответствующие

моральным требованиям (или, наоборот, воздержаться от аморальных действий), из-за неспособности преодолеть *страх* перед природными или общественными силами. Т. может быть проявлением расчетливого себялюбия, когда в ее основе лежат опасения навлечь на себя неблагоприятные последствия, чей-либо гнев, страх потерять имеющиеся блага или общественное положение. Она может быть и подсознательной, проявлением стихийного страха перед неведомыми явлениями, непознанными и неконтролируемыми общественными и природными законами. В обоих случаях Т. не просто индивидуальное свойство психики того или иного человека, а социальное явление. Она связана либо с эгоизмом, укоренившимся в психологии людей на протяжении многовековой истории частной собственности, либо с бессилием и подавленным положением человека, порожденными состоянием *отчуждения* (даже страх перед природными явлениями перерастает в Т. лишь в определенных условиях общественного бытия и соответствующего воспитания человека). Коммунистическая нравственность осуждает Т., поскольку она ведет к аморальным поступкам: к бесчестности, приспособленчеству, беспринципности, лишает человека способности быть борцом за правое дело, влечет за собой попустительство злу и несправедливости. Коммунистическое воспитание личности и масс, привлечение людей к активному

участию в строительстве об-ва будущего, осознание человеком своего места в мире, своего назначения и возможностей, подчинение ему природных и общественных законов способствуют постепенному искоренению Т. из жизнедеятельности отдельных людей и об-ва в целом.

ТУНЕЯДСТВО — отрицательное моральное *качество*, характеризующее праздный *образ жизни*, отвращение и пренебрежение к общественно полезному труду. Т. как социальное явление возникло с появлением частной собственности и эксплуатации, когда одни социальные классы, обладая собственностью на средства производства, получили возможность присваивать себе труд др. и не принимать участия в общественно полезной деятельности. Т. осуждалось моралью любого об-ва. Однако в об-ве, где труд носит принудительный характер и является для производителя лишь средством к существованию, осуждение праздности имеет лицемерный смысл и служит укреплению дисциплины подневольного труда. Поэтому осуждение Т. сочеталось с фактическим поощрением праздности эксплуататоров (в частности, это выразилось в «философии наслаждения», к-рая, по выражению К. Маркса и Ф. Энгельса, «всегда была лишь остроумной фразеологией известных общественных кругов, пользовавшихся привилегией наслаждения» (т. 3, с. 418) — см. *Гедонизм*). Религиозная мораль рассматривает труд как тяжкое бремя, ниспосланное

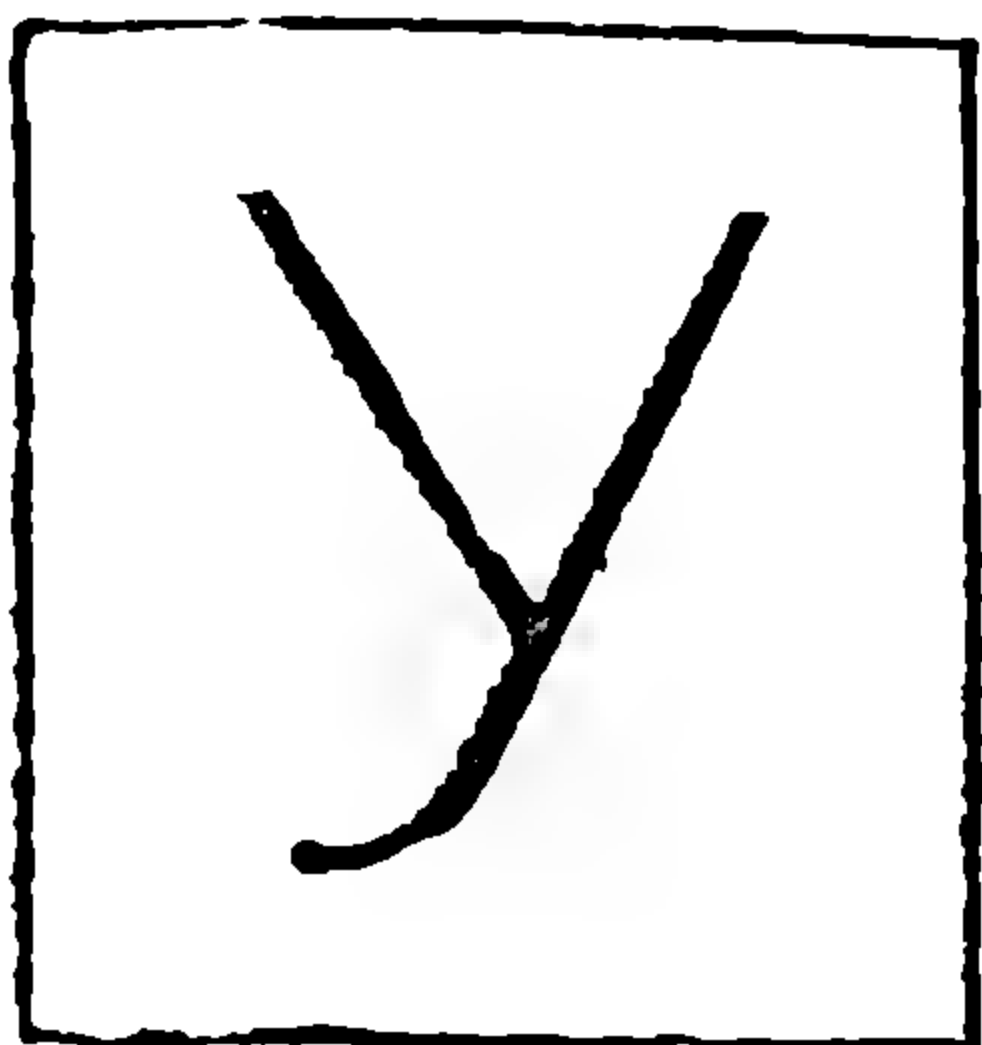
человеку богом в наказание за «первородный грех» (*Отношение к труду*). Тем не менее и в условиях эксплуататорского об-ва в среде трудящихся масс всегда существовало непримиримое отношение к Т. В совр. капиталистическом об-ве отрицательное отношение к труду как тяжкому бременю объясняется тем, что в условиях *отчуждения* труд реально лишается своего творческого содержания. Это положение усугубляется такими неизбежными для капитализма результатами научно-технической революции, как рост безработицы и увеличение используемого лишь для досуга и развлечений свободного времени. В буржуазной идеологии эти процессы осознаются как признаки наступления «цивилизации изобилия и потребительства». На деле вынужденное «Т.» трудящихся есть показатель того, что в условиях социального разделения труда нет возможности для творческой деятельности всех трудящихся. Социальные корни Т. подрываются с уничтожением частной собственности, с установлением обязательности общественно полезного труда. В социалистическом об-ве Т., как пережиток прошлого, сурово осуждается коммунистической нравственностью. При этом как Т. расцениваются попытки уклониться от трудовой деятельности, недобросовестный труд, стремление получить жизненные блага не в соответствии с количеством и качеством труда, незаконные способы обогащения (спекуляция, во-

ровство, использование общественного положения в корыстных целях). Моральное осуждение Т. дополняется правовым и административным принуждением к труду. Полное искоренение Т. будет достигнуто с превращением труда в первую жизненную потребность, когда все члены об-ва будут активно участвовать в экономическом, социальном, научном творчестве.

ТЩЕСЛАВИЕ — социальное и моральное чувство, проявляющееся как *мотив* действий, совершаемых ради завоевания славы, привлечения всеобщего внимания, с целью вызвать восхищение и зависть со стороны окружающих. Когда подобные мотивы становятся характерными для повседневного поведения того или иного человека, Т. приобретает значение морального *качества* личности, к-рое имеет индивидуалистический характер. Тщеславный человек полностью утрачивает способность оценивать свои поступки с т. зр. их общественного значения. Последнее он учитывает лишь постольку, поскольку это отвечает его жажде славы. Такой человек вообще не способен самостоятельно оценивать существо своих действий, его интересует лишь внешний эффект, привлекающий внимание окружающих. Т. представляет собой преувеличенную меру *самолюбия*, когда стремление быть ничем не хуже др. людей перерастает в желание казаться лучше др. В этом смысле Т. выступает как извра-

щенное чувство, к-рое часто приводит людей к совершению антиобщественных поступков. В истории морального сознания об-ва Т. издавна подвергается осуждению. Еще со времен античности память человечества сохранила предание о греч. пастухе Герострате, к-рый из желания прославиться поджег храм Артемиды Эфесской — замечательный памятник архитектуры. Отсюда и происходит выражение

«геростратова слава», употребляемое для осуждения действий, заслуживших дурную славу. Буржуазная индивидуалистическая мораль иногда признает Т. положительным качеством личности, осуждая лишь его крайние формы. С нетерпимостью относится к Т. коммунистическая нравственность, требующая от людей скромности, а также осознания общественного значения своих поступков.

УБЕЖДЕНИЕ (моральное).—1. Рациональная основа нравственной деятельности личности, позволяющая ей совершать тот или иной поступок сознательно, с разумным пониманием необходимости и целесообразности определенного поведения. У. называют глубоко укоренившиеся в сознании человека моральные представления (нормы, принципы, идеалы и т. п.), к-рым он считает для себя обязательным следовать. Преодолевая поступки человека, У. принимают форму *мотивов*, к-рыми он руководствуется в своей деятельности. У. складываются под воздействием объективных условий бытия людей в процессе социальной практики человека, его активной общественно-преобразовательной и трудовой деятельности, усвоения созданной об-вом духовной культуры, накопления личного практического опыта, к-рый позволяет глубже усвоить определенные моральные принципы и нормы и осознать необходимость их соблюдения. Процесс формирования У. представляет собой одну из сторон процесса нравственного воспитания лично-

сти, к-рый имеет сложный, многосторонний и противоречивый характер (*Человек и общество, Всестороннее, целостное развитие личности, Трудовое воспитание*). В социалистическом об-ве он имеет свои особенности (*Коммунистическое воспитание*). 2. Передача нравственных представлений от одного человека к др., от об-ва к отдельным его членам, осуществляемая гл. обр. путем разъяснения. У.—осн. метод коммунистического воспитания, к-рое требует сознательного усвоения личностью моральных принципов. Оно включает мн. разнообразные формы: пропаганду марксистско-ленинского учения об об-ве, разъяснение практических задач коммунистического строительства, обоснование идей коммунистической нравственности, воспитание масс на конкретных *примерах* из жизни социалистического об-ва, деятельности различных коллективов и отдельных людей, *оценку общественным мнением* различных явлений и поступков, *критику и самокритику*.

УБЕЖДЕНИЕ И ПРИНУЖДЕНИЕ — формы поддержания общественной дисциплины; мето-

ды воздействия на массу со стороны ее руководящего авангарда (рабочего класса в целом, его наиболее сознательной части — Коммунистической партии, а также социалистического государства). Проблема нахождения и применения наиболее целесообразных способов воздействия на массы в процессе революционного переустройства об-ва имеет не только социально-политическое, но и моральное значение, поскольку это воздействие распространяется как на представителей свергнутых эксплуататорских классов, убежденных врагов нового об-ва, так и на значительную часть трудящихся масс, к-рые объективно заинтересованы в революционных преобразованиях, но в силу привычки продолжают придерживаться традиций старого об-ва. Марксизм-ленинизм считает, что преобразование общественных нравов нельзя совершить исключительно путем просвещения и У., равно как и одними только мерами насилия и государственного П. И та и др. односторонняя т. зр. несостоятельна как с практической, так и с моральной стороны. «Мы были бы смешными утопистами,— пишет В. И. Ленин,— если бы воображали себе, что подобная задача осуществима... без принуждения» (т. 36, с. 163). И в то же время В. И. Ленин подчеркивает, что построить коммунизм, об-во, в к-ром дисциплина должна поддерживаться без государственного насилия, силой массовой сознательно-

сти и привычки, можно лишь путем долгого воспитания, через пропаганду и У. В. И. Ленин неоднократно указывал на диалектическое единство У. и п., на то, что их соотношение определяется конкретными социальными условиями. «Форма принуждения определяется степенью развития данного революционного класса... затем формами сопротивления...» (т. 36, с. 199) эксплуататорских классов. Подчинение массы воле руководителя «может, при идеальной сознательности и дисциплинированности участников общей работы, напоминать больше мягкое руководство дирижера» (там же, с. 200), в противном же случае может приобретать насильственные формы. С одной стороны, никакое У. не будет действенным, если не будет «деловой, беспощадной, истинно революционной войны с конкретными носителями зла» (т. 37, с. 91). Но с др. стороны, П. должно опираться на авторитет общественного мнения, на общественную активность масс. «Только добровольное и добросовестное, с революционным энтузиазмом производимое, сотрудничество массы рабочих и крестьян в учете и контроле за богатыми, за жуликами, за тунеядцами, за хулиганами может победить эти пережитки проклятого капиталистического общества...» (т. 35, с. 200). Поэтому В. И. Ленин считает наиболее целесообразным внедрение новых форм общественной дисциплины таким путем, чтобы «сила

примера стала в первую голову моральным, а затем — и принудительно вводимым образцом...» (т. 36, с. 148), т. е. путем соединения У. и п., отдавая по возможности предпочтение первому. Сила законов общественной жизни социализма состоит не просто в том, что они охраняются государством и правом, а прежде всего в том, что они повсеместно поддерживаются самими народными массами, закрепляются в их сознании. В процессе перехода к коммунистическим отношениям меры государственно-правового П. все шире заменяются общественным контролем, причем постепенно отпадает надобность в насильственных формах П. и все большее значение приобретают более мягкие, преимущественно духовные, средства общественного воздействия. «Товарищеское суждение антиобщественных поступков постепенно станет главным средством искоренения проявлений буржуазных взглядов, нравов и обычаев» (Программа КПСС, с. 121). Это вместе с тем означает, что возрастает роль личной сознательности и самоконтроля в поведении людей, увеличивается мера нравственной свободы личности.

УБЕЖДЕННОСТЬ — субъективное отношение человека к своим поступкам и убеждениям, в котором проявляется его уверенность в собственной правоте. Являясь одной из форм нравственного самосознания, У. представляет собой идейно-психологическую

основу для развития в человеке определенных волевых качеств — мужества, стойкости, самообладания, выдержки, инициативности, верности избранным идеалам. У. может быть подлинной, когда она основывается на действительной сознательности, на глубоком понимании социально-исторических процессов, потребностей общества и людей, смысла требований нравственности, к-рые человек проводит в жизнь. Но она может принимать и извращенные формы, когда человек некритически усвоил определенные представления, догматически уверовал в непререкаемость исповедуемых им принципов, в чей-либо авторитет или же в собственную непогрешимость (*Догматизм, Фатализм, Авторитаризм*). Такого рода У. обычно сочетается с *косностью* и крайним *фанатизмом*, с неспособностью учитывать практический опыт и обосновывать свои убеждения, с нежеланием обращать внимание на факты и прислушиваться к суждениям др. людей (*Чванство*). Для поведения человека с подобной У. часто характерны *формализм, ригоризм, лицемерие*. Ложная У. зачастую скрывает за собой извращенное понимание смысла нравственных требований и служит для оправдания (перед собой и др.) аморальных поступков. Т. обр., У. в зависимости от ее содержания может представлять собой и положительное, и отрицательное моральное качество. Марксистская этика не ограничивается нравст-

венной оценкой У., а требует выявления ее общественного смысла и социальных источников. Ложная У., как правило, присуща сознанию людей, к-рые в силу своего социального положения не способны подняться до понимания смысла общественных законов. Так, совр. буржуазная идеология, оправдывающая существование об-ва, к-рому история вынесла смертный приговор, способна вырабатывать у своих приверженцев лишь извращенные формы У. Напротив, У. борцов за социальную справедливость основана на действительной правоте их дела и сочетается с наиболее высокими формами *сознательности*. Требования коммунистической нравственности отвечает только такая У., к-рая органически сочетается с подлинной сознательностью, *идейностью* и принципиальностью. Убежденный сторонник коммунистического учения способен служить делу освобождения трудящихся, не отделяя свою личную совесть от тех требований, к-рые предъявляют к нему окружающие, партия, народ. Глубоко веря в правоту общего дела, он действует с полным пониманием своей личной *ответственности* за порученное дело и за судьбы людей. Такая У. позволяет человеку активно и творчески выполнять требования коммунистической морали, действуя не по принуждению извне, а свободно, самостоятельно (*Самодетельность и творчество, Свобода нравственная*).

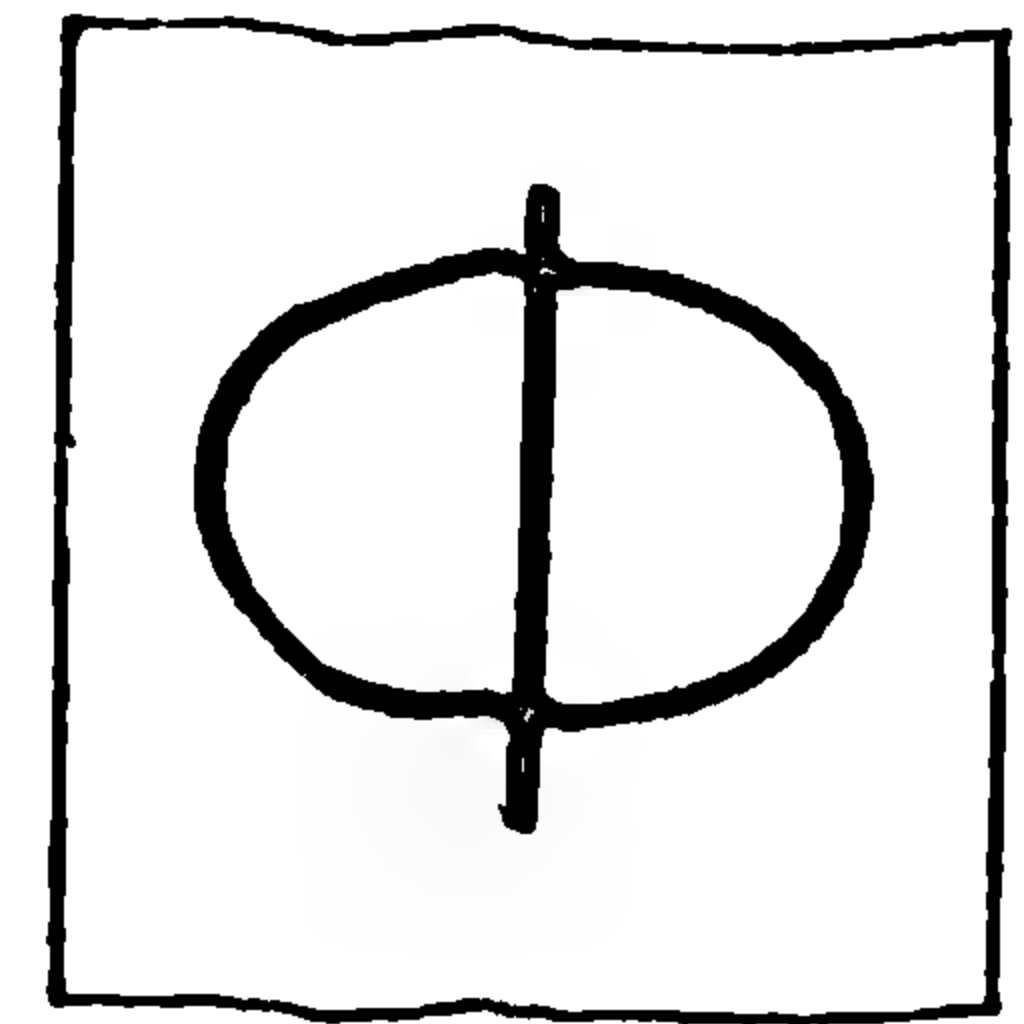
УВАЖЕНИЕ — одно из важнейших требований нравственности, подразумевающее такое отношение к людям, в к-ром практически (в соответствующих действиях, мотивах, а также в социальных условиях жизни об-ва) признается *достоинство* личности. Сложившееся в моральном сознании об-ва понятие У. предполагает: справедливость, равенство прав, возможно более полное удовлетворение интересов людей, предоставление им свободы; доверие к людям, внимательное отношение к их убеждениям, устремлениям; чуткость, вежливость, деликатность, скромность. Нарушением требования У. к людям являются неоправданное и жестокое насилие, угнетение, несправедливость, подавление свободы, неравенство, унижение достоинства, недоверие, грубость. Смысл, вкладываемый во все эти понятия, из к-рых складываются У. и неуважение, определяется характером об-ва и присущих ему социальных отношений. Понимание справедливости, прав человека, свободы или даже вежливости существенно разнится в феодальном, капиталистическом и социалистическом об-ве. Коммунистическая формация создает возможности для самого глубокого в истории человечества У. к людям. Здесь устранены эксплуатация и социальное неравенство, создаются условия для наивысшей меры реальной свободы личности, когда в регулировании социальной деятельности людей все большую

роль приобретает личная сознательность, развиваются отношения сотрудничества и доверия между людьми.

УНИВЕРСАЛЬНАЯ ЭТИКА — см. *Этика и экология*.

УТИЛИТАРИЗМ (лат. *utilitas* — польза).— 1. Этическая теория, отразившая интересы и умонастроения британской либеральной буржуазии эпохи расцвета капитализма в Англии XIX в., продолжавшая традицию *гедонизма* и *эвдемонизма* в этике. Осн. представители — *Бентам*, *Джеймс Милль*, *Джон Ст. Милль*. Источник нравственности сторонники У. видят не в социально-исторических законах, а в «природе человека» как такового (*Нагурализм*), в его естественном стремлении испытывать наслаждение и избегать страдания. В основе этики У. лежит выдвинутый Бентамом принцип полезности, провозглашавший единственной целью моральной деятельности достижение наибольшего количества счастья для наибольшего числа людей. Утилитаристы не видят того, что противоположность классовых интересов и капиталистическая конкуренция приводят к положению, при к-ром

счастье одного человека строится на несчастье др. В этике У. отразился торгашеский дух мышления буржуа: моральный *выбор*, с т. зр. Бентама и его последователей, должен совершаться путем простого подсчета тех выгод и потерь, к-рые влекут за собой различные поступки. Стремясь скрасить эгоистический смысл У., Дж. С. Милль дополнил принцип личного счастья требованием солидарности и согласования интересов всех людей. Но все это не могло исправить пороки У., к-рые были связаны с непониманием антагонистического характера капиталистического об-ва. У. был подвергнут резкой критике в нек-рых совр. буржуазных теориях (*Интуитивизм*), поскольку он слишком откровенно выражал эгоистические интересы буржуа. Но ряд совр. теоретиков на Западе пытаются восстановить У., придав ему более утонченный смысл. 2. Принцип поведения, к-рый выражается в подчинении всех поступков получению материальной пользы, выгоды, эгоистическому расчету. У. равнозначен узкому практицизму, отрицанию возвышенных мотивов, преуменьшению роли духовных интересов человека.

ФАНАТИЗМ (лат. *fanaticus* — исступленный) — понятие, употребляемое для оценки характера убеждений и поведения людей, в к-рых проявляется слепая, некритическая приверженность исповедуемой идее и предубежденное, исключаящее разумный подход отношение ко всем иным учениям. Как принцип поведения Ф. означает полную нетерпимость к инакомыслящим, к-рая сопровождается обычно жестокостью (крайний случай — изуверство), использованием любых средств и принесением людей в жертву ради преследуемой цели (*Цели и средства*), отказ разрешать идейные конфликты средствами убеждения и разумного доказательства. Ф. обычно связан с религиозными верованиями, для к-рых наиболее характерны догматизм и преследования «иноверцев». Религиозный Ф. служит орудием удержания господства церкви над верующими. В истории он неоднократно приводил к кровавым расправам над «неверными» (средневековая инквизиция, «охота на ведьм»); изуверский Ф. характерен для нек-рых совр. сект. Ф. также присущ фашизму с его

человеконенавистничеством и культом слепого повиновения. Коммунистическая нравственность отвергает Ф. Марксистско-ленинские идеи обосновываются научно. Убежденность в их истинности противоположна слепой вере, она подтверждается данными практики и предполагает творческое отношение марксиста к теории. Коммунистические партии и социалистические государства в своей практической деятельности исходят из того, что коммунизм — это высший *гуманизм*. Непримируемость к идейным противникам не означает предпочтительности в любых условиях крайних, насильственных средств в борьбе с ними.

ФАРИСЕЙСТВО — отрицательное моральное *качество*, характеризующее личность с т. зр. способа выполнения ею нравственных требований; одно из конкретных выражений *формализма* в морали, разновидность *лицемерия* и *ханжества*. Состоит в неукоснительном, но чисто внешнем, формальном, или показном, исполнении нравственных правил, поскольку они получили официальную санкцию или закрепились в

традиции. Фарисейское понимание нравственности сводит ее к следованию установленному *ритуалу*, утратившему свое действительное социальное и человеческое значение. Сам термин происходит от названия древнеиудейской религиозно-политической секты фарисеев, к-рая первоначально имела демократический и относительно прогрессивный характер по сравнению с др. формами иудаизма. Но в дальнейшем движение Ф. выродилось и приняло формы крайнего *фанатизма*, лицемерного благочестия и талмудистской казуистики. Идеология раннего христианства подвергла критике Ф. («Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что поедаете дома вдов и лицемерно долго молитесь» — Библия), противопоставив внешней моральности «внутреннюю нравственность» религиозного чувства. Однако с превращением христианства в господствующую идеологию его мораль сама приобрела фарисейский характер (*Религиозная мораль*). В социалистическом об-ве Ф. принято называть попытки отдельных лиц представить мораль как набор прописных истин, придать ей бюрократический характер официальной установки, стремление подменить личные убеждения внешним надзором, а также исполнение нравственных требований не из личных убеждений, а для показа, скрывая под маской нравственности *карьеризм*, приспособленчество и безнравственность в личной жизни. Коммунистиче-

ская нравственность, требующая от людей сознательности, непримирима по отношению к пережиткам Ф.

ФАТАЛИЗМ (лат. *fatum* — рок, судьба; *fatalis* — роковой, неотвратимый) — воззрение на историю и жизнь человека как на нечто заранее predeterminedное богом, судьбой или объективным законом развития и вытекающие отсюда представления о невозможности изменить их никакими человеческими усилиями. Применительно к морали Ф. имеет различный смысл. Чаще всего он связан с проповедью *смирения*, непротивления судьбе, обрекает людей на пассивность и покорность, на отказ от борьбы за переустройство об-ва (*Стоицизм*). Фаталистическим является, напр., религиозное учение о происхождении зла на земле, о возможности его преодоления лишь посредством искупления во Христе и конечного спасения (*Эсхатология*). Иногда, напротив, Ф. выражается в том, что отдельным людям, верящим в предопределение, приписывается роль посланцев судьбы, проводников божественной воли, к-рые должны поэтому приложить все силы ради исполнения предначертанного. Такие проявления Ф. обычно смыкаются с *фанатизмом*. Марксистская этика исходит из историко-материалистического учения об объективных законах развития об-ва и роли масс и личности в истории. Она считает, что исторические законы, определяя общий ход развития об-ва, тем

не менее оставляют место для морального *выбора*, поэтому не устраняют личной ответственности человека за свои поступки и необходимости их нравственной оценки.

ФЕЙЕРБАХ (Feuerbach) Людвиг (1804—72) — нем. философ-материалист. С 1837 г., после отстранения от преподавания в ун-те за публикацию «Мыслей о смерти и бессмертии» (1830), почти безвыездно жил в деревне и не принимал участия в общественной жизни. Антифеодалная и антирелигиозная направленность философии и этики Ф. сказалась в отстаивании идеала «цельного, действительного, всестороннего, совершенного, образованного человека» — этого, по определению В. И. Ленина, идеала «передовой буржуазной демократии или революционной буржуазной демократии» (т. 29, с. 56). Материалистическая т. зр. Ф. в обосновании морали опирается на принцип *эгоизма*, трактуемый как сообразность поведения человека с природой и разумом. Именно эгоизм, с т. зр. Ф., отрицает теологию, религию, деспотизм, т. е. те силы, к-рые, обуславливая поведение человека извне, противоположны его действительной природе и потребностям. Последние только тогда станут основой нравственности, когда будут регулировать поведение человека в качестве его личных, эгоистичных интересов. Из антропологического характера материализма Ф. вытекает трактовка добра как удовлетворения индиви-

дуальных, исключительно природой обусловленных потребностей человека (добро есть то, что отвечает эгоизму всех людей) и эмоциональная окрашенность теории морали (чувство — критерий нравственности; как добро воспринимается то, что доставляет людям удовольствие; наивысшее из человеческих стремлений — стремление к счастью). Способ ухода от крайнего индивидуализма в этике Ф. также сугубо антропологичен: индивидуальная мораль немыслима, ибо нравственность предполагает не только наличие «Я», но и его контакты с др. людьми (с «Ты»); стремление к счастью для одного неотрывно от счастья его близких. Поэтому такое стремление становится одновременно и нравственным долгом: не препятствовать счастью др. «Убожество и пустота» (Ф. *Энгельс*) фейербаховского понимания морали, следовательно, обусловлены абстрактно-всеобщим, внеисторическим пониманием человека. Эта мораль, по словам Ф. *Энгельса*, «скроена для всех времен, для всех народов, для всех обстоятельств и именно потому не применима нигде и никогда» (т. 21, с. 298). Вместе с тем «общечеловечность» морали Ф. есть не что иное, как систематизация существующих в совр. ему об-ве моральных норм. Революционно-критическое отношение к действительности исключается (то, что не соответствует абстрактно трактуемой «сущности» человека, рассматривается как временный и индивиду-

альный недостаток, устранение к-рого не требует изменения существующих порядков). Такая мораль бессильна, а отношение к действительности, основанное на ней, всецело остается в рамках *морализирования*. В качестве единственного средства придать морали действенность Ф. признает превращение элементарных нравственных принципов в религиозные догмы, обожествление индивидуально-психологических отношений людей. Попытки же Ф. выйти за рамки идеалистического понимания истории (напр., признание «законности» эгоизма групп людей и особенно догадки об общественной природе человеческого бытия) не оказали к.-л. существенного влияния на систему его этических взглядов, но получили нек-рое развитие в теории «разумного эгоизма» (*Эгоизма теории*), в частности у Чернышевского. Предельно заостренную форму слабости этической позиции Ф. приняли в теориях «истинных социалистов». Этика Ф. изложена в соч.: «Сущность христианства» (1841), «Основы философии будущего» (1843).

«ФЕЛИЦИТОЛОГИЯ» (лат. *felicitas* — счастье) — учение о достижении *счастья*, к-рое пытаются создать нек-рые совр. буржуазные теоретики, в частности неопозитивист О. Нейрат. Как этическая теория «Ф.» продолжает традицию *эвдемонизма*. Однако здесь категория счастья выступает не в качестве основания морали, а просто как психологическое состояние

человека, к к-рому он естественно стремится (т. наз. психологический эвдемонизм). Задача нравственности в «Ф.» целиком сводится к тому, что она якобы является средством достижения счастья. Вопрос о моральном смысле стремления людей к счастью, т. обр., снимается («Ф.» — это не учение о целях, к к-рым должен стремиться человек, а всего лишь решение вопроса о путях, методах достижения счастья). При таком толковании проблемы само понятие счастья оказывается полностью бессодержательным. С т. зр. Нейрата, неважно, к чему конкретно будут стремиться люди и каких социальных результатов они будут достигать, — важно лишь ощущение счастья. В конечном счете этика превращается в «науку» о методах внушения людям того, что они счастливы. В этом отношении «Ф.» объективно становится теоретическим оправданием методов идеологического обмана масс, применяемых совр. буржуазной пропагандой. Так, для нее все более характерен отказ от методов логического доказательства в пользу подсознательно-эмоционального внушения, при к-ром человек, сам того не замечая, воспринимает навязываемые ему идеи и установки.

ФЕТИШИЗМ (фр. *fétichisme*, от порт. *feitico* — волшебство) — в морали это совокупность ложных представлений о природе нравственных *ценностей*. Выражается в придании им внеисторического

(естественного или сверхъестественного) характера; связан с *догматизмом* в морали и этическим *абсолютизмом*. Моральный Ф. имеет определенные социальные и гносеологические корни. В классово антагонистическом об-ве, где действуют стихийные социальные законы, как показали еще К. Маркс и Ф. Энгельс, идеологические представления часто отрываются от тех социальных отношений, к-рыми они обуславливаются, и приобретают в головах людей вид неких абсолютов, довлеющих над их сознанием. Одна из разновидностей такого явления — моральный Ф., проявляющийся по-разному. Часто в сознании людей нравственные понятия настолько прочно срастаются с теми явлениями, к-рые они характеризуют с т. зр. их морального значения (напр., «Воровство есть зло»), что людям начинает казаться, будто эти явления имеют нравственный смысл сами по себе, независимо от породивших их социальных отношений и от общественной практики человека. Ф. такого рода не только присущ обыденному моральному сознанию, но и получает теоретико-философское выражение в некоторых буржуазных этических учениях. Так, натуралистическая разновидность Ф. (*Натурализм*) заключается в том, что моральным ценностям приписывается естественное происхождение. Утверждается, что добро и зло заложены в самом устройстве вселенной или же коренятся в естественной природе че-

ловека, в его стремлении к наслаждению, счастью (*Гедонизм*, *Эвдемонизм*). Иногда же происхождение моральных ценностей выводится из некоего абсолютного начала, объективного духа или бога. Добро есть то, что отвечает воле или разуму бога или же соответствует закону абсолютного духа. Такова т. зр. объективно-идеалистической и религиозной разновидностей морального Ф. (*Неотомизм*, *Неопротестантизм*). Иногда Ф. выражается в придании моральным понятиям самоочевидного характера (*Интуитивизм*). Ф. может проявляться также и в том, что явлениям, имеющим природное происхождение, напр. стихийным бедствиям (наводнениям, пожарам, землетрясениям, эпидемиям), приписывается моральное значение. В них усматривается действие злых космических сил или божественная кара людям за их «прегрешения». Здесь религиозная разновидность морального Ф. смыкается с *фатализмом*. Социальные корни морального Ф. отрицают в социалистическом об-ве, основанном на общественной собственности на средства производства, где люди ставят под свой контроль действие объективных социальных законов и начинают применять их планомерно и сознательно. По мере того как люди осознают общественный смысл тех нравственных требований, к-рые они выполняют, исчезают и условия, порождающие моральный Ф.

ФИЛАНТРОПИЯ (греч. *philanthropia* — человеколюбие) — благотворительность как форма исторически ограниченного проявления *гуманизма* эксплуататорских классов; совокупность моральных представлений и действий, направленных на оказание помощи нищим, увечным, слабым и иным лицам, потерпевшим жизненную катастрофу и находящимся в бедственном положении. Первобытное об-во и классическая древность не знали Ф. Практиковавшиеся в Древн. Греции и Риме общественные трапезы, раздача денег, постройка храмов, бань и пр. имели иную природу, ибо помощь оказывалась всем свободным гражданам и была не актом великодушия, а обязанностью государства и богатей. Ф. возникает в императорском Риме, когда для успокоения резко возросшей количественно свободной бедноты, склонной к мятежам, богатые горожане и государство вынуждены были идти на добровольные пожертвования. По меткому выражению П. Лафарга, «страх есть мать общественной благотворительности». Зарождающаяся христианская церковь использовала Ф. для привлечения на свою сторону бедноты в борьбе за свое господство. В период средневековья христианство связало Ф. с религиозными мотивами (отпущение грехов, место в раю и т. п.), возвело ее в дополнительный источник воспроизводства нищенства. Нищий, встреча с к-рым в древности считалась дурным пред-

знаменованьем, был объявлен богоугодной фигурой. Молодая буржуазия резко выступила против Ф., в к-рой она усмотрела элемент феодального угнетения, причину бездеятельного паразитизма. Фр. революция, напр., специальным декретом 1793 г. объявила милостыню *проступком*. Утвердив свое господство, буржуазия изменила взгляд на Ф. и стала широко практиковать ее как в государственной, так и в частной формах. Филантропические организации и деятельность занимают важное место в общественном механизме буржуазных стран. Включенная в логику классово антагонистических отношений, Ф. теряет значение элементарно-гуманистической формы межличностных связей, становится средством прикрытия эксплуатации, выражением морального *лицемерия*. Эксплуататоры через Ф. стремятся облагодетельствовать тех, кто ограблен ими же самими, лишь возвращая «эксплуатируемым сотую часть того, что им следует по праву!» (Маркс К., *Энгельс Ф.*, т. 2, с. 498). У принимающих милостыню Ф. формирует сознание своей ничтожности (благодеение, по словам Канта, унижает бедняка), а у тех, кто дает ее, — чувство тщеславного превосходства. «...Сама человеческая нищета, бесконечная отверженность, вынужденная принимать милостыню, должна служить *забавой* для денежной аристократии и аристократии образования...» (там же, с. 212). При социализме гуманизм

становится действенным *человеколюбием*, не демонстрируемым в экстраординарных случаях, а пронизывающим все многообразие общественных отношений. Оказание помощи др. в ситуации непредвиденного бедствия является здесь не чьим-то щедрым даром, а частным случаем привычных форм межличностных отношений, связи между индивидом и об-вом.

ФИХТЕ (Fichte) Иоганн Готлиб (1762—1814) — нем. философ-идеалист. Этика занимает одно из центральных мест в учении Ф., поскольку именно здесь — в «практическом наукоучении» — решается важнейшая для него проблема активной деятельности человека. «...Мир безусловно есть только сфера нашего действия», — утверждал Ф., рассматривая само действие как реализацию нравственного закона. Открытие этого закона и призвано разрешить противоречие свободы (должного) и необходимости (сущего). Деятельность, по Ф., свободна в той мере, в какой осуществляется в соответствии с *целью*, а не как результат внешнего воздействия. Однако свобода не тождественна абсолютному произволу. Противоречие сущего и должного снимается Ф. путем постулирования тезиса о сверхиндивидуальном, трансцендентальном «Я», к-рое создает и сущее, и должное, и самих эмпирических индивидов. Утверждая, что свобода достижима лишь в области действия нравственного закона, Ф. пытается преодолеть абстрактный

индивидуализм и осмыслить свободу как результат общественного развития: хотя деятельность есть акт индивида, свободы он может достигнуть только в об-ве, к-рое Ф. рассматривает как «целесообразную общность» — взаимодействие индивидов, ими самими организованное в соответствии с ими же установленными законами. Подчинение таким законам не исключает свободы. Поэтому «целесообразная общность», по Ф., есть взаимодействие людск. «посредством свободы». Но тогда право — необходимое условие нравственности (вместе они и составляют сферу этики), а ее осуществление немыслимо вне государства, призванного обеспечить нормальную жизнедеятельность членов об-ва (в первую очередь обеспечить каждого собственностью). Для основания совершенного об-ва государство, однако, должно быть носителем единой воли всех членов этого об-ва. Утопичность такого воззрения в условиях классово антагонистического строя получает выражение в понимании Ф. нравственного *идеала* как «великого единства чистого духа», достигаемого лишь путем нравственного самосовершенствования. Оно состоит в очищении нравственно совершенного трансцендентального «Я» от пороков и слабостей, присущих его воплощениям в отдельных индивидах (эмпирических «Я»). Содержание трансцендентального «Я» выражается в требованиях *совести* — единственно-

го основания морального долга: «Нравственным законом во мне неизменно определяется форма моего чистого Я...» Поэтому лишь совесть «всегда и безусловно повелевает» человеком. Только действие в соответствии с ней, а не под влиянием внешних обстоятельств может быть, с т. зр. Ф., действительно нравственным. Сконструированная т. обр. мораль носит формалистический характер. Реальное преобразование общественных отношений, как правило, заменяется у Ф. моральным «самосовершенствованием»: «Поскольку я не мог изменить то, что вне меня, постольку я решил изменить то, что во мне». И хотя иногда Ф. оценивает в качестве нравственной деятельность, направленную на реальное преобразование общественных отношений (в т. ч. и революционными средствами), в целом он не выходит за рамки абстрактного противопоставления сущего и должного. В его воззрениях, т. обр., отразилась политическая и экономическая слабость и непоследовательность буржуазии в Германии. Этика Ф. изложена в соч.: «Система учения о нравственности по принципам наукоучения» (1798), «Замкнутое торговое государство. Философский проект в качестве добавления к учению о праве и опыт политики будущего» (1800), «Назначение человека» (1800).

ФОМА АКВИНСКИЙ (Thomas Aquinas) (1225/26—74) — средневековый философ-схоласт, приспособивший философию Аристотеля

к нуждам христианской религии. Его учение признается официальной философией католической церкви. Исходным пунктом этических взглядов Ф. А. было признание существования бога как высшей цели христианина, цели, к-рой он должен направлять всю свою жизнь, все свои дела и помыслы. Поскольку бог есть бытие, к-рое имеет раз и навсегда установленный порядок и иерархию, то нравственная жизнь человека, согласно Ф. А., заключается в следовании этому порядку как в личной, так и в социальной жизни. Человек испытывает и переживает высшее блаженство только при видении божественной сущности. Но «видеть бога таким, как он есть», дано только тем, кто выполняет все предписания религиозной морали, религии и церкви. Каждый человек должен занимать то положение в об-ве, к-рое ему предопределено богом и его заместителями на земле: католической церковью и светской властью. Апология иерархических отношений средневековья проявляется у Ф. А. также в том, как он понимает последовательность сфер морального закона. Каждому человеку дан «естественный закон» стремления к счастью (подлинным счастьем является единение с богом); над ним возвышается «позитивный закон», официальное установление религиозных и светских властей; но и тот и др. основываются на «вечном божественном законе»,

к-рый един для всех времен и условий. Эта триада впоследствии вошла в учение *неотомизма*. Т. обр., Ф. А. тесно связывал моральные принципы христианства с социальными принципами, освящавшими эксплуатацию, бесправие и угнетение народных масс.

ФОРМАЛИЗМ (лат. *forma* — наружный вид, внешнее очертание).— 1. М о р а л ь н ы й — разновидность морального *догматизма*, проявляющаяся в способе выполнения нравственных требований: в чисто внешнем следовании заповедям и нормам, в формальном выполнении *долга*, когда человек не задумывается над социальным значением своих поступков, не осознает действительного смысла своей нравственной деятельности или не способен мотивировать ее с т. зр. потребностей об-ва и человека. При этом скрупулезное исполнение строго зафиксированных нравственных правил нередко сопровождается нарушением важнейших общих принципов морали — *гуманизма, справедливости, уважения к людям*. Для буржуазного об-ва типичен, напр., моральный *пниетизм*, когда за внешним соблюдением приличий скрываются несправедливость, бесчеловечность, неуважение к личности. Формальное отношение к морали приводит к снижению *ответственности* человека за его действия и поступки, умаляет значение сознательности и убежденности в нравственности. Источником морального Ф. в классовом об-ве является догматиза-

ция требований нравственности, затушевывание их социального смысла (напр., «вечные» и якобы идущие от бога заповеди христианской морали). Теоретическое обоснование Ф. в морали мы находим в нек-рых этических концепциях. Суть их сводится к тому, что люди должны выполнять долг ради самого долга (деонтологический *интуитивизм*). При этом, как правило, игнорируется зависимость требований нравственности от конкретных условий, обосновывается необходимость безусловного подчинения абстрактным принципам или нормам без учета всех последствий действия, вообще оказывается предпочтение «букве закона» перед смыслом морального требования. В социалистическом об-ве формальное выполнение нравственных требований может явиться результатом недостаточной сознательности людей, отсутствия чувства личной ответственности, некритического отношения к привычным представлениям. 2. Э т и ч е с к и й — методологический принцип, лежащий в основе мн. домарксистских и нек-рых совр. буржуазных этических теорий, в к-рых формально-логические моменты исследования так или иначе превалируют над анализом содержания моральных проблем. Из теорий прошлого наиболее характерно в этом отношении *кантианство*. *Кант* пытался найти такой универсальный этический принцип, к-рый сохранял бы свою истинность везде и всегда, безот-

носителю к характеру исторической эпохи и содержанию конкретной ситуации, и из к-рого вместе с тем можно было бы вывести все конкретные нравственные требования. Такой принцип он увидел в *категорическом императиве*, к-рый, однако, на поверку оказывается совершенно бессодержательным именно в силу своей формальности. Такого рода Ф. находит проявление в нек-рых теориях совр. буржуазной этики (неопозитивист Р. М. Хеар). Однако для сторонников формалистического направления в совр. буржуазной этике (*интуитивизма, неопозитивизма* и др.) более характерен вообще отказ ставить и решать моральные проблемы и вопросы *нормативной этики*. Их интересуют почти исключительно проблемы *логики морального языка*, грамматическая форма и семантика моральных суждений, возможность определения моральных терминов. Бесплодие и пагубное значение такого Ф. заключается в том, что он уводит этическую науку от участия в решении социальных и моральных проблем современности, лишает ее возможности служить идейным оружием в борьбе с капиталистическим об-вом и его пороками. Марксизм не отрицает значения логико-формальных вопросов в этике, однако считает их более частными по сравнению с мировоззренческими и социальными проблемами морали.

ФРЕЙДИЗМ — широко распространенное в буржуазных странах

субъективно-идеалистическое учение о природе человека, идеями к-рого в значительной мере проникнуты совр. буржуазные социология, философия, антропология, этика, педагогика и эстетика. Ф. (или психоанализ) возник в конце XIX в. Его создатель австр. врач-психиатр Зигмунд Фрейд (1856—1939) вначале разработал психоанализ как метод лечения психических заболеваний, а затем распространил сферу его компетенции и на общественные отношения. В основе этики Ф. лежит положение о врожденности психических комплексов человека. Структуру и мотивы поведения человека Ф. выводит из его бессознательных, прежде всего сексуальных (либидо), влечений. Первичным элементом внутреннего мира человека Фрейд считает непознаваемое Id («оно», бессознательное), к-рое действует как ненаправленная энергия, стремление, обретает направленность в «принципе удовольствия» и проявляется у мужчин в противоречивом комплексе сексуальных влечений к матери и агрессивных побуждений по отношению к отцу («комплекс Эдипа»). Подобные влечения приписываются и женскому полу («комплекс Электры»). Жизненные стремления человека Фрейд и сводит к таким влечениям, якобы унаследованным еще с первобытных времен. Но с образованием об-ва возникают моральные нормы поведения, ограничивающие и подавляющие открытые проявления бессознательных

влечений. Поэтому, с т. зр. Фрейда, в сознании человека на самых ранних этапах общественного развития развивается и передается затем по наследству особая инстанция «Идеал-Я», к-рая является результатом усвоения индивидом моральных норм. Рассматривая характер взаимоотношения индивида и об-ва в буржуазном мире, Фрейд абсолютизировал его и необоснованно сделал вывод о том, что любая цивилизация враждебна человеку, т. к. обуславливает подавление его влечений и является результатом превращения (сублимации) психической энергии в различные виды культурной деятельности. Влечения же, не подавленные сублимации, проявляются в форме психических болезней и аморальных поступков людей. Т. обр., пороки буржуазного об-ва трактуются Фрейдом как проявление антиобщественной природы человека. Психологическая т. зр. Фрейда была использована реакционными идеологами для оправдания пороков буржуазного об-ва необоснованными ссылками на извечную ущербность человеческой психики. Ненаучность осн. положений Ф., а также все увеличивающееся влияние философии марксизма привели к тому, что наряду с существованием ортодоксальных психоаналитиков еще в 30-х гг. в США возникло и развивается неофрейдистское течение в медицине, психологии, социологии и др. областях культуры (наиболее влиятельный его представитель —

Фромм). Гл. черта *неофрейдизма* — стремление освободить психоанализ от крайностей биологизма и тенденция к признанию роли социальных факторов, общественной среды в формировании личности. Но, в сущности, все модификации неофрейдизма остаются в осн. в русле идей психоанализа.

ФРОММ (Fromm) Эрих (1900—80) — амер. психоаналитик и социальный философ нем. происхождения, один из гл. представителей *неофрейдизма*, выступивший с концепцией «гуманистического психоанализа» и на этой основе выдвинувший свой вариант «*гуманистической*» этики. Ф. пересмотрел нек-рые теоретические положения классического психоанализа, подвергнув критике З. Фрейда за то, что он отделил психологию от этики, оставил в стороне вопрос о моральных и этических нормах как организующем начале жизнедеятельности человека. По мнению Ф., проблема неврозов, с к-рой имеет дело психоанализ, неразрывно связана с этикой, ибо «каждый невроз представляет собой моральную проблему», нередко обусловлен моральными *конфликтами*. Отсюда особый интерес Ф. к нравственной проблематике, к осмыслению этических и моральных аспектов бытия человека в мире. Рассматривая различные этические концепции, Ф. не разделяет ни т. зр. на человека как на изначально злое существо, от природы наделенное склонностью к агрессии, ни убеждения, что человеку свойственно «доброе

начало». Он критически относится к экзистенциалистской трактовке ценностей, в к-рой моральные нормы и ценностные ориентации приобретают релятивистскую окраску. В противоположность концепции «социально-имманентных» ценностей, в к-рой этические нормы, отождествляясь с социальными, служат поддержанию статус-кво капиталистического об-ва — «большого», антигуманного, ведущего к отчуждению человека, а также в противоположность теории «биологически-имманентных» ценностей, в к-рой нивелируется специфика собственно человеческого, а эгоизм и конкуренция воспринимаются как высшие ценности жизни, Ф. выдвигает концепцию «гуманистической» (или «биофильной») этики. Ф. считает, что человек обладает одновременно двумя потенциями: первичной, называемой биофилией (любовь к жизни), и вторичной, называемой некрофилией (любовь к смерти). Последняя — психопатологический феномен. Для Ф. осн. альтернатива этики — выбор между биофилией и некрофилией. В условиях капитализма преобладает некрофильная ориентация с присущими ей чертами радикального *гедонизма*, неограниченного *эгоизма* и насилия, следствием чего является утрата человеком смысла своего бытия. Для обретения подлинности человеку необходима «гуманистическая» этика, ценностями к-рой являются не отрицание личности, а утверждение ее во всех

проявлениях жизни, ориентация не на то, чтобы иметь больше вещей, а на то, чтобы быть человеком, не завоевание «свободы от», а достижение «свободы для», не антагонизм между индивидами, а солидарность людей, основанная на всеобщей любви. Развитие «гуманистической» этики предполагает у Ф. не коренное преобразование капиталистических общественных отношений, а индивидуальное «самопознание», достигаемое с помощью методов «гуманистического психоанализа», что не выходит за рамки абстрактно-гуманистической утопии по оздоровлению об-ва посредством морально-этического совершенствования отдельного человека. Утопия Ф. включает в себя нравственные установки христианской религии с ее акцентом на любви к ближнему и ценностные ориентации *дзэн-буддизма*, в центре внимания к-рого находится «просветление» индивида, достижение им своей внутренней самости. Т. обр. «гуманистическая» этика Ф. оказывается не чем иным, как, используем его собственное выражение, «гуманистической религиозностью без институционализированной религии». Этические воззрения Ф. изложены в работах: «Бегство от свободы» (1941), «Человек для себя. Исследование по психологии этики» (1947), «Искусство любви» (1956), «Сердце человека» (1964), «Революция надежды» (1968), «Анатомия человеческой деструктивности» (1973), «Иметь или быть?» (1976).

ФУРЬЕ (Fourier) Шарль (1772—1837) — фр. социалист-утопист, к-рый, как отметил Ф. Энгельс, в своих трудах «беспощадно вскрывает все материальное и моральное убожество буржуазного мира» (т. 19, с. 196) и рисует картину справедливого об-ва гармонии и счастья. Отправляясь во мн. от учения фр. материалистов XVIII в. (хотя его рассуждения и облечены в религиозно-мистическую оболочку), Ф. в своих философских и этических построениях придавал особое значение якобы присущим человеку от природы естественным «страстям» (стремление к здоровью, любви, соревнованию, творчеству и т. д.; всего 12 «страстей»). Все эти «страсти», с т. зр. Ф., полезны и необходимы и в благоприятных условиях должны проявить свои положительные качества. В человеке не заложено от природы греховных, преступных или вредных желаний и склонностей. Однако в условиях упадка цивилизации, под к-рым Ф. имеет в виду буржуазное об-во, все человеческие отношения чудовищно извращены: несмотря на то что в человеке заложены альтруизм, стремление трудиться и помогать друг другу, в об-ве господствуют паразиты, труд является подневольным, вместо здорового соревнования царит пагубная конкуренция, существует антагонизм между интересами отдельной личности и об-ва в целом. В результате «врач желает, чтобы было как можно больше болезней, а проку-

рор и адвокат — судебных процессов. Архитектор и строитель мечтают о пожарах, которые бы уничтожили четверть города, а стекольщик о граде, который перебил бы все стекла... Хлебный спекулянт жаждет неурожая, а вино торговец счастлив, когда град уничтожил урожай виноградников... Таков этот смехотворный строй цивилизации, где каждый индивид находится в состоянии непрерывной войны с коллективом, где счастье одних основано на неудаче и даже гибели других». Ф. критиковал буржуазную семью, где брак превратился в торгашескую сделку, а женщины бесправны, существующую систему воспитания, морально и физически уродующую детей. Положительный идеал Ф. — новый хозяйственный и «социетарный» мир, обеспечивающий солидарность и гармонию всех человеческих интересов. Его ячейка — «фаланга» — производительное и потребительское товарищество свободных тружеников, в к-ром, хотя и сохраняется имущественное неравенство, деятельность людей организована на основе привлекательности труда и соревнования. Меняя различные виды занятий в соответствии со своими склонностями и способностями, люди, считал Ф., будут трудиться с радостью и энтузиазмом, не зная нездоровой зависти и свободно предаваясь своим «страстям» и склонностям. Именно тогда получит полное развитие высшая (13-я) «страсть» человека,

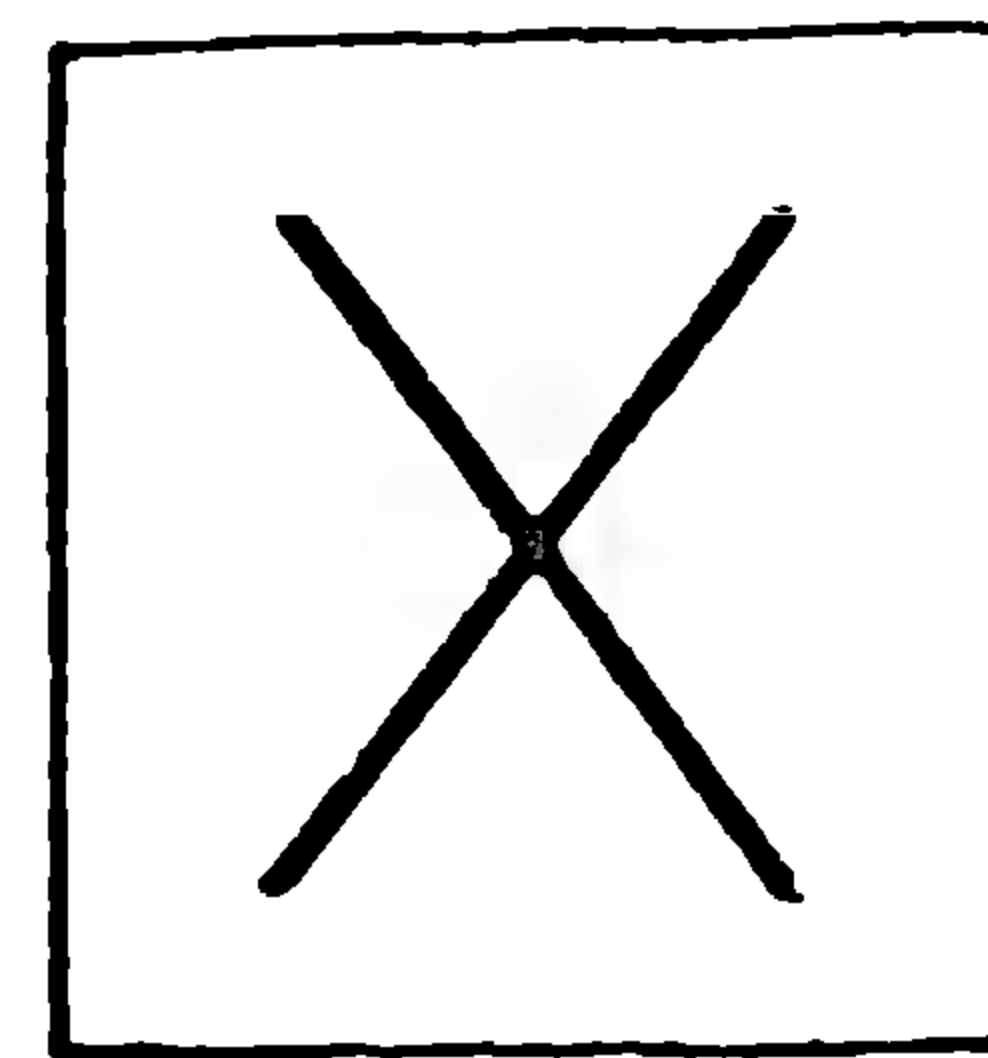
к-рая не могла проявиться в условиях буржуазной цивилизации,— «унитаризм», т. е. стремление ко всеобщему благу, к сочетанию личного благополучия с благополучием всех членов человеческого рода. Семья в этих условиях, утратив значение хозяйственной ячейки, станет свободным союзом любящих людей, а раскрепощенная женщина займет равное положение с мужчиной. Большое значение Ф. придавал общественному воспитанию детей, соединению воспитания с производительным трудом на благо об-ва. Несмотря на утопический и часто фантастический характер представлений Ф. о будущем об-ве и путях его достижения, в них содержатся «зародыши гениальных идей и гениальные мысли» о чертах коммунистического строя, позволившие

Энгельсу отнести Ф. к числу тех мыслителей, «которые... принадлежат к величайшим умам всех времен и которые гениально предвосхитили бесчисленное множество таких истин, правильность которых мы доказываем теперь научно...» (т. 18, с. 499). Осн. соч., раскрывающие этические взгляды Ф.: «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), «Трактат о домоводческо-земледельческой ассоциации» (1822; в посмертном издании — «Теория всеобщего единства»), «Новый хозяйственный и общественный мир» (1829), «Ложное хозяйствование — раздробленное, отталкивающее, обманное — и его противоположность — хозяйствование, сообразное с природой, согласованное, привлекательное, истинное, дающее учетверенный доход» (1836).

тем самым конкретно-историческим противоречиям буржуазного об-ва, в частности раздвоенности буржуазной личности, придать абстрактно-антропологический вид. Буржуазная философия морали находится в состоянии глубокого кризиса, из к-рого она уже не может выбраться. Научное разрешение этических проблем возможно только за пределами буржуазного мировоззрения. Оно осуществляется в марксистской этике, к-рая связывает преодоление всех этих противоречий с практикой, с революционным переустройством об-ва.

БЫТА НРАВСТВЕННОСТЬ — одна из осн. сфер действия морали, распространяющаяся на всю область жизнедеятельности человека вне его производственной, политической, научной и всякой др. служебной и добровольно-общественной деятельности (*Труда нравственность, Профессиональная этика*). В первую очередь сюда относятся брачно-семейные отношения (*Брачно-семейная мораль*), личные взаимоотношения людей вне работы, поведение человека в общественных местах, удовлетворение личных потребностей, проведение отдыха. Марксистско-ленинской этике чуждо противопоставление области быта и общественно полезной деятельности человека. В сфере быта человек восстанавливает силы, развивает свои потребности и способности, усваивая содержание общественной культуры; воспитание

подрастающих поколений, подготовка их к будущей общественной деятельности осуществляется в значительной мере в семье. Поэтому в своем быту человек, точно так же как и в общественно полезной деятельности, выступает в качестве социального существа, члена об-ва, подчиняется тем же самым социально-историческим законам и требованиям нравственности, хотя это и происходит в иной форме. Капиталистический способ производства приводит к взаимному *отчуждению* общественной и личной жизни человека. Наемный рабочий, по словам К. Маркса, только вне труда чувствует себя человеком. Частный предприниматель выступает как бы в двух противоположных обликах: в деловых операциях поневоле в виде эгоиста, а в быту нередко в роли частного благотворителя по отношению к «ближним» (*Альтруизм*). Служащий и администратор — это «должностное лицо», исполнитель заданной функции на работе, и просто человек, «свободная личность» в частной жизни. С уничтожением частной собственности и обобществлением труда устраняется это уродливое расщепление жизнедеятельности людей и самого человека. Общественно полезный труд становится собственно человеческим призванием, а быт столь же общественной по своему значению жизнедеятельностью. Коммунистическая нравственность основывается на том, что моральный облик личности и коммунисти-

ХАЙДЕГГЕР (Heidegger) Мартин (1889—1976) — нем. философ, один из основоположников *экзистенциализма*. Задачей своего учения (т. наз. «фундаментальной онтологии») Х. считал постижение сущности (смысла) бытия, осуществляемое путем анализа существования изолированной от социальных связей личности, выявления его структуры, специфических способов, форм. Х. интересуют лишь морально-практические отношения человека к действительности (к сущему), к др. людям, к самому себе, переживаемые во внутреннем (экзистенциальном) опыте личности. Вся сфера социальной жизни объявлялась неподлинным существованием (он обозначает ее неопределенно-личным местоимением *man*). Здесь личность перестает быть самой собой, т. к. в своих мыслях, чувствах, поступках руководствуется общепринятыми моральными представлениями, действует «с оглядкой на др.», подчиняется *общественному мнению*. Освободиться от господства «безличного», воспринять существование как личное, как присущее только ему человек способен

благодаря особому состоянию (расположенности, направленности) своего духовного мира, благодаря априорно данным ему чувствам, умонастроениям (страху, заботе, тревоге, ощущению покинутости, зову совести и т. д.). Лишь в этой субъективной сфере, согласно Х., человек предстает во всей своей самобытности, он свободен в выборе поведения, выступает как истинно нравственная личность, несущая ответственность за свои поступки. Каждый человек наделен индивидуальной судьбой, его жизнь имеет начало и конец, заключена между рождением и смертью. Благодаря временности, этой своей специфической черте, существование открывается человеку как устремленное в будущее, как заключающее в себе мн. возможностей. Однако из этого положения Х. делал пессимистический вывод: последней, решающей возможностью бытия объявляется *смерть*. Вся жизнь человека выступает у него как «бытие для смерти». Именно страх перед «концом» помогает человеку постигнуть существование во всей подлинности, целостности, освобождает его от

общественных связей (смерть — это всегда «моя смерть», «никто не может отнять у другого его смерть»). В дальнейшем во взглядах Х. произошел т. наз. «поворот», усилилось пассивно-созерцательное отношение к действительности, наметилась тенденция к объективному идеализму. Уже не человеческое существование находится в центре его внимания, а некое абстрактное бытие как таковое. Назначение человека Х. видел теперь в том, чтобы стремиться к постижению «тайн» этого бытия и практически подчиниться ему, «вжиться» в него (пути к этому, по Х., — «вслушивание в язык», возвращение к «истокам человеческой культуры», приобщение к «невыразимому», «неизреченному» и т. п.). Осн. соч.: «Бытие и время» (1927), «Письмо о гуманизме» (1947), «Ложные пути» (1950), «Введение в метафизику» (1953).

ХАНЖЕСТВО — отрицательное моральное качество, характеризующее личность и ее поступки с т. зр. способа выполнения ею нравственных требований; разновидность морального *формализма* и *лицемерия*. Ханжа истолковывает требования нравственности в духе крайнего *ригоризма*, *пуританства* и нетерпимости, выставляет себя перед окружающим образцом благонравия и благочестия, публично демонстрируя свои «добродетели», и берет на себя роль строго блюстителя нравственности всех остальных. Как социальное явление Х. превращает нравствен-

ность, с одной стороны, в показное благообразие, в формальное исполнение *ритуала*, а с др. стороны, в негласную полицию нравов, во взаимное соглядатайство и наущничество, в оправдание грубого вмешательства в личную жизнь каждого. Х. обычно скрывает за собой недоверие к людям, подозрительность, пренебрежительное отношение к индивидуальности человека. Оно процветает в условиях, когда подавляющее большинство людей подменяет сознательное и убежденное отношение к морали формальным исполнением ее требований лишь в силу экономического, политического или духовного принуждения. Это характерно для отношений эксплуатации и угнетения, воспитывающих в людях подавленность, пассивность, безразличие к тому, что происходит вокруг них. В таких условиях среди массы людей всегда находятся добровольные охранители существующих порядков, к-рые выражают свое верноподданничество в опеке над благонадежностью всех остальных. Ханжеское отношение к нравственности вырабатывает, напр., *религиозная мораль*, к-рой присущи лицемерие, догматизм, *фарисейство*. В социалистическом об-ве явления Х. представляют одно из наиболее отвратительных наследий прошлого, связанных с пережитками бюрократизма, *карьеризма* и приспособленческой психологии. Х. противоречит природе коммунистической нравственности, к-рая требует от человека созна-

тельности, убежденности, уважения и гуманного отношения к др.

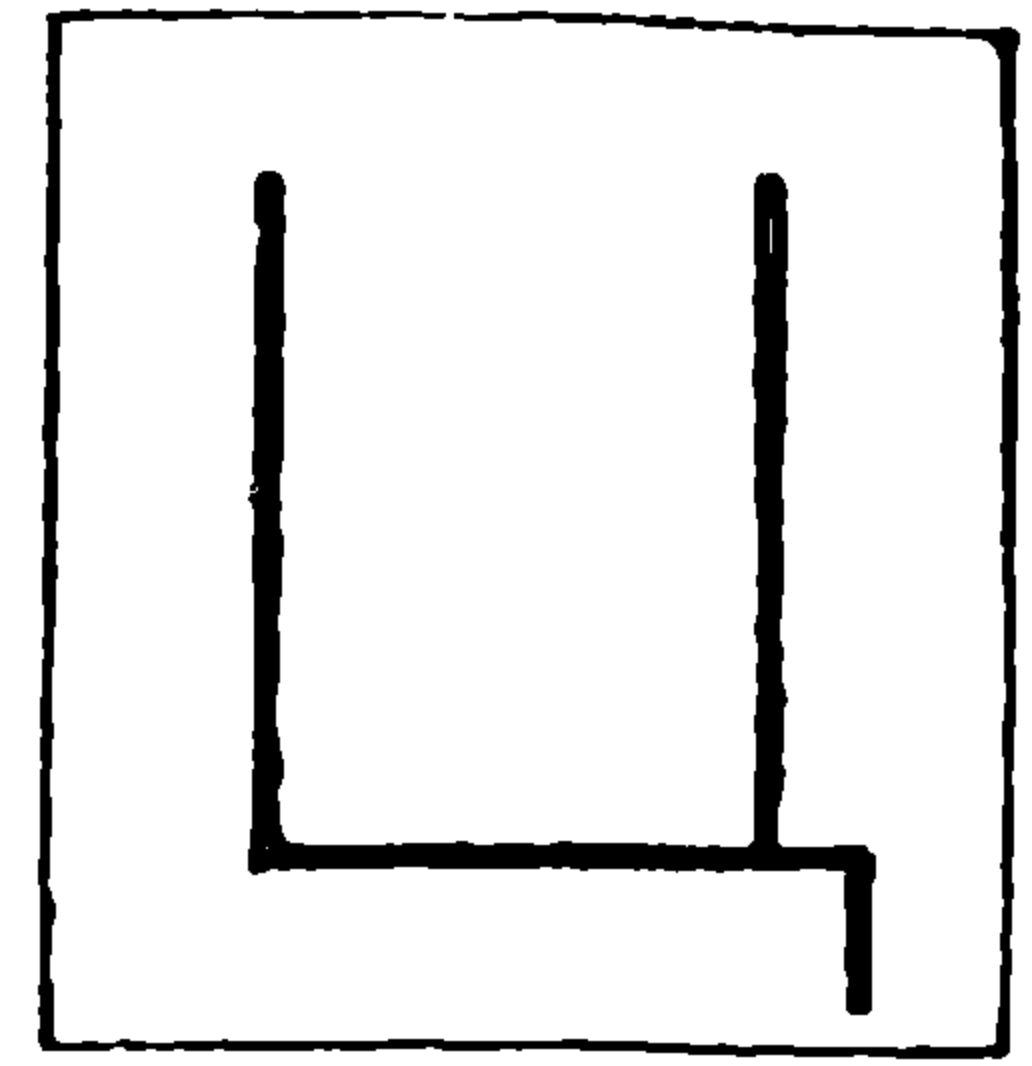
ХАРАКТЕР МОРАЛЬНЫЙ (греч. *character* — черта, особенность) — совокупность нравственных качеств личности, являющихся объектом моральной оценки и предметом нравственного воспитания. Х. м. того или иного человека проявляется в *поведении*. Составляющие Х. м. качества можно условно подразделить на идейно-общественные (*идейность, сознательность, принципиальность, инициативность, убежденность*), характеризующие отношение данного человека к труду (*трудолюбие и тунеядство*), к собственности (*бережливость и корыстолюбие*), к др. людям (*человечность и человеконенавистничество, уважение и высокомерие, вежливость и грубость*), к самому себе (*гордость, самолюбие и тщеславие, зазнайство, чванство*), а также качества, раскрывающие честность человека (*правдивость, верность, искренность и лицемерие, вероломство*), наконец, волевые качества (*самообладание, выдержка, мужество, смелость и малодушие, трусость*). Иногда одно и то же качество (скажем, верность или самоотверженность) может одновременно характеризовать как общественные убеждения личности, так и ее отношение к себе и людям, ее волевые свойства. Мораль каждой общественно-экономической формации создавала свои специфические представления о Х. м. — образы положительных и отрица-

тельных людей — и соответственно формулировала цели нравственного воспитания. Христианская мораль создала образ «святого праведника» — аскета, преодолевшего «земные страсти» (*Аскетизм*); ранняя *буржуазная мораль* — образ бережливого накопителя, чуждающегося роскоши и осуждающего праздность дворянства. Но все эти представления, выражавшие классовые устремления различных социальных групп, были крайне односторонни. Они исходили не из объективных социальных предпосылок, формирующих психологию личности, а из моральных требований и оценок, к-рые предъявлялись к человеку и считались определяющими его чертами. В коммунистической нравственности понимание Х. м. свободно от такой односторонности. Правда, на разных ступенях ее утверждения и развития первоочередное значение могут приобретать те или иные моральные качества. Однако ни один из вырабатывающихся в моральном сознании народа положительных или отрицательных образов не претендует на универсальную значимость. В качестве же нравственного идеала выдвигается представление о всесторонне развитой и гармоничной личности (*Всестороннее, целостное развитие личности*).

ХАТЧЕСОН (Hutcheson) Фрэнсис (1694—1747) — шотл. философ-моралист, один из представителей субъективно-идеалистической школы *нравственного чувст-*

ва. Исходным пунктом для Х. является положение *Шефтсбери* о врожденном предрасположении человека к порядку и гармонии, одинаково проявляющемся в добродетели и красоте. Чувство благосклонности в нравственном мире — прирожденная и непреходящая часть человеческой природы и аналогично всеобщему тяготению в мире физическом. Согласно Х., человеку присущи разнообразные чувства, к-рые отражают окружающий мир и направляют действия людей, напр. чувство, к-рое позволяет постигать «добро или зло в нас или в других». Это чувство прирожденное и проявляется непосредственно в характере действий и склонностей, в одобрении добра и в осуждении зла, ибо, с т. зр. Х., творец природы сделал доб-

ро осн. формой побуждения к действиям и дал человеку сильные страсти в качестве стимула к добродетельным поступкам. Критерий добродетельности поступка — его направленность к содействию общему благу. Поэтому действия, источником к-рых является самолюбие, по Х., морально безразличны. Но поскольку человек является частью разумной системы, он может «быть частично объектом своей собственной благосклонности» и «личные добродетели» могут рассматриваться как объекты моральной оценки. Осн. произв. Х. по вопросам этики: «О красоте, порядке, гармонии и форме» (1725), «Исследование моральных понятий о добре и зле» (1725), «О природе страстей и склонностей и об управлении ими» (1728).

ЦЕЛИ И СРЕДСТВА.— Проблема Ц. и с. возникает в этике как отражение противоречий классового об-ва, где, по словам Ф. Энгельса, «цели, поставленные людьми перед собой, приходят во взаимные столкновения и противоречия или оказываются недостижимыми частью по самому своему существу, частью по недостатку средств для их осуществления» (т. 21, с. 306). Гуманисты прошлого и особенно просветители (*Руссо, Шиллер* и др.) неоднократно отмечали, что весь прогресс материальной и духовной культуры обращается в конечном итоге против человека. Моральное сознание об-ва по-своему осмыслило этот факт, отмечая, что благие Ц., возвышенные идеалы при попытке их осуществления часто приводят к результатам, представляющим моральное зло. Разгадку этого парадокса моральное сознание усматривало обычно в противоречии Ц. и с., в том, что для осуществления благих идеалов применяются аморальные методы. С этой т. зр. оказывалось, что нравственность, учение о конечных целях невозможно совместить с политикой, с практи-

ческим способом их достижения (*Мораль и политика*). Теоретики морали часто делали из этого вывод, что ради осуществления «благих целей» оправданы любые средства (*Иезуитизм, Макиавеллизм*). Др. мыслители приходили к противоположному выводу, что благие Ц. должны дополняться столь же моральными С., что в задачу нравственности входит лишь решение вопроса о путях, методах, С. достижения поставленных Ц., а сами эти Ц. определяются в осн. вне сферы морали. Марксистская этика отвергает такое понимание проблемы. Она исходит из положения, что история ставит перед людьми те Ц., к-рые они практически способны осуществить. Если результаты исторических движений прошлого оказывались антигуманными, то причина этого не просто в негодных С. Буржуазные идеалы свободы и равенства на практике обернулись новой формой неравенства и эксплуатации потому, что таково было объективное историческое назначение капиталистического об-ва. В наше время всякие попытки противопоставления Ц. и с. обычно скрывают за

собой низменные интересы отдельных лиц, стремящихся к личной власти. Коммунистическая партия в своей деятельности исходит из того, что ее конечная цель — построение самого гуманного об-ва — должна осуществляться достойными С., что применяемые в борьбе за победу коммунизма С. имеют самое непосредственное отношение к чистоте самих конечных Ц. и коммунистических идеалов.

ЦЕЛЬ — заранее предполагаемый (мыслимый, желаемый, проектируемый) результат действия или деятельности людей, на осуществление к-рого они направлены. Целенаправленный характер деятельности присущ только человеку в его общественной жизни. В об-ве «ничто не делается без сознательного намерения, без желаемой цели» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 21, с. 306). Но эта Ц. выбирается человеком не произвольно, а порождается объективными условиями его существования, к-рые отражаются в его *потребностях и интересах*. «На деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его, — находят его как данное, наличное» (Ленин В. И., т. 29, с. 171). Поэтому, как указывал В. И. Ленин, «ц е л е полагающая деятельность человека» есть форма «о б ъ е к т и в н о г о процесса» (там же, с. 170) в об-ве. Так, общей Ц. деятельности всех членов советского об-ва является строительство коммунизма, к-рое выражает объек-

тивную необходимость истории. В моральной деятельности Ц. выступает в форме *намерения, мотива, идеала*. Различают положительные, соответствующие нравственному идеалу (как конечной Ц.), моральные Ц., и несоответствующие ему, недопустимые, аморальные. Такое различие носит отчетливо выраженный социально-групповой и классовый характер. Поскольку целесообразный характер деятельности человека помимо постановки Ц. предполагает выбор наиболее пригодных из имеющихся в наличии средств для ее осуществления (*Цели и средства*), нравственной оценке в соответствии с действующими в об-ве нормами подлежат не только Ц., но и использование тех или иных способов их реализации. Иначе говоря, нравственной оценке подлежит сама человеческая деятельность, ставящая перед собой определенные Ц., применяющая необходимые для их достижения средства и приводящая к тому или иному объективному результату.

ЦЕННОСТИ (моральные) — одна из форм проявления моральных *отношений* об-ва. Под Ц. понимаются, во-первых, нравственное значение, достоинство личности (группы лиц, коллектива) и ее поступков или нравственные характеристики общественных институтов; во-вторых, ценностные представления, относящиеся к области морального *сознания*, — моральные *нормы, принципы, идеалы, понятия добра и зла, справедливости, сча-*

ства. Философские проблемы природы Ц. (в т. ч. моральных, экономических, эстетических и др.) изучает *аксиология*. Поступки людей имеют определенную моральную значимость потому, что они оказывают воздействие на общественную жизнь, затрагивают интересы людей, укрепляют или подрывают устой существующего об-ва, способствуют или противодействуют социальному прогрессу. Именно в силу социального значения действий людей об-во регулирует их поведение посредством нравственных отношений, предъявляет к людям моральные *требования*, ставит перед ними определенные *цели*, к-рым они должны следовать. Отсюда и возникает в поступках моральная Ц. (положительная или отрицательная): действие, отвечающее нравственным требованиям, представляет собой добро; противоречащее им — зло. Из этого следует, что, во-первых, ценностные характеристики действий людей носят исторически конкретный характер, обусловлены социальной жизнью и, во-вторых, моральная Ц. может характеризовать только общественные явления. Приписывание морального значения природным объектам, как таковым, вне отношения к ним человека, наделение их сверхъестественными свойствами (когда, напр., природные бедствия истолковываются как чей-то злой умысел или божественная кара) есть не что иное, как моральный *фетишизм*. Марксистская этика исходит из того, что приро-

да моральных Ц. может быть понята только на основе анализа социальных, и в том числе моральных, отношений об-ва. Представления морального сознания являются разновидностью духовных Ц. об-ва. В идеалах, принципах, понятиях добра и зла можно выделить их ценностную сторону: в них выражено деятельно-заинтересованное отношение людей к явлениям действительности. В них содержится, во-первых, моральное требование (пожелание, чтобы нечто было осуществлено), во-вторых, оценка существующих или имевших место явлений с т. зр. присущего им морального значения. Напр., идея добра, как говорит В. И. Ленин, означает, что «мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его»; «доброе» в этом смысле есть «требование... *внешней* действительности...» (т. 29, с. 195). Одновременно понятие добра является критерием оценки самых разнообразных человеческих поступков. Точно так же и идеал одновременно выступает как конечная цель моральной деятельности людей и является основой критической оценки существующей действительности (устанавливает ее соответствие или несоответствие стремлениям людей). Именно эта, ценностная сторона нравственного сознания, в к-рой выражено деятельно-заинтересованное отношение людей к миру, послужила причиной того, что мораль в истории философии часто называли «практи-

ческим сознанием» в отличие от теоретического, якобы созерцательно-незаинтересованного. Марксизм считает, что всякая форма общественного сознания имеет определенное отношение к социальной практике. Но в моральном сознании эта связь с практической деятельностью людей выражена более отчетливо и прямо. Моральные представления относятся к идеологии об-ва, в них отражаются интересы и потребности определенных социальных классов. Наряду с классовым содержанием в моральных Ц. присутствует также общечеловеческий элемент (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*).

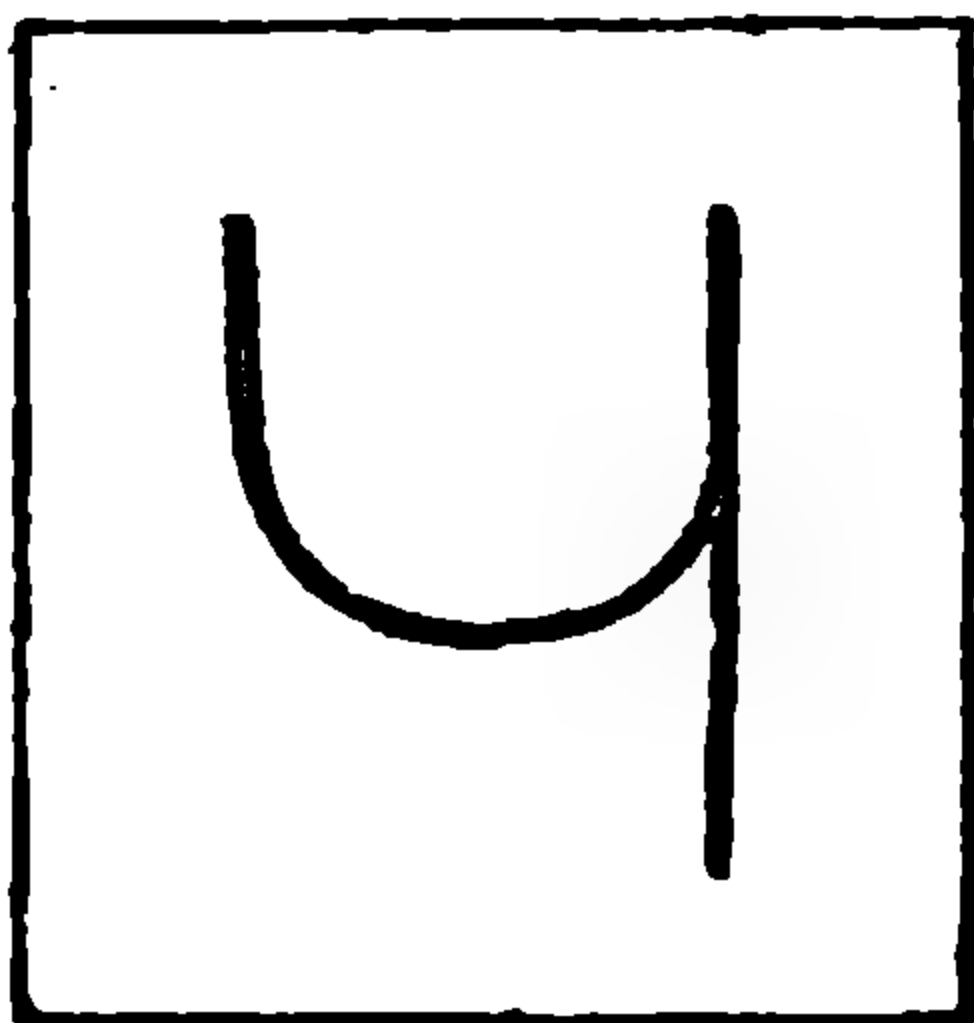
ЦИНИЗМ (греч. *Kynosarges* — название холма в Афинах, где происходили обучение и дискуссии философов) — моральное *качество*, характеризующее презрительное отношение к культуре об-ва, к его духовным, и в особенности нравственным, *ценностям*. Термин «Ц.» обязан своим происхождением древнегреч. философской школе киников (основана *Антисфеном* в IV в. до н. э.; при переводе на лат. слово стало звучать как «циники»), к-рые проповедовали презрение к общественной культуре, полную независимость человека от об-ва, возврат к «естественному» состоянию. Впоследствии Ц. стали называть слова и деяния, в к-рых совершается надругательство над тем, что составляет исторические достижения культуры человечества, глумление над нравственными принципами, осмеяние дорогих лю-

дям идеалов, попрание человеческого достоинства. Ц. в поведении и убеждениях характерен для людей, преследующих свои эгоистические интересы всеми возможными, в т. ч. и аморальными, средствами (*Аморализм*), а также для тех, кто, разочаровавшись в к.-л. идеалах, пришел к моральному банкротству и идейной опустошенности. Такого рода Ц. в наиболее оголтелых и реакционных его формах (фашизм, расизм, культ насилия и т. д.) особенно характерен для социальной и духовной жизни совр. капиталистического об-ва, переживающего острый кризис. Коммунистическая нравственность выступает против Ц. во всех его проявлениях.

ЦИЦЕРОН Марк Туллий (106—43 до н. э.) — древнеримский оратор, писатель и философ-эклектик. Этическим положениям отводится значительное место в практической философии Ц., к-рая, с его т. зр., только и может иметь ценность в жизни. В основу этики Ц. кладет распространенный в древнегреч. философии (особенно в *стоицизме*) принцип, что жить должно согласно природе, руководствуясь разумом, посредством к-рого достигается совершенство. Человек, по мнению Ц., должен стремиться к постоянному самовоспитанию и развитию черт своего характера в соответствии с четырьмя осн. добродетелями: мудростью, справедливостью, мужеством, умеренностью. Удовлствование интересов индивидов должно совмещаться с

интересами целого, напр. об-ва. Человек руководствуется в своих поступках не только личной пользой, но и желанием помочь др. людям, т. к. все принадлежит единому человеческому роду. Разум помогает совместить противоположные стремления — к общительности, заставляющей человека служить людям, и к первенству, заставляющему др. людей служить ему. Высшими благами жизни Ц. считал истинную *дружбу* и славу, в основе к-рых лежит добродетель, высту-

пающая условием счастья и дающая возможность победить старость, боль и смерть. Ц. склонялся к т. зр. *стоицизма*, рассматривавшего добродетель саму по себе как высшее благо. Он выступал против *фатализма* и защищал идею свободной воли, считая, что только в этом случае этика имеет право на существование. Осн. этические соч.: «О границах добра и зла», «Тускаланские беседы», «Катон, или О старости», «Лелий, или О дружбе», «Об обязанностях».

ЧАСТНОСОБСТВЕННИЧЕСКИЕ ИНТЕРЕСЫ — см. *Отношение к собственности*.

ЧВАНСТВО — отрицательное моральное качество, выражающееся в высокомерном отношении к людям, их знаниям и опыту; в пренебрежении к культурным ценностям прошлого или др. народов; в ложной гордости своим общественным положением или принадлежностью к определенной нации, классу, социальной группе, партии; в зазнайстве, успокоенности достигнутым, в превознесении своих успехов и достоинств, преувеличении своих способностей, возможностей и прав, основанном на представлении о личной или групповой исключительности. Исторически Ч. возникает как отражение социального неравенства, антагонизма классов, наций и культур в эксплуататорском об-ве. В социалистическом об-ве оно является одним из тяжких пережитков прошлого, с к-рыми постоянно ведет борьбу Коммунистическая партия. Обычно Ч. возникает на почве несоответствия уровня сознательности и общей культуры людей историческому масштабу возложенных

на них задач. На опасность «комчанства» неоднократно указывал В. И. Ленин, подчеркивая, что коммунистическое учение и социалистическая практика основываются на обобщении всех достижений общечеловеческой культуры прошлого, на данных совр. науки и богатого практического опыта масс. «...Если коммунист — администратор, его первый долг — остерегаться увлечения командованием, уметь сначала посчитаться с тем, что наука уже выработала, сначала спросить, проверены ли факты, сначала добиться изучения (в докладах, в печати, на собраниях и проч.) — изучения того, где именно мы сделали ошибку, и лишь на этой основе исправлять делаемое. Поменьше приемов Тит Титыча («я могу утвердить, могу не утвердить»), побольше изучения наших практических ошибок» (Ленин В. И., т. 42, с. 347). Ч. нетерпимо в науке, литературе и искусстве, когда, напр., борьба с буржуазной идеологией и космополитизмом подменяется извращенным пониманием национального приоритета и нигилизмом по отношению к достижениям мировой культуры.

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО.—

Общефилософская проблема соотношения Ч. и о. предопределяет понимание природы нравственности и способ решения осн. вопросов этической теории. Буржуазное понимание данной проблемы основывается, в сущности, на противопоставлении понятий Ч. и о. С одной стороны, сущность Ч. трактуется как «человеческая природа», не зависящая от О., а О.—как сфера лишь внешнего проявления или ограничения внутренних свойств Ч. (различные теории «робинзонады», *общественного договора*). С др. стороны, О. представляется как нечто внешнее человеку, как «социальная машина», «общество-лицо» (*Прудон*), как «среда» или «обстоятельства», формирующие облик людей. Отсюда проистекает бытующее в *буржуазной этике* двойное, но в равной мере ложное понимание нравственности. Она трактуется либо как выражение «естественных», только внутренних потребностей Ч., присущего ему морального чувства (*Гедонизм, Эвдемонизм, Нравственного чувства теории*), либо как проявление только внешнего начала, не зависящего от Ч. вообще (*Интуитивизм*). Из этого вытекает, что либо Ч. утверждает свою свободу в морали лишь в негативной форме, вопреки внешней необходимости и человеческому миру *общения*, либо нравственность состоит в подчинении Ч. внешнему диктату (бога или О.), в подавлении его «природных» склонностей. Со-

ответственно решается в буржуазной этике и проблема осуществления общественного и нравственного *идеала*: либо предлагается возлагать надежды на подлинную природу Ч., к-рая в принципе противопоставляется всему социальному; либо остается уповать на некое фатальное изменение условий помимо Ч. В действительности, как показывает марксизм, человеческая сущность есть не «абстракт, присущий отдельному индивиду», а совокупность всех общественных отношений (*Маркс К., Энгельс Ф.*, т. 42, с. 265). Поэтому О. нельзя считать чем-то внешним по отношению к Ч., некой «средой». Все содержание общественной жизни создается или воссоздается (наследуется) различными формами человеческой деятельности. Равным образом в самом Ч. нет ничего, кроме черт его общественной природы: «*Человеческая сущность и есть истинная общность людей*» (там же, т. 1, с. 447), «...общественная история людей есть всегда лишь история их индивидуального развития...» (там же, т. 27, с. 402—403), «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (там же, т. 2, с. 102). Марксизм не противопоставляет «подлинно человеческое» и подлинно общественное, ибо с его т. зр. это одно и то же. Поэтому проблему воспитания подлинно нравственного Ч. марксизм решает в единстве с задачей создания подлинно человеческого О. в процессе культурно-созидатель-

ной деятельности самих людей. Марксизм не только опровергает как ложное буржуазное противопоставление Ч. и о., но и показывает его источники. В результате разделения и отчуждения труда производительные силы (а также социальные отношения и вся общественная культура) «выступают как нечто совершенно независимое и оторванное от индивидов, как особый мир наряду с индивидами...» (там же, т. 3, с. 67). Ч. не узнает в О. результатов своей деятельности и своей сущности. Буржуазное О. превращает его в «персонаж», играющий заданную ему роль, спускает ему в виде готовых формул моральные запреты и предписания. Ч. же со своей стороны рассматривает О. как средство для достижения своих эгоистических целей, стремится обрести свободу вопреки О., утвердить свое «Я» в индивидуальном «внутреннем» мире, свою собственную нравственность в противоположность навязанной ему общественной морали. Он кажется самому себе внесоциальным существом. Преодоление противоположности личности и О. с т. зр. марксизма достигается вместе с уничтожением социальных условий, ее породивших. Коммунистические общественные отношения — это, по словам К. Маркса, прозрачно разумные связи и всестороннее общение, в котором люди развивают свои творческие способности во всей их полноте. Чем более универсальны и бескорыстны устремления Ч., тем

больше он осуществляет себя как свободную личность (см. также *Всестороннее, целостное развитие личности, Свобода нравственная*).

ЧЕЛОВЕКОЛЮБИЕ — см. *Гуманизм*.

ЧЕЛОВЕКОЕНАВИСТНИЧЕСТВО — принцип поведения и убеждений, обосновывающий угнетение, подавление и эксплуатацию человека, вплоть до оправдания наиболее жестких форм насилия и массового уничтожения целых наций, социальных групп и приверженцев др. веры; одно из крайних проявлений *аморализма*. В этом принципе нашли отчетливое выражение антигуманность и несправедливость отношений вражды между людьми, родами, племенами и народами, антагонизма и эксплуатации в классовом об-ве. Сторонники этого принципа иногда пытались дать ему моральное обоснование, придать ему видимость «гуманизма» путем извращенного толкования интересов человека или противопоставления «избранных» «неполноценным» массам (иезуитский принцип «спасения души» еретика путем его сжигания на костре; различные варианты теории «элиты и масс», проповедующие защиту интересов «избранных» от власти «толпы»). Порабощение народов и дискриминация в отношении различных наций обосновываются в расовых теориях учением об их «неполноценности» и заботой о «спасении высших рас» и даже мировой цивилизации. Фашизм довел этот принцип до

программы поголовного истребления отдельных наций. Коммунистическая нравственность непримирима ко всяким проявлениям Ч. В основе ее гуманизма лежит материалистическое учение о роли народных масс в истории, понимание того, что отсталость отдельных народов и классов обусловлена их угнетенным социальным положением. Ликвидация неравноправия, развитие способностей человека во всех областях деятельности (*Все-стороннее, целостное развитие личности*) и составляют сущность революционного процесса создания коммунистического об-ва. Поскольку оно впервые разрешает проблему *человека и общества*, постольку подлинное человеколюбие коммунистической нравственности имеет научно-теоретическое и социально-практическое обоснование.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ — моральное качество, выражающее принцип гуманизма применительно к повседневным взаимоотношениям людей. Включает ряд более частных качеств — благожелательность, уважение к людям, сочувствие и доверие к ним, великодушие, самопожертвование ради интересов др., а также предполагает скромность, честность, искренность. Ч. воспитывается в людях и способна проявляться в практических взаимоотношениях людей в зависимости от характера общественных отношений. В классово антагонистическом об-ве, где каждый рассматривает др. как средство для достижения частных целей, как объект экс-

плуатации, где господствуют соперничество и вражда, во взаимоотношениях людей преобладает бесчеловечность (она вместе с тем характеризует эксплуататорское об-во в целом, с его безработицей и нищетой, войнами и т. д.). Ч. выступает там лишь как индивидуальное свойство «хороших» людей и трактуется исключительно в либерально-филантропическом духе. Подлинное нравственное содержание Ч. возникает и развивается в процессе борьбы трудящихся с социальной несправедливостью и антигуманными условиями жизни. Впервые объективные предпосылки для того, чтобы Ч. стала неременным моральным требованием, относящимся ко всем областям жизни человека, создаются лишь в социалистическом об-ве. Здесь бесчеловечные поступки выступают как пережитки прошлого и осуждаются *общественным мнением*, а злостные проявления бесчеловечности (насилие, хулиганство) караются также законом.

ЧЕРТЫ ХАРАКТЕРА — см. Характер моральный.

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Николай Гаврилович (1828—89) — рус. социалист-утопист и революционный демократ, экономист, философ, социолог, писатель и литературный критик. Один из основоположников народничества, предшественник марксизма в России. Сотрудничая в журнале «Современник» (до 1862), превратил его в ведущий печатный орган крестьянской демократии. В 1862 г. арестован и

отправлен в сибирскую каторгу. Мировоззрение Ч. развивает традиции рус. революционно-демократической мысли (*Белинский, Герцен*) и прогрессивной западноевропейской философии: фр. материализма XVIII в., утопических социалистов *Сен-Симона* и *Фурье*, *Фейербаха*. Свою задачу в области этики Ч. формулировал как создание системы нравственности, построенной на революционно-демократических идейных принципах (пафос служения народу и борьба за его свободу и счастье, революционный гуманизм, исторический оптимизм и в этой связи критика христианской, буржуазной и либеральной морали) и не уступающей по степени научности естественным дисциплинам. Она была призвана помочь воспитанию поколения «новых людей» — революционеров. В качестве гл. факторов, формирующих нравственное сознание, Ч. выдвигает «естественные потребности», «общественные привычки и обстоятельства». Разрешение проблемы «естественных потребностей» приведет, с его т. зр., к исчезновению причин нравственной патологии, устранит препятствия полному расцвету богатства личности. Ч., т. обр., утверждает необходимость изменить сами условия жизнедеятельности людей, отношения собственности через социальную революцию. В этом смысле Ч. идет дальше утопических социалистов, подвергая критике реформаторские надежды на «просвещенного монар-

ха», «честного» политика и т. п. Этика Ч. исходит из антропологического принципа и концепции «разумного эгоизма» (*Эгоизма теории*). Принадлежность к миру природы достаточно жестко детерминирует «сущность» человека. Общественная же форма является условием реализации изначального стремления человеческой «натуры» к удовольствию. Эгоизм, по Ч., лежит в основе всей деятельности человека: он всегда «поступает так, как приятней ему поступать, руководится расчетом, велящим отказываться от меньшей выгоды или меньшего удовольствия для получения большей выгоды, большего удовольствия». Действуя согласно своей «выгоде», человек должен поступать «разумно»: только так он достигнет пользы. Естественное стремление человека к благу реализуется лишь в случае борьбы против всего, что «неблагоприятно человеческому счастью». Развитого человека — «разумного эгоиста» — его собственный личный интерес толкает на акт благородного самопожертвования: он свободно, без всякой мысли о долге, жертвенности и *воздаянии* действует так, чтобы приблизить торжество избранного им *идеала*. Ч. отрицал наличие у человека *свободы воли*, признавая действие закона *причинности* и в нравственной сфере: «То явление, которое мы называем волею, само является звеном в ряду явлений и фактов, соединенных причинной связью». Однако человек не ли-

шен свободы *выбора*, поскольку он может выбрать между той или др. тенденцией социального развития. Только выбор прогрессивной тенденции является действительно разумным выбором. Придавая решающую роль в поведении человека разуму, Ч. тесно связывал свою социалистическую доктрину с просвещением. Благодаря просвещению, полагал он, можно научить людей видеть новые, прогрессивные тенденции и в этом смысле сделать их «новыми людьми». Т. обр., антропологический принцип, по мысли Ч., при последовательном его проведении совпадает с принципами социализма. Как этическая система теория «разумного эгоизма», будучи уязвимой в логико-философском смысле, верно схватывала общественную потребность своего времени, выражала идеалы «новых людей», способствовала превращению их в политическую силу. На идеалах Ч. воспитывалось не одно поколение рус. революционеров. Осн. соч., в к-рых изложена этическая концепция Ч.: «Антропологический принцип в философии» (1860), роман «Что делать?» (1863).

ЧЕСТНОСТЬ — моральное качество, отражающее одно из важнейших требований нравственности. Включает *правдивость, принципиальность, верность* принятым обязательствам, субъективную *убежденность* в правоте проводимого дела, *искренность* перед др. и перед самим собой в отношении тех мотивов, к-рыми человек ру-

ководствуется, признание и соблюдение прав др. людей на то, что им законно принадлежит. Противоположностью Ч. являются обман, ложь, воровство, *вероломство, лицемерие*. Требование Ч. обусловлено необходимостью совместной деятельности людей в процессе социальной практики, взаимной координации их действий и потребностями повседневного общения. Однако в условиях эксплуатации, классовых противоречий, взаимной конкуренции Ч. не могла стать всеобщим правилом, законом социальной жизни. Это требование постоянно нарушалось. Буржуазные просветители, сведя к земной основе мораль, к-рой прежде приписывалось божественное происхождение, провозгласили Ч. залогом личного преуспевания (*Эгоизма теории*), приобретения доверия людей и кредита. Буржуазная практика истолковала такое представление о Ч. в духе торгашеского практицизма, считая ее чем-то вроде неофициального контракта, к-рый можно расторгнуть, как только его соблюдение становится невыгодным. В политике это означало узаконение обмана избирателей для приобретения их голосов, в коммерции — надувательство конкурента, в международных отношениях — нарушение условий договора при изменении соотношения сил, когда др. государство уже не может защитить свои права. По отношению же к трудящимся господствующий класс соблюдал законы и выпол-

нял взятые на себя обязательства лишь постольку, поскольку опасался массовых выступлений (забастовок или восстаний). Буржуазия неоднократно предавала своих союзников в борьбе против феодальной знати (пролетариат и крестьянство) и обращала против них оружие, как только приходила с их помощью к власти (примером может служить французская революция 1848 г.). Коммунистическая нравственность рассматривает Ч. не как результат соглашения людей, *общественного договора* и залог взаимной выгоды частных лиц, а как непреложное общечеловеческое требование, вытекающее из объективной необходимости совместной деятельности и жизни людей. Особое значение приобретает Ч. в революционной и общественно-созидательной деятельности, подчиненной целям построения самого гуманного и справедливого об-ва. В силу общности этих интересов для всех людей Ч. перед об-вом и перед др. становится вопросом Ч. перед самим собой.

ЧЕСТОЛЮБИЕ — социальное чувство, проявляющееся как *мотив* действий, к-рые совершаются ради достижения человеком первенства, главенства в той или иной области деятельности, приобретения влияния и веса в к.-л. сфере общественной жизни. Во мн. сходно с *тщеславием*; в честолюбивых устремлениях общественные интересы учитываются человеком лишь постольку, поскольку они согласуются с его индивидуалистическими

запросами. Но в отличие от тщеславия Ч. связано не столько с жаждой признания со стороны окружающих, сколько с желанием приобрести высокое общественное положение, вес, влияние, а также заслужить официальное признание и связанные с ними почести и награды. В тех случаях, когда подобные побуждения становятся характерным свойством поведения человека, Ч. приобретает значение морального *качества* личности. Ч. получает распространение в об-ве с возникновением социального неравенства людей. Буржуазная мораль считает Ч. одним из гл. двигателей общественной активности человека. В социалистическом об-ве, где уничтожена частная собственность, корни Ч. в значительной мере подорваны, однако оно еще не устранено полностью, поскольку сохраняются различия в материальном и общественном положении людей. Ч. как потребность в общественном признании может в отдельных случаях играть объективно положительную роль, стимулируя повышенную социальную активность человека. Но оно является индивидуалистическим по своему характеру мотивом и поэтому противоречит коммунистической нравственности, к-рая противопоставляет Ч. подлинную коммунистическую сознательность. Непримиимо она относится к крайней форме Ч.— *карьеризму*.

ЧЕСТЬ — понятие морального сознания и категория этики, тесно связанная и во мн. сходная с ка-

тегорией *достоинства*. Подобно достоинству, понятие Ч. раскрывает отношение человека к самому себе и отношение к нему со стороны об-ва. Однако в отличие от понятия достоинства моральная ценность личности в понятии Ч. связывается с конкретным общественным положением человека, родом его деятельности и признаваемыми за ним моральными заслугами. Если представление о достоинстве личности исходит из принципа *равенства* всех людей в моральном отношении, то понятие Ч., наоборот, дифференцированно оценивает людей, что находит отражение в их *репутации*. Соответственно Ч. требует от человека поддерживать (оправдывать) ту репутацию, к-рой обладает он сам или коллектив, к к-рому он принадлежит. Исторически понятие Ч. возникло в моральном сознании об-ва в виде представления о родовой и сословной Ч. (моральное требование, предписывающее человеку *образ жизни* и действий, не унижающий достоинства определенного сословия или рода). В феодальной морали к сословной Ч., в частности, относились требования не вступать в равноправные отношения с людьми «низших» сословий, вызывать на дуэль оскорбителя, не заниматься унижительным для дворянина трудом и т. д. Упразднив феодальные привилегии, буржуазия вместе с тем сохранила сословное понимание Ч., поставив ее в зависимость от общественного положения челове-

ка. Буржуазные идеологи *Фихте*, *Гегель*, *Бентам*, не говоря уже о более реакционных представителях этической мысли, связывают понятие Ч. с обладанием частной собственностью. Даже тогда, когда это понятие связывается с индивидуальностью личности (У. Хокинг, Р. Флюэллинг — см. *Самореализация этика*), в большинстве случаев оказывается, что проявление этой индивидуальности возможно лишь для лиц, находящихся в привилегированном положении. В классовом об-ве, где Ч. всегда связана с той или иной формой неравноправия, она, с одной стороны, вырождается в *высокомерие*, *чванство*, *тщеславие*, ложное самолюбие, а с др. стороны, у тех, кто лишен этих привилегий, порождает чувство оскорбленной *гордости*, а иногда унижительное стремление утвердить свой престиж рабским подражанием «высшим» сословиям, лести и заискивание перед властью имущими. В социалистическом об-ве понятие Ч. существенно изменяет свое содержание. На место сословной Ч. приходит требование беречь Ч. своего коллектива, профессии (*Профессионачальная этика*), народа в целом (*Патриотизм*). В индивидуальной Ч. во внимание принимаются только личные заслуги человека, в первую очередь его труд и мера человечности, в зависимости от к-рых определяется мера оказываемого ему почета и уважения. В социалистическом об-ве Ч. выступает как подлинно моральный стимул, по-

буждающий человека к совершению поступков на общее благо. Вместе с тем отношение человека к своим действиям с т. зр. Ч. уже не рассматривается социалистическим об-вом как высшая форма проявления сознательности и нравственности мотивов. На первый план выдвигается понятие достоинства, имеющее более широкий смысл. Если Ч. предписывает человеку совершать моральные поступки ради подтверждения своих или коллективных заслуг перед об-вом, то достоинство требует от каждого человека делать все для блага об-ва, независимо от того, каковы его прошлые заслуги и каков конкретно род его деятельности. Понятие Ч. предполагает в отношении к человеку ту меру уважения, к-рую он заслужил, достоинство же личности основывается на равном праве каждого на уважение.

ЧУВСТВА (моральные) — эмоциональная сторона духовной деятельности личности, характеризующая наряду с *убеждениями* ее субъективную моральную позицию. По своей психологической природе Ч. — это устойчивые условно-рефлекторные образования в сознании человека, составляющие основу его аффективно-волевых реакций в различных ситуациях (*эмоций* и *побуждений*). По своему социальному содержанию моральное Ч. представляет собой субъективное отношение человека к различным сторонам общественного бытия — к людям, самому

себе, отдельным явлениям общественной жизни, к об-ву в целом. Напр., чувства *любви, ненависти, доверия, сочувствия, сострадания, ревности, зависти* являются субъективно-психологическим выражением практических взаимоотношений между людьми. А *самолюбие, гордость, тщеславие, целомудрие* суть проявления отношения человека к самому себе как к члену об-ва. Т. обр., моральные Ч. имеют социальный характер как по своему происхождению, так и по значению. Большинство из них оценивается моральным сознанием как положительные или отрицательные моральные качества, характеризующие нравственный облик личности. От убеждений моральные Ч. отличаются не своим содержанием (и те и др. выражают определенное отношение к объекту), а лишь своей психологической формой. Такие моральные принципы, как человеколюбие, патриотизм, оптимизм, пессимизм, национализм и др., укореняются в сознании людей не только в рациональной, но и в эмоциональной форме, относятся не только к мировоззрению, но и к мироощущению, связаны со сложными комплексами Ч. Точно так же нормы, оценки, идеалы, понятия справедливости, добра и зла, имеющие рациональное содержание, усваиваются человеком и в чувственной форме расположений, стремлений, симпатий и антипатий. Наконец, все то, что составляет содержание нравственного самосознания личности (долг, от-

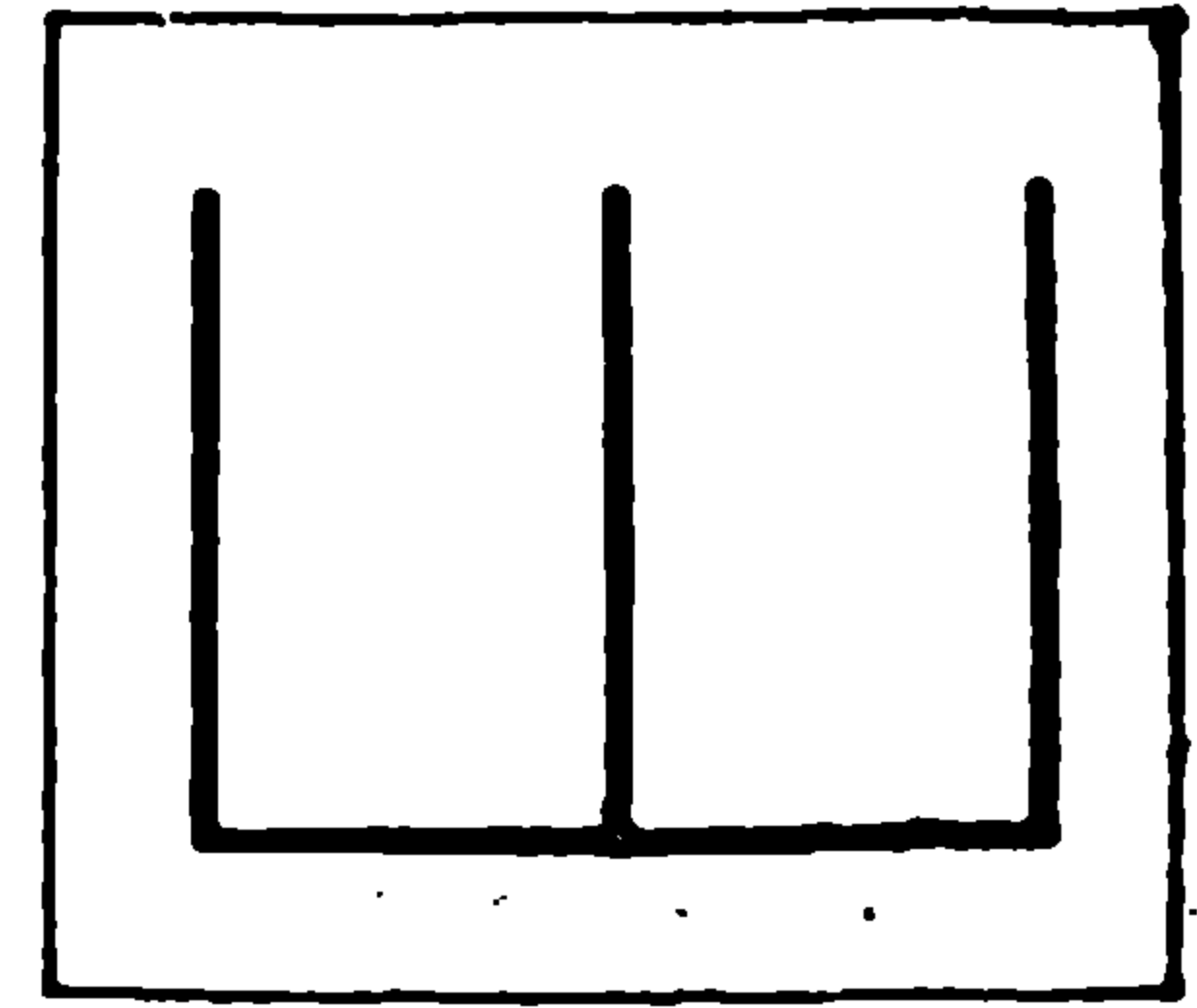
ветственность, совесть, достоинство, стыд), также проявляется в соответствующих эмоциональных переживаниях (Ч. долга, ответственности, собственного достоинства, угрызения совести, муки стыда.) Поступая по убеждению, человек подвергает анализу ситуацию в свете имеющихся у него знаний и на этом основании приходит к тому или иному решению. Но при решении частных проблем человек практически не может каждый раз анализировать выработанные об-вом моральные представления. В обиходе он часто должен совершать нравственный поступок, мгновенно реагируя на возникшую ситуацию, без раздумий и рассуждений. В этом ему помогают моральные Ч. Руководствуясь ими, человек реагирует на ситуацию непосредственно, произвольно, автоматически активизируя накопленный и отложившийся в его психике прошлый опыт (*Привычки*), к-рый сразу же выявляет себя в эмоциях и побуждениях. Формирование целостной личности, направляющей свою моральную деятельность без внешнего и внутреннего принуждения, поступающей по внутренней «потребности здорового организма», по «естественной» склонности и привычке, в значительной мере осуществляется в процессе воспитания нравственных Ч. (*Культура чувств*). Эта задача представляет собой вместе с тем одну из важных сторон решения проблемы нравственной свободы личности.

ЧУВСТВО НОВОГО — положительное моральное *качество*, противоположное *косности*, характеризующее способность человека правильно понимать потребности дальнейшего развития об-ва, ставить и решать актуальные проблемы жизни (производства, науки, искусства, взаимоотношений людей), улавливать в совр. положении вещей ростки нового, выдвигать, поддерживать и проводить в жизнь прогрессивные начинания. Ч. н. наиболее отчетливо выражается в таких действиях, к-рые имеют характер *инициативы*, творческого *почина*, *примера*, ломающих устаревшие традиции и нормы. Оно является неременной предпосылкой *самодетельности и творчества* в морали. Как особое моральное *требование* Ч. н. впервые выдвигается коммунистической нравственностью. Оно обусловлено природой социалистического строя. «...Как бесконечно лживо обычное буржуазное представление,— писал В. И. Ленин,— будто социализм есть нечто мертвое, застывшее, раз навсегда данное, тогда как на самом деле *только* с социализма начнется быстрое, настоящее, действительно массовое, при участии *большинства* населения, а затем всего населения, происходящее движение вперед во всех областях общественной и личной жизни» (т. 33, с. 99—100). Социалистическое и развивающееся на его основе коммунистическое об-во представляет собой постоянное, не ограниченное

никакими наперед установленными рамками движение человечества ко все более высоким формам социальной жизни. Поэтому формирование Ч. н. является одной из важнейших сторон *коммунистического воспитания* личности. Ч. н. развивается на основе коммунистической сознательности, творческого осмысления учения марксизма-ленинизма и его практического применения к условиям современности. Процесс коммунистического строительства, выдвигающий все новые практические и теоретические проблемы, требует не останавливаться на достигнутом, подвергать критике все устаревающее, смело вступать в борьбу с теми, кто цепляется за старое, отживающее. Постоянное совершенствование методов производства и управления, ломка сложившихся представлений в науке, поиски новых форм в искусстве, сложный процесс формирования коммунистических общественных отношений обуславливают складывание особого, типичного для об-ва развитого социализма социального характера — человека, для к-рого активное преобразование действительности и своего духовного мира стало законом жизни.

ЧУТКОСТЬ — моральное *качество*, характеризующее отношение человека к окружающим. Предполагает заботу о нуждах, запросах и желаниях людей; внимательное отношение к их интересам, волнующим их проблемам, мыслям и чувствам; понимание

мотивов, к-рыми руководствуются люди в своем поведении; тактичное отношение к самолюбию, гордости и чувству собственного достоинства окружающих, вежливое обращение со всеми. Являясь требованием нравственности, вытекающим из общего принципа гуманизма, Ч. тесно связана с др. нравственными качествами (*Уважение, Великодушие, Скромность, Сочувствие, Благородство, Доверие*). Вместе с тем Ч., поскольку она относится к области повседневных взаимоотношений людей, представляет собой составную часть *культуры поведения*. Она исключает грубость, чванство, высокомерие, нетерпимость, подозрительность и недоверие к людям. В области быта коммунистическая нравственность придает особенно большое значение Ч. по отношению к женщине, к престарелым, а также к детям. В области служебных взаимоотношений, в труде, общественно-политической деятельности коммунистическая мораль особо подчеркивает необходимость чуткого отношения руководителей к рядовым работникам, начальников — к подчиненным, должностных лиц — к населению. В. И. Ленин остро поставил вопрос о чутком отношении социалистического государства, его органов и отдельных руководителей к трудящимся массам, видя в этом реальное проявление коммунистического *гуманизма*. Из этого же он призывал исходить при подборе руководящих кадров партии.

ШВЕЙЦЕР (Schweitzer) Альберт (1875—1965) — нем.-фр. мыслитель, протестантский теолог, врач, общественный деятель. Гл. содержание мировоззрения Ш. (религиозно-идеалистического в своей основе) составляют этические взгляды, исходный принцип к-рых — благоговение перед жизнью. Этот принцип, согласно Ш., должен придать этике универсальный характер и сделать ее предметом (в отличие от этики традиционной) отношение к жизни как таковой, в ее природном качестве, не проводя различие между жизнью высшей или низшей, более ценной или менее ценной. Все, что способствует сохранению жизни, ее развитию, представляется добром, а уничтожающее жизнь, причиняющее ей вред, — злом. Подобный подход служит основой этико-оптимистического миро- и жизнеощущения, отсутствие к-рого ведет к упадку культуры, к утрате ею духовно-нравственного стержня. Именно в таком состоянии, по мнению Ш., находится совр. западная культура, оторванная от своих естественных истоков, разрушающая целостность личности,

подчиняющая ее развитию техники и жестких социальных институтов. Путь к возрождению культуры Ш. усматривает в конечном счете в нравственном совершенствовании индивида, в творчестве отдельных личностей в сфере духа. Широкую известность приобрела многогранная деятельность Ш., проникнутая высокими нравственными, гуманистическими устремлениями. В 1913 г. он основал больницу в Ламбарене (Габон, Экваториальная Африка), где до самой смерти работал в качестве врача. Одним из первых на Западе Ш. выступил против применения атомного оружия, за всеобщее разоружение, был противником фашизма, расизма и др. форм *человеконенавистничества*. Лауреат Нобелевской премии мира за 1952 г. Осн. этические соч.: «Культура и этика» (1923), «Из моей жизни и мыслей» (1931), «Учение о благоговении перед жизнью» (1962).

ШЕФТСБЕРИ (Shaftesbury) Антони Эшли Купер (1671—1713) — англ. философ-моралист, сторонник субъективно-идеалистической теории *нравственного чув-*

ства. Для этики Ш. характерны попытки вывести нравственные чувства человека из его внутренней природы, а также элементы *эвдемонизма*. Ш. отстаивал т. зр. о врожденности и неизменности нравственных чувств, об их независимости от социальных условий. В этом смысле он противопоставляет нравственность религиозному чувству и утилитарной полезности. Правильное соотношение противоположных (общественных и эгоистических) стремлений человека — путь к добродетели, к достижению наивысшего блаженства. Нравственный идеал Ш. — гармонически развитая личность, достигшая наивысшего сочетания альтруистических и эгоистических побуждений. Учение о добродетели как цели жизни Ш. стремился обосновать эстетически, отождествляя добродетель и прекрасное. «То, что прекрасно, гармонично и пропорционально; что гармонично и пропорционально, то истинно, а что прекрасно и истинно, то приятно и хорошо, или добро». Движущим стимулом стремления человека к добродетели, с т. зр. Ш., является «энтузиазм», посредством которого и достигается примирение противоположных наклонностей. «Будь добр, воспитан, человеколюбив, и жизнь всего общества будет сплошной гармонией», — учил Ш. Для моральной оценки важным Ш. считал лишь *намерения* личности, а не конкретные последствия ее поступков. Теория Ш., пытавшегося по-

ставить нравственность вне всякой социальной зависимости, носила в целом характер этического *абсолютизма*. Он оказал влияние на взгляды *Юма*, *Канта*, *Гердера*, *Шиллера*. Этические труды Ш. собраны в книге «Характеристика людей, нравов, мнений, времен» (3 т., 1711).

ШИЛЛЕР (Schiller) Иоганн Фридрих (1759—1805) — нем. поэт, драматург, теоретик искусства. Мировоззрение Ш., сложившееся под влиянием идей *Руссо*, *Г. Лессинга*, *Шефтсбери*, характеризует резкая антифеодалная, антимонархическая направленность. Опираясь на представления о естественной природе человека как основе нравственности, свободы и равенства людей, Ш. страстно обличает сословные предрассудки, произвол, деспотизм, уродующие личность, пагубно влияющие на человеческие отношения (драмы «Разбойники», «Заговор Фиеско в Генуе», «Коварство и любовь» и др.). В 90-х гг., отправляясь от философских идей *Канта*, Ш. создает свою оригинальную этическую и эстетическую концепцию. Он критикует кантовское толкование долга, предполагающее подавление личных склонностей, чувственных побуждений. Такое толкование, по мнению Ш., ориентирует человека на поиски морального совершенствования на путях мрачного монашеского аскетизма. Истинно нравственным Ш. считает поведение, при котором склонности не противоречат дол-

гу. Однако гармоничное сочетание обоих начал, с его т. зр., свойственно лишь идеальному человеку («прекрасной душе»). Для совр. об-ва характерна, напротив, разорванность человеческой сущности, одностороннее развитие человеческих способностей: «Прикованный к отдельному малому обломку целого, человек сам становится обломком», превращается в «отпечаток своего занятия». Отсюда упадок нравов (моральное огрубение, господство чувственных инстинктов у низших классов и извращенность, изнеженность у высших). Ш. считает, что выход из подобного состояния открывает эстетическое воспитание. Только искусство как деятельность, для которой характерно равномерное развитие всех творческих сил, и красота, воздействующая одновременно на разум и на чувства, способны сформировать цельного, гармоничного человека, утвердить на земле об-во нравственно совершенных людей. Несмотря на идеализм и утопичность взглядов Ш. на развитие об-ва и совершенствование человека, им присущ оптимизм, ярко выраженный гуманизм. Этическая концепция Ш. изложена в соч.: «О грации и достоинстве» (1793), «Об эстетическом воспитании человека» (1795), «О нравственной пользе эстетических нравов» (1796).

ШОПЕНГАУЭР (Schopenhauer) Артур (1788—1860) — нем. философ-иррационалист, основоположник философии жизни. Ш. высту-

пил против материализма и рационалистической идеалистической философии (особенно против историзма и диалектики). На гл. принципе его метафизического идеализма (сущность мира — это слепая неразумная воля, а представление — его явление) покоится этическое учение Ш., в котором он предлагает исходить из первого факта сознания — из представления, распадающегося потом на объект и субъект. Если человек, созерцая жизнь, забывает самого себя, то тем самым он возвышается до чистого субъекта познания и перестает быть субъектом воли. Ш. распространяет понятие воли на все существующее, возводя ее в некий космический принцип: «Мир является следствием воли к жизни»; не человек «микрокосм», а мир — «макроантропос». Согласно Ш., изучение мира с физической стороны всегда безотрадно для людей. Удовлетворение и утешение они могут получить только при изучении моральной стороны мира, где, с его т. зр., раскрываются глубины «внутреннего существа» человека. Ш. считал, что его философия — единственная, воздающая морали все должное: ведь только в том случае, если признать, что сущностью человека служит его собственная воля и что он есть свое собственное произведение, его поступки являются действительно его собственными поступками и могут быть ему вменяемы. Пессимизм Ш. выразился в положении: «Страда-

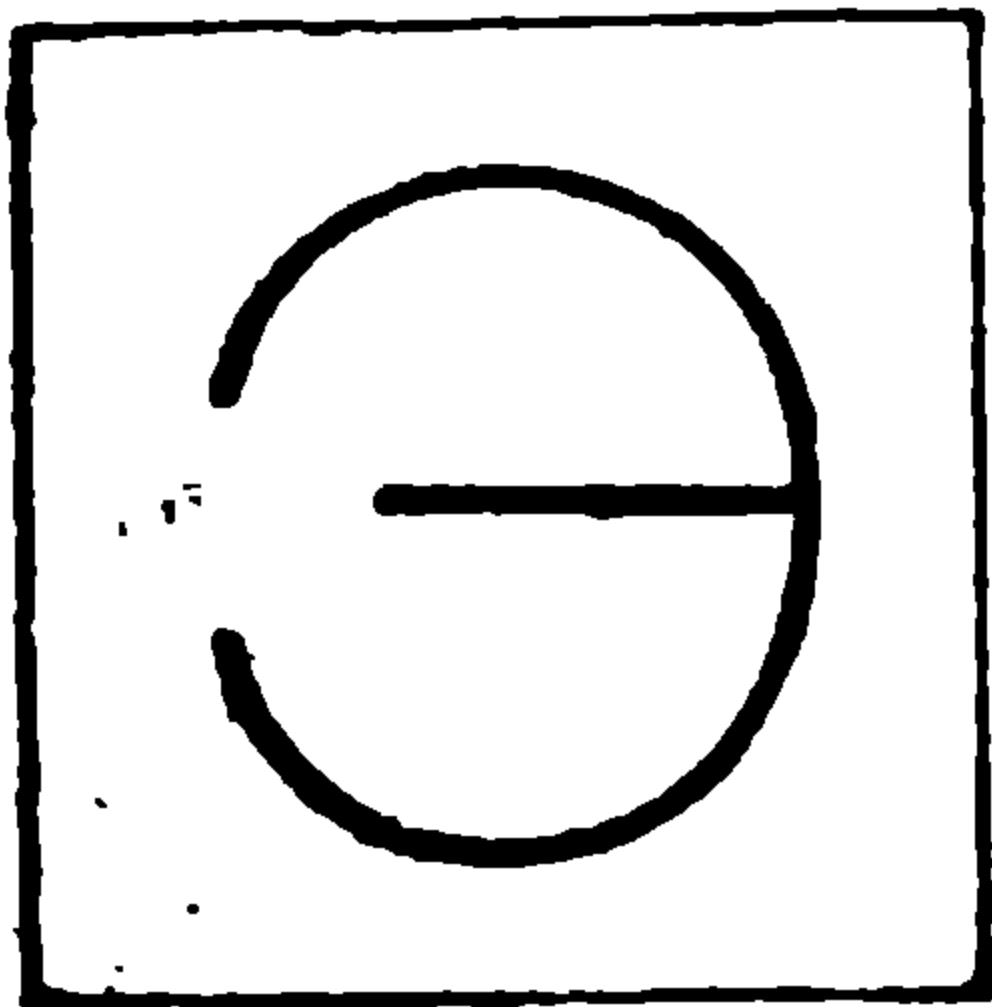
ние — вот истинный удел человека. Жизнь... всегда протекает трагически, и особенно трагичен ее конец». Однако жизнь и смерть трагичны лишь для обычного человека, неспособного постичь их тайну. Для того же, кто возвышается над повседневностью и созерцает сущность мира — волю, а затем через ее постижение отрекается от нее и приходит к нирване (абсолютной безмятежности), для такого человека цель жизни — смерть. «Смерть — это конечный вывод, résumé жизни, ее итог...» Истинный философ, мудрец, постигший тайну мира, не будет бояться смерти, ибо он уже и в жизни знает, что он есть ничто. У него уже нет жажды индивидуального бытия. Т. обр., по Ш., через отрицание воли к жизни человек может прийти к вечной добродетели. Пессимистические и иррационалистические мотивы этики Ш. оказали большое влияние на последующую буржуазную философию, были восприняты и развиты в *экзистенциализме*. Осн. этические соч. Ш.: «Две основные проблемы этики» (1896), «Афоризмы и максимы» (1891—92).

ШТИРНЕР (Stirner) Макс (псевдоним Шмидта Иоганна Каспара) (1806—56) — нем. философ-идеалист. В своем гл. соч. «Единственный и его достояние» (1845) изложил этическую теорию, основанную на принципах «чистого эгоизма». Конкретную индивидуальную личность («мое Я») во

всем ее своеобразии, «единственности» Ш. объявил высшей реальностью, творцом всех ценностей в мире. Подметив свойственную буржуазному об-ву тенденцию к обезличиванию человеческих отношений, к превращению человека в простой придаток социального целого, Ш. сделал отсюда вывод о том, что любые общественные институты, моральные нормы, законы и т. п. враждебны личности. Все надындивидуальное, социальное предстает в его изображении как нечто абсолютно чуждое личности, мешающее ее свободному проявлению. Это мир призраков, фантомов, к-рым люди подчиняются, поскольку они не освободились еще от фетишистского преклонения перед созданиями собственного разума (от «одержимости»). Отсюда и моральное сознание, ориентирующееся на общественное мнение, представляет собой, по Ш., не что иное, как разновидность религиозного, т. е. рабского, сознания, а нормы нравственности, по сути дела, религиозные догматы. Чтобы стать подлинно свободным, человек должен отбросить такие сковывающие его сознание понятия, как нравственный долг, обязанность, и руководствоваться не к.-л. общественными установками, а лишь собственными интересами. Личное благо — вот верховный принцип человеческого бытия. К области личного Ш. относит не только свойственный отдельному человеку мир мы-

слей, переживаний, поступков; все существующее в мире (в т. ч. и др. люди) рассматривается им лишь под углом зрения того, как оно служит утверждению конкретного индивида, объявляется его достоянием (собственностью). Ш. считает, что человек владеет ок-

ружающим его миром, опираясь лишь на свою силу, исходя из своих внутренних возможностей. К. Маркс и Ф. Энгельс в «Немецкой идеологии» подвергли резкой критике крайний *индивидуализм* и идеализм этики Ш., вскрыли ее внеисторический характер.

ЭВДЕМОНИЗМ (греч. eudaimonia — счастье) — часто применявшийся в истории этики способ обоснования морали и истолкования ее природы и целей. Э. во мн. подобен *гедонизму*, часто ему сопутствовал и выступал иногда как его разновидность (в учении *Эпикура*, в этических теориях эпохи Возрождения). Но в отличие от гедонизма основополагающей категорией этики и исходным принципом нравственности Э. считает понятие *счастья*, достижение которого объявляет высшим критерием всякой добродетели и основой моральных поступков. Как и гедонизм, Э. при его последовательном проведении в качестве методологического принципа этической теории представляет собой разновидность *рационализма* и обычно связан с индивидуалистическим толкованием нравственности. Категория счастья выдвигается на первый план в этической теории еще в Древн. Греции. Основоположник кинической школы (*Цинизм*) *Антисфен* не связывал понятия счастья и наслаждения, даже часто противопоставлял их. Наслаждение, с его т. зр., делает

человека зависимым от внешней среды, тогда как счастье состоит в полной независимости человека от всякой чувственности. Римский последователь *стоицизма Цицерон* также противопоставлял состояние счастья чувственным удовольствиям. Такое толкование счастья несло в себе элементы идеализма: в нем уже содержалось противопоставление «телесной» и «духовной» природы человека. У *Аристотеля* же, напротив, счастье толкуется как особый случай наслаждения, как устойчивое и гармоническое удовольствие. Стремление к счастью получает значение морального принципа у средневекового схоласта *Фомы Аквинского*, к-рый придает этому понятию специфически религиозный смысл: счастье, в его понимании, — это нечто противоположное земным радостям. В эпоху Возрождения стремление к земному счастью вновь провозглашается вполне законным нравственным принципом поведения. Элементы Э. содержались в этическом учении *Юма*. Особенно большое значение принцип Э. приобретает в этике фр. материалистов

XVIII в. Счастье человека было ими объявлено конечной целью всякого об-ва и всякой полезной деятельности людей. Стремление к счастью трактовалось как данное человеку от природы, а достижение счастья — как осуществление подлинного назначения человека. В совр. буржуазной этике можно встретить лишь отдельные элементы классического Э., но здесь они часто утрачивают первоначальное гуманистическое содержание и приобретают реакционный социальный смысл (примером может служить «*фелицитология*» О. Нейрата). Марксистская этика считает, что эвдемонистический принцип обоснования нравственности нельзя признать научным и подлинно материалистическим. Категория счастья не характеризует к.-л. определенно-го общественного или лично-психологического состояния человека. В ней находят отражение те или иные нравственные представления о назначении человека. В зависимости от конкретно-исторических и социальных условий в понятие счастья вкладывается различный смысл, соответствующий жизненным устремлениям того или иного класса, социальной группы или отдельной личности. Иными словами, это идеализация того или иного жизненного уклада, выступающая в форме морального предписания, к к-рому должен стремиться человек. Но в таком случае счастье не может служить обоснованием нравственности, т. к.

само нуждается в обосновании, точно так же как и др. моральные представления.

ЭВОЛЮЦИОННАЯ ЭТИКА (лат. *evolutio* — развертывание) — направление в буржуазной философии морали, к-рое толкует происхождение, природу и назначение нравственности с позиций биологического эволюционизма. Основоположником этого направления считают *Спенсера*, рассматривавшего нравственность как форму развития эволюционного процесса, обнимающего всю живую природу, на той его ступени, к-рая соответствует человеческому об-ву. Добро он определял как «более развитое», а зло — как «менее развитое». Идеи Спенсера получили развитие в буржуазной этике XX в., в учении амер. неореалиста Э. Хоулта, англ. философов Дж. Хаксли и К. Уоддингтона, фр. теолога и палеонтолога *Тейяра де Шардена*. При всех различиях теорий морали, относящихся к данному направлению, их объединяет общий методологический принцип: нравственность рассматривается не как специфически общественное явление, а как проявление процесса биологической эволюции, определенной фазой к-рого якобы является история об-ва. Человек с этой т. зр. — высокоразвитое и социализированное животное, а мораль — система условных рефлексов, вырабатываемых об-вом в ходе его эволюции и служащих для человека орудием приспособления к среде.

Хоулт, напр., вообще отрицает общественный характер морали. Понятия добра и долга, с его т. зр., — это средства ориентации человека в природной действительности; они якобы помогают людям осуществить в своем поведении требования органической эволюции, привести поступки в соответствие с внешней средой. В др. теориях Э. э. биологизм выражен не так явно, а проявляется в заимствовании методологии и понятий из научно-теоретического аппарата эволюционной биологии. Сторонники Э. э. часто высказываются против субъективизма и крайнего *релятивизма* в истолковании нравственности, по своему пытаются найти объективные основания морали при помощи данных естественной науки. В целом такого типа теории можно отнести к вульгарно-механистическим, хотя в них часто имеются также элементы объективного идеализма, *фрейдизма* и *бихевиоризма*. Ненаучность данного направления нередко совмещается с реакционностью проповедуемых идей. Напр., у Хоулта достаточно ясно выражены антиобщественные мотивы *индивидуализма* и *эгоизма*.

ЭГОИЗМ (лат. ego — я) — жизненный принцип и моральное качество, характеризующие человека, с т. зр. его отношения к об-ву и др. людям; означает оказание предпочтения при выборе линии поведения собственным интересам перед интересами об-ва и

окружающих людей и является наиболее открытым проявлением *индивидуализма*. Как моральное качество в истории нравственного сознания человека Э. обычно оценивался отрицательно, хотя иногда в это понятие вкладывался и некий положительный смысл. Как распространенное общественное явление Э. возникает вместе с частной собственностью в условиях разложения первобытнообщинных отношений. Особое значение он приобретает в буржуазном об-ве, когда частнособственнические отношения достигают наивысшего развития. Для капиталиста частное предпринимательство, подчиненное сугубо своекорыстным, эгоистическим целям, в сущности, является единственной формой, в какой он может участвовать в общественно полезной деятельности. Поэтому буржуа, с одной стороны, культивирует в себе Э., а с др. стороны, представляет свое накопительство как благодеяние, оказываемое им об-ву. На этой почве возникают даже этические теории с полезности Э. (*Эгоизма теории*). Отношения капитализма формируют эгоистическую психологию не только у господствующего класса, но и в значительной мере у мелкой буржуазии и даже у трудящихся. По своему существу принцип Э. глубоко антигуманистичен, ибо практически означает равнодушие к окружающим людям и пренебрежение их интересами. В отдельные периоды исторического развития принцип Э.

играл относительно прогрессивную роль. Так, начиная с эпохи Возрождения и до победы капиталистических отношений проповедь в литературе, искусстве и философии Э. как любви к себе и права каждого на счастье (*Эвдемонизм*, *Гедонизм*) сыграла определенную роль в освобождении умов людей от средневеково-религиозных представлений о «бренности» и «низменности» земной жизни, в признании достоинства отдельной личности, в осознании людьми своих интересов и законности стремления каждого к счастью. С утверждением же капитализма с предпринимательской деятельностью был сорван ореол «промысла счастья», она обнажила свою бесчеловечную природу, уродующую отношения между людьми. С этого момента проповедь Э. и приверженность ему принимают отчетливо выраженный аморальный характер. Коммунистическая нравственность противопоставляет Э. принцип *коллективизма*, предпочтение общественных интересов личным, заботу о людях, товарищескую взаимопомощь. В социалистическом об-ве Э. становится *пережитком* прошлого, постепенно преодолеваемым в процессе формирования коммунистических отношений. Социальные причины Э. окончательно будут устранены с полным удовлетворением материальных и духовных потребностей всех членов об-ва, с развитием коммунистической сознательности, когда отпадет необходимость в

распределении жизненных благ по труду. Преодолению Э. в значительной мере способствует создание атмосферы непримиримости ко всем его проявлениям.

ЭГОИЗМА ТЕОРИИ — этические концепции, в к-рых утверждается, что человек может руководствоваться в своих действиях только личными интересами, и *эгоизм* выставляется в качестве определяющего принципа нравственного поведения. В Э. т. можно выделить два аспекта. Это, во-первых, философское учение о «природе человека», говорящее о природном человеку стремлении получать наслаждения и избегать страданий, преследовать свои собственные интересы, и, во-вторых, моральное учение о том, что люди должны в своей нравственной деятельности следовать личным интересам. Мысль о том, что человек — эгоист от природы и что из этого должна исходить всякая нравственность, высказывалась в различных видах еще в античной философии (*Демокрит*, *Эпикур* — см. *Гедонизм*, *Эвдемонизм*). Наиболее законченное выражение эти воззрения получили в буржуазной этике XVII—XVIII вв. (*Спиноза*, фр. материалисты). Здесь эта идея явилась попыткой создать нравственность исходя исключительно из земных интересов людей и была направлена своим острием против феодально-христианской морали, основанной на вере в бога и проповеди отказа от мирских наслаж-

дений. В этом состояло исторически прогрессивное значение данных Э. т. Этика фр. материалистов получила название теории «разумного эгоизма». Суть ее состояла в следующем: если человек в своих поступках может следовать только собственным интересам, то следует учить его не отказу от эгоизма, а тому, чтобы он понимал свои интересы «разумно», следовал требованиям своей подлинной «природы»; если об-во будет организовано так же «разумно» (подразумевалось, по сути дела, буржуазное об-во), то интересы отдельных личностей не будут приходить в столкновение с интересами окружающих и об-ва в целом, а, наоборот, будут служить им. С наибольшей полнотой идеи «разумного эгоизма» были сформулированы в работах *Гельвеция* и имели специфически буржуазный характер. В сущности, они идеализировали деятельность частного предпринимателя, к-рый, преследуя только свои собственные интересы, вместе с тем объективно служит интересам об-ва, производит необходимые людям товары и услуги. Развитие капиталистических отношений полностью развенчало иллюзию относительно разумности и гуманности буржуазного об-ва. Классовую природу теории «разумного эгоизма» вскрыли классики марксизма. Подобного же рода идеи развивал нем. философ-материалист XIX в. *Фейербах*. Рус. революционный демократ *Чернышевский*

также выдвигал теорию «разумного эгоизма», придавая ей заостренно революционную направленность. В своей этике Чернышевский сделал упор на служение личности об-ву; сознательное подчинение человеком своих устремлений потребностям революционной борьбы и есть, с его т. зр., то, что наиболее полно отвечает его личным интересам. Принципом такого «разумного эгоизма», включающим необходимость самопожертвования, и руководствуются герои романа Чернышевского «Что делать?». Подобное истолкование личного интереса было в известной мере искусственным. Оно было связано с антропологической философией, усматривающей источники нравственности в человеке как таковом, взятом независимо от об-ва. Это было выражением ограниченности домарксовского материализма, для к-рого обращение к неким всеобщим чертам отдельного изолированного человека казалось единственно возможным противопоставлением религиозно-богословской этике. Иной смысл имеют Э. т., выдвигаемые в совр. буржуазной этике. Они служат оправданию пороков капиталистического об-ва и, как правило, носят откровенно аморальный характер (*Аморализм*).

ЭКЗИСТЕНЦИАЛИЗМ (лат. *exsistentia* — существование) — одно из влиятельных течений в совр. буржуазной теории морали, разновидность этического *ирра-*

ционализма. Э. наследует идеи философии жизни (*Ницше*, В. Дильтей и др.), феноменологии (Э. Гуссерль); большое влияние на его представителей оказали *Кьеркегор* и *Достоевский*. Как философское и идейное направление Э. начал формироваться в 20-х гг. в Германии и перед второй мировой войной во Франции. В настоящее время идеи Э. распространены также в США, где их развивают в первую очередь теологи-неоортодоксы (*Неопротестантизм*), и в др. капиталистических странах. Экзистенциалистская этика, как и философия, не представляет единой школы. Различают две ее ветви — атеистическую (*Хайдеггер*, *Сартр*, *Камю*, С. де Бовуар) и религиозную (*Ясперс*, *Марсель*, М. Бубер, а в начале XX в. ее представителями уже были *Бердяев*, Лев Шестов). Различны не только теоретические, но и социально-политические позиции экзистенциалистов. В этике Э., однако, можно выделить систему общих принципов и идей, к-рые, каковы бы ни были личные убеждения ее сторонников, имеют индивидуалистическую направленность. Центральная проблема Э. — положение личности в мире. Анализируя структуру существования (экзистенции) личности, теоретики Э. верно подмечают характерные черты жизни человека в об-ве монополистического капитала — его обезличенность, утрату им свободы и индивидуальности (*Конформизм*), понимания смысла

жизни, одиночество, разобщенность людей и т. п. В рамках своей философии они пытаются найти выход из того морального кризиса, в к-рый завел об-во капитализм, породив чудовищные формы *отчуждения*. Этот выход экзистенциалисты видят не в преобразовании социальных условий, а в способности индивида преодолеть (прежде всего через отношение к богу, к ничто, к смерти) свое «неистинное», «неподлинное» существование и обрести свойственную только ему экзистенцию. В основе такого понимания подлинности лежит субъективистская трактовка природы человека: «истинное» бытие человека не детерминировано объективно, а свободно выбирается им по собственному замыслу-проекту. Безусловное признание личностью своей ничем не ограниченной свободы и является будто бы условием возвращения ее к подлинности и основой экзистенциальной нравственности. В действительности же природа человека, способ его бытия и духовный облик исторически и социально обусловлены, формируются в процессе материально-практической деятельности. И преодоление враждебных человеку условий, обретение им своей настоящей сущности и свободы возможны только путем революционного переустройства общественной жизни. Игнорируя единство объективной обусловленности существования человека и его практической активности, экзистенциа-

листы противопоставляют свободу и необходимость, считают, что человек может быть свободен только в сфере своих духовно-личностных устремлений. Понимаемая т. обр. свобода есть лишь иллюзия. Она оказывается не господством человека над условиями жизни, а подчинением им, означает уход от действительности в свои интимные переживания. На этом ложном толковании основывается экзистенциалистская концепция нравственности. Согласно ей, каждый индивид должен выбрать свои поступки, найти себя вопреки общественным нормам, помимо объективных критериев и независимо от др. людей. Лишь тогда, когда человек совершает моральный *выбор* в полном одиночестве, повинаясь своему абсолютно свободному замыслу (*Свобода воли*), он считается сторонниками Э. ответственным за свое бытие. Но подобное представление об *ответственности* оправдывает любые действия человека. Фактически здесь стирается грань между добром и злом, свобода превращается в произвол, а ответственность — в полную безответственность. В сущности, это позиция *волюнтаризма* и анархистского бунтарства, к-рая враждебна последовательной борьбе с капиталистическим об-вом, основанной на осуществлении единой программы действий и солидарности борцов за общее дело. Т. обр., Э. оказывается неспособным разрешить проблемы личности и ее ответ-

ственности перед человечеством, более того, перенеся рассмотрение их в сферу субъективного, экзистенциалистская этика подводит человека к осознанию безвыходности своего положения и необходимости смириться с ним. Экзистенциалистская «свобода» в конечном итоге оборачивается порабощением и бездеятельностью человека. Пессимистические тона этики Э. наиболее отчетливо выступают у представителей ее религиозной ветви, к-рые приходят к *эсхатологии*, и у Хайдеггера. Мотивы обреченности, одиночества, абсурдности и бессмысленности жизни, смирения с действительностью, устремленности к смерти пронизывают экзистенциалистскую этику. Отстаивая права и достоинство личности, экзистенциалисты вместе с тем отнимают у человека возможность борьбы за лучшее будущее; отрицание буржуазной морали перерастает у них в оправдание *нигилизма* и *аморализма*. В этом — реакционный и антигуманный смысл этики Э.

ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ ЭТИКА — наиболее распространенное название направления в совр. буржуазной философии морали, начавшего формироваться с середины 70-х гг. в связи с осмыслением причин и последствий экологического кризиса, а также поиском социально-приемлемых способов его разрешения. Представлено теоретиками различной мировоззренческой ориентации (Д. Коз-

ловский, Т. Кiefeр, Д. Пирс, Я. Тинберген, М. Зибнер и др.), обеспокоенными негативными последствиями воздействия человека на среду обитания, ставящими под сомнение возможность дальнейшего поступательного движения человеческой цивилизации, сохранения окружающей среды, выживания людей как биологических существ. Возникновение Э. э. свидетельствует об определенных сдвигах, происходящих в сознании значительной части западных ученых, первоначально рассматривавших совр. глобальные проблемы лишь через призму физических, «внешних пределов роста» (исчерпаемость природных ресурсов, загрязнение окружающей среды, рост народонаселения на планете), но постепенно пришедших к пониманию того, что кризисные процессы тесно связаны с этическими, социальными и политическими проблемами, стоящими перед человечеством. В отличие от теоретиков, акцентирующих внимание на социально-экономических и политических аспектах глобальных проблем и экологического кризиса, представители Э. э. сосредоточиваются на морально-этической проблематике, отмечая глубокий разрыв между экологическим и этическим развитием, в то время как, по их мнению, имеется тесная связь между «образами будущего» и этикой. Обсуждение глобальных проблем в отрыве от моральных императивов, этических ценностей и нрав-

ственных ориентаций представляется им бесперспективным. Многие из них полагают, что экологический кризис — следствие неправильной ценностной ориентации, к-рой руководствуется человек в своей практической деятельности по преобразованию природного мира. Представителей Э. э. объединяет убеждение, что совр. экологические проблемы требуют нового подхода к окружающей среде, в основе к-рого должна лежать этика, ориентированная на будущее и утверждающая органическую связь между человеком и природой (*Отношение к природе*). Эту этику называют по-разному: «новая этика» (Г. и М. Мише), «глобальная этика» (Я. Тинберген), «новый международный моральный порядок» (Э. Ласло); мн. же предпочитают называть ее «Э. э.» (Г. Кiefeр, Д. Козловский и др.), апеллируя к таким «экологическим ценностям», как выживание, обеспечение безопасности, удовлетворение потребностей людей, связанных с поддержанием их жизнедеятельности (продукты питания, одежда, жилье), повышение «качества жизни» и т. д. Однако обращение представителей Э. э. к этическим проблемам не идет дальше нравственной проповеди, нацеленной на пробуждение экологического сознания людей, но не соотнесенной с их реальным моральным опытом. Раскрытие нравственных проблем природопользования важно, поскольку позволяет понять

сущность отношений между общественным человеком и природой и осознать истоки противоречий, возникающих между человеком и средой его обитания. Но осмысление этого вне связи с конкретно-историческими формами организации жизнедеятельности людей не только не способствует реальному разрешению экологических проблем, особенно остро дающих себя знать в условиях государственно - монополистического капитализма, но и ведет к неправомерному отождествлению кризиса этических норм и жизненных ориентаций, характерного для совр. буржуазной культуры, с кризисом нравственных ценностей человеческой цивилизации как таковой. Идеи Э. э. развиваются в работах Д. Козловского «Экологическая и эволюционная этика» (1974), Г. Киефера «Биоэтика» (1979), представителей Римского клуба и др. западных ученых.

ЭМОТИВИЗМ — см. *Неопозитивизм*.

ЭМОЦИИ (лат. *emovere* — возбуждать, волновать) — аффективная форма проявления моральных чувств (в отличие от волевой формы их выражения — *побуждений*). Если чувство представляет собой устойчивое субъективное отношение человека к ч.-л. (любовь к родине или к др. человеку, ненависть к врагу), то Э.— это переживание того или иного чувства в определенный момент, в конкретной ситуации. Сам процесс протекания

Э. (изменение деятельности сердца и легких, прилив или отлив крови, сокращение мышц, обострение или подавление обычных реакций, изменение выражения лица, интонации, жестов и т. п.) изучается психологией и физиологией. Этика занимается лишь социальным содержанием Э. (анализирует, как они выражают отношение человека к об-ву и влияют на его поведение). К моральным Э. можно отнести, напр., переживание чувства одобрения и осуждения, удовлетворения, радости, симпатии и неудовлетворенности, антипатии, а также гнев, стыд, отвращение, негодование, сочувствие, но лишь в том случае, когда в них проявляется моральная оценка человеком своих собственных или чужих поступков. Такую эмоциональную форму нравственной оценки следует отличать от внешне так же проявляющихся переживаний, но за к-рыми не скрывается ничего, кроме личных интересов, склонностей, привычек, симпатий, антипатий.

ЭНГЕЛЬС Фридрих (1820—95) — друг и соратник Маркса, создавший вместе с ним марксистское учение. Философско-этические проблемы с самого начала осмысливались Э. в контексте критики классового, в первую очередь буржуазного, об-ва. Постепенно преодолевая влияние морально-утопического критицизма левых младогегельянцев, Э. перешел на позиции научного историзма. Уже в 40-х гг. исходным пунктом его

этической программы становится такое изменение характера человеческой деятельности, к-рое позволит уничтожить «раздвоение труда в себе самом», его *отчуждение* (т. 1, с. 557). Последнему Э. противопоставляет свободную деятельность людей в будущем коммунистическом об-ве, где «труд станет своим собственным вознаграждением...» (там же, с. 558). Это не частное изменение, а глубочайшее гуманистическое преобразование всего социального мира: «Человек должен... устроить мир истинно по-человечески...» (там же, с. 593). Выдвигая задачу «свободного, самостоятельного творчества нового мира, покоящегося на чисто человеческих, нравственных жизненных отношениях» (там же), Э. дает, хотя еще самую общую и абстрактную, характеристику коммунистического идеала. В совместно с К. Марксом написанной книге «Святое семейство» (1845) Э. принадлежит формулировка важного принципа марксистской философии человека: «История не делает ничего, она «не обладает никаким необъятным богатством», она «не сражается ни в каких битвах»! Не «история», а именно человек, действительный, живой человек — вот кто делает все это, всем обладает и за все борется. «История» не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством... История — не что иное, как деятельность... человека» (т. 2, с. 102). Классовой бур-

жуазной морали, к-рая, так же как и право, представляет собой результат абстрактного толкования человека (там же, с. 211), Э. противопоставляет коммунистическую нравственность, неотделимую от борьбы за конкретную целостность человека (*Всестороннее, целостное развитие личности*). В книге «Положение рабочего класса в Англии» (1845) Э. обратил внимание на тенденцию к формированию образованного, культурного рабочего класса, к-рую пытается затормозить буржуазное воспитание. Последнее учит «податливости и приспособлению... покорности своей судьбе» (там же, с. 462). В «Немецкой идеологии» (1845—46), написанной совместно с К. Марксом, прослеживается историческая природа нравственности, ее связь с конкретными формациями, классами и т. д., подвергается критике мораль и идеология классового об-ва. Вместе с тем понятие нравственного субъекта Э. и Маркс не отделяют от конкретных личностей и выступают против переноса его на формы социальности, взятые в отрыве от порождающей их человеческой деятельности (т. 4, с. 14). Критика с позиций историзма абстрактно-моралистической этической концепции Фейербаха, его попытки создать новую религию дается в работе Э. «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии» (гл. III, 1886). Проблему соотношения классового содержа-

ния морали и общечеловеческих норм нравственности он рассматривает в «Анти-Дюринге» (1877—78). «...Мы утверждаем, что всякая теория морали являлась до сих пор в конечном счете продуктом данного экономического положения общества. А так как общество до сих пор двигалось в классовых противоположностях, то мораль всегда была классовой моралью: она или оправдывала господство и интересы господствующего класса, или же, как только угнетенный класс становился достаточно сильным, выражала его возмущение против этого господства и представляла интересы будущности угнетенных... Мораль, стоящая выше классовых противоположностей и всяких воспоминаний о них, действительно человеческая мораль станет возможной лишь на такой ступени развития общества, когда противоположность классов будет не только преодолена, но и забыта в жизненной практике» (т. 20, с. 95—96). Э. показал, что сведение нравственности к абсолютным и неизменным требованиям антиисторично. Оно приводит к тому, что некому особенному содержанию придается всеобщее значение, а его особенность и преходящий характер не осознаются. Столь же неправоммерно и сведение нравственности к чисто функциональным и классово-служебным явлениям, ибо оно ведет к *релятивизму* и к отрицанию прогресса нравственного *разума* вместе со всей ду-

ховной культурой человечества. Э. положил начало критике экономического материализма, особенно его наиболее вульгарных проявлений. Последний толковал нравственность как придаток экономического общественного организма, взятого в отрыве от человеческой деятельности; тем самым он сводил нравственные критерии к критерию полезности и функциональной целесообразности. Э. показал, что именно восстановление суверенных прав нравственного суда каждой человеческой личности над условиями жизни есть реальная задача коммунистического преобразования мира. Эта задача получает свое разрешение по мере того, как в революционном процессе рабочий класс сбрасывает с себя «всю старую мерзость» (т. 3, с. 70) и благодаря этому становится способным создавать принципиально новый тип социальности — коммунизм.

ЭПИКТЕТ (Epictetus) (ок. 50—ок. 140) — римский философ-стоик. Был рабом, позднее получил свободу; последователь римского стоика Мусофия Руфа. Самостоятельная деятельность Э. в Риме закончилась в 90-х гг., когда император Домициан запретил находиться в городе всем философским школам. Остальное время жил и учил в Никополе (Эпир). Как и мн. греч. философы, он не писал трактатов. До нас дошли «Рассуждения» и «Беседы» Э., записанные его учеником Аррианом. Будучи прежде всего пропо-

ведником нравственности, Э. не разрабатывал теории морали. Более подробно, чем др. представители *стоицизма*, он говорит об индивидуальной свободе — величайшем благе, делающем человека счастливым (таков *эвдемонизм* стоиков). Свободным Э. называет того, кто распоряжается лишь тем, что в его власти: «Когда будешь желать только того, что от тебя зависит,— тогда ничего не будет страшным для тебя». Богатство и тело человека не зависят от него (имущество могут отнять, его самого сделать рабом), но мысль и воля — всецело достояние индивида, и здесь он вполне свободен. Все, что случается, неизбежно. Поэтому надо мужественно и без ропота переносить невзгоды. Добро и зло не в вещах, а в душе, удручают не события, а мнения о них. Э. доказывал, что в условиях рабства свободная воля и внешнее благополучие несовместимы, отсюда он ошибочно заключил, что нужно отречься от всего ради духовной независимости и спокойствия. Т. обр., идеал Э.— негативная, аскетическая свобода, означающая на деле несвободу, ибо человек не может развить и проявить себя, отрешаясь от социальных и культурных богатств предметного мира, созданных об-вом. Жить в соответствии с заповедями Э.— значит жить в согласии с природой — с мировым разумом, с законами правды и добра, т. е. в согласии с богом, частица к-рого находит-

ся в каждом. Именно эта общность с богом позволяет индивиду интуитивно отделить доброе от злого. В мыслях Э. о ценности всякого труда, о равенстве всех перед богом, в осуждении им жестокости и роскоши выражался протест против рабовладельческого строя, однако пафос его проповеди — терпение, непротивление и сострадание — не затрагивал существующих порядков. По Э., смысл философии заключается в ее практической значимости. Сам он вел поистине стоический, аскетический образ жизни. И даже имени своего не оставил потомкам («эпиктет» по-греч. значит «приобретенный» кем-либо, «раб»). Э. не признавал бессмертия души, но др. аспектами своего учения оказал значительное воздействие на последователей христианской морали.

ЭПИКУР (341—270 до н. э.) — древнегреч. философ-материалист, создатель *эпикуреизма*, индивидуалистической этики, к-рая является развитием *эвдемонизма* *Демокрита*. Основал школу в Афинах под названием «Сад Эпикура» (ок. 307), на воротах к-рой была надпись: «Странник, здесь тебе будет хорошо; здесь высшее благо — наслаждение». Отвергая сверхъестественное происхождение нравственного чувства, Э. усматривает его источник в самом человеке, в естественном, присущем человеку от природы стремлении тянуться к удовольствию и избегать страдания. Добродетель

выступает для Э. лишь средством для достижения блаженства — высшей цели нравственной жизни. Этика Э. основана на *гедонизме*, однако, подчеркивая чувственную природу наслаждения, он отдавал предпочтение не скоропреходящим, минутным плотским удовольствиям, а тем, к-рые вызывают устойчивое счастливое состояние. А такими могут быть только духовные формы блаженства. Высшее благо — счастье достигается, по Э., мудростью, к-рая учит жить сообразно с постигаемой разумом природой, душевным спокойствием, получаемым в результате отказа от суетных желаний, и *дружбой*, объединяющей единомышленников. Телесные удовольствия Э. одобрял лишь при условии разумного их направления, признавал только те, к-рые вызываются естественной необходимостью. При этом он придавал значение не столько наличию удовольствий, сколько отсутствию страданий от неумеренности. Отсюда его учение об *атараксии* — невозмутимом состоянии духа, когда человек освобождается от своих страстей и влечений и достигает т. обр. высшего блаженства. По-настоящему счастлив лишь мудрец, к-рый высоким состоянием духа побеждает все страдания и живет без внутренних противоречий. Жизнь Э. — пример соединения поведения и принципов, им проповедуемых. В школе Э. господствовало правило: делай так, будто на тебя смотрит сам учи-

тель. Демократизм этики Э. основан на том, что все наставления ее доступны каждому человеку. Не случайно среди учеников Э. были даже женщины и рабы. Классики марксизма считали Э. «подлинным радикальным просветителем древности...» (Маркс К., Энгельс Ф., т. 3, с. 127). Осн. соч.: «Главные мысли», «Письмо к Менойкею».

ЭПИКУРЕИЗМ — направление в истории этики и моральных учений, а также нравственный *принцип*; разновидность *гедонизма*. Получил название по имени древнегреч. философа *Эпикура*, к-рый считал высшим *благом* состояние блаженства, наслаждение и связывал с его достижением все моральные добродетели. Тем самым он попытался найти основу всех нравственных представлений в реальной жизни людей. Но непонимание общественной природы человека привело его к неправильному выводу, что стремление к наслаждению и попытки избежать страданий естественно присущи всякому живому существу, заложены в душе человека самой природой. Социальный смысл учения Эпикура состоял в противопоставлении религиозному обоснованию нравственности, канонизировавшему косные традиционные устойчивые греческого об-ва того времени, индивидуалистическое ее понимание, в попытках найти источник нравственности не в божественной силе, а в человеческой личности. Хотя антирелигиозная направлен-

ность эпикуровского учения имела исторически прогрессивное значение, индивидуалистические его моменты были отражением наступавшего кризиса античного рабовладельческого об-ва. В дальнейшем учению Эпикура был придан грубо вульгарный смысл: под Э. стали понимать погоню за чувственными удовольствиями и образ жизни, для к-рого характерны низменные страсти и распутство. Этому, с одной стороны, способствовало то, что рабовладельческая верхушка в период упадка античного об-ва именно так практически истолковала учение Эпикура, в таком же духе в последующие эпохи его восприняли представители дворянской аристократии и разбогатевшей буржуазии, исповедовавшие культ роскоши. С др. стороны, идеологи христианства, к-рым претил антирелигиозный дух Э., мн. сделали для того, чтобы дискредитировать это учение, придав ему именно такой, грубо вульгарный, смысл. Проповедь религиозного аскетизма предполагала доказательство неизменности всяких земных радостей.

ЭСХАТОЛОГИЯ (или эсхатология, греч. *eschatos* — последний и *logos* — учение) — религиозное учение о конечной судьбе мира. Согласно христианской догматике, история человечества складывается из следующих осн. моментов, к-рые и определяют характер христианского толкования нравственности: бог создал человека по своему образу и подобию,

дал ему моральный закон и наделил его *свободой воли*, сделал, следовательно, его ответственным за свои поступки; прародители людей совершили первородный *грех*, за что на всем роде человеческом лежит проклятие бога; посланный богом на землю Христос искупил вину человечества (*Искупление*) и тем самым создал возможность будущего «спасения» людей от греха в «царстве божьем» (религиозная форма трактовки общественного *идеала*), к-рое наступит после «страшного суда», где будут отделены «праведные» от «неправедных». Из этих мифологических представлений делаются выводы, имеющие моральное значение: человек в своей нравственной деятельности должен надеяться не столько на свои собственные силы, сколько на божественную милость (*Смирение*); высшая моральная санкция состоит якобы в том, что добродетель вознаграждается, а порок наказуется не в земной, а в загробной жизни (*Воздаяние*); хотя человек свободен, он уже не может не грешить, поскольку он унаследовал первородный грех; самым страшным грехом против бога являются не преступления против морали, а «гордыня» (*Гордость*), претензии на преодоление греха и достижение морального совершенства. Хотя в толковании отдельных моментов эсхатологического учения в различных направлениях христианства существуют особенности, в целом оно имеет

реакционный характер, обезоруживая людей в борьбе с социальным и моральным злом, настраивая их на пассивное ожидание фатальных «предначертаний».

ЭТИКА (греч. *ethika*, от *ethos* — обычай) — философская наука, объектом изучения которой является мораль. Э. — одна из древн. теоретических дисциплин, возникшая как часть философии в период становления рабовладельческого об-ва. Для обозначения учения о нравственности термин «Э.» был введен *Аристотелем*. Как философская наука, отличная от обыденного морального сознания, стихийно формирующегося в процессе социальной практики людей, Э. возникает в результате отделения духовно-теоретической деятельности от материально-практической, т. е. с зарождением классового об-ва. Но Э. теоретически призвана была решать те же самые практические нравственные проблемы, к-рые возникали перед человеком в жизни (как должно поступать, что следует считать добром и что злом и т. д.). Поэтому уже начиная с древности Э. было принято считать «практической философией» в отличие от «чисто теоретического» знания о мире. Это разделение «практического» и «теоретического» знания сохраняется до сих пор в буржуазной Э., но отвергается марксизмом. Всякое теоретическое знание имеет в конечном счете практическое значение, не только вооружает человека методами и сред-

ствами преобразования мира, но и содержит мировоззренческую сторону, так или иначе обосновывает цели практической деятельности. Это относится не только к Э., но к философии в целом и всем др. гуманитарным наукам. Специфика Э. в данном вопросе состоит в том, что указанные цели формулируются здесь в форме идей о должном, о добре и зле, в виде идеалов, моральных принципов и норм поведения, в учении о назначении человека и смысле его жизни. Постепенно в Э. начали различать два рода проблем: вопросы о том, как должен поступать человек (*нормативная этика*), и собственно теоретические вопросы о происхождении и сущности морали. В общем это разграничение было исторически оправданно. Однако в совр. буржуазной этике его доводят до полного разделения теоретической и практической задач этической науки, до противопоставления друг другу *метаэтики* и *нормативной этики, истины и нравственности, морали и науки*. Получается, что Э., если она притязает на научность, должна отказаться от задачи формулировать нравственные принципы либо, если она остается «практической философией», должна отказаться от принципов научного мышления (*Формализм, Иррационализм*). Такая постановка вопроса свидетельствует о глубоком кризисе совр. буржуазной Э. и делает ее в принципе неспособной научно решать проб-

лемы морали. Лишь марксистско-ленинская этическая наука правильно решает вопрос об отношении Э. к ее предмету — морали. Она исходит из того, что нравственные принципы не устанавливаются философами, а вырабатываются в процессе социальной практики людей. В них отражается громадный жизненный опыт мн. поколений. Э. обобщает и систематизирует эти принципы, теоретически осмысляет их содержание. Но она не должна ограничиваться только этим. Во всей предшествующей истории человечества моральные представления людей формировались стихийно и выступали перед ними как неизвестно кем сформулированные законы, происхождение к-рых теоретики пытались объяснить лишь задним числом (приписывали их авторство богу или выводили из естественной «природы человека»). С возникновением научной теории развития об-ва, раскрывающей, в частности, и законы развития морали, Э. стала способной научно обосновывать нравственные принципы, доказывать разумность одних и подвергать рациональной критике др. Она получила возможность помогать людям сознательно и целенаправленно вырабатывать те моральные представления, к-рые отвечают их историческим потребностям. Практическое решение этой задачи марксистско-ленинской Э. становится настоящей необходимостью в эпоху строительства ком-

мунизма. В марксистско-ленинской Э. можно выделить несколько осн. областей исследования. Основу ее предмета составляет учение о природе морали как особого социального явления и форме общественного сознания, о роли морали в жизни об-ва, о законах развития нравственных представлений, отражающих материальные условия жизни людей, о классовом характере морали. Наряду с этими общими принципами, к-рые формулируются историческим материализмом, Э. имеет дело с более специальными вопросами. Прежде всего она анализирует социальный механизм морали и ее сторон — природу нравственной деятельности, моральных отношений и морального сознания. Осн. элементы моральных отношений, сознания и деятельности обобщаются и отражаются в категориях этики. Особую область составляет изучение структуры морального сознания и его различных форм (*Логика морального языка*). В тесной связи с перечисленными проблемами рассматриваются вопросы природы моральных ценностей (*Аксиология*). Э. занимается также конкретно-социологическим исследованием морали в различных типах об-ва (*Дескриптивная этика*). Лишь на основе решения всех этих теоретических задач возможно подлинно научное обоснование принципов коммунистической нравственности, к-рое является осн. задачей марксистской нормативной Э. В задачи марк-

систско-ленинской Э. входит также изучение истории этической мысли прошлого и критика совр. буржуазных этических учений. Исследование истории Э. позволяет критически освоить богатое идейное наследство прошлых веков. Домарксистская Э. в целом оставалась на позициях исторического идеализма; обычно выводила моральные принципы из к.-л. внеобщественного начала. Однако в ее развитии постоянно происходила борьба между откровенно идеалистическими теориями, усматривающими основу нравственности в повелениях бога, в абсолютной идее или человеческом сознании, и материалистической тенденцией, в к-рой мораль сводилась к земной основе, к практическим интересам и потребностям людей. Каждая новая общественно-экономическая формация порождала новые теории. Как и во всех др. формах идеологии, в области Э. непрестанно происходила борьба между прогрессивными и реакционными идеями. В теоретическом плане постоянно сталкивались между собой различные типы этических теорий, к-рые давали диаметрально противоположные решения стоящих перед Э. проблем. Эти противоположности обычно представляли собой крайние, в равной мере ложные т. зр. (Конкретное содержание теорий домарксистской и совр. буржуазной Э., а также их осн. типы рассматриваются в соответствующих статьях словаря.)

ЭТИКА И ПЕДАГОГИКА (греч. *ēthika, paidagōgiké*) — общественные дисциплины, имеющие различные предметы исследования, но тесно связанные между собой. Теория морали— Э. анализирует общие законы развития моральных отношений и представлений, формы морального сознания и регулируемую посредством их моральную деятельность людей. Ее составная часть — *нормативная этика* обосновывает нравственные принципы, в к-рых отражаются социально-исторические потребности человека. П. же, как теория воспитания, исходя из изучаемых Э. закономерностей, решает практическую задачу — устанавливает пути и методы формирования моральных убеждений, чувств и привычек в соответствии с определенными нравственными принципами. В этом смысле П.— дисциплина, основанная на данных Э. Это, конечно, не означает, что Э.— чисто академическая дисциплина (ее всегда считали «практической наукой»), а П.— наука, не имеющая собственного теоретического содержания. Существуют объективные законы процесса общественного воспитания и обучения, к-рые и изучаются П. (*Коммунистическое воспитание*). В этом отношении П. связана также с социальной психологией, анализирующей закономерности развития массового сознания и деятельности людей. В определенном смысле предмет исследования П. шире, чем Э., поскольку в ней рассматрива-

ются вопросы не только морального, но и др. сторон общественного воспитания — умственного (в т. ч. научно-теоретического), производственно-технического, трудового, политического, эстетического, физического. В условиях социалистического об-ва П. в самом широком смысле совпадает с теорией коммунистического воспитания. Тесная связь марксистской П. и Э. способствует развитию обеих дисциплин. Использование в П. теоретических выводов Э. и данных социальной психологии обогащает методы воспитания, идейный арсенал воспитателя, создает предпосылки для научного подхода к решению стоящих перед ним практических задач, для глубокого понимания социально-психологических процессов в жизни социалистического об-ва, к-рыми он призван управлять. Связь Э. с П., с практикой коммунистического воспитания способствует повышению теоретического уровня этической мысли, помогает изживать в трудах по теории морали схоластические, псевдонаучные общие рассуждения. Ориентация Э. на практические задачи коммунистического строительства предполагает подлинную связь этой науки с жизнью и современностью: развитие теории морали, основанной на конкретных социально-педагогических исследованиях, проверенной практикой строительства коммунистических отношений; углубленное рассмотрение актуальных проб-

лем, вскрывающее социальные процессы во всем их богатстве и противоречивости. Взаимодействием Э. и п., естественно, не исчерпывается вопрос об идейно-теоретической и практической основе этих наук. В конечном счете обе дисциплины основываются на более общих принципах марксистско-ленинского учения.

ЭТИКА И ПСИХОЛОГИЯ

(греч. *ethika* и *psyche* — душа) — науки, тесно соприкасающиеся между собой в изучении человеческого поведения и побуждений, но исследующие их с различных т. зр. Вплоть до XVIII в. в философии не существовало четких границ между Э. и п. В Э. господствовал натурализм и психологизм в истолковании природы нравственных мотивов как нек-рых «естественных» стремлений и чувств человека. Это представление нашло наиболее законченное выражение в *нравственного чувства теориях*, где понятия и принципы морали выводились из неких изначальных чувств и переживаний (одобрения и осуждения, удовлетворенности и недовольства собой). Первым в истории Э. натурализм и психологизм в трактовке морали подверг критике Кант. Он указал, что относиться с одобрением к хорошему и с осуждением к плохому, испытывать внутреннюю удовлетворенность своими добрыми поступками и угрызения совести от аморальных действий человек может только в том случае, если он уже является

моральной личностью. Поэтому надо сначала определить, что такое моральное сознание, а потом уже говорить о том, в каких именно переживаниях оно выражается. В противоположность П., к-рая занимается психической природой человека (каков он есть в действительности) и выясняет фактические субъективные причины и механизмы его действий, Кант определял Э. как науку о должном поведении человека и о том, каковы должны быть его мотивы, если даже на самом деле он им не следует. Кант не смог выяснить социальную природу морали, а потому и истолковал моральное сознание как априорное в противоположность психике, к-рая эмпирически обусловлена. В этом проявилось его идеалистическое понимание морали. Проблема соотношения Э. и п. остается нерешенной и в совр. буржуазной этике, к-рая либо трактует мораль как проявление человеческой психики, либо следует кантовскому противопоставлению эмпирически обусловленной психики и априорной, логической или иррациональной способности морального суждения. В марксистской теории проблема соотношения Э. и п. получила научно-материалистическое решение. П. изучает законы человеческой психики, общие специфические свойства личности, социальных групп, процессы, протекающие в сознании человека и составляющие внутренние, субъективные причины его действий. Э.

рассматривает поведение и духовный мир человека лишь постольку, поскольку они определяются социально-историческими законами нравственности, отвечают или не отвечают моральным требованиям (*Сознание моральное, Логика морального языка*) и обладают нравственным значением (*Ценности*). Отсюда вытекают и различные аспекты в трактовке нек-рых понятий в Э. и п. Так, П. рассматривает свойства характера человека с т. зр. их обусловленности определенными психическими механизмами (стереотипами, привычками, склонностями, потребностями, чувствами), к-рые могут быть отчасти врожденными, а отчасти приобретенными, воспитанными в известных социальных условиях и к-рые внешне выражаются в соответствующих действиях, типичных для данного лица. Э. рассматривает моральные качества безотносительно к психическим механизмам, как общие характеристики поведения множества самых различных людей и в зависимости от того, соответствуют или не соответствуют они нравственным требованиям, дает им положительную или отрицательную оценку. Напр., сила воли изучается П. с т. зр. психических механизмов, управляющих поведением человека, а в Э. рассматривается как положительное нравственное качество, отвечающее известным требованиям морали, отразившим определенные общественные потребности. Т. обр.,

и психические свойства, и моральные качества причинно обусловлены, но проявляют в себе различные виды *причинности*. При всем различии Э. и п. эти науки взаимосвязаны. Э. разъясняет нравственное значение тех или иных изучаемых психологами действий, мотивов, характеров, а П. раскрывает психическую природу и условия формирования этих нравственных явлений.

ЭТИКА И СОЦИОЛОГИЯ

(греч. *ēthika* и лат. *societas* — общность, политический союз).— Вопрос о соотношении этих дисциплин возник в связи с выделением во второй половине XIX в. из социальной философии С. как более конкретной общественной науки. До этого предмет Э. обычно понимался расширительно, включая всю область регулирования об-вом человеческого поведения, иногда охватывая даже сферу права. Мн. буржуазными социологами, с одной стороны, предпринимаются попытки полностью свести Э. к С. и объявить философскую Э. ненаучной (Э. Дюркгейм и Л. Леви-Брюль — см. *Аппробативная этика*, К. Маннгейм, В. Парето и У. Самнер — см. *Скептицизм*, Дж. Мид и А. Смолл — см. *Прагматизм*). С др. стороны, мн. философы, представляющие в Э. позиции *формализма* и *иррационализма*, склонны полностью отрывать предмет Э. от С. и считать данные и методы С. не имеющими значения для Э. В этом случае С. рассматривается как наука о причинно обу-

словленном и массово-закономерном в человеческом поведении или как изучение сферы «неподлинного» в бытии человека, области чисто внешних его зависимостей от социальной среды. Сторонники такой т. зр. противопоставляют общественной науке философию морали (*Метаэтика*) или «практическую философию» — изучение мира «уникальных» ценностей (*Интуитивизм*); область иррационального, эмоционально-волевого начала в человеке (*Неопозитивизм*); сферу «подлинного» бытия человека в его «абсолютной свободе» (*Экзистенциализм*). Иначе к вопросу о соотношении Э. и с. подходит марксистская наука, отмечая, что как Э., так и С. изучают социальные механизмы регулирования человеческой деятельности, одним из к-рых является *мораль*. На стыке Э. и с. возникают, с одной стороны, *дескриптивная этика*, а с др. стороны, социология морали, исследующие действие нравственных норм в том или ином об-ве, *нравы* и их отражение в сознании социальных групп и классов. Но поскольку С. изучает лишь массовые действия людей и их закономерности в рамках той или иной социальной системы, индивидуально-исключительные действия (если они не оказывают существенного влияния на массовое поведение в данных условиях) могут рассматриваться ею лишь как отклонения от общего правила, но не с т. зр. их исторического значения. Т. обр., С. морали не полностью охватыва-

ет сферу нравственности. Э. же помимо тех массовых действий, к-рые становятся *обычаем*, исследует индивидуально-исключительные поступки и их мотивы, к-рые по своему существу выходят за рамки данной социальной системы и формации, обретают историческое или нравственное значение для последующих эпох как проявления *подвижничества* и *героизма*, как высшие достижения и образцы человеческой нравственности. Подобные поступки регулируются и мотивируются уже не общепринятыми нормами, а более сложными формами морального сознания — идеалами, понятиями добра, справедливости, совести — и утверждают *образ жизни*, отличный от распространенного в данном об-ве. Такова, напр., коммунистическая нравственность революционеров, борющихся за утверждение нового об-ва в условиях капитализма. Поскольку критерии нравственности выходят за границы существующих в данный момент условий, отражают более широкие законы исторического развития, постольку предмет Э. в этом отношении шире, чем С.; здесь Э. смыкается с областью философии истории. Так, марксистская Э. опирается в своей теории на положения исторического материализма.

ЭТИКА И ЭКОЛОГИЯ (греч. *ethika* и *oikos* — обиталище, местопребывание) — области знания, общие точки соприкосновения к-рых отчетливо выявились в совр.

условиях в связи с глобальным характером воздействия деятельности человека на окружающую среду. Этический аспект обнаруживает не вообще изучение связи организмов со средой, а глобальная экология, рассматривающая крупномасштабные антропогенные изменения биосферы, а также пути ее сохранения и улучшения в интересах человеческого об-ва. Преодоление трудностей во взаимодействии об-ва и природы, возникших с ростом масштабов и интенсивности хозяйственной деятельности человека в период научно-технической революции, наряду с новыми технологическими решениями, социально-экономическими преобразованиями требует также существенного изменения культурно-ценностных ориентаций. Богатство человеческой чувственной природы является выражением и многообразия природных связей, поэтому сохранение среды обитания в ее целостности, забота о растительном и животном мире имеют непосредственное гуманистическое значение. Экологический кризис в решающей мере есть результат узкоутилитарного подхода к миру природы. Поэтому выход из кризиса предполагает выработку такого отношения к окружающей среде, к-рое исходит из общечеловеческих интересов, включая интересы грядущих поколений. Иными словами, решение глобальных экологических проблем, помимо всего прочего, зависит от исходных социально-нравственных позиций.

Так экология подводит к этике. Исторически этика прежде всего имела дело с обязанностями человека по отношению к об-ву, к др. людям и самому себе. Обязанности по отношению к природе оставались вне поля ее зрения. Вместе с тем существовали теории, придававшие морали универсально-космический смысл. Как ответ на совр. экологическую ситуацию на Западе возникает идея преодоления традиционно-гуманистических горизонтов морали и возрождения т. наз. универсальной этики, к-рая не проводит в ценностном отношении разграничения между человеком и др. живыми существами. Универсальная этика противоречит труду как специфическому виду обмена веществ, в ходе к-рого человек преобразует природу и приспособляет ее к своим постоянно возвышающимся потребностям. Кроме того, ее нормативные выводы (типа: не есть мяса и т. п.) остаются лишь наивными, благодушными пожеланиями. Идеи универсальной этики, к-рые в прошлом разрабатывались, как правило, деятелями культуры (Г. Торо, Толстой, Ганди, Швейцер и др.), существовали скорее не в виде развернутой этической концепции, а в форме идеологических установок и социально-психологических настроений, являясь часто превращенной формой критики классового об-ва. В действительности природа, как таковая, лишена нравственно-самоценного значения; универсально-космическая интерпретация мо-

рали не выдерживает критики. Однако цели и интересы общественного человека требуют мобилизации нравственно-эмоционального фактора как одного из важных условий воспроизводства здоровой среды обитания. Ведь без естественно-природного базиса невозможно самоутверждение человека как всесторонне развитой, целостной личности. И поэтому этика включает в себя экологический аспект, но объектом нравственной оценки и регулирования становится не природа сама по себе, а отношение человека к природе, к-рое по сути своей является общественным отношением. Т. обр. нравственность не становится моментом универсума. Она была и остается историческим феноменом. Обосновывая обязанности человека по отношению к природе, этика рассматривает их как продолжение социальных обязанностей человека. Только принципиально гуманистическая ориентация в этике создает такую моральную атмосферу, к-рая позволяет преодолевать экологические трудности на пути поступательного развития об-ва. Поэтому термин «экологическая этика», употребляемый для обозначения одного из формирующихся на Западе направлений в этике, можно принять лишь условно, лишь с учетом того, что отношение человека к природе не лишено ценностного содержания и что Э. и э. как науки в совр. условиях тесно соприкасаются между собой.

ЭТИКЕТ (фр. *étiquette* — ярлык, этикетка) — совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, *манеры* и одежда). Э.— составная часть внешней культуры об-ва (*Культура поведения*). В него входят те ее требования, к-рые приобретают характер строго регламентированного церемониала и в соблюдении к-рых имеет особое значение определенная форма поведения. Хотя Э. в конечном счете выражает содержание тех или иных принципов нравственности, уважения к человеку, в классовом об-ве он, как правило, становится условным *ритуалом*, имеет чисто внешнюю, оторванную от своего нравственного содержания форму, строго канонизированный характер. Он выражается в сложной системе детально разработанных правил учтивости, четко классифицирует правила обхождения с представителями различных классов и сословий, с должностными лицами в соответствии с их рангом (к кому как следует обращаться, кого как должно титуловать), правила поведения в различных кругах (придворный Э., дипломатический Э., Э. «высшего об-ва» и т. д.) В то же время за строгим соблюдением Э. может скрываться недоброжелательное и неуважительное отношение к людям. Он, по существу, часто является узаконенной формой *лицеме-*

рия в повседневных взаимоотношениях людей. На совершенно иной основе строится Э. в социалистическом об-ве, отражая процесс демократизации социальной жизни и установления подлинно гуманных отношений между людьми. Э. здесь значительно упрощается, становится несравненно более свободным и естественным, приобретает смысл повседневного благожелательного и уважительного отношения ко всем людям, безотносительно к их должности и общественному положению. Учтивое обращение с женщиной, почтительное отношение к старшим, формы обращения и приветствия, правила ведения разговора, поведение за столом, обхождение с гостями, выполнение требований, предъявляемых к одежде человека в различных обстоятельствах,— все эти законы приличия воплощают общие представления о *достоинстве* человека, простые требования удобства и непринужденности во взаимоотношениях людей. Внимание к внешней форме проявляется здесь лишь постольку, поскольку в ней отражаются представления о красоте в поведении и внешнем облике человека (*Этическое и эстетическое*). В целом Э. в условиях социализма совпадает с общими требованиями *вежливости*; в его основе лежат в конечном счете принципы социалистического гуманизма. Что же касается ритуальных форм Э., то они сохраняются в осн. лишь в сфере дипломатических отношений (соблю-

дение т. наз. дипломатического протокола). Но и они отражают принципиально новое во взаимоотношениях людей — предусматривают равноправное обращение с представителями разных стран.

ЭТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ — буржуазно-либеральная концепция, согласно к-рой сущностью социализма являются не политические и социально-экономические отношения, а нравственные ценности. Осн. идеи Э. с. были впервые сформулированы на рубеже XIX—XX вв. в работах неокантианцев марбургской школы — Г. Когена, П. Наторпа, Р. Штамлера, К. Форлендера, а также П. Нельсона и др., пытавшихся подменить (или дополнить) теорию научного социализма принципами идеалистической этики. Подчеркивая, что социализм — это сфера должного, царство целей, они заменяли материалистическое понимание истории кантовской теорией практического разума. По их мнению, одной из формул *категорического императива* (к-рая гласит, что человек должен относиться к человечеству и в своем лице, и в лице всякого др. всегда как к цели и никогда только как к средству) Кант якобы впервые этически обосновал социалистическую идею солидарности и уважения достоинства каждой личности. Наиболее существенные недостатки этики Канта — абстрактность и формализм — оборачиваются для неокантианцев ее достоинствами, якобы способствуя выработке эти-

ческого идеала, пригодного для каждого человека независимо от его материальных и социально-классовых интересов. Этика, по их мнению, должна быть «социальной педагогикой», помогающей устранять классовые конфликты и солидаризировать об-во. Теория классовой борьбы и социальной революции, диктатура пролетариата, диалектика как учение о противоречиях теряют смысл и делаются с этой т. зр. просто ненужными. Э. с. оказал большое воздействие на теоретиков нем. и австр. социал-демократии, и прежде всего на Э. Бернштейна, сформулировавшего реформистский тезис о том, что стремление пролетариата к его конечной цели — второстепенный вопрос по сравнению со стремлением к целям ближайшим. Идеи Э. с. культивируются ныне право-социалистическими идеологами. По-прежнему рассматривая социализм гл. обр. как нравственное мирозерцание, они основывают его уже не только на кантовской философии, но и на ценностях христианской этики, философско-идеалистической антропологии и т. п. Так же как и неокантианцы, они неоправданно обвиняют революционный марксизм в пренебрежении морально-гуманистическими аспектами социализма, отстаивают принцип межклассовой солидарности, отдают решительное предпочтение духовно-нравственным ценностям перед социально-экономическими преобразованиями, акцентируя на постепенных, эволюцион-

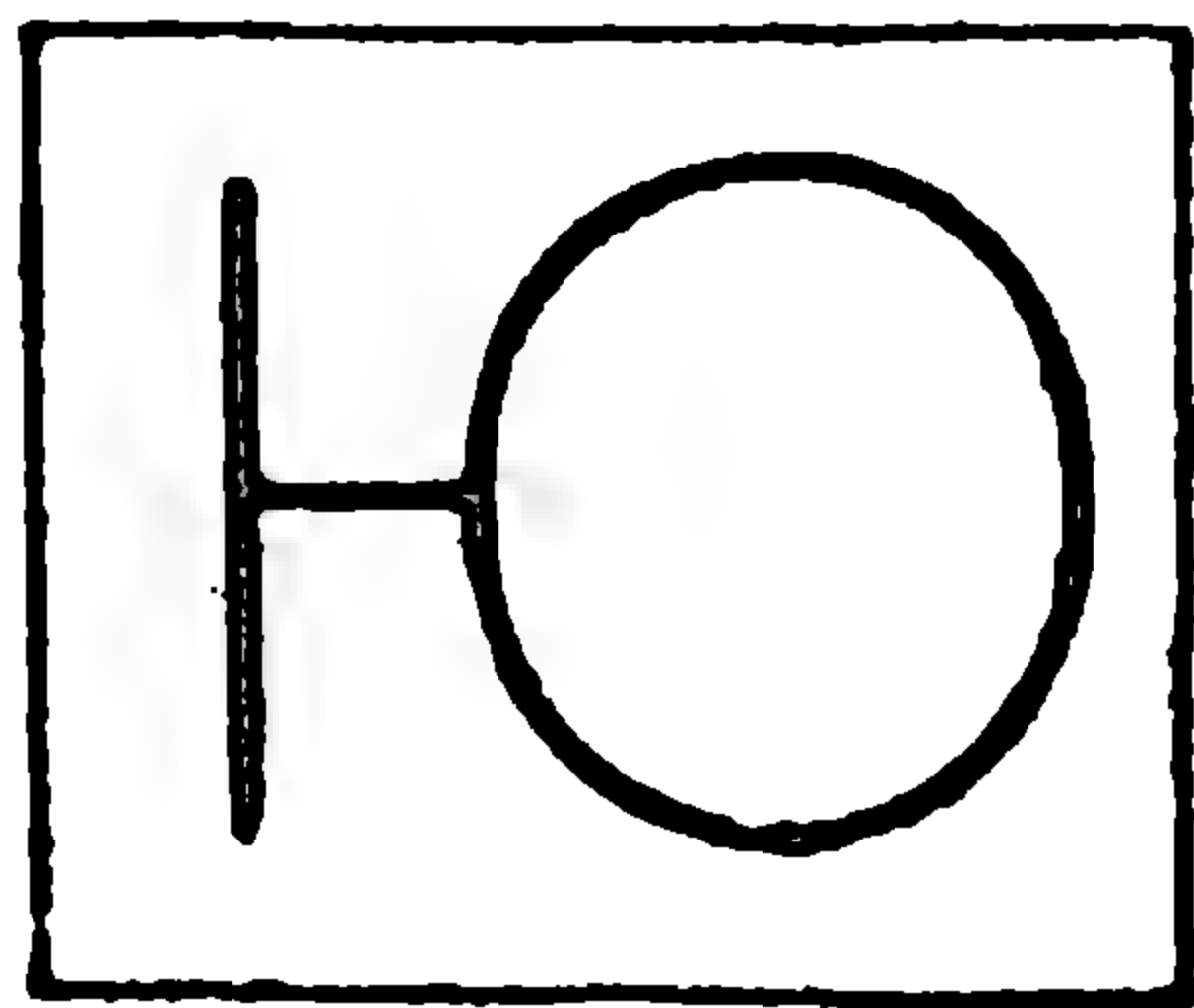
ных изменениях об-ва в условиях хорошо функционирующего и «оправдавшего себя» рыночного хозяйства, т. е. в условиях сохранения частной собственности. Отсюда и их вывод совсем в духе Бернштейна: «Демократический социализм не имеет конечной цели, его следует понимать как постоянную задачу».

ЭТИЧЕСКОЕ И ЭСТЕТИЧЕСКОЕ.— Любое общественное явление, *поступок* или *мотив* человеческой деятельности обладают одновременно эстетическим и этическим значением (*ценностью*) и могут быть оценены, с одной стороны, как прекрасное или безобразное, с др. стороны, как *добро* или *зло*. При этом издавна в общественном и индивидуальном сознании нравственное и прекрасное мыслятся как некое органическое единство, фиксируемое даже словесно (напр., древнегреч. понятие «калокагатия» означает одновременно и «доброе» и «прекрасное», а понятие «прекрасное» в рус. эпосе и сказках применяется для обозначения физического совершенства, душевной силы и нравственной чистоты). Такое взаимопроникновение двух относительно самостоятельных понятий отражает важнейшую ценностную установку, выработанную исторически развивающимся общественным сознанием: с гуманистической т. зр. прекрасным является то, что нравственно, морально, что возвышает и облагораживает человека, а нравственное не может быть признано

морально-добрым, если оно внутренне не связано с прекрасным. Именно внутреннее родство, сущностное единство этической и эстетической сфер обусловили смысловую специфику понятий «возвышенное», «низменное», «героическое» и др., где этическая и эстетическая оценки явления или поступка выступают нераздельно, слитно. Диалектика взаимоотношений Э. и э., однако, не исчерпывается их единством. В конкретно-историческом контексте имеют место весьма сложные и нередко глубоко противоречивые отношения между этими сферами. Факты конфликта между Э. и э. в условиях классово антагонистического об-ва послужили причиной возникновения теорий и концепций, где данные сферы неправомерно противопоставляются друг другу как якобы изначально чуждые, несоединимые формы человеческой жизнедеятельности. Марксистско-ленинская наука, отвергая эти концепции и выводы, рассматривает противоречия между Э. и э. в реальной действительности как следствие уродливых социальных условий (напр., в буржуазном об-ве добро и красота часто исключают друг друга либо оказываются в противоестественном сочетании, когда порок, безнравственность претендуют на положительное эстетическое значение, а красота утрачивает нравственное начало) или одностороннего развития и воспитания личности, в силу чего стремление к красоте или соблю-

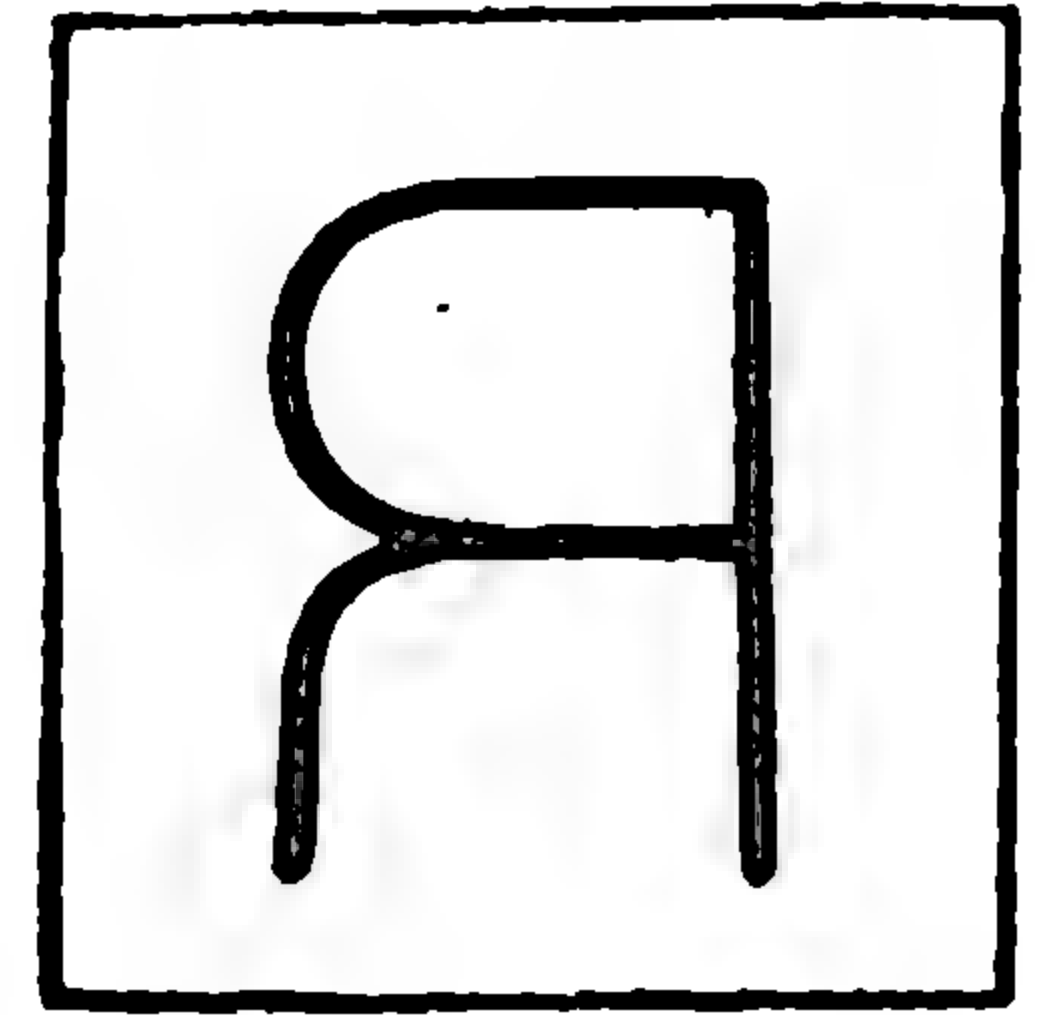
дение общепринятых норм морали носит чисто внешний, «показной» характер. Многообразие конкретных случаев несовпадения Э. и э., как правило, является результатом нарушения гармонии в отношениях между реальным и идеальным, природным и духовным, внутренним и внешним в самой человеческой жизнедеятельности. В сфере поведения личности и отношений между людьми это выражается, в частности, в недооценке «формы» *поступка* или *общения*, к-рая может быть вежливой или грубой (*Вежливость, Грубость*), изящной или вульгарной, либо, напротив, в пренебрежении «содержательной» стороной поведения и общения, что наиболее наглядно проявляется в «чистых» формах Э. и э. (*этикет, мода*). Э. и э. вступают в конфликт и в тех случаях, когда человеку нравится, доставляет наслаждение то, что в нравственном смысле ущербно или аморально (напр., положительное восприятие тех образцов т. наз. массовой культуры, в к-рых эстетизируются насилие, жестокость, сексуальная патология и пр.). В реальной жизни порок, пошлость, духовная нищета и ограниченность

нередко маскируют свою подлинную сущность внешней красотой формы, манер, слов. Поэтому отличие подлинной красоты от красоты мнимой выявляется через ее отношение к добру, т. е. через установление ее собственно человеческого содержания. Нравственная оценка события, факта или поступка органически входит в состав и структуру эстетической характеристики любого социального явления. Т. обр., в человеке, взятом в его многообразных связях с конкретно-исторической социальной действительностью, Э. и э. выступают сторонами единого целого. Именно в самом человеке и следует искать поэтому реальную основу как «согласия», так и «разногласия» в отношениях Э. и э. Преодоление противоречий, искажающих смысл Э. и э., возможно лишь на основе практического осуществления коммунистического идеала, ставящего своей целью создание всех необходимых условий для *всестороннего, целостного развития личности*. Важная роль в раскрытии реальной диалектики Э. и э. принадлежит искусству, к-рое А. И. Герцен назвал «эстетической школой нравственности».

ЮМ (Hume) Давид (1711—76) — англ. философ, представитель теории *нравственного чувства*. Вслед за *Шефтсбери*, *Хатчесоном* Ю. выводит нравственность из присущих человеку чувств, к-рые, с его т. зр., носят одновременно гедонистически-утилитаристский и альтруистический характер. Различие добродетели и порока Ю. связывает с различием между чувствами удовольствия и не-удовольствия, между полезным и вредным для индивида. Полезное выступает как устойчивое удовольствие, застрахованное от неожиданных и сильных страданий. Но людям присущ еще социальный инстинкт, симпатия. Человек способен по законам ассоциации заражаться состояниями др. индивидов: счастье др. вызывает в нем приятные переживания, а несчастья — неприятные эмоции. С механизмом симпатических чувств Ю. связывает торжество морального добра, социальную гармонию, счастье человечества. В отличие от теорий, изображавших человека односторонне (лишь как эгоисти-

ческое или, напротив, альтруистическое существо), психология морали Ю. более конкретна. Он стремился придать этике дескриптивный характер (*Дескриптивная этика*), ориентировал ее на изучение фактов моральной жизни, предупреждал от религиозно-схоластического доктринерства. Однако такое толкование этики связано у Ю. с представлением о субъективности и случайности морального опыта, т. е. имеет не только антиморалистический, но и антитеоретический смысл. Ю. высказал мысль о неправомерности совершаемого в этике перехода от обычной связки, употребляемой в предложениях (есть или не есть), к связке иного рода — должно или не должно. К этому высказыванию апеллировал *неопозитивизм*, обосновывая разрыв между фактами и ценностями. По классовой сущности этика Ю. буржуазная. Осн. этические соч.: «Трактат о человеческой природе» (1739—40), «Моральные и политические эссе» (1741), «Исследование принципов морали» (1751).

ЯЗЫК МОРАЛЬНЫЙ.— Разрешая моральные проблемы, обосновывая свои нравственные требования, нормы, оценки, доказывая или опровергая те или иные положения при столкновении различных т. зр. по вопросам морали, люди используют в общем одни и те же понятия, несмотря на различие их идейных позиций, а в связи с этим часто и того содержания, к-рое они в эти понятия вкладывают (*Общечеловеческое и классовое в нравственности*), употребляют определенные приемы и способы рассуждения. Этот логический аппарат рассуждения и составляет Я. м. Простейшими элементами Я. м. являются моральные суждения и термины. Моральные суждения бывают предписательные («Люди должны говорить правду», «Человек не должен быть эгоистом») и оценочные («Честность есть добро», «Воровство есть зло»). Моральные термины («добро», «зло», «должен») выполняют здесь роль логических сказуемых (т. наз. предикатов). Существуют также дефинитивные суждения, в к-рых дается определение к.-л. морального термина

(напр., «Добро есть то, что отвечает интересам человека и общества»), где моральный термин является подлежащим (субъектом суждения). Любая форма морального сознания или отдельный акт его деятельности могут быть выражены с помощью соответствующих суждений. Напр., при оценке определенного поступка употребляется оценочное суждение: «Это действие — благодеяние (или злодеяние)». Высказывая нравственное требование др. человеку, люди используют предписательное суждение, в к-ром выражается то, что данный человек должен сделать (напр., «Ты должен помочь своему другу»). К дефинитивным суждениям обычно прибегают, когда необходимо уяснить смысл того или иного нравственного понятия (что такое добро, что такое долг). При помощи соответствующих суждений выражаются моральные нормы, принципы, идеалы. Часто убеждения и мотивы людей выступают в их психике в эмоциональной форме. Но и смысл наших чувств можно также выразить в соответствующих суждениях. Напр., испытываемое че-

ловеком чувство долга можно выразить суждением: «Я должен выполнить данное мной обещание», а угрызения совести — оценочно-предписательным суждением: «То, что я совершил, дурно; я не должен был так поступать». Т. обр., необходимо отличать психологическую и речевую форму, в к-рой непосредственно выступает тот или иной акт морального сознания, от его логической формы, в к-рой наиболее точно выражается его смысловое содержание. В повседневной деятельности обыденного морального сознания логические формы Я. м. используются часто стихийно, неосознанно и причудливо переплетаются с эмоциональными формами. В своем чистом виде Я. м. представляет собой логическое выражение нравственного мышления, законы к-рого и выясняет этика путем исследования Я. м. Теоретики *неопозитивизма* пытаются исследовать Я. м. двумя путями. Одни ограничиваются простым описанием того, как обычно рассуждает человек в житейской ситуации, т. е. отождествляют *логику морального языка* с внешней формой выражения мысли. В результате они некритически воспроизводят в своей теории приемы обыденного мышления, вместо того чтобы дать людям научно проверенный метод. Др., напротив, пытаются подменить анализ Я. м. со всеми его особенностями простой формальной или математической и символической логикой, а также постро-

ить чисто дедуктивную систему понятий нравственности (*Рационализм*). Оба эти подхода к анализу Я. м. научно несостоятельны. Марксистская этика исследует Я. м., исходя из анализа моральных *отношений* и природы нравственных *требований*, специфика и формы к-рых и определяют структуру как морального сознания, так и его языка.

ЯРОСЛАВСКИЙ Емельян Михайлович (1878—1943) — советский историк и публицист, пропагандист марксистско-ленинской теории и этики. Я. разоблачал претензии церковников представить религию хранительницей общечеловеческих нравственных устоев, показывал классовый характер религиозной морали, освящающей несправедливую сущность эксплуататорского об-ва. Значительное внимание Я. уделял исследованию путей формирования коммунистической нравственности, разработке принципов партийной этики. Я. считал, что партии нет необходимости осуществлять мелочную опеку над жизнью коммунистов, но она «вправе требовать, чтобы коммунист как в общественной жизни, так и в личном быту был образцом для всего рабочего класса, для всех трудящихся». В связи с этим Я. призывал непримиримо относиться к карьеризму, клочничество, к попыткам корыстного использования своего служебного положения. «Партия борется против излишеств в быту, когда коммунисты живут не по

средствам, когда они позволяют себе роскошь, отталкивающую массы, вырывающую пропасть между ними и рабочим классом», — писал он. В статьях, посвященных вопросам нравственного воспитания молодежи, Я. отстаивал принцип преемственности в развитии революционной морали, критиковал вульгаризаторские «левацкие» теории, использовавшиеся для теоретического оправдания половой распущенности. Он писал, что моральный *нигилизм*, выступавший в 20-х годах под флагом борьбы против мещанской культуры (*Мещанство*), «ничего общего не имеет с задачами пролетарской культуры, с задачами строительства нового быта, является иногда возведением нашей беды, наших недостатков в добродетель». Мн. выступления Я. затрагивают проблемы пролетарского *интернационализма* — одного из коренных принципов социалистической морали. Широкий отклик в 30-х годах и в период Великой Отечественной войны получили его работы, посвященные разоблачению расистской человеконенавистнической идеологии фашизма. Осн. этические статьи: «О партэтике» (1925), «Мораль и быт пролетариата в переходный период» (1926).

ЯСПЕРС (Jaspers) Карл (1883—1969) — ведущий представитель нем. *экзистенциализма*. Я. считал специфической задачей философии решение моральных проблем. Философия, по его мнению,

призвана не формулировать систему знаний о человеке и окружающем его мире, а отыскать средства «спасения», помочь человеку в век господства техники, стандартизации, регламентации общественной жизни остаться самим собой (сохранить свою «самость»). В своем подлинном бытии (экзистенции) человек нечто большее, чем простой продукт природы и истории. Он представляет собой целостное, неповторимое в своей самобытности существо, внутренней сущностью к-рого является свобода. Бытие раскрывается перед человеком во всей подлинности в минуты особого «экзистенциального озарения», в критических («пограничных») ситуациях, требующих напряжения всех его сил (борьба, болезнь, страдание, *вина*, *страх*, *смерть*). Именно в эти мгновения индивид освобождается от суетности, повседневности внешнего существования, в к-рое он погружен, будучи членом той или иной общественной организации, к.-л. коллективного целого, и обращается к своему внутреннему миру. По отношению к этому миру и имеет смысл понятие свободы, к-рая проявляется в решимости человека выбирать определенную линию поведения в конкретных ситуациях. Отвлекаясь от всякой необходимости (будь то законы природы или морального долженствования), человек должен остаться верным самому себе, быть искренним, следовать своим переживаниям, настроениям, склонностям. Мораль-

ный выбор, по Я., осуществляется в виде «прыжка в неизвестное», т. е. бессознательно, иррационально. Поэтому поведение человека не может быть оценено с т. зр. общих принципов морали. За свои поступки человек ответствен только перед самим собой и в своем внутреннем опыте является творцом всех нравственных ценностей. Пытаясь уйти от этического *релятивизма*, Я. выдвигает понятия коммуникации и трансценденции. В акте коммуникации (к-рый не имеет ничего общего с установлением действительных социальных связей) Я. видит абстрактное эмоционально-духовное общение между индивидами, благодаря к-рому человеческое «Я» становится самим собой через свое отражение в др., во взаимодействии с ним. Личность, с т. зр. Я., утверждается также в отношении к божественному абсолюту, к «абсолютному

пределу» бытия и мышления (трансценденции). Только будучи соотнесено с трансценденцией, имеет место и человеческое бытие (экзистенция). Однако экзистенция, выходя за свои пределы (трансцендируя) и обращаясь к абсолюту, не в состоянии его познать. Весь мир предстает перед человеком как своеобразная шифрограмма трансцендентного, к чтению к-рой способны лишь избранные. Только они и могут овладеть своей внутренней сущностью, сохранить человеческое достоинство, преодолеть узость будничного обезличенного существования. Последнее является уделом массы, толпы. Осн. соч.: «Духовная ситуация эпохи» (1931), «Философия» (1932), «Разум и существование» (1935), «Философия существования» (1938), «Проблемы вины» (1946), «Введение в философию» (1950).

ТЕМАТИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ ОСНОВНЫХ СТАТЕЙ СЛОВАРЯ

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТИКИ

Истина и нравственность — 110

Мораль — 182

Буржуазная мораль — 32

Деятельность (моральная) — 71

Качества моральные — 123

Коммунистическая нравственность — 128

Конфликт моральный — 137

Критерий нравственности — 141

Общечеловеческое и классовое в нравственности — 222

Отношения моральные — 236

Принципы (моральные) — 269

Причинность (в морали) — 270

Прогресс нравственный — 272

Равенство (в морали) — 278

Свобода воли — 298

Свобода нравственная — 300

Сознание (моральное) — 313

Суждение моральное — 330

Требование (моральное) — 341

Намерения и дела — 200

Деяние — 71

Единство слова и дела — 86

Мотив — 196

Намерение — 199

Цели и средства — 373

Действие (моральное) — 66

Иезуитизм — 98

Макиавеллизм — 167

Цель — 374

Человек и общество — 379

Всестороннее, целостное развитие личности — 45

Жизненная позиция — 88

Индивидуализм — 100

Коллективизм — 127

Конформизм — 138

Личность и коллектив — 157

Образ жизни — 217

Общение — 219

Отчуждение — 238

Этика — 408

Аксиология (этическая) — 9

Буржуазная этика — 34

Деонтология — 69

Дескриптивная этика — 70

Категории этики — 119

Логика морального языка — 159

Метаэтика — 176

Нормативная этика — 212

Язык моральный — 421

ОСНОВНЫЕ СФЕРЫ МОРАЛИ

Быта нравственность — 36

Брачно-семейная мораль — 28

Отношение к женщине — 231

Культура поведения — 144

Вежливость — 38

Грубость — 62

Манеры — 169

Мода — 179

Общение — 219

Отклоняющееся (или девиантное) поведение — 230

Этикет — 416

Отношение к природе — 232

Труда нравственность — 343

Отношение к собственности — 233

Отношение к труду — 235
 Профессиональная этика — 274
 Трудовое воспитание — 345

ОСНОВНЫЕ СТОРОНЫ МОРАЛИ

Деятельность (моральная) — 71

Выбор моральный — 47
 Нравы — 216
 Образ жизни — 217
 Обычай — 224

Поведение (моральное) — 253

Отклоняющееся (или девиантное) поведение — 230

Поступок — 257

Выбор моральный — 47
 Действие (моральное) — 66
 Деяние — 71
 Конфликт моральный — 137
 Мотив — 196
 Намерение — 199
 Намерения и дела — 200
 Побуждение — 252
 Последствия — 257
 Решение моральное — 285
 Цель — 374

Типы поступков

Благодеяние — 27
 Злодеяние — 93
 Искушение — 110
 Месть — 176
 Подвиг — 254
 Подвижничество — 254
 Потребительство — 258
 Предательство — 265
 Преступление — 266
 Проступок — 273
 Самоотверженность — 292

Активность (общественная) — 10

Героизм — 56
 Жизненная позиция — 88
 Инициатива — 101
 Подвиг — 254
 Подвижничество — 254
 Почин — 260
 Пример — 267
 Самодеятельность и творчество (в морали) — 290

Отношения моральные — 236

Дисциплина — 72

Авторитет — 8
 Бенефициарий — 22
 Благодарность — 27
 Воздаяние — 42
 Доверие — 77
 Единство слова и дела — 86
 Критика и самокритика — 141
 Норма (моральная) — 211
 Нравы — 216
 Общественное мнение — 220
 Обычай — 224
 Обычное право — 225
 Обязанность (моральная) — 226
 Обязательство — 226
 Поощрение и наказание — 257
 Привычки — 267
 Пример — 267
 Ритуал — 286
 Санкция (моральная) — 296
 Табу — 333
 Традиция — 341
 Требование (моральное) — 341
 Убеждение и принуждение — 350

Личность (моральная) — 157

Вина — 41
 Грех — 61
 Долг — 78
 Достоинство — 81
 Искания нравственные — 108
 Культура чувств — 145
 Навыки — 199
 Нравственная культура личности — 213
 Ответственность (нравственная) — 229
 Пережитки (моральные) — 244
 Правота — 263
 Привычки — 267
 Раскаяние — 279
 Репутация — 284
 Самовоспитание — 289
 Самоконтроль — 291
 Самооценка — 293
 Самосознание (нравственное) — 295
 Склонности (моральные) — 306
 Совесть — 312
 Стил жизни — 326
 Стыд — 329
 Убеждение — 350
 Характер моральный — 371
 Честь — 384
 Чувства (моральные) — 386
 Эмоции — 402

Личность и общество

Взаимопомощь — 40
Дисциплина — 72
Дружба — 83
Жизненная позиция — 88
Индивидуализм — 100
Интерес — 102
Коллективизм — 127
Конформизм — 138
Критика и самокритика — 141
Личность и коллектив — 157
Образ жизни — 217
Общение — 219
Отклоняющееся (или девиантное) поведение — 230
Репутация — 284
Солидарность — 317
Соревнование — 319
Товарищество — 338
Филантропия — 360
Эгоизм — 396

Сознание (моральное) — 313**Общественное сознание**

Добро — 73
Заповедь — 91
Зло — 91
Идеал — 94
Качества моральные — 123
Кодекс (моральный) — 125
Норма (моральная) — 211
Оценка (моральная) — 240
Принципы (моральные) — 269
Смерть — 308
Смысл жизни — 311
Справедливость — 324

Самосознание (нравственное) — 295

Достоинство — 81
Разум нравственный — 278
Самооценка — 293
Склонности (моральные) — 306
Совесть — 312
Убеждение — 350
Убежденность — 352
Чувства (моральные) — 386
Эмоции — 402

Ценностно-нормативные понятия

Благо — 26
Добро — 73
Добродетель — 75
Зло — 91

Смерть — 308
Смысл жизни — 311
Справедливость — 324
Счастье — 331
Ценности (моральные) — 374

Моральные принципы*а) Методологические*

Авторитаризм — 7
Апатия — 12
Атараксия — 17
Волюнтаризм — 43
Догматизм (моральный) — 77
Иезуитизм — 98
Квиетизм — 124
Конформизм — 138
Легализм — 151
Морализирование — 181
Нигилизм (моральный) — 209
Пробабилизм — 271
Равенство (в морали) — 278
Ригоризм — 285
Скептицизм — 304
Фанатизм — 355
Фарисейство — 355
Фетишизм — 358
Формализм — 363

б) Мировоззренческие

Гуманизм — 62
Индивидуализм — 100
Интернационализм — 104
Коллективизм — 127
Мелиоризм — 175
Оптимизм — 227
Патриотизм — 243
Пессимизм — 245
Фатализм — 356
Человеконенавистничество — 380

в) Собственно нравственные

Альтуризм — 10
Аморализм — 11
Аскетизм — 15
Гедонизм — 54
Иезуитизм — 98
Квиетизм — 124
Макнавеллизм — 167
Нигилизм (моральный) — 209
Подвижничество — 254
Пуританство — 276
Ригоризм — 285
Самоотверженность — 292
Стоицизм — 327

Требовательность — 342
 Утилитаризм — 354
 Цинизм — 376
 Эгоизм — 396
 Эпикуреизм — 406

Моральные качества

а) Идеино-общественные качества

Активность (общественная) — 10
 Бдительность революционная — 19
 Демагогия — 66
 Жизненная позиция — 88
 Зазнайство — 90
 Идеинность — 97
 Косность — 140
 Мещанство — 177
 Пошлость — 260
 Принципиальность — 268
 Самоотверженность — 292
 Сознательность — 315
 Цинизм — 376
 Чванство — 378
 Чувство нового — 387

б) Характеристики честности человека

Верность — 39
 Вероломство — 39
 Демагогия — 66
 Измена — 99
 Искренность — 109
 Клевета — 125
 Лицемерие — 156
 Правдивость — 261
 Предательство — 265
 Фарисейство — 355
 Ханжество — 370
 Честность — 383

в) Отношение к себе и другим людям

Благородство — 28
 Вежливость — 38
 Великодушие — 38
 Верность — 39
 Высокомерие — 48
 Гордость — 60
 Грубость — 62
 Доверие — 77
 Зависть — 90
 Зазнайство — 90
 Пуританство — 276
 Ревность — 281
 Ригоризм — 285
 Самолюбие — 291
 Скромность — 306
 Смирение — 310

Сочувствие — 321
 Терпимость — 337
 Требовательность — 342
 Тщеславие — 348
 Уважение — 353
 Филантропия — 360
 Ханжество — 370
 Цинизм — 376
 Чванство — 378
 Человечность — 381
 Честолюбие — 384
 Чуткость — 388
 Эгоизм — 396

г) Отношение к труду и собственности

Бережливость — 25
 Карьеризм — 119
 Корыстолюбие — 139
 Потребительство — 258
 Скупость — 307
 Трудолюбие — 346
 Тунеядство — 347
 Тщеславие — 348
 Честолюбие — 384

д) Волевые качества

Выдержка — 48
 Малодушие — 168
 Мужество — 197
 Самообладание — 292
 Смелость — 307
 Трусость — 346

е) Моральные чувства

Гордость — 60
 Зависть — 90
 Любовь — 162
 Ненависть — 202
 Ревность — 281
 Самолюбие — 291
 Сочувствие — 321
 Страх — 328
 Стыд — 329
 Тщеславие — 348
 Честолюбие — 384

СООТНОШЕНИЕ МОРАЛИ И ЭТИКИ С ДРУГИМИ ФОРМАМИ ОБЩЕСТ- ВЕННОГО СОЗНАНИЯ

Воспитание нравственное — 43
 Истина и нравственность — 110
 Коммунистическое воспитание — 132
 Мораль и искусство — 186
 Мораль и наука — 188

Мораль и политика — 190
 Мораль и право — 192
 Мораль и религия — 193
 Этика и педагогика — 410
 Этика и психология — 411
 Этика и социология — 413
 Этика и экология — 414
 Этическое и эстетическое — 418

ПРОБЛЕМЫ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ НРАВСТВЕННОСТИ

Активность (общественная) — 10

Героизм — 56
 Жизненная позиция — 88
 Инициатива — 101
 Критика и самокритика — 141
 Личность и коллектив — 157
 Образ жизни — 217
 Подвиг — 254
 Подвижничество — 254
 Почин — 260
 Пример — 267
 Самодетельность и творчество (в мо-
 рали) — 290
 Самоотверженность — 292
 Соревнование — 319
 Чувство нового — 387

Коммунистическая мораль и ее прин- ципы

Бдительность революционная — 19
 Взаимопомощь — 40
 Гуманизм — 62
 Доверие — 77
 Единство слова и дела — 86
 Идеал — 94
 Идейность — 97
 Интернационализм — 104
 Коллективизм — 127
 Коммунистическая нравственность — 128
 Оптимизм — 227
 Патриотизм — 243
 Правила социалистического общежи-
 тия — 262
 Принципиальность — 268
 Сознательность — 315
 Солидарность — 317
 Терпимость — 337
 Требовательность — 342
 Убежденность — 352
 Уважение — 353
 Человечность — 381

Коммунистическое воспитание — 132

Воспитание нравственное — 43
 Всестороннее, целостное развитие лич-
 ности — 45
 Жизненная позиция — 88
 Комплексный подход к воспитанию —
 133
 Нравственная культура личности — 213
 Отклоняющееся (или девиантное) пове-
 дение — 230
 Пережитки (моральные) — 244
 Самовоспитание — 289
 Трудовое воспитание — 345

Человек и общество — 379

Всестороннее, целостное развитие лич-
 ности — 45
 Дисциплина — 72
 Жизненная позиция — 88
 Коллективизм — 127
 Личность и коллектив — 157
 Образ жизни — 217
 Общение — 219
 Ответственность (нравственная) — 229
 Солидарность — 317
 Товарищество — 338

НРАВСТВЕННЫЕ УЧЕНИЯ, ЭТИЧЕ- СКИЕ ТЕОРИИ И НАПРАВЛЕНИЯ

Типы этических теорий

Абсолютизм (этический) — 3
 Автономная этика — 6
 Авторитаризм — 7
 Волюнтаризм — 43
 Гедонизм — 54
 Иррационализм — 107
 Консеквенциальная этика — 135
 Контекстуальная этика — 136
 Натурализм — 201
 Рационализм (этический) — 279
 Реализм (этический) — 283
 Скептицизм — 304
 «Телеологическая этика» — 336
 Формализм — 333
 Эвдемонизм — 394

Буржуазные этические теории и на- правления

Аппробативные теории — 12
 Аффективно-волевые теории моральной
 ценности — 18
 Буржуазная этика — 34
 «Гуманистическая» этика — 64

Интереса теория — 103
Интуитивизм — 105
Категорический императив — 121
Космической телеологии этика — 139
Либеральное христианство — 155
Моральной доброты теория — 195
Неопозитивизм — 203
Неопротестантизм — 205
Неотомизм — 206
Неофрейдизм — 207
Нравственного чувства теории — 214
Прагматизм — 264
Самореализации этика — 294
Символическая теория ценностей — 303
Утилитаризм — 354
«Фелицитология» — 358
Фрейдизм — 364
Эволюционная этика — 395
Эгоизма теории — 397
Экзистенциализм — 398
Экологическая этика — 400
Этический социализм — 417

РЕЛИГИОЗНАЯ МОРАЛЬ И ЭТИКА

Мораль и религия — 193
Религиозная мораль — 281
Смерть — 308

Принципы религиозной морали

Аскетизм — 15
Вина (виновность) — 41
Воздаяние — 42
Грех — 61
Искупление — 110
Квиетизм — 124
Раскаяние — 279
Смирение — 310
Страх — 328
Терпимость — 337
Фанатизм — 355
Фарисейство — 355
Фатализм — 356

Религиозные нравственные учения и этические теории

Буддизм — 31
Дзэн — 68
Ислам — 109
Йога — 113
Либеральное христианство — 155
Неопротестантизм — 205
Нравственное богословие — 215
«Социальная этика» — 320
Суфизм — 330
Теодицея — 336
Теонимная этика — 337
Эсхатология — 407

СПИСОК АВТОРОВ

Адо Л. В., Андриевская М. И., Архангельский Л. М., Асмус В. Ф., Афасижев М. Н., Бакштановский В. И., Балакина И. Ф., Баранов А. В., Батищев Г. С., Безчеревных Э. В., Белов А. В., Белякова Г. И., Бербешкина З. А., Блинников Л. В., Боголюбова А. С., Болдырев Н. И., Болдырева К. Н., Бородай Ю. М., Володин А. И., Голодко А. И., Гринберг Л. Г., Гумницкий Г. Н., Гусейнов А. А., Демидова А. И., Долгов К. М., Дробницкий О. Г., Еремеев Б. И., Застенкер Н. Е., Иванов В. Г., Иконникова С. Н., Карпушин В. А., Киселев В. П., Киссель М. А., Кобляков В. П., Кон И. С., Кондаков С. В., Кочетов А. Н., Красулина О. К., Кузьмина Т. А., Лейбин В. М., Лейман И. И., Литман А. Д., Лошкарев Е. П., Макаровский А. А., Марков В. С., Медведева Р. К., Мельвиль Ю. К., Метревели С. М., Михайлова Л. П., Морозова И. С., Никоненко С. С., Новиков А. В., Овчинников В. С., Пантин И. К., Пасика В. М., Платонов К. К., Поляков А. П., Рашковский Е. Б., Роговин В. З., Сидоров М. М., Синютин В. И., Согомонов Ю. В., Соколов Э. В., Степанян Н. С., Судариков А. А., Тавризян Г. М., Титаренко А. И., Толстых В. И., Трубников Н. Н., Федорина Д. В., Харчев А. Г., Холостова Т. В., Шаров А. Я., Шахназаров Г. Х., Шварцман К. А., Яблоков И. Н., Якобсон П. Я., Якселев Б. Д., Якубсон Я. Г.

**Словарь по этике / Под ред. И. С. Кона.— 4-е изд.—
С48 М.: Политиздат, 1981.— 430 с.**

Статьи словаря раскрывают основные понятия и положения марксистско-ленинской этики, сущность и принципы коммунистической нравственности и коммунистического воспитания, характеризуют важнейшие моменты истории этической мысли, взгляды мыслителей прошлого и современности. Четвертое издание словаря доработано, в него включены новые термины, в том числе по проблематике, затронутой в партийных документах последних лет, материал статей обновлен, уточнен и приведен в соответствие с современным уровнем развития этической науки.

С 10507—198
079(02)—81 133—81 0302050000

87.7
1МН7

Заведующая редакцией Р. К. Медведева

Редактор М. А. Лебедева

Младшие редакторы Ж. П. Крючкова и Е. С. Молчанова

Художественный редактор Г. Ф. Семиреченко

Технический редактор Е. Ф. Леонова

ИБ № 2956

Сдано в набор 04.03.81. Подписано в печать 19.06.81. А00112. Формат 70 × 108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать высокая. Условн. печ. л. 18,9. Учетно-изд. л. 27,44. Тираж 400 000 (200 001—400 000) экз. Заказ № 1384. Цена в тканевом переплете 1 р. 70 к., в бумажном переплете 1 р. 60 к.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий». 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

